Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»

На правах рукописи

Бадиков Роман Андреевич

Военно-управленческая деятельность Г.Х. Эйхе в период Гражданской войны на востоке России (1918-1921 гг.)

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, доцент
Волков Евгений Владимирович

Челябинск – 2017

Содержание

Введение 2

Глава 1. Г.Х. Эйхе: становление военного специалиста (1893-1918 гг.)..... 43

§ 1. Формирование личности и истоки служебной карьеры 43

§ 2. Вступление в РККА. Начальный этап службы в статусе краскома..... 86

Глава 2. Деятельность Г.Х. Эйхе в 26-й стрелковой дивизии 5-й армии РККА: операции в Поволжье, на Урале, в Западной Сибири (1918-1919 гг.) 110

§ 1. Опыт управления 3-й бригадой дивизии 110

§ 2. Управленческая работа Г.Х. Эйхе в ранге начальника дивизии..... 159

Глава 3. Г.Х. Эйхе во главе оперативных объединений сил РККА: операции в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке (1919-1921 гг.) 222

§ 1. Преемник М.Н. Тухачевского. Перипетии служебной деятельности Г.Х. Эйхе в должности командующего 5-й армией РККА 222

§ 2. Первый Главнокомандующий Дальневосточной республики. Г.Х. Эйхе – организатор военного строительства в «буферном» государстве 270

Заключение..... 352

Список использованных источников и литературы 375

Приложение..... 403

Введение

Актуальность темы исследования

Исследование феномена личности и сферы индивидуального опыта в контексте истории Гражданской войны в России (1917-1922 гг.) является одним из перспективных направлений новейшей российской историографии, ее потенциальной «точкой роста», но вместе с тем крайне специфической, проблемной категорией ее поисков. Наибольшие сложности в этом смысле таит в себе сегмент реконструкции персональной деятельности членов большевистских элит – представителей военных и политических кругов Советской России в период войны. Бывшие в фокусе пристального внимания академической среды еще в недавнем прошлом, историко-биографические исследования указанного сегмента вступили в 1990-е гг. в полосу кризиса, будучи отброшенными на периферию интересов российского научного сообщества. Годы относительного забвения и упадка соответствующей проблематики, отягощенной неоднозначным грузом советского прошлого, оставили, таким образом, нерешенной задачу ее всеобъемлющей, критической переоценки. В результате проявившаяся в последнее десятилетие новая волна научного интереса к судьбам большевистских деятелей, как показывает практика, оказалась вынужденной развиваться, строго говоря, по лекалам сформировавшихся еще в советский период архаичных исследовательских подходов, невольно транслируя стереотипные точки зрения, идеологемы[1]. Ставить вопрос о новизне выводов, глубине анализа и методологической зрелости большинства современных работ данного сегмента в этой связи пока не приходится.

Истоки проблемы, по нашему мнению, коренятся в устойчивости традиций «революционной биографии» как жанра, имевшего место в советской историографической парадигме и выполнявшего роль инструмента мифологизации событий Гражданской войны. Следствием ее влияния явилась генерация феномена типового героико-апологетического жизнеописания, которое в отсутствии переосмысления по сей день воспринимается отечественной научной средой в ранге нормы историко-биографической реконструкции, что в известной мере обесценивает значение персонологического аспекта изучения конфликта 1917-1922 гг.

---

[1] См., например: *Дайнес В.О.* Чапаев: мастер наступления и обороны. Чебоксары, 2012; *Дубинин Д.В.* Военно-политическая деятельность И.В. Сталина в годы гражданской войны (1918-1920 гг.). Дис. … канд. ист. наук. М., 2010; *Черушев Н.С.* Вацетис – Главком Республики. М., 2016.

Исходя из сказанного выше, возникает очевидная потребность в практике реконструкции пути представителей большевистской номенклатуры в годы Гражданской войны на принципиально иных, специфически научных основаниях, первостепенное значение среди которых должны обрести методологическая осмысленность и удаленность от идеологизированных, мифотворческих доктрин прошлого. Данное обстоятельство предопределяет, таким образом, принципиальную историографическую актуальность, уместность предпринятого исследования, которое, смеем надеяться, станет микрошагом на пути ныне нарождающейся «новой» биографики большевистских элит времен Гражданской войны.

Непосредственная актуализация заявленной проблематики работы применительно к сфере изучения истории Гражданской войны диктуется общим масштабом деятельности биографируемого субъекта, его влиянием на ход и результаты вооруженного противоборства, развернувшегося в 1918-1921 гг. на востоке страны. В указанных пространственно-временных границах крупному большевистскому полководцу Генриху Христофоровичу Эйхе (1893-1968 гг.) по праву принадлежит статус одной из наиболее значительных исторических персон, личная активность которой, в сущности, формировала тогда локальные и стратегические контуры действий сил РККА в восточной части России, ориентиры и пути их боевого применения (в особенности с конца 1919 г. по середину 1921 г.).

Военно-управленческая деятельность Эйхе в 1918-1921 гг., рассмотрению которой в основном посвящена настоящая работа, неразрывно вписана в исторический дискурс Гражданской войны в рамках восточных регионов страны (Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток). В рядах Восточного фронта РСФСР, освободившего от антибольшевистских сил пространство от р. Волги до рубежа р. Енисей, военачальник последовательно возглавлял пехотный полк, смешанную группу войск, бригаду, 26-ю стрелковую дивизию. На рубеже 1919/1920 гг. Эйхе, приняв командование всеми войсками 5-й армии фронта, завершает полную ликвидацию политического режима адмирала А.В. Колчака, организует разгром и пленение основной массы его вооруженных сил, что влечет за собой переход под управление РСФСР территории востока России до Западной Сибири включительно. Апогей служебной карьеры Эйхе пришелся на 1920-1921 гг., когда он по решению Москвы занимал пост Главнокомандующего вооруженными силами вновь образованной Дальневосточной республики. Единоличный статус ключе-

вого военного организатора «буферного» государства позволил Эйхе реализовать миссию дальнейшего освобождения пространства Забайкалья и демонтировать последний на 1921 г. очаг активного сопротивления белых на востоке страны – режим «Российской восточной окраины» преемника Колчака, атамана Г.М. Семенова. После ухода в запас в 1922 г. Эйхе не утратил связей с военным прошлым. Вплоть до своей кончины в 1968 г. он деятельно занимался исследованием проблематики Гражданской войны и обобщением ее прикладного опыта.

Вместе с тем объективная военно-историческая роль военачальника Эйхе, долгое время принадлежавшего к корпусу высших командиров армии РСФСР, парадоксальным образом оказалась обратно пропорциональной интересу к нему со стороны исследователей конфликта. Будучи близким боевым товарищем В.К. Блюхера и М.Н. Тухачевского, И.Д. Каширина и К.А. Неймана, другом А.Я. Лапина и В.К. Путны, соратником Г.Д. Гая, С.С. Вострецова и В.И. Чапаева, Эйхе так и не разделил с ними той громкой славы, всеобщей известности и, что важнее, глубокой научной заинтересованности, которой были окружены эти представители когорты признанных «героев Гражданской войны». Несмотря на то, что впоследствии Эйхе номинально причислялся к упомянутой плеяде «героев» и, будучи реабилитированным после 17 лет (1938-1954 гг.) пребывания в лагерях и ссылках, пользовался до последних дней жизни уважением общественности и вниманием правящего режима как олицетворение легендарной эпохи, опыт реконструкции военного пути полководца оставался весьма ограниченным. На сегодняшний день он по-прежнему принадлежит к ряду практически неизвестных и наименее исследованных представителей верхушки кадрового состава РККА периода Гражданской войны на востоке России. Слабое внимание к индивидуальным военно-управленческим практикам Эйхе, в свою очередь, существенно обеднило общую фактическую основу изучения гражданского противостояния в России, поскольку, как нам удалось убедиться, большая часть известных и значимых военных мероприятий красных на востоке страны в 1918-1921 гг. неизменно несла на себе печать влияния личных решений и инициатив полководца.

Степень научной разработанности темы исследования

Изучение историографического массива, относящегося к советской и российской научной и публицистической традиции, позволяет выделить две основные категории трудов, отражающих опыт военно-управленческой деятельности

военачальника Эйхе в заявленных пространственно-временных границах.

В первую очередь обратим внимание на блок собственно биографических исследований жизненного пути Эйхе. При всей их малочисленности и исключительной отдаленности от норм научного анализа, данные работы, строго говоря, сформировали исторический портрет военачальника, и до сей поры продолжают определять систему его оценочных диспозиций в отечественной историографии.

По-видимому, впервые личность Эйхе выступила предметом изучения в 1922 г. В статье с характерным названием «Герои 5-й армии» в ведомственном печатном органе «Красная армия на Востоке» некто Буторов (очевидно, ветеран – «пятоармеец») представил краткий обзор одной из выдающихся страниц биографии Эйхе – предпринятой им в июне 1919 г. по своей инициативе и вопреки указаниям командарма-5 Тухачевского локальной операции по форсированию р. Белой. Отдавая должное решительности Эйхе, автор отнес его к числу десяти «истинных героев» 5-й армии РККА, которые «…шли к победам и, отдавая свою жизнь за правое дело, помнили лишь о верности долгу перед революцией»[2].

В последующие полвека, вплоть до начала 1970-х гг., попыток целенаправленного рассмотрения служебной карьеры Эйхе уже не предпринималось, хотя, по оценкам историков С.Т. Минакова и В.В. Соколова, непосредственно в период Гражданской войны он был «прославлен» едва ли не больше, чем Чапаев[3]. С одной стороны, это объясняется фактом ухода Эйхе с 1923 г.[4] в сферу хозяйственной деятельности и постепенной утратой им реноме полководца, оттеснением его персоны в тень более мифологизированных «героев» Гражданской войны (Блюхера, Тухачевского, Чапаева и др.), вплоть до присвоения им в историографии объективных военно-управленческих успехов Эйхе. С другой стороны, отсутствие интереса к персоне «красного латыша» явилось производной от эпохи «большого террора», жертвой которой бывший командарм пал в 1938 г., арестованный по обвинению в принадлежности к «…контрреволюционной латышской националистической организации…» и шпионаже «…в пользу иностранных

[2] *Буторов.* Герои 5-й армии // Красная армия на Востоке: печатный орган РВС 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа (Иркутск). 1922. № 7. С. 17.

[3] *Минаков С.Т.* Советская военная элита 20-х годов (состав, социокультурные особенности, политическая роль). Дис. … док. ист. наук. Орел, 2000. С. 125; *Соколов В.В.* Советские военные вожди в официальной пропаганде и общественном мнении Советской России – СССР. 1918-1925 гг. Дис. … канд. ист. наук. Орел, 2010. С. 223.

[4] РГАЭ. Ф. 870. Оп. 266. Д. 130. Л. 29 об., 82.

разведок»[5], и лишь волею случая избежавший высшей меры наказания[6]. Реабилитация Эйхе в 1954 г., совпавшая по времени с его возвращением в Москву из ссылки в Коми АССР, выступила в данном ключе как первичная предпосылка процесса восстановления имени и деяний военачальника в отечественной историографии. Обоснованным представляется ввиду изложенного выше суждение историка О.А. Васьковского, подчеркнувшего, что именно на исходе 1950-х гг. «…читатели узнали, наконец, правду…» об Эйхе, имя которого было вычеркнуто «…из истории гражданской войны под влиянием культа личности»[7].

Своеобразная историческая «реабилитация» Эйхе в 1950-1960-е гг., однако, на деле не выходила за рамки возвращения его имени на страницы исторических и историографических работ, пусть и с добавлением высоких оценочных эпитетов («герой Гражданской войны», «выдающийся деятель» и т.д.)[8]. В то же время возникновение целевой заинтересованности отдельных исследователей в персоне большевистского полководца следует относить лишь к 1970-м гг.

Первым представителем академической среды, проявившим в отечественной историографии интерес к судьбе Эйхе, стал историк М.Б. Заболотный (Владивосток). В датированной 1971 г. статье «Первый Главком ДВР» он представил основные вехи служебного пути исследуемой личности, назвав Эйхе «одним из видных военачальников Красной Армии…»[9]. Внимание историка при этом было акцентировано на содержании деятельности Эйхе в период руководства вооруженными силами Дальневосточной республики (1920-1921 гг.). В вышедшей из-под пера Заболотного в этом же году диссертации персона Эйхе представлялась в еще более героизированном виде. «…Боевые операции, проведенные под

---

[5] ЦА ФСБ РФ. Информационная справка № 10/А-Б-72 от 27 января 2015 г.

[6] Список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР, от 12 сентября 1938 года. Москва – Центр. 1-я категория. Источник: АП РФ. Оп. 24. Д. 418. Л. 15 // URL: http://stalin.memo.ru/names/index.htm (дата обращения: 8.12.2016). Эйхе был внесен в один из «сталинских списков» и его расстрел (автоматически) санкционировался визами И.В. Сталина, В.М. Молотова и А.А. Жданова.

[7] *Васьковский О.А.* Проблематика истории гражданской войны на Урале в современной исторической литературе // Ученые записки Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Серия историческая. 1967. № 78. Вып. 11 (Вопросы историографии Гражданской войны на Урале). С. 155.

[8] См., например: *Крушанов А.И.* Задачи научно-исследовательской работы по истории социалистического и коммунистического строительства на Дальнем Востоке в свете решений XXII Съезда КПСС // Вопросы истории советского Дальнего Востока. Кн. 1 / Отв. ред. *А.И. Крушанов.* Владивосток, 1963. С. 7; *Липкина А.Г.* 1919 год в Сибири. М., 1962. С. 228; *Тодорский А.М.* Маршал Тухачевский. М., 1964. С. 59; 50 лет вооруженных сил СССР. М., 1968. С. 159.

[9] *Заболотный М.Б.* Первый Главком ДВР // Блокнот агитатора. Журнал отдела пропаганды и агитации Приморского крайкома КПСС. 1971. № 2. С. 24.

руководством … Г.Х. Эйхе, – подчеркивал историк, – … по праву вошли золотыми страницами в сокровищницу советского военного искусства…»[10].

Пример более развернутого и несколько «неформального» портрета личности Эйхе являет собой опубликованное в 1974 г. эссе публициста С.Е. Дашкова (Новосибирск) «О командарме Пятой»[11]. Благодаря использованию переписки[12] и, возможно, материалов частных бесед с военачальником, Дашкову, в отличие от Заболотного, удалось создать не официальное, «карьерное» повествование, но живой рассказ, обращенный в отдельных моментах к проблеме генезиса внутреннего мира и эволюции военно-управленческих взглядов Эйхе, прежде всего, в привязке к периоду его службы в 5-й армии РККА (1918-1920 гг.). Но модель эссе естественным образом предопределила определенное отступление автора от норм исторического анализа, что обернулось и некоторым приукрашиванием действий биографируемого, и явными фактическими ошибками.

Авторство первых биографические статей, отметим, принадлежало персонам, поддерживавшим с Эйхе в свое время приватные исследовательские контакты. В этом отношении перечисленные публикации выступили главным образом данью памяти и уважения ушедшему из жизни старшему товарищу.

Впервые преодолеть барьер публикаций «малых форм» и придать биографии Эйхе качество полноправного объекта специального исследования удалось историку Е.П. Тарасову (Ярославль). Его небольшая научно-популярная книга «Краском Генрих Эйхе»[13], вышедшая в свет в 1975 г. в серии «Советские полководцы и военачальники», представляет классический образец советской «революционной биографии». Соотношение публицистического, повествовательного формата изложения материала с многочисленными элементами художественной литературы (конструкции прямой речи, внутренние монологи Эйхе и т.д.) и редким обращением, собственно, к методологии исторического анализа составляет характерную черту работы Тарасова. Ценность издания снижает и масса крупных исторических и биографических ошибок, а также схематизм в анализе поведения Эйхе. Следует признать, однако, что глубина рассмотрения жизни военa-

[10] *Заболотный М.Б.* 5-я Краснознаменная Красная армия в годы Гражданской войны (1918-1920 гг.). Автореферат дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 1971. С. 2.
[11] *Дашков С.* О командарме Пятой // Сибирские огни. 1974. № 2. С. 151-158.
[12] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 153. Л. 9-16.
[13] *Тарасов Е.П.* Краском Генрих Эйхе. М., 1975. Перу историка Тарасова принадлежат также популярные биографические очерки, посвященные судьбе Н.И. Подвойского (изданы в 1957 и 1964 гг.).

чальника, включая частичный обзор его службы на востоке России в 1918-1921 гг., по сей день придает книге статус ведущего труда, посвященного Эйхе.

Известную роль в некотором усилении интереса к личности красного полководца в 1970-е гг. сыграла персона личного секретаря (по другим данным, гражданской супруги) Эйхе в последние годы его жизни, П.В. Гевлич[14]. Деятельно занимаясь увековечиванием памяти об Эйхе (инициатива установки памятника ему, создания биографического документального фильма[15]), именно Гевлич, вероятно, содействовала упомянутым исследователям в получении доступа к части материалов личного архива военачальника. Не случайно, например, отдельные крупные фрагменты работы Тарасова представляют частичное воспроизведение соответствующих разделов обнаруженных нами воспоминаний Эйхе[16].

Маркером долгожданного признания роли и значения военачальника Эйхе в советской историографии явилась публикация его персональной биографии в 1970-1980-е гг. в ведущих энциклопедических и справочных изданиях общесоюзного масштаба[17]. Именно с этого времени личность Эйхе стала в полной мере достоянием широкой общественности, что, однако, нисколько не стимулировало появление сугубо научных реконструкций его военной деятельности.

Последние из изданных в советское время биографических исследований пути Эйхе принадлежали авторству публициста А.Ф. Чехлова (Рига) и историка И.Е. Молокова (Омск)[18]. Несмотря на масштабные структурные изменения, происходившие в конце 1980-х гг. в историографии и общественно-политической жизни страны в целом, создатели данных работ в основном лишь творчески переработали аккумулированную Заболотным, Дашковым и Тарасовым фактографию, не осуществив вместе с тем поставленную самой эпохой задачу переоценки деятельности военачальника с принципиально иных, критических позиций.

---

[14] *Гевлич Полина Васильевна* (1902 – не ранее 1975). Член ВКП(б) с 1926 г. В 1920-е гг. – на агитационно-пропагандистской работе. Проходила обучение в Вечернем коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова в середине 1920-х гг. В 1960-е гг. – член Военно-научного общества при Центральном музее Вооруженных сил СССР. Подробнее о ней см.: ГА РФ. Ф. Р-5221. Оп. 60а. Д. 74. Л. 1-16.

[15] Сведения любезно предоставлены нам В.Ю. Котиковой (Москва), начальником отдела фондов Центрального музея Вооруженных сил Российской Федерации.

[16] См.: ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66, 67, 68.

[17] См., например: Большая советская энциклопедия. 3-е изд. / Гл. ред. *А.М. Прохоров.* Т. 29. М., 1978. С. 582; Советская военная энциклопедия / Гл. ред. комис.: *Н.В. Огарков* и др. Т. 8. М., 1980. С. 563; Советская историческая энциклопедия / Гл. ред. *Е.М. Жуков.* Т. 16. М., 1976. С. 417.

[18] *Čehlovs A.* Armijas komandiera liktenis // Horizonts. 1988. № 2. Lp. 17-20; *Молоков И.Е.* Г.Х. Эйхе (1893-1968) // Герои огненных лет: очерки / Сост. *И.Е. Молоков.* Омск, 1989. С. 99-108.

Очерку историка Молокова, изданному в 1989 г., довелось стать итоговой в отечественной историографии попыткой целевого исследования жизненного пути Эйхе. За истекшие с этого момента четверть века судьба красного военачальника находила отражение только в кратких справочных заметках, публиковавшихся, прежде всего, в региональных энциклопедических изданиях[19]. Полузабытой фигура Эйхе остается ныне не только в России, но и в родной для него Латвии, где он появился на свет и провел последние месяцы жизни. Свойственный новейшей латвийской историографии глубокий интерес к феномену «красных латышей», вошедших в большевистскую политическую и военную элиты в начале XX в., пока так и не затронул превратности драматичной судьбы Эйхе.

Вторая категория публикаций, на которые следует обратить не менее пристальное внимание, представлена исследованиями различных аспектов и компонентов событийного поля Гражданской войны в России. Здесь с различной мерой детализации зачастую весьма профессионально рассматриваются отдельные действия Эйхе как военного специалиста, хотя иногда и вне прямого упоминания его имени. Соответствующие работы способствуют частичной реконструкции практик управленческой деятельности Эйхе и раскрытию образа личности полководца в процессе реализации им тех или иных военных мероприятий.

В советский период корпус исследований данной тематики прошел в своем развитии через три различные временные стадии: 1920-е – первая половина 1930-х гг.; вторая половина 1930-х – середина 1950-х гг.; вторая половина 1950-х – 1980-е гг. Труды первого периода, создававшиеся на заре большевистской диктатуры, выступили локальной проекцией своей эпохи с присущим ей духом полемики, многообразием взглядов на прошлое и будущее политического режима СССР. Плюрализм исследовательских подходов, трактовок, принципов формирования источниковой базы (вплоть до ее расширения за счет документов Белого движения) явился знаковой приметой публикаций этого первого, начального этапа развития историографии Гражданской войны. Труды, приходящиеся по времени на второй этап, пережили обратный процесс, уже к исходу 1930-х гг.

[19] См., например: *Артамонов М.Д.* Введенские горы. М., 1993. С. 8; *Левкин Г.Г.* Командиры и политработники Народно-Революционной армии Дальневосточной республики. Краткий справочник. Хабаровск, 2002. С. 127-128; Новейшая военная энциклопедия / Ред. кол.: *А.П. Горкин* и др. М., 2007. С. 1617; *Плотников И.Ф.* Гражданская война на Урале (1917-1922 гг.). Т. 2. Екатеринбург, 2007. С. 194; Челябинская область: энциклопедия / Гл. ред. *К.Н. Бочкарев.* Т. 7. Челябинск, 2006. С. 466; Энциклопедия города Омска / Под ред. *И.А. Кольца* и др. Т. 3. Омск в лицах. Кн. 2. Омск, 2011. С. 660.

сместившись на позиции единообразной, каноничной сталинской модели истории противостояния (концепция «трех походов Антанты»). Это обернулось унификацией исследовательских проектов, углублением негативной тенденции мифологизации и политизации событий прошлого. Преодолеть наследие сталинских интерпретаций и нивелировать их деструктивный опыт (при сохранении, однако, общей идеологической направленности поисков) тем не менее удалось исследованиям, относящимся к обозначенной нами третьей стадии. Работы этого периода, начиная с эпохи «оттепели», пребывали в процессе перманентной переоценки событий 1917-1922 гг. и к наступлению 1990-х гг. подготовили почву для перехода к сугубо научным стратегиям изучения истории войны, что в полной мере стало возможным уже в реалиях российской историографии.

Наиболее ценным исследовательским сегментом советской историографии Гражданской войны с точки зрения раскрытия перипетий службы Эйхе и сопутствовавшего ей контекста выступают публикации 1920-х – середины 1930-х гг., еще не испытывавшие влияния идеологизированных установок «Краткого курса истории ВКП(б)». Разработанные в данный временной отрезок труды историков А.И. Анишева, Н.Е. Какурина, П.С. Парфенова, а также капитальное коллективное исследование «Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной Армии» (третий том издания «Гражданская война. 1918-1921»)[20] подняли качественный уровень изучения проблематики конфликта на необычайную высоту, которая в дальнейшем покорялась лишь единичным работам. Характерный для них принцип системного анализа военно-исторических и политических составляющих ситуативного поля войны при скрупулезном внимании к деталям, роли индивидуального, учете локальных мероприятий враждующих сторон, позволяет нам считать упомянутые труды неотъемлемым контекстуальным компонентом изучения военного пути Эйхе в 1918-1921 гг. Последнее утверждение (с рядом оговорок) следует отнести также к многотомному исследованию «История гражданской войны в СССР. 1917-1922», издание которого началось в 1935 г.[21]

Цель непосредственного раскрытия образа действий военачальника в хо-

---

[20] *Анишев А.* Очерки истории гражданской войны. 1917-1920 гг. Л., 1925; *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. В 2-х т. М.-Л., 1925-1926 (См. также переиздание: *Он же.* Как сражалась революция. В 2-х т. М., 1990); *Парфенов П.С.* Борьба за Дальний Восток: 1920-1922. 2-е изд., испр. М., 1931; Гражданская война. 1918-1921 / Под общ. ред. *А.С. Бубнова, С.С. Каменева, М.Н. Тухачевского, Р.П. Эйдемана.* Т. 3. Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной Армии. М.-Л., 1930.

[21] История гражданской войны в СССР. 1917-1922. В 5-ти т. М., 1935-1960.

де проведения различных военных мероприятий 1918-1921 гг. была отчасти реализована в работах более узкого исследовательского профиля. В ряду таковых особую ценность представляют статьи, изданные в 1920-1930-е гг. в специализированных журналах «Военная наука и революция» (с 1926 г. – «Война и революция»), «Сборник трудов Военной академии», «Сборник трудов военно-научного общества при Военной академии». Опубликованные на их страницах работы С.М. Белицкого, А.М. Вольпе, В.М. Воронкова, А.А. Поляк, П.Г. Розенберга (в соавторстве с Н.П. Малышевым), Д.И. Рыбина, П.А. Санчука, А.К. Смирнова, И.С. Шведова и др.[22] содержат уникальную информацию об участии Эйхе и возглавляемых им частей, соединений, оперативных объединений в ключевых событиях противостояния на востоке страны. Речь идет об осенне-зимней кампании 1918/1919 гг., отражении Весеннего наступления Западной армии белых, контрнаступлении Южной группы армий Восточного фронта РСФСР, Златоустовской операции, Челябинском сражении, Петропавловской, Омской и, частично, Новониколаевской и Красноярской операциях. Значимым достоинством данных публикаций является избрание их авторами военно-прикладной прерогативы изложения материала, что позволило им дистанцироваться от политизации проблематики исследований, сохранив опору на твердую почву в виде подлинных документов сторон конфликта, доступных в то время в советских архивах.

Дальнейшее развитие советской историографии Гражданской войны (вторая половина 1930-х – середина 1950-х гг.) происходило уже под влиянием сталинской интерпретационной модели и в условиях нарастающего проникновения тенденциозных явлений в область исторических исследований. Ряд работ, вышедших в свет в этот период, тем не менее способен при должном уровне критики существенно обогатить образ военно-служебной деятельности Эйхе. В этом

[22] *Белицкий С.* Златоустовская операция (Стратегический очерк) // Сборник трудов Военно-научного общества при Военной академии. 1923. Кн. 4. С. 5-35; *Вольпе А.М.* Петропавловская операция // Сборник трудов Военно-научного общества при Военной академии. 1922. Кн. 3. С. 77-107; *Воронков В.* Разгром Колчака // Война и революция. 1934. Кн. 2. С. 58-64; *Поляк А.* Действия 5-й Красной армии от р. Тобол до озера Байкал (Краткий стратегический очерк) // Сборник трудов военно-научного общества. 1922. Кн. 2. С. 70-105; *Розенберг П., Малышев Н.* Описание операций 5-й армии в районе Западной Сибири 1 октября – 16 ноября 1919 г. // Военная наука и революция. 1921. № 1. С. 127-183; *Рыбин Д.* Уфимская операция 1919 г. // Сборник трудов военно-научного общества при Военной академии. 1923. Кн. 4. С. 36-62; *Санчук П.* Челябинская операция летом 1919 г. // Война и революция. 1930. № 11. С. 63-83; *Смирнов А.* Златоустовская операция (Оперативно-тактический очерк) // Война и революция. 1933. Ноябрь-декабрь. С. 63-74; *Шведов И.С.* Разгром 5-й армии // Сборник трудов военно-научного общества. 1922. Кн. 3. С. 40-58.

плане следует акцентировать внимание на монографиях А.Н. Боголюбова (прежде работа не была известна исследователям, впервые вводится нами в научный оборот), Е.А. Болтина, В.Ф. Воробьева, Ф.Е. Огородникова, Г.Е. Рейхберга[23].

Оживление общественно-политической жизни в СССР в середине 1950-х – 1960-е гг. ознаменовало начало нового этапа развития отечественной историографии Гражданской войны. В период «оттепели», в частности, отмечается появление все большего числа трудов, призванных переосмыслить опыт стратегических операций РККА на Восточном фронте[24]. Приходящиеся на этот временной отрезок работы Н.Ф. Варгина, Г.А. Васильева, И.И. Кузнецова, Л.М. Спирина и др.[25] значительно расширили фактографический и аналитический компоненты изучения работы Эйхе в ранге командира бригады, начдива-26, командующего 5-й армией. Позднее, в 1970-е гг., данный сегмент был усилен также публикациями Я.М. Горелика (в соавторстве с Г.П. Солоницыным), В.Т. Шуклецова и др.[26]

На завершающем этапе существования советской исторической традиции возрос интерес научных кругов и к рассмотрению проблематики гражданского конфликта на восточной окраине России (Забайкалье, Дальний Восток). Реконструкция управленческой деятельности Эйхе в ходе руководства вооруженными силами Дальневосточной республики была частично (отдельные вопросы военного строительства, боевого планирования, мобилизационной подготовки, применения войск) предпринята в 1950-1980-е гг. в соответствующих трудах историков Н.А. Авдеевой, В.П. Голионко, А.И. Крушанова, Н.И. Лукашук, Л.М. Па-

---

[23] *Боголюбов А.Н.* Разгром Колчака (Оперативно-стратегический очерк). М., 1939; *Болтин Е.А.* Контрнаступление Южной группы Восточного фронта и разгром Колчака (1919 г.). М., 1949; *Воробьев В.Ф.* Тобольско-Петропавловская операция. М., 1939; *Огородников Ф.Е.* Удар по Колчаку весной 1919 г. М., 1938; *Рейхберг Г.Е.* Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.). М., 1940.

[24] Данный процесс в известной мере был стимулирован «программной» статьей четырех крупнейших специалистов по истории Гражданской войны в России (*Кузьмин Н., Найда С., Петров Ю., Шишкин С.* О некоторых вопросах истории гражданской войны // Коммунист. 1956. № 12. С. 54-71).

[25] *Варгин Н.Ф.* Из истории борьбы с Колчаком // Вестник Ленинградского университета. Серия: История, язык, литература. 1960. № 20. Вып. 4. С. 40-53; *Он же.* От Омска до Новониколаевска // Военно-исторический журнал. 1961. № 7. С. 114-121; *Васильев Г.А.* Кемчуг-Красноярская операция Красной Армии против колчаковских и интервенционистских войск // Труды Сибирского лесотехнического института. 1958. Сб. XXVIII. Вып. VI. С. 77-92; *Кузнецов И.И.* Освобождение Красной Армией Восточной Сибири // Труды Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова. Серия Историческая. 1961. Т. XXIX. Вып. 2. С. 44-72; *Спирин Л.М.* Разгром армии Колчака. М., 1957.

[26] *Горелик Я., Солоницын Г.* Достижение внезапности в Златоустовской операции (1919 г.) // Военно-исторический журнал. 1977. № 5. С. 80-85; *Шуклецов В.Т.* Из истории объединения партизан Западной Сибири с войсками 5-й армии // Ученые записки Новосибирского пед. института. 1972. Вып. 73 (Из истории партийных организаций Сибири). С. 48-65.

пина, Б.М. Шерешевского, С.Н. Шишкина, в ряде коллективных монографий[27].

Новейшая российская историография Гражданской войны, ведущая свой отсчет с 1990-х гг., на текущий момент накопила значительный опыт в области анализа конфликта в границах восточной части страны. Вместе с тем наличием оригинальных исследований, содержащих новые (по сравнению с советской историографией), пусть и фрагментарные, данные о персоне Эйхе либо оценки его деятельности, она пока не отличается. По этой причине будет справедливо ставить вопрос только о тех современных публикациях, которые способны содействовать объяснению исторического контекста событий 1918-1921 гг. на востоке России и реконструкции общей военно-политической проблематики, в которую Эйхе был в этот период встроен по долгу службы в РККА. Определенного внимания среди них заслуживают труды историков Н.Ю. Бринюк, Е.В. Волкова, А.В. Ганина, Г.Г. Левкина, А.В. Мармышева (в соавторстве с А.Г. Елисеенко), И.В. Нарского, П.А. Новикова, А.Ю. Сидорова, Н.А. Шиндялова, и отдельные коллективные монографии[28]. Будучи, бесспорно, отличающимися по объему и спектру поднимаемых вопросов, данные работы ныне во многом формируют образ новейшей историографии конфликта в контексте восточных регионов.

Представители западной научной традиции также не остались в стороне от

---

[27] *Авдеева Н.А.* Создание Народно-Революционной армии Дальневосточной республики (1920 г.) // Ученые записки Хабаровского пед. института. Серия историческая. 1968. Т. 16. С. 5-23; *Голионко В.П.* В огне борьбы (Из истории гражданской войны 1918-1922 гг. на Дальнем Востоке). М., 1958; *Крушанов А.И.* Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1920 гг.). Кн. 2. Владивосток, 1984; *Лукашук Н.И.* Народно-революционная армия Дальневосточной республики – один из боевых отрядов Красной Армии // Научные труды Новосибирского университета. Серия историческая. 1972. Вып. 5. С. 3-15; *Папин Л.М.* Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. М., 1957; *Шерешевский Б.М.* Разгром семеновщины (апрель-ноябрь 1920 г.). Новосибирск, 1966; *Шишкин С.Н.* Гражданская война на Дальнем Востоке. 1918-1922 гг. М., 1957; Героические годы борьбы и побед. Дальний Восток в огне гражданской войны / Отв. ред. *Ф.Н. Петров.* М., 1968.

[28] *Бринюк Н.Ю.* Военно-политическая деятельность Владимира Оскаровича Каппеля (1883-1920 гг.). Дис. … канд. ист. наук. СПб., 2013; *Волков Е.В.* Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. Челябинск, 2001; *Он же.* Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М.В. Ханжина. Екатеринбург, 1999; *Ганин А.В.* Атаман А.И. Дутов. М., 2006; *Он же.* Враздробь, или почему Колчак не дошел до Волги? // Родина. 2008. № 3. С. 63-74; *Левкин Г.Г.* Волочаевка без легенд. Хабаровск, 1999; *Мармышев А.В., Елисеенко А.Г.* Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск, 2008; *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001; *Новиков П.А.* Вооруженная борьба в Иркутской губернии и Забайкальской области (декабрь 1917 г. – август 1921 г.). Дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2002; *Сидоров А.Ю.* Внешняя политика Советской России на Дальнем Востоке (1917-1922 гг.). М., 1998; *Шиндялов Н.А.* Ликвидация «Читинской пробки» // Россия и АТР. 2011. № 1. С. 5-18; История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны / Отв. ред. *Б.И. Мухачев.* Владивосток, 2003.

исследования рассматриваемой тематики. Однако детальное знакомство с наиболее известными зарубежными трудами, посвященными событиям на востоке России в 1918-1921 гг., показывает, что зачастую им свойственен один немаловажный недостаток. Как правило, система их аналитического и доказательного поля строится сквозь призму влияния на ход конфликта явления «the Allied intervention» (Союзнической интервенции). Подобный подход, в целом естественный для северо-американской академической среды, восходит к опыту историков из США Джорджа Стюарта и Джона Уайта[29] – авторов первых серьезных монографий данной проблематики. Позднее упомянутая традиция нашла свое содержательное продолжение в публикациях историков Джона Брэдли (Великобритания), Майкла Кэрли (Канада), Гэддиса Смита (США) и др.[30] С другой стороны, работы зарубежных исследователей, отказавшихся от трактовки «союзнического» фактора как основного для постижения Гражданской войны, нередко несут в себе крайность иного порядка. Она заключается в игнорировании либо весьма незначительном внимании к военно-политическим пертурбациям в восточных регионах России. Примером может служить капитальный труд историка Ричарда Пайпса (США)[31]. В силу указанных обстоятельств значимой фактографии, проливающей свет на управленческие практики военачальника Эйхе и активность возглавляемых им войсковых масс, в западной историографии вплоть до недавнего времени фактически не было. В лучшую сторону положение изменилось с возникновением исследований новой, постсоветской волны. Изданные в 1990-2000-е гг. масштабные работы историков Нормана Перейры (Канада), Сержа Петроффа (США), Джонатана Смэла (Великобритания) и др. явились значительным шагом вперед в деле изучения Гражданской войны на востоке[32]. Не включая, подобно новейшей российской историографии, принципиально новых

[29] *Steward G.* The White Armies of Russia: a chronicle of counter-revolution and Allied intervention. N.Y., 1933; *White J.A.* The Siberian Intervention. Princeton, 1950.

[30] *Bradley J.F.N.* Civil War in Russia 1917-1920. London & Sidney, 1975; *Carley M.J.* Revolution and Intervention: The French Government and the Russian Civil War, 1917-1919. Montreal, 1983; *MacLaren R.* Canadians in Russia. 1918-1919. Toronto, 1976; *Smith G.* Canada and Siberian intervention, 1918-1919 // The American History Review. 1959. Vol. 64. No. 4. P. 866-877.

[31] *Pipes R.* The Russian revolution, 1899-1919. London, 1992.

[32] *Pereira N.G.O.* White Siberia. The Politics of Civil War. Montreal & Kingston, 1996; *Petroff S.* Remembering a Forgotten War: Civil War in Eastern European Russia and Siberia. 1918-1920. N.Y., 2000 (См. также русскоязычное издание: *Петров С.П.* Упущенные возможности. Гражданская война в восточноевропейской части России и в Сибири, 1918-1920 гг. М., 2006); *Smele J.D.* Civil war in Siberia. The anti-Bolshevik government of Admiral Kolchak. 1918-1920. Cambridge, 1996.

сведений о личности Эйхе, они вместе с тем позволяют по-новому взглянуть на ряд реализованных им операций и проясняют некоторые иные важные вопросы.

Предпринятый нами обзор позволил прийти к следующим выводам. Накопленный в отечественной историографии опыт целевого рассмотрения деятельности Эйхе в ходе конфликта на востоке России невелик и отличается фрагментарностью. Большинство соответствующих работ не отвечает нормам научного исследования, но вписывается в жанр архаичной «революционной биографии», с присущими ей концептуальными недостатками. В то же время обширный массив отечественных и зарубежных исследований проблемного поля Гражданской войны способствует реконструкции лишь частных сюжетов биографии Эйхе. Таким образом, настоящая работа представляет качественно новый этап в изучении жизненного пути и военно-управленческого опыта красного военачальника.

Объектом исследования выступает жизненный путь Генриха Христофоровича Эйхе, одного из крупных представителей большевистской военной элиты периода Гражданской войны на востоке России (1918-1921 гг.).

Предмет исследования включает различные аспекты персональной военно-управленческой активности Эйхе в указанный период: военно-теоретический (разработка оперативных планов и боевых решений), оперативный (непосредственное управление боевым применением войсковых масс РККА), политический (решение текущих вопросов политического характера – дипломатические шаги, привлечение противника на сторону РСФСР, нивелирование партизанского вопроса и т.д.), административный (руководство формированием и сколачиванием боевых единиц, кадровым и дисциплинарным сопровождением войск и т.д.).

Цель исследования: реконструировать содержание индивидуальной военно-управленческой деятельности Эйхе в ходе Гражданской войны на востоке России в 1918-1921 гг. сквозь призму развития его полководческого и военно-организаторского мастерства, трансформации служебного и личностного опыта.

Достижение заявленной цели предполагает постановку следующих **задач**:

– исследовать события раннего этапа жизнедеятельности Эйхе в 1893-1918 гг. (детство, юность, участие в Первой мировой войне и т.д.) как системы факторов, обусловивших его становление в ранге военного специалиста и вступление на стороне РККА в ситуативное поле Гражданской войны на востоке страны;

– выделить основные этапы развития военно-управленческой карьеры вое-

начальника Эйхе в процессе его службы на территории восточной части России в 1918-1921 гг., установить их содержание и особенности;

– реконструировать систему персональных военно-управленческих практик и методик Эйхе в контексте боевого применения и организационного обеспечения частей, соединений и оперативных объединений войск РККА в специфической обстановке Гражданской войны на востоке России в 1918-1921 гг.;

– оценить влияние личной деятельности Эйхе, его мероприятий и инициатив на общий ход и стратегические результаты операций сил РККА в ходе гражданского противостояния в восточной части страны в 1918-1921 гг.;

– раскрыть особенности социального взаимодействия военачальника Эйхе в годы войны с коллегами и сослуживцами, покровителями и протеже (в рамках концепта патрон-клиентских отношений), противниками и оппонентами.

Хронологические рамки исследования соответствуют периоду активной деятельности Эйхе в контексте событий Гражданской войны на востоке России. В качестве нижней временной грани рассматривается июль-август 1918 г., момент откомандирования военачальника во главе пехотного полка на Восточный фронт РСФСР. Верхняя хронологическая граница датируется маем 1921 г. и соответствует акту увольнения Эйхе с поста Главнокомандующего вооруженными силами Дальневосточной республики. Тем не менее безусловная необходимость детального исследования ранних лет жизни военачальника, а также его происхождения, и позднейшего военно-научного наследия Эйхе, предопределила расширение вторичных временных рамок работы и установление в качестве таковых 1888 г. (время венчания родителей Эйхе) и 1968 г. – дата прекращения деятельности отставного полководца как военного историка в связи с его кончиной.

Территориальные рамки исследования по аналогии с хронологическими границами необходимо разделить на непосредственно соответствующие заявленной проблематике исследования и вторичные. Первые включают территорию восточной части России (Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток), на пространстве которой Эйхе в 1918-1921 гг. осуществлял руководство действиями сил РККА, реализуя потенциал своих военно-управленческих практик. Вторичные рамки соответствуют местопребыванию Эйхе, с одной стороны, на раннем фазисе жизнедеятельности, в 1893-1918 гг. (Лифляндская, Гродненская, Саратовская, Тамбовская, Смоленская губернии, г. Петроград, г. Москва), с другой

стороны, – на этапе после прекращения его службы в восточной части России, в 1921-1968 гг. (Советская Социалистическая Республика Белоруссия, Туркестанская Советская Республика, Коми АССР и г. Москва в составе РСФСР)[33].

Теоретико-методологические основания исследования

В качестве теоретико-методологического базиса работы избран междисциплинарный подход, опирающийся на совокупность разработок в области истории, военной науки, социологии, культурологии и иных сфер научного знания.

Специфика работы, ориентированной на изучение индивидуального пути военачальника Эйхе, естественным образом обусловила исследовательский приоритет инструментария биографической аналитики, прежде всего, моделей активно развивающейся в современной западной историографии теории «personal history» (персональной истории). На постсоветском пространстве это направление нередко именуется также «новой биографической историей»[34].

В отличие от традиционного, характерного для позитивистской парадигмы исторического знания конструкта «научной биографии», сводившегося в основном к жизнеописанию личности на основании внешних проявлений ее жизнедеятельности («карьерная» модель), персональная история обращена к реконструкции феномена исторического актора сквозь призму развития его уникального личностного опыта, генезиса персональной идентичности и внутренних поведенческих характеристик при особом внимании к интеракциям индивида. В исследованиях подобного плана, как указывает историк Л.П. Репина, «…личная жизнь и судьбы отдельных исторических индивидов, формирование и развитие их внутреннего мира, "следы" их деятельности в разномасштабных промежутках пространства и времени выступают одновременно как стратегическая цель исследования и как адекватное средство познания включающего их и творимого ими исторического социума…»[35]. В этом отношении personal history положительно способствует разрушению жанровой статики и шаблонности историко-

[33] Перечисленные в категории вторичных рамок исследования административные единицы в нынешних границах соответствуют территории Латвии, Белоруссии, Узбекистана и Российской Федерации (Саратовская, Тамбовская, Смоленская области, Республика Коми, г. Санкт-Петербург, г. Москва).

[34] См., например: *Дунаева Ю.В.* Историческая биография: упадок или возрождение? (Аналитический обзор) // Историческая биография: современные подходы и методы исследования. Сб. обзоров и рефератов / Под ред. *Ю.В. Дунаевой.* М., 2011. С. 16; *Попова Т.Н.* Историография в человеческом измерении // Історіографічні дослідження в Україні. 2012. № 22. С. 268.

[35] *Репина Л.П.* От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: Историческая биография сегодня. 2-е изд. / Под ред. *Л.П. Репиной.* М., 2010. С. 56.

биографических исследований, едва ли не с античных времен замкнутых в описательности одной cursus honorum, условной «карьеры» выдающихся деятелей.

Обогащенная практиками персональной истории, биографика как историческая дисциплина[36] на рубеже XX-XXI вв. существенно расширяет свои методологические пределы и обретает иное содержание. Это позволяет ей препятствовать деструктивной и не до конца изжитой, по меньшей мере, в новейшей западной историографии тенденции, заключающейся в отказе от признания за биографическими исследованиями (как «изолирующими индивидуальное» и поэтому «старомодными»[37]) возможности реконструкции и объяснения прошлого. Практики персональной истории, предложенные, в частности, на исходе 1980-х гг. историками Дональдом Уокером (Великобритания), Джованни Леви (Италия) и в 2000 г. историком Майклом Кереном (Израиль), на которые мы опирались в данном исследовании, в известной степени способствовали реабилитации тезиса о личности как творческом акторе истории, значимой и самодостаточной переменной мирового исторического процесса, его неотъемлемой движущей силе.

Наибольшую известность и сравнительное распространение[38] в современной российской историографии получила концепция-типология биографического исследования Д. Уокера. Несмотря на то, что она разрабатывалась как инструмент персонологического анализа в приложении к задачам истории экономических учений, относительный универсализм данной модели позволяет проецировать ее на деятельность обширного спектра акторов исторического процесса.

По убеждению Уокера, биографическое исследование предполагает четыре сегмента (типа) поисков: 1. Биография личности – характеристика происхождения, образования, влияния социальных микросред, ментальных свойств и частной жизни актора; 2. Профессиональная биография – особенности профессиональной деятельности личности, реализации ею трудовых компетенций, номинального статуса персоны в структуре профессиональной корпорации; 3. Средовая биография – событийный, пространственно-временной контекст, сопутство-

[36] Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М., 2014. С. 31.

[37] *Riall L.* The shallow end of history? The substance and future of political biography // Journal of Interdisciplinary History. 2010. Vol. 40. No. 3. P. 379.

[38] Вплоть до генерирования, вольного или невольного, едва ли не полных смысловых реплик данной концепции (См., например: *Бессонов Б.* Явление биографики в науке и в практике (литературоведческая специфика): тезисы доклада // Право на имя. Биографии XX века: чтения памяти В. Иофе (18-19 апреля 2003 г., г. Санкт-Петербург) / Под ред. *В.М. Воронкова* и др. СПб., 2004. С. 38).

вавший персональной деятельности актора; 4. Библиографическая биография – творческое наследие исследуемой личности (под ним Уокер понимал авторские научные труды), история формирования ее научных изысканий и т.д.[39] Обозначенная концепция в случае с данным исследованием используется как структурированный процедурный базис, задающий логику и общий теоретический вектор изучения деятельности военачальника Эйхе в заявленных пределах.

Исследовательская модель Уокера, безусловно, обладает серьезными ограничениями, будучи адекватной лишь применительно к исследованию судеб акторов созидательного толка, «творцов». Однако подобный элитарный уклон в ситуации с данной работой не только не препятствует, но облегчает применение концепции британского историка. Например, выделенная Уокером в качестве одного из важнейших типов биографического поиска «библиографическая биография» (едва ли возможная при изучении жизни так называемого «маленького человека»), открывает потенциал активного введения в исследовательское проблемное поле диссертации военно-исторических трудов Эйхе, его персональных мемуарно-исследовательских «штудий». К сожалению, подобный подход нередко игнорируется исследователями, избравшими сферой своих научных изысканий реконструкцию биографий военных и политических деятелей прошлого.

Наряду с концепцией Уокера, не меньшим вниманием в отечественных исследованиях пользуются разработки одного из «отцов» микроистории Дж. Леви, также составившие теоретическую основу настоящего исследования. Научные изыскания привели Леви, помимо прочего, к обоснованию качественно нового для биографики концепта «la biographie et les cas limites» (биография и отклоняющиеся явления)[40]. Обозначив его как один из возможных подходов к реконструкции судьбы исторического актора, итальянский историк предложил акцентировать внимание на поведении индивидов, находившихся, по выражению исследователя Ю.В. Дунаевой, «в состоянии надлома»[41], то есть в драматичных, нестандартных, девиантных ситуациях, обусловленных, в том числе, экстраординарными условиями современного им пространственно-временного дискурса. Примером исследований подобного рода Леви считал классический труд Карло

[39] *Walker D.A.* Biography and the study of the history of economic thought // Research in the History of Economic Thought and Methodology. 1983. Vol. 1. P. 41-59.
[40] *Levi G.* Les usages de la biographie // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 1989. 44 Année. No. 6. P. 1331.
[41] *Дунаева Ю.В.* Историческая биография: упадок или возрождение? (Аналитический обзор). С. 19.

Гинзбурга «Сыр и черви»[42]. По убеждению Леви, именно актор, специфика жизни которого отличалась атипичностью, девиантностью, нестандартным контекстом, конструирует своим опытом границы возможного в конкретном дискурсе, расширяя их пределы и, соответственно, пределы «…свободы, которой акторы могут пользоваться» по определению[43]. Выдвинутый Леви теоретический подход наилучшим образом способствует формированию концепции исследования, поскольку судьба Эйхе, на волне двух масштабных войн и революций прошедшего путь от заурядного торгового служащего до командующего 100-тысячной революционной армией, представляет на деле не что иное, как ярчайший феномен исторического «казуса», уникального явления, ставшего возможным в силу сложившегося в первой четверти XX в. тектонического сдвига в истории России.

Теоретико-методологический фокус интерпретаций в контексте обозначенной темы исследования основывается на подходах М. Керена, одного из крупных представителей израильской биографики. Обобщив собственный опыт апробации теории персональной истории за время работы над биографией Д. Бен-Гуриона, Керен разработал многоступенчатую модель-классификацию историко-биографических исследований с точки зрения применяемых в них интерпретационных фокусировок. Спектр возможных фокусировок (акцентов на раскрытие жизненного пути исторического актора) ограничивается историком девятью позициями, хотя он и допускает вероятность того, что «…одна биография может приходиться более чем на одну позицию типологии»[44]. Соответствующее допущение необходимо отнести и к настоящей работе. Из всех возможных типов фокусировок по Керену мы находим плодотворным применение одновременно трех позиций: исследовательская/персональная фокусировка – акцент непосредственно на субъекте на основании его научной значимости (заинтересованности биографа); исследовательская/контекстная фокусировка – сосредоточение внимания на «истории жизни субъекта» в контексте «анализа социальных, экономических, культурных или политических факторов» (по аналогии со «средовой биографией» Уокера); применительная/контекстная фокусировка – состоит в «…доказательстве точки зрения, сложившейся в общественном дискур-

[42] См.: *Гинзбург К.* Сыр и черви: картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М., 2000.
[43] *Levi G.* Les usages de la biographie. P. 1332.
[44] *Keren M.* Biography and historiography: The case of David Ben-Gurion // Biography. Vol. 23. No. 2. Hawaii, 2000. P. 337.

се» относительно деяний биографируемого субъекта[45]. Перечисленные позиции явились одними из важнейших прикладных акцентов при изучении деятельности военачальника Эйхе в сформулированных ранее целевых пределах.

В целом интегрированное применение теоретико-методологических подходов personal history, представленных в трудах Уокера, Леви и Керена, обеспечило предпосылки для наиболее эффективной реализации задач исследования.

Обозначенный нами ранее исследовательский приоритет практик биографической аналитики, прежде всего, из арсенала персональной истории открывает, в свою очередь, широкий горизонт для использования в контексте работы на правах основополагающей теории социолога Пьера Бурдье (Франция) о «социальных полях», конституируемых деятельностью «агентов» (субъектов).

Небезынтересно, что сам Бурдье глубоко скептически оценивал потенциал историко-биографических исследований. «История жизни, – подчеркивал ученый в статье с характерным названием «Биографическая иллюзия», – это одно из тех понятий здравого смысла, которые незаконным путем проникли в научный мир»[46]. Тем не менее именно концепция Бурдье позволяет, по нашему мнению, реализовать задачу плодотворного формирования образа персональной активности исторического актора, тем более, если исследование-биография затрагивает жизнь представителей элит, a priori более деятельных и предприимчивых.

Концепция «социальных полей» Бурдье, в частности, исходит из признания факта, что человек, будучи одновременно биологическим существом и «социальным агентом», реализует себя в отношении и через отношение с социальным пространством, образованным множеством автономных полей (политическое, научное, культурное, экономическое, etc)[47]. Существование индивида исторически проникнуто императивами перманентной борьбы за способность господствовать в пространстве конкретного социального поля, которая, по мысли Бурдье, зависит от объема наличного «капитала» индивида. Понятие капитала, вводимое социологом, представляет ключевую форму «социальной власти», самым непосредственным образом структурирующую поведение акторов, определяющую их положение и статус в пространстве универсума. Процесс накопления

---

[45] *Keren M.* Biography and historiography: The case of David Ben-Gurion. P. 336.

[46] *Бурдье П.* Биографическая иллюзия // Интер. 2002. № 1. С. 75.

[47] *Bourdieu P.* Espaço físico, espaço social e espaço físico apropriado // Estudos avançados. 2013. Vol. 27. No. 79. P. 133.

индивидом капитала как личного ресурса, обеспечивающего ему «власть над полем», распространяется, согласно теории Бурдье, в основном на три вида капитала: экономический (источники дохода и владение имуществом), культурный (образование, эстетическая компетентность, манеры, титулы) и символический («авторитет, репутация, реноме»)[48]. Потенциал успеха борьбы конкретного агента за обретение и накопление капитала, в свою очередь, лежит в особенностях присущего индивиду «габитуса», который Бурдье интерпретировал как «модели восприятия, мышления, поведения» агента, характерную для него «систему приобретенных диспозиций» опыта и знаний[49]. В конечном счете габитус актора может служить одним из перспективных источников обретения им «символической власти» – власти «конструировать реальность»[50].

Путь военачальника Эйхе, таким образом, целесообразно представить в качестве модели поэтапного накопления различных видов капитала при определяющем значении борьбы за ресурс символического капитала. Соответствующая личностная активность Эйхе (в основном в пространстве субполя военной корпорации), основанная на расширении диапазона личного габитуса, предопределила усиление статуса военного специалиста и привела его к достижению, следуя Бурдье, символической власти, которую биографируемый, по нашей оценке, обретает к концу 1919 г., после вступления на пост командующего 5-й армией.

Широкий исследовательский потенциал избранных теоретических подходов подкреплялся интегрированным применением совокупности общенаучных и специальных методов, соответствовавших цели и задачам работы.

В сегменте использованных общенаучных методов необходимо выделить анализ (в том числе логический, классификационный, контент-анализ), абстрагирование, обобщение, измерение, синтез, описание, наблюдение (включая визуальный осмотр мест боевых действий), сравнение и др.

Система ключевых специальных методов исследования представлена историко-биографическим, идеографическим (конкретно-историческим), историко-сравнительным, проблемно-хронологическим, историко-генетическим, визу-

---

[48] *Bourdieu P.* Espace social et genèse des «classes» // Actes de la recherche en sciences sociales. 1984. Vol. 52-53. P. 3.

[49] *Бурдье П.* Практический смысл. СПб., 2001. С. 102; *Он же.* Социальное пространство и символическая власть // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 137.

[50] *Бурдье П.* Социология социального пространства. М., 2007. С. 89.

альным (метод анализа фотографических источников[51]) методами.

Комплексный характер обозначенных теоретико-методологических оснований способствовал формированию прочного исходного базиса для успешного достижения исследовательских ориентиров настоящей работы.

Источниковая база исследования

Ограниченность опыта отечественной историографии в области исследования биографии военачальника Эйхе обусловила приоритетное использование в работе комплекса разнообразных источников. В общем и целом в их структуре можно выделить две крупнейшие по своему происхождению категории – источники архивные и источники опубликованные.

Наибольший исследовательский потенциал в нашем случае был характерен для материалов российских и зарубежных архивных/музейных хранилищ, составивших ведущую, наиболее информативную категорию источников.

Непосредственная реконструкция содержания военно-управленческой деятельности Эйхе в 1918-1921 гг. основывалась на привлеченных документах Архива Международной левой оппозиции Международного института социальной истории (IISH, Амстердам, Нидерланды), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного военного архива (РГВА), а также ряда региональных хранилищ: Государственных архивов Волгоградской области (ГАВО), Новосибирской области (ГАНО), Оренбургской области (ГАОО), Забайкальского края (ГАЗК), Хабаровского края (ГАХК) и Новосибирского государственного краеведческого музея (НГКМ).

Рассмотрение жизненного пути биографируемой личности в годы, предшествовавшие началу Гражданской войны в России, и в послевоенное время стало возможным благодаря материалам, отложившимся также в фондах и коллекциях Латвийского государственного исторического архива (LVVA, Рига, Латвия), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Центрального архива Феде-

[51] Опираясь на соответствующие подходы историков Нелл Ирвин Пэйнтер (США) и И.В. Нарского (*Painter N.I.* Ut Pictura Poesis, or, Sisterhood of the Verbal and Visual Arts // Writing Biography. Historians and their Craft / Edited by *Lloyd E. Ambrosius.* Lincoln, 2004. P. 103-131; *Нарский И.В.* Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство. Челябинск, 2008).

ральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ), Государственного архива Саратовской области (ГАСО).

Суммарное количество вовлеченных в орбиту исследования фондов и коллекций архивных/музейных структур составило 57 единиц. В работе задействовались в различном объеме данные 211 фондовых дел и единиц хранения, значительная часть которых вводится в научный оборот впервые.

Сообразуясь с нормами источниковедения, массив использованных источников, как архивных, так и опубликованных, будет правильно разделить на пять видовых групп, исходя из содержания представленных в них документов.

Немногочисленная первая группа включает законодательные и подзаконные акты Российской империи, РСФСР, Дальневосточной республики. Соответствующие материалы привлекались нами спорадически, для решения отдельных вопросов контекстуального характера и в интересах уточнения служебного статуса Эйхе на различных этапах его военного пути в 1914-1921 гг.[52]

Вторая группа источников объединяет документы официального делопроизводства государственных, военных, партийных и иных структур, прежде всего, относящихся к периоду Гражданской войны в России.

Преимущество наивысшей информативности здесь по праву принадлежит материалам управлений и учреждений РККА. Особенный интерес в этом плане представляют документы РГВА, отложившиеся в Ф. 106 (Управление армиями Восточного фронта), Ф. 185 (Штаб 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа), Ф. 221 (Управление Народно-Революционной армии и флота Дальневосточной республики), Ф. 1317 (Управление 26-й Златоустовской стрелковой дивизии)[53]. Отличаясь обилием разнообразных материалов по интересующей нас тематике (от директив/приказов и документации боевого планирования до запи-

---

[52] Временные правила о порядке привлечения в 1914 году в войска, на основании статьи 61^6 Устава о Воинской Повинности, по продолжению 1912 года, потребного числа молодых людей, пользующихся отсрочками для окончания курса высших учебных заведений // Русский инвалид (Петроград). 1914. № 253. 7 ноября; Документы внешней политики СССР: Сб. док. Т. 3 / Ред. кол.: *Г.А. Белов* и др. М., 1959; Основной закон (Конституция) Дальне-Восточной республики. Чита, 1921; Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXXII. 1912 г. Пг., 1915; Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1917-1918 гг. М., 1942; Устав о воинской повинности. М., 1914.

[53] РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 48; Оп. 3. Д. 13, 17, 143, 155, 157, 171, 173, 174, 175, 190, 192, 193, 224; Там же. Ф. 185. Оп. 1. Д. 5; Оп. 2. Д. 317; Оп. 3. Д. 28, 29, 32, 34, 133, 135, 136, 137, 139, 140, 143, 168, 170, 174, 175, 176, 186, 193, 237, 316, 326 (ч. 1), 334, 335, 351, 351а, 639, 641, 1290, 1437, 1444; Там же. Ф. 221. Оп. 1. Д. 2, 230, 390, 391, 393, 420, 423, 424, 437, 657, 737; Там же. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 2, 12, 19, 28, 34, 51, 58, 69, 97, 875.

сей переговоров и оперативных/разведывательных сводок), упомянутые фонды являются наиболее целостным собранием источников, отражающих содержание управленческой деятельности Эйхе в 1918-1921 гг. и операций возглавляемых им войск. В качестве вспомогательных материалов к работе привлекались также сосредоточенные в РГВА информационно-аналитические записи и директивные документы из Ф. 3 (Высший военный совет), Ф. 16 (Штаб войск Сибири), Ф. 245 (Управление 1-й Конной армии) и Ф. 767 (Штаб Минского военного района)[54].

Отдельные важные документы делопроизводства полевого управления 5-й армии РККА, датированные исходом 1919 г. – началом 1920 г., удалось почерпнуть в Ф. П-5 (Сибирская Комиссия по изучению истории Коммунистической партии и истории Великой Октябрьской социалистической революции) ГАНО. В их числе – многочисленные протоколы заседаний РВС 5-й армии, директивы/приказы Эйхе как командующего армией, записи его переговоров по прямому проводу с руководством Восточного фронта РСФСР и штабами подчиненных дивизий, сводки расположения соединений и частей 5-й армии и т.д.[55]

Военно-управленческая документация учреждений и структур вооруженных сил Дальневосточной республики в бытность Эйхе их Главнокомандующим частично отложилась в фондах ГАЗК и ГАХК. Наибольшим потенциалом здесь отличаются материалы Ф. Р-1317 (Народно-Революционная армия и флот Дальневосточной республики) ГАХК, среди которых наше внимание привлек чрезвычайно обширный пласт приказов Эйхе за 1920-1921 гг. по организационной и кадровой (не оперативной) части[56]. Некоторые распоряжения Эйхе дублировались также командованием входившего в его ведение партизанского Амурского фронта, вследствие чего мы получили возможность ознакомиться с ними по соответствующим документам Ф. Р-796 (Штаб Амурского фронта) ГАЗК. В основном здесь преобладают приказы Главкома, регламентирующие практики организационного строительства армии республики, а также боевые инструкции[57].

Стоит отметить, что отдельные материалы органов управления РККА, небезынтересные для настоящего исследования, начали публиковаться еще в пе-

[54] РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18; Там же. Ф. 16. Оп. 3. Д. 140; Там же. Ф. 245. Оп. 4. Д. 201; Там же. Ф. 767. Оп. 1. Д. 8, 29.
[55] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1366, 1373, 1374, 1381, 1384.
[56] ГАХК. Ф. Р-1317. Оп. 2. Д. 3, 4, 5, 6; Оп. 3. Д. 2.
[57] ГАЗК. Ф. Р-796. Оп. 1. Д. 1, 2, 3.

риод Гражданской войны, под грифом «для служебного пользования»[58]. Однако наиболее активно данная работа (причем, в интересах исторической науки) развернулась лишь в 1950-1980-е гг., найдя свое непосредственное отражение в виде многочисленных документальных сборников[59]. Как правило, их содержание представлено материалами делопроизводства высших звеньев управления войск РККА на востоке страны (Восточного фронта РСФСР и 5-й армии РККА).

Практика использования в работе документации военных структур, разумеется, не ограничивалась лишь материалами РККА. Реконструкция отдельных эпизодов службы Эйхе в Русской императорской армии и «Революционной армии свободной России» (Временного правительства) опиралась на тематические документальные сборники[60] и профильные материалы архивов. Источники, наличествующие в Ф. 2144 (Штаб 10-й армии) РГВИА, в частности, позволили составить представление о деятельности Эйхе в 1917-1918 гг. в выборном органе 10-й армии Западного фронта – Военно-революционном комитете/Президиуме армейского Совета[61]. Среди них заслуживают упоминания протоколы заседаний комитета, подчиненных ему структур и материалы переписки в связи с конфликтом в 132-й пехотной дивизии, разрешить который пытался при участии Эйхе данный орган. В Ф. Р-6978 (Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Совета рабочих и солдатских депутатов I созыва) ГА РФ отложился так-

---

[58] Боевое расписание к 1-му июня 1919 г. М., 1919; Боевое расписание по данным к 1-му августа 1919 г. М., 1919; Отчет об операциях Красной армии в период с 1 декабря 1919 г. по 25 ноября 1920 г. [Б.м.], 1920; Приказы войскам Восточного фронта РСФСР. 25 мая 1919 г. – 6 мая 1920 г. [Б.м.]; Собрание оперативных телеграмм, приказов и распоряжений главнокомандующего Восточным (чехословацким) фронтом тов. Вацетиса. 18/VII – 7/IX 1918 года. М., 1918.

[59] Боевые подвиги частей Красной Армии (1918-1922 гг.): Сб. док. / Сост. *К.И. Любавская* и др. М., 1957; В боях рожденная. Боевой путь 5-й армии (1918-1920): Сб. док. / Сост. *С.Д. Гусаревич* и др. Иркутск, 1985; Гражданская война на Южном Урале. 1918-1919: Сб. док. и мат. / Ред. кол.: *П.С. Лучевников* и др. Челябинск, 1962; Директивы Главного командования Красной Армии (1917-1920): Сб. док. / Сост. *Н.М. Вьюнова* и др. М., 1969; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.): Сб. док. В 4-х т. М., 1971-1978; Из истории гражданской войны в СССР: Сб. док. и мат. / Ред. кол.: *Г.А. Белов* и др. В 3-х т. М., 1960-1961; М.В. Фрунзе на Восточном фронте: Сб. док. / Отв. сост. *Т.Ф. Каряева*. Куйбышев, 1985; Симбирская губерния в годы Гражданской войны (май 1918 г. – март 1919 г.): Сб. док. / Ред. кол.: *Ф.В. Герасин* и др. В 2-х т. Ульяновск, 1958; Челябинская область. 1917-1945 гг.: Сб. док. и мат. / Под ред. *П.Г. Агарышева*. Челябинск, 1998.

[60] Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г.: Сб. док. / Сост. *С.Н. Базанов* и др. М., 1982; Выдержки из донесений Военному министру генерал-майора Адамовича об осмотре школ подготовки прапорщиков пехоты. Казань, 1917; Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г.: Сб. док. / Под ред. *Л.С. Гапоненко*. М., 1973; Приказы Казанскому военному округу. 1915 г. [Б.м.]; Приказы по Военному ведомству. 1914 г. Пг., 1914.

[61] РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 432, 434, 437; Оп. 9. Д. 2.

же пакет документов, характеризующих настроения воинских масс 62-й пехотной дивизии (в ее составе Эйхе служил в 1915-1917 гг.) 10-й армии, с одной стороны, и ее комитетов, с другой стороны, в канун Октябрьского переворота[62].

Не менее обширна подгруппа делопроизводственной документации органов и учреждений государственной власти и партийно-политических структур.

Прежде всего, стоит упомянуть материалы Сибирского революционного комитета и Дальневосточного бюро ЦК РКП(б) – полномочных большевистских организаций по управлению территориями Сибири и Дальнего Востока, а также ведомого ими Правительства Дальневосточной республики. Незначительная доля материалов данных структур была опубликована в 1990-е гг. в специальных сборниках[63], однако, большая их часть сосредоточилась в фондовых собраниях РГАСПИ, ГАЗК, ГАНО, на которые в основном и было обращено наше внимание в контексте исследования «дальневосточного» периода деятельности Эйхе. Наиболее полный массив документации Дальневосточного бюро ЦК РКП(б), руководившего (негласно) аппаратом Дальневосточной республики, республиканского Правительства, Штаба Главкома Эйхе, а также министерств и ряда ведомств «буферного» государства содержит чрезвычайно обширный Ф. 372 (Дальневосточное бюро ЦК РКП(б)) РГАСПИ[64]. Здесь хранятся многочисленные протоколы и записи заседаний данных структур, директивы/приказы Эйхе, правительственные циркуляры и инструкции, сводки состояния армии, сведения агентурной разведки о мероприятиях белых и интервентов на Дальнем Востоке, материалы деловой переписки функционеров республики и т.д. Особый интерес представляет оперативная документация Эйхе и записи его переговоров с подчиненными командирами в связи с подготовкой Гродековской наступательной операции 1921 г., в силу ряда причин не состоявшейся и до сей поры не исследованной, а также группа источников, связанных с увольнением полководца из армии республики и активностью антиэйхевской оппозиции в ее политических кругах.

Данные РГАСПИ существенно дополняет представленный в Ф. П-1 (Си-

---

[62] ГА РФ. Ф. Р-6978. Оп. 1. Д. 539, 583.

[63] Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.): Сб. док. Сиб. бюро ЦК РКП(б) и Сиб. революционного комитета / Сост. *М.П. Малышева* и др. Новосибирск, 1996; Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией (февраль 1920 г. – ноябрь 1922 г.). Док. и мат. / Отв. ред. *Б.И. Мухачев*. В 2-х ч. Владивосток, 1993.

[64] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 9, 10, 13, 14, 21, 23, 30а, 32, 35, 47, 60, 61, 86, 118, 339, 340, 341, 426, 443, 1117, 1170; Оп. 2. Д. 2.

бирское бюро ЦК РКП(б)) и Ф. Р-1 (Сибирский революционный комитет) ГАНО комплекс документов (протоколы заседаний, информационные справки, переписка и т.д.) Сибирского революционного комитета, координировавшего работу Эйхе на Дальнем Востоке в 1920-1921 гг., ранее упомянутых Дальневосточного бюро ЦК РКП(б) и Правительства Дальневосточной республики[65]. Отдельное внимание стоит обратить на пакет материалов Ф. Р-1, позволяющих реконструировать малоизвестные дипломатические шаги военачальника, направленные на снятие напряженности во взаимоотношениях «буферного» государства с контингентами чехословацких и японских войск на территории Забайкалья весной 1920 г. В фондовых собраниях ГАЗК наибольшую ценность представляют документы Ф. Р-2111 (Правительство ДВР), повествующие о конфликте вокруг предпринятой Эйхе весной 1921 г. реформы, направленной на обеспечение продовольственной безопасности армии Дальневосточной республики[66]. Говоря об источниках, раскрывающих стратегии взаимоотношений Эйхе с интервентами, сделаем также акцент на официальной переписке полководца и уполномоченного командования японской армии на Дальнем Востоке полковника Исоме, датированной ноябрем 1920 г. Соответствующие данные сосредоточены в Ф. Р-130 (Совет Народных комиссаров РСФСР – Совет Министров РСФСР) ГА РФ[67].

Собственно документы центральных органов власти РСФСР и партийных структур РКП(б) времен Гражданской войны привлекались к исследованию не в столь значимом объеме, ограничившись материалами, представленными в основном в двух архивных хранилищах. В первую очередь упомянем документальную коллекцию «Lev Davidovič Trockij» IISH (Нидерланды), которая, помимо прочего, отличается обилием многообразной официальной документации (деловая межведомственная переписка, справочно-информационные записи, отчеты, доклады и т.д.) Председателя Совнаркома РСФСР В.И. Ленина, Наркома по военным делам Л.Д. Троцкого и возглавляемых ими государственных структур периода 1918-1921 гг.[68] В рамках данного исследования она выступила бесценным собранием источников, которое позволило нам переосмыслить ряд во-

[65] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 43, 155, 300; Оп. 2. Д. 13, 42, 43, 47; Там же. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 381а; Оп. 2. Д. 17, 77, 81; Оп. 2а. Д. 9, 24.
[66] ГАЗК. Ф. Р-2111. Оп. 1. Д. 3.
[67] ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 608.
[68] IISH. International Left Opposition Archives. Lev Davidovič Trockij (collection of documents). Inv. No. 799, 800, 801, 802, 803, 803a.

енно-политических событий, развернувшихся в это время на востоке России, и определить данные им представителями большевистских элит оценки. Подкрепляют упомянутый пласт источников задействованные в отдельных случаях материалы Ф. 17 (Центральный комитет КПСС) и Ф. 325 (Троцкий Лев Давидович) РГАСПИ, относящиеся к сфере государственного управления РСФСР[69].

В ряду других материалов делопроизводственного характера следует упомянуть также о документальных собраниях органов управления антибольшевистского Российского правительства (Омск)[70], отдельных партизанских структур регионального масштаба, действовавших в Сибири[71], а также местных органов власти. К разряду последних относятся, в том числе, документы, отложившиеся в Ф. 4 (Саратовская городская управа) и Ф. 59 (Саратовское городское полицейское управление) ГАСО, привлекавшиеся как контекстуальные источники, призванные способствовать реконструкции окружавшей Эйхе социальной среды на этапе прохождения им в 1915 г. первичной общей военной подготовки[72].

Весьма специфическим и чрезвычайно информативным сегментом источников официального делопроизводства являются индивидуальные материалы, зафиксировавшие жизненный и служебный путь Эйхе, его родных и близких.

Наиболее ранние документы соответствующей направленности хранятся в делах F. 235 (Kurzemes, Vidzemes un Latgales ev. lut. draudžu metriku grāmatas), F. 1615 (Rīgas-Valmieras zemesgrāmatu nodaļa), F. 2708 (Rīgas sv. Pāvila evaņģēliski luteriskā baznīca), F. 2996 (Rīgas Prefektūras pasu lietu kolekcija), F. 3234 (Iekšlietu ministrijas Administratīvais departments) LVVA (Латвия). Исследование массивов наличествующих здесь регистрационных книг рожденных, умерших и бракосочетавшихся различных евангелическо-лютеранских приходов бывшей Лифляндской губернии, земельных книг и паспортных дел, относящихся к ведению префектуры Риги, позволило нам выявить данные о регистрации рождения Эйхе, его братьев, включая двоюродного брата Р.И. Эйхе, будущего кандидата в члены

---

[69] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 262; Оп. 65. Д. 277; Там же. Ф. 325. Оп. 1. Д. 474.

[70] Последние дни колчаковщины: Сб. док. / Сост. *М.М. Константинов.* М.-Л., 1926.

[71] Документы героической борьбы: Сб. док. мат., посвященных борьбе против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции на территории Енисейской губернии (1918-1920 гг.) / Сост. *З.К. Глусская* и др. Красноярск, 1959; За власть Советов: Сб. док. о борьбе трудящихся Забайкалья в 1917-1922 гг. / Сост. *И.М. Давидович* и др. Чита, 1957; Партизанское движение в Бурятии: Сб. док. / Отв. ред. *Б.Д. Цибиков*. Улан-Удэ, 1965; Партизанское движение в Западной Сибири (1918-1920 гг.): Док. и мат. / Ред. кол.: *И.В. Громов* и др. Новосибирск, 1959.

[72] ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3427, 3558; Там же. Ф. 59. Оп. 1. Д. 1835.

Политбюро ЦК ВКП(б), сведения о венчании родителей полководца Кристофа и Лины Эйхе в 1888 г., их социальном и национальном происхождении, а также уточнить детали местопребывания семейства Эйхе в Риге в начале XX в.[73]

Не меньшего внимания заслуживает корпус личных военно-учетных документов «красного латыша», которые, к слову, оставались до сего времени не обнаруженными. В первую очередь отметим, что в материалах Ф. 409 (Послужные списки, аттестации и наградные листы офицеров Русской армии) РГВИА нами был выявлен первый по времени персональный послужной список Эйхе (П/с № 246-773), датированный 1915 г.[74] Весьма детальные послужные списки полководца, относящиеся к периоду его службы в вооруженных силах РСФСР (П/с № 263-911, № 340-422, датированные 1922 г.), удалось обнаружить в структуре Ф. 37976 (Коллекция послужных списков и личных дел на командный, начальствующий и политический состав РККА) РГВА[75].

Отдельные ключевые источники персонального свойства, раскрывающие в формализованном представлении перипетии судьбы биографируемой личности, содержатся в ЦА ФСБ РФ (архивно-следственное дело в отношении Эйхе, учетная карточка), ГА РФ и РГАЭ. Из фондовых собраний последнего необходимо выделить материалы Ф. 870 (Коллекция документов по личному составу внешнеторговых организаций), среди которых содержится исключительно информативное личное служебное дело Эйхе, относящееся к периоду осуществления им трудовой деятельности в структурах и объединениях Народного комиссариата внешней торговли СССР (1920-1930-е гг.)[76]. Помимо прочего, служебное дело включает автобиографию Эйхе, датированную 1936 г., ряд его личных листков по учету кадров, характеристик, рабочих записок и т.д. В Ф. Р-1005 (Верховный суд РСФСР) ГА РФ нами были выявлен обширный массив документов, повествующих о привлечении Эйхе (в качестве обвиняемого, позднее – на правах свидетеля) к следствию по делу о финансовых злоупотреблениях членов правления Российского торгово-промышленного банка[77]. Соответствующее расследование в 1923-1924 гг. проводило Экономическое управление ГПУ при НКВД РСФСР.

[73] LVVA. F. 235. Apr. 6. L. 251; Minētajā avotā. F. 1615. Apr. 4. L. 6764; Minētajā avotā. F. 2708. Apr. 1. L. 7, 10, 16; Minētajā avotā. F. 2996. Apr. 5. L. 2877; Minētajā avotā. F. 3234. Apr. 21. L. 2095.
[74] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 184844. Л. 174-175.
[75] РГВА. Ф. 37976. П/с № 263-911, № 340-422.
[76] РГАЭ. Ф. 870. Оп. 266. Д. 130.
[77] ГА РФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 595, 598.

В плане реконструкции приватной составляющей жизни Эйхе заслуживают внимания персональные документы его родных, близких и сослуживцев. Известный интерес в этой связи представляют служебные дела супруги военачальника М.А. Эйхе, его личного секретаря (по другим данным, гражданской жены) П.В. Гевлич, двоюродного брата Р.И. Эйхе, которые хранятся соответственно в Ф. А-150 (Государственный комитет по делам строительства и архитектуры Совета Министров РСФСР), Ф. Р-5221 (Всесоюзный коммунистический сельскохозяйственный университет им. Я.М. Свердлова) и Ф. Р-7523 (Верховный Совет СССР) ГА РФ[78]. Данные следственного производства по делу о подпольной революционной работе двоюродного брата Эйхе в Лифляндской губернии содержатся в Ф. 102 (Департамент полиции Министерства внутренних дел) ГА РФ[79]. Стоит упомянуть также о задействованной в работе военно-учетной документации (послужные списки и карточки) товарищей Эйхе в период его командования 26-й стрелковой дивизией и 5-й армией РККА – И.Н. Гаврилова, В.К. Путны, И.Н. Устичева – отложившейся в Ф. Р-105 (Царицынский губернский военный комиссариат) ГАВО, Ф. 40895 (Коллекция послужных списков на командно-начальствующий и политический состав РККА) РГВА и Ф. 409 РГВИА[80].

Материалы периодической печати сосредоточены в третьей группе источников. В их число входят газеты, издававшиеся в годы Гражданской войны на территории, подконтрольной режиму РСФСР («Правда», Москва), колчаковского Российского правительства («Освобождение России», Пермь; «Утро Сибири», Челябинск) и Дальневосточной республики («Бюллетень приказов и распоряжений (Приложение к газете «Боец»)», Верхнеудинск; «Дальневосточная правда», Верхнеудинск; «Дальневосточная республика», Верхнеудинск; «Известия Временной Земской Власти Прибайкалья»[81], Верхнеудинск). В проблемное поле работы они вводились как для уточнения официальных трактовок событий противоборствующими сторонами, так и для выявления новой фактографии в контексте изучения личности Эйхе. В интересах реконструкции деятельности Эйхе в период Первой мировой войны был задействован также пласт сохранившихся

[78] ГА РФ. Ф. А-150. Оп. 1. Д. 1024; Там же. Ф. Р-5221. Оп. 60а. Д. 74; Там же. Ф. Р-7523. Оп. 1. Д. 183.
[79] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 150. Д. 188. ч. 8; Оп. 210. Д. 1510.
[80] ГАВО. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 112; РГВА. Ф. 40895. УПК № 222584, № 222586, № 222587, № 222588; РГВИА. Ф. 409. П/с № 81/590-58.
[81] Отдельные выпуски данной газеты отложились в архивных фондовых собраниях (См.: ГА РФ. Ф. Р-342 (Лазо Сергей Георгиевич). Оп. 1. Д. 7).

до настоящего времени выпусков «Вестника X армии» (Молодечно) за 1917 г.

Наибольший удельный вес (после документов делопроизводства) составляет четвертая группа источников, к которой относятся материалы личного происхождения: мемуарные записи и воспоминания товарищей, сослуживцев, противников и оппонентов Эйхе, персональные эго-документы и «штудии» полководца, мемуары и тексты выступлений лидеров большевистского режима и т.д.

Существенно обогатили базу исследования принадлежащие авторству Эйхе исследовательские труды и воспоминания. Как отмечалось ранее, после демобилизации из РККА в 1922 г. бывший командарм почти все свободное время посвящал изучению истории гражданского противостояния в России и, отчасти, Первой мировой войны. На этом непростом поприще он, отметим, достиг в конечном счете очевидных успехов. Не случайно уже в советской историографии Эйхе был известен скорее как военный историк – самоучка, чем как представитель военной элиты РСФСР в период Гражданской войны.

Появление первых исследовательских проектов военачальника относится к концу 1920-х – середине 1930-х гг.[82], будучи обусловленным опытом его неформального участия в деятельности существовавшего до 1935 г. Землячества 5-й армии при Центральном музее Красной Армии. Однако свои наиболее известные труды, с которыми по сей день ассоциируется имя Эйхе как неординарного историка Гражданской войны в России, он подготовил и опубликовал только в 1960-е гг., чему способствовала, к слову, атмосфера эпохи «оттепели»[83].

Параллельно Эйхе стремился оставить потомкам сугубо личные зарисовки событий 1918-1921 гг. на востоке страны, неоднократно направляя в советские военно-исторические и партийные издания рукописи воспоминаний. Большая их часть со временем публиковалась, хотя и не без вмешательства редакторской

---

[82] *Эйхе.* 5-я армия в борьбе за Западную Сибирь // Гражданская война. 1918-1921 / Под общ. ред. *А.С. Бубнова, С.С. Каменева, Р.П. Эйдемана.* Т. 1. Боевая жизнь Красной Армии. М., 1928. С. 190-204; *Он же.* Крушение планов… (К годовщине начала мировой войны) // Война и революция. 1935. Июль-август. С. 51-59; *Эйхе Г.* Тактические поучения гражданской войны: исследование тактики Красной Армии в борьбе против Колчака и на Дальнем Востоке. М., 1931; *Он же.* Форсирование реки Белой частями V армии Восточного фронта в июне 1919 года. М.-Л., 1928. Стоит отметить также, что во второй половине 1930-х гг. Эйхе по договору с Военным издательством подготовил рукопись капитального военно-теоретического труда «О вооруженной борьбе». Однако плод четырех лет работы бывшего военачальника бесследно исчез после его ареста в 1938 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 20. Л. 12 об.). Глубину этой потери для отечественной военной и исторической науки трудно переоценить.

[83] *Эйхе Г.Х.* Опрокинутый тыл. М., 1966; *Он же.* Уфимская авантюра Колчака (Март-апрель 1919 г.). Почему Колчаку не удалось прорваться к Волге на соединение с Деникиным. М., 1960.

цензуры[84]. Эти краткие эго-документы Эйхе, вопреки общему мнению, составили тем не менее лишь очень малую часть мемуарного наследия военачальника.

Справедливость данного тезиса становится очевидной после знакомства с документами ОПИ ГИМ, отложившимися в Ф. 602 (Эйхе Генрих Христофорович). Крупной удачей явилось выявление среди них ранее не востребованных исследователями личной и деловой переписки Эйхе и внушительной рукописи его мемуарных записок (около 550 листов), над которой бывший командарм плодотворно работал с начала 1960-х гг.[85] Малым «открытием» в этом смысле увенчалось также ознакомление с делами Ф. П-5 ГАНО, где нами была обнаружена рукопись не известного исследователям очерка Эйхе «Красная армия в борьбе с Колчаком», который датируется, по нашей оценке, серединой 1960-х гг.[86] Наконец, нельзя не упомянуть о хранящихся в фондовом собрании НГКМ мемуарно-исследовательской справке «К истории 5-й дважды Краснознаменной Красной армии», подготовленной Эйхе, и наиболее поздней из выявленных нами автобиографий военачальника[87]. Соответствующие документы датируются 1967 г.

Наряду с исследованиями и эго-документами Эйхе очевидный интерес для нас представляет также критика его отдельных работ[88], в том числе нашедшая отражение в двух крайне негативных отзывах ветеранов партизанского движения в Сибири (Я.П. Жигалина и П.В. Кашуткина) на монографию Эйхе «Опрокинутый тыл» [89]. Последние удалось извлечь из Ф. П-5а (Партийный архив Новосибирского обкома КПСС и его коллекции) ГАНО.

Большое значение для постижения личности Эйхе имело знакомство с его

---

[84] *Эйхе Г.* Победа на Востоке (К 45-летию разгрома Колчака) // Красная звезда. 1965. № 11. 15 января; *Он же.* Разгром войск Колчака // Подвиг Пятой Красной: Сб. воспоминаний / Сост. *Я.М. Кузнецов.* Новосибирск, 1984. С. 51-59; *Он же.* Стремительность // Ленинское знамя: газета Южной группы войск. 1968. № 29. 4 февраля; *Он же.* Фланговый марш // Военный вестник. 1968. № 1. С. 10-14; *Эйхе Г.Х.* Даешь Урал! // Урал. 1968. № 2. С. 68-84; *Он же.* На главном направлении // Разгром Колчака: Воспоминания / Сост. *Л.М. Спирин.* М., 1969. С. 151-168; *Он же.* Разгром войск Колчака (К 45-летию освобождения Новониколаевска от колчаковщины) // Сибирские огни. 1965. № 3. С. 161-167.

[85] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66, 67, 68, 83, 153, 157, 164.

[86] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1387.

[87] НГКМ. Ед. хр. № НВ-14924/124, ОФ-13942.

[88] *Голубев А.* Г. Эйхе. Форсирование реки Белой частями V армии Восточного фронта в июне 1919 года // Военный вестник. 1928. № 19. С. 61-62; *Жигалин Я.П.* О книге Г.Х. Эйхе «Опрокинутый тыл» // Сибирские огни. 1968. № 1. С. 183-187; *Н.Л.* Г. Эйхе. Форсирование реки Белой частями V армии Восточного фронта в июне 1919 года // Война и революция. 1928. Кн. 6. С. 158-159; *Шкурин Я.* Г. Эйхе. Тактические поучения гражданской войны // Война и революция. 1931. Кн. 6. С. 93-95.

[89] ГАНО. Ф. П-5а. Оп. 1. Д. 200, 282.

фотографическими материалами, которые обнаружились в собрании НГКМ, Ф. Р-2190 (Коллекция фотодокументов) и Ф. П-11969 (Бердникова Августа (Елена) Васильевна) ГАНО, а также в упомянутом личном деле Эйхе из Ф. 870 РГАЭ[90]. Практически все фотоматериалы не были ранее известны исследователям.

Среди подгруппы воспоминаний сослуживцев и боевых товарищей военачальника особо выделим исключительно информативные записки Я.П. Гайлита, Н.К. Гончарова, Н. Дмитриева, Н.В. Краснопольского, В.К. Путны, И.Ф. Риманова, М.Н. Тухачевского, М.В. Фрунзе и др.[91] Не меньшего внимания заслуживают аналогичные тексты знакомых – антагонистов Эйхе, часть которых включает данные ими колоритные личностные оценки красного военачальника[92].

Сегмент эго-документов политических и военно-политических руководителей РСФСР представлен текстами С.И. Гусева, А.М. Краснощекова, В.И. Ленина, И.Н. Смирнова, Вацлава Солского, И.В. Сталина, Л.Д. Троцкого и др.[93]

Реконструкция военно-управленческой работы биографируемой личности

---

[90] ГАНО. Ф. П-11969. Оп. 2. Д. 79; Там же. Ф. Р-2190. Оп. 1. Д. 150; НГКМ. Ед. хр. № НВ-10255, НВ-12233/1, НВ-12248, ОФ-11395, ОФ-13896, ОФ-16199/2, ОФ-16199/3; РГАЭ. Ф. 870. Оп. 266. Д. 130.

[91] *Азарх Р.М.* У великих истоков. М., 1967; *Гайлит.* Из воспоминаний // Сборник воспоминаний к четвертой годовщине Рабоче-крестьянской Красной армии. М., 1922. С. 29-31; *Гайлит Я.П.* Ночные действия (пример из гражданской войны) // Военная наука и революция. 1922. № 2. С. 65-71; *Он же.* Переправа через р. Белую 1-й бригады 26 стрелковой дивизии 5/VI 1919 г. // Военный вестник. 1922. № 11. С. 38-40; *Гончаров Н.К.* На разгром Колчака // Москвичи на фронтах гражданской войны. Воспоминания / Под общ. ред. *Г.Д. Костомарова.* М., 1960. С. 246-256; *Дмитриев Н.* От Волги до Байкала. М., 1928; *Краснопольский Н.* В боях за освобождение Челябинска: Из воспоминаний батарейца. Челябинск, 1959; *Он же.* В рядах 5-й Красной Армии // Сибирские огни. 1959. № 3. С. 162-167; *Павлов Г.* Колчак наступал // Сибирские огни. 1929. Кн. 6. Ноябрь-декабрь. С. 109-116; *Путна.* Кусочки воспоминаний // Прожектор. 1924. № 7 (29). С. 24-27; *Путна В.К.* Восточный фронт. Штрихи. 2-е изд. М., 1959; *Риманов И.Ф.* Встречи с Ярославом Гашеком. Чебоксары, 1974; *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения. В 2-х т. М., 1964; *Фрунзе М.В.* Избранные произведения. В 2-х т. М., 1957.

[92] ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 427 (Персональные тексты Я.П. Жигалина); *Жигалин Я.П.* Партизанские отряды занимали города… Барнаул, 1965; *Никифоров П.М.* Записки премьера ДВР. Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке (1917-1922 гг.). М., 1963; *Он же.* Записки премьера ДВР. Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке (1917-1922 гг.). Изд. 2-е, перераб. М., 1974; *Серышев С.* Вооруженная борьба за власть Советов на Дальнем Востоке // Революция на Дальнем Востоке: Сб. ст. и мат. Вып. 1. М.-Пг., 1923. С. 67-128; *Шилов Д.* Красные партизаны Амура и Восточного Забайкалья на фронте в 1920 году (Отрывки из воспоминаний) // Год двадцатый. Альманах одиннадцатый. М., 1937. С. 156-173.

[93] ГА РФ. Ф. Р-9577. Оп. 1. Д. 372 (Доклад А.М. Краснощекова); *Гусев С.И.* Гражданская война и Красная Армия. Сб. военно-теоретических и военно-политических статей (1918-1924). М.-Л., 1925; *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. В 55-ти т. М., 1967-1975; *Смирнов И.* Борьба Красной Армии за освобождение Сибири // Три года борьбы за диктатуру пролетариата. 1917-1920. Омск, 1920. С. 33-39; *Солский В.* 1917 год в Западной области и на Западном фронте. Мн., 2004; *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 4. 1917-1920. М., 1947; *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991.

была бы невозможна и вне обращения к эго-документам акторов антибольшевистского лагеря (А.Г. Ефимова, В.М. Молчанова, П.П. Петрова, К.В. Сахарова, Г.М. Семенова и др.) и представителей командования их союзников (Уильяма Гревса, Мориса Жанена)[94]. Отдельные свидетельства деятелей Белого движения, непосредственно интерпретирующих оперативные решения Эйхе и систему его служебных взаимоотношений в РККА, отложились также в Ф. Р-9427 (Коллекция материалов учреждений и воинских частей белых правительств) и Ф. Р-5881 (Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов) ГА РФ[95].

Наконец, нельзя не отметить некоторые, наиболее содержательные сборники воспоминаний ветеранов Гражданской войны в России, представить которые более детально мы не сочли возможным ввиду обилия историко-мемуарных текстов, заинтересовавших нас в данных эго-собраниях[96].

Известный интерес представляет и пятая группа источников. К ней относится художественная литература, интерпретирующая образ Эйхе либо события Гражданской войны, в которых он принимал непосредственное участие. Подобные издания в нашем случае использовались, прежде всего, как инструмент исследования практик репрезентации деятельности красного полководца в памяти потомков. Стоит обратить внимание на широкий жанровый спектр соответствующих произведений, среди которых есть место и «монументальным» героико-

---

[94] *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервенты: Воспоминания. Новониколаевск, 1925; *Ефимов А.Г.* Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками, 1918-1920. М., 2008; *Каликин.* Судьба одного из офицеров // Каппель и каппелевцы. 3-е изд., испр. и доп. / Сост. *Р.Г. Гагкуев*. М., 2010. С. 521-543; *Камбалин А.* 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк в Сибирском Ледяном походе // Сибирские огни. 2010. № 2. С. 112-161; *Кроль Л.А.* За три года (воспоминания, впечатления, встречи). Владивосток, 1921; *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых // Восточный фронт адмирала Колчака / Сост. *С.В. Волков*. М., 2004. С. 7-60; *Петров П.П.* Роковые годы. 1914-1920. Калифорния, 1965; *Сахаров К.В.* Белая Сибирь (Внутренняя война 1918-1920 гг.). Мюнхен, 1923; *Семенов Г.М.* О себе. Воспоминания, мысли и выводы. 1904-1921. М., 2007; *Graves W.S.* America`s Siberian adventure. 1918-1920. N.Y., 1941; *Janin M.* Ma mission en Sibérie. 1918-1920. Paris, 1933; *Moltchanoff V.M.* The Last White General: An interview Conducted by Boris Raymond. Berkeley, 1972; Аудиозаписи русскоязычного интервью с В.М. Молчановым в 1970 г. (любезно предоставлены профессором Е.В. Волковым).

[95] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 416 (Исторический очерк Б.А. Павловского); Там же. Ф. Р-9427. Оп. 1. Д. 283 (Доклад «полковника Дивноградского», агента Временного Приамурского правительства).

[96] Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи участников борьбы с учредиловской и колчаковской контрреволюцией / Под ред. *И.Н. Смирнова* и др. М.-Л., 1926; Гражданская война в Башкирии: Воспоминания участников / Под ред. *П.А. Кузнецова.* Уфа, 1932; Гражданская война на Дальнем Востоке (1918-1922): Воспоминания ветеранов / Сост. *А.Т. Якимов.* М., 1973; Подвиг Пятой Красной: Сб. воспоминаний / Сост. *Я.М. Кузнецов.* Новосибирск, 1984; Разгром Колчака: Воспоминания / Сост. *Л.М. Спирин*. М., 1969; Таежные походы: Сб. эпизодов из истории гражданской войны на Дальнем Востоке / Под ред. *М. Горького* и др. М., 1935.

патриотическим романам и повестям эпохи позднего СССР, и востребованному в современном общественном дискурсе формату антиутопии, и популярной ныне исторической фантастике (так называемая «альтернативная история»)[97].

Обозначенный в данном обзоре обширный комплекс источников выступил основательной, достаточно полной фактической базой исследования, позволившей осуществить всесторонний анализ различных аспектов военно-управленческой деятельности военачальника Эйхе в заданных целевых рамках[98].

Научная новизна исследования

Настоящее исследование представляет первую в отечественной историографии попытку научной реконструкции военно-управленческой деятельности военачальника Эйхе, видного представителя военной элиты РККА, в контексте истории Гражданской войны на пространстве востока России (1918-1921 гг.). На основе комплексного анализа значительного массива архивных/музейных документов, разнообразных источников и исторической литературы раскрыт целостный образ индивидуальных служебных практик, методик, личностных характеристик и представлений одного из крупнейших военных функционеров РСФСР периода гражданского противостояния в восточной части страны. Модель исследования основывалась на рассмотрении ключевых и наиболее известных военных мероприятий РККА в заявленных пространственно-временных границах сквозь призму динамики развития персонального военного опыта Эйхе (опираясь главным образом на теоретические подходы из инструментария personal history и социологической концепции Бурдье). Избранная модель способствовала локальной критической переоценке событий этого времени, установлению массы принципиально ошибочных исторических трактовок и мифологем, заставив по новому взглянуть (в преломлениях судьбы Эйхе) на природу и содержание вооруженного конфликта на востоке России. Пересмотр привел, в частности, к

---

[97] *Алдан-Семенов А.И.* Красные и белые: Роман. М., 1979; *Гроссман М.С.* Годы в огне: Роман. 2-е изд., испр. и доп. Челябинск, 1987; *Он же.* Да святится имя твое!: Роман. Челябинск, 1983; *Гуль Р.Б.* Красные маршалы: Тухачевский, Ворошилов, Блюхер, Котовский. М., 1990; *Лейкин М.В.* Под луной (Роман-фантазия) // URL: http://samlib.ru/m/mah_m/pod_lunoi.shtml (дата обращения: 14.03.2017); *Попов В.Г.* Казачий континент: антиутопия // URL: http://debri-dv.com/article/3294 (дата обращения: 20.03. 2017); *Раковский Л.И.* Михаил Тухачевский. Константин Заслонов: Повести. Л., 1977; *Романов Г.И.* «Психическая атака» из будущего. За Колчака и Каппеля! М., 2013; *Тихомиров М.И.* Генерал Лукач: Роман. М., 1965; *Фурманов Д.А.* Чапаев: Роман. М., 1961.

[98] В раздел «Источниковая база исследования» за невозможностью объять необъятное нами включены только важнейшие и наиболее информативные источники, общий объем которых, бесспорно, выше.

аргументированному опровержению ряда устоявшихся положений и выводов, многие годы непреложно транслировавшихся в отечественной историографии.

С достаточной полнотой нами впервые был исследован также ранний период (1893-1918 гг.) жизнедеятельности Эйхе, ранее почти не представлявший интереса для его биографов. Предшествовавший вхождению Эйхе в ряды РККА, данный временной отрезок между тем отразил сложный, многофакторный процесс становления ментальных основ этой незаурядной личности, выработки ее жизненных ориентиров и ценностей, политической социализации. Именно этот процесс заложил основу для выдвижения Эйхе в когорту видных полководцев.

Немаловажное значение имеет и введение нами в научный оборот множества ранее не востребованных документальных материалов, существенно дополняющих образ личности Эйхе (не известные до настоящего времени мемуарно-исследовательские «штудии» военачальника, его личная документация, материалы переписки, фотографические источники и т.д.), его близкого родственного и дружеского круга, безусловно, способствующих общей реконструкции перипетий и изломов политической и военной истории России первой четверти XX в.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Становление Эйхе в качестве военного специалиста и последующее его вступление в событийное поле Гражданской войны в восточной части страны на стороне режима РСФСР во многом было предопределено особенностями раннего этапа жизнедеятельности биографируемого в 1893-1918 гг. (детство, юность, участие в Первой мировой войне и т.д.). Следует констатировать прохождение личностью Эйхе в данный период ряда важнейших ментальных процессов, с одной стороны, обусловивших возможность успешного развития служебной карьеры «красного латыша» в РККА, с другой стороны, составивших специфику его формирования как войскового командира – профессионала. К их числу относятся следующие основные процессы: выработка комплекса специфических лидерских свойств, основанных на таких категориях, как амбициозность, деятельное начало, здоровый «карьеризм», честолюбивые устремления; формирование первичных представлений касательно политической линии РСДРП в 1905-1914 гг., в дальнейшем – активное восприятие большевистских идеологических установок и их проведение в жизнь на практической почве (с октября 1917 г.); трансформация социальных и профессиональных целеустановок личности в пользу

карьеры офицера Русской императорской армии (с мая 1915 г.), позднее – военного специалиста на службе режима Советской России (с марта 1918 г.). К сказанному, однако, необходимо добавить, что вплоть до переломного 1914 г. жизнь Эйхе и его помыслы все же не были обращены к сфере военного дела.

2. Развитие военно-управленческой карьеры красного полководца Эйхе в процессе его деятельности на территории восточной части России в 1918-1921 гг. прошло через три последовательных этапа, каждый из которых ознаменовал отдельную стадию формирования его индивидуальных управленческих практик и методик: опыт руководства рядом полурегулярных, импровизированных формирований РККА (пехотный полк, смешанная группа войск), организационно входивших в систему Восточного фронта РСФСР (август-ноябрь 1918 г.); практика управления регулярными тактическими соединениями бригадного и дивизионного уровня в структуре 5-й армии Восточного фронта РСФСР (ноябрь 1918 г. – ноябрь 1919 г.); опыт Эйхе в области боевого применения и строительства войсковых масс в масштабе регулярных сухопутных оперативных объединений РСФСР и Дальневосточной республики (ноябрь 1919 г. – май 1921 г.). Соответствующее деление диктуется динамикой эволюции личного служебного статуса военачальника в РККА и сообразным видоизменением содержания его полководческой и военно-организаторской деятельности на каждом из этапов.

3. Система персональных военно-управленческих практик и методик Эйхе в контексте боевого применения и организационного сопровождения частей, соединений и оперативных объединений войск РККА в специфической обстановке Гражданской войны на востоке России в 1918-1921 гг. отличалась многогранностью и разнообразием. Их широкий спектр был обусловлен присущим военачальнику стремлением к поиску наиболее эффективных, оптимальных подходов к решению задачи управления войсками и прагматичным желанием обеспечить наилучшие условия для оперирования вверенных ему сил и средств. Полководческая составляющая военно-управленческого мастерства Эйхе, в частности, характеризуется способностью к разработке и успешной реализации наступательных и оборонительных операций, замыслов взлома полевых фортификационных позиций белых, локального и стратегического преследования противника, рейдирования, а также управления оперированием в темное время суток, в зимних условиях, в обстановке форсирования водных преград (в сочетании с действия-

ми десантно-штурмового характера) и усиленных марш-маневров. В ряду отрицательных характеристик следует указать на относительную неспособность Эйхе к целесообразному использованию подчиненных ему сил кавалерии. Организационная составляющая системы индивидуальных практик и методик красного полководца в основном отличалась: склонностью к принятию чрезвычайных мер в напряженной и кризисной оперативной обстановке (вплоть до формирования «заградительных отрядов»); внедрением и деятельным использование в системе учебной подготовки войск практики командирских занятий; стремлением концентрировать решение вопросов военного характера в собственных руках, неприятием вмешательства политических, административных функционеров в его исключительную командную прерогативу; сравнительной гибкостью по отношению к противнику и использованием пленных военных специалистов Белого движения в интересах кадрового обеспечения РККА; привлечением повстанческих формирований пробольшевистской ориентации к реализации задач, диктовавшихся характером операционной активности руководимых Эйхе войсковых масс; склонностью к формированию круга доверенных лиц (в том числе из этнических латышей), активной поддержкой служебной карьеры своих протеже. Из отрицательных качеств упомянем о слабом контроле военачальника над организацией несения службы сторожевого охранения войск (по меньшей мере, в период командования бригадой). Комплекс выработанных Эйхе практик и методик выступил важнейшим фактором обеспечения его работы в качестве представителя военного командования РСФСР в восточной части России в 1918-1921 гг.

4. Влияние личной деятельности Эйхе, его мероприятий и инициатив на общее течение и стратегические результаты операций вооруженных сил РСФСР в ходе гражданского противостояния в восточной части страны в 1918-1921 гг. представляется весьма значительным. На начальном этапе участия Эйхе в войне (период его командования смешанной группой войск, бригадой, 26-й стрелковой дивизией в 1918-1919 гг.) это объяснялось как фактом развертывания вверенных ему частей на ключевых, решающих операционных направлениях, так и стремлением военачальника властно влиять на ход военных мероприятий, вплоть до пересмотра адресованных ему указаний вышестоящего командования. Соответствующее положение применимо, в частности, к содержанию и итогам осенне-зимней кампании 1918/1919 г., Весеннего наступления армии адмирала Колча-

ка, контрнаступления Южной группы армий Восточного фронта РСФСР, Златоустовской, Челябинской и Петропавловской операций. Дальнейшее вступление Эйхе в должность командующего 5-й армией РККА (основного оперативного объединения красных на пространстве востока страны на рубеже 1919/1920 гг.) позволило ему стать, следуя теории Бурдье, носителем символической власти – «власти конструировать реальность». Персональная активность полководца с этого времени становится не опосредованно, но напрямую воздействующей на общий характер Гражданской войны в восточной части России. Направляемые волей полководца войска 5-й армии к середине января 1920 г. реализовали историческую по своему значению задачу, окончательно ликвидировав антибольшевистский режим Российского правительства (адмирала Колчака). Потенциал военно-управленческой деятельности Эйхе в русле «конструирования реальности» находит свое содержательное продолжение в бытность его Главнокомандующим вооруженными силами Дальневосточной республики. Фундаментальным историческим результатом решений и мероприятий биографируемого на этом посту явилось освобождение Забайкалья и крушение режима «Российской восточной окраины» колчаковского преемника, атамана Семенова. Как следствие, к началу 1921 г. очагов активного вооруженного сопротивления белых на востоке России более не существовало. Важно подчеркнуть между тем, что после отъезда Эйхе с Дальнего Востока они появились в регионе вновь, это обернулось уже в 1922 г. возникновением известной стратегической проблемы Волочаевки и Спасска, которой, по словам полководца, «…могло и не быть»[99].

5. Социальное взаимодействие военачальника Эйхе с конгломератом коллег и сослуживцев, покровителей и протеже, противников и оппонентов в период Гражданской войны отличалось многообразием стратегий. Исключительное значение в судьбе Эйхе сыграло личное покровительство, оказываемое военному специалисту на различных этапах развития его служебного пути ответственными работниками из системы РККА (В.К. Путна, М.Н. Тухачевский и др.) и партийно-политической и административной среды (А.М. Краснощеков, А.Ф. Мясников, И.Н. Смирнов и др.). Практика патрон-клиентских отношений не была чужда и самому «красному латышу», который по мере должностного возвышения формировал группу личных протеже и товарищей (А.Я. Лапин, Я.П. Гайлит,

[99] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 215.

К.А. Нейман, С.Д. Павлов и др.), которые пользовались кредитом особого доверия и поддержкой Эйхе. Специфическим было взаимодействие биографируемого с военнослужащими Белого движения, которых он стремился привлечь на сторону РСФСР, использовать в качестве квалифицированных специалистов на службе в РККА. Отдельных высокопоставленных пленных офицеров Эйхе приобщал к работе в качестве своих ближайших помощников (Л.В. Дьячков, В.В. фон Нотбек и др.). В бытность Эйхе руководителем 5-й армии РККА и вооруженных сил Дальневосточной республики деятельность его нередко встречала противодействие ряда лиц, которых можно назвать оппонентами военачальника (Я.П. Жигалин, И.И. Матрозов, П.М. Никифоров, С.М. Серышев и др.). Эйхе не уклонялся от конфликтных взаимодействий с ними и всячески отстаивал собственную систему взглядов. Неуступчивость военачальника привела к тому, что в 1920-1921 гг. в среде властных элит Дальневосточной республики выросла массовая оппозиция Эйхе, что обернулось, следуя теории Бурдье, «эффектом символической девальвации» раннее накопленного им репутационного капитала[100].

Теоретическая и практическая значимость исследования

Применительно к контексту российской историографии настоящая работа является одним из немногих целевых историко-биографических исследований, посвященных судьбе представителя большевистских военно-политических кругов в период Гражданской войны в России. В этом смысле она выступает примером локальной практики в русле формирующейся ныне «новой» отечественной биографики красных элит времен гражданского противоборства, о которой говорилось ранее. Таким образом, данное исследование может быть использовано как базовая концептуальная модель для реализации научных проектов соответствующего историографического сегмента, который еще продолжает пребывать в поиске, и отличается восприимчивостью к устаревшим трактовкам и подходам советского прошлого, в частности, имманентно присущим жанру пресловутой «революционной биографии» либо, как его с известной долей иронии именует литературовед Б.И. Беленкин, «советской макулатурной биографии»[101]. В этом,

[100] *Bourdieu P.* Espace social et genèse des «classes». P. 8.

[101] Подробнее об интерпретации этого жанра см.: *Беленкин Б.* О некоторых особенностях жизнеописания (второй половины 1950-х – середины 1980-х) советских государственных и партийных деятелей – жертв политических репрессий // Право на имя. Биографика XX века: чтения памяти В. Иофе. Избранное. 2003-2012 / Отв. ред. *Т.Б. Притыкина*. СПб., 2013. С. 582.

как нам видится, и заключается важнейший теоретико-методологический смысл проведенного исследования, в ходе работы над которым мы исходили из фундаментального представления о воспроизведении каждой культурно-исторической эпохой, вновь приходящей в общественную жизнь, своего, новационного и более совершенного «дискурса биографического сознания»[102].

Фактография и выводы работы представляют очевидный интерес применительно к задачам подготовки специальных, в том числе военно-прикладных, исследований по истории России первой четверти XX в., учебных пособий, основных и вспомогательных курсов в гражданских и военных учебных заведениях, организации мемориальных туристических маршрутов, проведения военно-исторических реконструкций[103] и иных мероприятий по увековечиванию памяти о событиях Гражданской войны в России и т.д.

Апробация результатов исследования

Основные результаты и положения настоящей работы нашли отражение в 12 научных публикациях (объем – 8,8 п.л.), в том числе в 8 статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI, и в изданиях, утвержденных Ученым Советом МГУ имени М.В. Ломоносова. Материалы исследования были изложены в виде докладов и сообщений на ряде научно-практических конференций, в том числе международного и всероссийского уровня (Волгоград, 2016; Омск, 2016; Симферополь, 2016; Челябинск, 2015, 2017). Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры «Отечественная и зарубежная история» Исторического факультета Южно-Уральского государственного университета.

Структура работы включает введение, основную часть (три главы), заключение, список использованных источников и литературы, приложение.

---

[102] *Попова Т.Н.* Историография в человеческом измерении. С. 266.

[103] Одному из наиболее ярких мероприятий, реализованных Эйхе в годы войны (рейд в тыловую полосу Западной армии белых группировки руководимой им 26-й стрелковой дивизии в июне-июле 1919 г.), уже посчастливилось в 2016 г. быть реконструированным (Подробнее об этом см.: *Стромов П.А.* Рейд 26-й стрелковой дивизии 5-й армии «красных» по руслу реки Юрюзань в 1919 году // URL: http://рвио74.рф/2016/09/06/рейд-26-й-стрелковой-дивизии-5-й-армии-к (дата обращения: 16.04.2017)).

Глава 1. Г.Х. Эйхе: становление военного специалиста (1893-1918 гг.)

§ 1. Формирование личности и истоки служебной карьеры

Внутренние ориентиры и целеустановки, составлявшие фундамент личности Генриха Христофоровича Эйхе в ранний период его жизни (1893-1914 гг.), были далеки от военных идеалов. Накануне Первой мировой войны 1914-1918 гг. будущий военачальник, строго говоря, представлял собой типаж юного интеллигента, интеллектуала, находившего интерес скорее в музыкальном творчестве и собственной трудовой деятельности, чем в плоскости военного дела. Вероятность восприятия им в это время императивов армейской службы, очевидно, близилась к нулю. Открывая раздел, посвященный становлению служебной карьеры Эйхе, мы хотели бы обратить на данный факт особое внимание, таким образом, указывая изначально, что своими истоками она не была обращена к довоенной биографии будущего революционного полководца и совершенно не соотносилась с характером его жизнедеятельности в условиях мирного времени.

Глубоко ошибочным в этой связи мы находим суждение публициста С.Е. Дашкова, который подчеркивал, что едва ли не с детских лет Эйхе «…начал посуворовски готовить себя к будущим военным испытаниям», поскольку «…верх над всеми увлечениями взяла любовь к военному делу…»[104]. Соответствующий тезис не выдерживает критики, представляя, в сущности, завуалированное утверждение о наличии у юного Генриха намерения добровольно поступить на службу в Русскую императорскую армию. Причем, как можно предположить из текста публикации Дашкова, осуществить это намерение он, видимо, планировал еще до начала Первой мировой войны[105]. Самое общее знакомство с совокупностью реальных действий, предпринятых Эйхе либо его родителями в 1893-1914 гг., позволяет всецело опровергнуть указанную точку зрения.

Связь с военным делом, в чем мы далее сможем убедиться, не прослеживается ни в специализации образовательного заведения, избранного Эйхе в 1906 г., ни в векторе основной профессиональной деятельности, которого он придер-

---

[104] *Дашков С.* О командарме Пятой // Сибирские огни. 1974. № 2. С. 152. Здесь и далее цитаты приводятся в соответствии с орфографией и пунктуацией оригинала, явные опечатки исправлялись.

[105] Тезис представляется тем более сомнительным, что Дашков в 1960-е гг. встречался и поддерживал переписку с Эйхе. Из этого можно заключить о хорошей осведомленности Дашкова об особенностях мотивации биографируемого в предвоенный период (См.: ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 153. Л. 9-16).

живался с 1912 г. до момента мобилизации в октябре 1914 г. в Русскую армию. Отсутствие у Генриха установки на служебную карьеру подтверждает, помимо прочего, тот факт, что он не использовал ряд реальных возможностей для поступления на военную службу, которые были вплоть до 1914 г. в его распоряжении. В их числе возможность быть принятым армию в статусе добровольца (охотника)[106] с правом обретения положения вольноопределяющегося II разряда[107], что открывало перспективу ухода в запас в первом офицерском чине. Наконец, со всей очевидностью не военную, но творческую направленность собственных помыслов юный Эйхе выразил незадолго до мировой войны. Планируя связать будущее с музыкальным творчеством, он в 1913 г. по своей инициативе приезжает в Германию и поступает на обучение в Берлинскую консерваторию.

Таким образом, утверждение о присутствии у Эйхе на раннем этапе жизнедеятельности стремления к армейской службе едва ли имеет под собой основания. Возникновение подобной точки зрения, вероятно, явилось следствием стереотипного, поверхностного восприятия в советской историографии общности большевистских военачальников периода Гражданской войны в России. Известно, что им традиционно приписывалось наличие «военной жилки» и некой априорной природной тяги к военно-управленческой, командной деятельности уже с самых ранних лет, что далеко не всегда соответствовало реальному положению вещей. Пример Эйхе в этом отношении весьма показателен.

Феномен военной деятельности Эйхе на деле представлял собой знаковую и во многом симптоматичную производную от эпохи «великих потрясений», постигших Россию в первой четверти XX в. Первая мировая война, революционные события 1917 г. и многолетнее гражданское противостояние, составляющие событийную канву этой противоречивой, переломной эпохи, явились фундаментальными факторами становления и развития его военно-служебной карьеры.

Процессу формирования Эйхе как военного специалиста (военспеца) и войскового командира сопутствовала последовательность нескольких качественно

---

[106] Подробнее о правовом статусе охотников см.: *Сологуб К.Н.* Профессиональный статус вольноопределяющихся и охотников Русской императорской армии и флота (1874-1917 гг.) // Генеалогия. 2010. № 13. С. 94-130; Устав о воинской повинности. М., 1914. С. 117-119.

[107] Стоит отметить, однако, что возможность обрести права вольноопределяющегося путем сдачи испытаний для лиц, не освоивших курса учебных заведений I разряда (высших), была сведена на нет в 1912 г., после внесения соответствующих изменений в Устав о воинской повинности (Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXXII. 1912 г. Пг., 1915. С. 821-824).

различных, но вместе с тем весьма близко связанных временных стадий:

1. Прохождение первичной военной подготовки в запасных подразделениях и начальной общей командной подготовки в 3-й Петергофской школе прапорщиков в Русской императорской армии (октябрь 1914 г. – июль 1915 г.);

2. Приобретение практических навыков командной деятельности на офицерских должностях в Русской императорской армии и «Революционной армии свободной России» Временного правительства (август 1915 г. – март 1917 г.);

3. Приобщение к опыту военно-управленческой и административной деятельности в полковом, дивизионном и армейском звеньях в экстраординарных условиях перехода России к большевистской диктатуре, а также в масштабе ряда ранних, полурегулярных формирований РККА (март 1917 г. – ноябрь 1918 г.).

Несмотря на то, что в качестве временной границы, разделяющей базисные стадии собственно командной работы Эйхе, нами обозначен март 1917 г., то есть момент начала его формальной деятельности в выборных войсковых органах, наибольшее влияние на будущность военачальника все же оказали события октября 1917 г. Именно Октябрьский вооруженный переворот знаменует ключевую веху в контексте ранней фазы развития его служебной карьеры. Успех переворота, строго говоря, предопределил вхождение Эйхе, офицера-фронтовика, примкнувшего к политической платформе РСДРП(б), в когорту нарождающейся военной элиты провозглашенной большевиками Советской России, открыв ему в конечном счете доступ к номенклатурным, высшим армейским должностям.

Принятие Эйхе большевистской идеологии в июне-октябре 1917 г., равно как и последующее закрепление его в корпусе красных командиров, представляется явлением не случайным, но скорее закономерным. Пассионарий по складу характера, Эйхе был открыт веяниям своей революционной эпохи. Как показало исследование, уже до вступления России в мировую войну, в мирной жизни, он не придерживался консервативных, охранительных взглядов на существовавший имперский режим, в силу специфики социально-интеллектуальных связей был достаточно хорошо знаком с тактикой российских социал-демократов и в отдельных моментах одобрял их политические убеждения. Таким образом, внутреннее умеренное антисистемное начало, которое со временем приведет Эйхе в число революционных командиров и последователей леворадикальной платформы РСДРП(б), было свойственно ему уже в отрочестве (1905-1914 гг.), хотя и

носило на тот момент не столько политически оформленный характер, сколько качество идеалов, духовных установок и ценностей. Определяющую роль в их формировании сыграл ряд социальных микросред, в которые молодой Эйхе был встроен, либо с которыми он был тесно связан родственными, неформальными, профессиональными и иными связями. Существеннейшей из них представляется его семья и близкое родственное окружение. В значительной степени следствием их влияния явилась выработка у юноши вполне определенной восприимчивости к социал-демократическим и революционным идеям, с одной стороны, и сильной тяги к обретению высокого социального положения и общественного признания – с другой. Как первое, так и второе станет со временем ведущей составляющей успеха развития военно-управленческой карьеры Эйхе в личностном измерении. Сообразуясь с этим, мы находим правильным открыть настоящее исследование с рассмотрения перипетий детских и юношеских лет жизни будущего большевистского полководца, на которые приходится формирование краеугольных основ его незаурядной и многогранной личности.

Генрих Христофорович Эйхе, поименованный при крещении как Иоганн Генрих Мартин Эйхе (Johann Heinrich Martin Eiche), родился 29 сентября 1893 г.[108] в Риге, административном центре Лифляндской губернии. Он стал третьим сыном в семье этнических латышей, городских обывателей Кристофа и Лины Эйхе. Обряд крещения, сопутствовавший акту регистрации рождения, Генрих прошел в Рижской евангелическо-лютеранской церкви Святого Павла (так называемой «Павловской кирхе»), о чем в реестре рожденных и крещенных церкви за 1893 г. была произведена соответствующая запись № 262[109].

Пятью годами ранее, 1 мая 1888 г., церковь Святого Павла стала местом венчания родителей Эйхе, положив начало их семейной жизни[110]. К моменту заключения брака за плечами 36-летнего Кристофа Эйхе (Christoph Eiche) и 27-летней Лины Лаудон (Lina Laudon), выходцев их сельских местностей центра и северо-запада Курляндской губернии, остались непростые годы борьбы за лучшую жизнь. Каждый из них в разное время покинул родительский дом, ведомый стремлением закрепиться в более перспективной городской среде. Кристоф Эйхе, происходивший из семьи рабочего Эрнста Эйхе и его супруги Лавизы из мес-

[108] Здесь и далее все даты до февраля 1918 г. указаны по старому стилю (Юлианский календарь).
[109] LVVA. F. 2708. Apr. 1. L. 7. Lp. 259.
[110] LVVA. F. 2708. Apr. 1. L. 16. Lp. 8.

течка Доблен[111], обосновался в Риге в начале 1880-х гг.[112] Не имея специальности, он первоначально состоял обыкновенным чернорабочим на одном из предприятий. Переквалифицировавшись позднее в экспедиторы, Кристоф упорядочил жизнь, нажил определенный капитал и сочетался браком с родившейся 18 января 1861 г. Линой Лаудон[113], дочерью каменщика Екаба Лаудона и его супруги Лизы из мызы Пузен[114]. Их крепкий супружеский союз просуществовал более 30 лет, вплоть до смерти Кристофа Эйхе от склероза в Москве в 1919 г.

Длительное время молодая семья страдала от неустроенности в бытовом отношении. Подобно многим приезжим провинциалам супруги Эйхе не имели материальной возможности приобрести в Риге собственное жилище, и вынуждены были довольствоваться положением квартирантов. Несмотря на деструктивное влияние «квартирного вопроса», домашнее хозяйство супругов отличалось определенной зажиточностью. Стабильный и сравнительно высокий оклад Кристофа Эйхе, работавшего, по меньшей мере, с 1888 г. экспедитором в известном балтийском пароходном товариществе А. Аугсбург, позволял не только покрывать текущие расходы семейства, но и обеспечивать детей предметами досуга (книгами, играми и т.д.), а также помещать часть денежных средств в ссудно-сберегательные товарищества Риги. Профессиональная успешность главы семейства совершенно справедливо служила предметом гордости домочадцев.

Уточненные сведения о роде занятий и особенностях деятельности Кристофа Эйхе позволяют оспорить тезис, характеризующий Генриха однозначно как выходца из семьи рабочего. Действительно, в наиболее поздней из обнаруженных нами автобиографий (от 23 июня 1964 г.)[115] и некоторых личных анкетах Эйхе подчеркивал свое «рабочее» происхождение. Это обстоятельство не подвергается сомнению в работах публициста А.Ф. Чехлова и историка Е.П. Тарасова, отмечавших, что Генрих родился «… в семье портового рабочего», был сыном «…рабочего одного из складов Рижского морского порта»[116]. Аналогич-

[111] Ныне – г. Добеле (Dobele), Добельский край, Латвия.
[112] РГАЭ. Ф. 870. Оп. 266. Д. 130. Л. 29.
[113] См.: LVVA. F. 2996. Apr. 5. L. 2877.
[114] Ныне – Пузе (Puze), Вентспилсский край, Латвия.
[115] НГКМ. Ед. хр. № НВ-14924/124. Л. 1. Стоит отметить, однако, что в документах 1920-1930-х гг. Эйхе зачастую определял свое социальное происхождение формулой «из служащих».
[116] *Čehlovs A.* Armijas komandiera liktenis // Horizonts. 1988. № 2. Lp. 17; *Тарасов Е.П.* Краском Генрих Эйхе. М., 1975. С. 3. Здесь и далее перевод иноязычных фрагментов дается в авторском варианте.

ного мнения на начальном этапе поисков придерживались и мы.

Тем не менее дальнейшее исследование проблемы показало: круг служебных обязанностей Кристофа Эйхе как экспедитора, специализировавшегося, помимо прочего, на международных перевозках и перевалке грузов, отличался наличием интеллектуальной составляющей и явно выходил за пределы компетенции обыкновенного портового рабочего. Не самый низкий профессиональный статус отца будущего красного военачальника подтверждает также факт внесения его имени в перечень рекомендованных экспедиторов и торговых агентов по Риге в «Адрес-справочник г. Москвы» на 1897 год[117]. Иными словами, есть все основания отнести Кристофа Эйхе в большей степени к разряду мелких служащих, обладавших определенной квалификацией или, по меркам современной социологии, к группе представителей так называемого «низшего среднего класса». Из этого следует вывод, что в иерархии социальных страт империи семейство Эйхе занимало не столь низкий уровень, как принято было считать ранее.

Материальное благополучие семьи позволило Лине Эйхе к исходу 1890-х гг. оставить работу и сконцентрировать все свои силы на воспитании сыновей. Нельзя исключить, что данный шаг был связан также с печальной участью первенца четы Эйхе – Александра Вильгельма, родившегося 14 мая 1889 г.[118] В возрасте 3 месяцев, 15 августа 1889 г., он скончался от диареи[119]. Это трагическое событие наложило особый отпечаток на мировосприятие молодой семьи, предопределив особенно трепетное, трогательное отношение Кристофа и Лины Эйхе к среднему сыну, Фридриху Вильгельму Кристофу, появившемуся на свет 14 августа 1890 г.[120], и младшему – Генриху. Рождение последнего, важно подчеркнуть, воспринималось супругами с известной долей религиозного мистицизма, как добрый знак, поскольку именно на этот день приходилось празднование особо чтимого у евангелистов-лютеран Дня Святого Михаила и всех ангелов.

Окруженный родительской опекой, заботой родных и близких, Генрих на протяжении раннего периода своей жизни неизменно находился в центре внимания семейства. Здесь он всегда встречал понимание и поддержку, помощь и

---

[117] Адрес-справочник г. Москвы. 1897 г. / Под ред. *С.К. Архангельского.* М., 1896. С. 942. Ошибочно указан в перечне как «Эйхе Г.Х.».

[118] LVVA. F. 2708. Apr. 1. L. 7. Lp. 72.

[119] LVVA. F. 2708. Apr. 1. L. 10. Lp. 9 ap.

[120] LVVA. F. 2708. Apr. 1. L. 7. Lp. 127.

добрый отеческий совет. Под благотворным влиянием семьи, которая выступила для юного Эйхе базовой микросредой, в значительной степени была сформирована его неординарно развитая, талантливая и целеустремленная личность.

Говоря о роли семейного воспитания в судьбе будущего красного военачальника, нельзя не упомянуть о феномене поведенческой модели его родителей, которой вольно или невольно придерживался и он сам. По меркам современности, Кристоф и Лина Эйхе, бесспорно, представляли собой классический пример self-made man, то есть людей, силой своей воли достигших определенного успеха вопреки изначально неблагоприятно складывавшимся жизненным обстоятельствам. Люди благожелательные и добропорядочные, они отличались твердым нравом, были неуступчивы и достаточно амбициозны, когда речь шла об их личном благополучии, материальной стабильности. В ином случае им вряд ли удалось бы обрести положение в крупнейшем городе Балтии. Императивы борьбы за лучшую жизнь способствовали выработке у Кристофа и Лины Эйхе той особой житейской прагматичности, которая нередко отличала в те времена бедняков-латышей из многочисленных мыз, хуторов и усадеб Остзейского края империи, на своем опыте познавших лишения и тяготы жизни в сельской среде.

Пример непростого пути родителей, определенно, вдохновлял Эйхе, уже в отрочестве обнаружившего не меньшую прагматичность и амбициозность. Накануне поступления в учебное заведение он всерьез задумывается о перспективе будущей самостоятельной жизни, которая в его понимании ассоциировалась с возможностью улучшения благосостояния и усиления социального статуса. По примеру матери и отца, которые в свое время имели схожую мотивацию, он целенаправленно стал готовить себя к возможному отъезду из родной Риги в поисках высокооплачиваемой работы. Хотя замыслы эти были скорее отражением максимализма, характерного для периода отрочества, супруги Эйхе отнеслись к стремлениям младшего сына с должным вниманием, всячески поощряя в дальнейшем его решительность в деле обретения качественно нового уровня жизни. Так образовалась своеобразная точка равновесия между личными притязаниями юного Генриха и стимулирующей педагогической позицией его родителей.

Немаловажное значение для процесса становления личности Эйхе имела и благоприятная социально-бытовая среда, которой он был окружен. Детство и юность Генриха прошли в районе Гагенсберг (Hagensberg), ныне известном как

Агенскалнс (Āgenskalns). Расположенный на левом берегу р. Даугавы, в Задвинье, этот район Риги в начале XX в. отличался преимущественно деревянной застройкой и обилием зеленых насаждений, напоминая больше тихую окраину небольшого уездного города, такого как Валк или Венден. Атмосфера Гагенсберга, населенного рабочими, мелкими служащими и торговцами, несла на себе печать провинциальности в лучшем смысле этого слова и традиционного быта. Авторы путеводителей по Риге этого времени, рассуждая о Гагенсберге и прилегающих к нему административных территориях, сходились во мнении, что здесь, «…несмотря на сильную заселенность[121] и значительное число фабрик, благодаря сравнительной тишине и богатой лесной растительности и поныне есть еще уютные уголки, где царит мирная, почти деревенская жизнь»[122].

Вместе с тем обширные кварталы Гагенсберга, в отличие от центральной части Риги, были практически лишены просветительских и культурных центров. Исключение составляли только летний театр Гагенсбергского парка и Гагенсбергское общественное собрание, которое в формате самодеятельности устраивало танцевальные, музыкальные, литературные вечера и драматические представления. Данный недостаток, как показало время, не отразился на эстетическом развитии Эйхе, рано обнаружившего в себе творческие задатки. Однако бедность культурной жизни родного района он позднее не раз будет отмечать в частных беседах, говоря об этом больше с сожалением, чем с негодованием.

Изначально, в первые годы после рождения Генриха, семейство Эйхе проживало по договору аренды в одном из гагенсбергских многоквартирных домов на ул. Большой Лагерной[123]. В последующем, в период между 1897 г. и 1909 г., Эйхе обосновались у своих дальних родственников, в доме № 10 на ул. Ямской[124] (квартира № 6)[125]. «На первом этаже, – как вспоминал о нем впоследствии Эйхе (в переписке либо в ходе беседы с публицистом Дашковым), – в не-

[121] Позволим себе не согласиться с данным утверждением. На 1914 г. Митавская часть, к которой относился и район Гагенсберг, являлась наименее населенным участком в городской черте Риги. Плотность населения здесь составляла 39 человек на 1 га при аналогичном показателе для Петроградской части в 105 человек, для Московской части – 143 человека (Перепись населения в г. Риге и Рижском патримониальном округе от 5 декабря 1913 г. / Под ред. *Е.Е. Штида.* Вып. 1. Рига, 1914. С. 19).

[122] По Риге и ее окрестностям. Иллюстрированный путеводитель. Составлен по немецкому изданию *К. Меттига.* 5-е испр. изд. Рига, 1912. С. 97.

[123] Ныне – улица Нометню (Nometņu iela).

[124] Ныне – улица Орманю (Ormaņu iela).

[125] См.: LVVA. F. 3234. Apr. 21. L. 2095.

скольких комнатах жила наша семья. Именно отсюда в 1914-м я ушел в армию. Вот кухня с окном во двор, мне мама на дорогу тут жарила котлеты»[126].

Данное описание, единственное из имеющихся в нашем распоряжении, позволяет отчасти реконструировать картину жилищной среды, в которой Генриху довелось провести детство и отрочество. Уместно отметить наличие нескольких комнат, что приобретало особое значение для многодетной семьи, отдельной кухни с современными коммуникациями и изолированного двора, где дети под присмотром родителей могли безопасно проводить свободное время. Указанные характеристики позволяют оценить уровень культуры быта, имевший место в доме Эйхе, как достаточно высокий, в особенности, сравнивая его с реалиями жизни горожан великорусских губерний России в начале XX в.

Скорее к европейскому уровню жизни, чем к среднему российскому, жителей Риги и в целом население Остзейских (Лифляндской, Курляндской, Эстляндской) губерний приближала не только развитая культура поведения, работы, досуга, быта и т.д., но и степень образованности. По числу учебных заведений край превосходил иные территории империи[127]. Не случайно земляк Генриха, русский писатель В.Е. Чешихин (Ч. Ветринский), отмечал в начале XX в., что «…по широкому развитию школьного дела, а с ним и грамотности населения, Прибалтийский край, и, в частности, латыши, далеко опередили всю остальную Россию»[128]. Подобное положение вещей было вполне объяснимо. Получение общего и профессионального образования и обретение специальности традиционно воспринималось в латышской среде как залог жизненного успеха, один из немногих способов обрести положение в сословно-иерархической системе Российской империи. Образованность, осознанно возведенная латышами как этнической общностью в своеобразный «культ», позволила многим из них

---

[126] Цит. по: *Дашков С.* О командарме Пятой. С. 152. Исследование показало, что владельцем дома № 10 по ул. Ямской, где обосновалось семейство Эйхе, с 12 июля 1891 г. был Франц Антонович Юткевич. 2 мая 1895 г. он продал дом Яну Германовичу Зеемелю. После смерти последнего недвижимость по решению Рижского окружного суда 19 июля 1913 г. перешла в собственность его вдовы Матильды Зеемель (урожденной Бриге), сыновей Карла Рудольфа и Яна Федора Яновичей Зеемель (См.: LVVA. F. 1615. Apr. 4. L. 6764). Установить однозначно степень родственных связей между указанными лицами и семейством Эйхе пока не представляется возможным.

[127] *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь / *Под ред. К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского.* Т. XXV. СПб., 1898. С. 113.

[128] *Ветринский Ч.* Народное образование и общественная жизнь у латышей (из очерка) // Наша страна. Картины природы и быта народов России / Сост. *Д. Тимковский.* М., 1910. С. 123.

на рубеже XIX-XX вв., после окончания соответствующих учебных заведений, построить успешную карьеру в Русской императорской армии, пополнить ряды творческой интеллигенции, обрести имя на преподавательской ниве и т.д.[129]

Подрастающий Эйхе достаточно четко идентифицировал себя с латышской нацией и естественным образом придерживался системы исторически признаваемых большинством ее представителей социокультурных ориентиров. Разделял юноша, помимо прочего, и присущее латышам в этот период ценностное восприятие образования – характеристику, переданную ему на микроуровне семьи от родителей. Влияние национального фактора, таким образом, мы можем определить как значимую предпосылку формирования одной из сильнейших ментальных черт Эйхе, впоследствии повлиявшей на развитие его военной карьеры, – тяги к обретению знаний и профессиональному совершенствованию.

Склонностью к самообразованию юный Генрих отличался еще до поступления в учебное заведение, предваряя обретение формальной роли учащегося в имперской системе народного просвещения. Здесь уместно упомянуть о нескольких случаях приобретения юношей учебных либо просветительских изданий. Сложно установить, исходил ли Эйхе при этом из соображений «чистого» самообразования либо превалирующим для него на тот момент уже был мотив подготовки к освоению школьной образовательной программы. Так или иначе, события раннего периода жизни Эйхе позволяют говорить о том, что наибольшие надежды на достойную будущность он, безусловно, связывал с получением образования. С ретроспективной точки зрения именно стремление к профессиональному образованию мы склонны рассматривать как первичный инструмент реализации юношей собственных жизненных притязаний и амбиций.

Поступлению Эйхе в учебное заведение предшествовали события Первой русской революции 1905-1907 гг. Напрямую затронувшая Латышский край империи, она, как принято было считать в советской историографии, явилась первым историческим уроком «…ожесточенной классовой войны, запомнившейся юному Генриху Эйхе на всю жизнь», его «…первым революционным универси-

[129] *Екабсонс Э.* Этнические латыши в командном составе русской армии. 1907-1914 гг. // Россия и Латвия в потоке истории. 2-я пол. XIX – 1-я пол. XX в. / Отв. ред. *Е.Л. Назарова.* М., 2015. С. 61-122; *Зелюкина Т.С.* Участие латышских художников в культурной жизни России (1900-1910-е гг.) // Россия и Балтия. Народы и страны. Вторая пол. XIX – 30-е гг. XX в. / Отв. ред. *А.О. Чубарьян.* М., 2000. С. 66-78; *Назарова Е.Л.* Латышские педагоги в России // Интеллигенция в многонациональной империи: русские, латыши, немцы. XIX – начало XX в. / Ред. кол.: *А.В. Гаврилин* и др. М., 2009. С. 128-220.

тетом»[130]. Вынося за скобки указанные эпитеты, отметим, что факт участия 11-12-летнего Генриха в нескольких манифестациях и сходках рижских рабочих, действительно, сильно повлиял на его формирующееся мировосприятие, однако, значение данного момента традиционно преувеличивается. В большей степени это был детский опыт приключенческого, эмоционального наблюдения «из любопытства», который лежал вне сферы осмысленного, критического размышления. Не случайно уже в преклонном возрасте военачальник в своих воспоминаниях неизменно делал акцент исключительно на «потрясающей воображение» чувственной картине событий 1905-1907 гг. Так, в одном из писем уральскому краеведу П.М. Герасимову, датированном 18 мая 1965 г., Эйхе отмечал: «Мне в те далекие годы приходилось многое видеть и слышать … и то было много! И я видел не один раз как те же оренбуржцы *(в данном случае казаки. – Р.Б.)*, прильнув к гривам своих коней, с гиком, криками, размахивая нагайками, неслись на демонстрации рабочих, врезались в толпы людей, били и топтали»[131]. Иными словами, первое знакомство юного Эйхе с жестокими реалиями революционной борьбы, хотя и было крайне близким, объективно, в силу возрастных особенностей, не могло еще способствовать выработке у него тогда, в 1905-1907 гг., какой-либо личностной политической ориентации в пользу РСДРП, что пытался в том или ином виде доказать ряд исследователей биографии военачальника.

Формирование общего рационального представления об идеологии российских социал-демократов относится к более позднему периоду жизни Эйхе. Определяющее значение в этом плане имел опыт спорадического общения Генриха со своими двоюродными братьями, вставшими на стезю революционной борьбы под лозунгами РСДРП[132]. Один из них, профессиональный революционер Роберт (Карл Роберт) Индрикович Эйхе[133], чей отец был единокровным бра-

---

[130] *Дашков С.* О командарме Пятой. С. 153; *Тарасов Е.П.* Краском Генрих Эйхе. С. 5.
[131] ГА РФ. Ф. А-620. Оп. 1. Д. 27. Л. 19.
[132] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 68. Л. 7.
[133] *Эйхе Роберт (Карл-Роберт) Индрикович* (1890-1940). Окончил двухклассное училище в Доблене (1904 г.). В революционной работе с 1905 г., подвергался арестам со стороны властей Лифляндской губернии. В 1919-1924 гг. занимал ряд ответственных постов в системе управления Советской России, в том числе Председателя Челябинского губернского комитета РКП(б), продовольственного комиссара Сибири, заместителя Народного комиссара продовольствия РСФСР. С 1925 г. по 1937 г. руководил органами власти в Сибири в качестве Председателя Сибирского краевого исполнительного комитета и 1-го секретаря Западно-Сибирского краевого комитета ВКП(б). Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) с 1935 г. Народный комиссар земледелия СССР в 1937-1938 гг. Репрессирован, расстрелян. Реабилитирован в 1956 г. Подробнее о нем см.: ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 1. Д. 183. Л. 1-11.

том Кристофа Эйхе, оказал наибольшее влияние на политическую социализацию юноши в предвоенный период. Хотя Р.И. Эйхе был старше Генриха всего на три с половиной года[134], его отличала не по годам ранняя физическая и интеллектуальная развитость. Ставший в 1905 г. членом Социал-демократии Латышского края (СДЛК), отделения РСДРП, Роберт в годы революции занимался активной агитационной деятельностью в Митаве[135] и Риге, за что был взят под стражу[136]. Именно на этот отрезок времени, очевидно, приходится его знакомство с Генрихом. После возвращения Р.И. Эйхе в Ригу в 1911 г. из вынужденной эмиграции контакты братьев вышли на более близкий, доверительный уровень.

Несмотря на то, что общение братьев в 1911-1914 гг. в силу ряда причин не было регулярным, оно отличалось высокой продуктивностью в смысле ознакомления Генриха с ценностными ориентирами РСДРП. Это не было удивительным. Роберт в совершенстве владел навыками агитационно-пропагандистской работы, был харизматичным оратором, знал психологию масс и неплохо разбирался в политической платформе партии. На 1914 г. он закономерно обретает прочное положение одного из лидеров латышских социал-демократов, избирается на IV съезде СДЛК в Брюсселе членом ее Центрального Комитета при личном участии В.И. Ленина[137]. Вместе с тем своеобразное политическое просвещение биографируемого имело более чем поучительный итог, вновь показавший ему цену дела революции. После очередного ареста в феврале 1914 г. Р.И. Эйхе был осужден по статьям 53 и 102 (ч. 1) Уголовного уложения[138] и направлен на поселение под гласный надзор полиции в Енисейскую губернию[139]. Еще раньше был заключен в Рижскую тюрьму другой двоюродный брат Генриха[140].

В силу сказанного выше важно резюмировать, что общение с двоюродными братьями – революционерами, убежденными сторонниками большевистской

---

[134] LVVA. F. 235. Apr. 6. L. 251. Lp. 71 ap.

[135] Ныне – г. Елгава (Jelgava), Латвия.

[136] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 210. Д. 1510. Л. 57.

[137] *Санина И.И.* Роберт Индрикович Эйхе (к 75-летию со дня рождения) // Вопросы истории КПСС. 1965. № 7. С. 93-94. Подробнее о характере и содержании революционной работы Р.И. Эйхе в 1905-1918 гг. см.: *Серебренников С.В.* Партийная и государственная деятельность Р.И. Эйхе: 1905-1940 гг. Дис. … канд. ист. наук. СПб., 1994; *Таурин Ф.Н.* Верность: Повесть о Р. Эйхе. М., 1990; *Цирулис Г.* На явку придут все: Повесть о юности Роберта Эйхе. Рига, 1971.

[138] Ведомость справок о судимости, издаваемая Министерством юстиции, за 1915 год. Книга первая. Пг., 1915. С. 561.

[139] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 150. Д. 188. ч. 8. Л. 5, 12.

[140] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 68. Л. 7. Имя его на данный момент установить не удалось.

платформы, все же не привело Эйхе в 1905-1914 гг. в лагерь носителей идеологии РСДРП. Значение этих контактов ограничилось выработкой у Генриха определенного видения политической линии указанной партии, ее идеалов и ценностей, то есть носило в основном ознакомительный характер. Вместе с тем пространные беседы с братьями сильно изменили внутренний мир юноши, подтолкнув его к принятию вне политического поля РСДРП некоторых ее аксиологических оснований, в том числе идеалов социальной справедливости и равноправия, права наций на самоопределение, мирного сосуществования народов и т.д.

Следует признать, что Эйхе по-юношески, очевидно, импонировала опасная революционная работа своих братьев, но уподобиться им и разделить с ними путь борьбы он на тот момент не имел ни желания, ни потребности. Генрих отличался разумной прагматичностью. Для него важно было добиться успеха в рамках легализованных имперским режимом институтов, достичь благосостояния, словом, сложиться в профессиональном плане и нажить своим трудом материальный капитал. Революционные идеи с указанными установками были несовместимы. Не одобряли, по крайней мере, открыто, путь прямой борьбы с имперским режимом и родители Эйхе, которые, будучи скромными обывателями, в той или иной степени испытывали ощутимое давление со стороны властей из-за своих родственников – революционеров. Тем не менее личностная политическая социализация Эйхе при всем его благоразумии, уравновешенности и здравомыслии впоследствии только усиливалась (хотя внешне, вероятно, почти не проявлялась), что следует связывать с расширением круга его знакомств и общения, в том числе после поступления в учебное заведение.

Для обретения основного профессионального образования Эйхе по согласованию с отцом избрал созданную в 1902 г. Рижскую городскую торговую школу на Бастионном бульваре[141] – одно из ведущих учебных заведений Лифляндской губернии. Здесь будущий военачальник проходил обучение на коммерческой основе на протяжении почти шести лет – с января 1906 г. по декабрь 1911 г.[142] Говоря об этом периоде, нельзя не отметить ошибочность утвердившейся в историографии[143] точки зрения, предполагавшей, что Эйхе получил образование

[141] Ныне – бульвар Зигфрида Анны Мейеровица (Zigfrīda Annas Meierovica bulvāris).
[142] РГАЭ. Ф. 870. Оп. 266. Д. 130. Л. 69.
[143] См., например: *Čehlovs A.* Armijas komandiera liktenis. Lp. 17; *Артамонов М.Д.* Введенские горы. М., 1993. С. 8; Большая советская энциклопедия. 3-е изд. / Гл. ред. *А.М. Прохоров.* Т. 29. М., 1978. С. 582.

в коммерческом училище Риги. Как нам удалось установить, основанное в 1899 г. Рижское коммерческое училище Биржевого комитета ни прямого, ни косвенного отношения к процессу обучения молодого человека все же не имело.

Избранная Эйхе Рижская торговая школа была известна далеко за пределами края благодаря атмосфере открытости и демократизма, отсутствию формализма в учебном процессе и широкому допущению общественности (в лице попечительского совета под председательством градоначальника Г.И. Армистеда) к делам школы – не только хозяйственным, но и педагогическим. Учебная программа школы характеризовалась обширностью как по количеству дисциплин и глубине их освоения, так и по объему учебных часов. В этом смысле она выходила далеко за рамки типовой программы преподавания в коммерческих учебных заведениях России, утвержденной в 1896 г. Помимо традиционных (русский язык, основания геометрии, отечественная история и др.), обучающиеся осваивали такие специальные дисциплины, как коммерческая арифметика, коммерческая география, книговодство, сведения о товарах местного торгового района и др. Воспитанники школы отличались высокой конкурентоспособностью на рынке труда Балтии. Этому способствовало прохождение ими курсов, не предусмотренных типовой учебной программой: немецкий язык (6 лет), французский язык, простая арифметика (3 года), рисование (3 года) и др. Педагогический комитет школы в этой связи подчеркивал, что «…полнота и обширность курса … в сравнении с программою преподавания по положению о коммерческих учебных заведениях объясняется тем, что это положение имеет в виду лишь трехклассные торговые школы, тогда как Рижская школа … является школою четырехклассною с двумя подготовительными классами…»[144]. Данная особенность приближала торговую школу Риги скорее к профилю полноценного коммерческого училища – высшей категории учебных заведений соответствующего сегмента.

Профессиональное совершенствование Эйхе в процессе обучения в торговой школе поддерживалось наличием интеллектуального, культурного окружения. Среди его товарищей в этот период можно выделить: Вильгельма Мунтерса, будущего министра иностранных дел независимой Латвии в 1936-1940 гг., известного в связи с событиями присоединения страны к СССР в 1940 г.; Карла Лидакса, композитора и дирижера в 1920-1930-е гг., ставшего команди-

[144] Материалы по коммерческому образованию. Вып. III. Торговые школы. СПб., 1905. С. 167.

ром РККА, интендантом II ранга в 24-м территориальном корпусе Латвийской ССР; Д.А. Тумаркина, который впоследствии вырос в видного деятеля печати, будучи главным редактором газеты «Советская Сибирь» в 1922-1925 гг. и газеты «Труд» в Москве в 1930-е гг.; А.Я. Ванага, будущего крупного военного деятеля, состоявшего в 1930-е гг. начальником интендантского факультета Военно-хозяйственной академии РККА в звании дивизионного интенданта и заместителем начальника Военно-хозяйственного управления РККА.

Обучение в школе способствовало дальнейшему развитию у Эйхе в личностном плане чувства «вольнодумства». Не в последнюю очередь этому способствовало тесное общение его с одним из преподавателей школы кандидатом коммерции Н.М. Заблоцким[145], известным своими демократическими взглядами и нетривиальными подходами к обучению, и учащимся школы А.П. Спундэ[146], убежденным последователем Социал-демократии Латышского края и будущим профессиональным революционером. Необходимо отметить, что знакомство с последним явилось, в сущности, первым контактом Генриха с носителем идеологии РСДРП за пределами родственного круга. Благодаря неформальному общению с харизматичным Спундэ представления юноши о тактике и политических воззрениях социал-демократов России были основательно дополнены. В стенах школы Эйхе, таким образом, обрел не только знания профессионального порядка, но и расширил спектр своих политических знаний и представлений.

Многолетний период обучения для Генриха подошел к концу 23 декабря 1911 г., с вручением ему аттестата за № 303 об успешном прохождении полного курса Рижской городской торговой школы[147]. С этого дня будущий революционный полководец становится полноправным носителем общего коммерческого образования, которое в начале XX в., в эпоху формирования капиталистических отношений в России, считалось весьма престижным, особенно в среде

---

[145] *Заблоцкий Николай Михайлович* (1863-1944). Окончил Рижский политехнический институт (1889 г.). В 1902-1915 г. – преподаватель, инспектор Рижской городской торговой школы, награжден орденами Св. Станислава III ст. (1903 г.), Св. Анны III ст. (1914 г.). После 1918 г. – в системе образования Латвийской республики. Ныне известен в Латвии как выдающийся педагог и новатор своего времени.

[146] *Спундэ Александр Петрович* (1892-1962). Член РСДРП (СДЛК) с 1909 г. Окончил Рижскую городскую торговую школу (1907 г.). Подвергался арестам за революционную работу. С 1913 г. – в ссылке в Енисейской губернии. После 1917 г. – член ЦИК РСФСР, один из первых управляющих Госбанком РСФСР. В 1920-1930-е гг. член Дальневосточного бюро ЦК РКП(б), член коллегии Народного комиссариата финансов СССР, Народного комиссариата путей сообщения СССР. С 1931 г. – пенсионер.

[147] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 184844. Л. 174.

предприимчивых латышей, и связанным с перспективой достойного заработка.

Качественное образование явилось для Эйхе своеобразной «путевкой» в обеспеченное будущее и в этом плане оправдало его юношеские надежды. Трудовая карьера Генриха в канун Первой мировой войны развивалась весьма успешно. Уже в январе 1912 г. способного юношу принимает на работу известное в империи пароходное общество «Helmsing & Grimm», суда которого базировались в порту Риги[148]. Принадлежавшее купцам 1-й гильдии К.Е. Гельмсингу и Е.В. Гримму, пароходство было одной из 14 российских фирм, на регулярной основе занимавшихся плаванием в зарубежные порты[149]. Товарно-пассажирские сообщения «Helmsing & Grimm» отличались обширностью сети. 16 собственных пароходов фирмы осуществляли работу в акваториях Балтийского, Белого, Северного, Средиземного, Черного, Азовского морей. Особой популярностью среди состоятельных слоев населения пользовались еженедельные рейсы по маршруту Санкт-Петербург – Лондон быстроходными пароходами 1-го класса. Нельзя не упомянуть также, что в руках пароходства консолидировалась значительная доля рижского экспорта ряда пищевых товаров, например, зерна и яиц[150].

Работа в именитой компании со столь специфической экономической моделью требовала наличия особой квалификации, которой у Эйхе на первых порах не было. По этой причине первые два года он проходил так называемое оплачиваемое фирмой «ученичество», связанное с изучением дела морских перевозок и фрахтовки, и только в конце 1913 г. стал полноценным оперативным работником импортного отдела «Helmsing & Grimm». Однако на момент готовности формального аттестата о присвоении ему профессии «Коммерческое пароходство», к 8 декабря 1914 г.[151], Эйхе уже был мобилизован в армию, вследствие чего соответствующий документ, судя по всему, был передан его родителям.

Работа в конторе фирмы, в целом однообразная, отличалась сравнительно высоким для мещанина того времени уровнем оклада. Но Эйхе был достаточно честолюбив, и положение ординарного мелкого служащего, очевидно, не могло принести ему морального удовлетворения. Он стремился зарекомендовать себя

---

[148] РГАЭ. Ф. 870. Оп. 266. Д. 130. Л. 82.

[149] [Б.а.]. Балтийский торговый флот в 1906 году // Русское судоходство. 1907. № 4. С. 26.

[150] Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 год: материалы симпозиума / Ред. кол.: *В.К. Яцунский* и др. Кишинев, 1966. С. 681.

[151] РГАЭ. Ф. 870. Оп. 266. Д. 130. Л. 79 об.

с самой лучшей стороны, рассчитывая в обозримом будущем получить повышение: целенаправленно расширял профессиональные навыки, достиг экстраординарных результатов в изучении иностранных языков, что ценилось в «Helmsing & Grimm». К неполным двадцати годам Эйхе в совершенстве владел тремя языками (немецким, английским, французским) помимо родных, латышского и русского. Изучению четвертого языка (испанского) помешала мировая война.

Между тем главное внеслужебное увлечение Эйхе в предвоенный период, как следует из его воспоминаний, лежало в области изящных искусств – в музыкальном творчестве. Молодой латыш деятельно занимался в творческих кружках, которых в Риге того времени было немало, на любительском уровне достаточно хорошо играл на мандолине, фортепиано и гитаре, чем в период Гражданской войны приятно удивлял своих боевых товарищей, красных командиров. В этой связи не будет преувеличением сказать, забегая вперед, что из лиц высшего командного состава РККА периода Гражданской войны Эйхе, видимо, представлял одну из наиболее творческих фигур наряду с известным ценителем классической музыки М.Н. Тухачевским, игравшим, к слову, на скрипке, и латышом Р.П. Эйдеманом, автором массы замечательных литературных произведений на русском и латышском языках – пьес, повестей, рассказов, стихотворений[152].

Увлечение музыкальным творчеством захватило Эйхе настолько, что накануне мировой войны он предпринял смелую попытку перенести его в профессиональную плоскость. Ведомый стремлением «постичь душу музыки», Генрих в 1913 г. приезжает в Берлин, где успешно поступает на заочный факультет Берлинской консерватории по классу композиции[153]. В это время консерватория Берлина была главным проводником традиций немецкой музыкальной школы, признанным европейским авторитетом в деле подготовки музыкальных кадров. Ее структура и принципы работы, отмечает искусствовед П.И. Петри, воспроизводились и в специализированных учебных заведениях России[154]. Обучение в лучшем европейском музыкальном центре, которое Эйхе волевым решением совместил с работой в «Helmsing & Grimm», позволяло ему со временем рассчиты-

---

[152] См., например: *Жуковская В.* Робертс Эйдеманис: биобиблиограф. указ. Рига, 1979; *Эйдеман Р.П.* Во имя долга: рассказы. М.-Л., 1927; *Эйдеман Р.П.* Степной ветер: повести и рассказы. М., 1965.

[153] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 68. Л. 3.

[154] *Петри П.И.* Взаимодействие немецкой и русской хоровой традиции в контексте культуры России XVII – XIX веков. Автореферат дис. … канд. искусствоведения. Нижний Новгород, 2005. С. 21.

вать на дальнейшее кардинальное изменение сферы профессиональной деятельности в пользу карьеры композитора. Установить действительную меру серьезности подобных намерений Эйхе, однако, пока не представляется возможным.

Разразившаяся в июле 1914 г. Первая мировая война подвела черту под планами Эйхе, его многообещающим карьерным и творческим будущим. Логика стремительно нараставшего международного противостояния вынудила юношу прервать обучение в Берлинской консерватории на втором курсе, так как с введением военного положения он утратил возможность прибыть в Берлин, который стал восприниматься как столица враждебного государства. В этом смысле установление режима конфронтации между Россией и Германией явилось глубокой личной трагедией Генриха, которую он переживал с большим трудом.

Невзирая на известный патриотический подъем российского общества, в стороне от которого, как справедливо отметил историк А.В. Марыняк, не осталось и русское студенчество[155], личное отношение Эйхе к набиравшему обороты конфликту, таким образом, было сугубо отрицательным. «В двадцать один год, – вспоминал он впоследствии, – уже начинаешь кое-что понимать в жизни, и меня больше всего беспокоило то, что война надолго оторвет меня от моих любимых занятий и юношеских увлечений. <…> Призыв и война грозили решительно перечеркнуть мои занятия музыкой…»[156]. Пессимистичные ожидания Эйхе, как показало время, обрели качество худшей действительности.

Потеря высокого статуса студента зарубежного вуза привела к тому, что в ходе призыва в Русскую армию 17 октября 1914 г.[157] Эйхе, интеллигент, интеллектуал и специалист высокой квалификации, был определен к службе лишь в качестве обыкновенного нижнего чина (рядового). Отметим, подобное положение вещей было бы невозможно в случае его принадлежности на момент мобилизации к категории воспитанников высших учебных заведений. Так, при условии сохранения за собой учебного места в Берлинской консерватории (учебном заведении I разряда) Эйхе в соответствии с «Временными правилами о порядке привлечения в 1914 году в войска … молодых людей, пользующихся отсрочка-

---

[155] *Марыняк А.В.* «Последний резерв Империи»: призыв воспитанников высших учебных заведений в годы Первой мировой войны // Военная история России XIX-XX вв. Материалы IV Международной военно-исторической конференции / Под ред. *А.В. Арановича.* СПб., 2011. С. 233.

[156] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 68. Л. 1-2.

[157] РГВА. Ф. 37976. П/с № 263-911. Л. 2.

ми[158] для окончания курса высших учебных заведений» подлежал немедленной отправке в военное училище для подготовки в качестве офицера[159] по программе 4-месячного ускоренного курса[160]. Однако, исследование показало, что правом на подобную привилегию биографируемый к этому времени уже не обладал.

Отсутствие у Эйхе данного права подтверждается материалами его первого личного послужного списка, хранящегося в Российском государственном военно-историческом архиве. Из текста документа следует, что в ходе осуществления призывных мероприятий Эйхе был однозначно отнесен по уровню образования к II разряду (среднее образование). Основанием для этого служил представленный им аттестат Рижской городской торговой школы за № 303[161]. Каких-либо упоминаний о прохождении Эйхе курса обучения в Берлинской консерватории и его текущей принадлежности на момент мобилизации к I разряду (высшее образование) в документах воинского учета не присутствует. Таким образом, мы можем считать установленным, что формально низкий образовательный ценз Генриха Эйхе, бесспорно, не отображавший реального уровня образованности и общего развития, явился ключевой причиной, обусловившей его невыгодное первоначальное положение в составе Русской императорской армии.

После прохождения ряда призывных мероприятий в Риге Эйхе был командирован в ноябре 1914 г. в Саратов. В рядах развернутого здесь 91-го запасного пехотного батальона Казанского военного округа он прошел первичное обучение военному делу. В расположение подразделения Эйхе прибыл и был зачислен молодым солдатом 12 декабря 1914 г. Официальный ранг рядового юноша обретает 1 февраля 1915 г., после принятия Присяги на верность Царю и Отечеству.

Следует указать, что в ряде изданий начальный этап воинской службы Эйхе связывается с его пребыванием в «…186-м Асландузском запасном полку в

---

[158] Эйхе как слушатель зарубежного учебного заведения, приравненного по меркам Российской империи к категории высших (учебное заведение I разряда), при соблюдении некоторой совокупности условий обладал правом на получение отсрочки отбывания воинской повинности до наступления 27 лет (См.: *Василевский Н.А.* Руководство для штаб-офицеров и капитанов, подвергающихся испытанию при зачислении в кандидаты на должности уездных воинских начальников и справочная книга для уездных воинских начальников. 7-е изд. М., 1910. С. 501-502).

[159] Временные правила о порядке привлечения в 1914 году в войска, на основании статьи 61[6] Устава о Воинской Повинности, по продолжению 1912 года, потребного числа молодых людей, пользующихся отсрочками для окончания курса высших учебных заведений // Русский инвалид. 1914. № 253. 7 ноября.

[160] Приказ по Военному ведомству № 689 от 20 октября 1914 г. // Приказы по Военному ведомству. 1914 г. Пг., 1914. С. 1865.

[161] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 184844. Л. 174.

Саратове»[162]. Как удалось установить из выявленных военно-учетных материалов Эйхе и ряда иных источников, данный тезис не соответствует действительности. 186-й Асландузский пехотный (не запасной) полк в составе 47-й пехотной дивизии убыл из Саратова на Юго-Западный фронт еще в августе-сентябре 1914 г. Между ним и 91-м запасным батальоном прослеживается лишь весьма опосредованная связь, так как последний был развернут на базе кадра, оставленного «асландузцами» в Саратове при отправке в действующую армию.

Средоточием массы воинских формирований, по преимуществу запасных, провинциальный Саратов стал с первых месяцев войны. Уже к осени 1915 г. их численность составляла 40 тыс. человек[163]. Присутствие в городе с населением в 235 тыс. человек[164] столь значительного контингента войск серьезным образом ухудшило социальное самочувствие горожан и со временем породило волну общественного недовольства. Случаи недисциплинированности, игнорирования требований воинских начальников и грубых нарушений общественного порядка составили дурную славу военнослужащим саратовского гарнизона[165]. «Даже самые "морально-устойчивые" призывники, – указывал историк И.Н. Плешаков, – после недолгого нахождения в запасных частях Саратова … к моменту отправки на фронт превращались в развращенных и озлобленных солдат»[166].

Определенные проблемы с дисциплиной имели место и в 91-м запасном пехотном батальоне, где Эйхе пребывал первые шесть месяцев службы. В отличие от расквартированного в непосредственной близости 90-го запасного батальона, здесь в 1915 г. находилось совсем немного местных добровольцев – выходцев из Саратовской губернии[167]. Возможно, вследствие этого многие из сослуживцев Генриха по батальону позволяли себе всячески третировать горожан, вызывающе вести себя по отношению к представителям городской власти и совершать мелкие правонарушения. С долей безысходности об этом высказался позднее, в январе 1917 г., полковник Н.Ф. Безбородов, инспектировавший за-

---

[162] См.: Подвиг Пятой Красной: Сб. воспоминаний / Сост. *Я.М. Кузнецов.* Новосибирск, 1984. С. 51; Разгром Колчака: Воспоминания / Сост. *Л.М. Спирин.* М., 1969. С. 292.

[163] ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3427. Л. 119.

[164] Статистический ежегодник России. 1914 г. (одиннадцатый год издания). Пг., 1915. С. 135.

[165] См., например: ГАСО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 1835. Л. 22, 26, 36-38, 44-45, 51-51 об.

[166] *Плешаков И.Н.* Тыловые гарнизоны Первой мировой войны (на примере Саратовской губернии) // Доклады Академии военных наук. 2006. № 5 (23). С. 97.

[167] *Посадский А.В.* Большинство населения было готово на жертвы. Коллективный портрет добровольцев Саратовской губернии // Военно-исторический журнал. 2001. № 9. С. 65.

пасные подразделения Саратова: «Если в мирное время армия не может жить без внутреннего порядка и дисциплины, то в военное время и подавно»[168].

Несмотря на упомянутые факты нарушений дисциплинарного характера, будет правильно подчеркнуть, что процесс непосредственного обучения молодых солдат в 91-м запасном батальоне находился на должном уровне, по крайней мере, в течение значительной части 1915 г. Об этом, помимо прочего, свидетельствуют материалы инспекционного осмотра батальона в августе 1915 г. генералом Ф.К. Язвиным, состоявшим для особых поручений при командующем Казанским военным округом. По ряду ключевых служебных показателей его инспекция дала положительную оценку состоянию батальона: «Вид людей и выправка отличные…», «одеты … хорошо», «учителя подготовлены хорошо…», «обучение нанесению удара штыком и производству атаки поставлено правильно», «о том, что придется делать на театре военных действий вообще и в частности в бою, молодые солдаты уже ознакомлены, а также знают назначение окопов и способы атаки и обороны их» и т.д.[169] Исходя из сказанного, у нас нет серьезных оснований сомневаться в том, что юный Эйхе к концу 6-месячного периода нахождения в рядах 91-го запасного пехотного батальона был досконально образом подготовлен к последующему прохождению службы в действующей армии, с точки зрения требований, предъявляемых к нижним чинам.

Тем не менее дух недисциплинированности и вседозволенности, процветавший в среде личного состава 91-го запасного батальона, безусловно, был органически непереносим для Эйхе и мог вызвать у него только чувство непонимания и отторжения. В этом смысле первое впечатление латыша-интеллектуала от порядков в Русской армии вряд ли осталось сколько-нибудь положительным.

Вектор развития военно-служебной деятельности молодого Эйхе претерпел крупные изменения весной 1915 г. По представлению батальонного командира[170] он был откомандирован 19 мая 1915 г. (этапом через 90-й и 3-й запасные пехотные батальоны) в распоряжение Петроградского военного округа для прохождения ускоренного курса 3-й Петергофской школы прапорщиков[171]. Та-

[168] ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3558. Л. 76.
[169] Приказ Казанскому военному округу № 991 от 18 сентября 1915 г. // Приказы Казанскому военному округу. 1915 г. [Б.м.]. С. 1081-1082.
[170] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 68. Л. 12.
[171] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 184844. Л. 174 об.

ким образом, у юноши вновь появилась хорошая возможность обрести высокий статус армейского командира посредством краткосрочного обучения в военно-учебном заведении, компенсировав в этом смысле упущенную в 1914 г. перспективу начала офицерской карьеры. Принадлежность Генриха по уровню образования к II разряду в данной ситуации уже не являлась каким-либо препятствием для поступления. Более того, в соответствии с инструкциями Военного министерства Российской империи «…нижние чины, состоящие в войсках с правами по образованию не менее второго разряда» пользовались приоритетным правом при наборе в соответствующие учебные заведения[172].

Со стороны военного руководства России развертывание сети школ ускоренной подготовки офицеров явилось во многом вынужденной мерой, обусловленной потребностью в скорейшем восполнении колоссальных потерь среди кадрового офицерства[173] и необходимостью комплектования командным составом штата развертываемых пехотных дивизий 2-й очереди. Отношение к выпускникам школ прапорщиков на протяжении мировой войны не было однозначным. Не без основания генерал В.В. Чернавин, воочию наблюдавший процесс качественной эволюции офицерского корпуса в военное время, определял школу прапорщиков как «наименее удовлетворительный тип школы» для формирования строевого командного состава армейской пехоты[174]. В то же время реальной альтернативой 3-месячному ускоренному курсу подготовки офицерских кадров Русская императорская армия в 1914-1916 гг., в сущности, не располагала.

Создание школ прапорщиков, отметим, повлекло за собой фундаментальное изменение социальной основы русского офицерского корпуса за счет увеличения в его рядах доли представителей так называемых «демократических слоев общества»[175] – инородцев, сельских и городских обывателей. К их числу принадлежал и вчерашний рижский мещанин, служащий конторы Генрих Эйхе.

Период обучения Эйхе в 3-й Петергофской школе прапорщиков берет свое

---

[172] Приказ по Военному ведомству № 647 от 30 сентября 1914 г. // Приказы по Военному ведомству. 1914 г. С. 1819; Приказ по Военному ведомству № 742 от 19 ноября 1914 г. // Там же. С. 1940.

[173] По оценкам историка С.В. Волкова, за первый год Первой мировой войны выбыл из строя «…едва ли не весь кадровый офицерский корпус: … из 72 985 боевых потерь за всю войну … на 1914-1915 гг. приходится 45 115…» (*Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 112).

[174] *Чернавин В.В.* К вопросу об офицерском составе старой Русской армии к концу ее существования // Военный сборник. Кн. 5. Белград, 1924. С. 222-223.

[175] *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917-1920 гг. М., 1988. С. 50.

начало 28 мая 1915 г., когда он прибыл в ее расположение и был зачислен в списки обучающихся[176]. Последовавшие за этим три месяца, проведенные в Петергофе, можно с уверенностью назвать поворотной вехой в жизни юноши. Именно на петергофском этапе личность будущего командарма претерпевает глубокую внутреннюю деформацию, тяжелый процесс отказа от ориентиров мирной жизни, только благодаря которому становится возможной выработка у него сознательной готовности к принятию новой социальной роли – активной роли военного специалиста. Подобное переосмысление целеустановок личности заложило, в конечном счете, основу для формирования Эйхе как военачальника. В этой связи необходимо особо подчеркнуть, что акт его качественного «превращения» из обыкновенного служащего, каким он был до мобилизации, в офицера армейской пехоты, что имело место в рамках обучения в Петергофе, был обусловлен в большей мере ментальными факторами. Иными словами, данный акт не представлял собой обыкновенное изменение рода деятельности или, говоря условно, профессионального статуса Эйхе. Указанная внутренняя трансформация личности 21-летнего юноши-интеллигента, ранее никоим образом не задумывавшегося об армейской карьере, не в последнюю очередь объясняется эффективной, целенаправленной военно-педагогической работой учебного заведения, в котором Генриху довелось пройти 3-месячную подготовку к офицерской службе.

В период Первой мировой войны 3-я Петергофская школа прапорщиков обрела известность одной из лучших в Русской армии. По состоянию на 1915 г. реальное совокупное количество учебных часов (624 часа на 12 недель), выделяемых на подготовку будущих командиров, выводило ее в лидеры среди учебных заведений подобного сегмента[177]. Учебная программа школы была ориентирована на выработку у воспитанников, прежде всего, практических навыков боевой командной работы. Важность подобного подхода сложно переоценить, учитывая, что путь абсолютного большинства вновь произведенных прапорщиков лежал в действующую армию. Так, приблизительно $^{1}/_{2}$ учебного курса обучающиеся 3-й Петергофской школы прапорщиков проводили в поле, $^{1}/_{4}$ – на плацу и только $^{1}/_{4}$ – непосредственно в учебных классах. При этом около половины учебного времени отводилось занятиям по тактике, которые на $^{4}/_{5}$ пред-

[176] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 184844. Л. 174 об.

[177] Упомянем с целью сравнения, что аналогичный показатель для 1-й Московской школы прапорщиков составлял только 400-440 часов, 2-й Московской – 450 часов, 3-й Московской – лишь 363 часа.

ставляли практические полевые занятия. Наряду с ориентирами учебной программы, большое внимание в школе уделялось физическому и культурному совершенствованию воспитанников. По воспоминаниям лидера Конституционно-демократической партии, эмигранта П.Н. Милюкова, в школе отсутствовали какие-либо наказания, функционировал спортивный и музыкальный кружки, а также «…симфонический оркестр, великорусский и духовой оркестры и хор»; в распоряжении учащихся находились гимнастический городок, школы плавания («…имеется флотилия и введен курс гребного и парусного плавания…») и верховой езды; наличествовал школьный огород[178]. Состояние 3-й Петергофской школы прапорщиков в 1915 г. высоко оценил также выдающийся военный педагог начала XX в. Б.В. Адамович, состоявший в качестве генерала для особых поручений при Военном министре империи. В ходе посещения учебного заведения с инспекцией он обратил особое внимание на доброжелательные отношения между воспитанниками и преподавательским составом: «Весь объем отношений к ним *(обучающимся. – Р.Б.)* отвечает основной мысли: претворить в 3 месяца солдата в офицера, соответственно чему в отношениях офицеров заметна мягкость и общительность»[179]. Характеризуя состояние учебного процесса, генерал Адамович указывал, что постановка обучения в 3-й Петергофской школе «…может быть признана интересной для многих школ прапорщиков. В школе ясно сознана конечная цель – подготовки заместителя офицера для службы в текущей войне, довольно верно определен объем … знаний, которые можно дать в 3 месяца, и … правильно распределяется прохождение отделов *(разделов учебной программы. – Р.Б.)* по времени»[180].

Условием эффективной реализации заведением ориентиров учебной программы явилось присутствие в штате преподавателей значительного числа состоявшихся офицеров с боевым прошлым. Среди них положительно выделялся начальник школы, 45-летний полковник барон В.К. Де Пеленберг, обладавший еще до мировой войны особым взглядом на методы подготовки войск[181] и лично участвовавший в четырех крупных конфликтах начала XX в. За умелую по-

[178] ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2135. Л. 1 об.-2.

[179] Выдержки из донесений Военному министру генерал-майора Адамовича об осмотре школ подготовки прапорщиков пехоты. Казань, 1917. С. 11.

[180] Там же. С. 12.

[181] *Пеленберг Де.* Боевая подготовка войск // Военный сборник. 1911. № 10. С. 1-8.

становку обучения в школе он был удостоен 18 декабря 1915 г. персональной благодарности Военного министра[182]. Незаурядной личностью был также курсовой офицер капитан Боб, попечением которого Эйхе освоил основной массив учебного курса. Ветеран Русско-японской войны 1904-1905 гг., Боб долгое время состоял преподавателем в кадетском корпусе и характеризовался, по утверждению историка Тарасова, мастерским умением «…доходчиво и … на конкретных примерах раскрывать положения уставов или наставлений»[183]. На протяжении жизни Эйхе сохранил глубокое почтение к капитану Бобу, которого мы по праву можем считать одним из учителей военного специалиста.

В числе воспитанников 3-й Петергофской школы ускоренной подготовки офицеров Эйхе состоял на протяжении 80 дней, то есть чуть меньше номинального 3-месячного срока, отведенного регламентом на подготовку прапорщиков армейской пехоты. Процесс же его реального обучения, как показало исследование, в основном подошел к концу еще раньше – 30 июля 1915 г., когда он был произведен в чин младшего унтер-офицера. Это, отметим, представляло традиционную практику в отношении учащихся, признанных успешно освоившими главную часть учебного курса школы и удостоенных права дальнейшего производства в прапорщики[184]. Непосредственное утверждение в первом офицерском чине, столь судьбоносное для юного Эйхе, состоялось 15 августа 1915 г., будучи оформленным приказом № 328 по 6-й армии Петроградского военного округа[185].

Период нахождения в 3-й Петергофской школе явился для Эйхе, как отмечалось ранее, временем глубокой переоценки жизненных ориентиров. Затянувшаяся мировая война и невозможность возвращения к мирному формату существования, к творческой и трудовой деятельности, вынудили юношу адаптироваться и осознанно избрать прохождение службы в чине офицера в качестве новой стратегии выживания в жестких военных условиях. Обретение данного статуса, помимо явных военно-служебных преимуществ (возможность карьерного «продвижения», достойный уровень денежного и вещевого довольствия, хорошее питание и т.д.), позволило Генриху перейти к качественно новому, бо-

[182] ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2135. Л. 1 об.
[183] *Тарасов Е.П.* Красном Генрих Эйхе. С. 10.
[184] Приказ по Военному ведомству № 647 от 30 сентября 1914 г. // Приказы по Военному ведомству. 1914 г. С. 1820; Приказ по Военному ведомству № 742 от 19 ноября 1914 г. // Там же. С. 1941.
[185] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 184844. Л. 174-175; РГВА. Ф. 37976. П/с № 263-911. Л. 1 об.-2.

лее высокому социальному положению, к чему он стремился, как указывалось выше, с ранних лет. С производством в прапорщики 21-летний латыш приобретал права личного дворянства и вполне определенный функционал власти, становился членом престижной офицерской корпорации. При должном усердии ему в перспективе был открыт доступ к широкой номенклатуре обер-офицерских чинов и соответствующих Высочайших наград и поощрений. Таким образом, к Эйхе уже во второй трети 1915 г. пришло твердое понимание, что война может стать для него временем больших личных возможностей, о которых в условиях мирной жизни он и не помышлял. Данный личностный фактор сыграет фундаментальную роль в успехе развития карьеры Эйхе в годы Первой мировой войны.

В контексте исследуемой темы важно также подчеркнуть, что обучение в Петергофе следует рассматривать как важнейший военно-теоретический базис, на основании которого происходило дальнейшее совершенствование навыков командной деятельности Эйхе в 1915-1918 гг., уже в условиях фронта, в боевой обстановке. 3-я Петергофская школа явилась для военачальника в этом плане полноценной Alma mater в сфере военного дела, предопределившей его неплохие начальные позиции на службе в ранге строевого командира Русской армии.

Эйхе был воодушевлен вновь обретенным положением офицера. Это косвенно подтверждает тот факт, что после получения форменной одежды он первым делом наносит визит фотографу в Петрограде. Соответствующий снимок, визуализирующий облик Генриха в новом высоком статусе, направляется им вскоре в Ригу, к родным. Очевидное увлечение Эйхе атрибутами офицерской службы, по крайней мере, внешними, демонстрирует уже эта, первая фотография[186]. Молодой латыш запечатлен здесь в стандартной форме прапорщика, однако на правой полочке кителя, под погоном, закреплен плетеный аксельбант. Оснований для его ношения Эйхе не имел, так как соответствующим правом из лиц офицерского состава обладали только чины не ниже IV класса (генералы), выпускники Академии Генерального штаба и адъютанты различных уровней. В данном случае молодой человек, вероятно, решил немного «приукрасить» свой скромный мундир. Примечательно и холодное оружие, наличествующее у Эйхе. Это не типовая пехотная офицерская сабля образца 1913 г., которой оснащались зачастую молодые прапорщики, но драгунская офицерская шашка образца

[186] НГКМ. Ед. хр. № ОФ-13896 (1915 г.).

1881/1909 гг. Более того, строение эфеса шашки вкупе с наличием особого темляка цвета ленты ордена Св. Анны позволяет идентифицировать ее как наградное Анненское оружие «За храбрость». Судя по всему, на момент фотографирования молодой Эйхе еще не получил в пользование оружия (о чем говорит также отсутствие у него табельного револьвера и кобуры) и временно заимствовал шашку, придающую властную «значительность» его образу, у кого-либо из боевых офицеров школы. Приведенные соображения позволяют сделать уверенный вывод, что к этому времени Эйхе достаточно сильно проникся ощущением важности своего нового положения армейского командира и стремился всячески его подчеркивать дополнительными статусными элементами внешнего характера.

Нельзя не упомянуть о том, что с наступлением 1915 г. существенно изменился не только служебный, но и семейный статус Генриха. После выпуска из школы прапорщиков Эйхе сочетался браком с 21-летней Марией Александровной Ивановой. Она родилась 8 января 1894 г., происходила из многодетной семьи городских обывателей (рабочего и домашней хозяйки), окончила начальное Уфимское приходское училище и накануне мировой войны проживала с родителями в Уфе[187]. Реконструировать обстоятельства знакомства молодых супругов пока не представляется возможным, но факт женитьбы позволяет судить об оптимистичном настроении Эйхе перед отправкой на фронт, наличии у него видения жизненной перспективы и определенных планов на мирное будущее.

Пережить испытание войной молодому прапорщику Эйхе предстояло на западной окраине империи, в Гродненской губернии. Из Петрограда проездом через штаб Западного фронта он был направлен в распоряжение генерала А.А. Безкровного, начальника штаба 38-го армейского корпуса 10-й армии, который передал ему предписание о назначении в 62-ю пехотную дивизию. Здесь с конца августа 1915 г. юноша занял пост субалтерн-офицера в одной из рот 245-го Бердянского пехотного полка. В штате полка Эйхе оставался до ноября 1917 г., то есть на протяжении почти всего периода службы в Русской императорской армии и «Революционной армии свободной России» Временного правительства.

[187] Эйхе (*Иванова) Мария Александровна* (1894 – не позднее 1955). Беспартийная. В годы Гражданской войны сопровождала Эйхе на фронте, позднее занималась воспитанием дочери Нелли. В 1930-1940-е гг. состояла на работе в системе закрытых продовольственных распределителей Народного комиссариата снабжения РСФСР и Управления по делам архитектуры при Совете министров РСФСР. В остальное время воспитывала внука Александра, родившегося в 1941 г. По некоторым данным, пребывала в разводе с Эйхе с 1936 г. Подробнее о ней см.: ГА РФ. Ф. А-150. Оп. 1. Д. 1024. Л. 1-10.

Развитие командной карьеры Эйхе в годы мировой войны, хотя и характеризуется в основном привязкой к одной воинской части, отличалось, наряду с этим, высокой динамикой служебных перемещений. Многоопытный командир бердянцев полковник А.С. Воробьев[188] стремился лично направлять линию развития службы каждого из вверенных ему офицеров, регулярно перемещая их на различные должности в границах полкового штатного расписания. Подобный подход способствовал всестороннему ознакомлению командных кадров с работой полка, развивал их служебную гибкость, а также позволял полковому командиру определить наилучшую область работы для конкретного офицера, его качества и недостатки. Ряду негласных перемещений был подвергнут и вновь прибывший прапорщик Эйхе. В результате полковник Воробьев констатировал целесообразность его использования на разведывательной работе, задав, тем самым, в личном порядке траекторию фронтовой карьеры молодого латыша.

Практика кадровых перемещений Воробьева по меркам современной теории управления является передовой. Но в офицерском корпусе Русской армии образца 1914-1917 гг., кадровая часть которого отличалась консервативностью, а молодая (офицеры военного времени) – зачастую индифферентностью, она вряд ли могла встретить понимание. Глубоко отрицательное отношение к фактическому «творцу» своей офицерской карьеры демонстрирует в воспоминаниях и Эйхе. В его интерпретации Воробьев предстает «совсем уж дряхлым» (хотя на август 1915 г. ему было только 54 года), «со странностями» командиром полка, который «…отводил себе душу тем, что бесконечно "тасовал" и перетасовывал всех подчиненных ему 70-80 офицеров, стремясь … оставить в полку о себе память по неприятнее…»[189]. Подобная оценка видится предвзятой. Следует признать, что инициированные Воробьевым служебные перемещения и командировки Генриха однозначно вписывались в систему усиления его воинского мастерства, пошли ему во благо. Не остановившись в своем развитии на уровне младшего офицера роты, что ожидало многих выпускников школ ускоренной подготовки, он вышел далеко за рамки знаний и умений заурядного пехотного прапорщика. Благодаря жесткой «школе» полкового командира Эйхе удалось,

---

[188] *Воробьев Андрей Сергеевич* (1861-1917). Командир 245-го Бердянского пехотного полка 62-й пехотной дивизии (с 16 августа 1914 г. по конец июля 1916 г.), награжден орденами Св. Георгия IV ст., Св. Владимира III ст. с мечами. С июля 1916 г. – генерал-майор, командир бригады.

[189] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 68. Л. 24, 42.

пусть и в режиме «цейтнота», овладеть знаниями и навыками разведывательной службы, кавалерийского и стрелково-артиллерийского дела, противовоздушной обороны и вырасти в универсального, всесторонне подготовленного офицера-фронтовика. Строго говоря, именно командиру бердянцев во многом принадлежит честь формирования Эйхе как военного специалиста широкого профиля.

Связь карьеры Эйхе со службой армейской разведки, к которой он был определен решением полковника Воробьева в октябре 1915 г., была продолжительной. На работу Генриха в этой сфере приходилось 14 месяцев, то есть чуть менее половины совокупного времени его службы в действующей армии (32 месяца) в Первую мировую войну. Соответствующие специфические навыки он развил, изначально занимая самостоятельные должности – начальника полковых команд пеших разведчиков (октябрь 1915 г. – январь 1916 г.) и конных разведчиков (январь-июнь 1916 г., ноябрь 1916 г. – март 1917 г.). Последняя создавалась под непосредственным руководством Эйхе, с чистого листа. Отобрав по указанию Воробьева группу наиболее отважных и находчивых солдат, потенциальных разведчиков-кавалеристов, Генрих откомандировывается с ними 5 марта 1916 г. в Тамбов, для прохождения 3-месячного курса обучения конно-разведывательной службе на базе 7-го запасного кавалерийского полка[190]. Несмотря на завоевание положения лидера в сформированной команде разведчиков, Эйхе по возвращении в 245-й полк был почти сразу же переведен в пехоту, на должность ротного командира с производством в мае 1916 г. в чин подпоручика (со старшинством с 6 января 1916 г.). Но и в данном статусе он также не ведал покоя. В том же году биографируемый был командирован Воробьевым (очевидно, с отрывом от руководства ротой) на курсы противовоздушной обороны при 62-й артиллерийской бригаде. Здесь Эйхе освоил практику организации и ведения артиллерийских и пулеметных стрельб по летательным аппаратам.

Опыт командной работы Генриха собственно в пехоте был сравнительно коротким, ограничившись в 1916 г. пятью месяцами руководства ротой (июнь-сентябрь, ноябрь) и одним месяцем (октябрь) пребывания исполняющим должность командира 1-го батальона (из четырех рот) 245-го Бердянского полка[191]. Но на этот отрезок пришлись с психологической точки зрения наиболее тяже-

[190] РГАЭ. Ф. 870. Оп. 266. Д. 130. Л. 29.
[191] РГВА. Ф. 37976. П/с № 340-422. Л. 2.

лые для юного офицера бои, которые раскрыли ему жесточайшие реалии мировой войны. Речь идет о серии позиционных столкновений 10-й армии с кайзеровскими войсками в районе местечка Крево Виленской губернии и г. Сморгонь Гродненской губернии. В новейшей белорусской историографии они рассматриваются как исключительный символ доблести и героизма солдат Русской армии[192]. В ходе этих боев подпоручику Эйхе, в чьем распоряжении находилось от 200 до 800 нижних чинов, пришлось, по-видимому, впервые испытать моральную, внутреннюю ответственность за множественные, но неизбежные в тех условиях потери среди вверенных ему солдат. Подобный тяжелый ментальный опыт ранее не был ему доступен. В бытность Эйхе начальником команды конных разведчиков полка, насчитывавшей около 60 нижних чинов, потери возглавляемого им подразделения в силу особенностей его работы были незначительны. Под Крево и Сморгонью Генрих впервые увидел разрушительные последствия действия химического оружия. Лично участвовать в отражении газовой атаки германцев молодому человеку довелось немного позднее, в январе 1917 г.[193]

Последние месяцы существования царской армии Эйхе занимал привычную для него должность начальника полковой команды конных разведчиков (с ноября 1916 г.). Деятельность в рамках сравнительно немногочисленного, сплоченного коллектива позволила ему в предреволюционное время сблизиться с солдатскими массами, понять психологию нижних чинов, среди которых Генрих, согласно утверждению историка И.Е. Молокова, прославился «…не только … демократическими взглядами, но и чутким, внимательным отношением…»[194]. В равной степени Эйхе пользовался достойной репутацией в офицерской среде. Подтверждением этого служит наделение его в том же ноябре 1916 г. правами постоянного члена полкового суда чести, по совместительству с основной должностью[195]. Доверительные отношения с различными категориями сослуживцев позволили Эйхе в сложное революционное время (февраль-октябрь 1917 г.), на-

[192] См., например: *Билевич О.И.* Героические и трагические страницы обороны Сморгони // Вестник Брестского государственного технического университета. Гуманитарные науки. 2014. № 6 (90). С. 3-5; *Лигута В.Н.* У Сморгони, под знаком Святого Георгия. Мн., 2010.

[193] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 68. Л. 29.

[194] *Молоков И.Е.* Г.Х. Эйхе (1893-1968) // Герои огненных лет: очерки / Сост. *И.Е. Молоков.* Омск, 1989. С. 100.

[195] РГВА. Ф. 37976. П/с № 340-422. Л. 2 об. В данном качестве Эйхе принимал активное участие в ряде инициированных судом разбирательств, например, в отношении офицеров полка, третировавших личный состав расположенного по соседству (осенью 1917 г.) женского ударного батальона.

сыщенное массой жестоких, кровопролитных эксцессов, сохранить функционал реальной власти армейского командира (иногда ценой компромиссов), оставаясь при этом долгое время на сравнительно умеренных политических позициях.

Определение поведенческой модели Эйхе в период после событий февраля 1917 г. и крушения имперского режима представляет известную сложность. В советской историографии в силу особенностей конъюнктурного характера возобладало твердое мнение, что с первых дней революции Эйхе «без колебаний» принял большевистскую повестку дня и начал повсеместно производить агитацию в пользу РСДРП(б)[196]. И поныне в отдельных изданиях его, вероятно, по этой причине именуют не иначе, как «революционером»[197]. Данный тезис не соответствовал действительности. Рефлексируя в 1960-е гг. по поводу собственного состояния в указанное время и настроений, преобладавших в армии, военачальник однозначно указывал: «Февраль, март и почти весь апрель мы так и прожили в неопределенности и мне думается, что … самую точную характеристику этого периода можно выразить следующими словами: царь ушел, но весь военный и прежде всего армейский аппарат остался старым»[198].

На протяжении первых шести месяцев 1917 г. Эйхе, как представляется, благоразумно придерживался умеренно критических, но неопределенных в политическом смысле, аполитичных, в сущности, взглядов. Историк А.А. Буравченков именовал подобную стратегию «нерешительной оппозиционностью»[199]. Не будучи сторонником необдуманных решений и выводов, осторожный Эйхе продолжал исполнять возложенные на него офицерские функции, поддерживая линию дисциплины среди подчиненных. В этой связи выдвинутый нами ранее тезис о проведении Генрихом в предоктябрьский период разлагающей большевистской агитации, безусловно, необходимо признать ошибочным[200]. Кроме того, имеющиеся ныне в нашем распоряжении сведения позволяют сделать уверенный вывод, что во время пребывания у власти в России Временного прави-

---

[196] См., например: НГКМ. Ед. хр. № НВ-14924/127. Л. 1; *Дашков С.* О командарме Пятой. С. 153; *Молоков И.Е.* Г.Х. Эйхе (1893-1968) // Герои огненных лет: очерки. С. 100.

[197] *Звягин С.П.* В.Н. Пепеляев: судьба либерала из Сибири в начале XX века. Томск, 2012. С. 308; Челябинск: энциклопедия. Изд. испр. / Сост. *В.С. Боже, В.А. Черноземцев.* Челябинск, 2001. С. 1056.

[198] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 68. Л. 42-43.

[199] *Буравченков А.А.* В ногу с революцией. Демократическое офицерство в Великой Октябрьской социалистической революции. Киев, 1988. С. 17.

[200] *Бадиков Р.А.* Генрих Христофорович Эйхе // Вопросы истории. 2015. № 1. С. 47.

тельства Эйхе считался политически благонадежным офицером. В пользу этого говорит тот факт, что он не был отчислен в резерв чинов как «нелояльный элемент», не подвергался взысканиям либо политическому надзору, но, напротив, стремительно продвигался по служебной линии. Уже в марте 1917 г. Генрих был произведен в чин поручика (со старшинством с октября 1916 г.), а в октябре, накануне низложения правительства А.Ф. Керенского – в следующий чин штабс-капитана (со старшинством с мая 1917 г.). Следует также подчеркнуть, что на момент Октябрьского переворота Эйхе «за отличия в делах против неприятеля» был удостоен полного комплекта наград, на которые он мог претендовать по чину (за исключением ордена Св. Владимира IV ст. и Св. Георгия IV ст.): орденов Св. Анны II ст. с мечами, III ст. с мечами и бантом, IV ст.; Св. Станислава II ст. с мечами, III ст. с мечами и бантом[201]. Исходя из сказанного выше, вполне закономерным и объяснимым видится избрание лояльного политическому режиму Временного правительства и офицерской корпорации, но умевшего находить общий язык с солдатскими массами, популярного у них поручика Эйхе в марте 1917 г. членом и товарищем председателя полкового комитета 245-го Бердянского полка[202]. Его фигура во многом должна была стать компромиссной, в равной степени приемлемой как для среды полкового офицерства, так и для нижних чинов. Одобрение она встретила и у командующего 62-й пехотной дивизией генерала М.Д. Енчевича[203], о котором Эйхе позднее любил рассказывать курьезы[204].

Вступление в выборную должность явилось началом новой вехи развития военной карьеры Эйхе, связанной с приобщением к опыту управленческой деятельности в звеньях полк – дивизия – армия. Будучи в марте-октябре 1917 г. товарищем председателя полкового комитета, он проявил себя деятельным, добросовестным и тактичным офицером. Нередко Эйхе доводилось в интересах обеспечения дисциплины успешно разрешать масштабные конфликты внутри полка, на которые далеко не всегда был в силах повлиять его непосредственный начальник, председатель комитета 245-го Бердянского полка эсер Пионтковский, бывший рабочий из Петрограда. Это представляется тем более удивительным,

[201] РГВА. Ф. 37976. П/с № 263-911. Л. 1 об.
[202] РГВА. Ф. 37976. П/с № 340-422. Л. 2 об.
[203] *Енчевич Марин Драганович* (1860-1934). Командующий 62-й пехотной дивизией (с 3 апреля 1915 г. по 28 августа 1917 г.), награжден орденом Св. Георгия IV ст. С июня 1916 г. – генерал-лейтенант.
[204] См.: ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 68. Л. 22-26.

что указанный пост Эйхе совмещал с руководством Комиссией по вопросам продовольственного и вещевого снабжения полка[205], взявшей на себя управление сферой, неизменно вызывавшей наибольшие нарекания солдатских масс.

Один из характерных эпизодов, иллюстрирующих выдающиеся способности Эйхе к пресечению эксцессов в среде военнослужащих, относился к сентябрю 1917 г. Тогда Генриху удалось спасти от расправы помощника командира полка по хозяйственной части полковника П. Дамаскина[206]. Старого офицера, убежденного монархиста, посвятившего службе не менее 20 лет жизни, собирались, как вспоминал позднее Эйхе, подвергнуть немедленному самосуду нижние чины 1-го батальона, недовольные качеством питания и спровоцированные слухами о хищениях продуктов интендантской службой[207]. Явившись в одиночку к отказавшимся повиноваться солдатам батальона, которыми он командовал в 1916 г., Эйхе убедил их перенести возмущение в конструктивное русло. По его предложению солдаты выбрали из своего круга 10-12 доверенных лиц, которые были наделены мандатами для ревизии полковой службы снабжения, включая проверку складов, обозов, продовольственных баз. В результате поручику Эйхе удалось погасить конфликт, который мог обернуться серьезными негативными последствиями в масштабе полка. Одиозный полковник Дамаскин, избежавший трагической гибели, был в экстренном порядке откомандирован в распоряжение штаба 38-го армейского корпуса 10-й армии. Небезынтересно, что рассудительный комитетчик, таким образом, сохранил жизнь одному из своих будущих опосредованных противников. В годы Гражданской войны в России спасенный Генрихом сослуживец, судя по всему, выдвинулся на ответственные посты в антибольшевистских армиях генералов А.И. Деникина и П.П. Врангеля, и закончил путь офицера на русской службе эвакуацией из Крыма в 1920 г.[208]

Говоря в целом о линии поведения Эйхе в период между февралем 1917 г. и Октябрьским вооруженным переворотом, уместно подчеркнуть, что в основе

---

[205] РГАЭ. Ф. 870. Оп. 266. Д. 130. Л. 29.

[206] *Дамаскин Петр* (? – не ранее 1920). На 1916 г. – капитан. Помощник по хозяйственной части командира 245-го Бердянского пехотного полка (до сентября 1917 г.), награжден орденами Св. Анны III ст. с мечами и бантом, Св. Станислава III ст. с мечами и бантом (Русский инвалид (Петроград). 1916. № 15. 16 января). С апреля 1916 г. – подполковник (Южное слово (Симферополь). 1916. 23 апреля).

[207] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 68. Л. 74-80.

[208] База данных «Участники Белого движения в России». Буква «Д». С. 22 // URL: http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_05-D.pdf (дата обращения: 7.12.2016).

ее неизменно оставались императивы сохранения боеспособности 245-го Бердянского полка. В этом плане Генрих действовал сообразно с установками Временного правительства, придерживаясь линии, которую историк Л.А. Михалев неодобрительно именовал «революционным оборончеством»[209]. Вспоминая об этом периоде на склоне лет, красный военачальник, как это ни удивительно, указывал на недопустимость присутствия в столь напряженное время «…каких-то провокаторов, заинтересованных вызвать в полку беспорядки…», а также недвусмысленно подчеркивал, что «…рядом был внешний враг … который … постарается воспользоваться наступившими неурядицами, если в армии начнется внутренняя борьба»[210]. Иными словами, не отвергая антивоенную риторику и логику демократизации армии, искренне желая заключения мира, Эйхе оставался реалистом и в процессе работы в комитете стремился обеспечить единство дисциплины личного состава полка и надлежащий порядок в полосе его обороны. Нельзя исключать, между тем, что в соответствующих действиях он мог исходить из сугубо службистских соображений. На тот момент молодому латышу уже давно не были чужды честолюбивые карьерные помыслы. Какой бы, однако, ни была мотивация Эйхе, в указанный период он как офицер оставался честен и не предпринимал шагов, которые позволяли бы назвать его «пораженцем» либо «капитулянтом». Подобная прагматичная и честная позиция едва ли соотносилась с большевистской радикальной повесткой дня, требовавшей обратного – усиления внутренней борьбы в армии, разложения частей за счет антивоенной агитации среди солдатских масс, организации братаний с противником и т.д.

Тем не менее незадолго до Октябрьского переворота и прихода к власти большевиков в мировосприятии Эйхе, как нам видится, все же происходит очевидный поворот к леворадикальным, большевистским идеям. Решающее значение здесь имели события июня-августа 1917 г., связанные с подготовкой и неудачным осуществлением летнего наступления, в котором Эйхе участвовал как офицер 10-й армии (ударной в масштабе Западного фронта), а также с выступлением генерала Л.Г. Корнилова. Внесшие раскол в среду офицеров «армии свободной России», эти события оказали сильное революционизирующее воздей-

---

[209] *Михалев Л.А.* Революционное движение солдат 10-й армии Западного фронта в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции (март-октябрь 1917 года). Автореферат дис. … канд. ист. наук. Мн., 1987. С. 11.

[210] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 68. Л. 44, 77.

ствие на Эйхе и явились внешним фоном для постепенной эволюции политических взглядов юного комитетчика: от умеренно демократических – к леворадикальным. Здесь мы согласимся с историком Буравченковым, относившим Эйхе накануне октября к числу «революционно настроенных» офицеров[211]. Вместе с тем на протяжении лета и осени 1917 г. Эйхе, очевидно, был вынужден скрывать свои симпатии к большевикам, поскольку в комитете полка и вышестоящих комитетах более сильные позиции занимали эсеры и меньшевики. К поддержке Временного правительства и отрицанию большевистских тезисов в общем и целом сводилась позиция большей части комитетчиков 10-й армии[212]. В этой связи стоит упомянуть, что еще в июле 1917 г. представители комитетов подразделений 38-го армейского корпуса, в числе которых были делегаты 245-го Бердянского полка, на нескольких съездах подчеркивали важность борьбы с «анархо-большевизмом», «анархо-большевистскими» устремлениям[213]. Откровенно антибольшевистской была и позиция командира корпуса генерала И.Р. Довбор-Мусницкого, требовавшего применения жестких репрессивных мер и проведения арестов агитаторов РСДРП(б) и лиц, сочувствовавших им[214]. В силу непреложного действия приведенных обстоятельств большевистские убеждения Эйхе вплоть до октябрьских событий в известной мере носили латентный характер и почти не отражались на характере его работы в полковом комитете. Открыто принять сторону партии и идентифицировать себя как сторонника большевиков молодой человек благоразумно позволил себе, видимо, лишь в последних числах октября 1917 г., когда власть Временного правительства была уже низложена.

Немаловажную роль в «большевизации» Эйхе в июне-октябре 1917 г. играл детский и юношеский опыт знакомства с основами политической платформы РСДРП, о чем мы говорили выше. Контакты с двоюродными братьями и знакомыми «вольнодумцами» (тем же Спундэ) не прошли для него даром. Именно на революционном переломе 1917 г. в полной мере проявляется значение данного уникального личностного опыта, который ранее не был столь актуален для

---

[211] *Буравченков А.А.* В ногу с революцией. Демократическое офицерство в Великой Октябрьской социалистической революции. С. 105-106.

[212] См., например: Вестник X армии (Молодечно). 1917. № 866. 5 мая; № 868. 7 мая; № 872. 13 мая; № 900. 16 июня; № 908. 25 июня.

[213] ГА РФ. Р-6978. Оп. 1. Д. 583. Л. 69-70.

[214] Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г.: Сб. док. / Сост. *С.Н. Базанов* и др. М., 1982. С. 211.

молодого обер-офицера, не был им практически, жизненно востребован.

Уместно также будет заметить, что своеобразным катализатором процесса «большевизации» выступила, собственно, среда, окружавшая Эйхе в последние месяцы существования Временного правительства. Антивоенный настрой его сослуживцев, солдат 62-й пехотной дивизии достигает в это время наивысшего градуса. В резолюции, направленной от их имени 8 октября 1917 г. в адрес ВЦИК первого созыва прямо указывалось: «…Не пора ли нам окончить эту проклятую кровопролитную бойню. Довольно губить нам своих товарищей и проливать кровь на полях сражений. <…> Если вы не обратите на это внимание … мы тогда оборачиваем свои пушки, пулеметы и штыки и начинаем как с командира полка и кончаем военным министром Керенским…»[215]. Последовавшая за сим 19 октября 1917 г. попытка командующего 10-й армией генерала А.А. Шихлинского вывести войска 38-го армейского корпуса на отдых в тыл была запоздалой и уже не могла переломить тенденцию радикализации солдат[216]. «Основное желание солдата, – подчеркивал в октябре 1917 г. комиссар Временного правительства в 10-й армии, – это мир. Желание мира заполнило ум и сердце солдата»[217]. Неизменно находясь в перманентном тесном общении с нижними чинами 245-го Бердянского полка и 62-й пехотной дивизии, стремясь улучшить их незавидное положение, штабс-капитан Эйхе вольно или невольно проникался мыслями и ожиданиями, царившими в солдатской среде. Разделил с ними он и стихийные надежды на скорейшее заключение мира и возвращение к мирной жизни, которые на тот момент солдаты дивизии, судя по всему, ассоциировали в первую очередь с политической волей и решениями РСДРП(б). Позиция Партии социалистов-революционеров (эсеров) и Временного правительства по этому вопросу (тезис о продолжении войны до «победного конца») более не могла удовлетворить чаяния уставших армейских масс. Именно по этой причине октябрьский революционный подъем 1917 г., обещавший наступление долгожданного мира, был с энтузиазмом встречен латентным сторонником большевиков Эйхе, как и множеством чинов 62-й пехотной дивизии, комитеты которой одобрили большевистский переворот и выразили готовность стать на его защиту. С

[215] ГА РФ. Ф. Р-6978. Оп. 1. Д. 539. Л. 172.
[216] РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 432. Л. 31.
[217] Цит. по: *Ивашин В.Г.* Большевики Белоруссии и Западного фронта в борьбе за осуществление ленинского Декрета о мире. Мн., 1972. С. 101.

той же готовностью, отметим, Съезд комитетов 62-й пехотной дивизии в свое время выражал полное доверие Временному правительству и намерение исполнить «…свой воинский долг с непоколебимой твердостью»[218].

Проводить в жизнь курс РСДРП(б) на первых порах после переворота в Петрограде коллектив 245-го Бердянского полка доверил штабс-капитану Эйхе. Как один из наиболее демократически настроенных офицеров полка он был утвержден в новой должности Председателя полкового Военно-революционного комитета (ВРК), взявшего на себя управление всеми сферами деятельности воинской части. Указанный высокий пост молодой военспец занял путем открытого голосования нижних чинов уже 29 октября 1917 г. при одновременном его делегировании на правах члена в образованный ВРК 62-й пехотной дивизии[219]. Это событие, по сути, выступило своеобразным водоразделом в служебной карьере Эйхе, с пересечением которого она во многом приобрела свойство сознательной, активной военно-организационной и политической работы в интересах партии большевиков и провозглашенной ими Советской России. С этого времени молодой человек в идеологическом отношении стал практически недосягаем для влияния сил и агентов антибольшевистского политического спектра.

Октябрьский переворот, ликвидировавший до основания традиционную систему чинопроизводства и служебного продвижения и лишивший Эйхе офицерского чина и привилегий, все же обладал в его частном случае абсолютной ценностью экстраординарного «социального лифта». На волне новой революции юному латышу удалось в короткий срок построить достаточно успешную карьеру. Не задерживаясь на постах в системе комитетов 62-й пехотной дивизии, он почти сразу выдвигается на более ответственную работу в новый руководящий центр войск 10-й армии – армейский Военно-революционный комитет. Принявший «руководство всей политической, активно-боевой и хозяйственной частью 10-й армии…»[220], комитет был образован[221] в ходе состоявшегося в Молодечно 7-10 ноября 1917 г. III армейского съезда. Путем голосования 600 делега-

[218] Вестник X армии (Молодечно). 1917. № 875. 17 мая.

[219] РГВА. Ф. 37976. П/с № 263-911. Л. 2 об.

[220] Цит. по: Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г.: Сб. док. / Под ред. *Л.С. Гапоненко*. М., 1973. С. 106.

[221] Образован в ранге бюро армейского комитета 10-й армии и принял полномочия упраздненного «старого» президиума армейского комитета, созданного под председательством меньшевика, рядового Я.П. Печерского 30 апреля 1917 г. (Вестник X армии (Молодечно). 1917. № 864. 3 мая).

тов подразделений 10-й армии в его состав наряду с профессиональными революционерами В.И. Яркиным[222], А.М. Хановым[223], Ф. Эйзенармом[224] и иными лицами, не имевшими ранее отношения к специфической работе по управлению войсками, был избран штабс-капитан Эйхе[225]. В коллективе ВРК он стал единственным офицером. Отметим, что данное решение, принятое в обстановке жесткой борьбы на съезде, окончательно закрепило переход власти в 10-й армии Западного фронта от блока эсеров и меньшевиков к сторонникам РСДРП(б)[226]. В коллегиальных органах управления армией с этого времени находились только представители от большевиков и Всероссийского железнодорожного союза[227].

Природа активности Эйхе в бытность его членом ВРК (с 5 января 1918 г. – Президиум армейского Совета депутатов) 10-й армии принципиально отличалась от иных этапов его армейской службы в 1914-1921 гг., прежде всего, фактическим отсутствием вовлеченности в реальную боевую работу. В содержании деятельности военачальника на этом посту мы имеем основания выделить три аспекта: политический; организационный; командно-боевой (один эпизод).

Несмотря на то, что из всего коллектива ВРК/Президиума армсовета один Эйхе обладал практикой организации планирования и боевого применения вооруженных сил, сфера приложения его усилий первоначально исчерпывалась в основном только политической и агитационной работой. По-видимому, соратники Эйхе по комитету, революционеры-ленинцы, не спешили с выражением ему полного доверия, в частности, в делах, связанных в той или иной степени с войсками. В отношениях с ним члены ВРК, очевидно, исходили из необходимости предварительной идейной «перековки» бывшего царского офицера и комитетчика Временного правительства на большевистских началах. Подобными

---

[222] *Яркин Виктор Иванович* (1889-1937). Член РСДРП с 1907 г. Председатель ВРК (Президиума армейского Совета депутатов) 10-й армии Западного фронта в ноябре 1917 г. – феврале 1918 г. В 1918-1921 гг. в системе органов ВЧК: председатель региональных ЧК в Западной области, Белоруссии и Литве.

[223] *Ханов Александр Михайлович* (1889 – не ранее 1948). Член РСДРП с 1907 г. Член ВРК (Президиума армейского Совета депутатов) 10-й армии Западного фронта в ноябре 1917 г. – феврале 1918 г. Член Смоленского губернского Совета в 1918 г. Позднее – в РККА.

[224] *Эйзенарм Фриц (Франц?)* (? – 1918). Латыш. Член РСДРП с 1912 г. Член ВРК (Президиума армейского Совета депутатов) 10-й армии Западного фронта в ноябре 1917 г. – феврале 1918 г. Убит в ходе антибольшевистского Гжатского мятежа (16-25 ноября 1918 г.).

[225] *Иоффе Э.Г.* Советские военачальники на белорусской земле: Путеводитель по местам жизни и деятельности. Мн., 1988. С. 201.

[226] Правда (Москва). 1917. 12 ноября.

[227] ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 2. Д. 39. Л. 27 об.

соображениями объясняется изначальное направление Эйхе на наиболее политизированные участки работы, где он в полной мере должен был проникнуться духом межпартийной борьбы, доказать приверженность делу революции.

Так, в период выборов во Всероссийское Учредительное собрание в конце 1917 г. Эйхе возглавлял работу одного из избирательных участков в границах 10-й армии[228], проводя при этом умеренную агитацию в пользу списка большевиков. Здесь он на собственном опыте познал реалии партийно-политических столкновений, которые нередко доходили до кровопролития. Спустя некоторое время Генрих назначается руководителем редакционной комиссии главного печатного органа армии, «Бюллетеня армейского Совета депутатов 10-й армии». Данный побочный пост он занимал вплоть до ликвидации Совета в феврале 1918 г. Наконец, между 10 и 14 декабря 1917 г. Эйхе был удостоен чести войти в руководящий партийный центр 10-й армии – бюро фракции РСДРП(б) при армейском комитете[229]. Бюро создавалось с целью налаживания тесных связей с партийными ячейками в частях и усиления их работы. Хотя Эйхе занял здесь скромную должность секретаря, необходимо отметить, что положение, которое он обрел, было в высшей мере значительным, поскольку состав бюро фракции ограничивался собственно тремя лицами. Помимо Эйхе, в него вошли Председатель ВРК 10-й армии Яркин (в ранге Председателя бюро) и один из членов ВРК Д.К. Черных. С указанного момента проверку Эйхе на лояльность, если таковая в целенаправленном порядке имела место, можно было считать завершенной. Уже в конце декабря 1917 г. решением армейской партийной конференции 10-й армии молодой военспец был официально введен в члены РСДРП(б). Не в последнюю очередь это решение могло быть обусловлено фактом наличия в ближайшем родственном и дружеском окружении Эйхе авторитетных революционеров.

Благодаря деятельной партийной работе в рядах 10-й армии Эйхе, очевидно, обращает на себя пристальное внимание большевистских элит, которые, как известно, a priori были весьма расположены к бывшим офицерам из числа этнических латышей. Не случайно в том же декабре 1917 г. на имя Эйхе, как следует из работы историка Тарасова, при посредничестве Верховного Главнокомандующего Н.В. Крыленко поступает предложение перейти на работу в орга-

[228] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 68. Л. 101.
[229] Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г.: Сб. док. С. 468.

ны Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), в Москву[230]. От него бывший имперский службист по невыясненным пока причинам решил отказаться.

Говоря о другом, организационном компоненте деятельности Эйхе в армейском ВРК/Президиуме армсовета, следует учитывать, что на рубеже 1917-1918 гг. 10-я армия Западного фронта, по сути, представляла сложно управляемую массу вооруженных лиц, склонных к дезертирству и неохотно подчинявшихся директивам выборных командиров и комитетов[231]. Один из очевидных симптомов разложения армии в этот период состоял в самовольном уходе ее частей из боевой линии в тыл. Подобный случай, например, имел место в конце ноября 1917 г. с силами 132-й пехотной дивизии. К разрешению конфликтной ситуации был тогда привлечен и актив армейского ВРК. В лучших традициях так называемого «уговаривания», казалось, канувшего в лету с падением Временного правительства, выборные лидеры 10-й армии, включая Эйхе и Яркина, предпринимали попытки убедить солдат дивизии не открывать фронт армии на важнейшем сморгонском направлении, дождавшись смены 51-й пехотной дивизией. Тем не менее ни убедительных, логичных доводов Эйхе, ни энергичных речей Яркина, судя по всему, оказалось недостаточно. Усилия высшего органа управления 10-й армии, состоявшего практически целиком из большевиков, как видно из рапорта командующего армией С.М. Шейдемана от 29 ноября 1917 г. на имя Главкома Западного фронта, остались тщетными[232]. Аналогичные эксцессы не были редкостью для 10-й армии и особенно участились после заключения перемирия на Западном фронте. В сложившихся условиях стержневая военно-организационная функция армейского ВРК/Президиума и подчиненной ему Военной комиссии, в которую с января 1918 г. вошел Эйхе, строго говоря, исчерпывалась проведением исключительно демобилизационных и ликвидационных мероприятий в пораженных разложением соединениях армии. Один из близких товарищей Эйхе по Президиуму армсовета-10, Эйзенарм, в связи с этим откровенно указывал в начале февраля 1918 г., что «многие наши комиссары *(члены Совета. – Р.Б.)* совсем утратили свои функции, как например, военная, оперативно-боевая, их работа почти целиком перешла в бюро по демобилизации»[233].

---

[230] *Тарасов Е.П.* Красном Генрих Эйхе. С. 18.
[231] РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 437. Л. 47.
[232] РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 432. Л. 7-7 об.
[233] РГВИА. Ф. 2144. Оп. 9. Д. 2. Л. 21.

Более созидательный характер деятельность Эйхе приобрела только после обнародования Советом народных комиссаров РСФСР 15 января 1918 г. Декрета о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). Введенный в следующем месяце в состав Коллегии по формированию красноармейских частей при армейском Совете депутатов 10-й армии[234] (с 10 февраля 1918 г. – полевой штаб армии), Эйхе, наконец, смог проявить себя в роли военного организатора. Так, во многом при его личном участии был развернут ряд ранних большевистских вооруженных формирований из числа добровольцев 10-й армии. Возможность более детальной реконструкции работы военачальника по формированию указанных подразделений между тем пока крайне ограничена ввиду слабой представленности[235] документации ВРК/Президиума Совета 10-й армии в соответствующем фонде Российского государственного военно-исторического архива.

С малыми боевыми отрядами, созданными при Президиуме армсовета[236], связан единственный известный эпизод реальной командно-боевой работы молодого Эйхе в бытность его членом руководящего центра 10-й армии. Речь идет об участии Генриха во главе красных отрядов в локальном столкновении с легионерами 1-го Польского корпуса у местечка Молодечно, которое имело место в феврале 1918 г., в период выступления хорошо известного ему генерала Довбор-Мусницкого, бывшего командира 38-го армейского корпуса 10-й армии. «В тот день, – вспоминал впоследствии Эйхе, – мне впервые пришлось браться за оружие и командовать революционными войсками против врагов Советов»[237].

Характеризуя в целом содержательную сторону службы Эйхе в органах и структурах ВРК/Президиума армсовета 10-й армии в ноябре 1917 г. – феврале 1918 г., нам необходимо с сожалением констатировать: несмотря на проявленные им энергичность, деловую хватку и приверженность большевистской линии, действия его в данном чрезвычайном выборном органе все же отличались слабым пониманием механизма принятия управленческих решений на армейском

---

[234] РГВА. Ф. 37976. П/с № 340-422. Л. 2 об.

[235] Выборочное исследование архивных дел из Ф. 2144 (Штаб 10-й армии) РГВИА позволило нам выявить только три фрагментированных протокола заседаний главных выборных органов 10-й армии.

[236] Развертыванию указанных формирований сопутствовали очевидные трудности. Солдатские массы 10-й армии неохотно вступали в их ряды, стремясь скорее демобилизоваться. В частности, на 24 января 1918 г. по сборному пункту ранее упоминавшейся в негативном ключе 132-й пехотной дивизии числилось всего пять (sic!) солдат-добровольцев (РГВИА. Ф. 2144. Оп. 9. Д. 2. Л. 96-96 об.).

[237] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 68. Л. 95.

уровне и сравнительным дилетантизмом в вопросах военного управления. По своему жизненному и служебному опыту Эйхе, бывший в недавнем прошлом конторским служащим и обер-офицером военного времени, на тот момент еще не был способен к работе столь масштабной, ответственной и многоплановой.

Было бы ошибкой между тем считать, что указанная характеристика распространяется только на личность одного Эйхе. Очевидную несостоятельность в этом отношении продемонстрировал, по большому счету, весь коллектив Президиума армейского Совета-10, лишь волею революции поставленный во главе десятков тысяч военнослужащих. Так, в период масштабного наступления кайзеровских сил в феврале 1918 г., когда деморализованные войска 10-й армии массово покидали позиции и в панике отходили на Молодечно и Минск, Президиум не нашел иного пути, как самоустраниться от управления армией и в спешке покинуть ее расположение. Не организовав сопротивления даже имевшимися в их полном распоряжении стойкими большевистскими боевыми отрядами, которые должны были «…служить как материальная опора советской власти…»[238] (в интерпретации Главнокомандующего Западным фронтом), не организовав вывоз материальной части армии, комитетчики, включая Эйхе, сочли за благо эвакуироваться в Минск в эшелоне одного из воздухоплавательных подразделений.

Как следует из воспоминаний военачальника, последующее коллегиальное решение членов Президиума армсовета 10-й армии было еще более неприглядным: «Ввиду упорных слухов, что впереди *(на пути в Минск. – Р.Б.)* железную дорогу контролируют враждебные Советам войска, решено было наш армейский ВРК *(Президиум армсовета. – Р.Б.)* распустить»[239]. Участь брошенных, таким образом, на произвол судьбы и противника войск 10-й армии оказалась чрезвычайно трагичной, о чем свидетельствуют опубликованные позднее источники. В подготовленном через два месяца, в апреле 1918 г., отчете начальника штаба Западного фронта военспеца К.П. Валобуева откровенно признается факт вероятного пленения кайзеровскими силами практически в полном составе 3-го и 38-го армейских корпусов 10-й армии, при том, что «все ценное имущество армии, свезенное в корпусные и армейские склады, осталось невывезенным»[240].

---

[238] РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 437. Л. 14.

[239] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 68. Л. 100-101.

[240] Цит. по: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.): Сб. док. / Сост. *Т.Ф. Каряева* и др. Т. 1. Ноябрь 1917 г. – март 1919 г. М., 1971. С. 150.

К чести Эйхе, в своих воспоминаниях он не «замял» рассмотренный эпизод, ставший примером исключительного малодушия и безответственности выборных лидеров 10-й армии и ознаменовавший финал его, Эйхе, участия в Первой мировой войне. Более того, с легкой руки военачальника бесславная история с бегством и самороспуском Президиума армейского Совета едва не стала достоянием общественности на страницах журнала «Новый мир» в 1967 г. Однако неофициальное положение центра главного фрондирующего «толстого журнала» СССР не помешало редакции «Нового мира» отказать бывшему революционному полководцу в опубликовании соответствующих мемуарных записок, поскольку «…некоторые из оценок спорны» и воспоминания ввиду 50-летия революционных событий «едва ли подходят для … юбилейного года»[241].

Оставшись в результате самороспуска Президиума армсовета 10-й армии не у дел, без формальной должности, Эйхе под видом демобилизованного нижнего чина достигает к концу февраля 1918 г. Смоленска (проездом через Минск). Здесь на тот момент сконцентрировались органы управления Западного фронта и уже находились некоторые из его бывших товарищей по 10-й армии. По истечении недельного пребывания в Смоленске военспецу, вероятно, включенному тогда же в большевистский кадровый армейский резерв, был предоставлен временный отпуск с правом отъезда из расположения действующей армии. После этого Эйхе с чистой совестью выезжает в Москву, где с 1916 г. жили его родные.

На сегодняшний день сложно установить, было ли у Эйхе в тот момент четкое представление о характере своей служебной занятости в обозримом будущем, прежде всего, в контексте возможного участия в начавшемся строительстве регулярной армии Советской России. По-видимому, некоторые предложения о переходе на командную работу в РККА поступили ему уже в Смоленске, но принятие Эйхе окончательного положительного решения на сей счет мы относим к моменту несколько более позднему, а именно, ко времени упомянутого выше отпуска, который военачальник проведет в Москве, в кругу семьи. Именно «семейный» фактор, о чем нами будет сказано далее, выступит в качестве определяющей компоненты в контексте начала служебной карьеры Эйхе в большевистской РККА, в принципиально новом статусе красного командира (краскома).

---

[241] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 164. Л. 123.

§ 2. Вступление в РККА. Начальный этап службы в статусе краскома

Истоки послереволюционного этапа развития военной карьеры Эйхе, связанного с началом службы в РККА и вступлением в вооруженное противостояние Гражданской войны на востоке России, имеют непосредственное отношение к его поездке в начале марта 1918 г. в Москву, где биографируемый провел свой недолгий отпуск. Здесь, на Старой Басманной улице, проживали после эвакуации из Риги в 1916 г. родители Эйхе, а также, судя по всему, его супруга Мария Александровна и дочь Нелли Генриховна, родившаяся 22 января 1918 г.

По прибытии в Москву Эйхе застал семью в крайней нужде. Страдавший от болезней отец военачальника, 66-летний Кристоф Эйхе, к этому времени состоял простым рабочим на машиностроительном заводе «Пирвиц и К°», и его реальный доход не мог идти ни в какое сравнение с предвоенным окладом экспедитора. Особенно остро отразилась на благосостоянии дома гибель в начале 1917 г. старшего брата Эйхе, 27-летнего Фридриха Вильгельма Кристофа. Как вспоминал позднее военачальник, он служил солдатом в одном из латышских полков «на германском фронте»[242]. Существование семейства, лишившегося, таким образом, возможности опираться на воинское жалование старшего сына, теперь всецело зависело от служебных перспектив молодого Генриха, его уровня номинальной заработной платы. Именно в этой, исключительно бытовой плоскости, как нам представляется, и лежали главным образом первичные мотивационные предпосылки решения Эйхе продолжить карьеру военачальника во вновь создаваемой РККА, а не перейти, например, в какое-либо гражданское или военное учреждение в Москве, либо демобилизоваться.

Указанное волевое решение, относящееся к периоду пребывания Эйхе в Москве, было принято им в ситуации наличия ряда реальных альтернатив:

1. Обретение положения сугубо штатского лица, возвращение к работе торгового служащего в государственной структуре или частной организации;

2. Поступление на службу в структуры ВЧК, памятуя о ранее поступавшем на его имя предложении о переводе из ВРК 10-й армии в Москву;

3. Переход на службу в сравнительно спокойный Московский военный округ, нуждавшийся в проверенных большевистских кадрах. К данной перспек-

[242] РГАЭ. Ф. 870. Оп. 266. Д. 130. Л. 29.

тиве Эйхе, очевидно, отнесся с наибольшим вниманием. Как удалось установить, в период отпуска он посетил штаб округа и присутствовал лично при процедуре приема на службу в РККА бывших офицеров.

Тем не менее все обозначенные нами варианты[243], сулившие возможность остаться с близкими в Москве, Генрих отверг. Покинув нуждавшуюся семью, он еще до наступления второй декады марта 1918 г. возвращается в Смоленск с решительным намерением продолжить службу в составе действующих сил РККА.

На первый взгляд, этот шаг можно рассматривать как свидетельство если не безразличного, то крайне невнимательного отношения Эйхе к судьбам жены, дочери и престарелых родителей, страдавших от неустроенности в чужом городе, с трудом находивших средства к существованию. Почву для столь нелицеприятных размышлений дают воспоминания военачальника, в которых он объяснял свое решение сквозь призму «революционной сознательности»: «Я ведь приехал в Москву … обещав товарищам … вернуться в Смоленск, где работники нужны были не менее остро»[244]. В действительности же подобная идеализированная и в какой-то степени романтизированная трактовка (интересы службы, партии, товарищей – приоритет, что превыше блага семьи) была, очевидно, далека от истинного содержания мотивации Эйхе вернуться в Смоленск и вступить в РККА, которая имела все же «семейную» и отчасти карьерную подоплеку.

Интерпретируя указанную проблему, необходимо учитывать, что интересы семьи, родных и близких оставались для Эйхе и в юности, и в зрелом возрасте ведущей ценностной константой. Помимо личностных факторов, формированию у него приверженности традиционным семейным ценностям способствовали черты латышской национальной идентичности. «Семья, – справедливо подчеркивал современник Генриха, этнограф Ю.Д. Новоселов, – основа быта латышей, единственный ключ к пониманию психологии народа, единственный критерий всех явлений жизни»[245]. Данный тезис достаточно точно и емко характеризует личность революционного военачальника, выступая ориентиром, способствующим, на наш взгляд, объяснению как исключительной поспешности

[243] Иных карьерных перспектив в Москве для Эйхе на тот момент, по-видимому, не существовало. Не мог оказать партийную протекцию ему в этом смысле и двоюродный брат Р.И. Эйхе, арестованный в январе 1918 г. на территории Лифляндской губернии германскими оккупационными силами.

[244] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 68. Л. 105.

[245] *Новоселов Ю.Д.* Латыши. Очерки по этнографии и современной культуре латышей. Рига, 1911. С. 11.

отъезда Эйхе обратно в Смоленск, так, собственно говоря, и факта этого отъезда.

Поставив во главу угла благополучие семьи, молодой латыш рассматривал (либо вынужден был рассматривать на первых порах) поступление на службу в вооруженные силы РСФСР, прежде всего, как возможность обрести солидный источник заработка и обеспечить в переломное время достойное существование своим родным. В тесной связи с этим мотивом находилось и желание продолжить развитие собственной военной карьеры, интерес к которой у Эйхе, несмотря на не самый удачный итог службы в составе 10-й армии в Первую мировую войну, только возрастал. Смоленск в этом смысле, бесспорно, сулил наилучшие перспективы. Выезжая в Смоленск, рассудительный Эйхе осознавал, что здесь его ожидают друзья, старые товарищи-комитетчики, авторитетные большевики, в среде которых он пользуется уважением и доверием. Благодаря их протекции военному специалисту фактически гарантировалось выдвижение на руководящую и высокооплачиваемую должность в новой большевистской армии.

Подобный расчет (судя по всему, он имел место) себя оправдал. Фактор личных партийных связей Эйхе в сочетании с тотальным дефицитом испытанных членов РКП(б)[246] на руководящей работе в Красной Армии предопределил вхождение бывшего обер-офицера – службиста в ряды военной элиты Советской России. Несколько забегая вперед, отметим, что по прибытии в Смоленск Эйхе был немедленно направлен на должность командира формируемого пехотного полка РККА. С этого времени, помимо высокого служебного положения, молодой человек обрел стабильный, достаточно крупный оклад. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения позволяют установить месячный заработок 24-летнего краскома Эйхе в новой должности на уровне не менее 675 руб.: 500 руб. жалования + 100 руб. пособия как состоящему в браке + 25 руб. пособия как отцу ребенка до 16 лет + 50 руб. пособия за находившуюся на иждивении, неработающую мать[247]. Помимо этого, положение семьи красного командира давало возможность родным Эйхе получать денежное и продуктовое содержание, а также выступило как своеобразная «охранная грамота». Находившаяся в их собственности жилая площадь была освобождена от какого-либо уплотнения и реквизиции, сами они не подлежали принудительному переселению либо выселе-

[246] Наименование РСДРП(б) после 8 марта 1918 г.

[247] Подсчитано по: *Шувалов А.А.* Командный состав Красной Армии и Белого движения в годы Гражданской войны: октябрь 1917 – конец 1920 года. Дис. … канд. ист. наук. Брянск, 2007. С. 282.

нию и полностью освобождались от общественных работ[248].

Без промедления оставив семью в Москве и выехав в Смоленск с намерением поступить на службу в РККА, Эйхе, таким образом, принял решение, коренным образом способствовавшее скорейшему улучшению материального положения своих родных. В конечном счете именно жалование Генриха, увеличивавшееся по мере его дальнейшего должностного возвышения в 1918-1921 гг. и достигшее к исходу 1919 г. отметки в 6.500 руб.[249], позволило семье военачальника выжить в условиях хозяйственной разрухи, тотального обнищания и падения уровня жизни. Более того, учитывая интенсивное продовольственное обеспечение Эйхе на заключительном этапе Гражданской войны на востоке России, можно предположить, что ряд получаемых в избытке дефицитных товаров (чай, сахар, мед, икра, консервы и др.)[250] он направлял родным в частном порядке. В то же время важно подчеркнуть, что будущее Эйхе в конкурентной среде Москвы, где он тогда никому не был известен, вряд ли могло быть столь же успешным. Напротив, здесь он, несмотря на членство в РКП(б), с высокой долей вероятности вынужден был бы начинать карьеру заново, видимо, с пребывания на постах с невысоким жалованием, что только усугубило бы участь близких.

Одним «семейным» фактором мотивация Эйхе вступить в РККА, безусловно, не исчерпывалась. Этот шаг, помимо прочего, явился также производной от разумной необходимости обеспечить безопасность себе и близким, поскольку уже в начале 1918 г. становилось очевидно, что переход власти в России к антибольшевистским силам повлечет за собой волну преследований сторонников РКП(б) и членов их семей. В этом ключе у Эйхе, активного члена партии с опытом армейской работы, не было иного пути, как включиться в вооруженную борьбу за стабильность существования большевистской диктатуры. В корреляции с личными мотивами, мотивами самосохранения и самозащиты находились и идеологические соображения. Большевистские убеждения, которых придерживался молодой человек, естественным образом не позволяли ему остаться в стороне от борьбы в то время, когда решалась судьба Советской России, когда,

---

[248] Симбирская губерния в годы Гражданской войны (май 1918 г. – март 1919 г.): Сб. док. / Ред. кол.: *Ф.В. Герасин* и др. Т. 1. Ульяновск, 1958. С. 243.

[249] *Ластунов И.И.* Европейский Северо-Восток России в годы гражданской войны: 1917-1921 гг. Дис. … канд. ист. наук. Сыктывкар, 2000. С. 188.

[250] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 341. Л. 171-171 об.; Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1170. Л. 6-8.

по выражению В.И. Ленина, страна шла «…к новой и настоящей отечественной войне, к войне за сохранение и упрочение Советской власти»[251].

В свете изложенного выше становится очевидно, сколь сложный конгломерат мотивационных ориентиров и стремлений лежал в основе судьбоносного решения Эйхе поступить на службу в РККА, которое навсегда изменило всю его жизнь. Было бы крупной ошибкой в этом плане вписывать личность Генриха, живую, полную противоречий, в рамки конъюнктурной, линейной логики, как это делал, например, в свое время историк Е.П. Тарасов. Последний, действуя в русле устойчивых установок советской историографии Гражданской войны в России, объяснял рассмотренное нами решение Эйхе сквозь призму стереотипной фразы «надо защищать Советскую власть», вложенной в уста будущего командарма в качестве лингвистической конструкции прямой речи (что уже вызывает сомнение)[252]. Данная фраза, как видно, совершенно не исчерпывала мотивы военачальника и, по сути, почти не раскрывала таковых. Сущность мотивации Эйхе следует признать в равной степени далекой и от типологических схем российских историков, которые в разное время были разработаны ими с целью классификации причин поступления бывших офицеров на службу в ряды РККА. В частности, из пяти чистых мотивационных позиций типологической схемы, предложенной историком А.А. Шуваловым, к персоне Эйхе однозначно могут быть отнесены одновременно три номинальные позиции[253].

Непосредственное принятие Эйхе в систему командного корпуса Красной Армии было санкционировано решением военного отдела Областного исполнительного комитета Западной области и фронта, развернутого в Смоленске. Комитет или Облискомзап, созданный в ноябре 1917 г., представлял высшую административно-территориальную единицу на территории Белоруссии. Под его управлением находились формально Смоленская, Минская, Виленская, Витебская, Могилевская губернии, а также все силы и средства ликвидируемого Западного фронта. Ряд ключевых деятелей этого органа был хорошо знаком Эйхе. С его Председателем, бывшим прапорщиком А.Ф. Мясниковым, занимавшим

---

[251] Правда (Москва). 1918. 1 марта.

[252] *Тарасов Е.П.* Красном Генрих Эйхе. С. 19.

[253] *Шувалов А.А.* Причины выбора представителями Русского офицерского корпуса противоборствующей стороны в конце 1917 – начале 1918 г. // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2 (2). С. 104.

также пост Председателя Северо-Западного областного комитета РКП(б)[254], военачальник наладил контакты еще в бытность членом ВРК/Президиума армейского Совета 10-й армии. Несколько раз встречались они и в феврале 1918 г., перед отъездом Эйхе в отпуск. Вероятно, именно Мясников тогда впервые высказал Генриху предложение о переходе на службу в РККА. Военный отдел Облискомзапа возглавлял другой известный Эйхе большевик, бывший подполковник Русской армии В.В. Каменщиков, занимавший в ноябре 1917 г. пост Главнокомандующего войсками Западного фронта. Протекция поименованных лиц, а также дружеская поддержка бывших товарищей Эйхе по 10-й армии, по-видимому, В.И. Яркина, Председателя ЧК Западной области, и А.М. Ханова, члена Смоленского губернского Совета, предопределила выгодные начальные карьерные позиции биографируемого в вооруженных силах РСФСР.

Таким образом, 22 марта 1918 г. в Смоленске Эйхе получает назначение на первую официальную должность в структуре новой армии – командира 1-го революционного пехотного полка имени Облискомзапа[255], формируемого на тот момент в небольшом уездном городе Гжатске[256]. Преобразованный впоследствии в 232-й стрелковый полк 26-й стрелковой дивизии 5-й армии, он стал одной из первых регулярных частей РККА, созданных в Смоленской губернии. На протяжении жизни Эйхе сохранил особенно теплое отношение к полку Облискомзапа, в котором он начинал службу в РККА, называя его «моим родным»[257]. История Гражданской войны, действительно, надолго свяжет личный служебный путь Эйхе с упомянутым полком. Напрямую или опосредованно он будет находиться в подчинении военачальника в течение почти двух дальнейших лет – до середины января 1920 г. В свою очередь, воинский коллектив пехотного полка Облискомзапа (232-го стрелкового) станет свидетелем поступательного и весьма успешного развития служебной карьеры своего первого командира, которое приведет Эйхе к посту бригадного командира и дивизионного начальника, а со временем – командующего 5-й армией Восточного фронта РСФСР.

В оперативном отношении руководимый Эйхе полк начиная с марта 1918

---

[254] *Мясников Александр Федорович* (1886-1925). Член РСДРП с 1906 г. Председатель Северо-Западного областного комитета РСДРП(б)-РКП(б) (сентябрь 1917 г. – декабрь 1918 г.). По совместительству состоял в ноябре 1917 г. – феврале 1918 г. Главнокомандующим войсками Западного фронта.

[255] РГВА. Ф. 37976. П/с № 340-422. Л. 2 об.

[256] Ныне – г. Гагарин, Смоленская область.

[257] См., например: *Эйхе Г.Х.* Даешь Урал! // Урал. 1968. № 2. С. 82.

г. был подчинен Московскому району Западного участка отрядов Завесы (ЗУОЗ), что накладывало определенный отпечаток на перспективы его возможного боевого применения. Как известно, Завеса, будучи оперативным объединением сил РККА, развернутым вдоль советско-германской демаркационной полосы[258], создавалась с весны 1918 г. для «…прикрытия внутренних областей государства от возможного вторжения германцев…»[259]. В данном контексте важнейшая роль отводилась, прежде всего, формированиям Московского района ЗУОЗ, долженствовавшим осуществить блокирование продвижения кайзеровской армии на смоленском направлении. Последнее, по оценке военного руководителя ЗУОЗ В.Н. Егорьева, представляло «…важнейшее историческое направление наступления на Москву»[260]. В силу сложившихся обстоятельств на военного специалиста Эйхе ложилась ответственность особого рода. Возглавляемый им 1-й полк Облискомзапа должен был преградить путь германским силам к Москве в случае их потенциального выхода в район Вязьмы (210 км западнее Москвы).

Изначальное выдвижение на самостоятельный пост руководителя боевой единицы полкового уровня, судя по всему, принесло Эйхе удовлетворение. Если работа в выборных органах 10-й армии явилась для него «откровением», как по причине общей неготовности и отсутствия административного опыта, так и вследствие психологического тяготения Эйхе к единоличному (а не коллективному, коллегиальному) формату реализации своих командирских полномочий, то принципы постановки работы в звеньях рота – батальон – полк были ему понятны и хорошо известны. Практика руководства подразделениями (от полковой команды до батальона) в 1915-1917 гг., «школа» полковника А.С. Воробьева, а также работа в течение 8 месяцев на центральных должностях в комитете 245-го Бердянского полка позволили бывшему обер-офицеру близко познакомиться с организацией боевого применения, функциональной подготовки и хозяйственного обеспечения войсковых масс на данном уровне. Здесь мы можем констатировать, что имевшийся у Эйхе к этому времени реальный опыт командной деятельности в наибольшей мере отвечал вновь обретенному им в РККА служебно-

---

[258] Подробнее см.: *Егоров Н.Д.* Создание и деятельность войск Завесы обороны в 1918 году. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1989.

[259] Цит. по: Директивы Главного командования Красной Армии (1917-1920): Сб. док. / Сост. *Н.М. Вьюнова* и др. М., 1969. С. 30.

[260] Цит. по: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.): Сб. док. Т. 1. С. 120.

му статусу полкового командира. Исходить в соответствующей оценке из критерия формального наличия или отсутствия у него воинской квалификации в том значении, которое вкладывалось в это понятие в реалиях Русской армии, разумеется, не стоит. Однако отнести Эйхе вслед за историком А.Г. Кавтарадзе к высокой категории военных специалистов у нас есть все основания[261].

На ранней фазе строительства РККА Эйхе представлял собой редкий еще для того времени тип военспеца, совмещавшего данное качество с большевистскими убеждениями и официальным членством в РКП(б). Этим в немалой степени объясняется проявление с его стороны выдающейся активности и добросовестности в процессе формирования 1-го полка Облискомзапа. В отличие от массы мобилизованных, нередко в принудительном порядке, кадровых военспецов, он действительно работал не на страх, но на совесть. В своей деятельности на тот момент военачальник, по его собственному признанию, исходил из осознания того, что «…от нашей инициативы, от нашего опыта, от нашей энергии, трудолюбия и преданности делу…» будут зависеть будущие успехи молодой Красной Армии[262]. Следуя данной идейной установке, Эйхе в период работы по созданию полка в марте-августе 1918 г. проникается глубоким и неподдельным интересом к военному делу, который с той поры будет отличать его личность на протяжении всей жизни. Личностные ориентиры мирного времени, связанные с искусством и торговой деятельностью, окончательно уступили теперь место блестящим служебным перспективам в новой большевистской армии, внезапно открывшимся перед Эйхе в результате октябрьского революционного подъема. Феномен судьбы таких рожденных революцией homo novus хорошо охарактеризовал польский социал-демократ Вацлав Солский, один из крупных деятелей Облискомзапа, с которым Эйхе в рассматриваемый период, безусловно, был знаком. «Революционная волна, – писал Солский, – захватывала людей... Они открывали в себе подлинные таланты руководителей масс и одновременно находили в себе жизненный путь, удовлетворяющий их гораздо более, нежели прежняя деятельность. Таких людей … революция сделала счастливыми»[263].

Формирование 1-го революционного пехотного полка Облискомзапа, следует отметить, Эйхе производил не с чистого листа. Базой для его создания по-

[261] *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917-1920 гг. С. 12-13.
[262] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 46 об.
[263] *Солский В.* 1917 год в Западной области и на Западном фронте. Мн., 2004. С. 43-44.

служил расквартированный в Гжатске еще летом 1917 г. 11-й запасной пехотный полк бывшего Минского военного округа. Это обстоятельство, однако, не только не облегчало, но, по сути, срывало выполнение поставленной перед Эйхе задачи. Личный состав запасного полка еще в предреволюционное время отличался своеволием и несдержанностью, в частности, был замечен в призывах к антисемитским погромам[264], а в марте 1917 г. его усилиями был арестован и изгнан командир полка полковник А.Ф. Галактионов[265]. По этой причине уровень дисциплины в формируемой революционной части на первых порах был крайне низким, а служебные взаимоотношения между командирами и красноармейцами – далекими от нормальных. Негативную тенденцию «партизанщины» удалось переломить только за счет проведения Эйхе ряда «чисток», позволивших отсеять от 500 до 700 человек из числа неустойчивого, деструктивного элемента[266].

Другой проблемой, с которой столкнулся военачальник, явилось отсутствие готовых штатных расписаний, необходимых для выстраивания, собственно, организационной структуры полка. На тот момент ни в ЗУОЗ, ни в РККА в целом их еще не существовало. Вследствие этого Эйхе в соответствующей работе вынужден был действовать во многом интуитивно, с некоторой долей импровизации. Разработанный его усилиями штат полка Облискомзапа тем не менее мы можем назвать сбалансированным с точки зрения перспектив выполнения боевых задач тактического масштаба и близким к положениям введенного позднее штатного расписания № 220, ставшего ориентиром для перехода РККА на начала регулярной организации. В структурной основе полка решением Эйхе выделялись три батальона пехоты, полковая артиллерийская батарея, полковые команды – пулеметная, пеших разведчиков, конных разведчиков, связи, музыкантская. Почти все подразделения были успешно сформированы к августу 1918 г. Только попытка создать батарею потерпела неудачу, ограничившись развертыванием полубатареи из двух трехдюймовых орудий, найденных бесхозными[267]. Недостаток огневой мощи командир полка компенсировал усилением каждого

[264] ГА РФ. Ф. 504. Оп. 1. Д. 544. Л. 1-8.

[265] Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г.: Сб. док. С. 215.

[266] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 51 об.

[267] Брошенные в Гжатске орудия, очевидно, принадлежали 1-й бригаде (бывшей Отдельной гвардейской кавалерийской) 3-й гвардейской кавалерийской дивизии, временно квартировавшей здесь в ноябре-декабре 1917 г. Факт оставления артиллерии в городе подтверждается свидетельством штабс-ротмистра С.И. Новикова (*Новиков С.* Конец родного полка // Военная быль. 1968. № 89. С. 24).

батальона пулеметной командой, что стало возможно благодаря хорошей личной коммуникации между Эйхе и Каменщиковым. Из базисных складов расформированного Западного фронта он передал в распоряжение «красного латыша» в приоритетном порядке 24 новых станковых пулемета Максим (на платформе двуколок), значительное количество запасных частей к ним и боеприпасов[268]. С большим вниманием к нуждам полка Облискомзапа отнеслись и вышестоящие военные органы ЗУОЗ. В мае 1918 г. к Эйхе прибыли для несения службы 17 опытных командиров-инструкторов пулеметного дела – 63 % контингента первого выпуска краскомов 1-й Московской революционной пулеметной школы[269].

Говоря о лицах, замещавших в революционной части руководящие должности, необходимо отметить наличие у большинства из них реальной практики управления войсковыми подразделениями. Исключение, вероятно, составляли только начальник полубатареи, бывший старшим фейерверкером, и комиссары полка – упоминавшиеся ранее большевики Д.К. Черных и Ф. Эйзенарм[270], близкие товарищи Эйхе со времен деятельности в 10-й армии. Иные краскомы, состоявшие в его ведении, были в основной массе обер-офицерами военного времени.

26-летний латыш Х.А. Пунга[271], назначенный в апреле 1918 г. помощником полкового командира, начал военную службу по мобилизации в сентябре 1915 г. К апрелю 1916 г. он прошел курс Оренбургской школы прапорщиков, после чего был выпущен в формируемый 513-й Холмогорский пехотный полк (4-й очереди). Службу в Первую мировую войну прапорщик Пунга завершил в должности командира одной из пехотных рот этого полка, но реального опыта фронтовой боевой работы, по всей видимости, ему приобрести так и не довелось. Эйхе неизменно выделял своего помощника, хотя и признавал в воспоминаниях, что он «…был по характеру несколько стеснительный … и не был достаточно "зубаст"»[272]. Со своей стороны добавим, что Пунге был свойственен скорее талант военно-административного работника, «штабиста». Не случайно Эйхе, будучи уже командиром 3-й бригады 26-й стрелковой дивизии, санкциони-

[268] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 47.
[269] МосВОКУ. Выпуск 1918 г. // URL:http://mosvoku.narod.ru/18/1918.htm (дата обращения: 8.11.2015).
[270] Эйзенарм состоял в должности второго комиссара 1-го полка Облискомзапа в течение первых месяцев его формирования, до своего назначения Председателем уездной ЧК Гжатского уезда.
[271] *Пунга Христофор Андреевич* (1892-1938). Латыш. Помощник командира (март-сентябрь 1918 г.), командир (сентябрь 1918 г. – май 1919 г.) 1-го полка Облискомзапа (232-го). Протеже Эйхе.
[272] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 54.

рует направление своего земляка в мае 1919 г. в Московскую школу штабной службы, обучение в которой даст новый импульс развитию его военной карьеры.

Ровесником Эйхе и Пунги был инструктор по формированию полка белорус А.Е. Будыхо[273], занимавший этот пост с 25 апреля 1918 г.[274] В Русской армии он пребывал с 1914 г., спустя два года окончил 5-ю Киевскую школу прапорщиков. На фронте проявил себя как волевой офицер, и в 1917 г. был командирован в Северную школу гренадер Особой армии. Здесь Будыхо освоил передовую для этого времени тактику действий ударных подразделений и штурмовых групп. На момент установления диктатуры большевиков он командовал ротой 519-го Кизлярского пехотного полка (4-й очереди) в чине поручика.

Наиболее зрелой личностью из числа краскомов полка был 22-летний начальник полковой пулеметной команды Ф.В. Васильев[275], служивший под началом Эйхе с марта 1918 г.[276] Рано оставшийся без попечения родителей, он работал накануне мировой войны агрономом. На военную службу был призван в сентябре 1915 г. В следующем году окончил в чине прапорщика специальные Офицерские пулеметные курсы в Ораниенбауме[277]. На фронте достаточно быстро достиг весьма высокого служебного статуса. К концу 1917 г. в чине подъесаула возглавлял полковую пулеметную команду 6-го Донского казачьего полка. Стал одним из немногих офицеров полка, принявших сторону большевиков. Эйхе с глубоким уважением относился к военспецу Васильеву, характеризуя его в воспоминаниях как командира, «…отлично знавшего свое дело», и особо подчеркивая, что «созданная Васильевым команда была гордостью полка…»[278].

Несмотря на присутствие в штате формируемой части массы лиц, ранее занимавших обер-офицерские должности, Эйхе понимал, что почти все они, по существу, не имели четких представлений о тактике ведения маневренной вой-

---

[273] *Будыхо Александр Ефимович* (1893-1950). Инструктор по формированию 1-го полка Облискомзапа (апрель-май 1918 г.). Начальник штаба 3-й бригады 26-й стрелковой дивизии (назначен не позднее начала ноября 1918 г.). Командир 233-го стрелкового полка данной бригады с февраля 1919 г.

[274] *Александров К.М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова. 1944-1945. СПб., 2001. С. 97.

[275] *Васильев Федор Васильевич* (1896-1938). Начальник пулеметной команды 1-го полка Облискомзапа (232-го стрелкового) с марта 1918 г. В 1919 г. некоторое время командовал 233-м стрелковым полком 3-й бригады 26-й стрелковой дивизии.

[276] *Черушев Н.С., Черушев Ю.Н.* Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937-1941. Биограф. словарь. М., 2012. С. 198.

[277] Ныне – г. Ломоносов, в пределах г. Санкт-Петербурга.

[278] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 47.

ны. В лучшем случае их фронтовой опыт ограничивался окопными столкновениями и участием в неудачном летнем наступлении 1917 г., в худшем – у некоторых из них отсутствовал даже этот скромный опыт. Указанный фактор грозил обернуться тяжкими последствиями, особенно, в свете перспектив возможного участия 1-го полка Облискомзапа в отражении натиска регулярных кайзеровских войск и – потенциально – в нараставшем гражданском противостоянии, которое, как известно, отличалось колоссальным динамизмом оперативных действий. Исходя из этих соображений, Генрих в период нахождения революционной части в Гжатске организовал проведение еженедельных занятий с представителями командного состава. Соответствующие «практикумы» были призваны нивелировать лакуны в тактической подготовке краскомов, расширить практические навыки их служебной работы, в том числе посредством решения конкретных ситуационных задач. Сугубо прикладная направленность занятий диктовала преимущественное использование Эйхе в рамках обучения специально оборудованного поля, а также визуализированных макетов местности. Думается, что в это время специалист, наконец, осознал, сколь важную роль сыграла в его судьбе «школа» уже покойного на тот момент полковника Воробьева. Не в последнюю очередь именно она, подчеркнем, дала возможность Эйхе выйти на такой уровень профессиональных знаний и умений, который позволил ему выступать по отношению к своим гжатским сослуживцам-краскомам в статусе не просто командира полка, но опытного специалиста-наставника. В последующие годы службы в РККА Эйхе, как показало исследование, глубоко свыкнется с ролью военного инструктора и организация командирских занятий обретет качество одной из важнейших практик его военно-управленческой деятельности.

Положительным образом на развертывании полка сказался тот факт, что Эйхе удалось в короткое время создать в его коллективе здоровую рабочую атмосферу, сплотить командный и политический состав в рамках единого дружеского сообщества. Кадровый костяк полка после проведения им «чисток» изменился в сторону превалирования добровольческого элемента – уроженцев Смоленского, Краснинского и Дорогобужского уездов, направлявшихся в часть военным отделом Облискомзапа. В этом плане 1-й полк Облискомзапа стал представлять сугубо добровольческое формирование, что подтверждал, в частности, сам Эйхе и один из ветеранов революционной части, полковой адъютант П. Ка-

зиков[279]. Спектр возможностей Эйхе по вербовке красноармейцев существенно расширился после его назначения (по совместительству) в июле 1918 г. военным комиссаром Гжатского уезда[280]. Именно по этой линии, в частности, он принял в состав полка 19-летнего уроженца Гжатска, выпускника местного реального училища И.П. Сергеева, будущего кандидата в члены ЦК ВКП(б) и Народного комиссара боеприпасов СССР. Преимущественное наличие в воинском коллективе добровольцев и лояльных режиму военнослужащих позволило Эйхе избежать сложностей в период отправки вверенного ему полка на фронт Гражданской войны, таких, например, которые имели место в 1-й Смоленской пехотной дивизии ЗУОЗ, где солдаты 8 августа 1918 г. подняли вооруженный мятеж[281].

Непосредственное вступление Эйхе и возглавляемого им полка Облискомзапа в канву Гражданской войны связано с событиями, произошедшими в восточной части России, за сотни верст от Гжатска. Речь идет о серии крупных вооруженных выступлений Чехословацкого корпуса в мае-июле 1918 г. В результате этих событий власть Советов на обширной территории Поволжья, Урала и Сибири была низложена и перешла к нескольким вновь образованным антибольшевистским правительствам, наибольший политический вес среди которых обретает Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (Самарский Комуч). Это существенно ухудшило политическую и общую военную устойчивость РСФСР, положив начало перерастанию гражданского противостояния в России в фазу широкомасштабного вооруженного конфликта. 20 июля 1918 г. Ленин в одном из частных писем откровенно признавал угрозу того, что «…мы слетим, ибо положение с чехословаками из рук вон плохо»[282]. Таким образом, вектор угрозы красной диктатуре переместился с запада (кайзеровские войска) на восток (коалиция чехословаков и сил «демократической контрреволюции»).

Ведущей причиной поражения большевиков в борьбе с чехословаками и армией Самарского Комуча явилась сравнительная немногочисленность и слабая организованность войск РККА и большевистских сил в полосе Восточного

---

[279] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1387. Л. 37; *Казиков П.* Памяти тов. Буренкова // Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи участников борьбы с учредиловской и колчаковской контрреволюцией / Под ред. *И.Н. Смирнова* и др. М.-Л., 1926. С. 385.

[280] РГВА. Ф. 37976. П/с № 340-422. Л. 2 об.

[281] Подробнее см.: ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 511. Л. 69 об.-85.

[282] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 50. Письма. Октябрь 1917 – июнь 1919. М., 1965. С. 124.

(чехословацкого) фронта РСФСР, образованного в июне 1918 г. на пространстве от Прикамья до Нижнего Поволжья. Сообразно с этим был принят ряд незамедлительных мер. Так, Высший военный совет РСФСР 23 июля 1918 г. постановил: «…В самый короткий срок перебросить на Восточный фронт все наиболее сформированные и обученные части»[283]. И хотя Председатель Высшего военного совета и Народный комиссар по военным делам Л.Д. Троцкий отмечал уже 29 мая 1918 г., что «с Урала и Центральной России и из Сибири двинуто достаточное количество войска для того, чтобы сокрушить мятежников…»[284], на деле в качестве ключевого источника усиления Восточного фронта РСФСР рассматривались только силы Завесы, то есть западные формирования.

Прямым локальным следствием упомянутого решения красного командования явилась переброска на Восточный фронт, приобретавший теперь значение главного для Советской Республики[285], вверенного Эйхе 1-го революционного пехотного полка имени Облискомзапа (ЗУОЗ). В целом же на войска ЗУОЗ приходилась львиная доля суммарного воинского контингента, выведенного из Завесы в 1918 г. в интересах действующей РККА. По оценкам военного руководителя ЗУОЗ Егорьева, состав участка в июле-августе 1918 г. покинули по нарядам различных фронтов РСФСР не менее 15 пехотных и конных полков[286]. В их число, очевидно, Егорьев включил и пехотный полк молодого большевика Эйхе.

В настоящий момент мы не располагаем источниками, позволяющими установить точное время отправки полка Эйхе из Гжатска на восток. В качестве ориентировочной даты нами рассматривается промежуток между 25 июля и 18 августа 1918 г., поскольку 1-й полк Облискомзапа обозначен в ведомости численного состава формирований, переданных управлению Восточного фронта за соответствующий период[287]. Отметим, что знакомство с персональными материалами Эйхе еще в меньшей степени позволяет составить представление об искомой дате, фактически положивший начало активному участию военачальни-

---

[283] Цит. по: Директивы Главного командования Красной Армии (1917-1920): Сб. док. С. 103-104.
[284] РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 474. Л. 1 об.
[285] Подробнее о значении Восточного фронта в контексте существования РСФСР в период Гражданской войны см.: *Вахрушев В.П.* Значение Восточного фронта для победы пролетарской революции (1918-1920 гг.) // Труды Московского нефтяного института им. И.М. Губкина. 1957. Т. 21. С. 21-36.
[286] *Егорьев В.Н.* Из жизни Западной Завесы (по архивным материалам и личным воспоминаниям) // Гражданская война. 1918-1921 / Под общ. ред. *А.С. Бубнова, С.С. Каменева, Р.П. Эйдемана.* Т. 1. Боевая жизнь Красной Армии. М., 1928. С. 244.
[287] РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Л. 102.

ка в Гражданской войне на востоке России, и поэтому весьма значимой. В ряде автобиографий, например, Эйхе ограничился только констатацией факта: «Отбыл с полком в качестве его командира на Восточный фронт в августе 1918 г. под Казань»[288]; «...В конце августа 1918 г. … отправлен с полком на Восточный фронт под Казань»[289]. Полагаться на данные Эйхе при рассмотрении соответствующего вопроса, однако, не стоит, поскольку последняя временная привязка, обозначенная им (конец августа 1918 г.), без сомнения, является ошибочной.

На фронт вооруженного противостояния Гражданской войны в восточной половине России молодой человек был направлен в чрезвычайно тревожное для РСФСР время. Войска Народной армии Самарского Комуча при поддержке чехословацких национальных формирований продолжали оттеснять неустойчивые и слабо подготовленные части Восточного фронта РСФСР из Среднего Поволжья. 21 июля 1918 г. ими был занят Симбирск[290], 7 августа 1918 г. – Казань, что открывало антибольшевистским силам кратчайший, прямой путь на Москву.

Непосредственно оперировавшие в районе Казани (по левому и правому берегам р. Волги из района ж/д ст. Свияжск на Казань) немногочисленные войска Восточного фронта представляли развертываемую с конца июля 1918 г. 5-ю армию РККА[291]. Но «героический путь от Волги до Байкала»[292] (следуя выражению Эйхе), благодаря которому 5-я армия, освободившая от белых к 1920 г. всю территорию Урала и Сибири, войдет в историю Гражданской войны, ее части начинали в состоянии дезорганизации и расстройства. Член РВС армии С.И. Гусев впоследствии вспоминал, что «общее состояние свияжской группы войск (превращенной затем в 5-ю армию) … можно было кратко определить так: неверие в свои силы, отсутствие инициативы, пассивность во всей работе и отсутствие дисциплины сверху донизу»[293]. Обстановка в полосе 5-й армии и положение ее полурегулярных формирований (Правобережной и Левобережной групп) были столь критическими, что в середине августа 1918 г. в Свияжск, где находились органы управления армией, для наведения порядка прибыл лично Предсе-

[288] НГКМ. Ед. хр. № НВ-14924/124. Л. 1.
[289] РГАЭ. Ф. 870. Оп. 266. Д. 130. Л. 29 об.
[290] Ныне – г. Ульяновск, Ульяновская область.
[291] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.): Сб. док. Т. 1. С. 428.
[292] ГАНО. Ф. П-5а. Оп. 1. Д. 289. Л. 4.
[293] *Гусев С.И.* Гражданская война и Красная Армия. Сб. военно-теоретических и военно-политических статей (1918-1924 гг.). М.-Л., 1925. С. 14.

датель Высшего военного совета РСФСР и Нарком по военным делам Троцкий.

Почти одновременно с приездом Троцкого в район Свияжска, в тыловую полосу Восточного фронта РСФСР, на ж/д ст. Арзамас (305 км к западу от Свияжска), прибывает во главе эшелона 1-го пехотного полка Облискомзапа «красный латыш» Генрих Эйхе. Спустя короткое время, по итогам личной встречи в Арзамасе с Главнокомандующим Восточным фронтом, латышом И.И. Вацетисом[294], он утверждается в новой должности командира полурегулярного Шихранского отряда, специально образованного в структуре Шихранской группы войск[295]. На отряд Эйхе возлагалась функция охранения тыловой полосы Восточного фронта на железнодорожной линии от ж/д ст. Шихраны[296] до Свияжска. С соответствующими полномочиями военспец 4 сентября 1918 г.[297] прибывает на ст. Шихраны (73 км западнее Свияжска). Здесь он объединяет под своим руководством ранее возглавляемый им 1-й полк Облискомзапа (командир – Пунга) в 1.200 человек, 24 пулемета и 2 орудия, а также сосредоточенные в районе ст. Шихраны 4-й Латышский стрелковый полк (командир – Янис Саулитис) в 500-600 человек (197 штыков, 6 сабель) и 6 пулеметов[298], 3-ю Смоленскую легкую батарею (командир – бывший обер-офицер Чистяков) в 4 орудия и Тверской полуэскадрон (командир – И.А. Лапташевский[299]). В сумме силы перешедшего под начало Эйхе Шихранского отряда составили внушительные 2.000 человек[300].

Говоря об эпизоде с новом назначением Эйхе, нельзя не обратить внимание на ошибку, которую воспроизводили едва ли не все исследователи, в той или иной мере упоминавшие его личность в контексте боев в Поволжье в 1918

---

[294] *Вацетис Иоаким Иоакимович* (1873-1938). Латыш. Главнокомандующий Восточным фронтом РСФСР (11 июля – 28 сентября 1918 г.).

[295] Шихранская группа находилась в непосредственном подчинении РВС Восточного фронта и была образована на правах фронтового резерва 12 августа 1918 г. Действовала за правым флангом 5-й армии, в ее задачу входило обеспечение оперативного стыка 5-й и расположенной к югу 1-й армий.

[296] Ныне – в черте пос. Канаш, Канашский район Чувашской республики.

[297] РГВА. Ф. 39976. П/с № 340-422. Л. 2 об.

[298] Latviešu strēlnieku vēsture (1915-1920). Rīga,1970. Lp. 233; *Томан Б.А.* За свободную Россию, за свободную Латвию. Латышские стрелки и красногвардейцы в первый год Советской власти. М., 1975. С. 230. 4-й Латышский полк был включен Вацетисом в состав Шихранской группы 20 августа 1918 г.

[299] *Лапташевский Иван Александрович* (? – не ранее 1938). Командир Тверского полуэскадрона (сентябрь 1918 г. – не ранее апреля 1919 г.) Шихранского (позднее – 3-го) отряда, 3-й бригады 26-й стрелковой дивизии. Впоследствии – состоящий для особых поручений при Эйхе в бытность его Главнокомандующим вооруженными силами Дальневосточной республики (январь-май 1921 г.), командующим войсками Минского района Западного фронта (1921-1922 гг.). Близкий друг Эйхе.

[300] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 59.

г. Ошибка заключается в приписывании краскому руководства не Шихранским отрядом, но более многочисленной Шихранской группой либо в отождествлении возглавляемого им отряда и указанной группы[301]. В действительности Шихранская группа (около 5.000 человек) фронтового подчинения на протяжении почти всего времени существования состояла по удачному для Эйхе стечению обстоятельств под командованием Каменщикова, его товарища по Облискомзапу, позднее – в ведении «генштабиста», латыша Я.Я. Юршевского. Сам Эйхе, соответственно, находился в их подчинении до 25 сентября 1918 г., после чего руководимый им отряд был включен в состав упомянутой 5-й армии фронта с преобразованием в 3-й отряд Правой (Правобережной) группы армии[302].

Некоторые обстоятельства, сопутствовавшие выдвижению военачальника в должность командира Шихранского отряда, необходимо рассмотреть подробнее. К этому нас обязывает тот факт, что воинский коллектив отряда, преобразованного впоследствии в 3-й отряд, а еще позднее – в регулярную 3-ю бригаду 26-й стрелковой дивизии 5-й армии, Эйхе, по сути, будет возглавлять вплоть до апреля 1919 г. В этом смысле рассматриваемое назначение биографируемого образует начало определенной хронологической вехи его служебной карьеры.

Назначение Эйхе начальником крупной по меркам начального фазиса Гражданской войны и значимой в оперативном отношении боевой единицы представляется явлением, производным от пребывания в Свияжске персоны Наркома Троцкого. Следует учитывать, что причиной, собственно, создания Шихранского отряда Эйхе явился рейд ударной группы Народной армии Самарского Комуча во главе с полковником В.О. Каппелем через ст. Шихраны и ст. Тюрлема на Свияжск. Он произошел за считанные дни до прибытия полка Эйхе на фронт. Скрытно выдвинувшись 27-28 августа 1918 г. в тыл Шихранской группы, войска Каппеля развили наступление на север и едва не захватили находившиеся в Свияжске штаб 5-й армии РККА и литерный поезд Троцкого. Этой смелой операцией, вспоминал позднее лидер вооруженных сил РСФСР, «мы были изрядно застигнуты врасплох»[303]. В конечном счете, отбросить Каппеля красным удалось лишь за счет ввода в бой почти всех сил, развернутых на линии ст. Шихраны –

---

[301] См.: *Čehlovs A.* Armijas komandiera liktenis. Lp. 18; *Спреслис А.И.* Латышские стрелки на страже завоеваний Октября. 1917-1918 гг. Рига, 1967. С. 180; *Тарасов Е.П.* Краском Генрих Эйхе. С. 25-28.

[302] РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 2. Л. 1-2.

[303] *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1991. С. 386.

Свияжск, вплоть до хозяйственных команд и тыловых служащих.

Рейд Каппеля в полной мере проявил несовершенство организации обороны оперативного стыка 5-й и 1-й (оперировавшей на Симбирск) армий Восточного фронта, которая возлагалась на Шихранскую группу Каменщикова и, прежде всего, чрезвычайную уязвимость ст. Шихраны как ключевого ж/д пункта в тыловой полосе Восточного фронта РСФСР. В этой связи военный комиссар отдела разведки штаба 5-й армии Л.М. Рейснер вспоминала: «Налет был выполнен блестяще; сделав глубочайший обход, белые неожиданно обрушились на станцию Шихраны, расстреляли ее, овладели станционными зданиями, перерезали связь с остальной линией… Защищавший Шихраны малочисленный заслон был поголовно вырезан»[304]. Таким образом, недостаточное внимание к обеспечению безопасности района ст. Шихраны явилось одной из важных причин возникновения свияжского кризиса, так сильно раздосадовавшего Наркома Троцкого. С учетом приведенных фактов стоит признать: создание сильного, самостоятельного войскового заслона в районе ст. Шихраны – Свияжск было и разумным, и необходимым актом. Функцию этого мобильного заслона, призванного обезопасить органы полевого управления и тыловые коммуникации Восточного фронта от возможных рейдов и диверсий противника, и взял на себя образованный к 4 сентября 1918 г. Шихранский отряд во главе с молодым военачальником Эйхе.

Наделение Эйхе полномочиями носителя столь ответственного поста, приобретавшего исключительное значение с точки зрения пребывания в Свияжске штаба 5-й армии и личного поезда Троцкого, состоялось, по-видимому, с санкции либо прямого одобрения последнего. Думается, что на фоне участившихся на тот момент измен военспецов красных, Наркому была далеко не безразлична персоналия командующего резервным отрядом, обеспечивавшего личную безопасность его пребывания в Свияжске. В то же время нельзя не упомянуть, что Троцкий, как и многие представители политических элит РСФСР, в годы Гражданской войны покровительствовал военным специалистам из числа этнических латышей, которые не раз доказывали свою преданность диктатуре и ее лидерам, отличаясь дисциплинированностью и управляемостью. Именно усилиями Троцкого, например, в свое время было пролоббировано назначение латыша Вацетиса Главнокомандующим Восточным фронтом РСФСР. Небезынтересно также

[304] *Рейснер Л.* Свияжск // Пролетарская революция. 1923. № 6-7. С. 183-184.

заметить, что в первые же дни после приезда в Свияжск Троцкий по согласованию с Вацетисом назначает командующим оперировавшей под Казанью 5-й армией Восточного фронта другого своего протеже – латыша П.А. Славена, земляка Эйхе[305]. Таким образом, национальный фактор, наряду с объективными причинами и явлениями, очевидно, сыграл известную роль в деле назначения Эйхе в конце августа – начале сентября 1918 г. командиром Шихранского отряда.

Возглавляя в течение сентября 1918 г. Шихранский отряд, военный специалист Эйхе приобрел первичный опыт боевого применения крупных войсковых масс в принципиально новых для него на тот момент условиях Гражданской войны. Особенное значение в контексте роста его способностей как военачальника РККА имела локальная наступательная операция «шихранцев» из района г. Тетюши и с. Головкино[306] в направлении ж/д ст. Чердаклы (35 км к востоку от Симбирска), ставшая заключительным эпизодом широко известной Симбирской операции 1-й и 5-й армий Восточного фронта (9-28 сентября 1918 г.).

Необходимость овладения ст. Чердаклы, тактическим ключом района Симбирск – Бугульма, диктовалась поставленной перед 5-й армией задачей преследования смешанной группировки сил Народной армии Самарского Комуча, потерпевшей ко второй декаде сентября 1918 г. поражение в районе Симбирска и развернувшей отступление в восточном направлении, на Уфу. Начало операции было положено 22 сентября 1918 г., когда начальник штаба Восточного фронта П.М. Майгур от имени Вацетиса направил вновь назначенному командующему 5-й армией латышу Ж.К. Блюмбергу[307] директиву № 56 о создании особой ударной группы для наступления в общем направлении на ст. Чердаклы. «Даже слабый нажим вашей группы, – подчеркивал Майгур, – заставит противника отступать дальше на Мелекесс[308]. Дальнейшая же ваша задержка и медленность действий может окончиться катастрофически…»[309]. Следуя указаниям командования фронта, Блюмберг 25 сентября 1918 г. открывает подготовку нового насту-

---

[305] *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. С. 382.

[306] Ныне – не существует. Представлено Головкинскими островами (в акватории Куйбышевского водохранилища), образовавшимися после искусственного затопления территории села в 1950-е гг.

[307] *Блюмберг Жан Карлович* (1889-1938). Латыш. Командующий 5-й армией Восточного фронта (20 сентября 1918 г. – 5 апреля 1919 г.).

[308] Ныне – г. Димитровград, Мелекесский р-н Ульяновской области.

[309] Цит. по: Симбирская губерния в годы Гражданской войны (май 1918 г. – март 1919 г.): Сб. док. Т. 1. С. 177.

пления[310]. Большое значение в его оперативном замысле отводилось боевой активности войск Шихранского отряда Эйхе (1-й полк Облискомзапа, 4-й Латышский полк, Ибресский отряд, временно подчиненный Генриху с середины сентября 1918 г. 1-й Казанский стрелковый полк (на 28 марта 1918 г. – 1.168 человек[311]), Смоленская батарея, Тверской полуэскадрон), переданного Вацетисом 22 сентября 1918 г. в распоряжение Правой группы 5-й армии РККА[312].

Формированиям Эйхе, сосредоточенным к этому времени в г. Тетюши, на западном берегу р. Волги, командарм Блюмберг 25 сентября 1918 г. предписал (приказ № 1/о) погрузиться на пароходы Волжской военной флотилии «Боярин» и «Гражданин»[313] с перспективой дальнейшего осуществления десантной операции (высадка на восточный берег р. Волги у пристани в районе Головкино). По выполнении этой исходной задачи войска Шихранского отряда должны были развернуть непосредственный удар от Головкино – на ст. Чердаклы.

Указанное боевое решение было реализовано краскомом Эйхе с большим успехом. Осуществив под его руководством в исключительно сжатые сроки десантирование у Головкино, силы Шихранского отряда во взаимодействии с двумя другими десантными группами армии, руководимыми латышом А. Фрейбергом и К.И. Степным-Спижарным[314], уже к 27 сентября (по другим данным – 25 сентября[315]) 1918 г. с боем овладели территорией станции[316]. При этом особенно отличились 1-й Казанский (командир – Н.Н. Рахманов[317]) и 1-й Облискомзапа полки Шихранского отряда, атаку которых военспец Эйхе непосредственно координировал, впервые в условиях востока России реализовав боевой управленческий функционал полевого командира РККА. Благодаря распорядительности

---

[310] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 34. Л. 25.

[311] *Румянцев М.В.* Участие трудящихся Чувашии в разгроме империалистической интервенции и внутренней контрреволюции в годы гражданской войны. Чебоксары, 1963. С. 9.

[312] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 28. Л. 90 об.

[313] РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 2. Л. 1.

[314] Подробнее об их действиях см.: Latviešu strēlnieku vēsture (1915-1920). Rīga,1970. Lp. 238-239; *Ненароков А.П.* Восточный фронт. 1918. М., 1969. С. 223; *Спреслис А.И.* Латышские стрелки на страже завоеваний Октября. 1917-1918 гг. С. 183-184.

[315] Краткий исторический очерк 26-й Златоустовской стрелковой дивизии. Красноярск, 1925. С. 15.

[316] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 83 об.

[317] *Рахманов (Луценко) Николай Николаевич* (1892-1937). Начальник Ибресского отряда в составе Шихранского отряда (сентябрь 1918 г.). Командир 1-го Казанского (233-го) (15 сентября – 1 декабря 1918 г.), 234-го (с 14 февраля 1919 г.) стрелковых полков. Командир 3-й бригады 26-й стрелковой дивизии (23 июля 1919 г. – сентябрь 1920 г.). Прошел под началом Эйхе путь от Поволжья до Сибири.

биографируемого, помимо прочего, на ст. Чердаклы был захвачен не успевший отступить на восток эшелон противника с грузами интендантского назначения.

Действия ударного отряда, возглавляемого Эйхе, представляли весьма значимое достижение красных в период развертывания наступления 5-й армии Восточного фронта на операционном направлении Симбирск – Бугульма – Уфа. В этой связи стоит упомянуть, что после взятия ст. Чердаклы командарм-5 Блюмберг адресовал непосредственному начальнику Эйхе, командующему войсками Правой группы 5-й армии военспецу М.С. Матиясевичу[318], приветственную телеграмму следующего содержания: «Благодарю Вас и прошу передать благодарность частям вверенной Вам группы за ст. Чарданы *(так в тексте. – Р.Б.)* и дальнейшие успехи. Надеюсь под Вашим командованием на быстрое продвижение группы на Бугульму, … [что] будете так же успешно брать Уфу»[319]. В этом отношении закономерно, что сражение сил Шихранского отряда и в целом Правой группы «пятоармейцев» за ст. Чердаклы рассматривается рядом исследователей как пролог Бугульминской операции[320], во многом решившей участь Уфы.

Частная операция Шихранского отряда Эйхе имела тем большее значение, что в районе ст. Чердаклы им было нанесено поражение частям известного своей стойкостью Сводного корпуса армии Самарского Комуча, которым командовал упоминавшийся ранее полковник Каппель, выдающийся военный деятель антибольшевистского движения на востоке России и автор плана рейда на Свияжск. Рассмотренный эпизод, строго говоря, представлял первый случай очного противостояния Эйхе и Каппеля в истории Гражданской войны. Позднее, в 1919-1920 гг., двум полководцам еще не единожды представится возможность оценить управленческое мастерство друг друга на практике, что даст основание Эйхе в воспоминаниях иронично называть Каппеля своим «старым знакомым»[321]. Взаимные действия оперативного характера Эйхе и Каппель будут организовывать в ходе операций на линии Бугульма – Уфа в зимнюю кампанию 1918/1919 гг., в сражении под Челябинском летом 1919 г. и, наконец, при освобождении 5-й армией во главе с Эйхе территории Западной Сибири на рубеже 1919/1920 гг.

---

[318] *Матиясевич Михаил Степанович* (1878-1941). Командующий Правой (ранее – Правобережная) группой 5-й армии (сентябрь-ноябрь 1918 г.). После переформирования группы – начальник регулярной 26-й стрелковой дивизии 5-й армии (7 ноября 1918 г. – 25 марта 1919 г.).

[319] Цит. по: Краткий исторический очерк 26-й Златоустовской стрелковой дивизии. С. 15.

[320] *Мухарямов М.К.* Гражданская война в Татарии (1918-1919 гг.). Казань, 1969. С. 89.

[321] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 178-178 об.

Каждый из этих эпизодов будет рассмотрен в последующих разделах работы.

Результат локальной операции отряда Эйхе и взаимодействовавших с ним войск в советской историографии представлялся, по-видимому, еще более масштабным. Считалось, что с десантированием Правой группы 5-й армии РККА и Шихранского отряда, соответственно, красные отбросили части Каппеля к ст. Чердаклы, где он 28 сентября 1918 г. был окружен и разгромлен[322]. Однако последние исследования доказывают: несмотря на имевшее место окружение под ст. Чердаклы, войскам Сводного корпуса удалось совершить прорыв и организованно, с арьергардными боями, оторвавшись от преследования формирований Эйхе, отступить в направлении Бугульмы и Уфы[323]. Другой историографической тенденцией прошлого, наиболее характерной для работ ветеранов соседней 1-й армии Восточного фронта, является косвенное приписывание успеха у ст. Чердаклы действиям данной армии[324], что не вполне соответствовало реальности.

После успеха у ст. Чердаклы Шихранский отряд, органично вписавшийся в схему действий Правой группы 5-й армии на бугульминском направлении, был оставлен Вацетисом в ее штате с преобразованием в 3-й отряд группы. Данное организационное решение было оформлено приказом Матиясевича № 2/о от 28 сентября 1918 г.[325] Находившаяся на тот момент под управлением Эйхе группировка сил в этой связи не претерпела изменений. В распоряжении военачальника по-прежнему пребывали 1-й полк Облискомзапа, 4-й Латышский полк, Ибресский отряд, 3-я Смоленская батарея и Тверской полуэскадрон. Несколько позднее ему был также передан упомянутый 1-й Казанский стрелковый полк, ранее подчинявшийся Эйхе временно, на период проведения им операции у ст. Чердаклы. Казанцы компенсировали уход полка латыша Саулитиса, выведенного в октября 1918 г. в распоряжение командования Восточного фронта. В указанном составе вверенный Эйхе 3-й отряд с 1 октября 1918 г. поступил в общий резерв Правой группы и в дальнейшем без каких-либо значительных боевых столкно-

---

[322] См.: Гражданская война в СССР / Под общ. ред. *Н.Н. Азовцева.* Т. 1. М., 1980. С. 191; Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия / Гл. ред. *С.С. Хромов.* М., 1983. С. 541.

[323] *Бринюк Н.Ю.* Военно-политическая деятельность Владимира Оскаровича Каппеля (1883-1920 гг.). Дис. … канд. ист. наук. СПб., 2013. С. 72.

[324] См., например: *Измайлов С.М.* Десанты под Симбирском // Симбирская губерния в 1918-1920 гг. Сб. воспоминаний / Ред. кол.: *Н.Д. Фомин* и др. Ульяновск, 1958. С. 307; *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения. Т. 1. 1919-1927 гг. М., 1964. С. 92.

[325] РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 2. Л. 2.

вений осуществлял поэтапное продвижение от ст. Чердаклы через д. Новое Матюшкино, ж/д ст. Бряндино, посад Мелекесс, с. Новая Майна[326] на Бугульму[327].

Организованный в первой половине октября 1918 г. масштабный переход отряда от ст. Чердаклы к Бугульме явился для молодого латыша первым опытом реализации форсированного наступательного марш-маневра крупной войсковой смешанной группировки. Под руководством военного специалиста Эйхе 3-й отряд Правой группы 5-й армии в предельно короткий срок (15-17 суток) преодолел расстояние не менее чем в 250-270 км, совершая, как вспоминал бывший политработник 1-го полка Облискомзапа И.Ф. Риманов, «…маршевые переходы по 30 и более километров в сутки»[328]. В интересах достижения этой цели Эйхе, акцентируем на этом факте внимание, проявлял очевидную жесткость и упорство, которые с этого времени неизменно будут сопутствовать характеру его военно-управленческой деятельности в напряженной и кризисной оперативной обстановке. В ходе марш-маневра на Бугульму, в частности, военачальник практиковал дозированные марш-броски высокого темпа и изматывающие ночные переходы, вероятно, не сильно считаясь с усталостью руководимого им контингента.

Имевшие место разноплановые тактические «упражнения» и «опыты» Эйхе с силами вверенного ему 3-го отряда на пути к Бугульме позволяют предположить, что уже тогда молодой специалист находился в процессе поиска, выработки для себя неких сводных правил, общих принципов функциональной подготовки подразделений и частей, их боевой, морально-психологической и физической адаптации к специфическим маневренным особенностям Гражданской войны. Своими истоками данные изыскания восходили к периоду службы военачальника в Гжатске, когда он вынужден был путем проб и ошибок осуществлять сколачивание и предварительное слаживание контингента 1-го полка Облискомзапа. Однако наибольшее значение в контексте приобретения Эйхе соответствующего военно-теоретического и практического опыта, выработки взглядов на проблематику боевой подготовки войск имела масштабная реорганизация сил 5-й армии (была обусловлена директивой РВС РСФСР о переходе РККА на регулярное штатное расписание № 220), предпринятая в ноябре-декабре 1918 г. Один из ее важнейших итогов состоял в развертывании с 7 ноября 1918 г. на ба-

[326] Ныне – пос. гор. типа Новая Майна, Мелекесский р-н Ульяновской области.
[327] РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 2. Л. 3, 5, 8.
[328] *Риманов И.Ф.* Встречи с Ярославом Гашеком. Чебоксары, 1974. С. 9.

зе формирований Правой группы 5-й армии, включая 3-й отряд Эйхе, регулярной 26-й стрелковой дивизии – основной боевой единицы коллектива «пятоармейцев» в 1918-1920 гг., с которой впоследствии неразрывно будет ассоциироваться имя военачальника Эйхе как «героя Гражданской войны», опыт его деятельности в годы противостояния на востоке России. Именно это мероприятие, не в последнюю очередь направляемое организационными практиками биографируемого, подводит черту под рассмотренным в данной главе процессом становления Эйхе в качестве военного специалиста, одновременно открывая новую веху в его карьере, непосредственно связанную с началом руководства регулярными, подчеркнем это особо, армейскими структурами РККА[329].

***

Формирование Эйхе как военного специалиста в 1893-1918 гг. представляло явление многогранное и неоднозначное, включающее с одной стороны, акт выработки у биографируемого совокупности лидерских качеств (как неотъемлемых предпосылок для успешного осуществления командной работы), с другой – трансформацию личностных ориентиров молодого человека в пользу карьеры офицера (позднее – армейского командира в системе РККА). Немаловажное значение для данного явления в то же время имел и процесс восприятия Эйхе, особенно в 1911-1914 гг., большевистских идеологических установок. Уникальный детский и юношеский опыт ознакомления с основами политической платформы РСДРП, ставший возможным за счет коммуникации с большевистскими «агентами», сыграл важнейшую роль в деле постепенного смещения мировосприятия Эйхе позднее, в 1917 г., в сторону леворадикальных, революционных взглядов. Отметим, что возникновение искренней заинтересованности биографируемого в военно-управленческой деятельности относится, однако, только ко времени его вступления на службу в РККА. Добросовестная реализация Эйхе ряда первичных практик командной работы в армии РСФСР в марте-ноябре 1918 г. (организация и боевое применение в обстановке Гражданской войны на востоке России 1-го полка Облискомзапа и Шихранского (3-го) отряда) знаменует собой окончание, собственно, фазиса его становления в ранге военного специалиста.

[329] В этой связи необходимо подчеркнуть, что как 1-й полк Облискомзапа, так и Шихранский отряд, которыми Эйхе командовал в марте-ноябре 1918 г., не обладали набором свойств, характерных для сил регулярной армии. Поэтому мы называем их не иначе, как полурегулярными формированиями.

Глава 2. Деятельность Г.Х. Эйхе в 26-й стрелковой дивизии 5-й армии РККА: операции в Поволжье, на Урале, в Западной Сибири (1918-1919 гг.)

§ 1. Опыт управления 3-й бригадой дивизии

Выдвижение Генриха Христофоровича Эйхе в ранг командира в системе регулярного тактического соединения РККА (26-й стрелковой дивизии 5-й армии) как по форме, так и по содержанию выступает в качестве нижней временной границы принципиально нового, срединного этапа развития его служебной карьеры, военно-управленческой деятельности. Данный этап связан с приобретением Эйхе практики управления в масштабе регулярных соединений РККА, а именно – регулярных структур бригадного и дивизионного уровня (включавших в разное время от двух до тринадцати отдельных воинских частей):

1. 3-й бригады 26-й стрелковой дивизии 5-й армии РККА (с 7 ноября 1918 г. по 16 апреля 1919 г.) в рамках осенне-зимней кампании 1918/1919 гг. (сражение на р. Ик, бои на путях к ж/д ст. Чишмы, удар на ж/д ст. Иглино, операция по овладению районом с. Архангельское), парирования Весеннего наступления Западной армии белых (бои на фланговой позиции 5-й армии, контрудар на Уфу, марш-маневр на ж/д ст. Аксеново) и связанных с ними военных мероприятий;

2. 26-й стрелковой дивизии 5-й армии РККА (с 16 апреля по 25 ноября 1919 г.) в рамках контрнаступления Южной группы армий Восточного фронта РСФСР (сражение на линии Бугуруслан – Сергиевск, наступление на Бугульму, форсирование р. Белой, удар на Бирск), Златоустовской операции (Юрюзанский рейд), Челябинского сражения, Петропавловской операции, Омской операции и связанных с ними локальных военных мероприятий.

Истоки нового этапа военно-служебной деятельности военачальника восходят, собственно, к моменту образования регулярной 26-й стрелковой дивизии 5-й армии. Развернутая 7 ноября 1918 г., она объединила под своим управлением формирования ликвидируемой Правой группы армии, в том числе ее 3-й отряд, возглавляемый с 28 сентября 1918 г. Эйхе. Вновь созданная дивизия, таким образом, явилась для «красного латыша» новым местом службы в составе РККА.

Время непосредственной службы Эйхе в 26-й стрелковой дивизии (с 7 ноября 1918 г. по 25 ноября 1919 г.) представляет одну из значимых вершин раскрытия его профессиональных и личных качеств как крупного военного специа-

листа. Большая часть наиболее ярких и тактически примечательных эпизодов полководческой деятельности Эйхе, благодаря которым он приобрел известность в масштабе 5-й армии Восточного фронта РСФСР, приходится именно на этот временной отрезок. В течение указанного периода завершается также формирование основ методики военно-управленческой работы военачальника. Ее характерными особенностями, в частности, явились: инициативная исполнительность; неприятие авторитетов (отчасти это проявится в служебных взаимоотношениях Эйхе с новым командармом-5 М.Н. Тухачевским); способность к быстрой выработке и принятию тактически оправданных боевых решений и их переоценке; требовательность к себе и подчиненным (в их среде он решительно пресекал малейшие нарушения дисциплинарного характера); неприятие шаблонов применительно к задачам боевого планирования; нацеленность на достижение реального оперативного результата; оригинальность и гибкость оперативного мышления. Перечисленные качества в полной мере найдут свое выражение в эпизодах военной биографии военачальника, рассмотренных в данной главе.

Отдельно следует выделить проявившееся в этот период стремление Эйхе лично осуществлять руководство и координацию действий вверенных ему частей, без посреднической функции иных командных структур. Данное качество, безусловно, не было прихотью биографируемого, но соответствовало тяжелым реалиям необеспеченности 26-й дивизии квалифицированными командными кадрами. В подчинении Эйхе, прежде всего, на начальном этапе его работы в дивизии (ноябрь 1918 г. – апрель 1919 г.) почти не находилось командиров, сколько-нибудь соответствовавших его собственному опыту боевой и организаторской работы. В силу этого военспец Эйхе в наиболее ответственные и кризисные моменты нередко вынужден был брать всю полноту управления войсками на себя.

Указанные выше обстоятельства диктуют целесообразность рассмотрения карьеры Эйхе в качестве командира в системе 26-й стрелковой дивизии 5-й армии сквозь призму эпизодов его реальной военно-управленческой деятельности.

На протяжении первых пяти месяцев (ноябрь 1918 г. – апрель 1919 г.) пребывания в структуре вновь образованной 26-й стрелковой дивизии (начальник – М.С. Матиясевич) Эйхе занимал пост командира одной из ее основных штатных единиц – 3-й бригады двухполкового (впоследствии – трехполкового) состава[330].

[330] РГВА. Ф. 37976. П/с № 340-422. Л. 2 об.; РГАЭ. Ф. 870. Оп. 266. Д. 130. Л. 29 об.

Строго говоря, данное назначение не привнесло существенных изменений в его должностной статус по сравнению с предыдущим периодом. Под началом Эйхе остались практически те же формирования упраздненного 3-го отряда Правой группы 5-й армии, которыми он всецело руководил с 28 сентября 1918 г.[331]

Переменами в большей степени были затронуты содержание и направленность непосредственной работы военачальника. Здесь с ноября 1918 г. все большее значение начинает играть организационный компонент, который изначально даже превалировал над основным, оперативным компонентом деятельности Эйхе. Подобное положение дел представляется закономерным. С первых суток руководства бригадой ключевая задача Эйхе состояла в приведении вверенных ему сил, разнообразных и многочисленных по структуре и составу, в соответствие с нормами утвержденного РВС РСФСР организационного штата № 220[332]. В сущности, речь шла о необходимости провести масштабную организационную перестройку на регулярных началах 3-й бригады, бывшей еще в недавнем прошлом полурегулярным 3-м отрядом. Основные усилия молодой комбриг-3 приложил на первых порах для выстраивания работы именно в этом направлении.

Несмотря на то, что соответствующие мероприятия проходили в условиях вывода 3-й бригады из боевой линии[333], процесс ее реорганизации в целом был связан с наличием обширного спектра проблем: от нежелания мелких, созданных в свое время явочным порядком отрядов и групп вступать в формируемые на регулярной основе боевые единицы (явление так называемой «партизанщины») до элементарного отсутствия у командных кадров бригады представлений о практике организационного сколачивания подразделений. Большую часть из возникавших тогда коллизий удавалось решать только благодаря личному вмешательству комбрига-3. Данное обстоятельство естественным образом придавало личности Эйхе на рассматриваемом этапе роль вдохновителя, главного инициатора и организатора преобразований в масштабе 3-й бригады 26-й стрелковой дивизии. Им он являлся не только по должности, но и по существу работы.

---

[331] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1437. Л. 228.

[332] Организационная структура сухопутных войск РККА (штат № 220) была утверждена 13 ноября 1918 г. Штат № 220 явился ориентиром для строительства соединений РККА на началах регулярной организации (См.: *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. 2-е изд. Т. 1. М., 1991. С. 129-130).

[333] *Путна.* Пятая армия в борьбе за Урал и Сибирь // Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи участников борьбы с учредиловской и колчаковской контрреволюцией / Под ред. *И.Н. Смирнова* и др. М.-Л., 1926. С. 10.

Первым шагом Эйхе на пути реорганизации стала ликвидация импровизированного штаба бывшего 3-го отряда. Его формат, близкий скорее к функционалу походной канцелярии при командире отряда, уже явно не соответствовал изменившимся реалиям штабной работы. Личный состав и имущество штаба были обращены на развертывание полноценного полевого управления бригады, структура которого включала службы и группы должностных лиц, ответственные за ведение оперативной, разведывательной и административной работы. Подбор кадров на соответствующие посты Эйхе осуществлял личным порядком.

Опираясь на специалистов созданного полевого управления и, в особенности, на своего старого соратника по Гжатску А.Е. Будыхо, назначенного им начальником штаба 3-й бригады, Эйхе благополучно перешел к непосредственной координации работ по переформированию соединения. Ставший для военачальника «родным» 1-й пехотный полк Облискомзапа и 1-й Казанский стрелковый полк, претерпевшие коренные организационные изменения, преобразовывались соответственно в регулярные 232-й имени Облискомзапа (командир – Х.А. Пунга) и 233-й Казанский (командир – Н.Н. Рахманов) стрелковые полки. Формирование третьего полка бригады, как это предусматривалось нормами штата № 220, за неимением личного состава и материальных средств было по решению Эйхе, согласованному им с руководством 26-й стрелковой дивизии и 5-й армии, временно отложено. Важно отметить, что с подобным положением дел комбриг не смирился и в дальнейшем, как показало исследование, не оставлял попыток создать требуемый по штату полк. В качестве кадра для его развертывания Эйхе наметил 1-й Маловишерский добровольческий коммунистический отряд численностью в 270 штыков[334]. К этому были объективные предпосылки. По воспоминаниям близкого приятеля Эйхе, военного комиссара 26-й стрелковой дивизии, литовца В.К. Путны[335], данный отряд «…несмотря на свою малочисленность, ни под каким видом не желал влиться в какой-нибудь полк – претендовал на самостоятельность»[336]. Эйхе с должным пониманием отнесся к мнению добровольцев-маловишерцев, проявив чувство такта и способность к компромиссу.

[334] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1387. Л. 38.

[335] *Путна Витовт Казимирович* (1893-1937). Военный комиссар 26-й стрелковой дивизии (7 ноября 1918 г. – май 1919 г.). Командир 228-го стрелкового полка (с 31 мая 1919 г.), 2-й бригады 26-й стрелковой дивизии (с 19 июля 1919 г.). Начальник 27-й стрелковой дивизии 5-й армии (17 декабря 1919 г. – 8 сентября 1922 г.). Близкий друг Эйхе. Подробнее о нем см.: РГВА. Ф. 40895. УПК № 222584.

[336] *Путна В.К.* Восточный фронт. Штрихи. 2-е изд. М., 1959. С. 17.

Он пресек нарождающийся было конфликт, достигнув с командованием отряда договоренности о наделении его временным статусом отдельного с последующей перспективой преобразования в полк. Спустя несколько месяцев притязания комбрига и маловишерцев были реализованы к их обоюдному удовлетворению. В середине января 1919 г. в районе с. Чуваш-Кубово (30 км северо-восточнее Уфы) состоялось успешное развертывание третьего полка бригады[337], которому и было присвоено имя 234-го Маловишерского. Территориальное наименование полка вместе с тем явилось скорее символом признания прежних заслуг маловишерцев, поскольку на тот момент они почти полностью выбыли из строя[338].

Параллельно с формированием регулярных частей и выстраиванием системы управления войсками Эйхе в период реорганизации была развита активная работа в русле выработки боевой и морально-психологической устойчивости личного состава вверенной ему бригады. Выполнение данной задачи было обеспечено за счет внедрения им комплекса регулярных военно-учебных и политико-просветительских занятий. Установленный по требованиям комбрига режим подготовки военнослужащих 3-й бригады во многих элементах был близок к порядкам, имевшим место в бытность его воспитанником школы прапорщиков, и в этом смысле отличался суровостью и значительным числом учебных часов. Проводя дальнейшую параллель с петергофским периодом, важно также отметить, что Эйхе подобно своим наставникам, полковнику В.К. Де Пеленбергу и капитану Бобу, считал необходимым отдавать приоритет в большей мере полевым практическим занятиям. Особенное внимание при этом военспец уделял производству в частях бригады тактических ротных учений, отработке навыков взаимодействия подразделений. В подобных условиях у красноармейцев и командиров, по-видимому, почти не оставалось времени на внеслужебные дела.

Придерживаться жесткого формата работы с бригадным воинским контингентом Эйхе принуждали, прежде всего, императивы обеспечения скорейшего ввода 3-й бригады в бой в оптимальном состоянии. С этой точки зрения разработанная комбригом и воплощенная в жизнь его подчиненными стратегия подготовки контингента, безусловно, оправдала себя. Она позволила значительно повысить уровень полевой выучки личного состава бригады и тактической под-

---

[337] *Поболотин С.Н.* Маловишерцы на родине и на фронте в борьбе за советы (отрывки воспоминаний) // Красная летопись. 1929. № 4 (31). С. 225.

[338] *Спирин Л.М.* Разгром армии Колчака. М., 1957. С. 77.

готовки ее краскомов, провести в войска на стадии реорганизации линию дисциплины, способствовала расширению круга боевых возможностей ее частей.

Итогом проведенной Эйхе организационной перестройки 3-й бригады явилось формирование боеспособного, дисциплинированного и управляемого воинского коллектива, способного выполнять крупные боевые задачи. Соответствующий результат, отметим, был достигнут менее чем за месяц, и уже в последних числах ноября 1918 г. бригада вновь занимает место в полосе наступления 26-й стрелковой дивизии. К этому времени в структуре 3-й бригады Эйхе оформились 232-й и 233-й стрелковые полки (каждый полк – в составе двух батальонов по три стрелковых роты в каждом батальоне), 3-я Смоленская легкая батарея (командир – Н.А. Дереш[339]), 4-я Тверская легкая батарея, $^1/_2$ Витебской саперной роты и два взвода кавалерии (бригадный эскадрон И.А. Лапташевского)[340]. Суммарный боевой состав указанных сил на 30 ноября 1918 г. составил 1.678 штыков, 63 сабли, 6 орудий, 38 пулеметов[341].

Переходя далее к непосредственному рассмотрению эпизодов оперативной работы Эйхе, отметим, что таковых в бытность его бригадным командиром мы выявили не менее двадцати: от планирования частной наступательной операции на р. Ик 11 ноября 1918 г. до организации форсированного отступательного марша бригады 2-5 апреля 1919 г. Простое рассмотрение их в полном объеме, однако, представляется излишним, малопродуктивным. В контексте исследования будет правильно сосредоточить внимание, прежде всего, на последовательности только тех эпизодов, которые в наивысшей степени проявили управленческое мастерство Эйхе, способствовали накоплению у него практики военно-управленческой деятельности (включая отрицательный опыт оперативных и тактических поражений и неудач). Подобный подход позволит нам составить рельефное, концентрированное представление о личных полководческих практиках комбрига Эйхе, а также будет способствовать раскрытию образа его личности – сквозь призму действий, предпринятых им в боевой обстановке.

Первый опыт управления боевыми действиями в масштабе образованной

---

[339] *Дереш Николай Андреевич* (1898-1962). Командир 3-й Смоленской легкой батареи (назначен не позднее ноября 1918 г.) в составе Шихранского (3-го) отряда, 3-й бригады 26-й стрелковой дивизии.

[340] РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 2. Л. 26.

[341] *Эйхе Г.* Тактические поучения гражданской войны: исследование тактики Красной Армии в борьбе против Колчака и на Дальнем Востоке. М., 1931. С. 144.

бригады Эйхе приобрел уже на этапе ее организационной перестройки, во второй декаде ноября 1918 г. В этот период войска Сводного корпуса противника[342] (командующий – генерал В.О. Каппель, уже известный Эйхе), стремясь задержать стремительное продвижение красных к Уфе, провели на рубеже р. Ик ряд сдерживающих контрударов на Бугульму, которые сильно ухудшили положение 5-й армии. Под давлением противника, в частности, потеряла устойчивость 1-я бригада 26-й стрелковой дивизии – единственная, находившаяся тогда в боевой линии дивизии. 11 ноября 1918 г. ее части в беспорядке оставили с. Абдулово и с. Тураево[343], оказавшись прижатыми силами Каппеля к восточному берегу р. Ик. «О катастрофе на Ике, – свидетельствовал позднее в воспоминаниях Эйхе, – я узнал совершенно случайно. В районе моей бригады появились бегущие в панике и без оглядки обозники и какие-то тыловые части…»[344].

В интересах ликвидации кризиса начальник 26-й стрелковой дивизии Матиясевич в срочном порядке ввел в сражение проходившую переформирование 3-ю бригаду Эйхе. Факт неполной сколоченности и укомплектованность ее подразделений, однако, не отразился на успехе боя. Используя тактические выгоды флангового расположения сил бригады, Эйхе организовал смелый концентрический удар (приблизительно из района д. Дмитриевка[345]) по необеспеченному флангу развивающей наступление группировки противника, задействовав 232-й и 233-й стрелковые полки при поддержке артиллерии 3-й Смоленской батареи.

Реализация удара обернулась поражением и стремительным отступлением действовавших в этом районе сил корпуса генерала Каппеля, что позволило полностью нормализовать оперативную обстановку на участке 1-й бригады[346]. Начдив-26 Матиясевич в приказе войскам дивизии № о/17 от 22 ноября 1918 г. особо отметил это первое значительное достижение молодого комбрига-3, подчеркнув, что «3-я бригада тов[арища] Эйхе, посланная оказать поддержку 1-й бригаде быстро и решительно восстановила положение на нашем правом фланге…»[347]. За умелое оперативное руководство войсками 3-й бригады дивизии в

[342] Корпус входил в состав армии Временного Всероссийского правительства (Уфимской Директории), образованного 23 сентября 1918 г. Включал части бывшей Народной армии Самарского Комуча.
[343] Ныне – с. Старотураево, Ермекеевский р-н Республики Башкортостан.
[344] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 86.
[345] На расстоянии 10-16 км к юго-востоку от с. Абдулово и с. Тураево.
[346] Краткий исторический очерк 26-й Златоустовской стрелковой дивизии. С. 16.
[347] РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 2. Л. 18.

ходе боев на рубеже р. Ик Матиясевич выразил Эйхе личную благодарность[348].

Стоит подчеркнуть, что применение фланговых ударов для расстройства боевого порядка (оперативного построения) сил противника, как показало рассмотрение последующих событий военной биографии Эйхе 1918-1921 гг., стало одним из излюбленных и наиболее успешно применяемых им тактических приемов. Операция войск 3-й бригады 11 ноября 1918 г. на рубеже р. Ик приобрела для него в этом смысле значение исходного опыта и хорошей боевой практики.

Дальнейшее расширение тактического инструментария командной работы Эйхе относится к боевым эпизодам начала декабря 1918 г. К этому времени силы 26-й стрелковой дивизии, в том числе ее 3-я бригада, были переориентированы с второстепенного (южного) направления на главное операционное направление 5-й армии – вдоль ж/д магистрали Бугульма – Уфа. Вверенные Эйхе части как отличавшиеся наибольшим боевым потенциалом были выдвинуты соответственно на острие наступления армии, приняв функцию ее ударной группы.

Ближайшая задача наступательных действий 5-й армии в соответствии с директивой командующего Восточным фронтом РСФСР С.С. Каменева[349] от 30 ноября 1918 г. состояла в овладении узловой ж/д ст. Чишмы (40 км восточнее Уфы)[350]. Тяжесть проведения этой важнейшей операции[351] легла на войска 26-й стрелковой дивизии и, как показало исследование, прежде всего, на ее 3-ю бригаду. Соответствующие оперативные указания руководству дивизии отразились в директиве командующего 5-й армией Ж.К. Блюмберга от 1 декабря 1918 г.[352] Однако начало реализации плана наступления дивизии в район ст. Чишмы было положено уже 30 ноября 1918 г. В этот день начдив-26 Матиясевич, видимо, по устной договоренности с Блюмбергом, отдал Эйхе как командиру наиболее боеспособной, ударной бригады дивизии приказ № о/20 о приведении вверенных ему частей в движение. 3-й бригаде предписывалось произвести 1 декабря перегруппировку к северо-востоку – с линии д. Старые Чути – д. Кызыльярово[353]

---

[348] РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 2. Л. 18 об.

[349] *Каменев Сергей Сергеевич* (1881-1936). Командующий Восточным фронтом РСФСР (28 сентября 1918 г. – 5 мая 1919 г., 29 мая – 8 июля 1919 г.).

[350] РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 17. Л. 196.

[351] Занятие ст. Чишмы способствовало выдвижению сил 5-й армии непосредственно в район Уфы, взятие которой представляло конечную задачу армии в 1918 г. (РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 26. Л. 30).

[352] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 32. Л. 4.

[353] Ныне – с. Кзыл Яр, Бавлинский р-н Республики Татарстан.

на рубеж д. Нарышево, д. Заитово[354], выгодный с точки зрения дальнейшего развития наступления 26-й стрелковой дивизия в район ст. Чишмы. Общий замысел предстоящей операции сводился к следующему: «Выступить в 9 часов 1-го декабря и к 13 часам выбить противника из д.д. Заитова, Нарышева, где и укрепиться»[355]. Вопреки ожиданиям реализация этой тривиальной, в сущности, боевой задачи едва не обернулась крупным поражением соединения Эйхе. В ходе ее выполнения руководимая краскомом бригадная колонна 1 декабря 1918 г. неожиданно вынуждена была вступить у Нарышево в тяжелейший встречный бой с крупной группировкой белых, насчитывавшей не менее 1.000 штыков и 7 пулеметов, и включавшей 12-й Бугульминский стрелковый полк[356] и офицерский ударный батальон из состава Сводного корпуса генерала Каппеля.

В рамках настоящего исследования встречное сражение у Нарышево весьма примечательно. Оно служит, прежде всего, наглядной иллюстрацией проявления одной из сильнейших характеристик военного интеллекта Эйхе – способности к трезвой переоценке перманентно изменяющейся оперативной обстановки и своевременной выработке качественно новых, отвечающих изменившимся условиям обстановки, боевых решений. Во многом в силу этого, сугубо личностного фактора, подчеркнем, стало возможно не только спасение бригады в бою у Нарышево, но и последующее нанесение поражения группировке белых.

Возглавляемая Эйхе 3-я бригада 26-й дивизии, выполняя приказ № о/20, выступила походным маршем из д. Туркменево[357] в Нарышево утром 1 декабря 1918 г. Выдвинутые вперед конные разъезды не обнаружили в районе деревни противника, что позволяло Эйхе рассчитывать на беспрепятственное достижение бригадой задач наступления. Но при подходе колонны в 12.00 ч. к Нарышево ее авангард неожиданно подвергся интенсивному огневому обстрелу. Как впоследствии было установлено, на окраине деревни к этому времени закрепился передовой отряд упомянутой группировки белых, наступавшей одновременно с силами Эйхе. Основная ее колонна двигалась на некотором удалении от передового отряда, по дороге из с. Туймазино[358] в Нарышево, имея целью захват де-

[354] Ныне – пос. Нарышево и пос. Заитово в черте г. Октябрьский, Республика Башкортостан.
[355] РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 2. Л. 26.
[356] Входил в состав отдельной Симбирской стрелковой бригады Сводного корпуса генерала Каппеля.
[357] Ныне – пос. Туркменево в черте г. Октябрьский, Республика Башкортостан.
[358] Ныне – с. Старые Туймазы, Туймазинский р-н Республики Башкортостан.

ревни. Оперативная обстановка, таким образом, кардинально изменилась.

Несмотря на отсутствие на тот момент информации о численности сил и средств противника, Эйхе не отказывается от выполнения задачи. Он проявляет твердость и решительность, хотя в схожей ситуации многие красные командиры сочли бы правильным организовать отход бригады под прикрытием усиленных арьергардных групп. Подобные тактические примеры были распространенным, типичным явлением в годы Гражданской войны в России. Тем не менее комбриг принимает иное решение – придерживаться агрессивной, наступательной тактики. Оценив трезво возможности вверенных ему сил и сложившуюся обстановку, Эйхе отдает приказ на вступление бригады в масштабный встречный бой. Под непосредственным, «ручным» управлением военспеца, к которому он, как отмечалось ранее, прибегал в наиболее ответственные моменты, бригадная походная колонна в крайне сжатые сроки была развернута в боевой порядок.

Очевидно, уже в ходе формирования оперативной конфигурации бригады Эйхе выработал план нанесения перспективного удара во фланг боевых порядков группировки противника, по аналогии с тактической схемой операции на р. Ик. Именно этими соображениями можно объяснить сосредоточение им на левом фланге бригадных сил батальона 233-го полка (ударного резерва) при одновременном выдвижении на правый фланг только одной роты 232-го полка.

Обозначенное решение военного специалиста, в сущности, предопределило успех боя. В результате инициированного Эйхе флангового удара резервного батальона (233-го полка) правое крыло группировки противника было смято[359]. Под прикрытием 3-й Смоленской батареи перешла во фронтальное наступление и центральная, сковывающая группа (батальон 232-го полка), перенесшая также часть сил севернее, для поддержки флангового удара резервной группы. Развитие атаки, таким образом, Эйхе организовал путем одновременного нажима на группировку противника с фронта и левого фланга с последующим охватом последнего. В результате комбинированного маневра 3-й бригады боевой порядок белых был расстроен, что привело к их поспешному отходу к 13.30 ч.[360]

В качестве завершающих действий комбриг приказывает провести фронтальное и параллельное (маневренными конными группами) преследование от-

[359] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 87.

[360] *Эйхе Г.* Тактические поучения гражданской войны. С. 149.

ступающей группировки противника, которое продолжается 3-4 км вдоль дороги на Туймазино, откуда она ранее выдвинулась. По итогам рассмотренного боя потери красных составили лишь 30 человек ранеными. Подразделения Эйхе пленили более 100 военнослужащих белых (в том числе 18 офицеров) и захватили 7 пулеметов[361]. О степени же общих потерь группировки белых можно отчасти судить по тому факту, что после разгрома в районе Нарышево в рядах входившего в ее состав 12-го Бугульминского стрелкового полка оставалось (на 10 января 1919 г.) всего 43 офицера и 67 нижних чинов при 4 пулеметах[362].

С точки зрения раскрытия особенностей оперативной составляющей военно-управленческой деятельности Эйхе бой у Нарышево представляет исключительный исследовательский интерес. Данный эпизод не только явился иллюстрацией способности Эйхе к выработке наиболее целесообразного боевого решения в условиях изменившейся обстановки, о чем речь шла выше, но и отразил применение военспецом целого ряда тактических установок, которые со временем приобрели качество неотъемлемых практик и методик его полководческой деятельности. Среди них отметим: стремление нанести поражение группировке противника главным образом за счет применения флангового удара, как правило, в сочетании с вспомогательным фронтальным наступлением; деятельное использование средств огневого поражения, преимущественно, в интересах пехотных подразделений в роли артиллерийской поддержки; ориентация на длительное преследование противника с целью окончательной его деморализации.

К сожалению, сам Эйхе рассматривал впоследствии этот эпизод обособленно, как частный тактический пример встречного боя[363], не раскрыв его значения в контексте наступательной операции 5-й армии по овладению районом ст. Чишмы. Вместе с тем исследование показало, что возможность успешного развития Чишминской операции в случае разгрома 3-й бригады у Нарышево фактически сводилась на нет. Данный вывод мы основываем на приблизительных сведениях о боеспособном составе войск 5-й армии к исходу ноября 1918 г. Их реальная численность на тот момент по причине поражения на рубеже р. Ик 27-

---

[361] РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 2. Л. 28.

[362] *Симонов Д.Г.* К истории формирования 1-го Волжского армейского корпуса генерала В.О. Каппеля // Власть и общество в Сибири в XX веке: Сб. науч. ст. Вып. 6 / Отв. ред. *В.И. Шишкин.* Новосибирск, 2015. С. 72.

[363] Подробнее см.: *Эйхе Г.* Тактические поучения гражданской войны. С. 75, 92, 144-149.

й стрелковой дивизии армии сократилась до 3.000 штыков, сконцентрированных преимущественно в 26-й стрелковой дивизии и отдельном отряде ВЦИК (резерв армии)[364]. Соответствующие сведения были приведены командармом Блюмбергом в специальном докладе командующему фронтом Каменеву, датированном, по нашей оценке, периодом между 20 и 30 ноября 1918 г. Как видно, львиная доля (1.678 штыков) обозначенного командармом-5 цифрового показателя приходилась именно на 3-ю бригаду военного специалиста Эйхе, которой, напомним, в операции на уфимском направлении отводилась функция ударной группы.

Поражение этого ударного кулака, в котором концентрировалось, таким образом, 56 % реального боеспособного состава пехоты 5-й армии, в начальный период операции, по меньшей мере, грозило отодвинуть дату выхода красных к ст. Чишмы на неопределенный срок. В этом случае, очевидно, Блюмберг вынужден был бы ввести в операцию последний резерв армии – не восстановившуюся после боев на р. Ик 2-ю бригаду 27-й стрелковой дивизии[365], которой предстоял бы тогда длительный марш из отдаленного района к востоку от Бугульмы. Вследствие этого перспектива до конца 1918 г. занять район ст. Чишмы и выдвинуться на подступы к Уфе могла быть поставлена под большой вопрос.

Таким образом, успех Эйхе у Нарышево не являл собой «проходной», частный боевой эпизод, как его, видимо, представляли некоторые исследователи[366]. Значение победы состояло в сохранении 3-й бригады как стержневой на тот момент оперативной единицы 5-й армии в боеспособном состоянии, что явилось залогом дальнейшего развития наступления армейских сил в направлении Уфы.

Благодаря победе в районе Нарышево военачальнику Эйхе в последующие дни удалось приблизиться к ст. Чишмы еще на 25-32 км. В результате к 5 декабря 1918 г. комбриг-3 закрепил вверенное ему соединение по правому и левому берегам р. Усень в треугольнике д. Константиновка – д. Мустафино – д. Николаевка (все населенные пункты – в 92-95 км к западу от ст. Чишмы).

Между тем боевая активность войск Сводного корпуса генерала Каппеля на фронте наступавшей на ст. Чишмы 3-й бригады не только не ослабла после

---

[364] РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 17. Л. 110.

[365] Факт наличия в армейском резерве (по крайней мере, с 1 декабря 1918 г. по 11 января 1919 г.) только слабой, малочисленной 2-й бригады 27-й стрелковой дивизии (на 1 декабря 1918 г. – сосредоточена западнее р. Ик) подтверждается рядом оперативных документов командования 5-й армии (См., например: РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 32. Л. 4, 15; Там же. Ф. 185. Оп. 3. Д. 133. Л. 3, 30).

[366] См., например: *Тарасов Е.П.* Красном Генрих Эйхе. С. 37-39.

поражения у Нарышево, но, напротив, серьезным образом усилилась. Цель была очевидна – перехватить тактическую инициативу у красных на данном участке фронта, остановив и разгромив их силы путем стремительного контрнаступления. С этой целью вблизи занимаемого бригадой Эйхе рубежа, в 12-15 км к юго-западу (Верхнетроицкий завод)[367], 7 км к юго-востоку (д. Тукаево) и 6-7 км к востоку (д. Балтаево), Каппель сосредоточил на 6 декабря 1918 г. крупную смешанную группировку сил (до 2.500 штыков, конница, 16 орудий[368]). В ее состав вошли военнослужащие 1-го и 2-го Самарских, 1-го Казанского, 9-го Ставропольского, 24-го Симбирского стрелковых полков, польской бригады и, по некоторым данным, конная группа казаков Оренбургского казачьего войска[369].

Около 9.00 ч. 6 декабря 1918 г. группировка белых предпринимает интенсивное фронтальное наступление на позиции Эйхе. В бой вводятся значительные пехотные массы при подавляющей поддержке артиллерии. Центр тяжести оперативных усилий Каппеля приходится на район Николаевки и Константиновки. Одновременно конные массы белых (казаки) из района Верхнетроицкого завода наносят перспективный фланговый удар в район д. Нижние Бишинды, стремясь обходным маневром выйти в тыловую полосу 3-й бригады[370]. Не вдаваясь в детали боя, которые нашли отражение в одной из военно-исторических работ Эйхе, а также в ряде источников[371], отметим, что итог его был успешен для красных с оперативной точки зрения. Фланговая атака конницы противника была блокирована отдельным отрядом ВЦИК (командир – К.Х. Аргир) 5-й армии в 360 штыков, 100 сабель, 6 орудий и 40 пулеметов[372], приданного 3-й бригаде и заблаговременно, подчеркнем это особо, скрытно выдвинутого решением Эйхе для обеспечения ее правого фланга. Продуманная комбригом расстановка сил отряда ВЦИК оказала немаловажное значение в контексте проведенного Эйхе 6

---

[367] Ныне – с. Верхнетроицкое, Туймазинский р-н Республики Башкортостан.

[368] *Эйхе Г.* Тактические поучения гражданской войны. С. 189.

[369] Не все упомянутые силы организационно входили в состав соединений Сводного корпуса. Некоторые из них были подчинены генералу Каппелю, вероятно, только на период проведения операции. Среди них польская бригада, казачьи подразделения, 9-й Ставропольский и 24-й Симбирский полки. Точная принадлежность двух последних на декабрь 1918 г. не установлена, поскольку в этот период войска белых переживали реорганизацию, части переименовывались и переподчинялись.

[370] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 93.

[371] Подробнее о ходе боевого столкновения 3-й бригады 6 декабря 1918 г. см.: РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 2. Л. 32, 44-44 об.; *Эйхе Г.* Тактические поучения гражданской войны. С. 71-72, 131-132, 186-189.

[372] *Путна.* Кусочки воспоминаний // Прожектор. 1924. № 7 (29). С. 24.

декабря 1918 г. боя. Как вспоминал в этой связи военачальник, «…если … Каппель предпринял бы одновременно с лобовой атакой маневр во фланг *(если бы атака конницы белых удалась. – Р.Б.)* – участь не только деревни Николаевки была бы решена – дело могло кончиться гибелью всего полка *(232-го полка, оборонявшего Николаевку. – Р.Б.)* и штаба бригады. Фронт дивизии был бы прорван на большом участке – повторилась бы … катастрофа на реке Ик»[373]. В то же время на основном оборонительном участке бригады боевые действия сторон приняли затяжной характер и продолжались с переменным успехом до 18.00 ч., завершившись отступлением группировки генерала Каппеля и победой Эйхе.

В контексте исследования боевой эпизод 6 декабря 1918 г. на линии Константиновка – Николаевка крайне интересен. Именно здесь Эйхе, по-видимому, впервые в своей карьере красного командира применил тактику активной маневренной обороны. Предписав частям 3-й бригады придерживаться в основном исключительно оборонительной модели действий, он время от времени инициировал развитие непродолжительных, но стремительных, сосредоточенных фланговых контрударов на определенных участках бригадной оборонительной полосы. Это позволило наносить локальные, частные поражения подразделениям белых, не вступая, однако, в масштабный наступательный бой единой бригадной группировкой, в котором перевес неизбежно был бы на стороне частей Каппеля.

В некоторых случаях реализации контрударов сопутствовало выделение комбригом-3 части развернутой уже в ходе боя резервной группы войск. Факт вывода из боевой линии ряда подразделений (4-я, 5-я, 6-я стрелковые роты и две пулеметные команды из состава 232-го полка) для создания группы резерва во многом примечателен, хотя и был связан с очевидными рисками. Тем не менее данное решение Эйхе явилось едва ли не ключевым фактором успеха боя. Ввод им резервных подразделений не только способствовал эффективной организации частных контрударов, но и позволил действенно парировать атаки противника на участках с наименьшей огневой плотностью или общей оперативной плотностью личного состава. Так, благодаря своевременному вводу Эйхе 6-й резервной роты 3-й бригадой было отбито первичное наступление белых на Николаевку. В последующем перемещение Эйхе части резерва (4-й, 5-й рот и двух пулеметных команд) на основной участок 232-го полка дало возможность его командиру

[373] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 93 об.

Пунге предпринять решительный контрудар, оттеснив противника за пределы Николаевки. Стоит отметить и одну небезынтересную тактическую деталь. Судя по всему, использование Эйхе резервов в ходе боя 6 декабря 1918 г. строилось по принципу комбинирования. После восстановления положения на кризисном участке либо после нанесения контрудара введенное им в бой резервное подразделение из боя выводилось, отходило на исходные позиции и вновь поступало в распоряжение комбрига-3 для использования на ином участке фронта.

Говоря о значении решений Эйхе, нельзя также не обратить внимание на эффективное применение им артиллерии 3-й Смоленской легкой батареи, которая оперативно перемещалась по его указаниям для поддержки пехоты. В условиях острой нехватки боеприпасов в пехотных частях, обозначившейся уже в первой половине дня, Эйхе вполне обоснованно перенес основной груз отражения атак белых и огневой поддержки контрударов на артиллерийскую группу.

В завершение боя, когда обозначилось явное намерение противника осуществить отвод своих ударных группировок на восток и юго-восток, военспец традиционно направил вверенные ему войска для преследования отступающих. Несмотря на очевидную усталость, силы 3-й бригады вели преследование белых почти до Тукаево, то есть на расстояние до 5-7 км, вплоть до наступления темноты[374]. В этом решении находит свое проявление одна из важных черт полководческого мастерства Эйхе – стремление закрепить результат успешного боя.

Действия Эйхе по управлению оборонительным боем 3-й бригады, таким образом, имели существеннейшее положительное влияние на его исход. Не случайно имя комбрига-3 как организатора поражения белых у Николаевки и Константиновки вошло в официальную историю 26-й стрелковой дивизии[375]. Весьма высокого мнения о практике военно-управленческой деятельности молодого Эйхе с этого момента стал придерживаться и начальник дивизии Матиясевич. По итогам изучения всех деталей рассмотренного боя им был обнародован 19 декабря 1918 г. отдельный приказ (доп. к № о/30). «Беспрерывный поход и бои, – подчеркивал в документе Матиясевич, – задержали расследование всех обстоятельств боя 6-го декабря… Но совсем такие дела не забываются. <…> Но все обстоятельства дела понуждают признать особенными героями этого дня 7-й *(232-*

[374] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 93 об.

[375] Краткий исторический очерк 26-й Златоустовской стрелковой дивизии. С. 16.

й. – Р.Б.) стрелковый полк, 3-ю Смоленскую батарею и славного командира 3-й бригады т[оварища] Эйхе. В день 6-го декабря все было против них: превосходные силы противника, подавляющий огонь его тяжелой артиллерии, неблагоприятные условия местности и погода – ветер со снегом в лицо – и все разбилось о их доблесть и беспримерное мужество»[376].

Несмотря на крупный оперативно-тактический успех, бой 3-й бригады и войск Каппеля на рубеже Константиновка – Николаевка был для Эйхе не столь успешен, как встречное сражение у Нарышево. Личный состав соединения понес исключительно тяжелые потери. По свидетельству военачальника, безвозвратная убыль его частей составила 24 человека погибшими и 142 пропавшими без вести, санитарная – 175 человек[377]. На упорный, кровопролитный характер боя обратил внимание и командующий 5-й армией Блюмберг в разговоре по прямому проводу с командующим Восточным фронтом РСФСР Каменевым 7 декабря 1918 г.: «Против 26 дивизии противник ведет яростные атаки… Деревни Константиновка и Николаевка второй день горят и переходили несколько раз из рук в руки. Были штыковые схватки. Красноармейцы дерутся беспримерно. Потери с обеих сторон огромны. Мы сохранили в этом районе свое расположение…»[378].

Таким образом, попытка Сводного корпуса генерала Каппеля разгромить ударный таран 5-й армии, в качестве которого на тот момент выступала 3-я бригада Эйхе, вновь не увенчалась успехом. Более того, в оперативном отношении победа военачальника обусловила оставление противником без боя (к 10 декабря 1918 г.) важной укрепленной позиции по линии д. Тукаево – д. Тюпкильды[379]. Это существенно облегчило выдвижение 5-й армии к ст. Чишмы и далее на Уфу. Общее стратегическое значение проведенных под мастерским управлением Эйхе в ноябре-декабре 1918 г. операций 3-й бригады заключалось в том, что потерпевший в ходе них два крупных поражения Сводный корпус «…Каппеля, – как справедливо указывал военачальник в своих мемуарных записках, – потерял надолго свою боеспособность, а сказалось это в том, что продолжали мы на-

[376] РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 2. Л. 44.

[377] *Эйхе Г.* Тактические поучения гражданской войны. С. 189. Высокий показатель потерь пропавшими без вести вызывает удивление, если учесть, что бой завершился в пользу 3-й бригады и она получила возможность осуществить сбор тел погибших. Вероятно, к числу пропавших были отнесены погибшие, не обнаруженные в первое время ввиду сложных погодных условий (буран, глубокий снег).

[378] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 29. Л. 31-31 об.

[379] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 32. Л. 15.

ступление к Уфе, не встречая уже серьезного сопротивления»[380].

С учетом сказанного выше необходимо признать, что с функциональной ролью руководителя ударной группировки в армейском, строго говоря, масштабе комбриг Эйхе в 1918 г. успешно справился, несмотря на имевшие место трудности. Ряд поражений белых, организованных действиями его частей, открыл 5-й армии практически беспрепятственный путь непосредственно в район Уфы.

После завершения этой ключевой в контексте Чишминской операции миссии 3-я бригада 26-й стрелковой дивизии, бесспорно, заслужившая направление на отдых, была выведена 7 декабря 1918 г. в резерв начдива-26 в район д. Кандры-Тамак[381], с 21 декабря 1918 г. – в район д. Нижние Каргалы[382].

Резюмируя рассмотрение проблематики деятельности Эйхе в ходе удара в район ст. Чишмы – Уфа, обратим внимание, что масштабное наступление войск 5-й армии на уфимском операционном направлении, открытое усилиями руководимой им бригады 1 декабря 1918 г., завершалось также при ее решающем участии. Преодолев с момента начала операции около 130 км, силы 3-й бригады в конце декабря 1918 г. были выведены Матиясевичем из резерва и стремительной атакой 27 декабря 1918 г. овладели ст. Чишмы, захватив при этом «…много товарных эшелонов…»[383] и не менее 500 вагонов с грузами военного назначения[384]. Утрата белыми этого ключевого пункта предопределила участь Уфы, которая была взята 26-й стрелковой дивизией уже 31 декабря 1918 г.[385] Таким образом, 5-я армия успешно выполнила конечную оперативную задачу на 1918 г., поставленную перед ней осенью этого года РВС Восточного фронта РСФСР.

Личный состав 3-й бригады под командованием Эйхе внес значительную, как удалось убедиться, лепту в достижение этого стратегического успеха 5-й армии. Будет правильно отметить, что бригадные силы, судя по реальным итогам боевых действий ноября-декабря 1918 г., сыграли роль ведущего оперативного инструмента в реализации замыслов и боевых решений руководства армии.

Говоря о личности молодого краскома Эйхе, важно подчеркнуть, что события осенне-зимней кампании 1918 г., определенно, показали его состоятель-

[380] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 94.
[381] Ныне – д. Кандры-Тюмекеево, Туймазинский р-н Республики Башкортостан.
[382] РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 2. Л. 33, 45.
[383] РГВА. Ф. 185. Оп. 2. Д. 317. Л. 2.
[384] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 102 об.
[385] ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 717. Л. 33.

ность в качестве руководителя регулярной бригадной структуры. Подтверждением этого служат успешные бои на рубеже р. Ик, у Нарышево, на линии Константиновка – Николаевка, в районе ст. Чишмы и ряд других, которые были проведены бригадой в этот период под его непосредственным, умелым руководством. Исходя из этого, нам следует согласиться с мнением генерала В.Ф. Рыжикова, одного из сослуживцев Эйхе по 5-й армии РККА, который полагал, что «…наступательные бои от Волги до Урала в 1918 году обогатили инициативного и решительного командира боевым опытом и явились прекрасной школой и вместе с тем, пробой сил и способностей молодого, энергичного Эйхе»[386].

Достижения 25-летнего комбрига были заслуженно отмечены высшим органом власти Советской России. «Как командир 3 бригады 26-й стрелковой дивизии Восточного фронта за успешные действия … зимой 1918 года» Эйхе был награжден именными золотыми часами Всероссийского Центрального Исполнительного комитета РСФСР и удостоен наградной грамоты[387].

Осенне-зимняя кампания на Восточном фронте ознаменовалась не только крупными успехами РККА, но и кардинальными переменами в политическом и военном положении сил Белого движения на востоке России. Временное Всероссийское правительство (Уфимская Директория), с вооруженными силами которой 5-я армия вела борьбу с сентября 1918 г., в результате известных событий прекратило существование. На смену ему 18 ноября 1918 г. пришло образованное в Омске Российское правительство во главе с Верховным правителем России адмиралом А.В. Колчаком. Под его властью отныне консолидировалась обширная территория от Предуралья до Дальнего Востока, представленная широким спектром антибольшевистских течений. Изменения эти естественным образом предопределили вектор развития военно-управленческой деятельности Эйхе. С этого времени и до начала 1920 г. ликвидация антибольшевистского режима Колчака приобретет для него, как представителя военной элиты РСФСР на Восточном фронте, значение фундаментальной миссии. В осуществление этой миссии Эйхе впоследствии внес значительный вклад. Ряд исследователей Гражданской войны на востоке России, в том числе историки Л.М. Спирин, С.Н. Шишкин и др., придерживались мнения, что именно «под его командованием 5-

[386] НГКМ. Ед. хр. № НВ-14924/127. Л. 2.
[387] РГВА. Ф. 37976. П/с № 340-422. Л. 1 об.; НГКМ. Ед. хр. № НВ-14924/124. Л. 2.

я армия зимой 1919-1920 гг. окончательно разгромила … войска Колчака»[388]. К рассмотрению этой, бесспорно, выдающейся страницы служебной деятельности Эйхе (уже в качестве командующего 5-й армией РККА) мы обратимся в Главе 3. В данном разделе ограничимся констатацией факта, что многотрудный, непростой путь борьбы с армией адмирала Колчака, который завершится для него в январе 1920 г. на рубеже р. Енисей у Красноярска, полководец начинал на посту командира 3-й бригады с локальных боев в районе Уфы зимой 1918/1919 гг.

Как известно, приоритетом своей деятельности адмирал Колчак определил «…создание боеспособной армии для победы над большевизмом…»[389]. Одно из первых крупных организационных решений на этом пути он предпринял 31 декабря 1918 г., в день взятия Уфы 5-й армией красных. Решением Колчака группа войск уфимского направления, ранее подчинявшихся режиму Уфимской Директории, была преобразована в отдельную Западную армию (командующий – генерал М.В. Ханжин). В структуру армии вошли формируемые I Волжский (бывший Сводный), II Уфимский, III Уральский горных стрелков, VI Уральский корпуса. Перспективная задача армии сводилась к тому, чтобы в ходе будущего наступления, запланированного на весну 1919 г., «…разбить большевистские пятую и первую армии и овладеть районом г. Уфы – г. Бугуруслана»[390].

Развертывание и подготовка отдельной Западной армии к Весеннему наступлению была сопряжена с закреплением части ее войск к востоку от Уфы в качестве сил прикрытия[391]. Данное решение противника имело большое значение для успеха весенней кампании. Столкнувшись с незначительными в целом силами прикрытия, умело использовавшими тактику оборонительных действий, 5-я армия в январе-феврале 1919 г. вступила в тяжелейшие зимние бои. Растратив резервы, подорвав физические и моральные силы личного состава, она оказалась к исходу зимы не в состоянии противостоять наступлению на ее фронте Западной армии генерала Ханжина и потерпела в марте 1919 г. крупное поражение. Недавний успех на уфимском направлении обернулся для 5-й армии потерей Уфы и стремительным отступлением на запад, почти к рубежу р. Волги.

---

[388] ГА РФ. Ф. Р-9147. Оп. 1. Д. 49. Л. 1-2.

[389] Освобождение России (Пермь). 1919. № 1. 1 января.

[390] Цит. по: *Эйхе Г.Х.* Уфимская авантюра Колчака (Март-апрель 1919 г.). Почему Колчаку не удалось прорваться к Волге на соединение с Деникиным. М., 1960. С. 45.

[391] Подробнее см.: *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых // Восточный фронт адмирала Колчака / Сост. *С.В. Волков.* М., 2004. С. 16.

Именно Весеннее наступление белых, отметим мы, несколько забегая вперед, событие, обернувшееся масштабной катастрофой для «пятоармейцев», вместе с тем в полной мере раскрыло выдающиеся волевые качества комбрига Эйхе, его способность к выработке незаурядных и ответственных решений. Проявило оно, в том числе и очевидное амбициозное желание «красного латыша» влиять на решения, принимаемые вышестоящим командованием 26-й стрелковой дивизии, которое, вероятно, следует трактовать как показатель роста его личных карьерных притязаний и общего уровня развития военного интеллекта и опыта.

Впервые упомянутая характеристика военспеца Эйхе дала знать о себе уже во время первой масштабной операции 5-й армии в наступившем 1919 г. Речь идет о январском наступлении 26-й стрелковой дивизии в направлении ж/д ст. Иглино, ставшем, к слову, определенным предвестником весеннего разгрома сил 5-й армии[392]. Изначально задуманная как маневренная, данная операция неожиданно приняла чрезвычайно затяжное, кровопролитное и в целом малорезультативное течение до тех пор, пока начдив-26 Матиясевич не принял предложенный Эйхе (по собственной инициативе) новый оперативный замысел. Но, даже с учетом этого обстоятельства, между моментом отдачи директивы на проведение операции и утверждением красных усилиями 3-й бригады Эйхе на ст. Иглино прошло более 20 суток (2-23 января 1919 г.). Таким образом, фаза стремительного преследования белых 5-й армией, начавшаяся у ст. Чишмы, подошла к концу. Западная армия, подготавливая новый удар, перешла к упорной обороне.

Цель операции на ст. Иглино заключалась в овладении территориальным рубежом в 12-25 км восточнее Уфы, что диктовалось необходимостью прочного закрепления города за 5-й армией. В соответствии с директивой командарма-5 Блюмберга № 10/н от 2 января 1919 г. 26-я стрелковая дивизия, «…продолжая самое решительное преследование противника в направлении вдоль железной дороги…», должна была укрепиться в треугольнике д. Караганка[393], ст. Иглино, д. Дорогино[394]. Восточную вершину его венчала ст. Иглино (25 км к востоку от Уфы), которая и задавала территориальный ориентир наступления дивизии.

Как и в предыдущих армейских операциях, ведущую роль в наступлении

---

[392] Подробнее о ходе операции в направлении ст. Иглино см.: РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 69. Л. 17-30.

[393] Ныне д. Караганка на картах не идентифицируется, ее территория, очевидно, относится к д. Михайловка, Уфимский р-н Республики Башкортостан.

[394] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 133. Л. 3.

на ст. Иглино сыграли действия Эйхе и возглавляемой им 3-й бригады. На начальном фазисе операции (после 2 января 1919 г.) бригада находилась во втором эшелоне, следуя без определенной боевой задачи за походными колоннами 1-й и 2-й бригад дивизии. Но уже 12 января 1919 г., как отмечал историк Тарасов, с наступлением сумерек «…бригада Эйхе сменила располагавшиеся впереди полки 2-й бригады»[395]. Причину рокировки бригад, по нашему мнению, следует искать в утрате частями 2-й бригады боеспособности, причем еще в процессе переброски в исходный для наступления район. Из донесения командования бригады, датированного тем же 12 января 1919 г., следует, что совокупная убыль ее личного состава достигла к этому времени невероятного показателя в 90 % (очевидно, санитарные потери из-за обморожений и сезонных заболеваний)[396].

Колоссальный рост обмороженных – основная черта январского удара на ст. Иглино. Как вспоминал позднее Эйхе, «условия наступления оказались для нас крайне трудными. <…> Снег был глубокий – по пояс вне дорог, а январские морозы люты, наши же бойцы не имели ни полушубков, ни теплого белья, ни валенок, ни варежек… Число обмороженных росло с каждым днем»[397].

Несмотря на тяжелейшие условия для развития атаки, вверенные Эйхе силы 3-й бригады 17 января 1919 г. вступили в бой с державшими оборону на р. Таушка частями 12-й Уральской стрелковой дивизии из состава VI Уральского корпуса отдельной Западной армии и успешно овладели д. Кирилловка и д. Нов. Рождественка[398] (в 2-3 км северо-восточнее Дорогино), выполнив поставленную ранее начдивом-26 Матиясевичем локальную вспомогательную задачу дня.

Менее успешно развивались события на ведущем операционном направлении соединения. Ударная в контексте операции на ст. Иглино 1-я бригада (командир – В.Н. Какоулин[399]), действовавшая южнее, на правом фланге дивизии, предпринимала 17-18 января 1919 г. тщетные попытки выбить противника из Караганки, тактического ключа района ст. Иглино. Действия ее явились наглядным образцом неправильной, деструктивной организации зимнего боя, о чем мы

---

[395] *Тарасов Е.П.* Красном Генрих Эйхе. С. 45.

[396] См.: *Эйхе Г.Х.* Уфимская авантюра Колчака. С. 284.

[397] Цит. по: *Рублев М.Р., Егоров О.Е.* Сергей Павлов – герой Октября и гражданской войны / Под общ. ред. *Г.Х. Эйхе.* Чебоксары, 1963. С. 204.

[398] Ныне – д. Кириллово и д. Рождественский, Уфимский р-н Республики Башкортостан.

[399] *Какоулин Владимир Николаевич* (1888-1938). Командир 1-й бригады (ранее – 1-й отряд Правой группы 5-й армии) 26-й стрелковой дивизии 5-й армии (сентябрь 1918 г. – январь 1919 г.).

скажем далее. Неудача, постигшая бригаду Какоулина, вынудила Матиясевича отдать Эйхе приказ о дополнительной переориентации на Караганку сил его 3-й бригады для нанесения флангового удара по укрепленным позициям белых.

Только с переходом направления главного удара дивизии в сферу ответственности Эйхе операция на ст. Иглино начала обретать столь необходимую ей динамику, стремительность. Следуя указаниям начдива, Эйхе по аналогии с тактической схемой боя у Нарышево организовывает 19 января 1919 г. комбинированную атаку Караганки силами 232-го полка с фланга, со стороны ж/д магистрали, при фронтальной поддержке частей 1-й бригады. В результате войска 232-го полка успешно оттеснили противника из деревни и, развивая преследование, вступили даже на восточную окраину д. Алаторка (1 км к северо-востоку от Караганки). Однако ввиду воздействия артиллерии противника и недостатка огневых средств Эйхе все же санкционировал отступление бригады на исходный рубеж. Локальный удар Эйхе тем не менее зафиксировал перелом в неудачно складывавшейся до того операции на ст. Иглино, доказав, что более гибкая наступательная тактика способна принести успех в преодолении здесь обороны белых.

Учитывая опыт реализованного им удара на Караганку, комбриг-3 Эйхе в течение нескольких дней провел по собственной инициативе разработку нового оперативного замысла и представил его на рассмотрение начальника 26-й стрелковой дивизии. Сложно судить, какими мотивами диктовался данный шаг военачальника (свойственной ему амбициозностью, прагматичным желанием обеспечить наилучшие условия действий своим подопечным либо иными факторами), но замысел его оказался весьма удачным. К новому наступлению сил 3-й бригады на Караганку Эйхе предлагал подойти более нестандартно, реализовав его в ночное время. Это позволяло красным потенциально получить преимущество в трех ключевых боевых элементах. Во-первых, обеспечивалось скрытное сосредоточение войск на рубежах перехода в атаку. Во-вторых, ограничивалась возможность прицельного обстрела подразделений бригады средствами огневого поражения противника. Как следствие, ее потери на фазе развертывания атаки сводились к минимуму. В-третьих, при благоприятном стечении обстоятельств обеспечивался неожиданный характер наступления. Ввиду очевидных преимуществ тактическое решение Эйхе нашло поддержку со стороны начдива Матиясевича, и было принято последним как основание оперативного плана.

Отметим, что оригинальный замысел военспеца позволил не только занять Караганку, но и обеспечил общий оперативно-тактический успех операции 26-й стрелковой дивизии по утверждению в районе Караганка, ст. Иглино, Дорогино.

Реализация смелого замысла Эйхе началась в ночь на 22 января 1919 г. Под покровом темноты 232-му полку бригады удалось сходу закрепиться в Караганке и Алаторке, стремительной атакой выбив из них войска противника[400]. Упрочил результаты наступления последующий ввод Эйхе сил 233-го полка. В результате к 14.00 ч. 23 января 1919 г. части 3-й бригады объединенными усилиями заняли д. Егоровка, д. Хлебниково, д. Мрясево[401] на подступах к ст. Иглино, а в дальнейшем – ст. Иглино[402], служившую, по-видимому, базой для действий бронепоездов белых на линии ж/д магистрали Уфа – Златоуст. Таким образом, 26-я стрелковая дивизия во многом благодаря инициативным действиям Эйхе и стойкости коллектива руководимой им 3-й бригады достигла территориального ориентира операции (ст. Иглино) и овладела указанным ей географическим рубежом. Задача, поставленная перед дивизией 2 января 1919 г. командующим 5-й армией Блюмбергом, была успешно выполнена, что, в частности, нашло отражение в официальном обзоре фронта отдельной Западной армии белых[403].

Несмотря на стремительность воплощения Эйхе собственного боевого решения, общий динамизм развития операции, успех возглавляемых им сил нельзя назвать простым. На участке наступления его бригады протяженностью 10-15 км (от Караганки до Егоровки) противник изначально сосредоточил многочисленную войсковую группировку в составе не менее трех полков (в их числе 24-й Саткинский горных стрелков и 47-й Тагильский), усиленных артиллерией (не менее 7 орудий) и пулеметами[404]. Определенное превосходство сил белых предопределило кровопролитный и жестокий характер боевых столкновений 22-23 января 1919 г., которые тем не менее отличались в целом скоротечностью.

Исследование наступательной операции Эйхе на ст. Иглино дает обширный материал, позволяющий раскрыть ряд его тактических воззрений на практику организации боя в зимней обстановке. Говоря об этом, следует изначально

---

[400] РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 19. Л. 18.

[401] Ныне д. Егоровка, д. Хлебниково, д. Мрясево не существуют и на картах не идентифицируются. Находились в районе оз. Бессонное и д. Красный ключ, Иглинский р-н Республики Башкортостан.

[402] РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 19. Л. 23.

[403] Утро Сибири (Челябинск). 1919. № 18. 26 января.

[404] РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 19. Л. 3а.

отметить, что результат 26-й стрелковой дивизии на различных фазисах проведения операции на ст. Иглино вошел в прямую зависимость от тактики, которой руководствовался командующий силами дивизии на направлении главного удара. На начальном фазисе им был командир 1-й бригады Какоулин. Избрав для овладения Караганкой, безусловно, ошибочную в условиях зимнего боя схему наступления пехотными цепями низкой плотности на широком фронте, он вполне ожидаемо не достиг успеха. «Цепи бригады, – отмечал впоследствии Эйхе, – пролежали весь день перед деревней и к вечеру вынуждены были отойти в исходное положение. Потери бригады ранеными, а главным образом обмороженными, достигли за день нескольких сот человек»[405]. После этих событий Какоулин вполне обоснованно был отстранен от руководства бригадой[406]. Его место занял земляк Эйхе, начальник штаба 2-й бригады, латыш Я.П. Гайлит[407].

Смена комбрига не могла изменить того факта, что 1-я бригада вследствие неудачи Какоулина утратила боеспособность и не могла более выполнять роль дивизионной ударной группировки. Данная оперативная функция в сложившихся условиях перешла к 3-й бригаде. Ее командир Эйхе соответственно возглавил войска 26-й стрелковой дивизии на направлении главного удара.

Тактика, которую избрал Эйхе в процессе развертывания нового наступления на Караганку и далее в направлении на ст. Иглино, коренным образом отличалась от схемы Какоулина. Прежде всего, он отказался от действий широко развернутыми пехотными цепями. В условиях глубокого снежного покрова это сводило на нет возможность свободного маневрирования подразделениями на поле боя, и делало невозможным нанесение сосредоточенного, концентрированного удара во фланг и тыл оборонительных позиций противника.

Тактический базис боевых действий 3-й бригады в зимних условиях Эйхе построил на использовании сплоченных ударных штурмовых групп (от одной до трех стрелковых рот), усиленных мобильными средствами огневого поражения (пулеметы на базе обывательских саней, артиллерия на полозьях). Применение Эйхе сил бригады в подобном порядке в рамках оригинального боевого

---

[405] *Эйхе Г.* Тактические поучения гражданской войны. С. 124.

[406] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 104 об.

[407] *Гайлит Ян Петрович* (1894-1938). Латыш. Начальник штаба 2-й бригады (ноябрь 1918 г. – январь 1919 г.), командир 1-й бригады (январь – 25 ноября 1919 г.) 26-й стрелковой дивизии 5-й армии. Начальник данной дивизии (26 марта – 16 апреля 1919 г. (в ранге врид), 25 ноября 1919 г. – 26 октября 1921 г.). Близкий приятель и протеже Эйхе в 1919-1920 гг.

плана явилось ключевым компонентом успеха январского удара на ст. Иглино.

Определенность в тактике ведения зимнего боя положительно выделяла Эйхе из общей массы командиров как РККА, так и сил Белого движения на Восточном фронте. Последние в этот период испытывали колоссальные трудности с применением боевых единиц в непривычных условиях многоснежной зимы и низких температур (до -40 °С). Так, ошибочная тактическая схема Какоулина была в точности воспроизведена ранее тем же генералом Каппелем в ходе наступательного боя в районе ст. Чишмы в декабре 1918 г. с аналогичным результатом. Генерал П.П. Петров, видный военный деятель Белого движения на востоке России, вспоминал в связи с этим, что «обвиняли потом Каппеля, что он неправильно их *(вверенные ему части. – Р.Б.)* использовал. Вернее была виновата полная неподготовленность командного состава к боям зимой»[408].

Подчеркнем, что обеспеченный Эйхе успех операции 26-й стрелковой дивизии в направлении ст. Иглино явился, строго говоря, одним из последних достижений сил 5-й армии в ходе осенне-зимней кампании 1918/1919 гг. В разговоре с командующим фронтом Каменевым 30 января 1919 г. командарм Блюмберг откровенно признавал, что «…все больше и больше поступает докладов о невероятной усталости частей. Двинуть части вперед требует очень большого напряжения командного состава…»[409]. На фоне упадка боеспособности 5-й армии фронтовое руководство вынуждено было пойти на компромисс. Приказав Блюмбергу 2 февраля 1919 г. продолжить движение на восток, Каменев в то же время потребовал соотнести его «…с возможно большим выводом частей в резерв» для отдыха[410]. Не позднее 4 февраля 1919 г. в резерв армии в район ст. Иглино, д. Башкирское Кубово, д. Лобово[411] была выведена и хорошо зарекомендовавшая себя в январских боях бригада Эйхе[412]. Личный состав ее, более месяца пребывавший в боевой линии, действительно нуждался в отдыхе и пополнении.

Во время этой краткой паузы Эйхе стремился по возможности обеспечить наилучшие условия для восстановления сил своих подопечных. Группа отличившихся солдат бригады по его инициативе была командирована в открытый

---

[408] *Петров П.П.* Роковые годы. 1914-1920. Калифорния, 1965. С. 124.
[409] РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 190. Л. 51.
[410] РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 13. Л. 115.
[411] Ныне д. Лобово не существует, находилась юго-западнее д. Кушкуль Иглинского р-на Республики Башкортостан. Территория д. Башкирское Кубово относится к с. Старокубово того же района.
[412] РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 58. Л. 35.

незадолго до этого «Дом отдыха красноармейцев» 5-й армии в Уфе. Но с непосредственным размещением их в данном учреждении возникли трудности, по-видимому, настолько непреодолимой силы, что Эйхе был вынужден лично выехать приблизительно 4-10 февраля 1919 г. в Уфу. Здесь он добивался решения этого вопроса напрямую в штабе армии. В своих воспоминаниях военачальник несколько завуалировал конфликтную подоплеку визита, отметив, что «…я зашел в штаб армии, чтобы выяснить и уточнить некоторые вопросы, связанные с направлением бойцов на этот заслуженный ими отдых»[413]. К сожалению, итог данного начинания пока что остается неясным. Однако то немногое, что удалось установить, характеризует Эйхе не только как одаренного военачальника, но и как неравнодушного и внимательного руководителя воинского коллектива. Он действительно отличался крайней требовательностью к подчиненным, но и сам был способен на решительные поступки в интересах своих боевых товарищей.

Пребывание в резерве бригады Эйхе продолжалось только до 9 февраля 1919 г., после чего она была переброшена на правый фланг дивизии, в район д. Ирныкши (50 км к юго-востоку от Уфы), с целью обеспечения стыка 5-й и действовавшей южнее 1-й армий. 3-я бригада сменила здесь части 1-й Пензенской пехотной дивизии 1-й армии, которые потерпели поражение в начале февраля.

Оперативная обстановка с переходом упомянутого кризисного участка под управление Эйхе существенно изменилась в пользу красных. Комбригу удалось не только вернуть позиции, утраченные Пензенской дивизией, но и провести 14 февраля – 5 марта 1919 г. частную операцию по овладению районом с. Архангельское (ключевого пункта на стыке 1-й и 5-й армий). В серии столкновений с 3-й Оренбургской казачьей бригадой VI Уральского корпуса белых, усиленной артиллерией и лыжными командами, бригада Эйхе (1.728 штыков, 84 сабли, артиллерия, 42 пулемета)[414] продвинулась на расстояние до 30 км на восток, до д. Айтмамбетово[415]. В ходе боев были заняты д. Кызыль-Ярово[416], д. Абзаново, д. Темирбаево, с. Сартинский, с. Архангельское, д. Сарбай[417]. Несмотря на косвенную критику Эйхе, которую, например, позволил себе позднее бывший военный

[413] Цит. по: *Рублев М.Р., Егоров О.Е.* Сергей Павлов – герой Октября и гражданской войны. С. 203.
[414] *Шведов И.С.* Разгром 5-й армии // Сборник трудов военно-научного общества. 1922. Кн. 3. С. 46.
[415] Краткий исторический очерк 26-й Златоустовской стрелковой дивизии. С. 22.
[416] Ныне – д. Кызылярово, Архангельский р-н Республики Башкортостан.
[417] Боевые подвиги частей Красной Армии (1918-1922 гг.): Сб. док. / Сост. *К.И. Любавская* и др. М., 1957. С. 26.

комиссар 233-го стрелкового полка Ваврженкевич[418], следует признать, что операция имела крупный успех. К моменту ее завершения на участок 3-й бригады Эйхе приходилось наибольшее территориальное продвижение 5-й армии (75-80 км восточнее Уфы к 5 марта 1919 г.) в ходе всей осенне-зимней кампании.

Усилиями соединения Эйхе и в целом 5-й армии красным тем не менее не удалось сорвать планы противника. К началу марта 1919 г. вооруженные силы адмирала Колчака, развернутые в предгорьях Урала, в основном завершили подготовку к проведению масштабной операции против Восточного фронта РСФСР. В историю Гражданской войны на востоке России эта важнейшая стратегическая операция вошла под названием Весеннего наступления (март-апрель 1919 г.).

Военные и политические элиты Российского правительства (Омск) изначально расценивали Весеннее наступление как своеобразное генеральное сражение, успех которого должен был обеспечить перспективу решительного наступления на Москву с плацдарма волжских переправ. Открытая рядом масштабных успехов вооруженных сил адмирала Колчака в Предуралье и Поволжье, данная операция, однако, обернулась для белых в конечном счете тяжелым поражением.

Стратегический крах замысла Весеннего наступления белых был обусловлен комплексом различных факторов: оперативных, управленческих, кадровых, сезонных, политических, мобилизационных и др. Некоторые из них в той или иной мере стали предметом рассмотрения советских и российских исследователей[419]. Вместе с тем история операции и сегодня отличается еще наличием малоизвестных военных мероприятий со стороны сил РККА, во многом предопределивших неудачный для войск Омской администрации исход противостояния весной 1919 г. К их числу относится решение РВС Восточного фронта РСФСР о формировании новой оборонительной линии 5-й армии южнее Уфы в середи-

---

[418] *Ваврженкевич.* От Свияжска до Тобола (из истории 233-го полка) // Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи участников борьбы с учредиловской и колчаковской контрреволюцией / Под ред. *И.Н. Смирнова* и др. М.-Л., 1926. С. 92.

[419] *Боголюбов А.Н.* Разгром Колчака (Оперативно-стратегический очерк). М., 1939; *Болтин Е.А.* Контрнаступление Южной группы Восточного фронта и разгром Колчака (1919 г.). М., 1949; *Ганин А.В.* Враздробь, или почему Колчак не дошел до Волги? // Родина. 2008. № 3. С. 63-74; *Зайончковский А.М.* Восточный фронт. Контрманевр Южной группы. Апрель-май 1919 года // Сборник трудов Военной академии. 1926. Кн. 1. С. 3-29; *Огородников Ф.Е.* Удар по Колчаку весной 1919 г. М., 1938; *Плотников И.Ф.* Челябинск: разработка стратегического плана наступления русской армии А.В. Колчака, успехи в его осуществлении и последующий провал (февраль-май 1919 г.) // Урал в событиях 1917-1921 гг.: актуальные проблемы изучения. Материалы регионального научного семинара 24-25 апреля 1999 г., г. Челябинск / Под ред. *И.В. Нарского.* Челябинск, 1999. С. 73-97.

не марта 1919 г., ставшее следствием смелой, волевой инициативы все того же бригадного командира Эйхе. Во многом благодаря частному почину «красного латыша», рассмотрению которого мы посвятим дальнейшее изложение, стремительно отступавшей под ударами белых 5-й армии удалось закрепиться на новой, выгодной в оперативно-тактическом отношении 65-км оборонительной позиции. Активным, стойким сопротивлением на ее рубеже войска армии на 20 дней (14 марта – 2 апреля 1919 г.) задержали наступление основной ударной группировки адмирала Колчака в Весеннем наступлении, отдельной Западной армии генерала Ханжина, сорвав ее выход к стратегическим волжским переправам.

В соответствии с замыслом Весеннего наступления отдельная Западная армия белых была выдвинута на направление главного удара, приходившегося на позиции ослабленной в зимних боях 5-й армии (центр оперативного построения Восточного фронта РСФСР). Стратегическая задача армии Ханжина заключалась в разгроме 5-й армии, овладении районами Бирска, Уфы, Стерлитамака, Белебея и в выдвижении на барьерный рубеж р. Ик[420]. Впоследствии она была расширена до выдвижения к рубежу р. Волги у Симбирска и Сызрани с захватом переправ[421]. Масштабное наступление Ханжина началось 6 марта 1919 г.

По результатам исследования архивных материалов нами установлено, что первые столкновения 3-й бригады Эйхе с силами белых в рамках наступления отдельной Западной армии состоялись в ночь на 9 марта 1919 г. в районе д. Узунларово[422]. Силы сторон были явно неравны. Под давлением 12-й Уральской стрелковой дивизии и 3-й Оренбургской казачьей бригады из состава VI Уральского корпуса противника комбриг Эйхе начал организованный отход на запад, вдоль долины р. Инзер. Причем отступление это, как следует из работы военного историка Н.Е. Какурина[423], было инициировано руководством 5-й армии РККА, то есть не носило характера самочинных действий.

Общая обстановка на фронте 5-й армии складывалась более драматично. Разгром левого крыла армии и прорыв противника в ее глубокий тыл, на Бирск, привели к деморализации большей части армейских сил. В сложившихся обстоя-

---

[420] *Волков Е.В.* Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М.В. Ханжина. Екатеринбург, 1999. С. 129.

[421] *Боголюбов А.Н.* Разгром Колчака (Оперативно-стратегический очерк). С. 29-30.

[422] РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 193. Л. 47.

[423] *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. 2-е изд. Т. 2. М., 1990. С. 157.

тельствах возобладало мнение о необходимости спасения немногих еще сохранивших устойчивость войск путем масштабного отступления. К этому решению тяготело значительное число представителей высшего комсостава 5-й армии, в том числе ее командующий Блюмберг[424]. Последний, подчеркнем, оценивал текущее положение вверенной ему армии не иначе, как «катастрофическое»[425].

Из схожих соображений, по-видимому, исходил и начальник 26-й стрелковой дивизии Матиясевич. В условиях потери контроля со стороны 5-й армии он самовольно принял решение об оставлении Уфы и отводе вверенных ему сил на 80 км к юго-западу[426]. В рамках этого решения начдив санкционировал, в частности, проведение поэтапного глубокого отступательного марша 3-й бригады Эйхе: на линию д. Алайгирово – с. Мусино[427] (к концу 13 марта); на линию д. Новые Карамалы – д. Теперишево (к исходу 14 марта); на линию ж/д ст. Давлеканово – д. Старое Турумбетово (к исходу 15 марта)[428]. Соответствующие указания Эйхе были приведены в приказе начдива-26 № 17/м от 13 марта 1919 г.

В свете сказанного выше важно отметить, что 3-я бригада в это время находилась на крайнем правом фланге 5-й армии и занимала стыковое положение, обеспечивая стык 5-й и 1-й армий. В силу этого отход Эйхе, какую бы форму он ни принял, неизбежно должен был привести к потере оперативной связи между армиями и оголению левого крыла 1-й армии, выдвинутого далеко на восток, до Верхнеуральска. Таким образом, реализация плана отступательного марша бригадой Эйхе, бесспорно, обеспечивая прикрытие операционного направления 5-й армии на Бугуруслан, в то же время открывала войскам VI Уральского корпуса Западной армии белых прямой путь в глубокий тыл 1-й армии, на Стерлитамак.

Вероятно, первым из «пятоармейцев» угрозу подобного развития событий осознал (уже в ходе проведения отступательного марша) именно комбриг-3 Эйхе. Оставить без внимания столь неприятную перспективу военспец не счел для себя возможным. В личном порядке он предпринял ряд смелых, инициативных шагов, направленных на пересмотр «отступательного» приказа начальника 26-й стрелковой дивизии Матиясевича. Данные шаги явились ключевой предпосыл-

---

[424] См.: РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 193. Л. 71, 76; Там же. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 51. Л. 10-10 об.

[425] *Павлов Г.* Колчак наступал // Сибирские огни. 1929. Ноябрь-декабрь. С. 112.

[426] *Эйхе Г.Х.* Уфимская авантюра Колчака. С. 107.

[427] Ныне – д. Старомусино, Кармаскалинский р-н Республики Башкортостан.

[428] РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 51. Л. 40-40 об.

кой развертывания упомянутой нами новой оборонительной линии 5-й армии в 40-45 км южнее Уфы. Благодаря решительности Эйхе была также стабилизирована оперативная обстановка на стыке 5-й и 1-й армий и, без преувеличения, отведена угроза флангового охвата и разгрома белыми левого крыла 1-й армии.

Руководимые Эйхе бригадные силы в соответствии с указаниями начдива Матиясевича начали отступательный марш 13 марта 1919 г. Оторвавшись от преследования пехоты 12-й Уральской стрелковой дивизии VI Уральского корпуса, они остановились к исходу дня в с. Бузовьязы (40 км южнее Уфы) на ночлег.

На следующие сутки, 14 марта 1919 г., около 10.00 ч. между комбригом Эйхе и начальником 1-й Пензенской пехотной дивизии (обеспечивала крайний левый фланг 1-й армии) А.Е. Воробьевым состоялся разговор по телеграфу[429]. В ходе него начдив-1 обозначил перспективу вероятного поражения левого фланга 1-й армии в случае дальнейшего отступления 3-й бригады 26-й стрелковой дивизии. В связи с этим он вполне обоснованно просил Эйхе временно прекратить отвод бригады, по меньшей мере, до подхода на данный участок свежих сил 1-й армии. Принятие комбригом этого предложения, однако, было равнозначно отказу от выполнения приказа начдива-26 № 17/м. «Обстановка, – указывал позднее Эйхе, – требовала проявления инициативы. Нужно было произвести переоценку обстановки и принять новое решение без боязни ответственности за невыполнение боевого приказа дивизии»[430]. По итогам переговоров Эйхе принимает ответственное решение – приостановить вопреки указаниям Матиясевича отступление бригады до 00.00 ч. 15 марта 1919 г. и направить при посредничестве Воробьева и РВС 1-й армии запрос в штаб Восточного фронта относительно целесообразности продолжения отступления в складывающейся оперативной обстановке[431]. Предпринятые комбригом-3 попытки выйти на связь с руководством 26-й стрелковой дивизии или 5-й армии для обсуждения аналогичного вопроса не увенчались успехом. Таким образом, Эйхе удалось достигнуть с Воробьевым временного компромисса по вопросу отвода 3-й бригады. «Мы согласны, – подчеркивал Эйхе в разговоре с ним, – подождать до вечера на занятых позициях, а вы попытайтесь разыскать наше командование … и если к вечеру нам скажут "оставайтесь", мы останемся, если же нового приказа не будет,

[429] РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 34. Л. 102-104.
[430] *Эйхе Г.* Тактические поучения гражданской войны. С. 173.
[431] РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 97. Л. 325 об.-326; *Эйхе Г.Х.* Уфимская авантюра Колчака. С. 110-111.

то мы будем выполнять приказ по дивизии о дальнейшем отходе»[432].

Указанным решением комбриг не ограничился, одновременно установив через конных ординарцев связь с Гайлитом, командиром отступавшей к юго-западу 1-й бригады дивизии. Эйхе удалось убедить его также временно прекратить отход до 15 марта 1919 г., пока не будет принято решение фронтового командования. «Нам безусловно следует, – писал он в полевой записке на имя Гайлита, – дожидаться решения штаба фронта, чтобы … своим отходом не оголить весь левый фланг 1-й армии, что может кончиться таким же поражением, как у нас. <…> Полагаю, что это приказание начдива слишком скороспешное»[433].

Инициатива Эйхе, поддержанная Гайлитом, строго говоря, привела к отмене приказа Матиясевича № 17/м. 15 марта 1919 г. руководство Восточного фронта РСФСР, изучив сложившуюся ситуацию, постановило (приказ № 0810): «…Части *(1-й и 3-й бригад. – Р.Б.)* временно подчинить начдиву Пензенской *(на деле – командующему 1-й армией Г.Д. Гаю[434]. – Р.Б.)* с задачей остановить противника, продвигающегося от Чишмы на юг»[435]. Таким образом, предпринятый начдивом Матиясевичем из местнических соображений, непродуманный вывод 26-й стрелковой дивизии в направлении ст. Давлеканово путем глубокого отступательного марша был прекращен, не достигнув, к слову, своей финальной точки. Фронтовое командование стало на точку зрения Эйхе, который невольно испортил своей инициативой товарищеские взаимоотношения с Матиясевичем.

Исполнение задачи, обозначенной руководством фронта в приказе № 0810, командующий 1-й армией Гай закономерно возложил на персону Эйхе. 15 марта 1919 г. последнему были переданы во временное командование силы 1-й и 3-й бригад, которые образовывали объединенную «оперативную группу Эйхе»[436]. Протяженность фронта группы составила около 65 км (по подсчетам Эйхе, 70-75 км) – от д. Алайгирово до д. Абраево, но фактически – до ж/д ст. Усманово. В адресованной Эйхе директиве № 0900 командарм-1 Гай, помимо постановки перед ним оборонительных задач, потребовал: «Подчините себе конный полк 26

---

[432] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1387. Л. 10.

[433] РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 97. Л. 326 об.-328 об.

[434] *Гай Гая Дмитриевич* (1887-1937). Член РСДРП с 1904 г. Командующий 1-й армией Восточного фронта (4 января – 25 мая 1919 г.).

[435] Цит. по: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.): Сб. док. / Сост. *Т.Ф. Каряева.* Т. 2. Март 1919 г. – апрель 1920 г. М., 1972. С. 628.

[436] РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 143. Л. 5.

дивизии, занимающий ст. Усманова. Подчиняйте … себе все разрозненные и мелкие части, находящиеся в вашем районе и немедленно организуйте их»[437].

Так и было положено начало формированию, в сущности, новой оборонительной линии 5-й армии в 40-45 км к югу от Уфы. После отступления в полосу группы Эйхе из района Уфы к 16 марта 1919 г. расстроенных частей 2-й бригады 26-й стрелковой дивизии[438], 1-й бригады 27-й стрелковой дивизии, Сводной бригады М.В. Шабата (три стрелковых и кавалерийский полки)[439], а также ряда отдельных подразделений, и закрепления их на данном участке, образование этой линии стало свершившимся фактом. Прекратившие отход войска 5-й армии достаточно скоро были приведены здесь в должный порядок, восстановили боевую устойчивость и успешно перешли к подвижной, маневренной обороне новых позиций. «Неожиданно для себя, – отметил Эйхе в опубликованных воспоминаниях, – противник встретил южнее Уфы новый фронт»[440].

Таким образом, конечный опосредованный результат инициативных действий Эйхе, связанных с прекращением отступательного марша 3-й бригады на ст. Давлеканово, имел двойственный характер. В первую очередь была нивелирована угроза нанесения белыми удара во фланг и тыл 1-й армии за счет прикрытия тракта Уфа – Стерлитамак и оперативного стыка 5-й и 1-й армий силами прекративших отступление 1-й и 3-й бригад 26-й стрелковой дивизии. Во-вторых, основные силы 5-й армии, большая часть которых беспорядочно отступала из района Уфы, были закреплены на новой 65-км оборонительной линии – выгодной в оперативном смысле фланговой (по отношению к основным направлениям наступления Западной армии на Симбирск и Самару) позиции. Как показал дальнейший ход событий, данный факт имел крупное значение для стратегических итогов Весеннего наступления вооруженных сил адмирала Колчака. Военный историк Ф.Е. Огородников подчеркивал, что «…сопротивление на фланговой позиции … к югу от Уфы сильно потянуло в этом направлении всю Западную армию (с потерей инициативы действий), ослабив ее нажим в западном *(основном. – Р.Б.)* направлении»[441]. В результате силам Западной армии

[437] РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 143. Л. 7.
[438] РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 51. Л. 41-42 об.
[439] *Павлов Г.* Колчак наступал. С. 115.
[440] *Эйхе Г.* Фланговый марш // Военный вестник. 1968. № 1. С. 10.
[441] *Огородников Ф.Е.* Удар по Колчаку весной 1919 г. С. 115.

Ханжина, ввязавшимся в упорное 20-дневное сражение на данном участке, так и не удалось выдвинуться на рубеж р. Волги до наступления весенней распутицы и разлива рек и, как следствие, выполнить конечную стратегическую задачу. В то же время, подчеркивал историк А.И. Анишев, «такой задержки, как разлив рек, оказалось достаточно для создания перевеса сил на стороне Красной армии и для выявления непрочности армии контр-революциии»[442].

Упущенный в этом смысле стратегический шанс войск отдельной Западной армии даже спустя многие десятилетия вызывал острое разочарование в среде офицеров – белых эмигрантов. Весьма симптоматична реакция бывшего начальника штаба VI Уральского корпуса Западной армии генерала Петрова, риторически вопрошавшего по этому поводу в своих воспоминаниях: «Но почему … большевики с 13 по 30 марта могли держаться близ Уфы?»[443].

Вместе с тем было бы безусловной ошибкой связывать итоги сражения войск 5-й армии на фланговой позиции 14 марта – 2 апреля 1919 г. исключительно с личностью и именем Эйхе. Как отмечалось ранее, связь здесь весьма опосредованная. Мы не склонны преувеличивать значение проявленной военспецом инициативы и не вполне согласны с высказанным им позднее, в начале 1930-х гг., суждением, что именно он как «…командир 3-й бригады положил начало новой линии фронта 5-й армии»[444]. Действия Эйхе, изначально не выходившие за пределы частного волевого почина, выступили скорее предпосылкой (хотя и ключевой) формирования новой оборонительной линии южнее Уфы. У истоков же ее создания стоит только руководство Восточного фронта РСФСР (в лице командующего Каменева), принявшее соответствующее оперативное решение, и командующий 1-й армией Гай, осуществлявший общее первичное управление группировкой сил 26-й стрелковой дивизии на фланговой позиции[445].

---

[442] *Анишев А.* Очерки истории гражданской войны. 1917-1920 гг. Л., 1925. С. 230.

[443] *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых. С. 35.

[444] *Эйхе Г.* Тактические поучения гражданской войны. С. 173.

[445] Ознакомление с неизданными воспоминаниями (ГАОО. Ф. 2900. Оп. 1. Д. 166. Л. 100-116) и опубликованными трудами командующего 1-й армией Гая показало, что роль группы Эйхе в стабилизации состояния левого крыла 1-й армии не была им оценена. Более того, упоминание Гаем войск 5-й армии в названных источниках сводится к единственному неприглядному описанию: «Разбитые и разбросанные части V Красной армии не были в состоянии удержать противника и быстро откатились к Белебею, совершенно обнажив левый фланг…» (*Гай Г.Д.* Первый удар по Колчаку: воен.-ист. очерк. Л., 1926. С. 14). Прикрытие тракта Уфа – Стерлитамак, по словам Гая, осуществляли исключительно силы 1-й армии. Как удалось убедиться, данное мнение не соответствовало действительности.

Подводя итог рассмотренному эпизоду деятельности Эйхе, отметим, что в советской историографии выдвижение инициативы о приостановке глубокого отвода бригад 26-й стрелковой дивизии, как правило, ошибочно соотносилось с действиями дивизионного командования, то есть фактически – начдива-26 Матиясевича. Данная парадоксальная точка зрения отражена, в частности, в издании «История гражданской войны в СССР» (4-й том), монографиях военных историков Е.А. Болтина, Ф.Е. Огородникова и др.[446] Лишь историк Л.М. Спирин, поддерживавший неформальные научные контакты с Эйхе, расставил в конце 1950-х гг. точки над i, указав, что фланговая позиция была занята силами 26-й стрелковой дивизии 5-й армии «…по инициативе командиров бригад Г.Х. Эйхе и Я.П. Гайлита вопреки приказаниям растерявшегося начальника дивизии»[447].

Добавим в этой связи, что Матиясевич не только не одобрил инициативу своего подчиненного Эйхе, но, как удалось установить, инспирировал в марте 1919 г. проведение следствия на предмет предания его суду военного трибунала за саботаж директивы об отводе 3-й бригады[448]. В этом деле начдива поддержал командарм-5 Блюмберг. Однако поиск материалов соответствующего разбирательства пока что не принес результата. Весьма характерно, что сам Эйхе ни в годы Гражданской войны, ни позднее не держал зла на Матиясевича за этот неоднозначный акт. Более того, в 1960-е гг. он состоял в дружеской переписке с проживавшей в Киеве вдовой начдива-26 Марией Степановной Матиясевич[449].

Закрепление бригад оперативной группы Эйхе южнее Уфы, помимо упомянутых ранее положительных последствий, способствовало выработке командующим Восточным фронтом Каменевым к 20 марта 1919 г. замысла контрудара, призванного восстановить положение 5-й армии на подступах к Уфе[450]. На момент принятия им соответствующего решения оперативная группа Эйхе (1-я, 3-я бригады 26-й стрелковой дивизии), образованная 15 марта 1919 г. командующим 1-й армией, была уже возвращена в состав 5-й армии. Необходимость в существовании группы после этого закономерно исчезла, и ее силы возврати-

---

[446] См.: *Болтин Е.А.* Контрнаступление Южной группы Восточного фронта и разгром Колчака. С. 36; История гражданской войны в СССР. 1917-1922. Т. 4 (Март 1919 г. – февраль 1920 г.) / Ред. кол.: *С.Ф. Найда* и др. М., 1959. С. 55-56; *Огородников Ф.Е.* Удар по Колчаку весной 1919 г. С. 113, 115.

[447] *Спирин Л.М.* Разгром армии Колчака. С. 100.

[448] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 125-125 об.

[449] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 157. Л. 10-19.

[450] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.): Сб. док. Т. 2. С. 632-633.

лись 18 марта 1919 г. под начало Матиясевича в прежнем бригадном качестве[451].

Тем не менее, непосредственно перед развертыванием контрудара на Уфу «группа Эйхе» была воссоздана, объединив две правофланговые бригады 5-й армии – 3-ю бригаду 26-й стрелковой дивизии[452] и Оренбургскую бригаду двухполкового состава (командир – М.В. Сангурский[453]). Последняя (2.000 штыков при 6 орудиях) передавалась командарму Блюмбергу из состава 1-й армии Гая в качестве специального усиления накануне контрудара на Уфу[454].

Поступившая в непосредственное распоряжение Эйхе группа войск, реализуя замысел контрудара, должна была перейти в наступление на ст. Чишмы с задачей овладения ее районом и выдвижения на ближние подступы к Уфе. Помимо этого, на нее возлагались функции прикрытия тракта Уфа – Стерлитамак (только для 3-й бригады)[455] и обеспечения правого фланга 5-й армии.

Для Эйхе операция в направлении Уфы (22 марта – 1 апреля 1919 г.) явилась первым опытом оперативного управления в масштабе крупной группировки войск (3.000-3.200 штыков), объединившей несколько полноценных соединений. Справедливости ради, отметим, что опыт этот, в сущности, вряд ли можно назвать успешным. В процессе боевых действий под Уфой Эйхе не удалось восстановить пошатнувшуюся дисциплину в подчиненной ему Оренбургской бригаде, что привело к потере управления над ее частями. В целом же участие руководимой им двухбригадной группы в контрударе завершилось ее поражением, ответственность за которое, о чем пойдет речь далее, разделяет и сам Эйхе.

Боевой активности группы первоначально сопутствовал бесспорный успех. Следуя разработанному военспецом Эйхе, тщательно продуманному оперативному решению, ее силы 28 марта 1919 г. нанесли удар на стыке между III Уральским горных стрелков и VI Уральским корпусами отдельной Западной армии и к исходу этого же дня выбили части 12-й Уральской стрелковой дивизии белых из нескольких (не менее пяти) населенных пунктов, захватив 500 пленных, 5

---

[451] *Шведов И.С.* Разгром 5-й армии. С. 49.

[452] Точный боевой состав 3-й бригады 26-й стрелковой дивизии в период боев на линии южнее Уфы неизвестен. Исходя из известной оценки совокупных сил дивизии на 18 марта 1919 г. в 3.500 штыков, можно предположить, что численность бригады в середине марта – начале апреля не превышала показателя в 1.000-1.200 штыков (См.: РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 193. Л. 287).

[453] *Сангурский Михаил Владимирович* (1894-1938). Член РКП(б) с 1919 г. Командир Оренбургской бригады 1-й армии с марта 1919 г.

[454] РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 224. Л. 6; *Эйхе Г.Х.* Уфимская авантюра Колчака. С. 128.

[455] РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 155. Л. 41.

орудий и 5 пулеметов[456]. До выдвижения авангарда оперативной группы Эйхе на ст. Чишмы оставалось не более 25 км, до предместий Уфы – около 40 км.

Результат действий сил Эйхе историк Какурин позднее расценивал только как «небольшой тактический успех»[457]. Однако данная оценка совершенно не соответствовала реакции, последовавшей со стороны противника. Наступление Эйхе вызвало крайнее беспокойство белого генерала Ханжина. «Красные, – отметил он в этот день в одной из телеграмм, – … к рассвету 28 марта сосредоточили на участке стыка 3-го Уральского и 6-го Уральского корпусов, – тракт Уфа, Стерлитамак включительно, – до шести полков и повели энергичное наступление на 12-ю дивизию. Заняв Бекетова[458], Ляхово[459] и продолжая развивать свой успех, красные части заняли Репьевку и Ибрагимово … имея дальнейшей задачей прорвать фронт на этом участке»[460]. Исходя из сказанного выше, начальную фазу наступления группы Эйхе, безусловно, необходимо отнести в актив полководческой деятельности «красного латыша», не в последнюю очередь благодаря мастерскому выбору им вектора развития удара на стыке корпусов.

Для ликвидации угрозы прорыва Эйхе к Уфе и нанесения его группе поражения генерал Ханжин срочно вывел из резерва и направил в район д. Бекетово Ижевскую отдельную стрелковую бригаду полковника В.М. Молчанова – одно из наиболее стойких соединений вооруженных сил адмирала Колчака. Это решение кардинальным образом изменило оперативную обстановку, сыграв, по словам генерала Петрова, бывшего в то время начальником штаба VI Уральского корпуса отдельной Западной армии белых, «…решительную роль в срыве наступательной операции красных для обратного овладения Уфой»[461].

Развернув наступление 30 марта 1919 г., Ижевская бригада в серии упорных маневренных боев оттеснила к исходу дня силы Оренбургской бригады из района д. Новокиевка и д. Романовка (за день белые вынуждены были дважды их отбивать) и 3-й бригады 26-й дивизии из района Бекетово и д. Ибрагимово.

---

[456] В ходе одного только масштабного наступательного боя у д. Бекетово войска группы Эйхе взяли в плен около 150 военнослужащих белых, захватили у противника исправными 3 орудия и несколько пулеметов (ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1387. Л. 10-11).

[457] *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. 2-е изд. Т. 2. С. 158.

[458] Ныне – с. Бекетово, Кармаскалинский р-н Республики Башкортостан.

[459] Подробнее об обстоятельствах занятия силами оперативной группы Эйхе д. Бекетово и д. Ляхово см.: *Ваврженкевич.* От Свияжска до Тобола (из истории 233-го полка). С. 96.

[460] Цит. по: *Огородников Ф.Е.* Удар по Колчаку весной 1919 г. С. 117.

[461] *Петров П.П.* Роковые годы. 1914-1920. С. 157.

Факт вынужденного отступления не отразился существенно на морально-психологическом состоянии частей группы Эйхе. В первый день столкновения с ижевцами они продемонстрировали высокий уровень воинского мастерства. Не случайно в официальных сводках командования белых бои 30 марта 1919 г. в районе поименованных пунктов характеризовались как «упорные», сообщалось о множественных атаках красных и «давлении противника»[462]. Уместно упомянуть, что в этот день под воздействием войск Эйхе белые понесли потери в 233 человека[463]. Заслуживает внимания и организованный характер предпринятого Эйхе отступления бригад. Так, Молчанов позднее вспоминал, что после занятия позиций Оренбургской бригады у Новокиевки «…мы не нашли ни одного раненого, потому что они взяли всех своих раненых с собой»[464]. Таким образом, военспецу Эйхе как командующему группой в непростой ситуации удалось сохранить устойчивость частей и организовать их закрепление на новом рубеже. Это позволило военачальнику начать подготовку ответного контрудара в общем направлении на с. Мусино (22 км к юго-востоку от ст. Чишмы) для восстановления утраченных накануне позиций и продолжения наступления на Уфу. Как и в случае с боевым эпизодом у Нарышево, Эйхе не допускал мысли о возможности невыполнения директив командования и, несмотря на серьезное давление противника, продолжал придерживаться наступательной модели действий.

Запланированный Эйхе на 31 марта 1919 г. контрудар тем не менее был сорван белыми еще на раннем этапе. Решающее значение здесь имел рейд противника в тыл группы Эйхе, на д. Старое Адзитарово[465]. Неожиданно атаковав пункт утром 31 марта, смешанная ударная группа ижевцев нанесла поражение войскам Оренбургской бригады. «Красные, – вспоминал позже начальник штаба Ижевской бригады капитан А.Г. Ефимов, – обратились в бегство. Оставив … пушки и пулеметы, значительную часть своих обозов и много пленных, они бежали в лес…»[466]. Данное свидетельство можно было бы воспринимать как яв-

---

[462] Освобождение России (Пермь). 1919. № 74. 2 апреля, № 75. 3 апреля; Утро Сибири (Челябинск). 1919. № 69. 1 апреля.

[463] Подсчитано на основании сведений бывшего начальника штаба Ижевской бригады А.Г. Ефимова: *Ефимов А.Г.* Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками, 1918-1920. М., 2008. С. 110.

[464] *Moltchanoff V.M.* The Last White General: An interview Conducted by Boris Raymond. Berkeley, 1972. P. 78; Аудиозаписи русскоязычного интервью с В.М. Молчановым в 1970 г.

[465] Ныне – с. Адзитарово, Кармаскалинский р-н Республики Башкортостан.

[466] *Ефимов А.Г.* Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками, 1918-1920. С. 113.

ное преувеличение, чем нередко злоупотреблял Ефимов, когда говорил об успехах своих подчиненных. Однако факт утраты командующим группой Эйхе контроля над контингентом Оренбургской бригады в ходе боя у д. Старое Адзитарово, вероятно, действительно имел место. Доказательством этого, в частности, служит упоминание Эйхе в одном из донесений от 31 марта 1919 г. случая отказа 2-го батальона 3-го Советского полка из бригады Сангурского выступить на поддержку своего полка и самовольного ухода батальона из боевой линии[467].

Неконтролируемое отступление Оренбургской бригады на юг, к д. Курманаево, поставило в тяжелейшее положение 3-ю бригаду 26-й стрелковой дивизии, располагавшуюся севернее, в районе д. Ляхово. Левый фланг ее и тыл оказались оголенными. В результате, как вспоминал военный комиссар 233-го полка Ваврженкевич, Ижевская бригада уже «…к вечеру перехватила единственные две дороги нашего отступления…»[468]. Визуальное обследование местности в 2015 г. показало, что белыми, очевидно, были перехвачены грунтовые дороги Ляхово – Старое Адзитарово (вдоль р. Асязы) и Ляхово – Бузовьязы (через д. Булякай).

В сложившейся обстановке дальнейшее удержание Ляхово было лишено смысла и Эйхе принимает единственное верное решение об отводе бригады из намечающегося тактического окружения на юго-восток. Кружным путем (по-видимому, через лесные массивы восточнее Ляхово) ему удалось скрытно вывести войска в район Бузовьязы, избежав их окончательного разгрома белыми[469].

Участие оперативной группы Эйхе в наступательной операции на Уфу, таким образом, завершилось крупным поражением ее войск и de facto прекращением ее существования как единого оперативного целого к исходу 31 марта

---

[467] См.: *Эйхе Г.Х.* Уфимская авантюра Колчака. С. 151.

[468] *Ваврженкевич.* От Свияжска до Тобола (из истории 233-го полка). С. 96.

[469] Отвод Эйхе 3-й бригады из Ляхово на Бузовьязы в интерпретации Ефимова выглядит как паническое бегство: «Услыхав бой в своем тылу, эти части … тоже бросились на запад. О степени их панического настроения свидетельствует то, что они бросили в деревне весь обоз и 12 орудий» (*Ефимов А.Г.* Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками, 1918-1920. С. 113). В силу неточностей (например, с направлением отступления бригады) и неопределенности, собственно, с названием деревни (Ефимов именовал ее «обойденная деревня») данное свидетельство не может быть признано однозначно достоверным. Более того, Молчанов, вспоминая о брошенных 12 орудиях, недвусмысленно говорит, что они были захвачены не в Ляхово, но в ходе атаки сил Ижевской бригады под его личным водительством, что имело место 31 марта в районе д. Старое Адзитарово (*Moltchanoff V.M.* The Last White General: An interview Conducted by Boris Raymond. P. 78-79). Иными словами, 12 орудий, если они действительно были захвачены (а их число вызывает безусловное сомнение), принадлежали не 3-й бригаде, но Оренбургской бригаде Сангурского, поскольку именно ее силы обороняли Старое Адзитарово.

1919 г. Особенно драматичными были итоги контрудара для Оренбургской бригады Сангурского. Ее патовое состояние после неудачи у Старое Адзитарово зафиксировано в сообщении штаба 1-й армии РККА на имя командующего Восточным фронтом Каменева, датированном 2 апреля 1919 г.: «…Оренбургская бригада, понеся потери, окончательно разложилась, приказания не выполняются, красноармейцы совершенно дезорганизованы, штыками забирают обывательские подводы, едут кому куда вздумается»[470].

Крупная неудача Эйхе послужила одной из главных причин сворачивания плана контрудара на Уфу. В очередной директиве от 31 марта 1919 г. РВС Восточного фронта объявил, что «в связи с неблагоприятно сложившейся обстановкой на правом фланге 5 армии *(в полосе ударной группы Эйхе. – Р.Б.)* задача по восстановлению положения под Уфой временно откладывается»[471]. Оперативных предпосылок для сохранения группы Эйхе, таким образом, более не наблюдалось. Формальное ее упразднение, очевидно, состоялось 1 апреля 1919 г., после принятия командармом-5 Блюмбергом решения о выводе деморализованной Оренбургской бригады в армейский резерв с целью переформирования[472].

Проведенное исследование показало, что Эйхе несет определенную персональную ответственность за поражение оперативной группы[473]. Отсутствие у него к весне 1919 г. опыта руководства столь крупной группировкой сил и практики установления межбригадного взаимодействия не сказывалось только на начальном фазисе операции. Неизбежные просчеты и упущения недостаточно опытного в этом смысле Эйхе, проявлявшиеся в ходе наступательных действий

---

[470] РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 190. Л. 269.

[471] Цит. по: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.): Сб. док. Т. 2. С. 641.

[472] РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 190. Л. 262.

[473] Среди факторов, обусловивших неудачу Эйхе, помимо субъективного, следует выделить и объективные. Во-первых, отсутствие предусмотренной планом операции поддержки группы Эйхе со стороны Уфимской группы 1-й армии, что вызывало перманентное недовольство Каменева (РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 192. Л. 207-208). Справедливы в этом отношении слова историка И.С. Шведова, который отмечал, что «…группа в дни непосильной героической борьбы 26 дивизии является только посторонним свидетелем…» (*Шведов И.С.* Разгром 5-й армии. С. 49). Во-вторых, создание противником к 30 марта 1919 г. перевеса сил путем ввода Ижевской бригады. Говоря об этом, мы исходим из оценки боевого состава последней в 4.200 штыков (*Ефимов А.Г.* Ижевцы и воткинцы. С. 114) и противостоящей ей группы Эйхе в 3.000-3.200 штыков. Из последнего показателя при этом следует вычесть 600 штыков 3-го Советского полка Оренбургской бригады, которые, как отмечал Эйхе в донесении начальнику 26-й стрелковой дивизии от 23 марта 1919 г., не могут быть использованы «…из-за полного отсутствия … обмундирования» (РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 97. Л. 542). В свете этого факта соотношение боеспособной пехоты сторон составило 1,75:1 (4.200:2.400) – 1,6:1 (4.200:2.600).

войсковой группы 28-30 марта 1919 г., удавалось нивелировать за счет частных мероприятий командиров полкового звена. Возможности использовать эти просчеты не имел и противник, поскольку развернутые на участке удара части 12-й Уральской дивизии белых были к этому времени чрезвычайно ослаблены. Совершенно верно ее состояние 29 марта 1919 г. описал командующий Восточным фронтом Каменев: «…12-я дивизия … та уж совсем ни к черту не годна»[474].

Однако 31 марта 1919 г., на второй день наступления свежей Ижевской бригады, со всей очевидностью дала о себе знать проблема слабого контроля Эйхе над налаживанием службы сторожевого охранения и разведывательной работы в подчиненных ему частях. Беспрепятственный проход крупных ударных сил пехоты и артиллерии Ижевской бригады в тыловую полосу группы и их сосредоточение у д. Старое Адзитарово, оставшееся незамеченным даже в условиях раннего восхода солнца, говорит в этом плане само за себя. Следствием указанного фатального упущения Эйхе и явилось возникновение кризисной ситуации, которая и привела к потере управления группой, падению дисциплины в Оренбургской бригаде и ее паническому отступлению на юг. Отход оренбуржцев, в свою очередь, предопределил общую тактическую неудачу группы Эйхе.

Неудача под Уфой явилась первым масштабным поражением руководимых Эйхе сил в ходе его участия в Гражданской войне. По-видимому, в личностном отношении военачальник тяжело переживал этот неоднозначный эпизод своей военно-служебной деятельности. Как показало исследование, ни в общеизвестных воспоминаниях, ни в опубликованных военно-исторических «штудиях» Эйхе почти не обращается к подробному, последовательному и объективному рассмотрению комплекса событий в районе Уфы 22 марта – 1 апреля 1919 г.

Исследуемый эпизод военачальник подверг анализу только на склоне лет, в черновой рукописи воспоминаний, ныне хранящейся в Государственном историческом музее. Ответственность за неудачные действия оперативной группы он всецело перенес на Оренбургскую бригаду и ее командира Сангурского, которые якобы произвели на него неблагоприятное впечатление еще до начала боев. «Я решил, – отмечал в воспоминаниях Эйхе, – иметь особый глаз над бригадой, чтобы вовремя вмешаться, но так как вскоре она вышла из моего подчинения, то я мог быть лишь пассивным зрителем того, как она постепенно теряла

[474] РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 192. Л. 213.

свои боевые качества…»[475]. Со своей стороны заметим, что о трагических обстоятельствах, сопутствовавших выходу оренбуржцев из подчинения, и собственной ответственности за подобное развитие событий Эйхе все же решил умолчать. Комбриг Сангурский, которому Эйхе в воспоминаниях дал крайне уничижительную, неприятную личную характеристику[476], возразить ему, в свою очередь, уже не мог, будучи репрессированным и расстрелянным в 1938 г.

Участие Эйхе в контрударе в направлении Уфы обошли вниманием и немногочисленные исследователи его жизненного пути. Подобное положение вещей явилось закономерным результатом действия негласного принципа советской «революционной биографики», имевшего место вплоть до середины 1980-х гг. и состоявшего в нежелательности раскрытия противоречивых и спорных страниц из жизни положительно рассматриваемой личности. В высшей степени это, как известно, относилось к деятелям РККА периода Гражданской войны.

С нашей стороны необходимость рассмотрения данного эпизода обусловлена не только соображениями наиболее полного раскрытия темы, но и его значением в контексте служебной биографии Эйхе. Опыт руководства Эйхе оперативной группой двухбригадного состава в ходе операции на Уфу представляет важнейшую, неотъемлемую веху развития его полководческого мастерства. Этот краткий временной отрезок в целом, следует признать, неудачный, явился для военачальника своеобразной практикой в управлении силами, близкими по своему масштабу к регулярной дивизионной структуре. В этом плане его можно назвать переходным, «стыковым» этапом, предварявшим скорое вступление Эйхе (с 16 апреля 1919 г.) на пост начальника 26-й стрелковой дивизии 5-й армии.

Переходу Эйхе в новое служебное положение начдива-26 непосредственно предшествовал эпизод организации им отступательного марша 3-й бригады из района с. Бузовьязы и р. Аургазы в направлении ж/д ст. Аксеново 2-5 апреля 1919 г. По своей природе данный фронтовой эпизод, ставший для военспеца заключительным в ранге бригадного командира[477], не был связан ни с крупными столкновениями, ни с кардинальным изменением обстановки в масштабе 5-й армии. Тем не менее он представляет очевидный исследовательский интерес, пре-

[475] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 129 об.

[476] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 129.

[477] Утратив статус командующего оперативной группой, Эйхе в первых числах апреля 1919 г. возвратился к непосредственному управлению вверенной ему 3-й бригадой 26-й стрелковой дивизии.

жде всего, как образец мастерской разработки и осуществления Эйхе рискованного решения на форсированную тактическую перегруппировку соединения на значительное расстояние (около 100-130 км) в кризисной ситуации.

Необходимость проведения марша диктовалась исключительным осложнением обстановки в полосе 5-й армии на заключительном фазисе контрудара на Уфу. Прорыв войск III Уральского горных стрелков корпуса на центральном участке ее оборонительной линии 31 марта – 2 апреля 1919 г. привел к рассечению оперативного построения армейских войск. Это обернулось тяжелыми последствиями для крайнего правофлангового соединения 5-й армии – 3-й бригады, возглавляемой Эйхе. Бригада оказалась в состоянии изоляции и утратила оперативное взаимодействие с соседними частями. В этой связи начальник штаба упомянутого корпуса Западной армии полковник Э.Я. Рютель 3 апреля 1919 г. совершенно верно обратил внимание на факт разделения соединений 5-й армии, оперировавших «…в районе Стерлитамакского тракта *(3-я бригада Эйхе. – Р.Б.)* и железной дороги *(Оренбургская, 1-я, 2-я бригады 26-й стрелковой дивизии. – Р.Б.)*»[478]. Организованный Эйхе отвод сил 3-й бригады к 1 апреля 1919 г. из Ляхово в район Бузовьязы и далее к линии р. Аургазы (20-25 км южнее Бузовьязы), таким образом, не обезопасил ее от угрозы окружения белыми.

В свете возникшего кризиса перед Эйхе вновь (как и в случае с прорывом из Ляхово) встает вопрос о целесообразности дальнейшего удержания бригадой занятого участка местности. В донесении командующему 5-й армией Блюмбергу, датированном 1 апреля 1919 г., Эйхе резонно указал, что реальной возможности остановить войска отдельной Западной армии на линии р. Аургазы у вверенных ему бригадных сил нет[479]. Протяженность занимаемого ими фронта, по сообщению комбрига-3, составляла 20 км при реальном боевом составе только в 1.000 штыков. Отметим, что столь низкая плотность боевой линии (50 штыков:1 км), скорее соответствовавшая показателю сторожевого охранения, не позволяла оказывать сколько-нибудь действенного сопротивления противнику.

Вспоминая об этих событиях, Эйхе позднее с сожалением отмечал, что «в создавшихся условиях удерживать участок … было бессмысленно. <…> В обстановке полной неизвестности … я решил вывести бригаду из пока еще только

[478] Цит. по: *Огородников Ф.Е.* Удар по Колчаку весной 1919 г. С. 124.
[479] РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 190. Л. 262.

оперативного "мешка"…»[480]. Так в интерпретации военачальника выглядит исходная граница рассматриваемого отступательного марша 3-й бригады.

Высказывания Эйхе заслуживают особого внимания. С первым его утверждением с некоторыми оговорками мы можем согласиться. Тактическая нецелесообразность закрепления разреженных бригадных сил на протяженной оборонительной линии, в особенности с оголенным левым флангом, очевидна. Отвод бригады мог быть оправдан и с точки зрения текущей обстановки, которая лишала смысла следование Эйхе своей основной на данный момент функции – прикрытия тракта Уфа – Стерлитамак. Открытое силами Западной армии Ханжина наступление на Стерлитамак с северо-запада, со стороны ж/д ст. Раевка, позволяло белым занять город в обход сил Эйхе, развернутых фронтом на север.

Менее однозначным представляется вопрос о принятии решения на отвод 3-й бригады, а именно – был ли он реализован комбригом по собственной, частной инициативе, либо явился производной от решения вышестоящего командования (дивизионного, армейского и т.д.). Традиционно данный шаг некритически приписывается исключительно Эйхе на основании высказанного им же утверждения[481]. Сложившаяся точка зрения между тем нуждается в уточнении. Как удалось установить из записи переговоров Каменева и Блюмберга 3 апреля 1919 г., отступление Эйхе было вполне определенно санкционировано формальным приказом командующего 5-й армией. Датированный 2 апреля 1919 г., приказ обязывал Эйхе вывести 3-ю бригаду в западном направлении, к ж/д ст. Аксеново, что в 90 км к юго-западу от Бузовьязы[482]. В этот же день в адрес Эйхе врид начальника 26-й стрелковой дивизии Гайлитом (заменил с 25 марта 1919 г. заболевшего Матиясевича) был направлен приказ № 690/о с аналогичными указаниями: «В связи с создавшейся обстановкой … грозящей полным оторванием *(так в тексте. – Р.Б.)* Третьей бригады от прочих частей … приказываю: комбригу 3 Тов[арищу] Эйхе немедленно сняться с занимаемой позиции и … без всякого промедления двигаться с бригадой в южном направлении с целью обхода врезавшегося в наш фронт дивизии *(так в тексте. – Р.Б.)* клином противни-

[480] *Эйхе Г.* Фланговый марш. С. 10.

[481] См., например: *Тарасов Е.П.* Краском Генрих Эйхе. С. 53.

[482] РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 190. Л. 280. Вывод 3-й бригады 26-й стрелковой дивизии из боя post factum был также санкционирован 4 апреля 1919 г. рядом директив командования Восточного фронта РСФСР (РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 48. Л. 13; *Огородников Ф.Е.* Удар по Колчаку весной 1919 г. С. 122).

ка»[483]. Таким образом, обнаруженные нами материалы позволяют опровергнуть упомянутое выше утверждение Эйхе («я решил вывести бригаду»). Его решение об организации отступательного марш-маневра 3-й бригады 26-й стрелковой дивизии следует признать в известной степени вторичным, несамостоятельным.

В то же время нельзя не заметить, что представления о задачах марша у Блюмберга и Эйхе, бесспорно, были различны. В представлении командующего 5-й армией отвод 3-й бригады был призван обеспечить ее прочное примыкание к центру (номинальному правому флангу) 26-й стрелковой дивизии, отброшенной на тот момент в район южнее Белебея. В результате его реализации ожидалось достижение задачи выравнивания, стабилизации дивизионной оборонительной линии. Взгляд Эйхе был иным. Обладая более полным пониманием обстановки в районе действий 3-й бригады, он видел в отступательном марше последнюю, вероятно, возможность сравнительно благополучно, без крупных боевых столкновений с белыми, вывести вверенные ему войска из намечающегося оперативного окружения[484]. Результатом эвакуации явилось бы сохранение бригады как тактической боевой единицы в приемлемом, боеспособном состоянии.

Руководствуясь этим принципиальным ориентиром, Эйхе был разработан детальный план вывода бригады в обозначенном Гайлитом направлении – на юг. Проложить маршрут движения бригадных сил непосредственно на запад, кратчайшим путем, что вытекало из приказа Блюмберга, было бы неоправданно рискованным шагом. По совершенно справедливому мнению Гайлита, которое разделял Эйхе, это грозило перспективой неизбежного встречного боя с превосходящими силами 4-й Уфимской стрелковой дивизии белых, наступавшими из района ст. Раевка в восточном и юго-восточном направлении, на Стерлитамак.

Совместное решение Эйхе и Гайлита об отводе бригады в южном направлении, отметим, таило в себе не меньшую опасность, поскольку в этом случае от Эйхе требовалось организовать движение войск вдоль фронта стремительно приближавшейся перпендикулярно 4-й Уфимской дивизии белых[485]. Избежать попадания под фланговый удар дивизии при этом красные могли только благодаря наивысшему форсированию темпа отступления. Исходя из этих соображений, Эйхе придавал решающее значение первым двум суткам марша, в течение

[483] РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 28. Л. 10.
[484] *Эйхе Г.* Фланговый марш. С. 10.
[485] Вследствие этого отступательный марш бригады первоначально приобретал качество флангового.

которых 3-й бригаде предстояло за счет высокоманевренных действий выйти из сферы потенциального поражения. В качестве границы таковой военачальник, судя по всему, наметил рубеж тракта Белебей – Стерлитамак. Только с пересечением тракта, по мысли комбрига-3, угроза флангового удара белых нивелировалась, и наступал заключительный фазис отступательного маневра: маршевые колонны бригады должны были резко изменить направление движения, переориентировавшись уже на запад (что вытекало из приказа Блюмберга Эйхе от 2 апреля 1919 г.) для окончания марша с выходом непосредственно в район ст. Аксеново. Как показали дальнейшие события, разработанный Эйхе рискованный, полный хитросплетений замысел отступательного марша всецело оправдал себя.

Говоря о тактике организации марша, необходимо обратить внимание на отказ Эйхе от сосредоточения войск 3-й бригады в одной колонне. Ее силы были распределены комбригом в рамках трех походных колонн, каждая из которых двигалась по отдельной грунтовой дороге. Подобная конфигурация, безусловно, усложняла управление войсками в ходе марша, но преимущества ее в данном случае превосходили недостатки. С одной стороны, существенно увеличивалась скорость движения войск и их маневренность, с другой – сводилась к минимуму угроза общего поражения 3-й бригады в случае развертывания атаки крупных сил белых. Концентрация бригадных войск в одной многокилометровой маршевой колонне в подобной ситуации, напротив, могла стать фатальной. Говоря о последнем, необходимо также учитывать, что крупные смешанные колонны войск, как показывал опыт Гражданской войны на востоке России, нередко могли растягиваться на марше вдвое и втрое нормативной глубины. Таким образом, принцип дробного членения походных колонн, проведенный комбригом Эйхе в жизнь, в сложившейся оперативной обстановке был едва ли единственным организационным решением, сулившим успех столь сложного маневра.

Удачной следует признать и маршевую модель отхода 3-й бригады, которую Эйхе построил на принципе взаимной оборонительной поддержки колонн. По замыслу военачальника, каждая колонна на марше должна была обеспечивать устойчивость соседней колонны. Так, усиленная группа 232-го полка следовала по наиболее близко расположенной к противнику северо-западной дороге, выполняя функцию боковой походной заставы бригады. Она была призвана прикрыть отступление основных бригадных сил в случае усиления активности 4-й

Уфимской дивизии. Южнее, параллельно маршруту 232-го полка, двигалась колонна 233-го полка. Наконец, по наиболее отдаленной дороге осуществляла отход штабная колонна (управление бригады, 234-й полк, маломобильные подразделения – артиллерия, обозы)[486]. В интересах синхронизации действий колонн Эйхе был детально обозначен путь их следования и время прохождения каждой из них контрольных точек: «…Указывался точный час выступления, место, время и продолжительность большого привала и наконец пункты ночлега»[487]. В целом рассмотренный нами план реализации марш-маневра явился, вероятно, одним из наиболее скрупулезно и всесторонне подготовленных «красным латышом» Эйхе оперативных решений в период его службы в 26-й дивизии.

Тем не менее вопреки усилиям командира 3-й бригады замысел марша был по недоразумению нарушен в первые же сутки его воплощения. Произошедший в этом отношении курьезный случай, казус мы считаем правильным рассмотреть особо, как проливающий свет на особенности реализации военачальником Эйхе дисциплинарной составляющей своей военно-управленческой деятельности.

Завершив реализацию задач первого дня марша, штабная колонна во главе с Эйхе в ночь на 3 апреля 1919 г. остановилась на ночлег в с. Толбазы (30 км к югу от Бузовьязы). Около 02.00 ч. в пределы села неожиданно вступила в полном составе колонна 232-го полка, которая в это время должна была закрепиться в одном из населенных пунктов в 8-10 км от места ночлега штабной колонны[488]. Со слов полкового командира Пунги Эйхе установил, что полк, завершив дневной переход, вечером 2 апреля 1919 г. вышел к указанному ему для ночлега пункту. Высланные к окраине селения конные разведчики между тем донесли об обнаружении здесь группы военнослужащих, которая по визуальным характеристикам была ошибочно отнесена к силам противника. В результате, как отмечал впоследствии Эйхе, «не приняв мер к выяснению, кем деревня фактически занята, командир полка свернул с указанного ему пути»[489].

---

[486] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 130.

[487] *Эйхе Г.* Тактические поучения гражданской войны. С. 63.

[488] По свидетельству Эйхе, это было с. Антоновка (*Эйхе Г.* Фланговый марш. С. 11). Однако населенный пункт с подобным либо топонимически близким названием в пределах 30-км (по окружности) от Толбазы не удалось идентифицировать на картах 1:1000000 и 1:500000 Уфимской губернии (1912 г.), Урала (1913 г.), а также на картах аналогичных масштабов 1920-1990 гг. Судя по всему, Эйхе допустил досадную ошибку с названием населенного пункта.

[489] *Эйхе Г.* Тактические поучения гражданской войны. С. 167-168.

В сущности, речь шла о грубом неисполнении 232-м стрелковым полком указаний бригадного командования. Отметим, что одно из требований решения на марш заключалось в обязательном занятии селений, лежащих в полосе движения каждой из колонн вне зависимости от наличия в них сил противника. Уклонение от боя с ними было недопустимо. Изначально задавая подобную установку, Эйхе понимал, что в районе Толбазы могут присутствовать только крайне мелкие подразделения белых, например, маневренные казачьи разъезды.

Оставить без внимания данный эпизод, лежащий за пределами норм воинской дисциплины, Эйхе естественным образом не мог. Вместе с тем для него, по-видимому, было важно не просто наложить меры дисциплинарного воздействия (которые могли быть восприняты как несправедливый акт), но наглядно продемонстрировать командиру полка действительную ошибочность предпринятого им шага. По решению комбрига к населенному пункту, в котором была обнаружена группа вооруженных лиц, направился конный отряд во главе с командиром эскадрона 3-й бригады Лапташевским. Отправляя отряд на задание, Эйхе твердо обозначил его задачу: «Я посылаю Вас разведать, занята ли Антоновка потому, что считаю, что белых в ней нет и не было! И об этом Вы завтра перед выступлением бригады сами скажете перед фронтом 232 полка»[490].

Предположения комбрига подтвердились. Вступив без противодействия в пределы селения, отряд не выявил здесь каких-либо следов присутствия белых, но обнаружил в нем заблудившихся красноармейцев из тыловых подразделений 3-й бригады, которые ранее и были идентифицированы как силы противника[491]. Обнаруженных солдат разведчики представили Эйхе, вернувшись к рассвету 3 апреля 1919 г. в Толбазы. После выяснения всех обстоятельств комбриг-3 объявил о произошедшем казусе на утреннем построении. Таким образом, сомнений в правомерности служебного взыскания, которое было наложено им на ряд представителей командного состава 232-го полка, включая его командира Пунгу, явно не оставалось. Как видно из рассмотренного эпизода, Эйхе в рамках реализации дисциплинарной составляющей своих властных полномочий не принадлежал к числу слепых приверженцев дисциплины, но, очевидно, ставил во главу угла принцип обоснованности и справедливости наказания, а также его по-

[490] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 134 об.
[491] *Эйхе Г.* Фланговый марш. С. 12.

учительности для наказуемого субъекта («воспитательный» эффект).

Произошедший с 232-м стрелковым полком случай, к счастью, ни в коей мере не помешал комбригу-3 Эйхе воплотить в жизнь замысел отступательного марша бригады от линии р. Аургазы на ст. Аксеново. Несмотря на перечисленные нами ранее трудности, рискованно задуманный военачальником маневр соединения увенчался успехом. 5 апреля 1919 г. войска 3-й бригады вышли к правому флангу 5-й армии, к д. Кунаккулово[492] на р. Базлык (24 км юго-западнее ст. Аксеново)[493]. На следующий день они были выведены в резерв армии, в район д. Михайловка, для кратковременного отдыха и приведения в порядок[494].

Организовав размещение 3-й бригады в Михайловке[495] и сдав дела ее новому командиру И.Н. Гаврилову, Эйхе направился в расположение штаба дивизии, на ж/д ст. Подбельская. На тот момент биографируемый уже был в курсе принятого по предложению Путны[496] (военного комиссара дивизии) кадрового решения РВС 5-й армии от 25 марта 1919 г. о назначении его, Эйхе, начальником 26-й стрелковой дивизии на постоянной основе[497]. Акт передачи соответствующих полномочий от врид начдива-26 Гайлита к Эйхе и состоялся на ст. Подбельская 16 апреля 1919 г. Более детально обстоятельства, сопутствовавшие выдвижению военного специалиста Эйхе в должность руководителя регулярной дивизионной структуры, будут рассмотрены нами в следующем разделе.

В контексте бригадного этапа военно-управленческой деятельности Эйхе несколько слов необходимо сказать о его близких боевых соратниках. В их числе особо выделим Будыхо (начальник штаба 3-й бригады), Пунгу (командир 232-го стрелкового полка), Рахманова (командир 233-го полка до 30 ноября 1918 г., 234-го полка с 14 февраля 1919 г.), Дереша (командир 3-й Смоленской легкой батареи), Лапташевского (командир бригадного кавалерийского эскадрона), Васильева (командир пулеметной команды 232-го полка) и др. специалистов.

Для указанных красных командиров молодой комбриг-3 выступил в роли

---

[492] Ныне – с. Кунакулово, Бижбулякский р-н Республики Башкортостан.

[493] РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 190. Л. 291.

[494] РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 28. Л. 29 об.

[495] Ныне – с. Михайловка, Бижбулякский р-н Республики Башкортостан.

[496] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 126.

[497] Судя по всему, действующий командарм-5 Блюмберг к этому времени изменил свое отношение к инициативе Эйхе относительно прекращения отвода войск 26-й стрелковой дивизии, хотя изначально, как было указано выше, поддержал идею предания комбрига суду военного трибунала за «саботаж».

не только боевого товарища, но и требовательного наставника, который дал им своеобразную «путевку» в будущее. Вместе с Эйхе они в известной степени приобретали опыт организации планирования и боевого применения частей и подразделений. Стремясь расширить тактический инструментарий работы лиц командного состава 3-й бригады, сформировать у них представление о категориях штабной культуры, комбриг взял за правило проведение, преимущественно по горячим следам, критического разбора действий вверенных им сил. Соответствующие мероприятия Эйхе неизменно представлял как форму обобщения опыта вождения войск (своего и подчиненных) в специфических условиях Гражданской войны на востоке России. Таким образом, зародившаяся в Гжатске практика проведения Эйхе полковых командирских занятий нашла свое содержательное продолжение на более высоком уровне регулярной бригадной структуры.

Тактическая «школа» Эйхе не прошла для молодых командиров 3-й бригады 26-й стрелковой дивизии даром. Дальнейшая служебная деятельность многих из них, как удалось установить, в целом развивалась достаточно успешно, несмотря на то, что жизненный путь их, как правило, был глубоко трагичен. Так, один из бывших ближайших помощников Эйхе, краском Будыхо, к началу 1940-х гг. был уже генерал-майором РККА и командиром 171-й стрелковой дивизии, но, будучи плененным в 1941 г., стал на тропу сотрудничества с Русской освободительной армией. Спустя девять лет он был расстрелян по приговору советского суда. Аналогичная участь в эпоху «большого террора» постигла полковника Пунгу, стоявшего в 1931-1937 гг. во главе разведки Белорусского и Московского военных округов. На исходе 1930-х гг. по сфабрикованным делам были расстреляны также другие боевые товарищи Эйхе – Рахманов (1937 г.) и Васильев (1938 г.). Наиболее благополучно сложилась судьба бывшего командира бригадной батареи Дереша, в годы Великой Отечественной войны ставшего генерал-лейтенантом артиллерии и кавалером орденов Ленина и Суворова II ст.

С большей частью упомянутых выше командиров Эйхе продолжил тесное общение и в новом служебном статусе начальника 26-й стрелковой дивизии, и в период после Гражданской войны, в том числе в рамках земляческих групп, существовавших до 1935 г. при Центральном музее Красной Армии в Москве.

§ 2. Управленческая работа Г.Х. Эйхе в ранге начальника дивизии

С приходом Эйхе на пост начальника 26-й стрелковой дивизии связывались перспективы крупных положительных изменений в масштабе соединения. Прежде всего, подобной оценки придерживался новый командующий войсками 5-й армии М.Н. Тухачевский[498], сменивший в этой должности 5 апреля 1919 г. Ж.К. Блюмберга[499]. Столь значительные ожидания по определению накладывали особый отпечаток на деятельность Эйхе, который в первые недели пребывания в качестве начдива-26, бесспорно, испытывал сильное психологическое напряжение. Преодолеть груз ответственности военачальнику удалось во многом благодаря теплой поддержке супруги Марии Александровны Эйхе. По меньшей мере, с конца марта 1919 г.[500] она находилась рядом с Эйхе, пережив вместе с ним и перипетии контрудара на Уфу, и отступательный марш 3-й бригады.

Как известно, Тухачевский являлся убежденным сторонником идеи продвижения на ответственные армейские посты молодого командного состава из числа членов РКП(б) для замещения должностей, занимаемых кадровыми военспецами. Свои взгляды командарм изложил в специальном докладе, основное содержание которого мы можем свести к трем тезисам: «…Подготовленный командный состав … имеется лишь среди молодого офицерства»; «нужно … бросить лозунг о переходе к коммунистическому командному составу…»; «неспособные военспецы … должны отстраняться. Их места занимают молодые и способные революционные начальники»[501]. В свете указанных формулировок выдвижение Эйхе в ранг дивизионного начальника вместо военспеца, бывшего полковника Русской армии М.С. Матиясевича, проявившего себя весной 1919 г. не лучшим образом, представляется логичным актом. Ровесник командующего, 25-летний латыш-интеллектуал, бесспорно, наилучшим образом вписывался в обозначенную Тухачевским концепцию – с одной стороны как опытный, но не связанный продолжительной службой имперскому режиму военачальник, с другой стороны, как верный, испытанный член партии большевиков с 1917 г.

---

[498] *Тухачевский Михаил Николаевич* (1893-1937). Командующий 5-й армией Восточного фронта (5 апреля – 25 ноября 1919 г.). Один из ключевых покровителей Эйхе в течение 1919 г.

[499] РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 28. Л. 29.

[500] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 125.

[501] Цит. по: *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения. Т. 1. С. 28, 30.

В то же время следует обратить внимание, что дело назначения Эйхе начальником 26-й дивизии первоначально все же не было связано с Тухачевским. Несмотря на то, что Эйхе вступил в указанную должность 16 апреля 1919 г. (то есть уже в период пребывания Тухачевского на посту командарма-5), инициированное военным комиссаром дивизии Путной постановление РВС 5-й армии о его назначении взамен Матиясевича, который «нервно заболел», вышло еще при Блюмберге, 25 марта 1919 г.[502] Однако с приходом нового командующего и ротацией РВС 5-й армии перспективы повышения Эйхе, еще не принявшего тогда дел в должности начдива-26[503], во многом стали неопределенными. Последнее слово в данном случае и осталось именно за Тухачевским. Не будучи на тот момент еще близко и всесторонне знакомым с молодым Эйхе, он выразил ему тем не менее решительное доверие и подтвердил назначение бывшего комбрига начальником ключевого соединения армии – 26-й стрелковой дивизии.

Отметим, однако, следующий небезынтересный момент. Вопреки распространенной точке зрения дивизионным начальником во всей полноте данного статуса Эйхе на первых порах не был[504]. С момента вступления в должность 16 апреля и вплоть до 28 апреля 1919 г. он упоминается в оперативных документах лишь как «временно командующий» дивизией. Только 29 апреля 1919 г. датируется первый приказ войскам дивизии (№ 29/о), в котором Эйхе был официально обозначен как ее начальник[505]. Таким образом, несмотря на безусловное доверие, оказанное перспективному военачальнику, командующий 5-й армией Тухачевский, по-видимому, не исключал сценария, при котором могла потребо-

---

[502] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 126. Со своей стороны добавим, что принятие решения о снятии Матиясевича с поста начальника 26-й стрелковой дивизии следует связывать с телеграммой № 850, направленной Председателем РВС РСФСР Л.Д. Троцким в этот же день (25 марта 1919 г.) в адрес РВС 5-й армии. В документе, помимо прочего, указывалось: «Несмотря на строжайший приказ, Уфимский мост остался не взорванным. Полки армии продолжают бессмысленно постыдно отступать. Предлагаю установить виновников сохранения Уфимского моста, предать их суровой каре. <…> О всех смещенных … командирах … прошу сообщить» (IISH. International Left Opposition Archives. L.D. Trockij (collection of documents). Inv. No. 800). Учитывая, что упомянутый мост, имевший стратегическое значение, находился в полосе ответственности 26-й стрелковой дивизии и его уничтожение, безусловно, должны были перед уходом из Уфы осуществить (с целью воспрепятствования переправе белых) подчиненные Матиясевича, Троцкий недвусмысленно указывал на необходимость применения дисциплинарных мер по отношению к руководству дивизии, что и было сделано.

[503] В это время Эйхе в качестве врид начдива-26 замещал командир 1-й бригады Я.П. Гайлит.

[504] См., например: *Čehlovs A.* Armijas komandiera liktenis. Lp. 18; *Дашков С.* О командарме Пятой. С. 152; Челябинская область: энциклопедия / Гл. ред. *К.Н. Бочкарев.* Т. 7. Челябинск, 2006. С. 466.

[505] РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 28. Л. 89-90.

ваться замена Эйхе, например, в случае обнаружения его неподготовленности к командной работе в дивизионном звене. В данном ключе кратковременный период пребывания Эйхе в положении «временно командующего» дивизией (16-28 апреля 1919 г.), определенно, имел значение «испытательного срока», который и был призван показать степень его компетентности на новом уровне, меру соответствия его личности масштабу работы в дивизионном звене.

Вновь обретенный служебный статус явился основательной проверкой сил, способностей и военно-организаторских навыков Эйхе. 26-ю стрелковую дивизию он возглавил в чрезвычайно сложное время. Под давлением войск III Уральского горных стрелков корпуса отдельной Западной армии, развивавших наступление на Самару, к переправам в среднем течении р. Волги, расстроенные силы дивизии в середине апреля 1919 г. продолжали беспорядочно откатываться на запад, вдоль линии ж/д Самара – Бугуруслан. Средняя суточная величина их отступательных маршей достигала тогда 12-15 км[506]. Многодневные безуспешные бои и безостановочный отход крайне усугубили морально-психологическое состояние личного состава соединения, свели на нет проведение целенаправленной военно-учебной и политической работы в его рядах, ослабили дисциплину[507]. Оценивая положение дивизионного коллектива в этот критический период, Эйхе вспоминал: «Люди были сильно утомлены. Части потеряли более половины командного состава. Были полки, насчитывавшие не более 300-400 человек. Из них половина не имела шинелей и обуви, на ногах солдат были лапти»[508].

Мера ответственности за состояние дел в дивизии требовала от молодого начдива принятия безотлагательных решений, направленных на восстановление боеспособности ее частей и придание им боевой устойчивости. В первую очередь необходимо было внести перелом в настрой лиц командного состава дивизии, многие из которых не были склонны к проведению твердой линии дисциплины среди красноармейцев. Адресованное им «внушение» содержится в одном из первых приказов Эйхе в новой должности (№ 19/о от 17 апреля 1919 г.). Некоторые его формулировки мы позволим себе привести почти дословно:

---

[506] *Шведов И.С.* Разгром 5-й армии. С. 53.

[507] По сообщению командующего Восточным фронтом С.С. Каменева в адрес Главнокомандующего всеми вооруженными силами РСФСР И.И. Вацетиса, отправленному не позднее 6 апреля 1919 г., «…дивизия настолько расстроена, что она нуждается в отводе в тыл» (Цит. по: Директивы Главного командования Красной Армии (1917-1920): Сб. док. С. 551).

[508] *Эйхе Г.* Фланговый марш. С. 13.

«За последние дни в частях вверенной мне дивизии имели место случаи, когда отдельные роты и даже целые полки самовольно оставляли занимаемые ими позиции не под давлением противника, а по причинам … не могущим служить оправданием для таких самочинных действий. <…>

Командиры полков и комбриги в таких случаях ограниваются только тем, что доносят о произошедшем, не принимая достаточно энергичных мер для пресечения подобного рода явлений.

Считаю подобные явления и такое отношение ответственных лиц командного состава … недопустимыми. Требую от всех командиров принятия исключительных мер к недопущению подобного рода явлений и пресечения в корне таких преступных действий вплоть до применения силы оружия. Предупреждаю, что в случае самовольного оставления позиций, я буду беспощадно расправляться со всеми виновниками и ответственными лицами командного состава, не принявшими соответствующих мер и тем способствующими еще большему осложнению и ухудшению положения нашей дивизии»[509].

Не ограничиваясь письменным предупреждением, Эйхе предпринял ряд инспекционных поездок в наименее устойчивые части и подразделения, в том числе из состава 2-й бригады. В целом же критическая обстановка требовала от Эйхе принятия самых радикальных мер. Не случайно с этого момента в ряде сводок, отражающих состояние личного состава 26-й стрелковой дивизии, начинает упоминаться некий «заградительный» отряд дивизионного подчинения[510]. Очевидно, что на него начдивом-26 были возложены экстраординарные, чрезвычайные функции борьбы с распространением дезертирства и паники в войсках.

Спустя короткое время инициированные Эйхе мероприятия (оперативные, организационные, дисциплинарные и т.д.) привели к стабилизации состояния дивизии. К 23 апреля 1919 г. ее силы в основном прекратили отступление и закрепились на рубеже с. Ишуткино[511], д. Мочалеевка, с. Малый Толкай, с. Лозовка (все пункты в 45-60 км к западу от Бугуруслана), стойко сдерживая наступательные действия белых[512]. Боеспособность вверенной Эйхе дивизии на тот момент существенно возросла благодаря усилению ее состава маршевыми

[509] РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 28. Л. 34.
[510] См., например: ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 443. Л. 24.
[511] Ныне – с. Мордово-Ишуткино, Исаклинский р-н Самарской области.
[512] *Боголюбов А.Н.* Разгром Колчака (Оперативно-стратегический очерк). С. 57.

пополнениями из центральной России. Как свидетельствовал военный комиссар дивизии Н.К. Гончаров[513], «подъему настроения ... содействовало прибытие хороших пополнений из Москвы. Например, 20 апреля прибыли отряд коммунистов и Интернациональная рота … и тут же выступили на позиции…»[514]. Продолжалось и возвращение в дивизию кадровых красноармейцев, ранее выбывших из строя вследствие ранений. За счет этого, в частности, был усилен 233-й стрелковый полк 3-й бригады, почти не получивший весной свежих пополнений[515].

В целом к 25 апреля 1919 г. боевой состав 26-й стрелковой дивизии удалось увеличить до 3.912 штыков и 97 сабель при 2 бронепоездах, 12 орудиях, 94 пулеметах[516]. Помимо этого, управлению дивизии в оперативном отношении была подчинена еще с 18 марта 1919 г.1-я бригада (командир – К.А. Нейман[517]) 27-й стрелковой дивизии[518]. Численность ее (с внештатным Сергиевским полком) составила 1.379 штыков и 34 пулемета[519]. Таким образом, в распоряжении Эйхе к исходу месяца состояла многочисленная, сложно организованная группа войск, включавшая четыре бригады (тринадцать полков) силой в 5.291 штыков и 128 пулеметов при ранее указанном числе сабель, бронепоездов и артиллерии.

Восстановление боевого потенциала дивизии Эйхе по времени совпало с началом важнейшей стратегической операции РККА периода Гражданской войны на востоке России, вошедшей в ее историю как контрнаступление Южной группы армий[520] Восточного фронта РСФСР (апрель-июнь 1919 г.). Опыт личного участия в данной операции представляет одну из наиболее масштабных и

---

[513] *Гончаров Николай Кузьмич* (1886-1970). Член РСДРП с 1904 г. Военный комиссар 26-й стрелковой дивизии (6 апреля – 8 октября 1919 г.). Наряду с Эйхе пребывал в числе членов Военного совета Дальневосточной республики (26 марта – 23 мая 1920 г.), далее – помощник по политической части Главкома Дальневосточной республики (23 мая – 4 июля 1920 г.). Добрый товарищ Эйхе.

[514] *Гончаров Н.К.* На разгром Колчака // Москвичи на фронтах гражданской войны. Воспоминания / Под общ. ред. *Г.Д. Костомарова.* М., 1960. С. 247-248.

[515] *Вавржeнкевич.* От Свияжска до Тобола (из истории 233-го полка). С. 97.

[516] Подсчитано по: РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 143. Л. 2.

[517] *Нейман Константин Августович* (1897-1937). Латыш. Командир 1-й бригады 27-й стрелковой дивизии (ранее – 1-й отряд Левобережной группы) 5-й армии (22 августа 1918 г. – 20 сентября 1919 г.). Начальник 35-й стрелковой дивизии 5-й армии (28 сентября 1919 г. – 13 июля 1920 г., 29 августа 1920 г. – 19 августа 1921 г.). Добрый товарищ и доверенное лицо Эйхе в 1919-1920 гг.

[518] Исторический очерк 27 Омской стрелковой дивизии РККА. М.-Пг., 1923. С. 49.

[519] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 143. Л. 2.

[520] Южная группа армий под командованием М.В. Фрунзе объединила 1-ю, 4-ю, 5-ю, Туркестанскую армии. Была образована в составе Восточного фронта 10 апреля 1919 г. с целью нанесения решительного поражения Западной армии генерала М.В. Ханжина, вплотную приблизившейся к Самаре и стратегическим волжским переправам. Ключевую роль в действиях группы играла 5-я армия.

ярких вех в карьере Эйхе и вместе с тем – исходную границу его полководческой деятельности в новой функциональной роли дивизионного начальника.

Значение контрнаступления Южной группы в контексте противостояния РСФСР и режима адмирала А.В. Колчака общеизвестно. Различие состоит, вероятно, только в интерпретации итогов операции: от умеренной (красные окончательно вырвали наступательную инициативу из рук противника в восточной части страны)[521] до неоднозначной (контрнаступление положило начало «разложению» армии Колчака, обеспечило полный разгром «колчаковщины»)[522].

По аналогии с рядом иных крупных кампаний периода Гражданской войны, события контрнаступления Южной группы подверглись в советский период исторической мифологизации, причем не меньшей, чем «классические» эпизоды обороны Царицына в 1919 г. или штурма Перекопа в 1920 г. Мифологизированный образ предельно конкретных событий апреля-июня 1919 г. во многом опирался на феномен персональной мифологизации и героизации некоторых красных военачальников. В их числе необходимо назвать командующего группой М.В. Фрунзе[523] и начальника входившей в ее состав 25-й стрелковой дивизии В.И. Чапаева[524]. Стратегический успех контрнаступления было принято и связывать, и всецело ассоциировать с их именами. Квинтэссенцией подобного подхода явился тезис советского военного теоретика А.Н. Боголюбова: «Успех … операции объясняется тем, что операцию разработал и блестяще провел пролетарский полководец Михаил Васильевич Фрунзе… Ближайшими помощниками в выполнении этой операции у тов[арища] Фрунзе были народный герой Василий Иванович Чапаев и большевистский комиссар Дм. Фурманов»[525]. За-

---

[521] Гражданская война. 1918-1921 / Под общ. ред. *А.С. Бубнова, С.С. Каменева, М.Н. Тухачевского, Р.П. Эйдемана.* Т. 3. Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной Армии. М.-Л., 1930. С. 195; *Н.Г.* Оперативная история 5-й армии (историческая справка) // Красная Армия на Востоке: печатный орган РВС 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа (Иркутск). 1922. № 7. С. 13.

[522] *Ганеев Р.Г.* Контрнаступление войск Южной группы Восточного фронта и освобождение Уфы от колчаковцев // Вопросы истории Башкирии. Вып. 2 (Советский период) / Под ред. *Г.Х. Ахмадиева.* Уфа, 1972. С. 14; *Зайончковский А.М.* Восточный фронт. Контрманевр Южной группы. С. 4; *Новицкий Ф.Ф.* Контрудар по Колчаку (1919 г.) // Военно-исторический журнал. 1940. № 10. С. 30.

[523] *Фрунзе Михаил Васильевич* (1885-1925). Член РСДРП с 1904 г. Командующий Южной группой армий Восточного фронта (5 марта 1919 г. – 19 июля 1919 г.), по совместительству – командующий Туркестанской армией данной группы (24 мая – 15 июня 1919 г.).

[524] *Чапаев Василий Иванович* (1887-1919). Член РСДРП с 1917 г. Начальник 25-й стрелковой дивизии 5-й армии (9 апреля – 5 сентября 1919 г.).

[525] *Боголюбов А.Н.* Разгром Колчака (Оперативно-стратегический очерк). С. 101.

креплению в массовом сознании подобного видения исторических событий не в последнюю очередь способствовали усилия творческих элит, под влиянием которых по сей день остается и определенная часть научного сообщества[526].

В сложившейся уже к началу 1930-х гг. мифологизированной картине естественным образом не оставалось места иным командирам, внесшим наряду с указанными лицами решающий вклад в дело поражения белых в ходе контрнаступления. В первую очередь речь идет о начдиве Эйхе, под командованием которого 26-я стрелковая дивизия в апреле-июне 1919 г. достигла крупных оперативно-тактических успехов в ходе боев за Бугуруслан, Бугульму, а также на рубеже р. Белой в районе Бирска. Эти успехи, с наибольшей полнотой показавшие зрелость Эйхе как военачальника, явились неотъемлемой составляющей стратегического результата контрнаступления, но оценки и признания не получили.

Функция войск Эйхе на раннем этапе контрнаступления заключалась в овладении районом Бугуруслана. Исходя из оперативного замысла командующего Южной группой Фрунзе, 26-я стрелковая дивизия в составе ударной группы войск правого крыла 5-й армии должна была «…28 апреля … атаковать противника с фронта … дабы, разбив его, отбросить к северу *(от Бугуруслана. – Р.Б.)*»[527]. В уточненном виде задача дивизии нашла отражение в директиве командарма-5 Тухачевского № 1/н от 25 апреля 1919 г. Ее силам предписывалось «…активно обороняясь левым флангом… *(в районе с. Сергиевск. – Р.Б.)*», перейти «…правым флангом … 28 апреля в решительное наступление *(на Бугуруслан. – Р.Б.)* с целью отбросить противника в северо-восточном направлении»[528].

Реализация указанной боевой задачи представляла для Эйхе известную сложность. Как видно из приказа № 1/н, развернуть боевую активность дивизии ему, в сущности, предстояло на двух расходящихся оперативных направлениях – на Бугуруслан (правофланговая 3-я бригада) и на Сергиевск (левофланговые 1-я бригада, 1-я бригада 27-й дивизии), при одновременном выводе наиболее сильной 2-й бригады (1.727 штыков) в резерв Тухачевского[529]. Безусловно, в рамках контрнаступления первичная приоритетная задача Эйхе, как отмечалось ра-

[526] В этом плане роман Д.А. Фурманова «Чапаев», художественные фильмы «Чапаев» (1934 г.), «Гроза над Белой» (1968 г.) явились лишь некоторыми, наиболее известными производными этих усилий.
[527] Цит. по: Из истории гражданской войны в СССР: Сб. док. и мат. / Ред. кол.: *Г.А. Белов* и др. Т. 2 (март 1919 г. – февраль 1920 г.). М., 1961. С. 168.
[528] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 143. Л. 2.
[529] *Болтин Е.А.* Контрнаступление Южной группы Восточного фронта и разгром Колчака. С. 70-71.

нее, состояла в овладении районом Бугуруслана. Тем не менее наибольшая угроза устойчивости руководимой им дивизии исходила на тот момент с второстепенного, сергиевского направления. 26 апреля 1919 г., на следующий день после получения Эйхе приказа № 1/н, крупные силы оперировавшей в этом районе 4-й Уфимской стрелковой дивизии II Уфимского корпуса белых осуществили захват Сергиевска (86 км к северо-востоку от Бугуруслана). В последующие дни, охватывая левый фланг 26-й стрелковой дивизии, они предприняли стремительное наступление на юг, к ж/д ст. Кротовка, где размещался штаб 5-й армии.

Принимая во внимание спектр негативных последствий дальнейшего распространения противника к югу от Сергиевска, Эйхе решает взять в свои руки ответственное управление войсками на кризисном участке фронта. В период между 26 и 29 апреля 1919 г. он покинул дивизионный штаб (ж/д ст. Толкай) и прибыл в расположение развернутых на сергиевском направлении левофланговых бригад. Здесь Эйхе деятельно включился в их оперативную работу, проявив качества незаурядного пехотного «вождя». В то же время непосредственное руководство наступлением на Бугуруслан начдив-26 поручил командиру 3-й бригады И.Н. Гаврилову[530]. Это был один из немногих известных нам случаев, когда Эйхе уже в ранге начальника дивизии осознанно отказался от личного контроля над применением войск, задействованных в атаке на главном направлении.

Следует признать, что у Эйхе были веские основания доверить Гаврилову командование группировкой дивизии на направлении главного удара. Обнаруженные нами документы свидетельствуют, что 31-летний комбриг обладал богатым служебным и жизненным опытом. Призванный в армию рядовым еще в 1909 г., он все четыре года мировой войны провел на фронте. Дважды был ранен, три раза контужен, за храбрость удостоился производства в офицерский чин. В рядах РККА Гаврилову к весне 1919 г. уже довелось получить практику руководства стрелковым полком и пехотной дивизией[531]. Столь многоопытный командир в то время был редкостью для коллектива 26-й стрелковой дивизии.

---

[530] *Гаврилов Иван Никифорович* (1887-1941). Член РКП(б) с 1918 г. Окончил сельское училище. На военной службе с 1909 г. В I мировую войну служил в составе 168-го Миргородского, 312-го Васильковского пехотных полков. Командир отдельной пулеметной роты 52-й запасной пехотной бригады. На 1917 г. – штабс-капитан. В РККА – с 1918 г. Командир 3-го Николаевского полка. Начальник Вольской пехотной дивизии (7 сентября – 27 ноября 1918 г., позднее – в отпуске). Командир 3-й бригады 26-й стрелковой дивизии 5-й армии (апрель – июль 1919 г.).

[531] ГАВО. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 112. Л. 88-88 об.

Наступательными действиями 3-й бригады в направлении Бугуруслана Гаврилов до определенного времени действительно руководил успешно. В ходе ряда боевых столкновений с войсками 7-й Уральской горных стрелков дивизии 28-30 апреля красные заняли не менее шести населенных пунктов, в том числе ж/д ст. Похвистнево, д. Петровка[532], д. Чекалинский[533]. Но на этапе выдвижения бригады непосредственно на подступы к Бугуруслану Гаврилов допустил крупную тактическую ошибку. Приняв решение сходу форсировать р. Большой Кинель, что было условием развертывания атаки на Бугуруслан, комбриг не провел рекогносцировку и разведку противоположного берега. В конечном итоге силы 234-го стрелкового полка, начавшие переправу вслепую утром 1 мая 1919 г., подверглись перекрестному огневому обстрелу белых. Полк понес крупные потери и был отброшен на исходный рубеж[534]. Попытка Гаврилова вновь форсировать реку в ночь на 2 мая 1919 г. также завершилась неудачей[535], после чего он вынужден был доложить о возникшем кризисе Эйхе и запросить помощи.

Реакция Эйхе, продолжавшего на тот момент работу в левофланговых частях, последовала незамедлительно. При посредничестве начальника штаба дивизии Ф.В. Егорова[536] он передает командиру 3-й бригады категорическое требование остановить форсирование реки до новых указаний. Соответствующие указания и распоряжения Эйхе решил сообщить Гаврилову лично. Не успев, таким образом, завершить планирование наступления на Сергиевск, начдив в срочном порядке выехал на противоположный правый фланг, в район Бугуруслана.

Волевое решение Эйхе о переносе центра тяжести личных усилий в полосу 3-й бригады Гаврилова на первый взгляд представляется шагом излишне поспешным, учитывая, что обстановка на левом фланге к 2 мая 1919 г. еще оставалась угрожающей. Однако исследование показало, что решение начдива-26 все же обладало качеством обдуманного, прагматичного акта, так как, по-видимому, основывалось на боевом прогнозе, который был дан Эйхе в отношении дальнейшего развития ситуации на сергиевском направлении. Этот в целом положи-

---

[532] Ныне д. Петровка не существует и на картах не идентифицируется. Находилась в р-не восточнее с. Ахрат, Похвистневский р-н Самарской области.

[533] Ныне – пос. Чекалинка, Похвистневский р-н Самарской области.

[534] *Альтов В.Г.* Бугуруслан: ист.-краев. очерк. Челябинск, 1990. С. 77-78.

[535] *Тарасов Е.П.* Красном Генрих Эйхе. С. 60.

[536] *Егоров Федор Васильевич* (? – не ранее 1919). Начальник штаба 26-й стрелковой дивизии 5-й армии (1 января – 20 августа 1919 г.).

тельный прогноз, отметим, подтвердился в течение считанных дней, свидетельством чего явилось успешное занятие Сергиевска уже 5 мая 1919 г. войсками приданной Эйхе 1-й бригады 27-й дивизии. Таким образом, отъезд Эйхе в расположение переживавшей кризис 3-й бригады, видимо, не был связан с наличием у него некой внутренней дилеммы относительно выбора точки (Бугуруслан versus Сергиевск) приложения собственных управленческих усилий. Способность к предвидению, одно из фундаментальных качеств армейского командира, естественным образом обусловила выбор Эйхе наиболее целесообразного решения.

Присутствие начальника дивизии в районе Бугуруслана, отметим, было продиктовано потребностью не только дать личные указания испытывавшему затруднения Гаврилову, но и выяснить реальный боевой потенциал 3-й бригады после неудачной переправы, а также определить на месте план ее дальнейших действий. В войска бригады Эйхе прибыл 2 мая 1919 г. После краткой разъяснительной беседы с Гавриловым начдив-26 совместно с военным комиссаром дивизии Гончаровым и группой специалистов бригады провел рекогносцировку берега р. Большой Кинель и лично наметил броды для предстоящей переправы.

В этот же день непосредственными усилиями Эйхе, Гаврилова и работников штаба 26-й стрелковой дивизии был разработан план локальной операции по форсированию реки и взятию Бугуруслана. В его основу легло примечательное тактическое решение начальника дивизии. С целью минимизировать потери Эйхе отказался от фронтального наступления на город в пользу идеи его глубокого флангового обхода одновременно с юго-запада (1-я бригада Я.П. Гайлита) и юго-востока (3-я бригада Гаврилова)[537]. Успех обходного маневра позволял рассчитывать на двусторонний охват соответственно правого и левого флангов бугурусланской группировки белых (части 6-й и 7-й Уральских дивизий) с последующим выходом в ее тыловую полосу. Таким образом, в перспективе могла быть обеспечена задача не только взятия Бугуруслана (при наименьшем сопротивлении со стороны противника), но и нанесения общего поражения войсковой группировке белых, действовавшей на подступах к городу. Из имеющейся в нашем распоряжении записи переговоров помощника командующего Южной группой армий Ф.Ф. Новицкого и Тухачевского от 3 мая 1919 г. можно сделать косвенный вывод, что замысел Эйхе о консолидации 1-й и 3-й бригад для удара

[537] РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 28. Л. 101.

в направлении на Бугуруслан в указанном выше порядке был одобрен командармом-5 либо, по меньшей мере, не встретил с его стороны противодействия[538].

События последующих дней показали, что замысел Эйхе получил практическое претворение почти в точном соответствии с его ожиданиями. Наступавшие левее Бугуруслана части бригады Гайлита, заняв к 3 мая д. Никольское[539] и д. Алькино, реализовали обходной маневр вдоль долины р. Тергала. В то же время основные силы действовавшей правее Бугуруслана 3-й бригады (232-й и 233-й полки), наведя мостовую переправу, форсировали р. Большой Кинель в районе д. Красный[540] под непосредственным наблюдением командарма Тухачевского[541]. К 3 мая 1919 г. ее части достигли с. Лобовка, приступив к развертыванию атаки на Бугуруслан с тыла. Таким образом, задуманный Эйхе фланговый охват бугурусланской группировки белых из потенциально возможного стал действительным, что во многом предопределило исход сражения за Бугуруслан. Ввиду очевидной угрозы тактического окружения белые вынуждены были в ночь на 4 мая осуществить отвод частей 6-й и 7-й Уральских дивизий из образовавшегося бугурусланского выступа на север, в направлении Бугульмы[542]. Утром 4 мая 1919 г. Бугуруслан был занят силами 232-го стрелкового полка (врид командира – И.В. Заикин)[543]. В этот же день Тухачевский в приказе войскам 5-й армии констатировал, что «части 3 корпуса противника, разбитые в районе Бугуруслана, отступают в северном направлении»[544]. Факт потери Бугуруслана был официально признан Омской администрацией лишь спустя три дня, 7 мая 1919 г.[545]

Говоря о факторах успеха операции, важно отметить, что действия ударных бригад 26-й стрелковой дивизии сопровождались массированной поддержкой огня артиллерии. Данному компоненту общевойскового боя Эйхе неизменно уделял внимание как в ранге комбрига-3, в чем ранее удалось убедиться, так и в новом качестве дивизионного начальника. По его инициативе при каждой из ударных бригад накануне операции была развернута сильная артиллерийская

[538] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 176. Л. 39.
[539] В оперативных документах 5-й армии именуется также как «Никольское (Похвистнево)».
[540] Населенный пункт с таким названием фигурирует в оперативных документах 5-й армии. В данном случае речь, безусловно, идет о с. Красноярка, Бугурусланский р-н Оренбургской области.
[541] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 176. Л. 37.
[542] *Огородников Ф.Е.* Удар по Колчаку весной 1919 г. С. 234.
[543] Краткий исторический очерк 26-й Златоустовской стрелковой дивизии. С. 25.
[544] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 143. Л. 53.
[545] Освобождение России (Пермь). 1919. № 100. 9 мая.

группа. По сведениям историка Е.П. Тарасова, для обеспечения наступления 1-й бригаде придавались 3-я легкая батарея и бронепоезд, 3-й бригаде – две батареи (в том числе 2-я тяжелая) и бронепоезд[546]. Положительным образом на результате операции сказалось применение Эйхе бронепоездов, в том числе внештатных, импровизированных (на базе ж/д платформ[547]). Как вспоминал Н. Дмитриев, служивший в этот период в 233-м стрелковом полку, «наше наступление совпало с началом весны. По дорогам, размытым ручьями, трудно было итти *(так в тексте. – Р.Б.)* пешим, еще труднее артиллерии»[548]. В подобной ситуации поддержка со стороны маневренных бронепоездов позволила нивелировать последствия распутицы и оперативно завоевать огневое превосходство на участке наступления пехоты до подхода основной массы артиллерии, сосредоточенной в батареях на конной тяге. Для выполнения данной задачи, а также для первичной организации контрбатарейной борьбы суммарной огневой мощи штатных бронепоездов дивизии (6 орудий и 24 пулемета)[549] было вполне достаточно.

Рассмотрение наступательной операции по овладению районом Бугуруслана в целом дает обширный материал, позволяющий уточнить и подтвердить некоторые особенности военно-управленческого мастерства Эйхе. Прежде всего, укажем на присущее военачальнику еще с 1918 г. стремление присутствовать вблизи передовой линии (не в тыловой полосе) вверенных ему сил в период развертывания масштабных боевых действий. В случае с операцией на Бугуруслан Эйхе оставался верным этому принципу, незамедлительно выдвигаясь на наиболее кризисные, сложные и опасные участки фронта дивизии для стабилизации положения: в район Сергиевска на ранней фазе операции, в дальнейшем – на бугурусланское направление. При этом важно подчеркнуть, что руководство войсками на каждом из этих участков начдив-26 с первых часов пребывания концентрировал непосредственно в своих руках путем развертывания импровизированного личного полевого штаба. В этом смысле Эйхе выгодно отличался от массы командиров РККА дивизионного звена, которые управляли боем, находясь на удалении 40-60 км от линии фронта, посещая войска зачастую только

---

[546] *Тарасов Е.П.* Краском Генрих Эйхе. С. 62.

[547] Подробнее об этом см.: *Рожко А.* Мухтавлă çул пуçламăшĕ // Коммунизм ялавĕ: республиканская газета Чувашской АССР. 1957. № 46. 23 февраля. С. 3.

[548] *Дмитриев Н.* От Волги до Байкала. М., 1928. С. 16.

[549] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 143. Л. 54.

для «воодушевления» красноармейцев и инспектирования. В то же время молодой военспец, как удалось установить, не был склонен к иной крайности, присущей так называемым «народным», «пролетарским» командирам, например, начдиву-25 Чапаеву[550]. Речь идет об участии в боях в качестве едва ли не рядового красноармейца с целью поддержания морального духа войск и усиления собственной популярности среди солдатских масс. Подобная линия поведения в представлении Эйхе была неприемлема для дивизионного начальника как противоречащая самой сущности работы армейского командира столь высокого ранга.

Очевидное стремление Эйхе находиться вместе с войсками, на поле боя, как представляется, было обусловлено не только соображениями улучшения текущего оперативного руководства частями, но и рядом особенностей его личности. По складу характера начдив относился скорее к типу командира-практика, «полевого» командира, для которого было важно воочию наблюдать за ходом выполнения войсками его тактических установок и вносить при необходимости своевременные коррективы. Соответствующей линии управления Эйхе придерживался и в процессе развития наступления на бугурусланском направлении. С другой стороны, опыт рассмотренной операции показал, что военачальнику в равной степени успешно удавалось и реальное боевое планирование, в том числе и специфическое огневое планирование. Разрешение кризиса наступления на Бугуруслан, возникшего вследствие неудачи Гаврилова, в значительной мере объясняется успешной реализацией нетривиального оперативного плана Эйхе, который вновь ярко продемонстрировал приверженность одной из своих важнейших полководческих практик – стремлению решить исход сражения посредством обходных маневров и ударных тактических действий на флангах группировки противника при массированной огневой поддержке. Совершенно справедливой в этом отношении мы находим точку зрения историка А.П. Моисеева, который указывал, что Эйхе «…заслужил славу "обходного начдива"»[551]. Достаточно высоко персону Эйхе и усилия вверенной ему дивизии в контексте операции на Бугуруслан оценивается также рядом современных исследователей[552].

---

[550] Квинтэссенцией подобного типа красных командиров, помимо Чапаева, в известной степени были Н.А. Щорс, И.С. Кутяков, Г.Д. Гай, К.Е. Ворошилов, И.Р. Апанасенко, а также абсолютное большинство командиров, стихийно выдвинутых в период Гражданской войны партизанской средой.

[551] Челябинск: энциклопедия. С. 1056.

[552] См., например: *Дайнес В.О.* Чапаев: биографический очерк. М., 2010. С. 254.

Взятие силами Эйхе Бугуруслана знаменует собой наступление коренного перелома в ходе Весеннего наступления армии адмирала Колчака. Не случайно Д.А. Фурманов, военный комиссар 25-й стрелковой дивизии, которая была развернута за правым флангом войск Эйхе и содействовала им в операции на Бугуруслан, отмечал в своем широко известном романе о Чапаеве, «…что вместе с этим городом он *(противник. – Р.Б.)* потерял и свою инициативу, что конец пришел его победоносному шествию…» в рамках Весеннего наступления[553].

Утверждение 26-й стрелковой дивизии в районе Бугуруслана способствовало развитию общего успеха контрнаступления Южной группы Фрунзе. В сводке штаба группы за 5 мая 1919 г. отмечалось, что взятие города «…открывает нам путь на Белебей и дальше на Уфу…»[554]. С этого времени действия красных приобретают более маневренный, динамичный характер. На первый план выходят императивы безостановочного преследования отступавшей на север и северо-восток Западной армии генерала М.В. Ханжина с целью воспрепятствовать закреплению ее на новых рубежах и пресечь попытки восстановления утраченных позиций на бугурусланском направлении. Первостепенное значение в рамках выполнения данной оперативной установки имели действия Эйхе, дивизия которого была развернута в центре оперативного построения 5-й армии. Путем поэтапного занятия обозначенных командармом-5 Тухачевским линий населенных пунктов[555] ее частям предстояло взять на себя (во взаимодействии с продвигавшейся восточнее 25-й стрелковой дивизией Чапаева), в сущности, основную тяжесть фронтального преследования отступавшей бугурусланской группировки Западной армии, открытого 6 мая 1919 г. вдоль тракта Бугуруслан – Бугульма.

Стремление наиболее эффективно обеспечить преследование противника побудило начдива-26 Эйхе внедрить в масштабе дивизии оригинальный тактический прием, который определялся им позднее в воспоминаниях как «способ наносить удары перекатами»[556]. Нестандартность этого приема позволила ряду отечественных исследователей рассматривать его как весьма поучительный образец тактической «хитрости» и находчивости[557]. Механизм реализации приема

---

[553] *Фурманов Д.А.* Чапаев. М., 1961. С. 171.
[554] Правда (Москва). 1919. 7 мая.
[555] Подробнее см.: РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 143. Л. 54.
[556] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 147.
[557] См., например: *Лобов В.Н.* Военная хитрость в истории войн. М., 1988. С. 71.

Эйхе предусматривал исходное построение дивизионных боевых порядков в два оперативных эшелона, каждый из которых включал по две бригады (бригадные тактические группы). В рамках отдельно взятых календарных суток эшелоны должны были последовательно сменять друг друга в наступлении, чередуя периоды боевой активности с отдыхом. Тем самым, наступлению задавался необычайно высокий темп при сообразном увеличении совокупной ежесуточной скорости продвижения сил дивизии до 20-30 км. Морально-психологические и физические силы личного состава при этом оставались на должном уровне.

Применительно к эпизоду преследования группировки белых вдоль тракта Бугуруслан – Бугульма (6-13 мая 1919 г.) Эйхе использовал прием наступления «перекатами» следующим образом. В течение первого дня преследование, сопровождавшееся столкновениями с арьергардами 7-й Уральской и 8-й Камской дивизий Западной армии противника, осуществлялось в основном бригадами 1-го эшелона (1-я, 3-я бригады 26-й дивизии). К вечеру 6 мая 1919 г., после выполнения задачи дня, они закономерно были размещены на ночлег. В этот момент функциональная задача преследования решением начдива-26 была передана силам бригад 2-го эшелона (2-я бригада 26-й дивизии, 1-я бригада 27-й дивизии). По мысли Эйхе, им предстояло «…продолжать наступление ночью и тем самым не давать врагу возможность занять оборону, вырвать у нас инициативу, дать уставшим за день бригадам первой линии спокойно отдохнуть»[558]. Выполнив соответствующую задачу и успешно продвинувшись далее на север, бригады 2-го эшелона к утру 7 мая 1919 г. остановились на дневной отдых. В наступлении их, в свою очередь, сменили отдохнувшие за ночь войска 1-го эшелона, которые продолжили преследование бугурусланской группировки противника с новыми силами. В аналогичном комбинированном формате действия 26-й стрелковой дивизии продолжались (с кратким перерывом, связанным с боями на рубеже р. Сок 9-11 мая) вплоть до выхода ее воинского контингента к территориальному ориентиру преследования – Бугульме, которая была занята 13 мая 1919 г. войсками подчиненной Эйхе 1-й бригады 27-й дивизии[559].

Следует отметить, что успех применения Эйхе тактики продвижения «перекатами» во многом был подготовлен характером оперативной конфигурации

[558] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 147.

[559] *Болтин Е.А.* Контрнаступление Южной группы Восточного фронта и разгром Колчака. С. 70-71.

сил 5-й армии, сложившейся в период наступления на Бугульму. На центральном участке ее построения, в районе оперирования 26-й стрелковой дивизии, благодаря усилиям армейского командования удалось создать достаточно высокую по меркам Восточного фронта оперативную плотность сил и средств за счет сокращения полосы наступления дивизии до 45 км (линия д. Турханка[560] – д. Тергала[561] – с. Сосновка) и усиления ее состава до 8.200 штыков. Большую роль в этом смысле сыграло вливание в войска дивизии массы добровольцев и мобилизованных Бугурусланского уезда Самарской губернии. Проведенные нами подсчеты показали, что в среднем на 1 км фронта руководимых Эйхе частей, таким образом, приходилось приблизительно 182 штыка, 1,5 орудия, 3,5 пулемета[562]. Факт концентрации крупных войсковых масс в рамках сравнительно узкого тактического коридора наступления обусловил дальнейшее разделение боевых порядков дивизии на два эшелона и, как следствие, в значительной мере предопределил саму возможность внедрения Эйхе способа «наносить удары перекатами».

В силу указанных обстоятельств можно резюмировать, что практика реализации наступления «перекатами» представляет показательный пример творческого использования начдивом Эйхе объективных преимуществ текущей оперативной конфигурации войск 26-й стрелковой дивизии, в первую очередь фактора высокой оперативной плотности сил и средств. Утрата этого фактора, вызванная увеличением протяженности дивизионной полосы наступления в середине мая 1919 г. и изъятием из оперативного подчинения Эйхе бригады Неймана, вполне естественно привела к отказу военачальника от дальнейшего применения проанализированного нами, весьма интересного тактического приема.

Рассмотренные выше боевые решения Эйхе, примечательные с тактической точки зрения, явились одной из важных предпосылок общего оперативно-тактического успеха 26-й стрелковой дивизии 5-й армии на первом этапе контрнаступления Южной группы армий. Данные решения (связанные с овладением районом Бугуруслана, преследованием противника вдоль тракта Бугуруслан – Бугульма) подготовили почву для наиболее эффективного боевого применения

[560] Ныне – с. Турхановка, Бугурусланский р-н Оренбургской области.

[561] Ныне – пос. Терегель, Похвистневский р-н Самарской области

[562] Численность боевого состава 26-й стрелковой дивизии (с оперативно подчиненной ее управлению 1-й бригадой 27-й стрелковой дивизии) на 5 мая 1919 г. составляла 8.201 штыков (6.810 штыков основного состава + 1.391 штыков маршевых пополнений, переданных Эйхе к 4 мая 1919 г.), 29 орудий, 156 пулеметов (Подсчитано по: РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 143. Л. 54).

сил дивизии, обеспечили условия для выполнения оперативных установок, возложенных на нее командованием 5-й армии. Последовательная реализация этих решений позволила дивизии Эйхе в течение неполных десяти суток (с 3 по 13 мая 1919 г.) нанести крупное поражение бугурусланской группировке белых, представленной частями 6-й и 7-й Уральских горных стрелков дивизий, а также силам 29-го Бирского и 30-го Арского полков из состава 8-й Камской стрелковой дивизии. В территориальном отношении Эйхе в этот период удалось очистить от войск колчаковского Российского правительства обширные районы на севере и северо-востоке Самарской губернии и занять крупные города – Бугуруслан и Бугульму, прикрыв, таким образом, стратегические железнодорожные направления Самара – Бугуруслан и Симбирск – Бугульма. Инициатива на данном участке всецело переходит к красным, и 17 мая 1919 г. РВС Восточного фронта РСФСР с удовлетворением отмечает, что «разбитые под Бугурусланом и Бугульмой части противника отходят в восточном направлении»[563].

Отход Западной армии Ханжина на восток выдвигает на повестку дня необходимость развития успеха Южной группы путем занятия ее силами района Уфы. План соответствующей операции был разработан Фрунзе и его штабом к 19 мая 1919 г. Исходя из их решения, непосредственно на Уфу нацеливалась Туркестанская армия группы при фланговой поддержке со стороны развернутой левее 26-й стрелковой дивизии (5.900 штыков, 97 сабель, 19 орудий, 94 пулемета)[564]. Действиям последней Фрунзе придавал особенно крупное значение, подчеркивая, что Уфимская «операция прикрывается с севера 26-й дивизией…»[565].

Говоря о прикрытии операции, Фрунзе подразумевал, прежде всего, придание войскам Эйхе функции ударного наступательного заслона, призванного в целом свести на нет любую боевую активность противника с северного направления во фланг Туркестанской армии. Иными словами, движением в направлении на д. Ахлыстино[566] – Бирск 26-я стрелковая дивизия должна была обеспечить общую устойчивость левофланговых частей Туркестанской армии, сковать силы белых севернее Уфы, не давая им возможности нанести армии фланговый

[563] РГВА. Ф. 106. Оп. 1. Д. 48. Л. 68.

[564] *Рыбин Д.* Уфимская операция 1919 г. // Сборник трудов военно-научного общества при Военной академии. 1923. Кн. 4. С. 37.

[565] Цит. по: М.В. Фрунзе на Восточном фронте: Сб. док. / Отв. сост. *Т.Ф. Каряева*. Куйбышев, 1985. С. 132.

[566] Ныне – с. Ахлыстино, Кушнаренковский р-н Республики Башкортостан.

удар или перенести свои боевые усилия в полосу ее наступления, а также блокировать фарватер военной флотилии противника в среднем течении р. Белой, лишив ее перспективы принять участие в боях под Уфой, в том числе организовать переброску к городу водным путем оперативного резерва[567]. Для реализации указанной ответственной миссии начдиву Эйхе, однако, предстояло прежде выполнить другую крупную задачу – форсировать полноводную р. Белую и закрепиться на ее восточном берегу, прочно обороняемом силами противника.

В июне 1919 г. р. Белая стала ключевым препятствием на пути дальнейшего продвижения сил как Туркестанской армии, так и обеспечивавшей ее дивизии Эйхе. На рубеже реки держали оборону силы отступившей Западной армии белых. Главная задача армии, по мысли начальника ее штаба генерала К.В. Сахарова, заключалась в том, чтобы «…не пустить большевиков за реку, а в случае их переправы сбросить их и разбить по частям. Это представлялось тем более возможным, что Белая в этом месте – довольно серьезная преграда…»[568].

Сложность предстоящего форсирования р. Белой стала очевидной для Эйхе, по-видимому, только 3 июня 1919 г., когда силы вверенной ему дивизии во исполнение указаний Фрунзе достигли намеченных пунктов переправ: 1-я бригада – с. Топорнино[569] (32 км юго-западнее Бирска), 3-я бригада – д. Ахлыстино (25 км южнее Бирска)[570]. Уже первичная рекогносцировка, проведенная Эйхе совместно с командирами бригад Гайлитом и Гавриловым показала, что упомянутые населенные пункты (намеченные, к слову, Фрунзе и Тухачевским) по своим тактическим особенностям совершенно не подходили для организации форсирования. «От д. Ахлыстина до д. Топорнино (Покровское), – отмечал впо-

---

[567] В этой связи несостоятельным видится мнение военного историка А.В. Голубева, который определял рубеж 26-й стрелковой дивизии как «пассивный участок армии» (*Голубев А.* Г. Эйхе. Форсирование реки Белой частями V армии Восточного фронта в июне 1919 года // Военный вестник. 1928. № 19. С. 61). Между тем все вопросы в отношении роли дивизии Эйхе в наступлении на Уфу были сняты еще в 1923 г. историком Д.И. Рыбиным. Последний недвусмысленно указывал, что «левый фланг *(операции. – Р.Б.)* обеспечивался 26-й стр[елковой] див[изией] 5-й армии, которая *активно (курсив наш. – Р.Б.)* способствовала продвижению Турк[естанской] армии и принимала … участие в Уфимской операции…» (*Рыбин Д.* Уфимская операция 1919 г. С. 37). Отметим, что тезис Рыбина представлял не только точку зрения исследователя проблемы, но и мнение участника операции. В 1919 г. он состоял помощником начальника штаба 25-й стрелковой дивизии Туркестанской армии.

[568] *Сахаров К.В.* Белая Сибирь (Внутренняя война 1918-1920 гг.). Мюнхен, 1923. С. 105.

[569] Ныне – с. Кушнаренково, Кушнаренковский р-н Республики Башкортостан.

[570] *Гайлит Я.П.* Переправа через р. Белую 1-й бригады 26 стрелковой дивизии 5/VI 1919 г. // Военный вестник. 1922. № 11. С. 38.

следствии военачальник, – наш берег был болотистый и совершенно открытый на протяжении 4-5 верст от реки … возвышенности на правом берегу р. Белой в районе д. Соловьевка давали противнику … превосходный обзор для обстрела…»[571]. Важно также подчеркнуть, что белые обеспечили прочное блокирование переправы у Топорнино, заблаговременно сосредоточив здесь сторожевой заслон, усиленный артиллерией и пулеметами. В подобных условиях попытка переправиться на восточный берег р. Белой, которая на этом участке достигала ширины 280-300 м и глубины 2-4 м[572], была обречена на крупную неудачу. Таким образом, у Эйхе возникла необходимость в выработке принципиально иного решения на переправу дивизии, соответствующего изменившейся обстановке.

После проведения вторичной рекогносцировки Эйхе взял на себя ответственность сместить центр тяжести переправы в район Старое Баскаково[573] – много севернее, на участок 2-й бригады (командир – П.С. Мосолов) 26-й стрелковой дивизии. При этом начдив-26 окончательно отказался от активных действий на совершенно невыгодной переправе у Ахлыстино, и временно, до ликвидации угрозы со стороны сторожевого заслона белых, – у Топорнино. Раскрывая условия принятия соответствующего решения, военачальник впоследствии писал: «Рекогносцировка участка 2-й бригады дала более обнадеживающие результаты. Противник держал себя здесь пассивно, а наш берег давал много скрытых подступов *(к реке. – Р.Б.)*. <…> Здесь не было того движения, которое постоянно привлекало внимание врага в районе Топорнино»[574].

Обладавший несомненным даром убеждения, Эйхе склонил к своей точке зрения командующего 5-й армией. Находившийся в Бугульме Тухачевский достаточно быстро внес изменения в первоначальный приказ № 960/н от 21 мая 1919 г., в соответствии с которым 26-я стрелковая дивизия нацеливалась на переправу у Ахлыстино[575]. Новым приказом № 1019/н от 4 июня 1919 г. командарм-5 предписывал Эйхе «…подготовиться к переправе через р. Белую в рай-

---

[571] *Эйхе Г.* Форсирование реки Белой частями V армии Восточного фронта в июне 1919 года. М.-Л., 1928. С. 37. Утверждение Эйхе подтверждается предпринятым нами визуальным обследованием соответствующего участка местности в июле 2015 г. В то же время стоит признать, что напротив о. Соловьевский и о. Татарский, а также на о. Новопетровский еще сохранились отдельные участки достаточно густого лесистого ландшафта, которые могли маскировать переправу небольших отрядов.

[572] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1387. Л. 14.

[573] Ныне – д. Старобаскаково, Кушнаренковский р-н Республики Башкортостан.

[574] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 160 об.-161.

[575] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 135. Л. 64.

оне д.д. Топорнино (Покровское) – Ежова»[576]. Таким образом, инициированный начальником дивизии перенос пунктов переправы к северу (вместо Ахлыстино – Топорнино к Топорнино – Старое Баскаково) был без проволочек одобрен.

Тем не менее назначить дату форсирования реки Тухачевский на тот момент не решался, ограничившись указанием вести подготовительную работу до 7 июня 1919 г. Данный факт, как было установлено, вызвал крайнее раздражение Эйхе. Из воспоминаний военачальника следует, что он не мог принять перспективу столь длительной задержки, поскольку войска 26-й стрелковой дивизии, по его мнению, уже в первых числах июня были готовы к преодолению естественной водной преграды[577]. В конечном счете начдив-26 по собственному усмотрению и вопреки приказу командующего 5-й армией назначил начало переправы на 5 июня 1919 г. Это волевое решение, грубо нарушавшее служебную субординацию, будет иметь для Эйхе достаточно неожиданные последствия.

Замысел операции 26-й стрелковой дивизии по форсированию р. Белой представляет очередной замечательный пример использования военачальником Эйхе тактики обходных движений и фланговых маневров. Первостепенное значение в этом смысле начдив придавал действиям малого ударного тактического десанта 2-й бригады (батальон 230-го стрелкового полка). Под покровом темноты он должен был первым высадиться на восточный берег реки с переправы у Старое Баскаково, то есть на том участке, где противник менее всего ожидал наступления. Таким образом, совершался фланговый обход группировки сторожевого охранения белых, позиции которой, как отмечалось ранее, были развернуты южнее, на переправе у Топорнино. После захвата плацдарма на занятом противником берегу десантному батальону предстояло развить прорыв и нанести сосредоточенный удар во фланг упомянутой блокирующей группировке с последующим оттеснением ее сил и средств от линии р. Белой, на восток[578].

Успех указанного частного мероприятия позволял, во-первых, разблокировать переправу 1-й бригады у Топорнино, обезопасив ее от противодействия со стороны заслона белых, во-вторых, осуществить захват находившихся в этом районе паромов и барж противника для организации на участке дивизии полноценной паромной переправы. Последнее приобретало особое значение, поскольк-

[576] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 136. Л. 18.
[577] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 161-161 об.
[578] *Эйхе Г.* Форсирование реки Белой частями V армии Восточного фронта в июне 1919 г. С. 39-40.

ку на тот момент Эйхе не располагал табельными переправочными средствами (понтонные парки, разборные мосты, самоходные паромы и т.д.), за исключением нескольких десятков рыбацких лодок вместимостью 3-4 человека, которые были собраны по пути от Бугульмы[579]. Таким образом, действиями одной батальонной десантной группы 2-й бригады на данном этапе предопределялся общий успех или неудача переправы основных сил 26-й стрелковой дивизии 5-й армии.

В ночь на 5 июня 1919 г. ударная десантная группа 2-й бригады приступила к выполнению рассмотренного оперативного замысла Эйхе. Скрытно переправившись через реку, отряд нанес поражение войскам 28-го Красноуфимского горных стрелков полка и создал крупный плацдарм на восточном берегу р. Белой. Исходная задача была выполнена. Вечером этого же дня, перебросив посредством лодок 400 штыков с пулеметами, начдив-26 предпринял решительное наступление во фланг группировке сторожевого охранения противника у Топорнино. Обозначившийся вскоре отход сил группировки с рубежа р. Белой позволил Эйхе ввести в операцию войска 1-й бригады. Под прикрытием десанта, а также дивизионной артиллерии, бригада частью сил форсировала реку с разблокированной переправы у Топорнино и, следуя приказу начдива, развернула фронтальное наступление в направлении д. Калинники (27 км к востоку от Топорнино)[580]. В результате к рассвету 6 июня десантные группы 1-й и 2-й бригад продвинулись вглубь территории противника на 3-4 км (от пунктов переправ), захватив паромы и баржи[581]. Боевое решение Эйхе, принятое им в обстановке конфликта с Тухачевским, было, таким образом, успешно реализовано. Контроль над рекой на участке дивизии полностью перешел в руки красных, и к исходу дня командующий Южной группой Фрунзе не без удовольствия отметил, что «…26-я дивизия, перешедшая на правый берег р. Белая на участке Ст. Баскакова – Топорнино, успешно продвигается вперед и энергично теснит противника»[582].

Учитывая факт закрепления 26-й стрелковой дивизии на восточном берегу р. Белой, Фрунзе 6 июня 1919 г. отдает приказ силам Туркестанской армии о развертывании решительного, итогового удара на Уфу[583]. Сообразно с этим уси-

---

[579] *Путна В.К.* Восточный фронт. Штрихи. С. 24.

[580] *Гайлит Я.П.* Переправа через р. Белую 1-й бригады 26 стрелковой дивизии 5/VI 1919 г. С. 39.

[581] *Тарасов Е.П.* Краском Генрих Эйхе. С. 70.

[582] РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 139. Л. 87.

[583] Подробнее см.: *Рыбин Д.* Уфимская операция 1919 г. С. 53-54.

лилась и интенсивность военно-управленческой деятельности Эйхе, войска которого в рамках Уфимской операции, как было указано ранее, выполняли функцию наступательного заслона Туркестанской армии. Развивая успех на переправе у р. Белой, они продолжили движение на северо-восток и в ходе встречного боя 7 июня 1919 г. в районе с. Старое Петрово[584], д. Угузево (20-29 км северо-восточнее Топорнино) нанесли под непосредственным управлением Эйхе крупное поражение ударной группе III Уральского горных стрелков корпуса отдельной Западной армии[585], которая по распоряжению генерала Ханжина должна была «…противника переправившегося у Печенкино, Топорнино, разбить и отбросить за реку…»[586]. На сторону красных в этом бою перешли два батальона 21-го Челябинского горных стрелков полка[587]. На следующие сутки, 8 июня 1919 г., преодолев еще 15-20 км к северу, силы 26-й стрелковой дивизии с боем овладевают Бирском – ключевым пунктом обороны на правом фланге Западной армии противника. Благодаря обозначившейся, таким образом, надежной фланговой поддержке со стороны войск Эйхе, выдвинувшихся на рубеж д. Дмитриевская (слобода)[588] – д. Зуево – с. Бурново[589] (с юга – на север)[590], возглавляемая Чапаевым 25-я стрелковая дивизия Туркестанской армии уже к 9 июня 1919 г. успешно занимает Уфу, что знаменует собой, по сути, победоносное завершение контрнаступления Южной группы армий Восточного фронта.

В соответствии со сказанным выше мы можем резюмировать, что Эйхе в основном выполнил миссию, возложенную на него Фрунзе в рамках Уфимской операции, заключительного этапа контрнаступления. Благодаря усилиям его дивизии, прежде всего, удалось прочно прикрыть наступление Туркестанской армии на Уфу от угрозы с севера, блокировать фарватер флотилии противника на р. Белой, сковать, а в дальнейшем – разгромить и отбросить к северо-востоку группировку белых, развернутую севернее Уфы (правое крыло Западной армии).

---

[584] Ныне – с. Старопетрово, Бирский р-н Республики Башкортостан.

[585] В состав указанной ударной группы под общим руководством командующего III Уральским корпусом генерала В.В. Голицына были включены 21-й Челябинский, 22-й Златоустовский, 25-й Екатеринбургский, 26-й Шадринский, 28-й Красноуфимский горных стрелков полки.

[586] Цит. по: *Болтин Е.А.* Контрнаступление Южной группы Восточного фронта и разгром Колчака. С. 110.

[587] Из истории гражданской войны в СССР: Сб. док. и мат. Т. 2. С. 224.

[588] Ныне – д. Дмитриевка, Благовещенский р-н Республики Башкортостан.

[589] Ныне – с. Старобурново, Бирский р-н Республики Башкортостан.

[590] Исторический очерк 27 Омской стрелковой дивизии РККА. С. 59.

Значение этих мероприятий для успешного исхода Уфимской операции, которой, как указывал Фрунзе, «…завершается блестящая страница боевой истории войск Южной группы в борьбе с Колчаком»[591], сложно переоценить.

Примечательно, что важнейшей предпосылкой упомянутых успехов явилось несанкционированное, самовольно принятое Эйхе решение на форсирование 26-й стрелковой дивизией р. Белой (4 июня 1919 г.). «Этот частный успех, – указывали авторы издания «История гражданской войны в СССР», – достигнутый благодаря геройству и разумной инициативе, имел большое значение для последующего хода событий»[592]. Последствия этого решения были значительными и, как отмечалось нами ранее, достаточно неожиданными лично для Эйхе. Командующий 5-й армией Тухачевский не только не подверг своенравного начдива-26 мерам дисциплинарного воздействия, но, напротив, ходатайствовал перед командованием Восточного фронта о награждении Эйхе. В результате ходатайства командарма биографируемый по итогам заключительной фазы контрнаступления Южной группы армий был отмечен двумя весомыми знаками отличия – Особой наградной грамотой РВС РСФСР «…как начальнику 26-й стрелковой дивизии за успешное форсирование реки Белой, разгром и пленение частей армии Колчака и овладение районом г. Бирска /Бирская операция/»[593] и орденом Красного Знамени (приказ РВС РСФСР № 175 от 18 августа 1919 г.)[594].

Говоря о награждении Эйхе орденом Красного Знамени, высшей персональной государственной наградой Советской России времен Гражданской войны, обратим внимание на формулировку заслуг военачальника, имеющую место в соответствующем приказе РВС РСФСР № 175. Здесь совершенно отчетливо прослеживается факт признания тесной связи между личными действиями начдива и общим оперативно-тактическим успехом сил Южной группы Фрунзе в начале июня 1919 г. «Проявлением … инициативы и распорядительности, – подчеркивается в приказе о награждении, – т[оварищ] Эйхе облегчил форсирование р. Белой остальным войскам 5 армии и левому флангу 25 дивизии и в то

---

[591] *Фрунзе М.В.* Избранные произведения. Т. 1. М., 1957. С. 294.

[592] История гражданской войны в СССР. 1917-1922. Т. 4. С. 115.

[593] НГКМ. Ед. хр. № НВ-14924/124. Л. 1.

[594] В боях рожденная. Боевой путь 5-й армии (1918-1920): Сб. док. / Сост. *С.Д. Гусаревич* и др. Иркутск, 1985. С. 343; Красные герои. Список участников гражданской войны, награжденных орденом «Красное Знамя». Вып. 1. [Б.м.]. С. 36; Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и Почетным революционным оружием. М., 1926. С. 286.

же время лишил противника возможности привести свои части в порядок и придать им устойчивость для пассивной обороны р. Белой, благодаря чему была упрощена задача по уничтожению живой силы и овладению хребтом Урала»[595].

Важно также заметить, что Эйхе был вручен знак ордена Красного Знамени за № 96, что позволяет нам отнести его к почетной первой сотне краснознаменцев[596]. К несчастью, указанный орденский знак был утерян Эйхе не позднее 1931 г. при невыясненных пока обстоятельствах. Множественные ходатайства о выдаче ему дубликата ордена остались без внимания. История награды, очевидно, подошла к концу с арестом Эйхе в 1938 г. и его последующим осуждением. Установлено, что 13 января 1941 г. заместителем Прокурора СССР Г.Н. Сафоновым в адрес Президиума Верховного совета СССР было направлено представление о лишении бывшего начдива ордена. Данный вопрос планировалось внести на рассмотрение Президиума 7 июля 1941 г., однако, итог начинания пока установить не представляется возможным ввиду неполноты источников[597].

В связи с поднятым нами побочным вопросом о награждении Эйхе государственными наградами будет правильно уделить некоторое внимание критике многократно повторяемого в справочных изданиях тезиса о наличии у полководца второго ордена Красного Знамени, которого он якобы был удостоен в 1920 г. либо в 1928 г.[598] Между тем из справки Отдела по учету и регистрации награжденных Президиума Верховного совета СССР следует, что по состоянию на 26 февраля 1941 г. за Эйхе числился только один орден Красного Знамени (№ 96) и «…других наград СССР или приравненных к ним по сведениям картотеки…» он не имел[599]. Аналогичная информация приводится также в наградном листе, составленном 22 мая 1967 г. по случаю представления персонального пенсионера союзного значения Эйхе к награждению орденом Ленина в связи с 50-летием Октябрьской революции[600]. Таким образом, можно считать доподлинно установленным факт отсутствия у военачальника вплоть до 1967 г. как второго

---

[595] Подробнее см.: ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 44. Д. 202. Л. 51; В боях рожденная. Боевой путь 5-й армии (1918-1920): Сб. док. С. 343-344.

[596] ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 87. Д. 289. Л. 173.

[597] ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 60. Д. 1973. Л. 3-5.

[598] См.: Большая советская энциклопедия. Т. 29. С. 582; Советская военная энциклопедия / Гл. ред. комис.: *Н.В. Огарков* и др. Т. 8. М., 1980. С. 563; Советская историческая энциклопедия / Гл. ред. *Е.М. Жуков.* Т. 16. М., 1976. С. 418; Челябинская область: энциклопедия. Т. 7. С. 466.

[599] ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 44. Д. 202. Л. 57.

[600] ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 87. Д. 289. Л. 173-173 об.

ордена Красного Знамени, так и иных государственных наград СССР.

Возвращаясь к исследованию вопроса о деятельности Эйхе в ходе контрнаступления Южной группы, подчеркнем, что орденом Красного Знамени был отмечен и Чапаев, начальник соседней 25-й стрелковой дивизии Туркестанской армии (приказ РВС РСФСР № 137 от 14 июля 1919 г.). Данное событие, ставшее одной из составляющих персональной мифологизации военачальника, в советской историографии неизменно отмечалось как один из его последних «триумфов». Однако из более детального ознакомления с формулировкой приказа о награждении Чапаева следует, что ему, определенно, были приписаны заслуги и успехи частей, не находившихся под его командованием, в первую очередь 26-й стрелковой дивизии Эйхе. В приказе РВС РСФСР № 137, помимо прочего, указывалось, что начдив-25 Чапаев «…в дни катастрофического положения Самары, когда противник *(Западная армия генерала Ханжина. – Р.Б.)* отстоял от нее в двух переходах … с дивизией был выдвинут в центр наступающих сил противника под Бугуруслан; настойчивыми стремительными ударами и искусными маневрами он остановил наступление противника и … овладел городами Бугурусланом, Белебеем и Уфой, чем и спас Среднее Поволжье…»[601].

Приведенная формулировка, обозначенная, по-видимому, еще в ходатайстве Фрунзе перед РВС РСФСР, не выдерживает критики. В сущности, она характеризует скорее контуры деятельности Эйхе, благодаря личным усилиям которого, как отмечалось выше, красными был взят Бугуруслан. Этому, собственно, и предшествовала приостановка войсками вверенной ему 26-й стрелковой дивизии наступления Западной армии белых на двух ключевых операционных направлениях Южной группы армий – бугурусланском и сергиевском. Укажем также, что взятие Белебея, приписанное якобы Чапаеву, также не имело прямого отношения к его силам. Соответствующую задачу реализовала 17 мая 1919 г. 31-я стрелковая дивизия Туркестанской армии. Очевидные (при более критичном рассмотрении проблемы) факты исследователи Гражданской войны на востоке России тем не менее вольно или невольно игнорировали многие годы.

Подводя итог рассмотрению событий контрнаступления Южной группы, отметим, что они в полной мере проявили профессиональные и личные качества биографируемого как крупного армейского командира. В этом плане ожида-

[601] Цит. по: *Болтин Е.А.* В.И. Чапаев // Военно-исторический журнал. 1940. № 1. С. 103.

ния Тухачевского, которые он связывал с назначением Эйхе на пост начдива-26, полностью оправдались. Продемонстрировав выдающиеся организаторские навыки и приверженность нормам дисциплины, Эйхе удается в предельно сжатые сроки (16-28 апреля 1919 г.) привести в порядок деморализованные силы 26-й стрелковой дивизии и придать им накануне операции должную устойчивость. В дальнейшем, с развертыванием масштабных военных действий, военачальник в высшей степени грамотно организовал боевое применение вверенной ему группы войск в три-четыре бригады, что явилось одним из крупнейших факторов успеха оперирования Южной группы армий в апреле-июне 1919 г. Награждение Эйхе несколькими знаками отличия по итогам контрнаступления стало лучшим показателем признания его достижений и военно-управленческого мастерства.

Тем не менее уже в период Гражданской войны, как удалось установить, были заложены основания искаженного видения деятельности Эйхе в контексте событий контрнаступления Южной группы, чему способствовала неадекватная оценка его объективных достижений в этот время. Успехи «красного латыша» в определенной мере были перенесены на личность «несравненного героя»[602] начдива-25 Чапаева, не в последнюю очередь вследствие гипертрофированной оценки его заслуг со стороны Фрунзе, в тени которых Эйхе остался на долгие годы.

Исследование первых операций 26-й стрелковой дивизии под управлением Эйхе выдвигает на повестку дня потребность охарактеризовать его служебные взаимоотношения с командармом-5 Тухачевским. Затрагивая данный аспект военной деятельности Эйхе, мы, определенно, можем говорить о психологической идентичности, «совместимости» двух военачальников, основанной на близости их оперативно-тактических воззрений, взглядов на практику организации боевых действий. По многочисленным свидетельствам сослуживцев Тухачевского, он, подобно Эйхе, приветствовал инициативность, решительность и ответственность в действиях своих подчиненных. В этом смысле «инцидент», возникший на почве форсирования 26-й стрелковой дивизией р. Белой в начале июня 1919 г., очевидно, только сблизил Эйхе и Тухачевского, который, как удалось установить, высоко оценил самочинные, но столь успешные действия начдива-26. С высокой степенью вероятности можно заключить, что уже на апрель-июнь

[602] Суждение Фрунзе, высказанное им в приказе войскам Туркестанского фронта № 63 от 25 января 1920 г. об итогах операций Южной группы (См.: М.В. Фрунзе на Восточном фронте: Сб. док. С. 211).

1919 г. между молодым начальником 26-й стрелковой дивизии и командармом-5 Тухачевским приходится установление товарищеских и доверительных отношений. Попытка дать несколько более развернутую характеристику истории их служебных контактов будет предпринята нами позднее, в Главе 3.

На данном этапе исследования подчеркнем, что своеобразным «апофеозом» совместной успешной деятельности Эйхе и Тухачевского явился так называемый Юрюзанский поход – в высшей степени смелый (даже по меркам Гражданской войны) рейд 1-й и 2-й бригад 26-й стрелковой дивизии в тыловую полосу Западной армии (с 22 июня 1919 г. командующий – генерал Сахаров) вооруженных сил Колчака. Благодаря именно этой сложнейшей и рискованной наступательной операции Эйхе в бытность свою дивизионным начальником приобрел наибольшую известность в масштабе 5-й армии Восточного фронта.

Предпринятый в конце июня – начале июля 1919 г. по инициативе Тухачевского, рейд Эйхе лег в основу оригинального замысла Златоустовской операции (24 июня – 13 июля 1919 г.), успех которой позволил 5-й армии преодолеть Уральский хребет, освободить значительную часть Южного Урала и овладеть Златоустом – ключом к равнинам Западной Сибири, как именовал его военный историк Н.Е. Какурин[603]. И поныне Юрюзанский поход рассматривается исследователями войны как один из ярких и героических (хотя и с претензией на излишнюю героизацию) эпизодов Гражданской войны на Урале в 1919 г. Не случайно в советский период он представлял достаточно востребованный сюжет художественной литературы, ассоциируясь, прежде всего, с именами Тухачевского (как разработчика плана рейда) и Эйхе (как непосредственного исполнителя замысла операции). В какой-то степени именно литераторы (А.И. Алдан-Семенов, М.С. Гроссман, М.И. Тихомиров, Л.И. Раковский, Р.Б. Гуль и др.), включившие рейд Эйхе в фабулу собственных произведений, вывели личность полководца в 1970-1990-е гг. за пределы сугубо исторических исследований, сделав ее на время персонифицированным достоянием широкой общественности, пусть и в качестве художественного, героизированного образа[604].

---

[603] *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. 2-е изд. Т. 2. С. 246.

[604] См.: *Алдан-Семенов А.И.* Красные и белые: Роман. М., 1979; *Гроссман М.С.* Годы в огне: Роман. 2-е изд. Челябинск, 1987; *Он же.* Да святится имя твое!: Роман. Челябинск, 1983; *Гуль Р.Б.* Красные маршалы: Тухачевский, Ворошилов, Блюхер, Котовский. М., 1990; *Раковский Л.И.* Михаил Тухачевский. Константин Заслонов: Повести. Л., 1977; *Тихомиров М.И.* Генерал Лукач: Роман. М., 1965.

Необходимость организации рейда войск 26-й стрелковой дивизии Эйхе в глубокий тыл Западной армии белых диктовалась особенностями общей обстановки на участке 5-й армии после завершения контрнаступления Южной группы Восточного фронта. Достигнув предгорий Урала, силы Тухачевского столкнулись с непроходимым для крупных войсковых масс хребтом Каратау. По мысли военного командования Российского правительства, он должен был выступить ключевым барьером на пути РККА к Златоусту[605]. Хребет пересекали только два транспортных пути (тракт Бирск – Сатка и ж/д магистраль Уфа – Златоуст), проложенные в узких горных перевалах. Их фронтальная атака (особенно при наступлении вдоль линии ж/д, которую оборонял I Волжский корпус Западной армии) не имела перспектив и грозила обернуться крупными потерями для 5-й армии. Предвидя возникновение соответствующей тяжелой ситуации, Тухачевский уже 22 мая 1919 г. в разговоре по прямому проводу с помощником командующего Южной группой Новицким указывал на целесообразность развертывания облического удара на Златоуст: «…Не от Уфы *(базируясь на ж/д линию с перспективой кровопролитного штурма позиций Волжского корпуса. – Р.Б.),* а от полпути между Бирском и Красноуфимском по долине реки…»[606]. Выдвигая это предложение, командарм подразумевал использовать для наступления труднопроходимое дефиле горной р. Юрюзань, пересекающей Каратау практически параллельно тракту Бирск – Сатка, к югу от него. Данная задумка наилучшим образом отвечала конфигурации местности, поскольку, как справедливо утверждал военный теоретик С.М. Белицкий[607], «…лишь движение вдоль р. Юрюзань … избавляет войска от необходимости брать в лоб горные кряжи»[608].

Изучение нами более поздних документов показало: план рейда в трактовке командарма Тухачевского сводился к идее флангового обхода через долину р. Юрюзань войсками возглавляемой Эйхе 26-й стрелковой дивизии (две бригады) позиций I Волжского корпуса Западной армии белых (район ж/д ст. Аша-

---

[605] Овладение Златоустом было выдвинуто не позднее 22 июня 1919 г. в качестве главной ближайшей задачи 5-й армии РККА (Из истории гражданской войны в СССР: Сб. док. и мат. Т. 2. С. 221).

[606] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 176. Л. 103.

[607] *Белицкий Семен Маркович* (1889-1938). Старший помощник начальника штаба (апрель-сентябрь 1919 г.), начальник штаба (28 сентября – 6 ноября 1919 г.), врид начальника (6-8, 10-21 сентября 1919 г.) 26-й стрелковой дивизии. Ближайший помощник Эйхе в 1919 г. в разработке боевых решений.

[608] *Белицкий С.* Златоустовская операция (Стратегический очерк) // Сборник трудов Военно-научного общества при Военной академии. 1923. Кн. 4. С. 7.

Балашово[609]) с последующим перехватом его тыловых коммуникаций и базисного пути снабжения – участка ж/д Аша-Балашово – Златоуст. В результате этого маневра достигалась цель оперативного окружения I Волжского корпуса (командующий – генерал В.О. Каппель) путем блокирования его войск ударными группировками 5-й армии с фронта (сковывающая группа комбрига-3 Гаврилова[610]) и тыла (рейдовые 1-я и 2-я бригады во главе с Эйхе). Оценивая перспективы предстоящей рейдовой операции и отстаивая ее оперативный замысел, командарм-5 Тухачевский в беседе по прямому проводу с командующим Восточным фронтом РСФСР С.С. Каменевым 13 июня 1919 г. подчеркивал: «Я считаю, что наступление по долине р. Юрюзань вполне обеспечено, и если мы … сузим радиус стратегического обхода, то противник опять выскользнет и мы потеряем такие блестящие возможности. Корпус Каппеля выеденного яйца не стоит, и мы вернее поймаем его в районе Златоуст – Балашова»[611].

Фундаментальное значение в своих расчетах Тухачевский отводил фактору внезапности[612]. Действительно, возможность использования красными в качестве операционной линии наступления дикой, труднодоступной долины горной р. Юрюзань, тем более силами двух бригадных тактических групп с артиллерией и обозами, как показало исследование, не принималась во внимание командованием Западной армии. Несмотря на это рейд сил 26-й стрелковой дивизии в тыл белых все же следует охарактеризовать как чрезвычайно рискованное и несколько «авантюрное» начинание. «Ведь пока мы ползем, – справедливо писал Эйхе, – одной длинной кишкой через юрюзанские ущелья, нас, что называется, можно взять голыми руками … ни обзора, ни обстрела полки не имеют – даже одного батальона тут не развернешь в боевой порядок…»[613]. Для реализации столь смелого и в то же время крайне опасного замысла Тухачевскому, безусловно, необходим был устойчивый воинский коллектив и жесткий, волевой командир-единоначальник, обладавший развитым военным интеллектом.

---

[609] Ныне – в черте г. Аша, Челябинская область.

[610] Включала 3-ю бригаду 26-й стрелковой дивизии и Отдельную кавалерийскую бригаду 5-й армии (командир – И.Д. Каширин).По плану операции группа Гаврилова должна была осуществлять демонстрационное фронтальное наступление вдоль ж/д магистрали Уфа – Златоуст с целью сковывания I Волжского корпуса Западной армии в районе ст. Аша-Балашово.

[611] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 168. Л. 71.

[612] Подробнее см.: *Горелик Я., Солоницын Г.* Достижение внезапности в Златоустовской операции (1919 г.) // Военно-исторический журнал. 1977. № 5. С. 80-85.

[613] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 168 об.

В этом контексте выбор Тухачевским испытанной 26-й стрелковой дивизии во главе с известным поборником дисциплины, инициативным начдивом Эйхе следует рассматривать как акт принципиального значения. В пользу этого, в частности, говорит то обстоятельство, что командующий не направил в рейд силы соседней 27-й стрелковой дивизии (начальник – А.В. Павлов), хотя именно ее расположение к исходу первой декады июня было наиболее удачным с точки зрения перспектив наступления по ущелью р. Юрюзань. Напротив, Тухачевский идет на сложную перегруппировку войск на левом крыле 5-й армии. Отдав Эйхе 14 июня 1919 г. указание о спешной переброске пехоты 26-й дивизии «…в район Явгельдина[614] для смены здесь частей 27 дивизии…», он своей волей передает юрюзанское операционное направление от сил Павлова к 1-й и 2-й бригадам дивизии Эйхе[615]. Указанные факты позволяют сделать вывод о высокой степени доверия к Эйхе и его подчиненным со стороны Тухачевского. Помимо личного расположения командарма, большое значение здесь, вероятно, сыграло и наличие у начдива-26 опыта успешной реализации в сложной обстановке форсированных наступательных и отступательных марш-маневров (в частности, переходы от ж/д ст. Чердаклы к Бугульме в 1918 г. и от р. Аургазы к ж/д ст. Аксеново в 1919 г.), о чем Тухачевскому было хорошо известно. Уверенность командарма в успехе предстоящего Юрюзанского рейда Эйхе была безусловной, что отразилось в телеграмме члена РВС Восточного фронта М.М. Лашевича в ЦК РКП(б) от 19 июня 1919 г.: «С занятием Явгельнина *(так в тексте. – Р.Б.)* мы … угрожаем … Златоусту. Тухачевский ручается, что Златоуст будет взят в ближайшие полторы-две недели»[616]. Только в ходе непосредственного осуществления рейда станет очевидно, что командующий 5-й армией и органы армейской разведки все же не учли всей сложности текущей расстановки сил в тылу Западной армии белых. Нивелировать последствия этого чрезвычайно крупного упущения Эйхе вынужден будет уже в ходе рейда взять на себя.

Переходя собственно к освещению вопроса о работе Эйхе в исследуемой операции, отметим, что само ознакомление его с замыслом рейда состоялось в условиях, весьма симптоматичных для Гражданской войны. В стремлении избежать утечки информации Тухачевский посвятил начдива в суть оперативного

[614] Ныне – д. Явгильдино, Караидельский р-н Республики Башкортостан.
[615] РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 157. Л. 60.
[616] IISH. International Left Opposition Archives. L.D. Trockij (collection of documents). Inv. No. 801.

плана за считанные часы до начала его реализации, вероятно, только 23 июня 1919 г., лично выехав с членом РВС 5-й армии И.Н. Смирновым из Бугульмы в штаб 26-й стрелковой дивизии (с. Явгельдин)[617]. План армейского руководства явился для Эйхе неожиданностью, что, однако, не помешало ему принять деятельное участие в выработке непосредственного решения на рейд[618]. Итоговый вариант решения предусматривал, что «…26 дивизия, решительно закончив переправу через р. Уфу … и отбросив противника, выходит на линию Абдулина[619] – Мага *(река. – Р.Б.)*. В дальнейшем, решительно развивая успех и напрягая до крайности быстроту движения, наступает *(по долине р. Юрюзань. – Р.Б.)* в район ст. Кропачево – ст. Мурсалимкино для удара в тыл войскам противника»[620].

Первая часть плана была реализована Эйхе в ночь с 23 на 24 июня 1919 г. Под его непосредственным руководством 1-й и 2-й бригадам дивизии удалось стремительно форсировать р. Уфа в районе д. Айдос[621], отбросить части 6-й Уральской горных стрелков и 11-й Уральской стрелковой дивизий Западной армии белых к северу и овладеть выходами из ущелья р. Юрюзань. Обратим внимание, что успех данного мероприятия в значительной степени был подготовлен личным решением начдива-26 о создании участков ложных, демонстрационных переправ, что отмечал и историк Какурин[622], у д. Каганский[623] (2-я бригада) и д. Тураево (226-й полк 1-й бригады). Это позволило ввести противника в заблуждение относительно реальной точки форсирования р. Уфа. Результатом явилось распыление сил белых вдоль участка реки (с утратой оперативной плотности) и перенесение центра тяжести их усилий главным образом на имитационную переправу у д. Каганский. Данный эпизод представляет первый известный случай применения военачальником Эйхе тактики обманных действий.

Наиболее сложная для Эйхе фаза рейда наступила с рассветом 27 июня

---

[617] Указанная дата определена, исходя из записи переговоров по прямому проводу между Тухачевским и Каменевым, датированной 22 июня 1919 г. (РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 157. Л. 88). До этого Эйхе получал от Тухачевского только общие, подготовительные указания в рамках будущей операции.

[618] *Эйхе Г.Х.* На главном направлении // Разгром Колчака: Воспоминания / Сост. *Л.М. Спирин.* М., 1969. С. 151.

[619] Ныне – д. Абдуллино, Караидельский р-н Республики Башкортостан.

[620] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 136. Л. 130.

[621] Ныне – не существует и на картах не идентифицируется, находилась на восточном берегу р. Уфа, в 2-3 км западнее д. Новоясаитово, Караидельский р-н Республики Башкортостан.

[622] *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. 2-е изд. Т. 2. С. 247.

[623] Ныне – не существует и на картах не идентифицируется, находилась на западном берегу р. Уфа, в 3-5 км юго-восточнее с. Караидель, Караидельский р-н Республики Башкортостан.

1919 г., когда возглавляемая им группировка дивизии выступила из д. Абдулино и двинулась на восток, вдоль ущелья р. Юрюзань. С этого момента успех операции определялся исключительно быстротой движения дивизионной маршевой колонны[624]. Условия местности менее всего способствовали достижению указанной цели[625]. Военный комиссар дивизии Гончаров, добрый товарищ Эйхе в 1919-1920 гг., вспоминал, что в долине реки «дороги проходили по скалам, подмытым водою, что грозило артиллерии провалом. На значительном протяжении дорог … не было: лишь лесные тропы и просеки. Крутизна некоторых подъемов была такой, что орудия срывались, грозя скатиться вниз. <…> Местами тропа … прерывалась обрывом, образуя пропасть»[626]. Таким образом, перед Эйхе практически вставала не только задача обеспечения максимально высоких темпов движения войск, но и связанные с ней проблемы адаптации красноармейцев к условиям горной местности и инженерного оборудования юрюзанской теснины.

Дополнительным грузом ответственности на Эйхе ложились сроки, отведенные Тухачевским на преодоление ущелья р. Юрюзань. По согласованию с начдивом в качестве ориентировочной даты выхода рейдовых бригад на Уфимское плоскогорье, в тыл I Волжского корпуса, он наметил 1 июля 1919 г. Следовательно, 120-км участок речного дефиле (от Абдулино до д. Ахуново) бригадам предстояло преодолеть в течение всего трех суток, что по определению могло быть выполнено только ценой выдающихся лишений и жертв. С этой точки зрения проявление Эйхе исключительной жесткости по отношению к вверенным ему войскам в интересах наивысшего форсирования марша мы рассматриваем как вполне оправданное явление. Отдавая должное суровости полководца, старший помощник начальника штаба 26-й стрелковой дивизии Белицкий позднее подчеркивал, что «начдив 26 с исключительной настойчивостью гнал в течение трех дней вперед свои части без ночлегов давая им только большие привалы»[627]. Замена полноценных ночлегов 2-4-часовыми привалами представляло лишь од-

[624] Рейдовая группировка 26-й стрелковой дивизии включала силы и средства 1-й и 2-й бригад в полном объеме: 226-й, 227-й, 228-й, 229-й, 230-й, 231-й стрелковые, 2-й кавалерийский полки, 3-я, 4-я, 7-я легкие батареи. Совокупный боевой состав группы составил 3.500 штыков, 300 сабель, 12 орудий, 82 пулемета (*Эйхе Г.* Тактические поучения гражданской войны. С. 53).

[625] См. свидетельства участников рейда: *Эйхе Г.Х.* Даешь Урал! С. 71-73; *Путна.* Пятая армия в борьбе за Урал и Сибирь. С. 14; *Дмитриев Н.* От Волги до Байкала. С. 26-27.

[626] *Гончаров Н.К.* На разгром Колчака. С. 250-251. Указанное свидетельство в целом подтверждается проведенным нами визуальным обследованием части маршрута группы Эйхе в августе 2016 г.

[627] *Белицкий С.* Златоустовская операция (Стратегический очерк). С. 22.

но из многих «властных» решений военачальника Эйхе, среди которых, в том числе, упомянем запрет на розжиг костров и отказ от разбития походного лагеря. Чрезвычайные меры, к которым прибегал начдив-26, как удалось убедиться, сравнительно часто, вновь дали результат. Средняя величина суточных пеших переходов в период следования маршевой колонны по речной долине достигла рекордных для Восточного фронта 34 км. Это позволило ударной рейдовой группе 26-й стрелковой дивизии выдержать запланированный Тухачевским жесткий темп наступления и преодолеть за трое суток намеченное расстояние в 120 км[628]. «Благодаря скрытности и быстроте движения, – указывал Эйхе в конце 1920-х гг., – выход обеих бригад на Уфимское плоскогорье явился для противника полной неожиданностью»[629]. Справедливость приведенного утверждения начдива подтверждается, помимо прочего, показаниями плененных в ходе рейда военнослужащих противника[630]. Согласно их свидетельствам, белые прогнозировали главный удар вдоль линии ж/д магистрали, то есть на участке, занимаемом фронтальной сковывающей группой комбрига Гаврилова.

Вопреки ожиданиям, прорыв в тыловую полосу армии Сахарова обернулся для рейдовой группировки красных непредвиденными сложностями. Уже 1 июля у д. Ахуново и д. Мунаево[631] ее авангард столкнулся с выведенным на переформирование и незарегистрированным разведкой 45-м Сибирским полком 12-й Уральской дивизии белых. Полк был разбит, однако из опроса пленных (до 300 человек) начдив-26 Эйхе доподлинно установил факт развертывания на юрюзанском направлении свежего, резервного II Уфимского корпуса (командующий – генерал С.Н. Войцеховский) Западной армии. Таким образом, с преодолением ущелья р. Юрюзань бригады 26-й стрелковой дивизии выходили не на оперативный простор, как изначально предполагал Тухачевский, но неожиданно выдвигались в центр оперативного построения указанного корпуса, наличие сил которого на Уфимском плоскогорье не было своевременно вскрыто органами разведки 5-й армии[632]. Возник новый деструктивный фактор, он грозил сорвать за-

---

[628] *Заболотный М.Б.* Пятая армия в борьбе за Южный Урал // Из истории Южного Урала и Зауралья. Вып. V / Отв. ред. *В.Е. Четин.* Челябинск, 1971. С. 115. По нашим подсчетам, однако, рейдовая группа Эйхе должна была пройти вдоль долины р. Юрюзань не менее 150 км.

[629] *Эйхе Г.* Тактические поучения гражданской войны. С. 53.

[630] РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 875. Л. 15.

[631] Ныне – с. Аркаулово, Салаватский р-н Республики Башкортостан.

[632] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1387. Л. 20.

мысел рейдовой операции и ставил под вопрос само существование войсковой группы Эйхе. «Я не сомневался, – вспоминал военачальник, – в том, что пройдет короткое время, и белогвардейский корпус всей своей мощью обрушится на две наши бригады. <…> Нам предстояли тяжелые бои в одиночестве»[633].

Несмотря на высокую боеспособность корпуса Войцеховского, его численное и территориальное превосходство[634], Эйхе удалось избежать практически неминуемого разгрома. Более того, в течение последующей недели (1-7 июля 1919 г.) руководимые им войска, оперируя вдоль границы Уфимского уезда, в треугольнике Ахуново – с. Насибаш – ст. Кропачево, нанесли решительное поражение ядру II Уфимского корпуса – силам 4-й Уфимской и 12-й Уральской стрелковых дивизий. Крупное положительное значение в этом контексте имело мастерски организованное начальником дивизии маневрирование войсковых единиц, большую часть времени вынужденных находиться под угрозой окружения в отсутствии обеспеченных соседями флангов. Организация им мобильных «кочующих» очагов тактического сопротивления и перманентное динамическое видоизменение оперативной конфигурации и рисунка расстановки рейдовых сил представляет одно из ключевых организационных решений, обеспечивших спасение поставленной под угрозу Юрюзанской операции Тухачевского – Эйхе.

Тактика подвижной (активной) обороны на пересеченной местности, которой придерживался в этот период Эйхе, позволила вверенной ему группе парировать первичное наступление белых и одержать ряд частных, локальных побед (в этой связи стоит провести аналогию с моделью, которой придерживался Эйхе в ходе боя на линии Николаевка – Константиновка в декабре 1918 г.). Таким образом, к 5-6 июля 1919 г. были созданы предпосылки для перехода рейдовой группы Эйхе в дальнейшее наступление. Говоря об истоках столь драматичного перелома, необходимо обратить особое внимание на факт использования военачальником фатальной ошибки генерала Войцеховского, который, вероятно, недооценивая потенциал рейдовой группы красных, организовал ввод подразделений 4-й и 12-й стрелковых дивизий вверенного ему корпуса в бой по

---

[633] *Эйхе Г.Х.* На главном направлении. С. 155.

[634] По позднейшей оценке командующего Западной армией белых генерала Сахарова, «несмотря на неполную готовность уфимцев, условия были все же выгодны для нас, так как этот корпус занимал сосредоточенное положение; части его отдохнули, пополнились и приоделись» (*Сахаров К.В.* Белая Сибирь (Внутренняя война 1918-1920 гг.). С. 113-114).

частям, изолированно. Расчленив, таким образом, свои в общем и целом внушительные силы, он невольно позволил Эйхе наносить им поражения по отдельности[635]. Важно указать также, что перечисленные выше решения красный начдив проводил в жизнь в отсутствии полноценной команды штабных работников и аппарата управления дивизии, которые остались в Абдулино. На период операции функцию обеспечения собственной управленческой деятельности Эйхе возложил на состоявшего при нем старшего помощника начальника штаба дивизии по оперативной части Белицкого, вероятно, единственного «штабиста», взятого им в рейд, а также на полевой штаб 1-й бригады.

В отличие от генерала Войцеховского, Эйхе стремился не к дроблению, но к массированию находившихся в его распоряжении сил и средств. Измотав части белых маневренной обороной, он перегруппировал войска 1-й и 2-й бригад в единый ударный кулак и 5-6 июля 1919 г. развернул агрессивное наступление на восток из района с. Насибаш. При этом с целью наибольшего форсирования темпа продвижения войск начдив-26 в очередной раз применил испытанную им в мае 1919 г. под Бугурусланом и Бугульмой и рассмотренную нами выше тактику нанесения ударов «перекатами»[636]. Благодаря этому локальному удару сопротивление сил II Уфимского корпуса Западной армии противника было окончательно сломлено. К исходу 8 июля 1919 г. рейдовая группировка Эйхе оттесняет части 8-й Камской стрелковой дивизии белых и в соответствии с новыми указаниями командарма Тухачевского[637] с боем занимает район ж/д ст. Сулея, выдвинувшись, таким образом, к рубежу р. Ай и на ближние подступы к Златоусту[638]. Взятие города красными с этого момента становилось вопросом ближайшего времени. По оценке историка Л.М. Спирина, именно «ударом шести советских полков[639] *(дивизии Эйхе. – Р.Б.)* во фланг белым … в общем направлении на

---

[635] Обратим внимание на превосходство сил II Уфимского корпуса (4-я Уфимская и 12-я Уральская дивизии), с которыми Эйхе столкнулся в ходе рейда. На 25 июня 1919 г. в дивизиях насчитывалось 4.550 штыков, 700 сабель, 22 орудия, 80 пулеметов (Подсчитано по: *Эйхе Г.* Тактические поучения гражданской войны. С. 19). Также в боях участвовали 15-й и 18-й Оренбургские казачьи полки.

[636] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 176 об.

[637] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 137. Л. 28; *Смирнов А.* Златоустовская операция (Оперативно-тактический очерк) // Война и революция. 1933. Ноябрь-декабрь. С. 73.

[638] Боевые подвиги частей Красной Армии (1918-1922 гг.): Сб. док. С. 67-68.

[639] По свидетельству Эйхе, ударный кулак дивизии после перегруппировки был более внушительным, и включал силы семи пехотных и двух кавалерийских полков (*Эйхе Г.* Тактические поучения гражданской войны. С. 125). В то же время Тухачевский рекомендовал Эйхе развернуть группу для удара на ст. Сулея «…числом не менее восьми полков…» (РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 137. Л. 28).

Сулея» и был решен положительный для войск 5-й армии РККА исход сражения за Уфимское плоскогорье и в целом успех Златоустовской операции[640].

Тем не менее, следует заключить, что своей конечной оперативной установки (блокирование коммуникаций I Волжского корпуса) Эйхе все же реализовать не удалось. Недельная задержка, вызванная противостоянием бригад его рейдовой группы и корпуса Войцеховского, позволила «волжанам» Каппеля к 6 июля 1919 г. начать организованный отход из района ст. Аша-Балашово на Златоуст, избежав предусмотренного Тухачевским оперативного окружения.

Вместе с тем в ходе рейда Эйхе были созданы объективные предпосылки для решения задачи если не оперативного, то территориального свойства – ликвидации оборонительного рубежа Западной армии, прикрывавшего горнозаводскую зону Южного Урала. «Это обходное движение, – указывал позднее член РВС 5-й армии И.Н. Смирнов, – сыграло крупнейшую роль… Каппель должен был очистить горные выходы около Миньярского завода, а после жестоких боев около Златоуста мы вышли к Челябинску на Сибирскую равнину»[641]. Не случайно РВС 5-й армии в приказе от 22 июня 1920 г., уточняя значение Юрюзанской операции Тухачевского – Эйхе, определит ее как «…решившую участь Златоуста и с ним всего Урала…» и отнесет ее к числу «…самых крупных и рискованных операций 5-й армии…»[642]. В этом смысле вполне закономерно, что за тяжелейший рейд в условиях горной местности и участие во взятии Златоуста (13 июля 1919 г.) 26-й стрелковой дивизии было присвоено почетное наименование «Златоустовская» (приказ РВС РСФСР № 2797/559 от 13 декабря 1920 г.). В память об этих событиях коллектив рабочих-оружейников города презентовал героям Златоустовской операции, командарму-5 Тухачевскому и начдиву-26 Эйхе, наградные шашки[643]. Оружие, как удалось установить, пережило первый арест Эйхе в 1923 г. (по делу о злоупотреблениях в правлении Российского торгово-промышленного банка[644]) и хранилось у бывшего военачальника вплоть до 1938 г., пока не было изъято работниками органов внутренних дел после его

---

[640] *Спирин Л.М.* Разгром армии Колчака. С. 196.

[641] *Смирнов И.* Борьба за Сибирь (воспоминания пятоармейца) // Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи участников борьбы с учредиловской и колчаковской контрреволюцией / Под ред. *И.Н. Смирнова* и др. М.-Л., 1926. С. 141.

[642] Исторический очерк 27 Омской стрелковой дивизии РККА. С. 117.

[643] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 176 об.; РГАЭ. Ф. 870. Оп. 266. Д. 130. Л. 30.

[644] ГА РФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 598. Л. 4, 93.

второго ареста по сфабрикованному делу об участии в «…контрреволюционной латышской националистической организации…» и работе на иностранные разведки[645]. В середине 1960-х гг. судьба шашки Эйхе стала предметом специального исследования сотрудников краеведческого музея Златоуста[646].

Опыт Юрюзанского рейда, легшего в основу Златоустовской операции, вновь продемонстрировал, что способность к реализации смелых, маневренных решений на использование войск составляла сильнейшую сторону оперативного мышления Эйхе. Не случайно действия биографируемого в этом смысле рассматривались как наглядный военно-теоретический пример его бывшим подчиненным Белицким в фундаментальном труде «Стратегические резервы». «Можно ли, – писал Белицкий в 1930 г., – в современных условиях требовать усиленных маршей? На это надо ответить совершенно утвердительно. В гражданской войне на Восточном фронте 26-я дивизия в июле 1919 г. прошла с авангардными боями 165 верст в 4 дня»[647]. Отдельно стоит выделить присущее Эйхе следование фундаментальному основанию военного искусства – принципу частной победы, что рельефно проявилось в процессе рассмотренной операции. За счет маневрирования и умелого сосредоточения сил и средств на отдельных, частных тактических направлениях начдиву-26 удалось добиться ряда побед местного значения и благодаря этому в критический момент рейда остановить в целом натиск более многочисленных войск корпуса Войцеховского. Тем самым, Эйхе удалось в корне изменить изначально столь неблагоприятно складывавшуюся для него оперативно-тактическую обстановку. Угроза поражения ударной рейдовой группы Эйхе на Уфимском плоскогорье, таким образом, была нивелирована, что обеспечило успех генерального наступления Тухачевского на Златоуст. Не случайно, по мнению авторов одной из коллективных монографий, скрытный маневр группировки Эйхе явился «…ключом всей операции по овладению Златоустом»[648]. Рассмотренный боевой эпизод можно с уверенностью отнести к ряду выдающихся страниц полководческой деятельности Эйхе в годы Гражданской войны на востоке России. Память о Юрюзанском рейде Эйхе («геройском марш-

[645] ЦА ФСБ РФ. Информационная справка № 10/А-Б-72 от 27 января 2015 г.
[646] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 164. Л. 2.
[647] *Белицкий С.М.* Стратегические резервы в современной войне // Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917-1940 гг.). М., 1965. С. 353.
[648] *Алахвердов Г.Г. и др.* Краткая история гражданской войны в СССР. М., 1960. С. 217.

броске») поддерживается и поныне благодаря усилиям уральских реконструкторов – любителей военной истории[649]. Последние в известной мере продолжили почин краеведов советского прошлого, сделавших Юрюзанский рейд, по меньшей мере с 1980-х гг., объектом мемориального экскурсионного туризма[650].

В целом весенняя и летняя военные кампании 1919 г. на Восточном фронте РСФСР, территориально связанные с освобождением Предуралья и Урала от вооруженных сил адмирала Колчака, позволяют нам выделить не менее десяти примечательных локальных операций, разработанных и с различной степенью успеха реализованных Эйхе как начальником 26-й стрелковой дивизии. Особого внимания здесь заслуживает опыт его управления силами соединения в рамках стратегической Челябинской операции 5-й армии (17 июля – 4 августа 1919 г.), явившейся логическим продолжением наступления на Златоуст.

В послевоенное время Эйхе не единожды делился воспоминаниями о сражении в районе Челябинска на дружеских встречах ветеранов 5-й армии РККА. События данной операции также были в 1920-1930-е гг. предметом частого обсуждения в приватных беседах Эйхе с одним из своих фронтовых товарищей и личных друзей комкором А.Я. Лапиным[651], руководившим в боях под Челябинском 232-м полком 3-й бригады 26-й стрелковой дивизии. Наконец, на исходе 1920-х гг. Эйхе, судя по всему, даже вел полемику касательно ряда вопросов операции с редакторами-составителями третьего тома известного многотомного труда «Гражданская война. 1918-1921», в том числе с Тухачевским и И.И. Вацетисом, своими бывшими непосредственными начальниками. Последние со своей стороны не преминули упомянуть имя Эйхе в этом контексте на страницах издания[652]. Иными словами, масштабное сражение, развернувшееся летом 1919 г. в районе Челябинска (по мнению историка П.Ф. Назырова, «одно из наиболее

---

[649] *Стромов П.А.* Рейд 26-й стрелковой дивизии 5-й армии «красных» по руслу реки Юрюзань в 1919 году // URL: http://рвио74.рф/2016/09/06/рейд-26-й-стрелковой-дивизии-5-й-армии-к (дата обращения: 16.04.2017). Тем не менее один из современных исследователей, А.Р. Заец, предпринял попытку «развенчать» миф о деятельности Эйхе в ходе рейда (См.: *Заец А.* К 90-летию Златоустовской операции // Военный историк. 2009. № 3. С. 3-4). Можно только выразить сожаление, что аргументация историка опирается на ошибочную информацию, ложные гипотезы, и не свободна от некоторой предвзятости.

[650] См.: *Баранов С.М. и др*. Уральский меридиан. Тематические маршруты: путеводитель-справочник. Челябинск, 1986. С. 9-18.

[651] *Лапин Альберт Янович* (1899-1937). Латыш. Командир 232-го стрелкового полка 3-й бригады 26-й стрелковой дивизии (июнь-август 1919 г.). Начальник 30-й стрелковой дивизии 5-й армии (8 декабря 1919 г. – 7 февраля, 17 февраля – 12 марта 1920 г.). Личный друг и протеже Эйхе в 1919-1920 гг.

[652] Гражданская война. 1918-1921. Т. 3. С. 211.

жестоких сражений на Восточном фронте» в годы Гражданской войны[653]), представлялось военачальнику, очевидно, весьма значимой вехой собственного боевого прошлого, неизменно актуальным и, очевидно, приятным воспоминанием.

Причина внимания Эйхе к событиям Челябинской операции вполне объяснима. Как в советской историографии, так и в новейших исследованиях действиям Эйхе и руководимой им 26-й стрелковой дивизии придавалось значение стержневого фактора, обусловившего крах разработанного белыми замысла челябинских «канн»[654]. Естественным образом Эйхе на ментальном уровне импонировала высокая оценка его достижений в этот период. Подобное реноме военачальник всячески стремился поддерживать, в том числе, будучи военным историком. Не случайно его первая известная публикация затрагивает, прежде всего, проблематику сражения под Челябинском[655] (при этом акцентируется внимание на роли 26-й стрелковой дивизии). Решающее значение этой операции в контексте заключительного этапа борьбы с режимом адмирала Колчака он подчеркивал также в своем итоговом историческом труде «Опрокинутый тыл»[656].

Высокая оценка Эйхе в связи с Челябинской операцией не лишена оснований. Именно его уверенные, инициативные, продуманные боевые решения способствовали ряду поражений и фактическому «выключению» из замысла челябинских «канн» южной ударной группировки белых – Волжской группы (командующий – генерал Каппель) 3-й армии[657], долженствовавшей осуществить глубокий фланговый охват правого крыла 5-й армии. Таким образом, в ходе операции военачальнику удалось в какой-то мере «реабилитироваться» за неудачу в выполнении приказа Тухачевского о блокировании корпуса «волжан» в ходе Юрюзанского рейда, о чем мы говорили выше. Не меньшее значение имело и спланированное Эйхе взятие 4 августа 1919 г. казачьей столицы региона – Троицка, что

---

[653] *Назыров П.Ф.* Челябинск в 1918-1919 гг. (Из истории города периода гражданской войны) // Челябинск неизвестный: краевед. сб. Вып. 1 / Сост. *В.С. Боже.* Челябинск, 1996. С. 99.

[654] Операция в соответствии с замыслом белых представляла классические «канны»: «План заключался в том, – отмечает историк С.П. Петров (США), – чтобы сдать Челябинск и, заманив 5-ю армию красных в центр города, ударить по флангам и уничтожить армию Тухачевского, открывая таким образом дорогу на запад … для соединения с Деникиным» (*Петров С.П.* Упущенные возможности. Гражданская война в восточно-европейской части России и в Сибири, 1918-1920 гг. М., 2006. С. 245).

[655] *Эйхе.* 5-я армия в борьбе за Западную Сибирь // Гражданская война. 1918-1921 / Под общ. ред. *А.С. Бубнова, С.С. Каменева, Р.П. Эйдемана.* Т. 1. Боевая жизнь Красной Армии. М., 1928. С. 190-193.

[656] *Эйхе Г.Х.* Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 252-262.

[657] Бывшая Западная армия. Преобразована 14 июля 1919 г. решением адмирала Колчака. Сообразно с этим I Волжский корпус Западной армии преобразовывался в Волжскую группу 3-й армии.

привело к перехвату коммуникаций Южной (казачьей) армии белых и, как следствие, территориальному расколу стратегического фронта адмирала Колчака.

Открывая рассмотрение челябинской вехи военной биографии Эйхе, прежде всего, следует акцентировать внимание на особенностях его оперативной работы по организации ввода дивизии в бой 17-22 июля 1919 г. Речь идет о ранней фазе Челябинской операции, когда 26-я стрелковая дивизия успешно реализовала задачу взлома и ликвидации мощного укрепленного рубежа упомянутой Волжской группы Каппеля в районе Миасского завода[658]. Поскольку на протяжении этой частной операции инициатива концентрировалась в руках красных, исследование указанного комплекса событий позволит нам составить наглядное представление о сущности оперативно-тактических решений Эйхе в условиях штурма временных (полевых) фортификационных позиций противника.

Цель ликвидации оборонительного рубежа (две линии) Волжской группы, укрепившейся в районе Миасский завод, станица Чебаркульская, д. Курамино (60-110 км к западу и юго-западу от Челябинска)[659], косвенно вытекала из приказа Тухачевского № 1250 от 16 июля 1919 г.[660] Изначальное решение Эйхе в русле данной директивы нельзя назвать удачным. В стремлении ускорить выполнение задачи военачальник отказался от характерных для его полководческой практики тактических действий на флангах противника, требовавших времени для перегруппировки сил и налаживания межбригадного взаимодействия. Положившись на один наступательный порыв и моральное воодушевление красноармейцев, он отдал указание овладеть первой линией укреплений генерала Каппеля (Курамино – Миасский завод – с. Непряхино – д. Верхне-Карасинский[661]) сходу, одним сосредоточенным фронтальным ударом 1-й бригады (врид командира – С-Г.С. Терегулов[662]) 26-й стрелковой дивизии на Миасский завод.

Отказ начдива-26 от вспомогательных обходных маневров, надо полагать, был обусловлен не только временным фактором и, вполне возможно, давлением Тухачевского, но и естественными условиями местности. Протянувшийся севернее и южнее Миасского завода господствующий Чашковский хребет (500-600

[658] Ныне – г. Миасс, Челябинская область.
[659] Ныне – г. Чебаркуль, Челябинская область; д. Курама, Учалинский р-н Республики Башкортостан.
[660] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 137. Л. 46.
[661] Ныне – д. Верхние Караси, Чебаркульский р-н Челябинской области.
[662] *Терегулов Саид-Гирей Селихович* (? – не ранее 1920 г.). Врид командира 1-й бригады 26-й стрелковой дивизии в июле-августе 1919 г., замещал действующего комбрига Гайлита.

м), по данным краеведа И.В. Купцова, на тот момент был хорошо укреплен противником, что, по сути, исключало фланговый охват миасских позиций[663]. Так или иначе, предпринятое Эйхе в обстановке нехватки времени 17 июля 1919 г. шаблонное наступление в лоб силами бригады Терегулова успеха не имело. Прорвать сходу рубеж обороны «волжан», усиленный проволочными заграждениями, ее войскам не удалось. Неудача заставила Эйхе начать поиск иного решения и в целом более творчески и ответственно подойти к планированию операции.

В основу нового, оригинального оперативного плана военачальник положил многократно проверенную (например, в ходе операции на ж/д ст. Иглино), классическую для себя идею ночной комбинированной атаки позиций противника – одновременно с фронта и фланга. При этом начдив-26 Эйхе обнаруживает исключительную находчивость. Поскольку фланговый обход укреплений белых крупными войсковыми массами был по указанным выше причинам затруднителен, он решает задействовать в соответствующем маневре силы только одного малого мобильного рейдового отряда, сформированного уже 17 июля 1919 г. из числа добровольцев 226-го стрелкового полка (командир – Д.И. Косич) 1-й бригады. Перед рейдовым отрядом Эйхе поставил боевую задачу оперативного, в сущности, значения – вывести из строя мощный артиллерийский заслон Волжской группы Каппеля, развернутый в тыловой полосе последней, севернее Миасского завода. Строго говоря, замысел красного военспеца явился тактической калькой с предпринятого в апреле 1919 г. рейда ижевцев генерала В.М. Молчанова в тылы Оренбургской бригады, как известно, стоившего Эйхе поражения возглавляемой им двухбригадной оперативной группы под Уфой. Судя по всему, этот драматичный опыт стал для биографируемого тогда своеобразным «уроком», из которого им и были извлечены выводы на будущее.

Теперь начдив-26 Эйхе получил возможность воспроизвести в иных условиях оперативную картину рейда ижевцев, с той только разницей, что в данном случае их функцию взял на себя малый рейдовый отряд полка Косича. По оценке военного историка П.А. Санчука, которую мы склонны разделить, предпринятый отрядом «…маневр блестяще был выполнен…»[664]. Совершив лесными тропами фланговый обход завода, отряд в ночь на 18 июля 1919 г. нанес, сле-

---

[663] Челябинская область: энциклопедия. Т. 7. С. 202.

[664] *Санчук П.* Челябинская операция летом 1919 г. // Война и революция. 1930. № 11. С. 73.

дуя указаниям Эйхе, внезапный удар с тыла по позициям артиллерии «волжан», по итогам которого красными было захвачено 9 орудий, взято в плен более 200 военнослужащих[665]. Организованный Эйхе и Косичем маневр обернулся сильнейшими негативными последствиями для Волжской группы. Историк Н.Ю. Бринюк, в частности, отмечала, что белые понесли «…невосполнимые людские потери: был захвачен личный состав Самарских конных батарей Каппеля, воевавший … с самого начала борьбы на берегах Волги в 1918 г.»[666]. Успешные фланговые действия рейдового отряда в сочетании с предпринятым Эйхе одновременным повторным наступлением по фронту 1-й бригады 26-й стрелковой дивизии на миасские позиции противника привели уже к рассвету 18 июля 1919 г. к общему отступлению войск Каппеля на второй, последний укрепленный рубеж (станица Кундравинская[667] – Чебаркульская – Верхне-Карасинский).

Очевидная дезорганизация и ослабление Волжской группы ставит перед Эйхе на повестку дня необходимость развить успех вверенной ему дивизии в оперативную глубину с целью нанесения окончательного поражения группировке левого крыла 3-й армии белых. По мысли военачальника, обеспечить достижение этого итогового оперативного результата должна была ликвидация упомянутой выше второй линии полевых фортификационных укреплений «волжан».

Предпринятая Эйхе соответствующая наступательная операция (19-22 июля 1919 г.) представляет очевидный интерес в контексте нашего исследования главным образом как наглядный пример разработки разумного, хотя и не бесспорного решения на двусторонний охват укрепившейся группировки противника в дивизионном масштабе и его успешной реализации. Имеющиеся в нашем распоряжении источники показывают, что ни до, ни после июля 1919 г. в карьере Эйхе как начдива более не имел места опыт единовременного ввода в сражение столь крупных войсковых масс[668], причем, посредством широких фланго-

---

[665] РГВА. Ф. 185. Оп. 1. Д. 5. Л. 81-81 об.; Там же. Оп. 3. Д. 316. Л. 102; Гражданская война на Южном Урале. 1918-1919: Сб. док. и мат. / Ред. кол.: *П.С. Лучевников* и др. Челябинск, 1962. С. 332-333.

[666] *Бринюк Н.Ю.* Июль 1919 года в жизни генерала Каппеля // URL:http://rusk.ru/st.php?idar=67015.htm (дата обращения: 30.03.2016).

[667] Ныне – с. Кундравы, Чебаркульский р-н Челябинской области.

[668] В ходе операции Эйхе применил единовременно почти все имеющиеся в его распоряжении на 19 июля 1919 г. силы и средства – 4.880 штыков, 130 сабель, 20 орудий, 118 пулеметов, 2 бронепоезда, отряд бронеавтомобилей, а также конные массы оперативно подчиненной ему Отдельной кавалерийской бригады 5-й армии в составе полка имени Стеньки Разина и Верхне-Уральского казачьего полка (каждый полк – силой не менее двух сотен конных бойцов).

вых маневров, масштабных по размаху и общей глубине прорыва (до 17-20 км). В силу указанных причин разработанную Эйхе идею тактического взлома второй оборонительной линии Волжской группы будет правильно рассматривать в качестве одной из важных составляющих его военно-теоретического наследия.

Замыслом операции предусматривалось создание двух смешанных ударных группировок для глубокого охвата соответственно правого и левого флангов группы Каппеля: северной (233-й стрелковый полк) и южной (227-й, 228-й, 229-й, 230-й, 231-й стрелковые полки). Подобная ударная конфигурация вытекала из трезвой оценки Эйхе естественных характеристик укрепленной позиции белых и расстановки их главных сил. Опираясь на линию 9 крупных озер (от оз. Кундравинское до оз. Малое Миассово) и за счет этого сократив протяженность фронта Волжской группы, Каппель развернул основные очаги сопротивления в чрезвычайно узких межозерных перешейках к западу и северо-западу от Чебаркульской (центр группы). На этом же участке был сосредоточен наиболее сильный блокирующий заслон белых с 2 бронепоездами и 22 орудиями, прикрывавший ж/д линию Златоуст – Челябинск[669]. В данных условиях, когда бесперспективность фронтальной атаки видится очевидной, решение начдива-26 на двусторонний фланговый маневр необходимо признать совершенно естественным. Благодаря этому, как справедливо отмечал позднее Эйхе, «мы не только овладеваем без боя укрепленной и сильной … позицией, но вынуждаем противника принять бой в том районе, где у него нет никаких преимуществ»[670].

Не вдаваясь в рассмотрение собственно деталей операции, что выходит за пределы задач исследования, отметим: фактическим результатом инициированного Эйхе концентрического наступления ударных групп 26-й стрелковой дивизии 19-22 июля 1919 г. через Кундравинскую и д. Сарафаново в район д. Мельников, д. Малков[671] (южная группа) и через Верхне-Карасинский и Непряхино на д. Барановский[672] (северная группа) явилась окончательная ликвидация укрепленного рубежа «волжан» на левом фланге 3-й армии белых. Сброшенные с него силы Волжской группы генерала Каппеля покинули пределы Троицкого уезда и начали стремительный отход в район Челябинска. Иными словами, в тер-

---

[669] *Лучевников П.С.* Гражданская война на Южном Урале (1918-1919 гг.). Челябинск, 1958. С. 168.
[670] *Эйхе Г.* Тактические поучения гражданской войны. С. 109.
[671] Ныне – д. Мельниково, д. Малково, Чебаркульский р-н Челябинской области.
[672] Ныне – д. Барановка, Чебаркульский р-н Челябинской области.

риториальном отношении операция Эйхе обернулась безусловным успехом[673].

Тем не менее, именно взлом второй оборонительной линии Каппеля западнее Челябинска мы склонны оценивать не иначе, как сражение «потерянных возможностей». Совершенно очевидно, что общая тактическая схема Эйхе при внесении в нее некоторых корректировок позволяла достигнуть задачи стратегического, строго говоря, масштаба – уничтожения основных сил Волжской группы путем их блокирования в «мешке» в районе Чебаркульская, Барановский. Предпосылкой этого явилось занятие Барановского красными к утру 22 июля, вследствие чего силам Каппеля был отрезан путь к отступлению на Челябинск. В этом смысле только изначальная (заложенная планом Эйхе) малочисленность южной ударной группы (500 штыков при 14 пулеметах) 26-й стрелковой дивизии позволила «волжанам» избежать почти неминуемого тактического окружения. Прорываясь на восток, крупные войсковые массы 1-й Самарской и 3-й Симбирской стрелковых дивизий Волжской группы без особых усилий выбили южную группу из Барановского, обеспечив себе коридор для отхода вдоль ж/д магистрали Златоуст – Челябинск. Северная группа при этом, по-видимому, запоздала с реализацией маневра на замыкание кольца окружения.

Крайне непропорциональное распределение сил и средств во фланговых ударных группировках дивизии явилось, таким образом, ключевой ошибкой нач-дива Эйхе в данной частной операции. К ряду определенных недочетов военачальника следует также отнести излишне академичный подход к боевому применению вверенных ему конных подразделений и частей. По большому счету, в оперативном решении он отводил им глубоко пассивную роль. Так, приданная Эйхе Отдельная кавалерийская бригада 5-й армии (командир – И.Д. Каширин) выполняла, за исключением боя у Кундравинской 19-20 июля 1919 г., исключительно вспомогательную функцию[674] обеспечения правого крыла боевых поряд-

---

[673] Подробнее см.: *Эйхе Г.* Тактические поучения гражданской войны. С. 108-109.

[674] Здесь нельзя полностью исключить, что Эйхе не использовал каширинцев в решении ответственным и масштабных боевых задач ввиду наличия внутренней предубежденности относительно боевых качеств «красных казаков». В представлении военачальника они вряд ли могли сравниться с ветеранами его дивизии, начавшими с Эйхе путь под Казанью в 1918 г. Определенный скепсис в отношении контингента бригады Каширина был, очевидно, свойственен и командующему 5-й армией Тухачевскому, который отдельным приказом от 17 июля 1919 г. постановил: «…Казакам Верхне-Уральского полка и полка Стеньки Разина, *сдав оружие 26-й дивизии (курсив наш. – Р.Б.)*, возвратиться на свои заводы и станицы для советской работы. <…> Оружие должно быть сдано…» (Цит. по: Челябинская область. 1917-1945 гг.: Сб. док. и мат. / Под ред. *П.Г. Агарышева*. Челябинск, 1998. С. 47-48).

ков дивизии. В то же время 2-й Петроградский кавалерийский полк дивизии в 130 сабель был сосредоточен начдивом-26 напротив чебаркульских позиций с целью фронтального статичного сковывания сил белых, что, без сомнения, могло быть успешно выполнено и пехотными частями. Иными словами, формат использования Эйхе имеющихся в его распоряжении маневренных сил легкой кавалерии мы вынуждены признать принципиально ошибочным. Последней было бы целесообразно придать качество ударного «тарана» в контексте тактических действий, направленных на охват укрепленных позиций Волжской группы.

Справедливости ради, подчеркнем, что операцию 26-й стрелковой дивизии 19-22 июля 1919 г. все же нельзя охарактеризовать как проходившую в отсутствии высокоманевренных сил и средств. Так, северная ударная группа по решению Эйхе была усилена отрядом бронеавтомобилей, который, как удалось установить, весьма эффективно способствовал продвижению правого фланга дивизии[675]. Однако действия его по определению не могли обеспечить той блестящей перспективы, которая открывалась перед Эйхе в случае ввода в глубокий прорыв на флангах «волжан» крупных масс кавалерии. Несостоявшиеся, таким образом, чебаркульские «канны» Эйхе вкупе с относительно благополучным отходом Волжской группы на восток создали предпосылки для перехода 3-й армии белых в контрнаступление и ввода противником в действие ответного замысла двустороннего окружения под Челябинском 5-й армии (челябинские «канны»).

Сложно предположить, как развивалась бы стратегическая обстановка на челябинском операционном направлении, если бы начдиву Эйхе удалось завершить тактическое окружение Волжской группы у ст. Аша-Балашовская 1-6 июля либо под станицей Чебаркульской 19-22 июля 1919 г. Однако генерал Каппель как в первом, так и во втором случае, проигрывая сражение на исключительно выгодных укрепленных позициях, все же находил ресурсы для стабилизации состояния войск, и выходил из намечающегося окружения. Успешный отход сил Волжской группы с миасско-чебаркульских позиций в этом отношении приобретал особенно крупное значение, поскольку позволял белым развернуть на ее основе южную ударную группировку 3-й армии, призванную осуществить фланговый охват 5-й армии Тухачевского (функция левого крыла челябинских «канн»). С этой целью группе Каппеля, закрепившейся к 24 июля 1919 г. южнее

[675] ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 416. Л. 101-103.

Челябинска (оз. Смолино – пос. Шумаковский – станица Еманжелинская[676] – оз. Большой Сарыкуль), решением командующего 3-й армией генерала Сахарова была придана 12-я Уральская стрелковая дивизия на правах ударной. Усиленной, таким образом, Волжской группе в соответствии с идеей «канн» предписывалось путем разгрома 26-й стрелковой дивизии Эйхе реализовать глубокий охват правого крыла 5-й армии и замкнуть в ее тыловой полосе кольцо окружения совместно с наступавшей севернее Челябинска основной ударной группировкой генерала Войцеховского (Уфимская группа 3-й армии)[677].

Указанный замысловатый план, как известно, потерпел неудачу. Одну из ключевых причин подобного исхода операции следует искать в результатах очного противостояния Эйхе и Каппеля 25-29 июля 1919 г. в районе к югу от Челябинска (заключительный этап Челябинской операции). В этот временной промежуток, справедливо подчеркивал историк Спирин, «наступательные действия … Каппеля были парализованы героическими усилиями 26-й дивизии. Поставленной задачи корпус *(Волжская группа. – Р.Б.)* не выполнил»[678]. Как показало исследование, соответствующий оперативно-тактический результат во многом явился следствием умелого управления боевыми действиями со стороны «красного латыша» Эйхе, начальника 26-й стрелковой дивизии 5-й армии.

Уже на склоне лет, в 1960-е гг., военачальник, вспоминая о Челябинском сражении, остроумно заметил, что «Каппель … мой старый "знакомый". <…> Теперь – в конце июля 1919 г. – мы с ним снова оказались лицом к лицу»[679]. Тактическое мероприятие, заложившее, по сути, основу будущего поражения группы Каппеля, Эйхе предпринимает за считанные часы до начала ее наступления в рамках замысла челябинских «канн». Опираясь на данные разведки, начдив проводит аналитическую работу и своевременно вскрывает факт перегруппировки ударной 12-й Уральской стрелковой дивизии Волжской группы в районе пос. Шумаковский, пос. Тимофеевский[680]. Без учета мер маскировки ее силы в ночь с 24-го на 25-е июля 1919 г. выдвигались форсированным походным порядком на исходный рубеж атаки. Столь грубое пренебрежение фактором внезапности не

---

[676] Ныне – д. Шумаки (Коркинский р-н), г. Еманжелинск, Челябинская область.
[677] *Сахаров К.В.* Белая Сибирь (Внутренняя война 1918-1920 гг.). С. 116.
[678] *Спирин Л.М.* Разгром армии Колчака. С. 215-216.
[679] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 178-178 об.
[680] Ныне – пос. Тимофеевка в черте г. Коркино, Челябинская область.

осталось без внимания Эйхе. Воспользовавшись ошибкой противника, он инициировал развитие 26-й дивизией сосредоточенного упреждающего удара по скученным маршевым колоннам уральцев на рассвете 25 июля[681]. Последовавшая за этим полная утрата боеспособности 12-й Уральской дивизией, часть контингента которой перешла при этом на сторону Эйхе, заставила генерала Каппеля отказаться от запланированного на 25 июля 1919 г. общего наступления Волжской группы[682] и поставить перед командующим 3-й армией вопрос о дополнительном выделении ему из армейского резерва 13-й Казанской стрелковой дивизии. Исходя из этого, операцию по двустороннему охвату и окружению 5-й армии генерал Сахаров вынужден был открыть усилиями только одной северной ударной группировки генерала Войцеховского вне поддержки южной группировки Каппеля, наступление которой начдиву Эйхе удалось успешно сорвать.

Отметим, однако, что после подхода из резерва 13-й Казанской дивизии Волжская группа приобрела явный перевес над силами Эйхе и с двухдневным запозданием (27 июля 1919 г.) все же предприняла попытку нанести поражение численно уступавшей 26-й стрелковой дивизии[683]. Но благодаря оперативному переходу начдива-26 от наступательного формата действий к тактике подвижной, маневренной обороны[684] ударный потенциал «волжан» на всем протяжении дивизионной оборонительной полосы был нивелирован.

Первостепенной задачей для Эйхе на данном этапе Челябинского сражения явилось активное сковывание частей Каппеля. Впоследствии военачальник дал развернутое описание особенностям выполнения указанной задачи: «Противостоять … превосходящим силам 26 дивизия … могла, действуя активно … наступая и сковывая этим силы белых. <…> Это и определило характер наших действий. Переходя с утра в наступление, мы занимали ряд ближайших дере-

---

[681] *Тарасов Е.П.* Краском Генрих Эйхе. С. 85-86.

[682] *Санчук П.* Челябинская операция летом 1919 г. С. 75-76. Частное (вероятно, демонстрационное) и неудачное наступление в этот день состоялось только на левом фланге группы, на с. Таянды.

[683] В соответствии с ориентировочными данными Полевого штаба РВС РСФСР соединения Волжской группы Каппеля (1-я Самарская, 3-я Симбирская, 12-я Уральская, 13-я Казанская стрелковые дивизии, отдельная Волжская кавалерийская и 2-я Оренбургская казачья бригады) во второй половине июля 1919 г. насчитывали 7.300 штыков, 3.850 сабель, 43 орудия (в том числе 8 тяжелых),145 пулеметов (Подсчитано по: Боевое расписание по данным к 1-му августа 1919 г. М., 1919. С. 59-61).

[684] Особенности данной тактики Эйхе были рассмотрены нами ранее, на примере действий военачальника в рамках столкновения вверенной ему 3-й бригады 26-й стрелковой дивизии и войск Сводного корпуса генерала Каппеля 6 декабря 1918 г. на линии д. Константиновка – д. Николаевка.

вень. К вечеру же мы должны были отходить из-за недостатка патронов. К утру, пополнившись патронами … опять овладевали теми деревнями, которые накануне были оставлены, но только для того, чтобы к вечеру опять оказаться в … исходном положении»[685]. В краткой форме суть подобной тактики выразил 31 июля 1919 г. начальник штаба 5-й армии Я.К. Ивасиов в разговоре по прямому проводу с В.Е. Гарфом, начальником оперативного управления штаба Восточного фронта РСФСР: «…С юго-востока от города *(Челябинска. – Р.Б.)* 26-я дивизия то атакует, то отбивает атаки противника»[686]. Это был, по воспоминаниям Эйхе, «…единственный способ сковывать превосходящие силы противника и обеспечить фланги и тыл 27-й и 35-й дивизий, ведущих ожесточенные бои северо-западнее и севернее Челябинска *(на фронте северной ударной группы Войцеховского. – Р.Б.)*»[687]. Тем не менее, даже в таком, относительно щадящем режиме противостояния безвозвратные и санитарные потери войск Эйхе за 27-28 июля 1919 г. достигли 525 человек, тогда как за всю предшествующую неделю (20-26 июля 1919 г.) убыль сил дивизии ограничилась показателем в 211 человек[688].

Бои на ближних подступах к Челябинску 25-29 июля рельефно проявили такое важное качество военачальника Эйхе, как способность к бескорыстной помощи соседу, в данном случае – 27-й стрелковой дивизии, принявшей на себя основной удар северной группировки генерала Войцеховского. В разгар боев, 28 июля, Эйхе безусловно выполняет приказ Тухачевского о передаче в распоряжение начдива Павлова 233-го стрелкового полка и артиллерийской батареи[689], хотя этим ослаблялся левый фланг 26-й стрелковой дивизии. Более того, опубликованные оперативные документы 27-й дивизии показывают, что уже к 22 июля в составе ее 3-й бригады действовала еще одна переданная Эйхе батарея – 8-я легкая[690]. Об оказанной Эйхе помощи тепло вспоминал участник Челябинского сражения, политработник 27-й стрелковой дивизии Н.В. Краснопольский: «На помощь нам подошла легкая батарея 26-й дивизии. <…> Более того … Г.Х. Эйхе по собственной инициативе поддержал нас, перебросив в Челябинск 3-ю бригаду *(часть ее сил. – Р.Б.)*. Особенно большую помощь нам оказал 233-й Красно-

[685] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1387. Л. 23.
[686] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 170. Л. 150.
[687] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 178 об.
[688] *Эйхе Г.* Тактические поучения гражданской войны. С. 94-95.
[689] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 137. Л. 73.
[690] Гражданская война на Южном Урале. 1918-1919: Сб. док. и мат. С. 335.

знаменный полк, совершивший сокрушительную атаку восточнее пос[елка] Першино»[691]. Роль деятельной поддержки военспеца Эйхе подтверждается донесением начдива-27 Павлова в адрес РВС 5-й армии, датированным 1 августа 1919 г. «С подходом левофланговых частей 26-й дивизии к нам на помощь, – подчеркивал в донесении Павлов, – … дивизия перешла по всему участку фронта в решительное наступление, сбивая противника на северо-восток…»[692]. Успех оперативно-тактического взаимодействия 27-й дивизии и войск левого крыла 26-й дивизии во многом явился следствием выработки Эйхе и Павловым (ранее, к слову, он служил под началом Эйхе как командир 232-го стрелкового полка и 2-й бригады 26-й стрелковой дивизии) плана совместных действий на совещании в Челябинске вечером 26 июля 1919 г.[693] Стоит ли говорить, что подобное единодушие соседей-начдивов, основанное на товарищеских отношениях, было явлением нечастым как в Русской армии времен Первой мировой войны, так и в РККА в годы гражданского конфликта, когда командиры дивизионного уровня зачастую исходили из местнических соображений и честолюбивых помыслов.

Между тем с открытием активных действий в интересах Павлова Эйхе оказывается в ситуации, схожей с той, которая имела место в начале Бугурусланской операции. В силу постановки ему командармом-5 Тухачевским 25 июля 1919 г. дополнительной боевой задачи овладения Троицком (110 км южнее Челябинска), базой Южной казачьей армии белых, начальник 26-й стрелковой дивизии вновь вынужден был оперировать в двух расходящихся направлениях. Несмотря на очевидные риски подобной оперативной конфигурации, Эйхе уверенно выполнил как вновь поставленную задачу, так и остававшуюся неизменной ключевую миссию сковывания левого крыла челябинских «канн» (образованного группой Каппеля) и поддержки начдива-27. Путем сложной перегруппировки под напором «волжан» 1-я и 3-я бригады 26-й дивизии к исходу 27 июля 1919 г. были выдвинуты решением Эйхе на выгодную оборонительную полосу в 25-30 км (пос. Коркинский – пос. Сухомесовский)[694]. Благодаря этой мере на главном операционном направлении соединения (в полосе наступления резервной 13-й Казан-

[691] *Краснопольский Н.* В боях за освобождение Челябинска: Из воспоминаний батарейца. Челябинск, 1959. С. 20.

[692] Цит. по: Гражданская война на Южном Урале. 1918-1919: Сб. док. и мат. С. 348-349.

[693] *Купцов И.В.* Челябинск. Июль-август 1919 года // Челябинск неизвестный: краевед. сб. Вып. 3 / Сост. *В.С. Боже.* Челябинск, 2002. С. 260.

[694] Ныне – г. Коркино, пос. Сухомесово (в черте Челябинска), Челябинская область.

ской дивизии белых) военспецу удалось создать исключительно высокую оперативную плотность и концентрацию средств огневого поражения. В то же время оборону на менее значимых центральном и правофланговом участках, а также функцию вспомогательного удара на Троицк (взят 4 августа 1919 г. «после короткого боя»[695]), начдив Эйхе обеспечивает за счет специально образованного им маневренного соединения – кавалерийской группы во главе с В.Д. Соколовским, прикомандированным к полевому управлению дивизии 22-летним слушателем Академии Генерального штаба РККА. В наступлении на Троицк Эйхе задействовал группу Соколовского в следующем составе: Отдельная кавалерийская бригада Каширина, 2-й Петроградский кавалерийский полк, 26-й отдельный кавалерийский дивизион, 231-й стрелковый полк 2-й бригады[696]. Соколовскому, таким образом, была подчинена вся дивизионная конница. Сконцентрировав конные массы в руках одного кавалерийского «вождя», Эйхе, как видно, сделал положительные выводы из собственного неудачного опыта боевого применения кавалерии на начальном фазисе Челябинской операции.

В результате рассмотренных оперативных решений начдива Эйхе наступательная инициатива на фронте вверенной ему 26-й стрелковой дивизии к первым числам августа 1919 г. всецело переходит к красным. «Контр-маневр белых, – как указывал позднее Эйхе, – потерпел непоправимую неудачу»[697], и разбитая Волжская группа генерала Каппеля, так и не реализовав задачи флангового охвата 5-й армии и утратив в противостоянии с войсками Эйхе значительную часть боевого состава, была поставлена перед необходимостью поспешного отхода на северо-восток. Участие «волжан» в Челябинской операции обернулось для них тяжелым поражением, масштаб которого мы в известной мере имеем возможность реконструировать благодаря данным «трофейных» сводок полевого управления 5-й армии. Проведенные нами на их основании подсчеты показывают, что

---

[695] РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 171. Л. 18. Мифологизируя Фрунзе, ряд советских исследователей намеренно приписывали взятие Троицка, имевшего крупное стратегическое значение, его инициативе: «…4 августа части 35-й стр[елковой] дивизии, переброшенной распоряжением товарища Фрунзе … взяли Троицк. Колчаковский фронт оказался разорванным…» (*Тимошков С.* Разгром южной армии Колчака (август-сентябрь 1919 г.) // Военно-исторический журнал. 1940. № 3. С. 33). В действительности, 35-я стрелковая дивизия не имела отношения к взятию города. Эта честь принадлежит исключительно 26-й стрелковой дивизии, начдиву Эйхе и красному «генштабисту» Соколовскому.

[696] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 237. Л. 117. В указанный период группа Соколовского также именуется в оперативных документах 5-й армии как Сводная кавалерийская дивизия.

[697] *Эйхе.* 5-я армия в борьбе за Западную Сибирь. С. 193.

в период с 18 июля по 8 августа 1919 г. возглавляемым Эйхе войскам удалось взять в плен 5.592 военнослужащих белых, а также принять не менее 370 перебежчиков[698]. Вместе с тем наиболее важный результат военно-управленческой работы Эйхе во второй половине июля 1919 г. выразился не столько в разгроме Волжской группы его «старого знакомого» генерала Каппеля, захвате пленных, трофеев и т.д., сколько в срыве замысла генерального сражения белых у Челябинска и первоначально диктовавшейся противником идеи челябинских «канн» – стратегического двустороннего окружения 5-й армии. Поражение белых под Челябинском, в свою очередь, положило конец «…возможности Колчака вновь пересечь Урал и соединиться с Деникиным для … похода на Москву»[699].

Челябинская операция явилась одной из наиболее неоднозначных страниц военной биографии Эйхе. Его объективный вклад в победу красных под Челябинском бесспорен, но более детальное рассмотрение боевых решений военспеца и реализованных им оперативных идей позволяет нам выделить ряд эпизодов, граничащих с откровенной нецелесообразностью. В первую очередь необходимо упомянуть ряд ошибочных действий начдива на начальной стадии операции: неподготовленное фронтальное наступление 1-й бригады на миасские позиции; пассивное, статичное применение внушительных масс легкой кавалерии; непропорциональное распределение сил во фланговых ударных группировках при наступлении в районе Чебаркульской. Тем не менее, из этих неудачных решений, за исключением последнего (оно было непоправимо), Эйхе удалось в известной степени извлечь «уроки» и в дальнейшем нивелировать их соответствующими контрмерами, частично либо полностью исправить. Таким образом, дальнейшее развитие способности к оперативной переоценке текущей боевой обстановки и отказу от явно нецелесообразных решений явилось основным эмпирическим капиталом, который военачальнику Эйхе удалось извлечь из опыта управления 26-й стрелковой дивизией 5-й армии в ходе Челябинского сражения.

Овладением Челябинском, по оценке РВС 5-й армии, была осуществлена историческая задача «…по освобождению Урала от Колчака…»[700], что привело

---

[698] Подсчитано по: РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 334. Л. 81, 84.

[699] *Петров С.П.* Упущенные возможности. Гражданская война в восточно-европейской части России и в Сибири, 1918-1920 гг. С. 248.

[700] См.: *Заболотный М.Б.* 5-я Краснознаменная Красная армия в годы Гражданской войны (1918-1920 гг.). Автореферат дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 1971. С. 22.

к закономерному снижению напряженности боевой работы «пятоармейцев». Выдвигаясь далее в августе-сентябре 1919 г. на пространство Зауралья, к линии р. Тобол, они почти не встречали противодействия белых, которые за счет потери территории намеревались выиграть время для восстановления фронта[701]. Говоря об этом, следует согласиться с суждением Эйхе, обозначенном им позднее в военно-исторической монографии «Опрокинутый тыл», в соответствии с которым, после поражения под Челябинском колчаковские войска «…потеряли на время способность к сопротивлению»[702]. Именно здесь, по его мнению, кроется «узко военное значение одержанной нами победы…» в Челябинском сражении[703].

На фоне благоприятно складывающейся оперативной обстановки командующий 5-й армией Тухачевский санкционирует направление начдива-26 Эйхе в заслуженный отпуск. Строго говоря, для военачальника он явился первой «побывкой» за время службы в РККА, не считая весенней поездки 1918 г., когда Эйхе формально еще не состоял в вооруженных силах Советской России. Оставив вверенную ему 26-ю стрелковую дивизии в должном, боеспособном состоянии, Эйхе покидает район Челябинска 6 августа 1919 г. и поездом отбывает в Москву. Здесь, в кругу семьи, полноценного общения с которой он был лишен в течение почти 1,5 лет, военспец и намеревался провести отпускной период.

Пребывание биографируемого в Москве, однако, не отличалось продолжительностью и, по-видимому, ограничилось лишь двумя-тремя неделями (в сумме – менее двух месяцев, считая время в пути). Уже в начале сентября 1919 г. он был экстренно отозван телеграммой на фронт, в распоряжение 5-й армии[704].

Обстоятельства, повлекшие за собой досрочное прекращение «побывки» Эйхе, явились следствием кризисной ситуации, сложившейся с войсками Тухачевского на начальном фазисе Петропавловской операции (20 августа – 4 ноября 1919 г.), вскоре после форсирования ими р. Тобол. В первых числах сентября 1919 г. «пятоармейцы», ранее почти беспрепятственно продвигавшиеся вглубь Западной Сибири, были остановлены на подступах к Петропавловску неожиданно мощным контрударом 3-й армии белых и отброшены к исходу месяца за

---

[701] *Смирнов И.* Борьба Красной Армии за освобождение Сибири // Три года борьбы за диктатуру пролетариата. 1917-1920. Омск, 1920. С. 33.
[702] *Эйхе Г.Х.* Опрокинутый тыл. С. 316.
[703] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 182.
[704] *Тарасов Е.П.* Краском Генрих Эйхе. С. 89.

линию р. Тобол[705]. При этом наступавшая вдоль ж/д линии Челябинск – Курган – Омск 26-я стрелковая дивизия, по воспоминаниям Тухачевского, «…сразу же понесла большие потери и начала сдавать»[706]. Недовольство командарма-5 текущей боевой работой соединения привело к отстранению врид начдива-26 Белицкого (на него Эйхе возлагал большие надежды, уезжая в Москву) и его замене 6 сентября 1919 г.[707] комбригом-3 соседней 27-й стрелковой дивизии И.Ф. Блажевичем. Однако последний, очевидно, также не удовлетворил требованиям Тухачевского и уже 10 сентября 1919 г. он произвел обратную рокировку, в результате которой красный «генштабист» Белицкий вернулся на пост врид начальника дивизии. К удовольствию командарма, его понимающий, опытный и инициативный соратник, начдив-26 Эйхе прибыл в Челябинск, где находился штаб 5-й армии, уже в середине сентября 1919 г., по меркам того времени сравнительно скоро. После кратких переговоров с Тухачевским военачальник незамедлительно выезжает в расположение испытывавшей кризис дивизии. 21 сентября 1919 г. он принимает от Белицкого совокупность дел по ее текущему управлению.

Рассматривая личное положение Эйхе после возвращения к исполнению должности начальника 26-й стрелковой дивизии, уместно провести аналогию с апрелем 1919 г., кануном контрнаступления Южной группы армий. Подобно событиям того месяца, первого для Эйхе в качестве начдива, перед ним теперь вновь стояла крайне сложная задача восстановления пошатнувшейся боеспособности в соединении и вместе с тем его подготовки к очередной стратегической операции 5-й армии. В данном случае речь шла о повторном наступлении в район Петропавловска (с переправой через р. Тобол), работа над подготовкой которого развернулась на тот момент в штабах Восточного фронта и 5-й армии.

Необходимость скорейшей стабилизации положения в дивизии обусловила проведение Эйхе спектра соответствующих организационных мероприятий: от организации «братаний» с целью привлечения военнослужащих противника на сторону красных (особенно успешно они проходили в полосе 3-й бригады)[708] до развертывания «заградительных отрядов», доказавших начдиву-26 весной

[705] *Поляк А.* Действия 5-й Красной армии от р. Тобол до озера Байкал (Краткий стратегический очерк) // Сборник трудов военно-научного общества. 1922. Кн. 2. С. 81.
[706] *Тухачевский М.Н.* Курган – Омск // Подвиг Пятой Красной: Сб. воспоминаний / Сост. *Я.М. Кузнецов.* Новосибирск, 1984. С. 40.
[707] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 186. Л. 24.
[708] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 187-187 об.

1919 г. свою эффективность[709]. К слову, практика организации Эйхе данных отрядов стала со временем предметом обсуждения и осуждения в кругах колчаковского офицерства. «Таким образом, – подчеркивал, например, в воспоминаниях полковник А.Г. Ефимов, начальник штаба противостоявшей Эйхе в этот период Ижевской стрелковой дивизии, – даже испытанная и известная своей надежностью 26-я красная дивизия нуждалась для успеха в боях в помощи "особых отрядов"», которые «…расстреливали бегущих и дезертиров…»[710].

Тем не менее предпринятые военачальником бескомпромиссные шаги, по-видимому, все же внесли очевидный перелом в настроения его подчиненных. Наглядным свидетельством восстановления боеспособности контингента дивизии после возвращения Эйхе явился успешный контрудар ее сил, состоявшийся 1 октября 1919 г., на завершающей стадии отхода соединения на западный берег р. Тобол. По итогам этой локальной операции вверенные Эйхе части захватили около 450 пленных и 10 пулеметов, что вызвало положительный отклик у Тухачевского, сообщившего об этом факте командованию Восточным фронтом[711].

Пользуясь установившимся вслед за тем двухнедельным затишьем[712], Эйхе совместно с работниками дивизионного штаба разрабатывает в первой половине октября 1919 г. в д. Степная[713] оперативный план предстоящего форсирования реки (с последующим прорывом оперативного построения 3-й армии генерала Сахарова). Реализация данной задачи таила в себе ряд значительных трудностей. Необходимо упомянуть, что после закрепления 26-й стрелковой дивизии на западном берегу р. Тобол к исходу сентября, восточное побережье реки на ее участке полностью перешло под контроль Волжской (командующий – генерал Каппель) и Уральской (командующий – генерал В.Д. Косьмин) групп 3-й армии белых. Естественные условия местности здесь благоприятствовали противнику,

---

[709] *Гайлит.* Из воспоминаний // Сборник воспоминаний к четвертой годовщине Рабоче-крестьянской Красной армии. М., 1922. С. 29. Наряду с «заградительными отрядами» дивизионного формирования порядок в районе сосредоточения дивизии обеспечивали также 1-й, 2-й, 3-й и 12-й отряды особого назначения 5-й армии, два из которых находились непосредственно в распоряжении штаба Эйхе (Винокуров О. Битва на Тоболе: 1919-й год в Курганской области // URL: http://www.kurgangen.ru/local-finding/grajdanskaya/The%20battle%20on%20the%20Tobol/1.2 (дата обращения: 8.05.2017).

[710] *Ефимов А.Г.* Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками, 1918-1920. С. 190.

[711] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 351а. Л. 2. Нельзя не упомянуть, что в предшествовавшие десять суток (последняя декада сентября 1919 г.) личным составом дивизии Эйхе в общей сложности было пленено еще не менее 470 военнослужащих противника (РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 335. Л. 104).

[712] *Эйхе Г.Х.* На главном направлении. С. 159.

[713] Ныне – д. Степное, Куртамышский р-н Курганской области.

который мог использовать в оборонительных целях примыкавшие к руслу обширные кустарниковые массивы, тянущиеся вдоль берега командующие высоты и наличие чрезвычайно пересеченной местности (болотистые пространства, обилие стариц, плавней и т.д.). Стоит, однако, признать, что подобное положение во многом явилось следствием ошибки самого Эйхе. В процессе отвода дивизии за р. Тобол он, наряду с начдивом-27 Павловым, по неустановленной нами причине не выполнил категорическое требование командующего Восточным фронтом В.А. Ольдерогге[714] о необходимости оставления на восточном побережье усиленных арьергардов, призванных придать обороне реки со стороны красных двусторонний, активный характер[715]. Более того, с ведома Эйхе или по его распоряжению уничтожению тогда подверглись все наличные на участке дивизии оборудованные переправы, что в разы усложнило реализацию повторного наступления дивизии и 5-й армии в целом на Петропавловск. Стоит ли удивляться, что извещенный о данном событии военспец Ольдерогге уже к 2-3 октября 1919 г. официально выразил командарму-5 свое глубокое недовольство[716].

Определенные сложности были обусловлены также собственно масштабом дивизионной войсковой группировки, которой надлежало провести форсирование реки. На начало октября 1919 г. в распоряжении начдива Эйхе состояла, помимо трех штатных бригад дивизии, подчиненная ему оперативно 2-я бригада (4-полкового состава) 21-й стрелковой дивизии. Таким образом, операция, разрабатывавшаяся в это время Эйхе, предусматривала применение группировки в тринадцать стрелковых полков (столь значительным количеством частей «красный латыш» не располагал со времен боев у Бугуруслана и Бугульмы) суммарной силой в 9.938 штыков, 20 сабель, 42 орудия, 184 пулемета[717]. В силу упомянутых выше обстоятельств переправа через р. Тобол и намечаемый Эйхе замысел

---

[714] *Ольдерогге Владимир Александрович* (1873-1931). Командующий Восточным фронтом РСФСР (15 августа 1919 г. – 15 января 1920 г.).

[715] РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 171. Л. 141.

[716] РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 173. Л. 2, 9.

[717] Подсчитано по: *Розенберг П., Малышев Н.* Описание операций 5-й армии в районе Западной Сибири 1 октября – 16 ноября 1919 г. // Военная наука и революция. 1921. № 1. С. 130. В исходных данных не учтена штатная дивизионная кавалерия, в частности, 65-й, 66-й кавалерийские полки и 26-й кавалерийский дивизион, насчитывавшие на 15 сентября 1919 г. 900 сабель, 54 пулемета (Подсчитано по: РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 326 (ч. 1). Л. 116). Более того, командующий Восточным фронтом в ходе переговоров с Тухачевским 1 октября 1919 г. выразил намерение усилить соединение Эйхе 5 октября маршевыми пополнениями в количестве 4.500 человек (РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 351а. Л. 3). Установить факт прибытия к этому времени пополнений и их совокупный объем пока не удалось.

прорыва вглубь оперативного построения 3-й армии противника требовали от начдива-26 проявления всей полноты его полководческих способностей.

В контексте тактической подготовки Эйхе к руководству форсированием р. Тобол и координированию действий десантно-штурмового характера непреходящее значение имели разработанные в свое время при участии военачальника замыслы переправ через водные артерии на рубеже р. Большой Кинель (у Бугуруслана), р. Белой (у Бирска) и р. Уфа (у д. Айдос). Будучи рассмотренными нами ранее, они выступили для военспеца в качестве бесценной практики, отдельные элементы которой были востребованы им в исследуемой Петропавловской операции. В этой связи справедливым видится мнение историка И.Е. Молокова, обратившего внимание на присущие Эйхе в период руководства дивизией находчивость, умение на практике применять имеющиеся знания и опыт[718].

Оперативное решение Эйхе, посредством которого он планировал отбросить силы противостоящих ему Волжской и Уральской групп 3-й армии от русла р. Тобол, представляет образец весьма успешного выбора направления главного удара. Опираясь на сведения дивизионной разведки и показания перебежчиков, начальник 26-й дивизии доподлинно устанавливает наличие на участке д. Нагорская[719] – д. Раскатиха – с. Чернавское (в 33-50 км южнее Кургана) оперативного стыка между упомянутыми Волжской и Уральской группами. «Решение мое, – отмечал позднее Эйхе в мемуарных записках, – состояло в том, чтобы нанести стремительный удар по этому стыку и развить [его] возможно больше в глубину в первый же день *(наступления. – Р.Б.)*»[720].

Указанными соображениями диктовался выбор нетривиальной оперативной конфигурации дивизии. В его основу лег принцип глубокого эшелонирования боевых порядков с выделением общего резерва. Направление главного удара соединения, совпадавшее с пунктом его основной переправы, намечалось у д. Толстоверетинская[721] и простиралось далее на район с. Чернавское. Близ первого из поименованных населенных пунктов, на сравнительно небольшом участке местности, военачальником Эйхе по договоренности с полевым управлением 5-й армии и были сгруппированы к 14 октября 1919 г. три ударных эшелона, по

[718] *Молоков И.Е.* Г.Х. Эйхе (1893-1968) // Герои огненных лет: очерки. С. 101.
[719] Ныне – с. Нагорское, Притобольный р-н Курганской области.
[720] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 187 об.
[721] Ныне – д. Тостоверетено, Куртамышский р-н Курганской области.

числу бригад в дивизии. В первый эшелон, призванный реализовать задачу первичного взлома обороны противника на стыке групп, военачальник назначил 1-ю бригаду (226-й, 228-й стрелковые полки) Гайлита. Второй эшелон, представленный силами 3-й бригады Н.Н. Рахманова, концентрировался в районе с. Камышинское[722] (5 км к востоку от пункта переправы). Третий эшелон (общий резерв Эйхе) включал развернутую близ с. Ключевское и д. Кондаковка (Кондаков Лог)[723], что в 16-17 км восточнее Толстоверетинской, 2-ю бригаду Путны[724]. Оставаясь верным принципу тесного боевого взаимодействия различных родов войск, Эйхе стягивает на участок прорыва весь имеющийся у него объем тяжелой артиллерии (8 орудий) – штатный гаубичный артиллерийский дивизион (1-я и 2-я тяжелые батареи) и две приданные ему при содействии армейского командования батареи 107-мм (42-линейных) и 152-мм (6-дюймовых) орудий[725].

Не менее примечательным представляется решение Эйхе задачи флангового обеспечения ударной группировки. Как и в случае с форсированием р. Уфа в июне 1919 г., военачальник применяет тактику обманных действий, передав обширный 20-км[726] участок реки на левом фланге дивизии, севернее Толстоверетинской, одному 227-му стрелковому полку 1-й бригады с задачей активного имитирования ложной переправы у с. Утятское[727], в районе которого, к слову, белые ранее уже предпринимали разведывательные поиски[728]. Именно на положительное влияние этого шага Эйхе позднее указывал Тухачевский, подчеркивая в воспоминаниях, что на втором фазисе Петропавловской операции «Волжская группа противника с нами связывалась демонстративными действиями»[729]. Противоположный правый фланг дивизии, по замыслу начдива, обороняла приданная ему 2-я бригада (командир – В.В. Кукуран) 21-й дивизии, обеспечивавшая стык с развернутой южнее 5-й стрелковой дивизией 5-й армии.

Одобрив оперативный план Эйхе, и лично оценив состояние руководимо-

---

[722] Ныне – с. Камыши, Куртамышский р-н Курганской области.

[723] Ныне – д. Ключики, Куртамышский р-н Курганской области. Д. Кондаковка ныне – не существует и на картах не идентифицируется, находилась в 1-1,5 км восточнее д. Ключики.

[724] *Вольпе А.М.* Петропавловская операция // Сборник трудов Военно-научного общества при Военной академии. 1922. Кн. 3. С. 86.

[725] *Эйхе Г.* Тактические поучения гражданской войны. С. 92.

[726] Общая протяженность оборонительной полосы дивизии на 14 октября 1919 г. составляла 42 км.

[727] *Эйхе Г.* Тактические поучения гражданской войны. С. 111.

[728] *Воробьев В.Ф.* Тобольско-Петропавловская операция. М., 1939. С. 45.

[729] *Тухачевский М.Н.* Курган – Омск. С. 45.

го им соединения, командующий 5-й армией Тухачевский в ночь на 13 октября 1919 г. отдает в штабе 26-й дивизии директиву № 1653/н, знаменующую начало повторного наступления красных в район Петропавловска. Соединению Эйхе, в частности, Тухачевский предписал с рассветом 14 октября форсировать р. Тобол «…всеми четырьмя бригадами и не позже 15 октября…» занять «…линию Патракова[730] – Обухово – Нагорская…»[731]. Перспективу точной реализации дивизией директивы № 1653/н, однако, post factum свела на нет упоминавшаяся ранее ошибка Эйхе, с ведома которого в конце сентября – начале октября 1919 г. были ликвидированы действующие на тот момент переправы через р. Тобол. Их повторное возведение потребовало дополнительного времени. В результате, по причине задержки с доставкой к вновь наводимым переправам срубленных мостов (опосредованное следствие ликвидации старых переправочных пунктов), 26-я стрелковая дивизия в установленный директивой срок оказалась не в состоянии осуществить форсирование реки. Соответствующая ситуация повлекла за собой отсрочку наступления на ее участке до утра 15 октября 1919 г., санкционированную специальным распоряжением командующего армией[732].

Вопреки вынужденной задержке методично подготавливаемый Эйхе в течение первой половины октября 1919 г. сокрушительный удар увенчался успехом. Локальная операция 26-й стрелковой дивизии, открытая около 4.00 ч. 15 октября массированной артиллерийской подготовкой и дальнейшим десантированием красных на восточный берег р. Тобол, в первые же сутки осуществления привела к глубокому 28-30-км рассечению оперативного построения 3-й армии белых на стыке Волжской и Уральской групп. К исходу вторых суток операции (16 октября) дивизией Эйхе на фоне активного сопротивления противника был достигнут целевой территориальный ориентир наступления, обозначенный директивой № 1653/н (д. Патракова – д. Обухово – д. Нагорская)[733]. При этом в районе Патракова едва не был пленен командующий 3-й армией противника генерал Сахаров. «17 октября *(очевидно, 16 октября. – Р.Б.)* я поехал к Уральскому корпусу *(группе. – Р.Б.)*, – вспоминал впоследствии Сахаров, – и там в деревне Патраково попал … со штабом корпуса в окружение большевиками; пришлось

[730] Ныне – д. Патраки, Притобольный р-н Курганской области.
[731] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 140. Л. 23.
[732] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 351. Л. 118-119.
[733] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 351а. Л. 113, 120.

для контратаки деревни направить все силы до личных конвоев моего и командира корпуса…»[734]. В конечном счете видный колчаковский деятель спасся лишь благодаря наличию у него личного легкового автомобиля[735].

Наступательный потенциал ведомой Эйхе ударной группировки не иссякал и в последующие сутки. «…Парализовать этого прорыва…», по словам того же генерала Сахарова, командованию белых было нечем, «несмотря на героическое сопротивление наших частей, которые несли огромные потери убитыми и ранеными…»[736]. Действительно, ни введение «старым знакомым» Эйхе, генералом Каппелем в сражение резерва Волжской группы, 1-й Самарской стрелковой дивизии в 1.500 штыков (разгромлена в районе д. Заборская 16 октября), ни вынужденное направление командующим 3-й армией в боевую линию к д. Обухово последнего личного резерва (7-я Уральская горных стрелков дивизия силой в 2.500 штыков, 150 сабель, 8 орудий, 20 пулеметов)[737] уже не могло переломить положительный для Эйхе исход операции на р. Тобол. В течение неполных десяти суток наступления войска под его руководством разгромили и отбросили на восток наиболее боеспособные левофланговые соединения и части армии генерала Сахарова (Ижевская, 1-я Самарская, 7-я и 11-я Уральские дивизии, 2-я Оренбургская казачья бригада, добровольческая дружина «Святого креста» и т.д.). Именно под влиянием столь «…неожиданного колоссального отхода левого фланга 3-й армии…»[738] военное руководство Российского правительства 24 октября 1919 г. принимает историческое по своим последствиям решение о стратегическом отступлении сил Восточного фронта белых на рубеж р. Ишим, к Петропавловску. В реальности начавшийся достаточно организованно отвод фронта спустя считанные дни обернется неконтролируемым бегством войск далее к р. Иртыш и падением Омска – административного центра адмирала Колчака.

К моменту принятия белым командованием этого фатального плана нач-дивы Эйхе с вверенными ему войсками удалось выйти в район ж/д ст. Юраклы,

---

[734] *Сахаров К.В.* Белая Сибирь (Внутренняя война 1918-1920 гг.). С. 153.

[735] Примечательно, что генералу Сахарову доведется счастливым образом избежать пленения войсками Эйхе также в начале января 1920 г. под Красноярском. Тогда он воспользовался уже не автомобилем, но неоседланной лошадью (*Обухов.* Краткая история Белорецкого полка // Гражданская война в Башкирии: Воспоминания участников / Под ред. *П.А. Кузнецова.* Уфа, 1932. С. 107).

[736] *Сахаров К.В.* Белая Сибирь (Внутренняя война 1918-1920 гг.). С. 152.

[737] Данные о составе 1-й Самарской и 7-й Уральской дивизий приводятся по: *Розенберг П., Малышев Н.* Описание операций 5-й армии в районе Западной Сибири 1 октября – 16 ноября 1919 г. С. 182.

[738] Цит. по: *Воробьев В.Ф.* Тобольско-Петропавловская операция. С. 66.

д. Медвежья, д. Копайская 2-я, д. Хуторы[739], продвинувшись, таким образом, на 75-80 км к востоку и северо-востоку от пунктов переправ[740]. Дальнейшее участие военачальника в Петропавловской операции носило уже характер организации преследования южнее ж/д магистрали Курган – Петропавловск стремительно откатывавшихся на восток и юго-восток сил противника, которое завершается 31 октября 1919 г. после осуществления переправы 26-й стрелковой дивизии через р. Ишим в районе с. Новоникольское. Двумя днями ранее соседняя 35-я стрелковая дивизия успешно занимает Петропавловск – конечную территориально-географическую цель наступления 5-й армии РККА в операции.

Завершающая веха военно-управленческой работы военачальника Эйхе в рядах 26-й стрелковой дивизии приходится на Омскую наступательную операцию (4-16 ноября 1919 г.). Будучи непосредственно предшествовавшей назначению биографируемого командующим всеми войсками 5-й армии РККА, она тем не менее не представляет значительного интереса в контексте исследования, как почти не проливающая свет на особенности индивидуальных управленческих практик и методик Эйхе. Не случайно упоминание им в позднейших исследовательских и мемуарных «штудиях» наступления на Омск носит исключительно краткий, неинформативный характер. Подобное положение вещей является закономерным. Проведенное исследование документации органов управления 5-й армии и других источников показывает, что участие частей под командованием Эйхе в Омской операции[741], в сущности, ограничивалось переходом от одного территориального рубежа – к последующему. Границы данных рубежей соответствовали указаниям Тухачевского[742]. В то же время сопротивление белых на фронте руководимых «красным латышом» частей было незначительным и осуществлялось в основном небольшими казачьими подразделениями. Вместе с тем наращивание темпов преследования противника, собственно говоря, не вменялось в обязанность начдиву-26, поскольку командующий Восточным фронтом

[739] Ныне – ж/д ст. Юрахлы, с. Медвежье (Варгашинский р-н), с. Хутора (Лебяжьевский р-н), Курганская область. Д. Копайская 2-я не существует, находилась в 16 км к северо-востоку от с. Хутора.
[740] *Вольпе А.М.* Петропавловская операция. С. 93.
[741] Стоит отметить, что к этому времени в распоряжении Эйхе состояли силы 26-й стрелковой дивизии и оперативно подчиненной ему с 6 ноября 1919 г. Сводной кавалерийской дивизии 5-й армии. 2-я бригада 21-й стрелковой дивизии начиная с 26 октября 1919 г. была выведена из ведения начдива-26 и придана 5-й стрелковой дивизии 5-й армии (РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 140. Л. 122).
[742] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 140. Л. 143, 180, 226.

РСФСР Ольдерогге требовал от Тухачевского (директива № 05100 от 6 ноября 1919 г.) временно «26 дивизию не выбрасывать вперед, а до выхода армии на линию ст[анции] Исиль-Куль *(127 км к западу от Омска. – Р.Б.)* держать ее на уступе за правым флангом 35 дивизии…», что обусловливалось вероятной возможностью применения соединения Эйхе как на главном, омском направлении, «…так и на второстепенном – кокчетав-акмолинском, если создастся угроза против правого фланга главных сил армии»[743]. В результате 26-я стрелковая дивизия осуществила переход через р. Иртыш, уже замерзшую на тот момент, только в ночь на 16 ноября 1919 г., спустя почти двое суток после непосредственного взятия Омска 5-й армией РККА и окончания соответствующей операции[744].

Заключительный этап пребывания Эйхе в ранге начальника дивизии, приходящийся на осеннюю кампанию 1919 г. (Петропавловская и Омская операции), интересен активным применением им тактических действий в темное время суток. Первая акция подобного рода была предпринята полководцем спустя считанные дни после его возвращения из отпуска. Так, с его одобрения 1-я бригада дивизии в ночь с 25 на 26 сентября 1919 г. осуществила внезапный сокрушительный удар из района д. Хуторы на крупное с. Саломатовское[745], где остановились на отдых три пехотных полка белых при одной батарее. «…В результате дерзкой ночной атаки…», резюмировал Эйхе в донесении Тухачевскому, усилиями 1-й бригады была «…разгромлена 13 Сибирская дивизия противника»[746]. При этом красные захватили около 200 пленных, три орудия и несколько пулеметов[747]. Другим наглядным примером успеха практики ночного боя, столь излюбленной для биографируемого, является разгром в районе Патракова 16-17 октября 1919 г. сил 11-й Уральской стрелковой дивизии, которые застала врасплох, на ночлеге, 2-я бригада 26-й стрелковой дивизии во главе с Путной. Следствием этого стало пленение 100 военнослужащих противника и взятие в качестве трофеев нескольких исправных единиц артиллерии[748]. В целом же, свидетельствует Эйхе, в ходе осенних операций «ночные действия применялись очень

[743] РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 174. Л. 17.
[744] *Поляк А.* Действия 5-й Красной армии от р. Тобол до озера Байкал. С. 89.
[745] Ныне – с. Саламатовское, Варгашинский р-н Курганской области.
[746] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 335. Л. 111.
[747] *Гайлит Я.П.* Ночные действия (пример из гражданской войны) // Военная наука и революция. 1922. № 2. С. 70.
[748] *Путна В.К.* Восточный фронт. Штрихи. С. 51.

широко»[749]. Вероятно, лучшим подтверждением продуктивности используемой биографируемым в это время тактики служит содержание приказа командующего Уральской группой 3-й армии генерала Косьмина № 205 от 19 октября 1919 г. «Последние дни, – указывается в документе, – противник, пользуясь ночным временем, пытается наносить нам удары, направляя … крепкие отряды. Действия этих отрядов прямо великолепны: здесь видны искусство и мужество в полной мере. …Действия этих отрядов почти всегда венчаются успехом»[750].

Большие и малые успехи Эйхе в период почти 8-месячного командования 26-й стрелковой дивизией существенно усилили его личные позиции в структуре командного корпуса 5-й армии РККА. Не в последнюю очередь благодаря этому обстоятельству военачальник еще в ходе проведения Омской операции, ввиду получения армейским РВС известия о предстоящем отзыве действующего командарма-5 Тухачевского на Южный фронт, становится, судя по всему, единственным реальным кандидатом на должность нового командующего армией.

***

Практика управления регулярными тактическими соединениями бригадного и дивизионного уровня в системе 5-й армии РККА (ноябрь 1918 г. – ноябрь 1919 г.) составляет основное содержание деятельности Эйхе в период борьбы с вооруженными силами Российского правительства адмирала Колчака. Время руководства Эйхе бригадой и 26-й стрелковой дивизией было ознаменовано большим количеством проведенных и/или инициированных им военных мероприятий и операций, серьезным, а нередко и коренным, образом повлиявших на ход борьбы РККА и колчаковской армии в указанный период. Соответствующая активность Эйхе способствовала формированию у него внушительного военно-управленческого багажа, позволила биографируемому усилить личный ресурс символического капитала такими ключевыми составляющими, как стабильное реноме талантливого военачальника, а также признание солдатских масс и представителей командного корпуса в масштабе 5-й армии Восточного фронта. Общий успех развития воинского мастерства Эйхе во время службы в 26-й стрелковой дивизии не в последнюю очередь обусловливался присущей ему способ-

[749] *Эйхе.* 5-я армия в борьбе за Западную Сибирь. С. 202.

[750] Цит. по: *Розенберг П.,Малышев Н.* Описание операций 5-й армии в районе Западной Сибири 1 октября – 16 ноября 1919 г. С. 165.

ностью к положительной адаптации. Данное качество помогло биографируемому оперативно перестроиться на работу в специфических условиях внутреннего конфликта, что зачастую было затруднительно для кадровых военспецов, опиравшихся на опыт Первой мировой войны. Так, в рамках большинства рассмотренных нами эпизодов ноября 1918 г. – ноября 1919 г. военачальнику довелось возглавлять оперативные единицы, которым действовали сравнительно самостоятельно, нередко изолированно от иных соединений армии, зачастую в отсутствии обеспеченных флангов и в условиях чрезвычайной растянутости полосы обороны. Подобная особенность вождения войсковых масс РККА была распространена в обстановке вооруженного противостояния на обширных пространствах востока России и, по справедливому выражению военного теоретика А.М. Вольпе, близкого соратника Эйхе в период его руководства 26-й стрелковой дивизией, создала «…особый тип начальника в гражданской войне – самостоятельного, надеющегося только на себя и свои войска, полного инициативы для принятия быстрого решения. Частные начальники находили правильные пути при самых трудных обстоятельствах, зная, что им ждать помощи неоткуда. Но в тех случаях, когда сосед оказывался близко, взаимная выручка … широко применялась»[751]. Обоснованность приведенного суждения Вольпе в полной мере подтверждается рассмотрением практик полководческой активности Эйхе, работа которого на исследованном в данной главе временном отрезке, представляя череду решения сложнейших оперативных и организационных задач, выступала в этом смысле одновременно в роли достаточно распространенного, типичного явления, производного от обобщенного образа службы командира бригадного и дивизионного звена РККА на востоке России. Стоит подчеркнуть, что этим обстоятельством, по-видимому, и исчерпывается общая «типичность» пути Эйхе как представителя большевистской военной номенклатуры в контекстуальных рамках Гражданской войны в восточных регионах страны.

[751] *Вольпе А.М.* Петропавловская операция // Сборник трудов Военно-научного общества при Военной академии. 1922. Кн. 3. С. 102.

Глава 3. Г.Х. Эйхе во главе оперативных объединений сил РККА: операции в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке (1919-1921 гг.)

§ 1. Преемник М.Н. Тухачевского. Перипетии служебной деятельности Г.Х. Эйхе в должности командующего 5-й армией РККА

Вступление Генриха Христофоровича Эйхе в конце ноября 1919 г. в должность командующего 5-й армией РККА представляет нижнюю временную границу крупнейшего, наиболее выдающегося этапа деятельности военачальника в период Гражданской войны на востоке России. Содержание его сводится к приобретению военным специалистом опыта управления, подготовки и реализации оперативных решений на уровне сухопутных оперативных объединений, включавших в разное время от двух до семи отдельных войсковых соединений:

1. 5-й армии Восточного фронта РСФСР (с 25 ноября 1919 г. по 19 января 1920 г.) в рамках Новониколаевской, Красноярской наступательных операций, а также связанных с ними локальных военных мероприятий;

2. Вооруженных сил Временной Земской власти Прибайкалья – Дальневосточной республики (с 17 марта 1920 г. по 2 мая 1921 г.) в рамках 1-й, 2-й, 3-й Читинских и Гродековской (несостоявшейся в силу политических соображений) операций, а также связанных с ними локальных военных мероприятий.

Верхняя временная граница указанного этапа, приходящаяся по времени на акт увольнения Эйхе из рядов вооруженных сил Дальневосточной республики (2 мая 1921 г.), является вместе с тем датой окончания полководческой и военно-организаторской деятельности военачальника в контексте событий Гражданской войне на пространстве востока России. Дальнейшая служебная деятельность «красного латыша» в 1921-1922 гг., вплоть до демобилизации, будет проходить уже на территории Советской Социалистической Республики Белоруссии и Туркестанской Советской Республики. По своему историческому значению и влиянию на развитие личных полководческих способностей Эйхе она, однако, уже не сможет идти ни в какое сравнение с апогеем, фазисом наивысшего расцвета карьеры военного специалиста, начало которому было положено его назначением по решению РВС РСФСР в ноябре 1919 г. на пост командарма-5.

Обращаясь к проблеме назначения Эйхе командующим войсками 5-й армии, – объединения, в котором он к исходу 1919 г. оставался одним из немногих

«коренных» командиров-ветеранов, начавших боевой путь под Казанью, – следует сосредоточить внимание на ряде предшествовавших этому событию обстоятельств. Перспектива служебного продвижения молодого начдива-26 Эйхе явственно обозначилась уже в августе 1919 г., после его отъезда в отпуск. РВС 5-й армии и, по-видимому, структурами РВС РСФСР в этот период интенсивно обсуждался вопрос о новом назначении Эйхе. Если верить источникам историка Е.П. Тарасова, разговор по существу шел о передаче ему должности коменданта Кронштадтской крепости Балтийского флота, либо – командующего 3-й армией Восточного фронта[752]. Оба варианта представляются вполне правдоподобными. После мятежа в июне 1919 г. на кронштадтских фортах «Красная горка» и «Серая лошадь» и ареста коменданта, кадрового военспеца К.М. Артамонова по подозрению в связях с восставшими, вопрос об испытанном, лояльном и энергичном руководителе морского ключа Петрограда стоял как никогда остро. В схожем положении находилась и 3-я армия, где после ухода в конце августа 1919 г. С.А. Меженинова врид командарма вплоть до начала октября 1919 г. оставался военспец М.И. Алафузо, чья лояльность большевистскому режиму на тот момент также не была безусловной[753]. Тем не менее волей М.Н. Тухачевского и члена РВС 5-й армии, старого большевика И.Н. Смирнова[754], вхожего к В.И. Ленину и Л.Д. Троцкому, Эйхе был сохранен тогда в рядах краскомов – «пятоармейцев».

Упорство, с которым Тухачевский и Смирнов в августе-сентябре 1919 г. отстаивали право на «своего» начдива, отражало не только естественное стремление к сохранению ценных кадров, но явилось также следствием тяжелой ситуации, сложившейся в 26-й стрелковой дивизии 5-й армии вскоре после отъезда Эйхе в Москву. Речь идет об ощутимом поражении, постигшем соединение в начале сентября 1919 г. на р. Тобол, и последовавшей за этим кадровой «чехарде» в его руководстве (уход С.М. Белицкого, назначение И.Ф. Блажевича, возвращение Белицкого). Данный эпизод мы затрагивали в Главе 2. По нашему мнению,

---

[752] *Тарасов Е.П.* Красном Генрих Эйхе. С. 89.

[753] *Софронов Г.П.* Неподвластное времени. М., 1976. С. 147-149.

[754] *Смирнов Иван Никитич* (1881-1936). Член РСДРП с 1899 г. В 1918-1920 гг. – на работе в военных органах: член РВС РСФСР (6 сентября 1918 г. – 8 июля 1919 г.), Восточного фронта (28 августа 1918 г. – 1 апреля 1919 г.), 5-й армии (1 апреля 1919 г. – 8 мая 1920 г.). По совместительству – кандидат в члены ЦК РКП(б) в марте 1919 г. – апреле 1920 г. и Председатель Сибирского революционного комитета (высший орган власти РСФСР на территории Сибири) в августе 1919 г. – сентябре 1921 г. С апреля 1920 г. – член ЦК РКП(б). Ключевой покровитель Эйхе в 1919-1921 гг.

именно он явился своеобразным идентификатором, продемонстрировавшим Тухачевскому, как временное отсутствие инициативного, решительного, понимающего помощника в лице начдива Эйхе может свести на нет выполнение оперативных замыслов командарма. В этой связи уместно заметить, что врид начдива-26 Белицкий, на которого Эйхе, уезжая в отпуск, возлагал большие надежды, не отвечал в полной мере данной характеристике, регулярно «испрашивая совета» и требуя указаний от Тухачевского и начальника штаба армии Я.К. Ивасиова[755] как самостоятельно, так и через А.М. Вольпе, старшего помощника начальника штаба дивизии. Паллиативная мера Тухачевского по передаче временного командования дивизией 6 сентября 1919 г. от Белицкого к Блажевичу не внесла перелома в боевую работу ее сил. Столь критический момент выявил практическую незаменимость Эйхе на своем посту, что и продиктовало решение командующего 5-й армией об экстренном, досрочном отзыве специалиста из отпуска.

Личное расположение Тухачевского к Эйхе, бесспорно, только усилившееся на фоне указанных событий августа-сентября 1919 г., следует рассматривать как одну из ключевых предпосылок выдвижения биографируемого в ранг командарма. В этом смысле особый интерес представляет история взаимоотношений двух военачальников. Их краткое знакомство, очевидно, произошло еще в мае-июне 1918 г., когда Тухачевский состоял военным комиссаром Московского района Западного участка отрядов Завесы, а Эйхе – командиром формально подчиненного управлению района 1-го пехотного полка имени Облискомзапа. На более близкий, доверительный уровень их контакты выходят в процессе совместной боевой работы в 5-й армии по реализации решений на освобождение территории Приуралья и Урала в апреле-августе 1919 г. Для Эйхе данный период стал, в чем удалось убедиться, своеобразным «звездным часом». В равной степени это утверждение можно отнести к Тухачевскому, который по итогам Челябинской операции был награжден орденом Красного Знамени (приказ РВС РСФСР № 167 от 7 августа 1919 г.). Формулировка приказа о его награждении, где в первую очередь упоминаются взятые Эйхе пункты, представляет очевидное свидетельство тесной взаимосвязи усилий военачальников в это время: «Под нашими ударами, благодаря смелым, полным риска, широким маневрам армии,

[755] *Ивасиов Яков Клементьевич* (1888 или 1889 – 1919). Начальник штаба 5-й армии (27 июля – начало декабря 1919 г.). Умер 20 декабря 1919 г. от сыпного тифа в сочетании с туберкулезом легких.

задуманным тов[арищем] Тухачевским, пали Бугуруслан, Бугульма, Бирск и Златоуст»[756]. Помимо сходства методов военно-управленческой работы (хотя здесь Эйхе отличался большей осторожностью) и взглядов на способы выучки и боевого применения войсковых единиц, командарма и начдива объединяла близость личностных характеристик. Деятельное начало, честолюбивые устремления и здоровый карьеризм, общая культура и достаточная гуманитарная развитость, не говоря уже об известной любви к классической музыке и иностранным языкам – все это, определенно, придавало Эйхе и Тухачевскому качество людей одного социального круга, делая их взаимоотношения несколько менее формализованными. Протекция Тухачевского позволяла Эйхе вполне обоснованно рассчитывать на дальнейший кадровый рост в «родной» ему 5-й армии РККА.

Принципиальное решение о выдвижении Эйхе в качестве преемника Тухачевского было принято РВС 5-й армии в ходе Омской операции. Вопрос о новом командующем приобрел тогда чрезвычайную актуальность в свете получения известия об отзыве Тухачевского из 5-й армии на Южный фронт (постановление РВС РСФСР № 67 от 6 ноября 1919 г.). В данном случае Тухачевский, как слагающий полномочия командарм, должен был согласовать с членами РВС армии Смирновым, Н.П. Тепловым и К.И. Грюнштейном кандидатуру своего потенциального преемника. Хотя по действующему с декабря 1918 г. официальному положению лицо в статусе командующего полевой армией РККА избиралось и утверждалось решением РВС РСФСР[757], мнение ответственных работников армии, как правило, принималось во внимание и нередко ложилось в основу этого решения. Некоторые косвенные свидетельства позволяют утверждать, что в соответствующем вопросе Тухачевский и как минимум двое членов РВС-5 (Смирнов и Теплов) из троих единодушно поддержали персону начдива Эйхе.

Мнение руководства армии, как показали дальнейшие события, нашло поддержку со стороны руководства РВС РСФСР, которое без проволочек утвердило производство начальника 26-й стрелковой дивизии в должность командующего армией. По-видимому, известную роль в этом решении сыграла личная позиция Председателя РВС Троцкого. Как отмечалось ранее, он был весьма доброжелательно расположен к военспецам-латышам, вместе с тем испытывая искреннюю

[756] Цит. по: Красные герои. Список участников гражданской войны, награжденных орденом «Красное Знамя». Вып. 2. [Б.м.]. С. 36.
[757] Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1917-1918 гг. М., 1942. С. 1332.

симпатию к ветеранам 5-й армии РККА, корни которой восходили к его свияжской поездке 1918 г. Спустя много лет, в своих воспоминаниях, Троцкий выступит в качестве их своеобразного апологета. «"Пятоармеец" в словаре революции, – напишет бывший лидер РККА, – имеет особое значение: это значит подлинный революционер, человек долга и прежде всего чистый человек»[758]. Индивидуальные привязанности Троцкого в сочетании с фактом пребывания «красного латыша» Эйхе во главе отряда войск, обеспечивавшего в свое время безопасность Председателя РВС РСФСР в Свияжске, должны были, по меньшей мере, создать хорошие предпосылки для одобрения кандидатуры военачальника Москвой.

Официальный переход руководства 5-й армией к Эйхе состоялся 19 ноября 1919 г.[759] Однако по причине перебазирования органов армейского управления из Петропавловска в только что занятый красными Омск передача всей совокупности дел от Тухачевского к Эйхе заняла некоторое время. Таким образом, первый приказ войскам 5-й армии № 1023, фиксирующий фактическое вступление Эйхе в новую должность, был подписан им только 25 ноября 1919 г.[760] С этого момента 26-летний военачальник получил право на ношение командармовских знаков различия в виде красной звезды и трех красных ромбов[761].

Следует заметить, что в выдвижении Эйхе, бывшего обер-офицера военного времени, на пост командарма мы видим продолжение тенденции к постепенному омоложению и снижению уровня общей военной подготовки (с точки зрения норм Русской армии) и совокупного служебного стажа корпуса командующих 5-й армией. Так, 44-летний П.А. Славен и 30-летний Ж.К. Блюмберг, первые по времени командующие армией, представляли еще классический тип кадрового военспеца, начавшего карьеру в армии задолго до мировой войны и достигшего к моменту ее окончания штаб-офицерского или высшего обер-офицерского чина. Сменивший Блюмберга 26-летний бывший подпоручик Тухачевский вступил на службу лишь в 1912 г. и относился уже к качественно иной страте молодого офицерства, из которой позже вышло немало известных командиров РККА. В отличие от указанных лиц Эйхе не получил специального военного образова-

[758] *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. С. 391.

[759] Приказ войскам Восточного фронта № 953 от 25 ноября 1919 г. // Приказы войскам Восточного фронта РСФСР. 25 мая 1919 г. – 6 мая 1920 г. [Б.м.]

[760] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1444. Л. 73; Приказ войскам Восточного фронта № 974 от 29 ноября 1919 г. // Приказы войскам Восточного фронта РСФСР. 25 мая 1919 г. – 6 мая 1920 г.

[761] ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 102. Л. 535.

ния, не был «кадровиком» и по определению был лишен связанных с этим статусом служебных преимуществ, что, однако, не стало помехой для раскрытия его полководческого таланта. В этом смысле он являл собой характерный для Гражданской войны новый тип полевого командира-практика, постигшего основы военного мастерства и сформировавшегося в условиях перманентного пребывания в боевой обстановке. Именно опыт успешного вождения войск на уровне полк – бригада – дивизия в чрезвычайно сложных, далеких от типовых оперативно-тактических схем Русской армии, реалиях Гражданской войны (в сочетании с безусловной преданностью большевистскому режиму) принес Эйхе в масштабе Восточного фронта реноме выдающегося военачальника, признанного героя 5-й армии[762], в известной мере предопределив его назначение командующим армией. Критерий боевого командного опыта в обстановке гражданского противостояния, отметим, становился по мере эскалации конфликта основным фактором кадрового производства не только в РККА, но и в армиях Белого движения.

Между тем совершенно очевидно, что приход к управлению крупным оперативным объединением бывшего начдива-26 Эйхе, почти не обладавшего практикой работы в масштабе объединения (за исключением службы в органах 10-й армии в 1917-1918 гг.), выдвигал на первый план квалификационную составляющую его новых сослуживцев. Прежде всего, речь идет о работниках полевого управления 5-й армии. В этом ключе будет правильно дать краткую характеристику некоторым из них, составившим ближайший круг молодого командарма.

Наибольшим авторитетом в коллективе армейского управления в этот период пользовался военспец, бывший полковник Русской армии И.Н. Устичев[763]. За 25 лет армейской службы ему довелось пройти путь от простого вольноопределяющегося 49-го Брестского пехотного полка[764] в Севастополе до помощника командующего 5-й армией РККА. Последний пост он занял при Тухачевском и сохранял его в течение почти всего времени пребывания Эйхе в должности командарма. Профессионализм, солидный жизненный и служебный опыт Устичева существенным образом подкрепляли на первых порах деятельность молодого

---

[762] *Буторов.* Герои 5-й армии // Красная армия на Востоке: печатный орган РВС 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа (Иркутск). 1922. № 7. С. 16.

[763] *Устичев Иван Николаевич* (1875-1920). Помощник командующего (апрель 1919 г. – январь 1920 г.), врид командующего (вторая половина января 1921 г.) 5-й армией.

[764] РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. П/с № 81/590-58. Л. 395.

военачальника. 43-летнему специалисту, пользовавшемуся весомым уважением коллектива «пятоармейцев»[765], Эйхе нередко поручал руководство текущими делами полевого управления армии в период своего отсутствия, а также во время поездок в войска, например с 15 декабря 1919 г.[766], когда командующий отправился в только что освобожденный силами 5-й армии Новониколаевск[767].

Из числа ключевых служащих управления 5-й армии Эйхе и Устичев были едва ли не единственными лицами, не прошедшими курса обучения в Николаевской академии Генерального штаба. Иные ведущие должности, как показало исследование, к исходу 1919 г. в основном занимали «генштабисты» из числа выпускников ускоренного курса 1917 г. К ним относились начальник штаба армии, ее ветеран Я.К. Ивасиов; начальник оперативного отдела штаба Н.В. Яковский; начальник статистического отделения штаба С.Н. Голубев и др. Более искушенными «генштабистами» были начальник разведывательного отдела штаба Е.О. де Монфор и состоявший для особых поручений при командующем армией И.И. Чубаков (выпуск академии 1904 г. и 1907 г. соответственно). Присутствие в штате органов полевого управления массы бывших штаб- и обер-офицеров с богатым опытом административной службы и глубокой теоретической подготовкой явилось, как нам представляется, одним из основополагающих компонентов системного успеха деятельности Эйхе во главе сил 5-й армии РККА[768].

Поименованные специалисты, ставшие надежной кадровой опорой вновь назначенного командарма, работали в рядах 5-й армии не один месяц, и профессионализм их был достаточно хорошо известен Эйхе. Вместе с тем среди ближайших соратников Эйхе в новой должности находились и лица, с которыми его

---

[765] Уместно упомянуть характеристику Устичева, которую ему дал Н.И. Корицкий, бывший инспектор военно-учебного отдела 5-й армии: «…Импонировали солидность и осанка Ивана Николаевича … суровый взгляд из-под золотого пенсне, Устичев имел в старой армии звание подполковника, но по виду его вполне можно было принять за генерала» (*Корицкий Н.И.* В дни войны и в дни мира // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников / Сост. *Н.И. Корицкий* и др. М., 1965. С. 53).

[766] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1444. Л. 220.

[767] Ныне – г. Новосибирск, Новосибирская область.

[768] Вопрос о значении работы «генштабистов» как фактора обеспечения работы органов управления РККА, в том числе полевого штаба 5-й армии, был основательно исследован историками А.В. Ганиным и В.В. Каминским (Израиль) (См.: *Ганин А.В.* Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России. Дис. ... доктора ист. наук. М., 2013; *Он же.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917-1922 гг.: справочные материалы. М., 2009; *Он же.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: статьи и документы. М., 2013; *Каминский В.В.* Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб., 2011).

связывала более продолжительная история взаимоотношений. Так, «генштабист» Яковский по удачному стечению обстоятельств оказался старым знакомым Эйхе еще со времен мировой войны, когда они оба служили в 245-м Бердянском пехотном полку. В товарищеских отношениях с командармом находился и «генштабист» выпуска 1917 г. Г.Я. Кутырев[769], прибывший в начале декабря 1919 г. на должность начальника штаба армии. В марте-августе 1918 г. он возглавлял разведку Московского района Завесы, где, как отмечалось ранее, в это же время служили Эйхе и Тухачевский. Таким образом, для контингента штабистов и административных работников 5-й армии Эйхе, безусловно, был не «варягом», пришлым человеком, но давним товарищем и уважаемым «пятоармейцем». Данное обстоятельство способствовало установлению доброжелательной, здоровой деловой атмосферы в системе управления армией на завершающей фазе ликвидации вооруженных сил адмирала А.В. Колчака (ноябрь 1919 г. – январь 1920 г.).

Служебное продвижение выводило Эйхе на качественно иной уровень ответственности. Под его начало перешла, вероятно, крупнейшая в истории Гражданской войны в России войсковая группировка РККА, когда-либо объединенная управлением одной общевойсковой армии. К первым числам декабря 1919 г. в распоряжении вновь назначенного командующего находились 5-я, 26-я, 27-я, 30-я, 35-я, 51-я стрелковые дивизии трехбригадного состава, Семипалатинская оперативная группа и ряд отдельных частей[770]. Боевой состав армии на 25 ноября 1919 г. достиг показателя в 31.000 штыков, 1.200 сабель, 106 орудий, 605 пулеметов[771]. С учетом нестроевых кадров (и, очевидно, пленных) общая численность армии, если верить свидетельству Эйхе, превысила в ноябре 1919 г. 200.000 человек[772]. В дальнейшем объем военнослужащих и материальной части увеличивался за счет вливания в соединения армии партизан и взятия трофеев.

---

[769] *Кутырев Гавриил Яковлевич* (1887 – не ранее 1923). Врид начальника штаба (3 декабря 1919 г. – 24 января 1920 г.), начальник оперативного управления штаба (февраль-март 1920 г.) 5-й армии.

[770] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1381. Л. 10-11.

[771] *Шуклецов В.Т.* Разгром колчаковцев и интервентов в Сибири // Подвиг Пятой красной: Сб. воспоминаний / Сост. *Я.М. Кузнецов*. Новосибирск, 1984. С. 14. Данные показатели могли быть выше, но 20 ноября 1919 г. по решению командующего Восточным фронтом В.А. Ольдерогге из состава 5-й армии была выведена Кокчетавская группа войск в составе 59-й (ранее – 54-я) стрелковой и 13-й кавалерийской дивизий, отдельных Степной и 2-й крепостной бригад (РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 174. Л. 43).

[772] *Эйхе Г.Х.* Опрокинутый тыл. С. 337; *Эйхе Г.* Победа на Востоке (к 45-летию разгрома Колчака) // Красная звезда. 1965. № 11. 15 января. С. 3. Данное число, видимо, должно быть уменьшено, поскольку в своих подсчетах Эйхе учел войска Кокчетавской группы, которая на 14 ноября 1919 г. включала 8.000 штыков и 1.700 сабель (Из истории гражданской войны в СССР: Сб. док. и мат. Т. 2. С. 762).

По отношению к упомянутым соединениям и их воинским контингентам командарму Эйхе в соответствии с действующими в РККА нормами были предоставлены исключительные властные полномочия, в том числе «…полная самостоятельность в вопросах стратегически-оперативного характера, а также право назначения, перемещения и отставления от занимаемых должностей всего командного состава войск и военных управлений и учреждений армии…»[773]. Необходимо подчеркнуть, что сфера компетенции Эйхе на рубеже 1919/1920 гг. не ограничивалась сугубо военными вопросами, но распространялась также на совокупность дел гражданского управления на территории Челябинской губернии (до 4 декабря 1919 г.), Томской[774] и Енисейской губерний, Акмолинской[775] и Семипалатинской областей, Омского губвоенкомата[776] формируемого на тот момент Западно-Сибирского военного округа и, вероятно, южных районов Семиреченской области. Задача территориального военного администрирования, однако, была подчинена центральной миссии военспеца Эйхе, которая напрямую соотносилась с конечной целью сил Восточного фронта на вторую декаду ноября 1919 г.: «Окончательное уничтожение армии противника *(адмирала Колчака. – Р.Б.)* путем дальнейшего преследования … остатков его сил на главном операционном направление Омск – Новониколаевск, … попутное присоединение к Советской России всей Западной Сибири до линии Енисея…»[777]. Указанный идейный императив лег в основу деятельности Эйхе на протяжении всего времени его пребывания на посту командующего (19 ноября 1919 г. – 19 января 1920 г.).

В течение короткого 62-дневного периода руководства воинским коллективом «пятоармейцев» Эйхе завершил выполнение соответствующей миссии. В рамках Новониколаевской (20 ноября – 16 декабря 1919 г.) и Красноярской (18 декабря 1919 г. – 7 января 1920 г.) наступательных операций силам вверенной ему 5-й армии удалось вне поддержки иных оперативных объединений РККА[778] осуществить демонтаж антибольшевистского политического режима адмирала

[773] ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 102. Л. 113 об.
[774] Приказ войскам Восточного фронта № 1060 от 18 декабря 1919 г. // Приказы войскам Восточного фронта РСФСР. 25 мая 1919 г. – 6 мая 1920 г.
[775] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1444. Л. 144.
[776] РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 175. Л. 29.
[777] Цит. по: Из истории гражданской войны в СССР: Сб. док. и мат. Т. 2. С. 762.
[778] После вывода из состава фронта не позднее 20 ноября 1919 г. 3-й армии задача ликвидации режима Колчака возлагалась на силы одной 5-й армии, действия которой координировались управлением фронта (Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.): Сб. док. Т. 2. С. 758).

Колчака, окончательно и бесповоротно вывести из гражданской борьбы основные силы трех деморализованных, но достаточно многочисленных полевых армий (1-й, 2-й, 3-й) Российского правительства, сорвав их переброску на площадку Восточной Сибири. Таким образом, указывал Эйхе в 1960-е гг., «на долю … Пятой армии, которая начала свои действия … под Казанью в августе-сентябре 1918 г., теперь, полтора года спустя, выпала почетная честь завершить начатое тогда на Волге дело на берегах другой великой русской реки – Енисея»[779].

Открывая рассмотрение характеристики оперативной составляющей военно-управленческой работы командарма Эйхе, закономерно ставшей для него приоритетной сферой приложения усилий, важно изначально принимать во внимание природу его взаимоотношений с вышестоящим фронтовым руководством.

Проведенное исследование оперативной документации полевых управлений Восточного фронта и 5-й армии, относящейся к периоду Новониколаевской и Красноярской операций, позволило нам прийти к следующему предварительному выводу: разработка оперативно-стратегических замыслов на боевое применение 5-й армии в Западной Сибири, равно как и задание вектора ее военных усилий на рубеже 1919/1920 гг., главным образом, осуществляло фронтовое командование. Иными словами, степень самостоятельности Эйхе в процессе постановки боевых задач соединениям армии все же была ограничена, исчерпываясь в основном функцией детализации уже разработанных на уровне фронта оперативных решений. Командующий Восточным фронтом В.А. Ольдерогге и начальник штаба фронта В.Е. Гарф[780], опытные «генштабисты» выпуска Николаевской академии 1901 г. и 1910 г. соответственно, оставили за Эйхе в этом плане только право совещательного голоса, скромного изложения оперативных соображений и дополнений «к сведению». Так, 30 ноября 1919 г. Гарф через Ивасиова в пространной форме обозначил перед командармом свою точку зрения на дальнейшее ведение Новониколаевской операции и рекомендовал ему дать свое заключение по этому вопросу[781]. Ранее, 20 ноября 1919 г., Ольдерогге попросил Эйхе высказать свои соображения[782] относительно перегруппировки и переподчине-

[779] *Эйхе Г.* Победа на Востоке (к 45-летию разгрома Колчака). С. 3.

[780] *Гарф Вильгельм Евгеньевич* (1884-1938). Начальник штаба Восточного фронта РСФСР (9 июля 1919 г. – 15 января 1920 г.).

[781] РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 175. Л. 5.

[782] РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 174. Л. 44.

ния сил в связи с выходом из состава Восточного фронта 3-й армии.

Однако к особому мнению Эйхе на уровне фронта, судя по всему, прислушивались далеко не всегда. Иллюстрацией к этому положению явились переговоры по прямому проводу между Эйхе (Омск) и Ольдерогге (Уфа), состоявшиеся 28 ноября 1919 г. Красной линией в беседе проходил поднятый командующим фронтом вопрос о необходимости временно приостановить наступление 5-й армии на восток после овладения г. Каинском[783] (290 км северо-западнее Новониколаевска) «…чтобы собрать части, одеть, пополнить их, после чего уже приступить к Ново-Николаевской операции»[784]. Мнение Ольдерогге базировалось на представлении о критической оторванности тылов армии от передовых частей (как следствии Омской операции) и совершенно необоснованных сведениях о том, что стремительное движение «разлагающе отразилось» на ее войсках.

Между тем, находясь в Уфе, в 1.100 км от штаба Эйхе и 1.300 км от авангардных групп красных, командующий фронтом едва ли представлял себе полную картину состояния частей единственной подчиненной ему армии. Молодой командарм попытался убедить Ольдерогге, что тыловые учреждения 5-й армии смогут догнать свои части максимум за три дня и вопрос о тылах потеряет остроту, заверив его, что настроение войск «великолепное» и усталости у них «не чувствуется». В этой связи Эйхе констатировал: «…Считаю однако, что нам после Каинска придется сделать еще два скочка *(так в тексте. – Р.Б.)*, один для обладания Н[ово]никол[аевском] и другой на станцию Тайга»[785]. Следовательно, приостановку наступления армии, отмечал Эйхе в разговоре 28 ноября, будет правильно осуществить не с выходом ее к Каинску, но позднее, с достижением войсками конечного рубежа операции, обозначенного в отданной им директиве от 26 ноября 1919 г. (№ 1853/н), то есть линии р. Обь через Барнаул, Новониколаевск, Колывань[786]. Тем не менее Ольдерогге, согласившись, видимо, с командармом относительно рубежа наступления в рамках Новониколаевской операции (линия перечисленных пунктов на р. Обь), все же остался при своем мнении по главному вопросу. В результате Эйхе уже 30 ноября вынужден был под

[783] Ныне – г. Куйбышев, Новосибирская область.

[784] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1381. Л. 6. В данном случае под «Ново-Николаевской операцией» Ольдерогге подразумевал непосредственное наступление на Новониколаевск и его пригороды.

[785] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1381. Л. 8.

[786] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 140. Л. 269.

давлением Ольдерогге санкционировать трехдневную остановку дивизий (27-й, 30-й и 35-й), развернутых на главном направлении[787]. Наконец, после занятия Каинска 1 декабря авангардами 27-й дивизии командующий фронтом, как он и планировал, издает официальный «стоп-приказ» (№ 5533 от 5 декабря 1919 г.), обязавший Эйхе окончательно прекратить наступательные действия 5-й армии и разместить ее войска на отдых до 7 декабря[788]. Вызванная, таким образом, вопреки желанию командарма оперативная пауза, позволила значительным силам отступавших от Омска на Новониколаевск 2-й (командующий – генерал С.Н. Войцеховский) и 3-й (командующий – генерал В.О. Каппель) армий белых выйти из сферы поражения под прикрытием арьергардов и относительно благополучно эвакуироваться за р. Обь. В результате цель разгрома и пленения основного контингента указанных армий Эйхе удастся реализовать только к концу первой декады января 1920 г., уже в рамках Красноярской наступательной операции.

В целом военно-управленческая составляющая деятельности Эйхе в ранге командующего характеризовалась достаточно сильной зависимостью от решений РВС и штаба Восточного фронта. В этом отношении коллизия с временной приостановкой Ольдерогге движения 5-й армии после ее выхода в район Каинска представляла лишь один из многих эпизодов, подтверждающих данное правило. Собственно механизм отдачи Эйхе ключевых оперативных распоряжений войскам армии, как показало исследование, предполагал наличие предварительной установочной директивы фронтового командования. Не случайно значительное число обнаруженных приказаний командарма, относящихся к сфере вождения войск, открывается формулой «на основании директивы комвоста», «в развитие директивы комвоста» и т.д. Вместе с тем опыт действий 5-й армии в зимней кампании 1919/1920 гг. продемонстрировал, что в пределах упомянутой функции детализации замыслов, указаний и директив Ольдерогге и Гарфа командарму Эйхе зачастую удавалось властно влиять на характер и направление использования вверенных ему соединений в оперативном масштабе.

Приказ № 1853/н от 26 ноября 1919 г., о котором говорилось ранее, явился первым фундаментальным оперативным документом, подписанным Эйхе в быт-

[787] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1290. Л. 9. 5-я стрелковая дивизия на тот момент была выведена в резерв фронта, хотя и продолжала дислоцироваться в полосе 5-й армии. 51-я стрелковая дивизия не позднее 7 декабря 1919 г. поступила по решению Эйхе в резерв армии (РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 140. Л. 325).
[788] РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 175. Л. 8.

ность командующим 5-й армией. Именно эта директива задавала войскам географический ориентир преследования сил белых в контексте Новониколаевской операции (выход на барьерный рубеж р. Обь и занятие Барнаула, Новониколаевска, Колывани). Выбор Эйхе и его штабом данного рубежа не был случаен, поскольку именно здесь, а также в районе Томска, квартировала находившаяся на переформировании с октября 1919 г. резервная 1-я армия белых[789] (командующий – генерал А.Н. Пепеляев). Таким образом, 5-я армия получала возможность, помимо овладения западом Томской губернии и узловыми пунктами, разгромить последние стратегические резервы адмирала Колчака, с которыми он связывал перспективу восстановления к весне 1920 г. стратегического фронта.

Сосредоточение крупных, свежих войсковых масс противника в районе Новониколаевск, Томск вызывало у Эйхе между тем большую тревогу[790]. Прикрытый с севера непроходимым таежным лесом, с юга – массивами горного Алтая, он был исключительно выгоден для ведения оборонительных действий, что наводило командарма на мысль о возможной организации белыми на этом участке фронтального глубокоэшелонированного заслона[791]. В отсутствии точной информации о соответствующем намерении противника Эйхе проявляет благоразумную осторожность. Оставаясь верным своей излюбленной тактике комбинированных ударов, он принимает решение наряду с фронтальным наступлением основной группировки армии (27-я, 30-я, 35-я дивизии) на Новониколаевск, Колывань подготовить обходной фланговый маневр силами нацеленной на Барнаул 26-й стрелковой дивизии. Последней в случае перехода противника к упорной обороне рубежа р. Обь на центральном направлении предписывалось осуществить охват южного крыла новониколаевско-томской группировки белых с ударом в ее тыловую полосу, в район ст. Тайга (195 км северо-восточнее Новониколаевска). Именно этот план имел в виду Эйхе, обозначив уже 28 ноября 1919 г. своему преемнику на посту начдива Я.П. Гайлиту задачу перспективных действий «…дивизии в направлении Барнаул – ст. Тайга»[792]. Позднее коман-

[789] *Васильев Г.А.* Кемчуг-Красноярская операция Красной Армии против колчаковских и интервенционистских войск // Труды Сибирского лесотехнического института. 1958. Сб. XXVIII. Вып. VI. С. 78.

[790] Необходимо принимать во внимание, что в это же время вдоль Транссибирской магистрали от Каинска в общем направлении на Новониколаевск продолжала отступление другая крупная группировка белых, представленная силами 2-й и 3-й армий адмирала Колчака.

[791] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 200-200 об.

[792] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 140. Л. 282.

дующий 5-й армией, очевидно, увеличил размах флангового маневра, наметив его конечной точкой не ж/д ст. Тайга, но Мариинск, что в 130 км восточнее[793]. В интересах дополнительного обеспечения маневра и блокирования отхода белых на Красноярск Эйхе привлек формирования партизан, действовавших северо-восточнее Барнаула, приказав им 4 декабря 1919 г. «…перейти форсированным маршем в район … ст. Тайга – г. Мариинск, где, испортив жел[езную] дорогу, беспрерывно действовать на сообщения противника»[794].

Рассмотрение боевое решение командарма, представляющее образец трезвого расчета в условиях неопределенной оперативной обстановки, легло в основу замысла начального фазиса Новониколаевской операции, но, по счастью, не было полностью реализовано. Эффективно противостоять продвижению основной ударной группировки Эйхе на новониколаевском направлении белым так и не удалось, хотя замысел обороны треугольника Новониколаевск – Томск – ст. Тайга, действительно, имел место[795]. Отступавшие вдоль Транссибирской магистрали от Каинска в общем направлении на Новониколаевск войска 2-й и 3-й армий были задействованы больше в эвакуации армейского имущества (задача второго порядка[796]), чем в реальных военных мероприятиях. Распропагандированная эсерами резервная 1-я армия, основные массы которой располагались севернее, в томском районе, проводить боевую работу в интересах Войцеховского и Каппеля не намеревалась и вела себя неактивно. В сочетании с масштабным разложением солдатских и офицерских кадров новониколаевско-томской группировки белых (мятеж гарнизона Новониколаевска 7 декабря 1919 г., политическая борьба среди высших офицеров и т.д.) это существенно облегчило Эйхе реализацию Новониколаевской операции. После получения уточненных разведывательных сведений о морально-психологическом состоянии противника тревога командарма относительно перспектив оперирования возглавляемых им войск в районе Новониколаевск, Томск была окончательно развеяна. В свете перечисленным обстоятельств Эйхе совершенно верно отказался от сложного флангового маневра дивизии Гайлита на Мариинск как одного из основных компонентов

[793] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1387. Л. 31.
[794] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1366. Л. 4.
[795] *Гудошников М.А.* Очерки по истории гражданской войны в Сибири. Иркутск, 1959. С. 141-142; *Сахаров К.В.* Белая Сибирь (Внутренняя война 1918-1920 гг.). С. 186.
[796] *Вергин Н.* От Омска до Новониколаевска // Военно-исторический журнал. 1961. № 7. С. 116; Последние дни колчаковщины: Сб. док. / Сост. *М.М. Константинов.* М.-Л., 1926. С. 61-62.

замысла операции, ограничив ее задачу взятием Барнаула. Позитивный настрой и оптимистичный прогноз Эйхе позволили его близкому соратнику, члену РВС 5-й армии Смирнову, с которым тот установил самые доброжелательные личные отношения, в телеграмме Ленину от 4 декабря 1919 г. уверенно констатировать: «Колчак армию потерял. <…> Боев больших не будет. <…> Темп преследования таков, что к 20 декабря Барнаул и Новониколаевск будут в наших руках»[797].

Тем не менее обнадеживающие данные разведки не ввели Эйхе в состояние самоуспокоения или расслабленности. Подготавливая решающий бросок на Новониколаевск, командарм-5 в период санкционированной Ольдерогге паузы призывал начальников дивизий армии строжайшим образом следить за соблюдением порядка в районе сосредоточения войск и в полосе их грядущего наступления, не допуская его перерождения в стихийное продвижение ради продвижения, которое могло быть легко пресечено внезапным контрударом сил противника. Так, в одном из приказов войскам 5-й армии Эйхе в это время подчеркивал: «Противник на более активных участках фронта стремится для выигрыша к ночным действиям. Начдивам обратить серьезное внимание на подготовку войск к ночным действиям, подтвердив меры тщательного уставного сторожевого охранения, дабы противник не мог внезапно нанести войскам удары в тыл. Обеспечивание боевых участков ночью лежит на всех видах разведки, которой важно доносить о всем замеченном, не теряя соприкосновения с противником. Подтвердить войскам … значение тщательного несения службы охранения безопасности войск»[798]. Как видно из содержания приведенного документа, военный специалист извлек основательные выводы из собственного неудачного опыта, связанного с несоблюдением комплекса мер сторожевого охранения и службы войсковой разведки (см. рассмотренный в Главе 2 эпизод разгрома Оренбургской бригады оперативной группы Эйхе под Уфой весной 1919 г.).

Сохранив, таким образом, свой боевой функционал в период оперативной паузы, инициированной Ольдерогге, силы 5-й армии на заключительном этапе Новониколаевской операции решительно преодолели сопротивление противника и успешно продолжили 8 декабря 1919 г. продвижение на восток и юго-восток Западно-Сибирской равнины. Цель возобновления преследования белых следо-

[797] IISH. International Left Opposition Archives. L.D. Trockij (collection of documents). Inv. No. 801.
[798] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1444. Л. 241.

вала из приказа Эйхе № 1894/н от 7 декабря 1919 г. Он представлял итоговый директивный документ войскам 5-й армии в рамках Новониколаевской операции, который обязывал их «овладеть к 16 декабря линией Барнаул – … Новониколаевск – Колывань»[799]. Не вдаваясь в содержательную, описательную сторону соответствующих тактических действий вверенных Эйхе сил, подчеркнем, что положения директивы командарма были выполнены досрочно, с крупным территориальным и оперативным успехом[800]. Наступавшая на ключевом операционном направлении вдоль Транссибирской магистрали 27-я стрелковая дивизия (врид начальника – И.Ф. Блажевич) овладела Новониколаевском глубоким обходным маневром (по рекомендации командарма Эйхе) 1-й и 3-й бригад к утру 14 декабря 1919 г. Двумя днями ранее развернутая на южном направлении правофланговая 26-я стрелковая дивизия Гайлита вступила в Барнаул, оставленный противником без боя[801]. Колывань, избранная Эйхе в качестве «плацдарма» для овладения томским районом и нанесения удара 1-й армии Пепеляева (посредством движения по грунтовой дороге Колывань – Томск вдоль р. Обь) была занята к 15 декабря 1919 г. 30-й стрелковой дивизией (начальник – А.Я. Лапин).

Исключительно маневренный формат боевого применения соединений 5-й армии, который был выработан командармом Эйхе и привит войскам его директивами (отличались постановкой масштабных территориальных задач при крайне сжатых сроках их выполнения), таким образом, полностью оправдал себя в процессе Новониколаевской операции. Преодолев с момента ее начала расстояние в 600-670 км, силы 5-й армии завершили освобождение обширной территории в междуречье р. Иртыш и р. Обь. Колоссальное поражение при этом постигло военную машину адмирала Колчака, которая в одном только новониколаевском районе утратила около 31.000 нижних чинов и 2.000 офицеров пленными (прежде всего, из состава боевых частей); 200 орудий, включая всю тяжелую артиллерию Восточного фронта белых; 5,5 млн. патронов и 3 млн. снарядов; имущество всех базисных складов фронта и т.д.[802] Как отмечал впоследствии сам Эйхе, «то была первая крупная группировка действующей армии белых, раз-

[799] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 140. Л. 325.

[800] Подробнее об этом см.: *Варгин Н.* От Омска до Новониколаевска. С. 117-120; *Поляк А.* Действия 5-й Красной армии от р. Тобол до озера Байкал (Краткий стратегический очерк). С. 92-99.

[801] См.: *Камбалин А.* 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк в Сибирском Ледяном походе // Сибирские огни. 2010. № 2. С. 121.

[802] *Папин Л.М.* Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. М., 1957. С. 62.

громленная за истекшие со времени Ишимо-Тобольской *(Петропавловской. – Р.Б.)* операции полтора месяца»[803]. Масштаб успеха «пятоармейцев» был немедленно оценен В.И. Лениным, Председателем Совнаркома РСФСР. В одном из выступлений 19 декабря 1919 г. он подчеркивал, что «…теперь, когда окончательно разгромлены войска Колчака, … когда под Новониколаевском были захвачены громадные военные силы, – видимо, никакой колчаковской армии нет»[804].

Спустя двадцать лет, 2 февраля 1939 г., когда Эйхе и большинство его ближайших боевых соратников по 5-й армии уже находились в заключении либо были расстреляны, дата занятия Новониколаевска обрела качество официального регионального праздника – «Дня освобождения Сибири от Колчака». Естественным образом имена репрессированных на тот момент лидеров коллектива «пятоармейцев» – командарма Эйхе, члена РВС армии, «троцкиста» Смирнова, врид начальника 27-й стрелковой дивизии Блажевича, начальника 51-й стрелковой дивизии и первого военного коменданта Новониколаевска В.К. Блюхера[805] – по этому случаю не упоминались[806]. Однако при ином развитии событий Новониколаевская операция, по нашему мнению, бесспорно, могла в 1930-1950-е гг. выступить сюжетом в русле исторической героизации командарма Эйхе. В его основание могла, в частности, быть положена косвенная оценка деятельности полководца и 5-й армии со стороны И.В. Сталина, обозначенная последним в известной статье «К военному положению на Юге» (декабрь 1919 г.). «Что же касается Колчака, – отмечал в этой статье Сталин, – то после разгрома под Ново-Николаевском от его армии осталось одно лишь воспоминание»[807].

Вместе с тем приведенные оценки Ленина и Сталина, относивших факт окончательного разгрома противника уже к Новониколаевской операции, можно признать верными лишь отчасти. Армия адмирала Колчака после крупнейшего

---

[803] *Эйхе Г.Х.* Опрокинутый тыл. С. 339. В этом смысле мы согласимся с историком Н.Ф. Варгиным, считавшим Новониколаевскую операцию более эффективной, чем широко известное наступление 5-й армии на Омск (*Варгин Н.Ф.* Из истории борьбы с Колчаком // Вестник Ленинградского университета. Серия: История, язык, литература. 1960. № 20. Вып. 4. С. 48-49). В отличие от первой Омская операция завершилась разгромом не действующих сил армии Колчака, но пленением главным образом ее нестроевых формирований (тыловые команды, группы выздоравливающих, запасные части).

[804] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 40. Декабрь 1919 – апрель 1920. М., 1970. С. 29.

[805] *Блюхер Василий Константинович* (1890-1938). Начальник 51-й стрелковой дивизии (15 августа 1919 г. – 23 мая 1920 г., 6 июля 1920 г. – 11 мая 1921 г.) 5-й армии.

[806] *Кретинин А.Е.* Новониколаевск – Новосибирск: одна судьба на двоих. Новосибирск, 2010. С. 118.

[807] *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 4. 1917-1920. М., 1947. С. 283.

поражения в своей истории еще сохранила кадровую основу (до 75-80.000 военнослужащих). Развернув отход из новониколаевско-томского района, ее силы имели гипотетическую возможность восстановиться и создать новую, прочную линию обороны на границе Западной и Восточной Сибири. Рубеж полноводной р. Енисей (550-650 км восточнее Новониколаевска) в этом плане отличался наибольшими оперативными выгодами, что продиктовало личное решение лидера антибольшевистского Российского правительства адмирала Колчака «отводить войска за Енисей, так как устойчивость, видимо, окончательно потеряна…»[808].

Исходя из этого, к середине декабря 1919 г. перед командармом Эйхе и возглавляемой им 5-й армией РККА была поставлена цель предупредить выход полевых армий адмирала Колчака к линии р. Енисей, окончательно ликвидировав и пленив их силы прежде достижения ими меридиана Красноярска. Проведенная Эйхе с этой целью 18 декабря 1919 г. – 7 января 1920 г. Красноярская наступательная операция ознаменовала собой успешное завершение масштабных военных действий на Восточном фронте РСФСР, решив, по выражению историка И.И. Кузнецова, участь Колчака и поддерживавших его интервентов[809]. Вооруженные силы колчаковского Российского правительства, с которыми биографируемый начал борьбу в декабре 1918 г. – январе 1919 г. под Уфой, в ходе операции прекратили свое существование как единое организованное целое. Следовательно, совершенно справедливым видится обозначенное нами в Главе 2 общее мнение ряда ветеранов Гражданской войны в России и ее исследователей, в том числе Л.М. Спирина, С.Н. Шишкина и др., отмечавших, рассматривая личность военачальника Эйхе, что именно «под его командованием 5-я армия зимой 1919-1920 гг. окончательно разгромила … войска Колчака…»[810].

К моменту начала итоговой для Эйхе в ранге командарма Красноярской операции состав воинского контингента 5-й армии[811], находившегося в его распоряжении, несколько изменился, усилившись до 35.000 штыков, 2.200 сабель,

---

[808] Цит. по: Последние дни колчаковщины: Сб. док. С. 92.

[809] *Кузнецов И.И.* Освобождение Красной Армией Восточной Сибири // Труды Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова. Серия Историческая. 1961. Т. XXIX. Вып. 2. С. 45.

[810] ГА РФ. Ф. Р-9147. Оп. 1. Д. 49. Л. 1-2.

[811] В 5-й армии на 21 декабря 1919 г. числились 27-я, 30-я и 35-я стрелковые дивизии (развернуты на главном направлении действий армии), Семипалатинская оперативная группа (развернута на вспомогательном южном направлении), 26-я и 51-я стрелковые дивизии, выведенные Эйхе в резерв армии, а также 62-я стрелковая дивизия двухбригадного состава, вновь формируемая с ноября 1919 г. на территории Омска и его окрестностей (ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1381. Л. 13-15).

125 орудий, 841 пулемета и 3 бронепоездов[812]. Особого внимания в этом смысле заслуживает намеченная Эйхе оперативная конфигурация армейских сил. Здесь необходимо отметить единовременное введение им на главном операционном направлении Новониколаевск – Красноярск 65,5 % наличных сил пехоты 5-й армии (22.814 штыков), 42 % кавалерии (929 сабель), 63,5 % пулеметов (534 единицы), 61 % артиллерии (76 орудий)[813]. Таким образом, как и в предыдущие фазисы развития своей военной карьеры, Эйхе придерживался ставки на изначальное достижение высокой оперативной плотности личного состава и плотности насыщения огневыми средствами на решающем направлении наступления с целью обеспечения массированного, сокрушительного первичного удара.

Опыт Красноярской операции показал, что неизменной оставалась и другая важная черта воинского мастерства Эйхе – предусмотрительность и разумная осторожность. Так, накануне операции военачальник развернул, в сущности, второй оперативный эшелон 5-й армии, наметив в случае возникновения кризиса наступления введение резервных 26-й (две бригады) и 51-й (начальник – В.К. Блюхер) стрелковых дивизий: суммарно 10.641 штыков, 1.113 сабель, 45 орудий, 252 пулемета. К этому времени их части сосредоточились в районе Барнаула и Новониколаевска соответственно[814]. Иными словами, приняв за основу Красноярской операции замысел стремительного прорыва соединений 5-й армии в глубину оперативного построения (хотя данный термин и не вполне применим к состоянию белых после Новониколаевской операции) отступающих армий противника с перехватом их сообщений, Эйхе все же не допускал чрезмерного «увлечения» его преследованием. Оставаясь трезвомыслящим реалистом, он учел спектр возможных рисков и уделил должное внимание созданию группировки резерва для парирования потенциальных угроз. Одну из подобных угроз, неизвестных переменных, по позднейшему признанию самого Эйхе, представляли развернутые вдоль Транссибирской магистрали, начиная с дистанции ж/д ст. Тайга, войска интервентов (чехословацкие, польские, румынские и др.). «Труд-

[812] Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. С. 300. Увеличение численности боевого состава 5-й армии произошло за счет вливания партизанского контингента и проведения дивизиями самостоятельных мобилизаций среди населения, которые были санкционированы специальным решением командарма-5 Эйхе (ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1381. Л. 9).

[813] Подсчитано по: *Васильев Г.А.* Кемчуг-Красноярская операция Красной Армии против колчаковских и интервенционистских войск. С. 80-81.

[814] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 211.

ности увеличивались … в силу того, – свидетельствовал в 1960-е гг. военачальник, – что мы внедрялись в самую гущу колчаковцев и интервентов. Нужно было быть постоянно начеку, чтобы не подставить себя под удар иностранных войск, ибо мы уже вступили в район их расположения…»[815].

Решительность в сочетании с разумной осторожностью и предусмотрительностью, стоит отметить, выгодно отличала специфику полководческой методики Эйхе от военно-управленческого мастерства его предшественника и покровителя, командарма Тухачевского. По мнению историка Я.М. Горелика, Тухачевский при всех его качествах выдающегося стратега «…нередко вводил в сражение все имеющиеся резервы…»[816] для осуществления глубоких таранных ударов, «увлекался» наступательными ориентирами, что негативно сказалось, в частности, на итогах Варшавской битвы в период Советско-польской войны 1920 г.

Между тем оборотной стороной осторожности, бывшей характерной чертой служебной работы Эйхе в период командования 5-й армией, явилась некоторая недооценка оперативного потенциала возглавляемых им армейских сил. Так, ранее мы уже упоминали об адресованной Ленину в разгар Новониколаевской операции телеграмме Смирнова. Последний, опираясь на «консервативный» прогноз Эйхе, выразил мнение, что Новониколаевск и Барнаул будут взяты к 20 декабря 1919 г. Как удалось убедиться, это произошло на неделю ранее. Аналогичная ситуация, отметим, повторилась 31 декабря 1919 г., когда Смирновым от имени РВС 5-й армии была направлена приветственная телеграмма Президиуму VII Всероссийского съезда Советов. Как человек невоенный, старый большевик тогда вновь обратился к командарму Эйхе за авторитетным мнением военспеца, на этот раз – касательно будущности Красноярской операции. О степени сдержанности соответствующей оценки командарма свидетельствует заключительная часть телеграммы Смирнова Президиуму: «Ревсовет 5-й от имени армии заявляет…: *через два месяца (курсив наш. – Р.Б.)* Красноярск будет советским городом»[817]. В действительности Красноярск будет занят силами красных спустя всего неделю после отправки телеграммы, 7 января 1920 г.

Указанные выше факты позволяют судить, что Эйхе рассматривал итого-

---

[815] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1387. Л. 33.

[816] *Горелик Я.* О полководческой и военно-научной деятельности Маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского // Военно-исторический журнал. 1961. № 7. С. 49.

[817] ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 6. Д. 58. Л. 7.

вую Красноярскую наступательную операцию как на этапе планирования, так и в ходе непосредственного ее осуществления, в качестве исключительно сложного и протяженного по времени мероприятия. Впечатляющий и скорый оперативный успех, достигнутый на путях к Красноярску 5-й армией, о чем мы скажем далее, очевидно, явился для него в этом смысле известной неожиданностью.

По аналогии с рассмотренным наступлением 5-й армии в район Барнаул, Новониколаевск, Колывань (Новониколаевская операция), командарм Эйхе в ходе итоговой Красноярской операции реализовывал функционал своих полномочий командарма сквозь призму установочных оперативных директив Ольдерогге и Гарфа. Главным образом речь идет о приказах войскам Восточного фронта № 05680 от 15 декабря 1919 г. и № 05815 от 23 декабря 1919 г., подписанных Гарфом как врид командующего фронтом. В соответствии с ними ближайшей задачей Эйхе определялся вывод армии на рубеж Кузнецк – ст. Тайга – Томск, далее – овладение районом Мариинска[818]. С целью выполнения указанных, а также ряда последующих оперативных задач усилиями командарма Эйхе в период с середины декабря 1919 г. по начало января 1920 г. были последовательно подготовлены и введены в действие четыре важнейшие директивы войскам 5-й армии:

1. Приказ № 1928/н от 16 декабря 1919 г. (установочный): «…С рассветом 18 декабря перейти вновь в энергичное наступление, имея ближайшей задачей выход на линию Кузнецк[819] – ст. Тайга – Томск»[820];

2. Приказ № 1950/н от 24 декабря 1919 г.: «…Овладев районом Мариинска, уничтожить отброшенные части противника»[821];

3. Приказ № 1961/н от 31 декабря 1919 г.: «…Уничтожить отступающего противника и овладеть районом Ачинска»[822];

4. Приказ № 51/оп от 4 января 1920 г. (заключительный): «…Продолжая энергичное преследование противника, окончательно уничтожить отступающие его части, овладев рубежом р. Енисея, … имея в дальнейшем преследование противника *(в направлении Иркутска. – Р.Б.)* только партизанскими частями»[823].

Вышеуказанные директивы Эйхе выступили в качестве непосредственно-

[818] РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 175. Л. 46, 56.
[819] Ныне – в черте г. Новокузнецка, Кемеровская область.
[820] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 140. Л. 369.
[821] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 140. Л. 398.
[822] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 140. Л. 409.
[823] Цит. по: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.): Сб. док. Т. 2. С. 769.

го теоретического фундамента действий соединений 5-й армии в ходе Красноярской операции. Как видно из содержания документов, характер оперирования армии в этот период ограничивался в первую очередь форматом перманентного преследования (фронтального и параллельного) деморализованных сил противника, которые в это время оказывали уже только очаговое, локальное сопротивление. Территориально-географические ориентиры преследования, обозначенные Эйхе в этих директивах, соответствовали изначальным пунктам сосредоточения[824] трех полевых армий противника, в дальнейшем – общему вектору отступления их частей на восток, которое позднее будет названо белыми «Великим Сибирским Ледяным походом».

В деле организации преследования отступающих группировок противника Эйхе, как известно, приобрел внушительный опыт еще в период руководства Шихранским отрядом войск (на линии ж/д ст. Чердаклы – Бугульма), 3-й бригадой (бои в районе Бугульма, Уфа) и в особенности – 26-й стрелковой дивизией (контрнаступление Южной группы армий, Златоустовская и Челябинская операции). Свой опыт и тактические приемы военный специалист в адаптированном виде успешно внедрил и в масштабе 5-й армии. Прежде всего, речь идет о рассмотренном нами в Главе 2 оригинальном способе «наносить удары перекатами». Его использование Эйхе в данном случае (на пространстве Западной Сибири от р. Обь до р. Енисей) предопределялось наличием фактора высокой оперативной плотности и плотности насыщения огневыми средствами в полосе наступления основной группировки 5-й армии. Сообразуясь с этим, командарм в ходе подготовки Красноярской операции обязал начдивов реализовать задачу неотступного преследования колчаковских войск главным образом силами передовых бригад первого эшелона (по одной бригаде от каждой дивизии, двигавшейся вдоль линии Транссибирской магистрали), которые по мере утомления их личного состава надлежало сменять свежими, отдохнувшими бригадами второго эшелона. Таким образом, вспоминал в этой связи ветеран 27-й стрелковой ди-

[824] При этом необходимо учитывать, что в числе пунктов изначально намеченного приказом Эйхе № 1928/н ближайшего рубежа наступления армии (Кузнецк – ст. Тайга – Томск) более чем сомнительное оперативное значение имел Кузнецк, район которого белые к этому времени уже покинули. Его взятие было продиктовано не оперативной необходимостью, но скорее давлением со стороны Ленина, потребовавшего 15 декабря 1919 г. от командования 5-й армии позаботиться «…всячески о взятии в целости Кузнецкого района и угля» (*Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 51. Письма. Июль 1919 – ноябрь 1920. М., 1970. С. 92).

визии, комиссар Н.В. Краснопольский, поскольку «…бригады и полки "ходили" в резерве *(во втором эшелоне. – Р.Б.)* поочередно, то каждая из них могла передохнуть»[825]. Подчеркнем, что аналогичный боевой порядок наступления сил 5-й армии («перекатами») Эйхе ввел уже на этапе Новониколаевской операции[826].

Нельзя не упомянуть, что методика преследования «перекатами» претерпела к этому времени усилиями Эйхе некоторое видоизменение (в пользу большей ее вариативности), отражающее динамизм развития его военного интеллекта. Будучи командующим 5-й армией, специалист совместил рассматриваемый тактический прием с применением маневренных передовых отрядов так называемой «ездящей пехоты» (по роте «ездящей пехоты» при каждом стрелковом полку[827]), представленной стрелками на подводах и санях. Командарм предписывал дивизионным начальникам применять эти своеобразные отряды «моторизованной» пехоты в случае невозможности организовать преследование противника «перекатами» посредством единовременного ввода крупных сил, вероятно, при задержке смены бригад первого эшелона или чрезвычайной усталости воинского контингента. По мысли Эйхе, данные малые отряды после остановки главных сил той или иной дивизии на ночлег или отдых должны были продолжать преследование белых на расстояние до 10-15 км, после чего они заменялись отдохнувшими к этому времени силами основной дивизионной группировки. Подобные действия отрядов «ездящей пехоты» зимой 1919/1920 гг. имели исключительное оперативное значение. Их активность, свидетельствовал позднее Эйхе, препятствовала «…отступающим частям противника использовать ночь для отдыха, вынуждая их увеличивать дневной переход до 40-50 км»[828].

Как таковое использование «ездящей пехоты» не представляло новшество в масштабе Восточного фронта РСФСР. Так, И.И. Вацетис уже в июле 1918 г. с особой настойчивостью претворял в жизнь идею создания рейдовых подразделений «ездящей пехоты» на подводах, которую он именовал «корволантами»[829].

---

[825] *Краснопольский Н.* В рядах 5-й Красной Армии // Сибирские огни. 1959. № 3. С. 165.

[826] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 201.

[827] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1444. Л. 117.

[828] *Эйхе Г.* Тактические поучения гражданской войны. С. 60.

[829] См.: Собрание оперативных телеграмм, приказов и распоряжений главнокомандующего Восточным (чехословацким) фронтом тов. Вацетиса. 18/VII – 7/IX 1918 года. М., 1918. С. 31, 33; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.): Сб. док. Т. 1. С. 403-405, 410-411. Данная идея (о создании групп «корволантов»), однако, не нашла в то время широкого распространения.

В целом же применение гужевого транспорта (в интересах маневрирования подразделениями по фронту) было широко распространено как в РККА, так и в войсках белых правительств востока России. Новизна предложенного командармом Эйхе сочетания приема преследования «перекатами» и тактики «ездящей пехоты» состояла в том, что последняя, вероятно, впервые на Восточном фронте обретала характер полноценного наступательного инструмента в контексте боевых столкновений, то есть тот набор оперативно-тактических свойств, которые присущи современным мотострелковым войскам. Речь в данном случае уже не шла о «корволантах» Вацетиса, предназначавшихся лишь для локальных полупартизанских действий на сообщениях противника (рейдирования) в условиях недостатка кавалерии. В равной степени методика преследования, внедренная Эйхе, имела мало общего с типичной практикой использования обывательских подвод и саней как простого средства передвижения, транспортировки бойцов, например, из тыловой полосы на линию боевого соприкосновения.

Успех действий авангардных отрядов и штатных полковых рот «ездящей пехоты» был столь внушительным, а урон, наносимый ими моральному состоянию белых, настолько велик, что в процессе стратегического преследования армий адмирала Колчака все большее число краскомов 5-й армии в звеньях батальон – дивизия склонялись к следованию тактике «ездящей пехоты». Практически каждый стрелковый полк красных располагал для этого 80-100 подводами[830]. Передовые отряды при этом выросли до 3-5 рот «ездящей пехоты» с кавалерией и пулеметами[831]. Не случайно борьба в этот период именовалась в кругах колчаковского офицерства не иначе, как «подводная война»[832]. В самом общем виде сущность ее описал историк В.Т. Шуклецов: «Обычно красноармейские части на подводах обходили фронт белых с флангов, отсекали колонны войск, беженцев и брали в плен»[833]. В дальнейшем Эйхе дополнил рассмотренную тактику преследования, отдельным своим приказом развернув формирование в стрелко-

[830] Предпосылкой столь масштабного распространения тактики «ездящей пехоты» явилось наличие в 5-й армии значительных конских масс, на 15 января 1920 г. – 41.795 единиц (Подсчитано по: РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 639. Л. 107-116). По данному показателю вверенная Эйхе армия превосходила, например, 1-ю Конную армию под командованием С.М. Буденного, включавшую по состоянию на ноябрь 1920 г. только 34.730 лошадей (*Буденный С.М.* Пройденный путь. Кн. 3. М., 1973. С. 165).

[831] *Эйхе Г.* Тактические поучения гражданской войны. С. 59.

[832] *Кроль Л.А.* За три года (воспоминания, впечатления, встречи). Владивосток, 1921. С. 195.

[833] *Шуклецов В.Т.* Разгром колчаковцев и интервентов в Сибири. С. 15.

вых дивизиях 5-й армии маневренных лыжных отрядов преследования[834].

Инициированный Эйхе порядок реализации задач преследования обеспечил соединениям 5-й армии возможность практически беспрерывно наседать на отступающие формирования белых в рамках Новониколаевской и, прежде всего, Красноярской операций, лишив их возможности отдохнуть, произвести перегруппировку, создать резервы и организовать промежуточные рубежи обороны[835]. Глубокое неприятие деятельности Эйхе в данном ключе не теряло своей остроты среди представителей белого офицерства даже спустя многие десятилетия. Командир Ижевского конного полка (3-я армия) полковник А.Г. Ефимов, с которым будущий командарм сталкивался на одном участке фронта еще в ходе боев южнее Уфы весной 1919 г., с неудовольствием отмечал позднее в воспоминаниях: «…Красные … рассвирепели и стремятся уничтожить нас неотступным преследованием и окружением на стоянках. В командование преследующей нас 5-й красной армии вместо Тухачевского вступил бывший начальник 26-й красной дивизии Эйхе и, видимо, старается выслужиться»[836]. Схожую оценку военачальнику приводит в своих мемуарах генерал П.П. Петров, бывший на рубеже 1919/1920 гг. командиром 4-й Уфимской стрелковой дивизии (3-я армия)[837].

Подобные высказывания со стороны известных военных деятелей Белого движения востока России, по крайней мере, в части, касавшейся старания Эйхе «выслужиться» или «отличиться», представляются тенденциозными и даже лишенными смысла с точки зрения норм военного дела. Разработка и внедрение командармом в масштабе 5-й армии наиболее целесообразного решения на преследование противника – совершенно естественный и закономерный акт его творческой работы на столь высоком уровне войскового управления. Было бы странно оценивать данный волевой акт Эйхе исключительно сквозь призму каких-либо его личных притязаний и амбиций, забывая вольно или невольно, что природа решения относилась, прежде всего, к категории служебного долга, лежала в плоскости эффективности выполнения 5-й армией обозначенных нами выше стратегических задач командования Восточного фронта РСФСР. Негатив-

[834] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1444. Л. 117.

[835] Не случайно адмирал Колчак в одной из служебных телеграмм, приходящихся на разгар Красноярской операции (11 декабря 1919 г.), характеризовал состояние отступающих армий «…утомлением, доходящим до полного истощения…» (Цит. по: Последние дни колчаковщины: Сб. док. С. 86).

[836] *Ефимов А.Г.* Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками, 1918-1920. С. 208.

[837] См.: *Петров П.П.* Роковые годы. 1914-1920. С. 218.

ная оценка Эйхе и ряда других красных военачальников в эмигрантских кругах, однако, не представляла собой нечто уникальное. Историк, эмигрант М.М. Карпович еще в 1930 г. подчеркивал, что «книги, создаваемые вне России, часто пишутся в атмосфере лютой ненависти к нынешнему русскому режиму»[838]. Очевидно, что в данном случае персонифицированным «объектом» этой ненависти стал «большевик-генерал Эйхе»[839] (выражение генерала К.В. Сахарова, бывшего в ноябре-декабре 1919 г. Главнокомандующим Восточным фронтом белых).

Благодаря сочетанию приема преследования «перекатами» с тактикой «ездящей пехоты», столь одиозной для командного корпуса белых частей, силы 5-й армии достигли в ходе Красноярской операции экстраординарных результатов. Путь в 750 км в междуречье р. Обь и р. Енисей ее войска преодолели в течение всего 20 суток (свыше 35 км/сутки), что, по мнению историка М.Б. Заболотного, «…безусловно, является беспримерным в истории ведения гражданской войны»[840]. Эпитеты «беспримерный» и «выдающийся» по отношению, в том числе к динамике Красноярской наступательной операции командарма Эйхе, употребляются также военным теоретиком С.П. Михеевым, историком А.А. Поляк и рядом иных исследователей[841]. Справедливость столь высокой оценки становится очевидной, если принимать во внимание, что в годы Гражданской войны средняя глубина армейских наступательных операций сил РККА ограничивалась 120-200 км при среднесуточных темпах движения войск лишь в 10-20 км[842].

Говоря о территориальной составляющей успеха Красноярской операции Эйхе, увенчавшейся занятием 7 января 1920 г. Красноярска и овладением линией р. Енисей, мы считаем необходимым особо отметить присущее ей также крупное оперативное значение. Операция ознаменовала собой завершение гражданского противостояния в Западной Сибири, поскольку абсолютное большинство военнослужащих армии адмирала Колчака отказалось от более или менее орга-

---

[838] Цит. по: *Коэн С.* Переосмысливая советский опыт (Политика и история с 1917 г.). Benson, 1986. С. 167.

[839] *Сахаров К.В.* Белая Сибирь (Внутренняя война 1918-1920 гг.). С. 150.

[840] *Заболотный М.Б.* 5-я Краснознаменная Красная армия в годы Гражданской войны (1918-1920 гг.). Автореферат дис. … канд. ист. наук. С. 29.

[841] *Михеев С.П.* Военно-исторические примеры. М.-Л., 1928. С. 132; *Поляк А.* Действия 5-й Красной армии от р. Тобол до озера Байкал (Краткий стратегический очерк). С. 101. Отметим, что А.А. Поляк в рассматриваемый период состоял начальником штаба 151-й бригады в 51-й стрелковой дивизии.

[842] *Кравченко И.* Характерные черты наступательных операций Красной Армии в гражданской войне // Военно-исторический журнал. 1976. № 3. С. 98-99.

низованного сопротивления[843]. Уже в первые дни наступления 30-я стрелковая дивизия без боя заняла Томск (20 декабря 1919 г.) и практически целиком пленила здесь последнюю резервную группировку адмирала Колчака – 1-ю армию генерала Пепеляева, до 70 частей и подразделений которой со штабами и офицерским составом проигнорировали приказ об отходе на восток[844]. Развивая в соответствии с упомянутыми выше директивами и боевыми распоряжениями командарма Эйхе дальнейшее преследование вдоль линии Томск – Мариинск – Ачинск – ж/д ст. Кемчуг в общем направлении на Красноярск, главная ударная группировка 5-й армии (27-я, 30-я, 35-я стрелковые дивизии) провела не менее десяти крупных боевых столкновений и к исходу первой декады января 1920 г. в районе ст. Кемчуг, ж/д ст. Минино, Красноярск (взят без боя 7 января) вынудила сложить оружие свыше 60.000 офицеров и нижних чинов 1-й, 2-й и 3-й полевых армий белых, включая силы красноярского гарнизона[845]. На пространство Восточной Сибири в обход Красноярска удалось прорваться только отдельным группам военнослужащих колчаковской армии, которые вошли в историю Гражданской войны как каппелевцы, по имени руководившего их дальнейшим отступлением на восток генерала Каппеля. На момент подхода к Иркутску и гибели адмирала Колчака (7 февраля 1920 г.) в их рядах насчитывалось, по различным оценкам, от 4.000-5.000 бойцов до 30.000 человек (включая семьи и беженцев)[846]. Выскользнувшие из-под ударов Эйхе каппелевцы во главе с его «старым знакомым» Каппелем явились последним обломком колчаковских вооруженных сил, в зените своих успехов насчитывавших до 400.000 человек.

Подчеркнем, что столь выдающиеся успехи 5-й армии были достигнуты во многом за счет твердого, уверенного управления ее оперированием со стороны Эйхе. Одно из решений, реализованных им в ходе наступления к р. Енисей, многократно усилило эффективность преследования противника. После выхода основной группировкой армии в район Мариинска командарм мгновенно оценил выгоды изменившегося ландшафта местности и развернул наряду с фрон-

---

[843] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1290. Л. 2.

[844] Отчет об операциях Красной армии в период с 1 декабря 1919 г. по 25 ноября 1920 г. [Б.м.], 1920. С. 63; Правда (Москва). 1919. 25 декабря.

[845] *Варгин Н.Ф.* Освобождение Красной Армией Сибири от власти Колчака и иностранных интервентов (август 1919 – март 1920 гг.). Автореферат дис. … канд. ист. наук. Л., 1961. С. 16.

[846] См., например: Гражданская война. 1918-1921. Т. 3. С. 224; *Новиков П.А.* Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 190, 193.

тальным преследованием южнее Транссибирской магистрали (35-я стрелковая дивизия) параллельное преследование непосредственно вдоль магистрали и по Сибирскому тракту (30-я стрелковая дивизия)[847]. Таким образом, военачальнику в ходе операции удалось максимальным образом использовать возможный ударный потенциал вверенных ему войск – и в тактическом отношении (сочетание движения «перекатами» и тактики «ездящей пехоты»), и в плане оперативной конфигурации наступления (комбинирование фронтального и параллельного преследования). Не случайно в этой связи итоговая операция Эйхе именуется в новейших исследованиях «Красноярской катастрофой» белых[848]. Проводя известную историческую аналогию, мы склонны именовать ее не иначе, как «Седаном» колчаковской армии, смертельным ударом для сибирской диктатуры.

Наступлению 5-й армии в рамках рассмотренных операций командарма Эйхе сопутствовали тяжелейшие климатические условия (морозы до -35 °С, глубокий снежный покров, бураны) и крайне неблагоприятные характеристики местности (бездорожье, обилие таежных и болотистых пространств, малочисленность населения, отдаленность населенных пунктов и т.д.), а также масштабные эпидемии инфекционных заболеваний (тиф, инфлюэнция, «испанка»)[849]. Последнее вызывало особенно острое беспокойство Эйхе, который вместе с членами армейского РВС прилагал «…поистине отчаянные усилия, чтобы спасти армию»[850]. Мероприятия, предпринятые Эйхе в области борьбы с заболеваемостью среди личного состава 5-й армии, бесспорно, должны стать предметом отдельного исследования, которое, мы надеемся, будет впоследствии осуществлено.

В должности командующего 5-й армией Эйхе доводилось не только проводить полководческую и военно-организаторскую работу в контексте борьбы с регулярной армией адмирала Колчака, эпидемиями и т.д., но преодолевать со-

---

[847] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1290. Л. 27. Развитию параллельного преследования вплоть до выхода сил 5-й армии непосредственно в район Мариинска препятствовал крайне неблагоприятный характер местности – обширные таежные массивы, глубокий снег и бездорожье.

[848] См., например: *Бушин А.Ю.* Эпизод Красноярской катастрофы: сдача в плен эшелона управления дежурного генерала штаба Восточного фронта в январе 1920 г. // История белой Сибири. Тезисы 4-й научной конференции, 6-7 февраля 2001 г. / Отв. ред. *С.П. Звягин.* Кемерово, 2001. С. 121; *Мармышев А.В., Елисеенко А.Г.* Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск, 2008. С. 202.

[849] ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 443. Л. 102, 116.

[850] *Эйхе Г.Х.* На главном направлении. С. 164. Отметим, что заболевания тифом уже имели место в масштабе Восточного фронта, в частности, на рубеже 1918/1919 гг. (ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 93. Д. 102. Л. 355-355 об.), но масштаб их не шел ни в какое сравнение с эпидемией зимой следующего года.

противление и непонимание тех лиц, которые a priori были его союзниками.

Весьма показательным в этом смысле явилось декабрьское противостояние командарма с чрезвычайным уполномоченным по снабжению армии (в ранге члена РВС-5) И.И. Матрозовым[851]. Своей волей чусоснабарм, вероятно, уже в ходе Новониколаевской операции, установил месячный лимит отпуска боеприпасов в объеме 600.000 патронов на каждую из активных дивизий 5-й армии, что в целом не отвечало их текущим потребностям. «Кабинетная выдумка» Матрозова, как ее именовал Эйхе, была в решительной форме им отвергнута.

Возмущение командарма-5 вполне объяснимо, поскольку в течение ноября 1919 г., на решающей стадии разгрома колчаковских вооруженных сил, Восточный фронт, включая 5-ю армию, получил по нарядам центра только 450.000 патронов, хотя еще месяцем ранее данный показатель составлял 9.304.500 единиц[852]. Уже намечавшийся, таким образом, дефицит боеприпасов на передовой мог быть в разы усугублен инициативой Матрозова. После ряда препирательств с Эйхе уполномоченный перенес разрешение вопроса в Москву, где у него, как старого большевика, имелись влиятельные товарищи, например, Г.Е. Зиновьев, М.П. Томский и др. Финал «хозяйственному спору» был положен только после прямого указания Москвы, что весь объем захваченных в Сибири трофеев, включая боеприпасы, Матрозов обязан всецело обратить на удовлетворение текущих нужд действующих войск[853], то есть без лимитирования. Таким образом, центр признал правоту Эйхе. Со своей стороны добавим следующую ремарку. Сложный характер Матрозова позднее нашел свое выражение и на более высоком уровне, когда он, уже находясь на административной работе, в 1921 г. вступит в ссору с одним из сотрудников Берлинского торгового представительства[854].

Затрагивая проблему использования трофейного имущества, следует упомянуть также об имевших место на рубеже 1919/1920 гг. фактах самочинного присвоения «пятоармейцами» некоторой части этого имущества. Командиры до дивизионного уровня включительно смотрели на это как на естественное явле-

---

[851] *Матрозов Иван Иванович* (1886-1938). Член РСДРП с 1903 г. На 1918 г. состоял членом Исполнительного комитета ВЦСПС РСФСР, членом ВЦИК РСФСР (избран на IV съезде Советов). Чрезвычайный уполномоченный по снабжению 5-й армии (конец 1919 г. – начало 1920 г.).

[852] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.): Сб. док. Т. 4. Материалы, указатели / Сост. *Т.Ф. Каряева* и др. М., 1978. С. 397.

[853] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 202.

[854] ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 55. Д. 665. Л. 1-15.

ние, добытое победителем «по праву войны». Но командарм Эйхе, будучи приверженцем строгой дисциплины, развернул с данным явлением усиленную борьбу. В приказе войскам 5-й армии № 44/п от 20 декабря 1919 г. военачальник отмечал: «Армия Колчака разбита. Награбленное им народное добро переходит к нам. <…> Задача армии охранять это добро от расхищения и порчи ибо оно необходимо самой же армии. В последнее же время учащаются случаи хищения этого имущества. Тащат и расхищают народное добро все: и жители и красноармейцы и даже те, кто поставлен охранять его часовые, нанося этим непоправимый вред Республике. <…> Командирам и комиссарам частей разъяснить всем до последнего красноармейца, что все имущество, захваченное у противника … есть достояние всего народа и что всякое неорганизованное распределение и частный захват его … есть ничем не оправданный грабеж и мародерство и что все лица, замеченные в дальнейшем хищении народного добра и попустительстве к таковому будут предаваться суду Ревтрибунала»[855]. Честное исполнение воинского долга Эйхе демонстрировал личным примером. По меньшей мере, вплоть до середины декабря 1919 г. он выезжал в войска и появлялся на службе в управлении 5-й армии в простой солдатской шинели, отказываясь от «трофейного» тулупа[856]. Примеру Эйхе следовал его друг, начальник 27-й стрелковой дивизии В.К. Путна. Последний в ходе всей зимней кампании 1919/1920 гг. носил старый бараний тулуп, хотя «…каждый полк ему хотел всучить бобровую генеральскую шубу…»[857]. Повседневная форменная одежда командарма была представлена типовым офицерским кителем образца 1913 г.[858] (который он носил, по меньшей мере, с лета 1919 г., будучи начдивом-26[859]), в то время, когда множество подчиненных Эйхе командиров без зазрения совести использовало новое, захваченное на складах обмундирование английского образца.

Не меньшие сложности в исследуемый период Эйхе доставили, помимо его прямых подчиненных, многочисленные кадры сибирских партизан. Именно ко времени его руководства 5-й армией относится рождение оппозиции «Эйхе – партизаны», которая перерастет в откровенную вражду в бытность Эйхе Глав-

[855] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1444. Л. 290.
[856] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 202 об.
[857] *Путна В.К.* Восточный фронт. Штрихи. С. 57.
[858] НГКМ. Ед. хр. № ОФ-13895 (1919 г.); Там же. Ед. хр. № НВ-12248 (1919 г.).
[859] См. репродукцию: Подвиг Пятой красной: Сб. воспоминаний. С. 46.

нокомандующим вооруженными силами Дальневосточной республики в 1920-1921 гг. (о чем пойдет речь далее) и продолжится на уровне ветеранских, «стариковских» прений и споров вплоть до смерти биографируемого в 1968 г.

История непростых взаимоотношений Эйхе и ветеранов-повстанцев, насчитывавшая почти полвека, весьма обширна и вполне может послужить предметом специального исследования. В данном случае мы остановим внимание только на некоторых, стержневых составляющих этой немаловажной проблемы, которая в силу причин конъюнктурного характера так и не нашла отражения ни в работах биографов Эйхе, ни в тематических исторических исследованиях.

На момент вступления Эйхе в должность командарма Западная Сибирь была охвачена широким повстанческим движением антиколчаковской направленности. Центры его находились: в Алтайской губернии (район Барнаул, Семипалатинск, Славгород) – Западно-Сибирская крестьянская армия Е.М. Мамонтова (около 30.000 бойцов); в Енисейской губернии (район Красноярск, Минусинск, Ачинск) – Минусинский фронт А.Д. Кравченко (около 40.000 бойцов); в Томской губернии (район Мариинск, Щегловск[860], Кузнецк) – Партизанская армия В.К. Шевелева-Лубкова (около 18.000 бойцов). Вопрос о будущности этой почти 100-тысячной массы вооруженных лиц, не придерживавшихся четкой политической платформы, после вступления в районы их сосредоточения регулярной 5-й армии был, по выражению Эйхе, «…весьма срочным и трудным»[861].

Точка зрения командарма Эйхе на сей счет, вероятно, впервые была выражена им в приказе начальнику 26-й стрелковой дивизии Гайлиту № 1860/н от 28 ноября 1919 г.: «По установлении связи с … партизанскими отрядами таковые необходимо подчинять себе, *обращая их главным образом на укомплектование (курсив наш. – Р.Б.)* дивизии»[862]. Таким образом, вопрос о повстанческих формированиях, остро стоявший в те дни перед Эйхе как военным специалистом, сводился, по существу, к разрешению одной проблемы: каким образом осуществлять на их основе пополнение и укомплектование соединений «пятоармейцев», обескровленных эпидемией тифа и давно не получавших маршевых пополнений по нарядам центра. Разрешение указанной проблемы, однако, вы-

[860] Ныне – г. Кемерово, Кемеровская область.

[861] *Эйхе Г.Х.* Разгром войск Колчака (К 45-летию освобождения Новониколаевска от колчаковщины) // Сибирские огни. 1965. № 3. С. 161.

[862] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 140. Л. 282.

ходило за пределы компетенции военачальника, поскольку имело в значительной мере политическую подоплеку. Речь шла не просто о пополнении (военно-организационном мероприятии), а скорее о слиянии партизанских сил неопределенной политической ориентации и большевистской 5-й армии. «Любой неосторожный шаг и неумелый подход, – вспоминал начальник политического отдела 26-й стрелковой дивизии В.Б. Эльцин, – мог иметь при таком положении дел губительные результаты», что грозило «…опрокинуть всю партизанскую армию с ее революционных рельс»[863], то есть создать предпосылки для возникновения сибирской «махновщины». Об опасности возникновения последней, отметим, с лета 1919 г. неоднократно говорил Ленин[864]. В силу этого обсуждение судьбы повстанческого контингента Западной Сибири было всецело перенесено на площадку РВС 5-й армии, на коллегиальную основу.

Командарм Эйхе принял участие в четырех заседаниях расширенного армейского РВС, на которых проходили соответствующие прения. В первой декаде декабря 1919 г. атмосфера здесь была в пользу партизан. По всей видимости, именно Эйхе, дистанцировавшись от политического компонента проблемы, направил тогда полемику в нейтральную военно-организационную плоскость посредством акцентирования внимания на столь важной для него, как указывалось ранее, проблематике пополнения таявших сил 5-й армии. Вероятная точка зрения военспеца нашла отражение в специальном распоряжении РВС армии от 4 декабря 1919 г. № 1166/а по партизанскому вопросу. Главный тезис его состоял в следующем: «Каждая дивизия, соприкасаясь с партизанской … единицей, вливает ее в свою часть с тем, чтобы партизаны не превышали 50 % наличного состава бойцов тактической единицы *(роты, батальона, полка. – Р.Б.)*»[865]. Это важнейшее организационное положение, позволившее войскам 5-й армии без лишней волокиты восполнять текущие боевые и санитарные потери личного состава, бесспорно, явилось маленькой победой Эйхе. Благодаря этому, в част-

---

[863] *Эльцин В.* Пятая армия и сибирские партизаны // Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи участников борьбы с учредиловской и колчаковской контрреволюцией / Под ред. *И.Н. Смирнова* и др. М.-Л., 1926. С. 268-269.

[864] IISH. International Left Opposition Archives. Lev Davidovič Trockij (collection of documents). Inv. No. 801; *Ларьков Н.С.* В.И. Ленин о партизанщине в годы гражданской войны // Классы и партии в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции: Сб. статей / Отв. ред. *И.М. Разгон.* Томск, 1977. С. 134-135.

[865] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 193. Л. 12.

ности, командарму-5 удалось уже на первых порах осуществить прямое включение партизанских кадров в части 26-й, 35-й (не менее 2.000 бойцов) и 51-й (не менее 984 пеших и 400 конных бойцов) стрелковых дивизий 5-й армии[866].

Заданная Эйхе прагматичная линия проводилась в жизнь недолго, до получения в Омске жестких указаний РВС РСФСР, обязавших командование 5-й армии в отношениях с повстанцами исходить из необходимости применения превентивных репрессивных и защитных мер, призванных оградить регулярные войска от «партизанщины»[867]. Руководствуясь директивой Москвы, РВС армии на очередном заседании (с участием Эйхе) 10 декабря 1919 г. отменил все ранее изданные распоряжения по повстанческому вопросу и выработал «…во избежание заражения партизанщиной … красных полков и повторения Махновщины…»[868] пространное постановление, выдержанное в духе враждебного недоверия к контингенту повстанцев. По мнению Я.П. Жигалина[869], бывшего начальника штаба Западно-Сибирской партизанской армии, этот «оскорбительный» приказ «воистину … был ложкой дегтя в бочке меда и принес большой вред»[870]. Учитывая умеренное (на тот момент) личное отношение командарма Эйхе к партизанам и присущий ему прагматизм, мы можем предположить, что постановление РВС армии от 10 декабря 1919 г.[871] было также воспринято им с искренним разочарованием. Фактически документ перечеркивал ранее пролоббированный военачальником формат использования повстанческих сил, сведя на нет возможность какого-либо пополнения ими в обозримом будущем соединений и частей 5-й армии, тем более прямого включения партизан в их состав. «Всех партизан, – подчеркивалось в постановлении по этому животрепещущему для Эйхе вопросу, – как влитых в части Армии *(5-й армии. – Р.Б.)* так и действующих в составе и совместно с частями Армии … отвести в тыл», для прохож-

---

[866] *Шуклецов В.Т.* Из истории объединения партизан Западной Сибири с войсками 5-й армии // Ученые записки Новосибирского педагогического института. 1972. Вып. 73. С. 49.

[867] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1366. Л. 2-3.

[868] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1381. Л. 16; РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 193. Л. 30.

[869] *Жигалин Яков Павлович* (1890 – не ранее 1980). Член РКП(б) с 1920 г. Начальник штаба Западно-Сибирской крестьянской армии (с ноября 1919 г.). После объединения армии с РККА – помощник Инспектора пехоты 5-й армии с 26 декабря 1919 г. В 1920-1921 гг. на службе в армии Дальневосточной республике: военный комиссар 2-й Иркутской стрелковой дивизии (апрель-май 1920 г.), член Военного совета Амурского фронта в мае-декабре 1920 г., Политический эмиссар вооруженных сил в декабре 1920 г. – феврале 1921 г. В период войны и после нее – непримиримый антагонист Эйхе.

[870] *Жигалин Я.П.* Партизанские отряды занимали города… Барнаул, 1965. С. 124.

[871] Направлено в войска 15 декабря 1919 г. от имени врид начальника штаба 5-й армии Кутырева.

дения военной и политической переподготовки в запасных частях[872]. Тяжесть этого удара для Эйхе была тем сильнее, что перед ним вставала, по существу, перспектива остаться без источников подпитки личного состава на заключительном фазисе Новониколаевской операции, а также в рамках еще только планируемого на тот момент масштабного наступления на Красноярск. Лишь глубокая деморализация войск Колчака в декабре-январе позволила командарму избежать в полной мере пагубных последствий рассмотренного решения РВС-5.

Вновь повернуться лицом к повстанческим силам Западной Сибири РВС 5-й армии отчасти удалось в конце декабря, также не без участия Эйхе. На следующий день после взятия Новониколаевска, 15 декабря 1919 г., командарм выезжает из Омска в освобожденный город[873]. Здесь 16 декабря состоялась ранее согласованная встреча[874] военачальника с прибывшим из Барнаула Главкомом Западно-Сибирской крестьянской армии Е.М. Мамонтовым[875], «…для урегулирования взаимоотношений и окончательного разрешения партизанского вопроса» (трактовка Эйхе)[876]. Подготовив, таким образом, доброжелательную почву для нового заседания расширенного состава РВС 5-й армии и, вероятно, сгладив противоречия «оскорбительного» распоряжения, делегации Эйхе и Мамонтова отбыли из Новониколаевска спустя несколько дней. Второй и решающий раунд переговоров между руководством 5-й армии и лидерами партизан состоялся в Омске, непосредственно на заседании армейского РВС 24 декабря 1919 г. В обмене мнениями тогда наряду с Эйхе, членами РВС и Сибревкома приняли участие Мамонтов и его сподвижники – начальник штаба Жигалин[877], военный ко-

---

[872] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1381. Л. 16; РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 193. Л. 30.

[873] РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1444. Л. 220. Детали этой поездки, частью пролегавшей по Транссибирской магистрали (литерный поезд до ж/д ст. Чулым), частью – санным путем вдоль этой же магистрали (от ст. Чулым до Новониколаевска), впоследствии были красноречиво описаны военачальником в мемуарных записках (ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 202 об.-203).

[874] Согласование деталей будущей встречи Эйхе осуществил в ходе личных переговоров по прямому проводу с интендантом действовавшей на Алтае Западно-Сибирской партизанской армии И.Ф. Чекановым в начале декабря 1919 г. При этом делегации армии во главе с Главкомом армии Мамонтовым Эйхе на тот момент предлагал прибыть в Павлодар (ныне – территория Республики Казахстан) либо в Славгород (Партизанское движение в Западной Сибири (1918-1920 гг.): Док. и мат. / Ред. кол.: *И.В. Громов* и др. Новосибирск, 1959. С. 456).

[875] *Мамонтов Ефим Мефодьевич* (1888-1922). Главнокомандующий Западно-Сибирской крестьянской армией (с октября 1919 г.). Помощник Инспектора пехоты 5-й армии (с 26 декабря 1919 г.).

[876] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1366. Л. 4.

[877] Вспоминая об указанном заседании РВС 5-й армии 15 октября 1966 г., Жигалин отнесет дату его проведения к 25 декабря 1919 г. (ГАНО. Ф. П-5а. Оп. 1. Д. 282. Л. 13).

миссар анархист Богатырев, интендант И.Ф. Чеканов. Не без сложностей сторонам на паритетной основе удалось решить судьбу контингентов Мамонтова. В лице своих вождей они признали организующий и политический авторитет 5-й армии, согласились на расформирование и разоружение[878]. При этом партизаны до 35 лет принимались в РККА «задним числом» (с 1 декабря 1919 г.), с выплатой жалования и предоставлением им мер материальной поддержки (пособие в 500 руб., постановка на все виды довольствия и т.д.). Лидеры партизан выдвигались на высокооплачиваемые посты в составе Инспекции пехоты 5-й армии.

Заседание РВС 24 декабря во многом примирило руководство двух армий, союзников в борьбе с политическим режимом адмирала Колчака. Подписанный Эйхе по итогам омского совещания приказ войскам 5-й армии № 1117 от 26 декабря 1919 г., ставший руководством к действию в деле объединения красноармейцев и повстанцев, подкрепил благие намерения сторон. «Навстречу шедшей в Сибирь Красной Армии, – подчеркивалось в приказе, – поднялись тысячи восставших крестьян, соединившихся в полки. Самоотверженная борьба почти безоружных партизан навеки врежется в память поколения… <…> Ныне произошло соединение организованной Красной Армии с партизанскими полками и отрядами по всей Сибири. Из этих двух сил мы должны создать единую могучую армию…»[879]. Подобный результат удовлетворил даже упомянутого Жигалина, в дальнейшем – наиболее непримиримого антагониста Эйхе и критика его военно-исторических взглядов. На склоне лет «мамонтовец» вспоминал, что «в Омске нас встретили хорошо», и выражал уверение в необходимости «…выполнять точный и ясный приказ *(подписанный Эйхе приказ № 1117. – Р.Б.)*»[880].

Наиболее сложным, однако, остается вопрос о том, в какой мере сам Эйхе остался доволен исходом партизанского вопроса. Изначально обозначенное командармом еще в конце ноября 1919 г. и оформленное распоряжением № 1166/а намерение осуществлять прямое пополнение войск 5-й армии за счет повстанцев в пропорции 50 % было дезавуировано на заседании 10 декабря. Невозможность реализации этого намерения Эйхе была подтверждена на заседании 24 де-

---

[878] *Молоков И.Е.* Роль Сибревкома в освобождении Сибири // Научные труды Омской высшей школы милиции. 1971. Вып. 8. С. 124.

[879] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1373. Л. 1.

[880] *Жигалин Я.П.* Партизанские отряды занимали города… С. 126, 128. Мнение Жигалина легко объяснимо – приказом № 1117 он вводился в аппарат полевого управления 5-й армии и приобретал высокую должность помощника Инспектора пехоты армии.

кабря 1919 г., о чем свидетельствует пункт пятый упомянутого приказа № 1117 («всех партизан зачислить в запасные полки армии для ознакомления со службой … Красной Армии»[881]). Таким образом, за исключением формата прений и некоторых нюансов, итог этих специальных заседаний был для Эйхе с точки зрения вопроса прямого пополнения 5-й армии РККА равнозначно негативен.

Нельзя, однако, исключить, что на тот момент взгляды самого командующего 5-й армией на повстанческий вопрос претерпели эволюцию, главным образом ввиду неудачного личного опыта опосредованного управления военными действиями формирований партизан в конце ноября – декабре 1919 г. Именно на этой основе первичное положительное мнение Эйхе о качественном уровне сибирского партизанского движения сменилось разочарованием в нем и скепсисом в отношении его представителей. Подобное перерождение, как показало исследование, произошло не позднее января 1920 г. и впоследствии только укреплялось. Иными словами, Эйхе уже на исходе декабря 1919 г. мог сам отказаться от лоббируемой им идеи прямого пополнения партизанами (минуя «карантин» и переподготовку в запасных полках) строевых частей 5-й армии.

Постепенное охлаждение отношения командарма к повстанчеству Западной Сибири диктовалось двумя факторами: упомянутым выше опытом неудачного оперирования частями партизан; получаемой по различным каналам связи (от начдива Гайлита, специальной экспедиции Эльцина, уполномоченного РВС 5-й армии П.С. Юшкина[882] и др.) информацией, крайне отрицательно характеризующей их боевое состояние, нравственный облик и политические ориентации.

На первом факторе есть смысл остановиться подробнее. Попытки организовать боевое применение партизанских формирований, их сколько-нибудь реальное оперативное взаимодействие с 5-й армией Генрих Эйхе предпринимал еще на раннем фазисе Новониколаевской операции. Центр тяжести его организационных усилий был ориентирован на группировки сил Минусинского фронта (Кравченко), Западно-Сибирской армии (Мамонтов) и Причернского повстанческого края (Г.Ф. Рогов). По указаниям командарма каждой из них предписывалось обеспечить масштабное силовое воздействие на базисные коммуникации отступавших от р. Обь к р. Енисей частей белых, прежде всего, на линию

[881] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1373. Л. 1.

[882] См. переговоры Юшкина по прямому проводу с работником оперативного отдела штаба 5-й армии И.В. Смородиновым, а также с членом РВС-5 Тепловым (ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1366. Л. 4, 8-9).

железной дороги. Первые указания подобного рода были получены Минусинским фронтом 28 ноября 1919 г. и распространялись на участок магистрали Ачинск – Красноярск[883]. 4 декабря в контексте рассмотренного выше замысла обеспечения флангового удара 26-й стрелковой дивизии на Мариинск Эйхе отдал распоряжение командующему причернскими повстанцами (действовали северо-восточнее Барнаула) анархисту Рогову о необходимости сорвать движение поездов на дистанции ст. Тайга – Мариинск. Не позднее 7 декабря 1919 г. к задаче дезорганизации Транссибирской магистрали в районе Мариинска Эйхе привлек алтайских повстанцев Мамонтова, причем в интересах этого им направлялись четыре пуда пироксилина[884]. Таким образом, каждый стратегически расположенный повстанческий фронт получил от командующего армией конкретную боевую задачу. Природа выполнения этих указаний, которые явились для Эйхе как полководца критерием боеспособности и управляемости сибирских партизан, и легла в основание его разочарования в их боевой ценности[885].

Как в своих воспоминаниях, так и в итоговом военно-историческом труде «Опрокинутый тыл» Эйхе с сожалением констатировал неудачу минусинских и алтайских партизан в выполнении перечисленных выше боевых задач[886]. При этом, однако, важно упомянуть, что силы Минусинского фронта проявили наибольшее упорство в попытке прорваться к магистрали, о чем свидетельствует в отзыве на монографию «Опрокинутый тыл» («Об извращениях истории партизанского движения на Енисее в книге Г.Х. Эйхе "Опрокинутый тыл"») ветеран – «щетинкинец» П.В. Кашуткин[887]. Исключительную медлительность проявили причернские партизаны, только 20 декабря 1919 г. достигшие Щегловска. Развернув далее движение к магистрали (на Мариинск), они попали под удар белых и отказались от выполнения директивы Эйхе. Вскоре, стоит отметить, силы

---

[883] Документы героической борьбы: Сб. док. мат., посвященных борьбе против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции на территории Енисейской губернии (1918-1920 гг.) / Сост. *З.К. Глусская* и др. Красноярск, 1959. С. 370-371.

[884] Партизанское движение в Западной Сибири (1918-1920 гг.): Док. и мат. С. 654.

[885] Мера этого разочарования, очевидно, была исключительно велика, поскольку в ранних военно-исторических работах Эйхе, относящихся к 1920-1930-м гг., проблема действий партизан Сибири в интересах 5-й армии РККА им полностью игнорируется. «Автору, – отмечал в 1931 г. рецензент одной из книг Эйхе, – нужно поставить большой упрек за упущение этого вопроса» (*Шкурин Я.* Г. Эйхе. Тактические поучения гражданской войны // Война и революция. 1931. Кн. 6. С. 95).

[886] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 213; *Эйхе Г.Х.* Опрокинутый тыл. С. 291-292, 337.

[887] ГАНО. Ф. П-5а. Оп. 1. Д. 200. Л. 11.

анархиста Рогова были разоружены из-за упадка дисциплины, бесчинств и грабежей в Щегловске. Таким образом, командарму так и не удалось побудить крупнейшие партизанские формирования Западной Сибири выйти из ряда местных, локальных операций, придать их действиям стратегическое значение в рамках проводимых им Новониколаевской и Красноярской операций 5-й армии. В свете выявленных обстоятельств тезис «…о совместных боевых действиях 5-й армии и партизан…» в ходе зимней кампании 1919/1920 гг., обозначенный историком Д.А. Зельвенским, можно полагать правильным лишь отчасти[888].

Наибольшую неудовлетворенность Эйхе в это время, очевидно, испытал от опыта опосредованного управления Западно-Сибирской армией Мамонтова, с вождями которой он сблизился и установил, казалось бы, должный уровень доверительности. Директивы Главкому Мамонтову о необходимости развертывания твердых и решительных ударов на участок ж/д магистрали у Мариинска направлялись биографируемым, по меньшей мере, дважды: не позднее 7 декабря и 12 декабря 1919 г.[889] На фоне стремительного наступления 5-й армии РККА и скорого взятия Новониколаевска медлительность и бездействие конгломерата «мамонтовцев» вызвала искреннее раздражение Эйхе. Вечером 14 декабря 1919 г. через начальника 26-й стрелковой дивизии Гайлита он произвел наглядное внушение Мамонтову: «Неоднократными директивами командарм указывал на необходимость действия крупных партизанских масс на сообщения противника и в особенности на жел[езные] дороги, не дать возможности ему использовать таковые для эвакуации. Создавшаяся к настоящему времени обстановка наиболее благоприятствует подобной операции. <…> Задача, поставленная вашим отрядам командармом, должна быть выполнена во что бы то ни стало»[890].

Как показало исследование, приказам и просьбам Эйхе Мамонтов и его повстанческие силы так и не вняли, что не отрицалось впоследствии ветеранами партизанского движения. Так, упомянутый выше начальник штаба Мамонтова, убежденный антагонист Эйхе Жигалин в пространном 23-страничном отзыве на труд «Опрокинутый тыл» («Против фальсификации истории и дискре-

---

[888] *Зельвенский Д.А.* О роли 5-й армии в освобождении Сибири от колчаковцев // К 50-летию освобождения Сибири от колчаковщины: Мат. науч. конференции / Под ред. *И.М. Разгона.* Вып. 1. Томск, 1970. С. 25-26.

[889] *Бердникова Е.В.* Гражданская война и интервенты в Сибири // Освобождение Сибири от Колчака. Новосибирск, 1939. С. 51.

[890] Цит. по: Партизанское движение в Западной Сибири (1918-1920 гг.): Док. и мат. С. 661-662.

дитации партизанского движения в Сибири») согласился с критикой подобной бездеятельности партизан[891]. Небезынтересно, что это едва ли не единственный фрагмент отзыва, в котором Жигалин признал правоту Эйхе, хотя и с позиции самооправдания. «Законным, – подчеркивал Жигалин, – является упрек автора партизанам в отношении железных дорог. Действительно партизаны должны были обратить больше внимания и усилий для нарушения железнодорожного движения. <…> Такие возможности у партизан были, но использовали их они мало. Особенно это относится к партизанам Енисейской и Томской губерний, оперировавшими *(так в тексте. – Р.Б.)* вблизи главной сибирской магистрали. Алтайские же партизаны действовали в стороне от главной магистрали, но и они могли бы гораздо больше сделать… И даже могли бы выслать диверсионные отряды на главную магистраль. К сожалению постоянно занятые заботой отражения непрерывных нападений врага, мы сами не додумались насколько важна задача порчи железных дорог и не получили указаний от городских подпольных большевистских организаций»[892]. Таким образом, даже сравнительно лояльно расположенная к командарму Эйхе, на первый взгляд, группировка алтайских повстанцев не проявила должного внимания к его оперативным директивам. Детальное изучение причин столь неприглядного отношения «мамонтовцев» к боевым задачам, диктовавшимся характером операционного продвижения 5-й армии РККА вглубь Западной Сибири, еще предстоит осуществить.

Из рассмотренных выше «коллизий» во взаимоотношениях между партизанским контингентом и командармом Эйхе видно, что его «…застарелая "болезнь" предубежденного отношения к партизанам» и «тенденциозность»[893], на которые неоднократно сетовал Жигалин, не были беспочвенны и имели веские основания. Концентрированные итоги действий западно-сибирских повстанческих формирований и тактический рисунок их оперирования позволяют резюмировать, что им в целом не удалось оказать решающего влияния на ход и результаты проведенных Эйхе в ноябре-январе Новониколаевской и Красноярской наступательных операций 5-й армии (за исключением частных боев на вспомога-

[891] Отзыв Жигалин в октябре 1966 г. направил в редакцию журнала «Сибирские огни», а также самому Эйхе. См. черновики ответа Эйхе на отзыв: ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 83. Л. 35-41 об.
[892] ГАНО. Ф. П-5а. Оп. 1. Д. 282. Л. 18.
[893] См.: ГАНО. Ф. П-5а. Оп. 1. Д. 282. Л. 14, 22; *Жигалин Я.П.* О книге Г.Х. Эйхе «Опрокинутый тыл» // Сибирские огни. 1968. № 1. С. 187.

тельном семипалатинском направлении и непосредственно под Красноярском в начале января 1920 г.). В этой связи мы будем солидарны с историком А.Л. Ожигановым, который, рассматривая труды Эйхе, пришел к заключению, что, по мнению военачальника, основу победы над войсками адмирала Колчака создали «…не партизаны, а действия Красной *(5-й. – Р.Б.)* армии…»[894].

Затрагивая организационную компоненту деятельности Эйхе на посту командующего 5-й армией, нельзя не упомянуть вкратце о векторе проводимой им кадровой политики. Здесь, с одной стороны, мы сталкиваемся с очевидной статикой перемещений в границах штатного расписания управления армии. Практически все крупные военспецы (Устичев, Яковский, де Монфор и др.), бывшие в его составе при Тухачевском, не только остались после назначения командующим Эйхе, но и сохранили в неизменности свои должности. Обеспечение единства исторически сложившегося коллектива административных и штабных работников 5-й армии, следует предполагать, было одним из личных условий Тухачевского, предъявленных им Эйхе в ходе сдачи дел последнему в конце ноября 1919 г. Вполне обоснованными в этом смысле выглядит свидетельство историка Тарасова. Исходя из его данных, Тухачевский 19 ноября адресовал своему преемнику следующую весьма показательную реплику: «Представлять вас в штабе армии не имеет смысла: и вы всех хорошо знаете, и вас знают. *Все остаются на своих местах (курсив наш. – Р.Б.)*»[895]. Если договоренность подобного рода имела место в действительности, нам следует признать – новый командарм ее всецело выполнил. Из представителей высшего командного состава армии при Эйхе выбыл только начальник ее штаба Ивасиов, скончавшийся 20 декабря 1919 г. от тифа в сочетании с туберкулезом легких. Смерть боевого товарища стала большим несчастьем для военачальника[896], в дальнейшем он пытался добиться назначения персональной пенсии его вдове Л.М. Ивасиовой[897].

С другой стороны, в корпусе полевых командиров, до дивизионных включительно, Эйхе, напротив, основательным образом позаботился о ротации в интересах перехода частей и соединений под контроль испытанных товарищей и

---

[894] *Ожиганов А.Л.* Отечественная историография колчаковского режима (ноябрь 1918 – январь 1920 гг.). Дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003. С. 135.
[895] *Тарасов Е.П.* Красном Генрих Эйхе. С. 99.
[896] См.: РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1444. Л. 325.
[897] ГА РФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 561. Л. 1-3.

друзей. В частности, из начальников четырех главных ударных дивизий 5-й армии (не считая выведенных в резерв в ноябре 5-й и 51-й и формируемой с декабря 62-й дивизий) Эйхе в ходе военных действий сменил троих (в 26-й, 27-й, 30-й дивизиях). Не было претензий у него только к возглавлявшему 35-ю дивизию латышу Нейману, старому приятелю со времен операций под Бугурусланом и Бугульмой. Своим преемником в качестве начдива-26 военачальник 26 ноября 1919 г. назначил другого близкого товарища, латыша Гайлита. Весьма симптоматичным является удаление из корпуса начдивов бывших штаб-офицеров, военспецов Блажевича в 27-й дивизии и Е.Н. Сергеева в 30-й дивизии, которые были заменены по решению Эйхе соответственно литовцем Путной (17 декабря 1919 г.[898]) и латышом Лапиным (8 декабря 1919 г.), хорошо известными нам по предыдущим разделам работы. После проведения в жизнь соответствующих изменений бразды правления в дивизионном звене 5-й армии фактически перешли к когорте личных друзей Эйхе и своеобразного балтийского «землячества».

Печатью наибольшего драматизма была отмечена история взаимоотношений командарма Эйхе с 20-летним Лапиным, начальником 30-й стрелковой дивизии. К нему военачальник неизменно питал в годы Гражданской войны и после ее завершения теплые чувства, способствовал его продвижению по служебной лестнице. В интерпретации Эйхе этот «не имеющий никакого военного образования, молодой увлекающийся, я бы даже сказал, по-карьеристски *(так в тексте. – Р.Б.)* настроенный человек…» стал «…командиром полка, затем бригады и наконец дивизии не только на моих глазах, но через меня»[899]. Оформленное решением Эйхе производство Лапина в ранг начдива-30 стало для последнего одной из наиболее важных служебных вех, поскольку после тяжелого ранения (с повреждением позвоночника) под Челябинском врачебная комиссия констатировала невозможность его пребывания в рядах РККА. Лишь приход на пост командующего 5-й армией Эйхе, старого друга Лапина, обеспечил ему направление на столь желанную для него строевую командную должность.

В советской историографии продолжительное время существовал устойчивый «лубочный» миф, объяснявший мотивы, побудившие Эйхе утвердить Лапина начальником дивизии. Ряд авторов упоминал о визите еще не оправивше-

[898] Назначение утверждено Эйхе еще 10 декабря 1919 г. (РГВА. Ф. 40895. УПК № 222584. Л. 1 об.).
[899] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 209.

гося от ранения краскома к командарму. В ходе него Лапин якобы «отбросил костыли», начал «плясать», «делать физкультурные упражнения» из желания доказать Эйхе свои физические кондиции. Это, как будто, и предопределило его выдвижение на новую должность[900]. Свое отношение к данной «антиисторической сценке» Эйхе однозначно высказал в середине 1960-х гг., заметив, что «тут все от начала до конца грубая и глупая выдумка потерявших чувство меры авторов», которые «…видимо, не предполагали, что еще жив командующий 5-й армией…»[901]. Утверждение кандидатуры Лапина Эйхе в действительности диктовалось, очевидно, не только его выздоровлением, но и циркулировавшими тогда глухими слухами о возможных связях лиц из штаба действующего начдива-30 Сергеева с колчаковскими офицерами. Возглавлявший Ижевскую дивизию 3-й армии белых генерал В.М. Молчанов позднее откровенно вспоминал об имевших место контактах с неким высокопоставленным краскомом 30-й стрелковой дивизии, бывшим подполковником. «Однажды, – откровенно свидетельствовал Молчанов, – я провел с ним тайные переговоры о сдаче 30-й дивизии к нам, и если бы у меня были деньги, они бы, наверное, сдались»[902]. На сегодняшний день нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть факт наличия подобных связей (хотя они и выглядят невероятными), однако Эйхе, скептику по складу характера, судя по всему, было достаточно указанных выше слухов. «Оргвыводы» в отношении военспеца Сергеева были им сделаны незамедлительно, что и выразилось в назначении на его место амбициозного краскома, члена РКП(б) с 1917 г. Лапина, в чьей преданности и принципиальности командующий армией не сомневался.

Стоит отметить, что позднее, с уходом Эйхе с поста командарма-5 достаточно скоро потерял свою должность и его протеже Лапин. Некоторое, вероятно, невольное превышение полномочий юным начдивом-30, которое Эйхе, очевидно, мог бы сгладить и разрешить мирно, вызвало гипертрофированно жесткую реакцию со стороны вновь назначенного командующего М.С. Матиясевича (с 8 февраля 1920 г.), вернувшегося в ряды «пятоармейцев». В результате в марте 1920 г. Лапин был показательно снят и понижен в должности с формулировкой:

---

[900] См., например: *Алексеев Д.Г.* Начдив Иван Грязнов. Свердловск, 1968. С. 58; *Он же.* Уральская жемчужина. Свердловск, 1976. С. 127; *Гаглов И.И., Палант М.И.* Кавалер пяти орденов: рассказ о двадцатидвухлетнем командарме. М., 1964. С. 60.

[901] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 209 (вклейка).

[902] *Moltchanoff V.M.* The Last White General: An interview Conducted by Boris Raymond. P. 84.

за отдачу некоего «незаконного приказа» местным революционным комитетам населенных пунктов Черемхово, пос. Балаганск и ж/д ст. Зима[903].

В тесном динамическом единстве с понятием кадровой политики, проводимой командующим 5-й армией, лежали разделяемые им взгляды на проблему использования пленных офицеров и нижних чинов разгромленной колчаковской армии. Поскольку данный вопрос остался за бортом внимания отечественных исследователей, ему выпала неприглядная участь стать предметом бесхитростных спекуляций в ряде публицистических работ. Здесь в почти гротескной форме сообщается об ответственности Эйхе и его соратников по 5-й армии («палачей, направляемых Лениным, Троцким») за создание «штабелей из людей в Сибири», по-видимому, из военнослужащих белых[904]. Войска 5-й армии в этой связи именуются «германским легионом в Сибири, установившим здесь советскую власть», якобы почти целиком состоявшим «из бывших пленных германо-австрияков»[905]. Очевидно, это обстоятельство и намек на несуществующие немецкие корни Эйхе должны были окончательно убедить читателя во враждебных, карательных намерениях командарма и вверенных ему армейских сил. Разумеется, воспринимать серьезно подобные тезисы нельзя, равно как и ставить вопрос о какой-либо объективности авторов, их выдвинувших. Однако, учитывая факт появления подобных публикаций, мы вынуждены констатировать новейшую тревожную тенденцию к искусственной фабрикации в определенных кругах неакадемических исследователей образа «врага-чужестранца» из прошлого, чертами которого осознанно наделяется командующий 5-й армией Эйхе.

В первую очередь стоит опровергнуть миф о якобы «немецкой» природе воинского контингента 5-й армии. По утверждению Эйхе, уже к 1921 г. ее личный состав «…состоял почти исключительно из сибиряков»[906]. Более того, исследование показало: в предшествовавшие 1918-1920 гг. командование армии также не формировало соединений и частей, укомплектованных этническими немцами либо австрийцами. Единственная же попытка подобного рода была предпринята только в начале 1920 г. Эйхе и Смирновым, выступившими перед

---

[903] *Агалаков В.Т.* Из истории строительства Советской власти в Восточной Сибири 1919-1921 гг. Иркутск, 1958. С. 156.

[904] *Смоленцев-Соболь Н.Н.* Ижевское восстание // Верность (Миннеаполис, США). 2010. № 152. URL: http://www.metanthonymemorial.org/VernostNo152.html (дата обращения: 29.07.2016).

[905] *Данилов С.* Уничтоженная родина // Начало века (Томск). 2010. № 2. С. 192.

[906] НГКМ. Ед. хр. № ОФ-13942. Л. 5.

РВС РСФСР с инициативой создания отдельной дивизии из числа освобожденных в Сибири германских и мадьярских солдат. Мероприятие потерпело неудачу. «Формирование немецко-венгерской дивизии, – указывали Ленин и Троцкий в ответной телеграмме № 20/к от 13 января 1920 г., – … крайне нецелесообразно»[907]. Таким образом, мысль о пополнении рядов «пятоармейцев» военнопленными – комбатантами Первой мировой войны возникла у РВС 5-й армии уже после освобождения Западной Сибири и погасла столь же быстро, как и появилась. К слову, участие военнопленных Тройственного союза в действиях на стороне РККА не иначе, как «чьей-то выдумкой» называл хорошо знакомый с ситуацией генерал Уильям Гревс, командующий силами США в Сибири[908].

Поставить под сомнение необходимо и тенденциозное представление об Эйхе как «палаче», причастном к созданию в Сибири людских «штабелей». Проводимая командармом в период зимней кампании 1919/1920 гг. линия на налаживание сотрудничества с военнослужащими поверженной армии противника отрицала инструменты репрессий, представляя, на наш взгляд, очевидное проявление здорового прагматизма и человечности со стороны Эйхе. Добавим, что в бытность его командующим армией на территории Западной Сибири не было ни актов массового террора, подобных позднейшим событиям 1920 г. в Крыму, ни кампаний по преследованию и ущемлению в правах военных либо гражданских лиц, служивших режиму адмирала Колчака и иным антибольшевистским правительствам. Рассматривая политику Эйхе на освобожденной территории, стоит упомянуть следующий, весьма показательный фрагмент доклада Томского губернского революционного комитета: «Представители Красной Армии *(5-й армии. – Р.Б.)* … до такой степени гуманно относились к населению, что вызвали восхищение не только у сельского населения, но и у буржуазии»[909]. Так, по решению Эйхе плененные нижние чины, не занятые на тыловых работах, были распущены по домам с предоставлением им месячного отпуска[910]. Изъявившие намерение служить в РККА беспрепятственно вводились в регулярные части[911].

---

[907] International Left Opposition Archives. L.D. Trockij (collection of documents). Inv. No. 801.

[908] *Graves W.S.* America`s Siberian adventure. 1918-1920. N.Y., 1941. P. 31.

[909] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 300. Л. 194.

[910] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1381. Л. 9.

[911] Так, после взятия Красноярска красными в один только 270-й стрелковый полк 30-й стрелковой дивизии было принято около 1.000 человек добровольцев из числа бывших колчаковских военнослужащих (*Обухов.* Краткая история Белорецкого полка. С. 107).

Специальные воинские подразделения бывшей колчаковской армии (инженерные, связи, воздухоплавательные, автомобильные и т.д.) сохранялись целиком и поступали в ведение соответствующих инспекций родов войск 5-й армии[912].

Особняком стоял офицерский вопрос. Бывшие представители командного корпуса вооруженных сил Российского правительства подвергались более тщательной фильтрации, но в целом позиция Эйхе по отношению к ним отличалась благосклонностью. Цель его в этом смысле была вполне прозрачной – использовать кадры белых специалистов в интересах 5-й армии. Комиссар 2-й бригады 27-й стрелковой дивизии В.О. Корницкий, командированный Эйхе в Томск для отбора офицеров капитулировавшей 1-й армии белых, свидетельствовал, что «такая необходимость вызывалась тем, что мы потеряли много младших и средних командиров в боях и от эпидемии сыпного тифа»[913]. С санкции Эйхе белые военспецы, привлеченные на службу в РККА, наделялись полным спектром прав и льгот, доступных для краскомов, а их семьям, по крайней мере, в течение двух месяцев выдавались денежные пособия[914]. Путь некоторых из них в дальнейшем лежал в Москву («генштабисты»[915], ряд генералов и штаб-офицеров), а также на иные театры военных действий, например, на Западный фронт РСФСР.

Исключительно интересный пример употребления Эйхе пленных офицеров как потенциальных агентов разложения приводит в своих мемуарах французский генерал Морис Жанен, Главнокомандующий союзными войсками в Сибири. По его свидетельству, возглавлявший силы красных в регионе «большевистский генерал Эверт» (в котором мы без труда узнаем Эйхе) в течение декабря 1919 г. отпускал «без жестокого обращения» попавших к нему в плен колчаковских офицеров и направлял их в Иркутск – новый административный центр адмирала Колчака. «Некоторые, – продолжал Жанен, – как проездной документ, получали сибирский вексель на 1.000 рублей, на оборотной стороне которого

---

[912] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 66. Л. 209 об.

[913] *Корницкий В.О.* Впереди – Иркутск // Разгром Колчака: Воспоминания / Сост. *Л.М. Спирин.* М., 1969. С. 112.

[914] *Эйхе Г.Х.* На главном направлении. С. 167.

[915] В общей сложности частями 5-й армии, согласно данным историка Е.В. Волкова, к началу февраля 1920 г. были взяты в плен 33 белых офицера – «генштабиста». Среди них значились 2 генерал-лейтенанта, 10 генерал-майоров, 5 полковников, 11 подполковников, 4 капитана и 1 есаул. Впоследствии количество плененных офицеров, окончивших Академию Генштаба, увеличилось до 42 человек. Часть из них согласилась служить в РККА и была благополучно откомандирована в Москву (*Волков Е.В.* Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. Челябинск, 2001. С. 193).

было написано: "Годен в качестве паспорта для … следующего в Иркутск для присоединения к авантюристу Колчаку. Предъявить по моему прибытию"»[916]. Данная остроумная акция Эйхе произвела, по утверждению Жанена, сильное угнетающее впечатление на военнослужащих иркутского гарнизона.

Вместе с тем важно учитывать, что позиция командарма-5 на масштабное взаимодействие с военспецами-военнопленными столкнулась с явной враждебностью и сравнительным непониманием ряда военных, политических и административных структур, призванных осуществлять проверку и фильтрацию соответствующего войскового контингента. Достаточно упомянуть, что мероприятия данной природы, например, в Красноярском фильтрационном лагере растянулись до конца 1920 г., на фоне произвола местных ответственных работников и масштабной смертности среди представителей бывшего белого офицерства[917]. По некоторым данным, даже к середине 1920 г. в лагерях Сибири оставалось в бездействии более 1.500 офицерских кадров[918]. К счастью для указанных лиц, Эйхе продолжил линию на глубинное сотрудничество с «бывшими» в качестве Главкома армии Дальневосточной республики, что позволило многим из них обрести свободу и вернуть себе высокое положение армейского командира.

Резюмируя итоги деятельности Эйхе в рамках зимней кампании 1919/1920 гг., отметим, что развернутые им мероприятия по включению в состав 5-й армии пленных военнослужащих армии адмирала Колчака, очевидно, принесли свои реальные плоды. Ко времени окончания активной работы военачальника Эйхе на посту командующего 5-й армией реальный боевой состав вверенных ему соединений и частей увеличился (к 15 января 1920 г.) до 51.224 штыков, 7.137 сабель, 4.939 лиц комсостава, 202 орудий, 1240 пулеметов, 6 бронепоездов и 1 бронеавтомобиля, 14 самолетов[919]. Сопоставляя приведенные итоговые цифро-

---

[916] *Janin M.* Ma mission en Sibérie. 1918-1920. Paris, 1933. P. 219.

[917] См., например: *Де-Липпе-Липский Н.И.* Война и революция. Воспоминания полковника л. гв. 2-го стрелкового Царскосельского полка Н.И. Де-Липпе-Липского // Памятные дни. Из воспоминаний Гвардейских стрелков / Под ред. *Э.А. Верцинского.* Кн. 3. Таллинн, 1939. С. 100; *Каликин.* Судьба одного из офицеров // Каппель и каппелевцы. 3-е изд., испр. и доп. / Сост. *Р.Г. Гагкуев*. М., 2010. С. 535.

[918] ГАНО Ф. П-1. Оп. 2. Д. 47. Л. 86.

[919] Подсчитано по: РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 639. Л. 107-116; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.): Сб. док. Т. 4. С. 126-127. В соответствующих подсчетах нами учитывается личный состав входивших в 5-ю армию на 15 января 1920 г. 26-й, 27-й, 30-й, 35-й, 51-й, 62-й стрелковых дивизий, Семипалатинской группы, Кокчетавского укрепленного района и вспомогательных частей. Суммарная численность контингента армии по тем же подсчетам составила 120.071 человек.

вые показатели посредством компаративистских вычислений с обозначенными нами ранее (на дату вступления Эйхе в данную должность и накануне Красноярской операции), нетрудно обнаружить, сколь значительными темпами при Эйхе прогрессировал оперативно-боевой потенциал 5-й армии: прирост +81 % пехоты, +494 % боевой кавалерии, +90 % артиллерии, + 104 % единиц пулеметов.

Поступательная оперативная и военно-организаторская работа «красного латыша», командарма Эйхе была прервана внезапно развившимся у него тяжелым заболеванием. Сыпной тиф, который не миновал также членов РВС армии Грюнштейна и Теплова, лишил военачальника физической возможности управлять действиями 5-й армии. Уже в середине января 1920 г., после завершения Красноярской наступательной операции, он вынужден был передать временное командование войсками своему помощнику, опытному военспецу Устичеву, который и координировал дальнейшее движение красных частей на Иркутск[920]. На фоне последующего ухудшения самочувствия Эйхе с 19 января 1920 г. был «по болезни освобожден от занимаемой должности с назначением в распоряжение Главкома [всех вооруженных сил] РСФСР»[921].

Многогранная деятельность Эйхе в должности командующего 5-й армии РККА, в высшей степени сложная, масштабная и насыщенная по своему содержанию, бесспорно, явилась одной из вершин его полководческой карьеры. Данное утверждение справедливо как с точки зрения мастерства, проявленного военачальником в ходе управленческой работы на данном посту, так и с точки зрения оценки реального результата, им достигнутого. Свой решающий вклад в борьбу с политическим режимом адмирала Колчака на рубеже 1919/1920 гг. Эйхе позднее оценивал трезво, без ложной скромности, называя себя в позднейшей автобиографии (датированной 23 июня 1964 г.) командующим «…5-й дважды Краснознаменной армией, завершившей окончательный разгром и пленение армии Колчака и освобождение Сибири от интервентов и белогвардейцев»[922]. В этой связи нам представляется вполне обоснованной и верной точка зрения на данный счет историка Заболотного, подчеркивавшего, пусть и с некоторой долей возвеличивания, что «…боевые операции, проведенные под руководством

[920] Скончался от кровоизлияния в мозг (по другим данным, от острой сердечной недостаточности) 31 января 1920 г., в ходе перебазирования полевого управления 5-й армии РККА из Омска в Красноярск.
[921] РГВА. Ф. 37976. П/с № 340-422. Л. 3.
[922] НГКМ. Ед. хр. № НВ-14924/124. Л. 1.

… Г.Х. Эйхе … по праву вошли золотыми страницами в сокровищницу советского военного искусства…»[923]. Со своей стороны, однако, добавим следующую важную ремарку критического свойства. Несмотря на очевидные достижения, успехи Эйхе в указанный период Гражданской войны на востоке России, он все же остался скорее в тени своего предшественника и покровителя Тухачевского, за которым в сознании современников и памяти потомков устойчиво закрепилась известность «победителя Колчака и завоевателя Сибири»[924]. С подобным толкованием исторических событий едва ли возможно целиком и полностью согласиться. Как видится нам, подобную высокую честь с Тухачевским по праву должен разделить военный специалист Эйхе, его близкий соратник, боевой товарищ и деятельный преемник в должности командующего 5-й армией РККА.

[923] *Заболотный М.Б.* 5-я Краснознаменная Красная армия в годы Гражданской войны (1918-1920 гг.). Автореферат дис. … канд. ист. наук. С. 2.
[924] См., например: РГВА. Ф. 245. Оп. 4. Д. 201. Л. 87; *Соколов Б.В.* Тухачевский. М., 2008. С. 85.

§ 2. Первый Главнокомандующий Дальневосточной республики. Г.Х. Эйхе – организатор военного строительства в «буферном» государстве

Процесс излечения Эйхе от сыпного тифа, развившегося у него в период командования 5-й армией, занял продолжительное время. Непосредственно координировавшая лечение военачальника Р.М. Азарх, начальник санитарной службы армии, вспоминала, что борьба за его жизнь была «долгой и упорной»[925]. По нашей оценке, выздоровление и медицинская реабилитация военного специалиста в целом завершились только к исходу второй декады февраля, после чего он был вновь переведен приказом Главкома всех вооруженных сил РСФСР С.С. Каменева от 21 февраля 1920 г. в распоряжение РВС 5-й армии[926]. На тот момент у руководства Советской России, надо полагать, были уже вполне определенные виды на область дальнейшего приложения сил и способностей полководца, прежде всего, в связи с крайне осложнившейся для РСФСР после разгрома политического режима адмирала А.В. Колчака геополитической обстановкой на пространстве Восточной Сибири и российского Дальнего Востока.

Организованное командармом Эйхе зимой 1919/1920 гг. энергичное, предельно скорое наступление сил РККА вглубь Сибири, увенчавшееся их выходом на Среднесибирское плоскогорье, представляло историческое достижение большевистской диктатуры. Председатель Сибревкома и член РВС 5-й армии И.Н. Смирнов на митинге в Красноярске 23 января 1920 г. подчеркивал, что «…при вступлении в Сибирь, Советское правительство не рассчитывало на такой быстрый успех советских войск, а полагало, что [противник] будет укрепляться…»[927]. Победа в Сибири вместе с тем имела оборотную сторону. Рост боевой активности красных в регионе породил возникновение международной напряженности в районе, непосредственно прилегающем к оз. Байкал. Территория за ним, вплоть до Приморья, находилась тогда под оккупацией Японии, действовавшей именем Антанты. Игнорируя продвижение РККА к границам Забайкалья, правительство страны усиленно наращивало военное присутствие на востоке России, взяв курс на продолжение интервенции и силовое обеспечение здесь своих геополитических интересов. Развертывание наступления 5-й армии на восток от Иркут-

[925] *Азарх Р.М.* У великих истоков. М., 1967. С. 135-136.
[926] РГВА. Ф. 37976. П/с № 340-422. Л. 3.
[927] Документы героической борьбы: Сб. док. мат. С. 429.

ска в этом плане неотвратимо оборачивалось крупным вооруженным конфликтом РККА и японской армии, открытой войной между ослабленной РСФСР и восточноазиатским гегемоном. Данный внешнеполитический фактор принудил ЦК РКП(б) отказаться от «…отвлечения военных и других сил дальше Иркутска»[928] и начать поиск иных, тонких путей для разрешения японского вопроса.

Кризис власти, возникший на пространстве от Забайкалья до Приморья после крушения диктатуры адмирала Колчака, поощрял планы японского правительства по дальнейшему расширению интервенции в России[929]. В своих агрессивных намерениях Япония сделала ставку на поддержку внутрироссийского марионеточного режима. Проводником ее политики в данном случае выступило вновь образованное в Забайкалье правительство «Российской восточной окраины» во главе с атаманом Г.М. Семеновым, наделенным 4 января 1920 г. «всей полнотой военной и гражданской власти» на востоке России согласно последнему указу адмирала Колчака[930]. С этого времени Семенов стал пользоваться самым энергичным покровительством японских правящих кругов. Видный деятель антибольшевистского движения В.Г. Болдырев, находившийся в 1919-1920 гг. в Камакуре и бывший в курсе текущей политической ситуации, приводил любопытную оценку будущности Забайкалья, Приамурья и Приморья в их интерпретации. «Весьма активная часть японской военной партии, – свидетельствовал Болдырев, – определенно намекала на желательность объединения этих областей под властью Семенова и под протекторатом Японии»[931]. В интересах проведения в жизнь соответствующего плана в начале 1920 г. была серьезно увеличена концентрация японских экспедиционных сил в основных центрах подконтрольной Семенову территории Забайкалья – районах Верхнеудинска[932] и Читы.

Препятствовать интервенционистским намерениям Японии в Сибири и на Дальнем Востоке путем открытого военного конфликта с ее войсками Советская

---

[928] Цит. по: История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны / Отв. ред. *Б.И. Мухачев.* Владивосток: Дальнаука, 2003. С. 374.

[929] Подобный исход предвещал уже в августе 1919 г. Председатель РВС РСФСР Л.Д. Троцкий. «Колчак сходит на нет и Японии, – подчеркивал он в одном из докладов, – в ожидании нашего … продвижения на восток – придется или значительно увеличить свои оккупационные войска, или убраться прочь. Увеличение японских сил в Сибири при сведении на нет Колчака означало бы … японизацию Сибири…» (International Left Opposition Archives. L.D. Trockij (collection of documents). Inv. No. 801).

[930] *Борисов Б.* Дальний Восток. Вена, 1921. С. 15-16.

[931] *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервенты: Воспоминания. Новониколаевск, 1925. С. 238.

[932] Ныне – г. Улан-Удэ, Республика Бурятия.

Россия на тот момент была не в состоянии. Эскалация противостояния на советско-польском фронте и необходимость ликвидации белых на юге России диктовали иные военно-политические приоритеты. На этом фоне втягивание РККА в новую войну на востоке было бы крупной стратегической ошибкой, о чем говорил позднее, 21 декабря 1920 г., В.И. Ленин[933]. Исходя из этого, правительство РСФСР и ЦК РКП(б) были вынуждены проявить известную гибкость и предпринять в начале 1920 г. примечательный маневр, связанный с провозглашением на территории восточной части России формально независимого «буферного государства» – Дальневосточной республики[934] (ДВР), сохранившей элементы демократического управления и рыночной экономики. Историческая миссия ДВР состояла в мирном изживании японской интервенции, ликвидации антибольшевистских формирований, прежде всего, атамана Семенова, действовавших под протекцией Японии в Забайкалье и на Дальнем Востоке, а также в политическом объединении этой территории для включения ее со временем в состав РСФСР[935].

Перечисленные военно-политические ориентиры закономерно выводили на первый план необходимость организации в предельно сжатые сроки боеспособных вооруженных сил ДВР как гаранта политической устойчивости дальневосточного красного «буфера», реализации им своей миссии. Именно в этой сфере с 17 марта 1920 г. по 2 мая 1921 г. находился вектор дальнейшей служебной деятельности бывшего командующего 5-й армией РККА, 26-летнего военспеца Эйхе. Консенсусным решением центральных (московских) и сибирских политических и военных руководителей РСФСР ему была доверена должность Главнокомандующего всеми вооруженными силами вновь образованного государства.

Процесс подготовки Эйхе к занятию высшей военной должности Дальневосточной республики восходит к первым числам марта 1920 г., когда он окончательно оправился от заболевания. Исключительное значение здесь имело участие упоминавшегося ранее старого большевика Смирнова, еще в конце 1919 г. ставшего для военачальника покровителем и добрым товарищем. Через руково-

---

[933] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 42. Ноябрь 1920 – март 1921. М., 1970. С. 93.

[934] Первоначально, в январе-феврале 1920 г., условно именовалась в документах и обсуждениях как «Восточно-Сибирская государственность» или «буферное государство» (См., например: ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1384. Л. 1-3). Термин «Дальневосточная республика» появился позднее, в апреле 1920 г.

[935] Подробнее об обстоятельствах создания ДВР см.: *Сидоров А.Ю.* Внешняя политика Советской России на Дальнем Востоке (1917-1922 гг.). М., 1998. С. 37-48; *Сонин В.В.* Становление Дальневосточной республики. 1920-1922. Владивосток, 1990. С. 72-156.

димый им Сибирский революционный комитет (Сибревком), высший орган власти РСФСР в Сибири, Смирнов провел назначение с 3 марта 1920 г. своего соратника на предварительную должность «члена Реввоенсовета Забайкальских, Уссурийских, Амурских и Приморских красных войск»[936]. Номинальный в условиях этого времени, неопределенный, но внешне значительный служебный ранг, судя по всему, должен был придать Эйхе больший первичный вес в глазах местных элит, обеспечить ему легальный доступ к конфиденциальной информации, затрагивающей организационные аспекты формирования будущей ДВР, и облегчить его ознакомление с текущим положением дел на восточных рубежах России. Ранее имевшийся у военачальника с 21 февраля 1920 г. скромный должностной статус «состоящего в распоряжении РВС 5-й армии» подобной возможности, безусловно, не мог способствовать. С соответствующими полномочиями члена Реввоенсовета «красных войск», подтвержденными мандатом Сибревкома № 1522 от 3 марта 1920 г., Эйхе выезжает из Красноярска в Иркутск[937], имея целью принять командование контингентами бывшей Восточно-Сибирской советской армии (ВССА)[938], из которых и намечалось создать армию ДВР.

Вводя Эйхе в курс проблематики военного строительства ДВР, Председатель Сибревкома Смирнов изначально рассматривал его, прежде всего, как безальтернативного претендента на пост Главнокомандующего армией республики. На объединенном заседании уполномоченных сибирских комитетов партий социалистов-революционеров (эсеров) и социал-демократов (меньшевиков) с представителями РКП(б) по вопросу создания «буфера» 24 февраля 1920 г. Смирнов в этой связи определенно указывал: «…Мы создаем в пределах буферного государства регулярную армию, все войска свертываем в три дивизии. Делаем это, конечно, негласно, как бы от лица местных сил. Эта армия, обтекая Японцев на флангах и на фронте, составляет действенную угрозу. Я хотел бы поставить во главе этой армии опытного руководителя, быв[шего] команд[ующего] 5-ой армией…»[939]. Данное выступление представляло первый известный случай открытой постановки вопроса о назначении Эйхе военным руководителем ДВР. Под-

[936] РГВА. Ф. 37976. П/с № 340-422. Л. 3.
[937] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 134.
[938] ВССА была создана Иркутским ВРК (председатель – А.А. Ширямов) в конце января – начале февраля 1920 г. из местных партизан и бывших колчаковских военнослужащих, примкнувших к красным.
[939] ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1384. Л. 4.

черкнем, что Смирнов, как высшее должностное лицо РСФСР в Сибири, продолжил лоббировать соответствующее назначение Эйхе перед Москвой и местными большевиками и в последующие недели, в чем, следует признать, преуспел. Точечная кадровая инициатива Смирнова в итоге нашла поддержку лидера Советской России Ленина[940] и коллектива РВС Республики. Официально положительное решение центральных элит, закрепившее производство Эйхе в ранг Главкома ДВР, было оформлено, очевидно, специальным постановлением ЦК РКП(б), как на это указывал в автобиографии от 7 июня 1936 г. сам биографируемый[941].

Формальное, «местное» утверждение Эйхе в новой высокой должности состоялось 17 марта 1920 г. на очередном объединенном совещании представителей социалистических партий (эсеров, меньшевиков, большевиков) в Верхнеудинске[942], избранном административным центром создаваемой республики. В историографии бытует устойчивое мнение, что в рамках данного совещания развернулась ожесточенная борьба эсеров и меньшевиков с большевиками за первенство в руководстве армией «буфера», который, как известно, строился на коалиционных началах с небольшевистскими социалистическими партиями[943]. Тезис этот верен, но только отчасти. Имеющийся в нашем распоряжении протокол обсуждений показывает, что, собственно, вопрос о высшей военной должности будущей Дальневосточной республики был решен вне каких-либо прений[944].

Совещание 17 марта 1920 г. формально закрепило права Эйхе как Главнокомандующего армией «буферного» государства, легитимизируя его полномочия и функционал реальной власти на местном уровне. Таким образом, новое назначение биографируемого в основе своей имело дуалистическую природу: выдви-

---

[940] Стоит упомянуть, что историк И.Е. Молоков полагал инициативу выбора Главкомом ДВР Эйхе принадлежащей лично Ленину (*Молоков И.Е.* Г.Х. Эйхе (1893-1968) // Герои огненных лет: очерки. С. 107). Столь упрощенная трактовка событий вызывает сомнение. По нашему убеждению, речь может идти не столько об инициативе Ленина, сколько об одобрении им, вероятно, чисто формальном, кандидатуры Эйхе как консенсусной персоны, предложенной деятелями Сибревкома. Роль их лидера и выразителя воли в данном случае и принадлежала Смирнову, которому Ленин в то время доверял.

[941] РГАЭ. Ф. 870. Оп. 266. Д. 130. Л. 29 об. Попытки выявления соответствующего постановления ЦК РКП(б) по материалам Ф. 17 (Центральный комитет КПСС) РГАСПИ пока не увенчались успехом.

[942] Верхнеудинск был освобожден от сил атамана Семенова 2 марта 1920 г. Эвакуация из города объявивших нейтралитет японских войск осуществлена к 9 марта (ГА РФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 7. Л. 11).

[943] См., например: *Папин Л.М.* Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. С. 120; *Шерешевский Б.* Как создавалась Народно-революционная армия Дальневосточной республики // Военно-исторический журнал. 1966. № 5. С. 107.

[944] См.: ГА РФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 7. Л. 17, 19.

жение его кандидатуры реализовал Сибревком в лице Смирнова при одобрении РВС РСФСР и поддержке Ленина; формальное утверждение Эйхе «на месте» было проведено лидерами региональных партийных элит социалистической направленности. Это позволяет расценивать военачальника Эйхе в данном случае как оптимальную, в равной мере консенсусную персону не только для номенклатурных большевистских деятелей Сибири и Москвы, но, как удалось убедиться, в основном и для функционеров сибирских эсеров и меньшевиков.

Предваряя дальнейший переход к исследованию особенностей полководческой и военно-организаторской деятельности Эйхе в период его службы Главкомом вооруженных сил ДВР, будет правильно уделить некоторое внимание характеристике обретенного им в марте 1920 г. должностного статуса, положения.

Прежде всего, необходимо внести уточнение, что вновь образованное «буферное» государство, вооруженными силами которого Эйхе было доверено руководить, на первых порах не носило как такового наименования Дальневосточной республики. Вплоть до 6 апреля 1920 г., даты публичного провозглашения ДВР как субъекта международных отношений, ее функции выполнял своеобразный верхнеудинский «протобуфер» – Временная Земская власть Прибайкалья (ВЗВП). Созданная 5 марта 1920 г. из делегатов от трех социалистических партий, профсоюзов и бурятского населения, Земская власть объединила западные округа Забайкальской области. Будучи встроенным de jure во властную систему ВЗВП, Эйхе соответственно носил первоначально титулатуру Главнокомандующего всеми вооруженными силами Прибайкалья, что отразилось, в частности, в его приказе № 1 от 18 марта 1920 г., зафиксировавшем вступление Эйхе в должность[945]. Одновременно он делегировался с 26 марта 1920 г. во вновь образованный Военный совет ВЗВП (коллегиальный орган управления армией) наряду с Н.К. Гончаровым, своим старым знакомым по 26-й стрелковой дивизии 5-й армии, и А.А. Ширямовым[946], занимавшим ранее пост Председателя Иркутского ВРК[947]. Новые коллеги «красного латыша» подкрепляли его авторитет как члены Дальневосточного бюро (Дальбюро) ЦК РКП(б), специально организованного З

[945] ГАХК. Ф. Р-1317. Оп. 2. Д. 4. Л. 1; РГИА ДВ. Ф. Р-1465. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

[946] *Ширямов Александр Александрович* (1883-1955). Член РСДРП с 1900 г. Член Дальневосточного бюро ЦК РКП(б) с 3 марта 1920 г., по совместительству – член Военного совета ВЗВП – ДВР (26 марта – 23 мая 1920 г.). С июня 1920 г. – в органах управления Сибири.

[947] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 277. Л. 170.

марта 1920 г. для негласного руководства строительством ДВР.

В последующие недели и месяцы сфера географического влияния дальневосточного «буфера» ширилась, что неизменно находило отражение в непосредственном наименовании его вооруженных сил и титулатуре Главкома Эйхе. Не позднее второй декады апреля 1920 г. вооруженные силы уже провозглашенной на тот момент Дальневосточной республики были преобразованы в Народно-революционную армию (НРА) Забайкалья, в середине мая – в НРА ДВР. В соответствующие отрезки времени Эйхе, следовательно, состоял Главкомом НРА Забайкалья (апрель-май) и Главкомом НРА ДВР (май-октябрь). После ликвидации режима атамана Семенова, эвакуации японских частей из Забайкалья и расширения реальных границ ДВР Эйхе обретает окончательную должность Главнокомандующего всеми вооруженными силами Дальневосточной республики, объединив 1 ноября 1920 г. руководство всеми войсками, «…находящимися на территории областей: Западно-Забайкальской, Восточно-Забайкальской, Амурской, Приморской, Сахалина и Камчатки»[948]. Одновременно военный специалист не позднее 18 ноября 1920 г. наделяется рангом члена кабинета министров ДВР[949]. В указанном статусе Эйхе будет состоять в аппарате республики вплоть до своей отставки и отзыва в распоряжение РВС РСФСР, до 2 мая 1921 г.[950]

Рассматривая 15-месячный период (с 17 марта 1920 г. по 2 мая 1921 г.) деятельности Эйхе в ранге Главкома, следует принимать во внимание, что многие из предпринятых им решений и мероприятий были обусловлены во многом неординарностью его нового служебного положения. Речь идет о факторе номинального подчинения Эйхе властям «буферного» государства, что имело место как в ходе недолгого существования «протобуфера» ВЗВП, так и в рамках полноценной ДВР. Политическая природа республики, ведомого РСФСР образования, лишала ее права самостоятельно распоряжаться армией и вступать в сферу компетенции Главкома, отношения которого с Правительством ДВР, как вспоминал в 1960-е гг. Эйхе, «…носили чисто формальный характер. То было чисто внешнее подчинение…»[951]. Оценка военачальника точно характеризовала реальное положение дел. В соответствии с Конституцией ДВР (ст. 169) «верховным

[948] ГАХК. Ф. Р-1317. Оп. 2. Д. 3. Л. 133.
[949] *Парфенов П.С.* Борьба за Дальний Восток: 1920-1922. 2-е изд., испр. М., 1931. С. 254.
[950] РГВА. Ф. 37976. П/с № 340-422. Л. 3.
[951] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 149 об.

руководящим органом Народно-революционной армии…» формально являлось Правительство республики[952]. Однако центр фактического подчинения Главкома Эйхе и возглавляемой им армии находился в независимых от Правительства «буфера» структурах – Дальбюро ЦК РКП(б) (Верхнеудинск, позднее – Чита) и Сибревкоме (Омск). С мая 1920 г. роль непосредственного куратора Эйхе в военных вопросах взял на себя Военный отдел Сибревкома, руководимый Помощником Главкома вооруженных сил РСФСР по Сибири В.И. Шориным[953]. В его ведении концентрировалось общее оперативное руководство войсками в Сибири, в том числе армией ДВР, которая рассматривалась как авангард РККА[954], как «одна из армий Советской России»[955]. «Только директивы и приказы названных инстанций, – вспоминал Эйхе, – были обязательны для главкома … ДВР, т[оль]ко перед ними оно *(главное командование в лице Эйхе. – Р.Б.)* отчитывалось за состояние армии, за ход военных действий…»[956]. При этом необходимо заметить, что Дальбюро ЦК РКП(б) обладало широким инструментарием личного влияния на Главкома, вплоть до права его персонального привлечения к ответственности[957]. Как показали дальнейшие события, единственный случай применения столь жесткой меры со стороны Дальбюро в отношении неприкосновенной, в сущности, персоны Главкома армии ДВР выпадет именно на долю Эйхе.

Несмотря на специфическую структуру подчиненности военспеца в 1920-1921 гг., применительно к наличествовавшей в ДВР административной системе он, бесспорно, пользовался экстраординарной автономией действий и решений, был приподнят над республиканскими элитами. Подобное положение Эйхе определялось не в последнюю очередь фундаментальной ролью армии в контексте политического будущего «буферного» государства: НРА предстояло силой оружия распространить власть ДВР за пределы Прибайкалья и осуществить реальное расширение ее границ до провозглашенных на Учредительном съезде ДВР[958].

---

[952] Основной закон (Конституция) Дальне-Восточной республики. Чита, 1921. С. 22.

[953] *Шорин Василий Иванович* (1870-1938). Помощник Главнокомандующего всеми вооруженными силами РСФСР по Сибири (апрель 1920 г. – ноябрь 1921 г.).

[954] РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 140. Л. 1.

[955] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 118. Л. 35.

[956] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 149 об.

[957] ГА РФ. Ф. Р-9427. Оп. 1. Д. 283. Л. 1.

[958] Власть ДВР была провозглашена на территории от Байкала до Тихого океана, распространялась на Забайкальскую, Амурскую, Приморскую области, Сахалин, Камчатку и полосу отчуждения Китайско-Восточной железной дороги. Реальное их объединение будет осуществлено только к концу 1922 г.

Сообразно с этим работа Эйхе в период командования вооруженными силами республики сводилась в основе своей к реализации двух перманентно стоящих задач: 1. Организационно-структурного строительства и совершенствования НРА на регулярных началах; 2. Руководства стратегическими и оперативными действиями войск НРА в интересах реального установления власти ДВР в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Поскольку реализация миссии вооруженного объединения территории Забайкалья под властью «буфера» явилась для Эйхе основополагающей с первых недель его пребывания в ВЗВП – ДВР (в ущерб, к слову, задаче переформирования вошедших в его подчинение сил упомянутой ВССА, слаживания и тактической подготовки частей), есть смысл обратить внимание, прежде всего, именно на этот компонент деятельности военачальника.

На момент прибытия Эйхе, обличенного мандатом Сибревкома № 1522 от 3 марта 1920 г., из Красноярска в Иркутск (не позднее 10 марта) формирования бывшей ВССА[959] были компактно сведены в 1-ю Иркутскую стрелковую дивизию (начальник – партизанский «вождь» В.И. Буров[960]) и Забайкальскую группу войск[961]. Переход управления данными соединениями в руки Эйхе, ставший возможным за счет использования кадров оставшихся в Иркутске органов управления ВССА, позволил властям Земской власти Прибайкалья официально провозгласить их с 11 марта 1920 г. «Народно-Революционной Армией» ВЗВП и перевести, соответственно, под администрацию Верхнеудинска[962].

Получив под свой контроль реальную военную силу, верхнеудинский режим, направляемый волей Дальбюро ЦК РКП(б), усилил активность по расширению власти «буфера» на новые территории Забайкалья. Ключевым актом военно-политического характера, предпринятым в связи с этим ВЗВП, явилось развертывание во второй и третьей декадах марта 1920 г. наступления 1-й Иркутской дивизии из Верхнеудинска на Читу для закрепления за будущей ДВР восточных округов Забайкалья, подконтрольных тогда атаману Семенову. В силу

---

[959] В составе ВССА на 24 февраля 1920 г. числилось семь стрелковых и одна кавалерийская группы, именуемые в документах как «дивизии». Суммарная их численность составляла тогда 26.717 штыков, 1.279 сабель, 96 пулеметов (Подсчитано по: РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 641. Л. 24-26).

[960] *Буров Василий Иванович* (1883-1939). Начальник 1-й Иркутской стрелковой дивизии НРА ВЗВП – ДВР (26 февраля – 17 ноября 1920 г.). Военный министр ДВР и временный преемник Эйхе в качестве Главкома всех вооруженных сил ДВР (30 апреля – 5 мая 1921 г.).

[961] По решению Эйхе проходила с 22 марта 1920 г. переформирование в Забайкальскую стрелковую дивизию и Забайкальскую отдельную конную бригаду НРА (ГАХК. Ф. Р-1317. Оп. 2. Д. 4. Л. 1 об.).

[962] ГА РФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 7. Л. 7 об.

этого центр тяжести действий военспеца Эйхе, не обладавшего, как известно, до середины марта статусом Главкома, но фактически уже руководившего армией Земской власти, находился изначально в плоскости именно этого мероприятия.

Организацию движения дивизии Бурова к Чите следует рассматривать как пролог широко известных Читинских операций (апрель-октябрь 1920 г.), с которыми ныне во многом ассоциируется имя Главкома Эйхе. Особый интерес представляет в этом плане ряд инициированных Эйхе в интересах Бурова малоизвестных дипломатических акций, которые трактуются нами как исходная ступень эволюции подхода Главкома к взаимоотношениям с интервентами, в первую очередь с японским оккупационным командованием: от переговоров, осторожной и тактичной коммуникации – к языку военной силы. Поскольку дипломатический аспект деятельности Эйхе в ДВР не нашел еще отражения в историографии, мы находим важным остановиться на нем несколько более подробно.

Приступить к несвойственным для него прямым и косвенным дипломатическим контактам с представителями интервентов Эйхе принудило возникновение сложностей с перевозками эшелонов дивизии Бурова к Чите во второй половине марта 1920 г. Они были вызваны, с одной стороны, вмешательством эвакуировавшихся на восток чехословацких войск в работу органов военных сообщений Транссибирской магистрали (несмотря на заключенный ВЗВП и представителями чехословацкого командования 13 марта 1920 г. договор об эвакуации и доброжелательное отношение чехов к вновь созданному «буферу»), с другой стороны – ультимативными требованиями японского командования в регионе о прекращении активности 1-й Иркутской дивизии НРА в полосе ж/д линии.

Попытки нивелировать деструктивное влияние этих факторов были предприняты Эйхе сразу по прибытии в Иркутск. В это время к нему стали поступать многочисленные обращения от служащих органов военных сообщений о фактах невозвращения подвижного состава, приписанного к станциям восточнее Верхнеудинска, проследовавшими на Читу эшелонами чехословаков. Осознавая, что эвакуация чехов подобным порядком грозит сорвать движение идущих вслед за ними эшелонов Иркутской дивизии, Эйхе совместно с членом Дальбюро Гончаровым подготовил 10 марта 1920 г. предложение уполномоченному Сибревкома в Верхнеудинске А.М. Краснощекову: «…[На] переговорах [с] чехами считаем необходимым потребовать возвращения на каждую пройденную станцию-депо

такого же количества и качества подвижного состава…»[963]. Мнение их, как явствует из текста первого договора представителей ВЗВП и чехословацких войск в Сибири от 13 марта 1920 г., учтено не было[964]. Поэтому после прибытия Эйхе литерным поездом Главкома в Верхнеудинск (не позднее 18 марта) обращения ему об указанных нарушениях чехов ожидаемо возобновились. В одной из телеграмм, в копии адресованной Эйхе, представитель ВЗВП при чехословацких войсках Семенов подчеркивал: «Прошу категорически требовать возврата к ст. Хилок всех угнанных на Восток *(чехами. – Р.Б.)* паровозов … [в] противном случае принужден буду прекратить отправку эшелонов восточнее станции Хилок…»[965]. Таким образом, опасность срыва перевозок основной массы Иркутской дивизии НРА становилась для Главкома все более явной, так как уже к 15 марта 1920 г. ее авангарды достигли разъезда в 18 км западнее ж/д ст. Хилок[966]. Учитывая это, проект нового договора с чехословаками от 20 марта 1920 г., работа над составлением которого велась в то время в Верхнеудинске, был дополнен по настоянию Эйхе пунктом 9. Суть его была выработана военспецом еще в Иркутске: «Чехо-войска обязуются не эвакуировать железно-дорожное *(так в тексте. – Р.Б.)* имущество … и возвращать подвижной состав в том количестве, какое предоставлено им для эвакуации на каждую пройденную депо-станцию»[967]. Таким образом, усилиями Главкома Эйхе были созданы объективные предпосылки для нормализации железнодорожного сообщения на участке Верхнеудинск – ст. Хилок – Чита на момент подхода к ст. Хилок эшелонов дивизии Бурова[968].

Дальнейший ход событий, однако, обусловил продолжение дипломатических маневров Эйхе – на этот раз в отношении представителей японского командования, но по прежнему вопросу – продвижения частей 1-й Иркутской дивизии на Читу. Отметим, что на подступах к ст. Хилок (320 км к юго-западу от Читы) авангард дивизии вошел в соприкосновение с японскими силами, представители которых уведомили Бурова, что последующая переброска его войск на

---

[963] ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 381а. Л. 5.

[964] Известия Временной Земской Власти Прибайкалья (Верхнеудинск). 1920. 18 марта.

[965] ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 381а. Л. 25.

[966] ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2а. Д. 9. Л. 222. В оригинале документа ошибочно указано «восточнее Хилок».

[967] ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 381а. Л. 26 об.

[968] Данный эпизод остался бы неполным без упоминания о личном отношении Эйхе к военнослужащим Чехословацкого корпуса. В 1960-е гг. бывший Главком вспоминал: «…Должен признаться что я целиком разделял неприязнь и ненависть, что питали население и прежде всего партизанские отряды НРА по отношению к чехам за все то, что они сделали…» (ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 162).

восток вызовет «вооруженное столкновение»[969]. Более конкретные сведения на сей счет 21 марта 1920 г. сообщил руководству ВЗВП уполномоченный чехословаков И. Благож: «…Против продвижения ваших отрядов по жел[езной] дороге категорически протестует японское командование в Могзоне, где полковник Хонзо заявил … что в случае их следования по линии откроет фронт…»[970].

Для разрешения патовой ситуации Эйхе в очередной раз проявил дипломатические способности, следуя указаниям Москвы о недопустимости конфликта с Японией. Стремясь нормализовать взаимоотношения, он 19 марта 1920 г. вступил в переписку с командующим японскими войсками в Сибири (через начальника арьергарда японцев на ж/д ст. Хушенга)[971]. Эйхе предложил ему назначить уполномоченных лиц для организации переговоров. Показателен исключительно корректный тон обращения Главкома: «…Регулярные части Народно-революционной армии … земской власти Прибайкалья … никаких агрессивных намерений в отношении японцев…» не преследуют и ведут «…борьбу только с русской реакцией в Сибири…»[972]. Ответным письмом японское командование приглашало представителей НРА в Читу с целью выяснения позиций сторон[973].

Соответствующими полномочиями решением Эйхе был наделен не позднее 23 марта 1920 г. командир авангардной 3-й бригады дивизии Кузнецов[974]. Дальнейший ход инициированных Главкомом дипломатических контактов пока установить не удалось, но опосредованные источники позволяют предположить, что переговоры сторон все же не состоялись[975]. Подтверждением этого служит заявление Эйхе, направленное по его поручению Кузнецовым 24 апреля 1920 г. руководству сил Японии в Сибири. «Неоднократно пытаясь вступить в мирные переговоры с японским командованием, – сообщалось в заявлении, – … высшее командование Народно-революционной армии всюду встречает со стороны ближайшего японского командования препятствия и нежелание вступать в перего-

[969] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 10. Л. 20.
[970] ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 381а. Л. 10.
[971] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 163.
[972] ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2а. Д. 9. Л. 222.
[973] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 390. Л. 14.
[974] *Кузнецов* (? – не ранее 1920). Командир 3-й бригады 1-й Иркутской стрелковой дивизии (март 1920 г.). Состоял уполномоченным Главкома Эйхе по переговорам с командованием японской армии в марте-апреле 1920 г. Командир 2-й бригады 2-й Иркутской стрелковой дивизии (с 26 апреля 1920 г.).
[975] См., в частности, содержание телеграммы № 168/о, отправленной Гончаровым 1 апреля 1920 г. на имя Ленина и Председателя Сибревкома Смирнова (ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 42. Л. 6).

воры, вплоть до ареста наших парламентеров»[976]. Таким образом, попытка Эйхе в дипломатическом ключе договориться с командованием интервентов о пропуске 1-й Иркутской дивизии на Читу, видимо, не увенчалась успехом.

Особых иллюзий относительно переговоров с японцами Эйхе, впрочем, не испытывал, осознавая, что волокита с их стороны объясняется необходимостью выигрыша времени для обороны Читы, столицы вассального правительства атамана Семенова, поскольку «если будет заключен с японцами договор, – подчеркивал Эйхе еще 22 марта 1920 г., – дивизия Бурова легко займет Читу»[977]. Признав бесперспективность каких-либо дипломатических акций в отношении оккупационных войск, Главком с этого времени будет все более склоняться к вооруженному разрешению проблемы японской интервенции. Речь не могла идти о ведении войны с Японией, но, как рассчитывал Эйхе, существовала возможность, не отступая от директив ЦК РКП(б), предпринять шаги, которые сделали бы присутствие японских войск в Забайкалье невыносимым. Поколебать устойчивость интервентов, по убеждению Главкома, было реально за счет: вступления с ними в местные, локальные бои, которые должны «…носить характер инцидента…»[978], печального недоразумения; постоянного силового давления, нервирования японских сил, например, путем охвата частями НРА их флангов либо выхода в тыл их группировок; воздействия на интервентов акциями сибирских партизан. Изначально проводимая Эйхе стратегия политических взаимоотношений с японцами, таким образом, пережила перерождение в своего антипода – стратегию их силового изживания, вытеснения из Забайкалья.

Неудача сорванных японским командованием перевозок Иркутской дивизии Бурова на восток не заставила Эйхе и руководство ВЗВП отказаться от планов занятия восточных районов Забайкалья, включая Читу. Изменения претерпели лишь подходы Главкома к методике реализации этого мероприятия, которое он стал воспринимать как наступательную операцию армейского масштаба.

Намереваясь консолидировать земли Забайкалья под флагом республики, Эйхе в 1920 г. организует проведение 1-й (10-13 апреля), 2-й (25 апреля – 5 мая) и 3-й (1-31 октября) Читинских операций НРА ДВР. Для судеб РСФСР и ведомого им «буферного» образования они будут иметь историческое значение. Их

[976] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 423. Л. 118.
[977] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 390. Л. 14.
[978] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 42. Л. 17 об.

следствием явится падение режима атамана Семенова с центром в Чите (устранение «читинской пробки»[979]), ликвидация интервенции Японии в Забайкалье и полное объединение его территории под властью ДВР. Существенным значение Читинских операций мы находим и в плане развития полководческого мастерства Эйхе, для которого они выступили основой оперативной составляющей его работы как военного руководителя ДВР. В процессе дальнейшего изложения мы предпримем попытку исследовать ряд реализованных Главкомом в период сражения за Читу оперативных и организационных решений, а также уделим внимание причинам первоначальных неудач Эйхе в этой связи.

Личная роль Главкома (как позитивная, так и негативная) в деле подготовки соответствующих решений и их воплощении представляется исключительно высокой, особенно, когда речь идет о рассмотрении 1-й и 2-й Читинских операций. Если в бытность Эйхе командующим 5-й армией ему был подчинен внушительный и слаженный аппарат специалистов, имевших за плечами не один год штабной службы в специфических условиях Гражданской войны, то в молодой армии ДВР рассчитывать на столь же комфортные условия работы полководцу явно не приходилось. Ввиду того, что структуры развернутого в Верхнеудинске Штаба Главкома находились во время первых Читинских операций в состоянии становления, а вступивший в должность его начальника П.Я. Пеленкин[980] (бывший руководитель строевого отдела административного управления штаба 5-й армии РККА) был в интерпретации Эйхе «весьма далек от оперативных вопрос[ов]», «был и остался канцеляристом»[981], именно на личность Главкома и нескольких взятых им на службу из Иркутска плененных колчаковских офицеров – «штабистов» (генерал В.В. фон Нотбек[982], полковник Л.В. Дьячков[983]

---

[979] «Читинской пробкой» принято именовать территорию Восточного Забайкалья (район Чита, ж/д ст. Карымская, Сретенск, Нерчинск), подчинявшуюся в течение 1920 г. режиму «Российской восточной окраины» во главе с атаманом Семеновым и явившуюся местом сосредоточения войск Дальневосточной армии Семенова и японских сил. Она отделяла западную часть ДВР (Прибайкалье) от восточной (Приамурье и Приморье), препятствуя объединению востока России под единой властью ДВР.

[980] *Пеленкин Петр Яковлевич* (1879 – не ранее 1922). Врид Начальника Штаба Главкома вооруженных сил ВЗВП – ДВР (с 1 марта 1920 г.). Начальник Штаба Главкома (8 ноября 1920 г. – 27 января 1921 г.), далее – помощник начальника Штаба Главкома (29 января – 13 апреля 1921 г.).

[981] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 141.

[982] *Нотбек фон Владимир Владимирович* (1865 – не ранее 1920). Начальник оперативного управления Штаба Главкома вооруженных сил ВЗВП – ДВР (март-май 1920 г.).

[983] *Дьячков Леонид Викторович* (1863 – не ранее 1921). Начальник оперативного отдела оперативного управления Штаба Главкома вооруженных сил ВЗВП – ДВР (март-май 1920 г.).

и др.) лег в марте-мае 1920 г. основной функционал ведения оперативной работы в скромном еще на тот момент масштабе армии ДВР.

Проводимый Эйхе на систематической основе принцип вооруженного давления на японские войска был характерен для замысла 1-й Читинской операции (10-13 апреля 1920 г.), разработанного оперативным управлением Штаба Главкома при его видном участии в третьей декаде марта 1920 г. Продолжая следовать многократно испытанной им в 1918-1920 гг. практике ударных действий на флангах противника, Эйхе предложил овладеть Читой путем согласованного наступления двух колонн 1-й Иркутской дивизии – Правой (3-я бригада, остановленная японцами на ст. Хилок) во главе с комбригом Лебедевым и Левой (1-я и 2-я бригада), ведомой начдивом Буровым. Последней предписывалось реализовать фланговый обход группировки японских сил, сосредоточенной на участке ст. Хилок – ст. Хушенга – Чита, 400-км марш-маневром в район к северу и северо-востоку от Читы (станок Вершино-Удинский[984], с. Беклемишево, с. Телемба) по тракту Верхнеудинск – Чита[985]. С достижением рубежа поименованных пунктов Левая колонна не только занимала выгодные позиции для удара на Читу, но осуществляла фактический прорыв в тыловую полосу сторожевого заслона японцев в районе ст. Хилок, ст. Хушенга, нависая над их ж/д коммуникациями, создавая угрозу блокирования сообщений группировки заслона с Читой.

Инициируя фланговое наступление колонны Бурова, Эйхе был осведомлен, что маневры подобного плана вызывают у командования интервентов, остро зависящих от Транссибирской магистрали, чрезвычайную нервозность. В силу этого японцы, по прогнозу военачальника, должны были снять заставы у ст. Хушенга и предпринять отход в направлении Читы, из опасения быть окруженными. Вслед за ними, соответственно, Эйхе предполагал развернуть вспомогательный фронтальный удар на Читу вдоль ж/д магистрали, войсками разблокированной, таким образом, 3-й бригады Иркутской дивизии (Правая группа Лебедева)[986].

Из исследования документации Штаба Главкома НРА следует, что замы-

---

[984] Ныне – не существует и на картах не идентифицируются. Находился в 25-20 км к юго-востоку от с. Сосново-Озерское, Еравнинский р-н Республики Бурятия.

[985] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 390. Л. 57.

[986] В дополнительной директиве начальнику 1-й Иркутской дивизии Бурову № 3 от 5 апреля 1920 г. Главком Эйхе предрекал, что «…такое развертывание наших сил ускорит эвакуацию японцев с линии железной дороги западнее Читы, и тогда будет обеспечено продвижение Лебедева *(3-й бригады, задержанной японцами на ст. Хилок. – Р.Б.)* по железной дороге» (РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 390. Л. 76).

сел двустороннего наступления на Читу, положенный Эйхе в фундамент 1-й Читинской операции, и «…выполнение которого, – как указывал историк С.Н. Шишкин, – вынудило бы японцев самих очистить железную дорогу»[987], был разработан им уже к 27 марта 1920 г. Письменное воплощение план операции нашел в приказах Эйхе войскам НРА № 1/оп от 27 марта и № 2/оп от 8 апреля[988].

Как показали события, хитроумный расчет Главкома в части, касавшейся давления на японцев, всецело оправдал себя. В связи с выполнением Левой колонной Бурова к 8 апреля обходного маневра, командование интервентов под угрозой окружения начало планомерный вывод своих сил из полосы Транссибирской магистрали. 8 апреля они покинули ст. Хушенга, через двое суток – ж/д ст. Могзон и Гонгота, к 13 апреля – ж/д ст. Сохондо. Очистив магистраль почти до Читы, японцы, таким образом, позволили войскам Эйхе без боя приблизиться к центру «Российской восточной окраины» на расстояние до 50 км.

Очевидное влияние на соответствующее решение командования японских сил в Сибири, расходившееся с ранее озвученными агрессивными заявлениями, оказала личная позиция Эйхе. После провала переговоров касательно пропуска Иркутской дивизии к Чите он более не считал нужным скрывать свои антияпонские настроения, расценивая военную силу ДВР единственным возможным инструментом изгнания интервентов, о чем его восточным vis-à-vis, по всей видимости, уже было известно. Показательным в этом плане выглядит сообщение, подписанное Эйхе и адресованное 4 апреля 1920 г. Ленину и Троцкому: «Наша колеблющаяся политика во что бы то ни стало избегать столкновения с японцами учитывается ими как слабость, вселяет в них уверенность, ведя угрожающую политику, вновь укрепиться в Забайкалье… <…> Чита должна быть немедленно занята, невзирая на возможную попытку сопротивления японцев»[989]. Как видно из приведенного фрагмента, Эйхе накануне 1-й Читинской операции не только не выражал боязни вступления НРА в бои с интервентами, но косвенно оправдывал целесообразность силовых акций в отношении них. Отзывая на этом информационном фоне свои регулярные силы из полосы Транссибирской магистрали, в район Читы, японское командование, имевшее обширную агентуру в

---

[987] *Шишкин С.Н.* Гражданская война на Дальнем Востоке. 1918-1922 гг. М., 1957. С. 136.

[988] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 390. Л. 57, 86-87.

[989] Цит. по: Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.): Сб. док. Сиб. бюро ЦК РКП(б) и Сиб. революционного комитета / Сост. *М.П. Малышева* и др. Новосибирск, 1996. С. 47-48.

Прибайкалье, продемонстрировало, таким образом, явное отсутствие уверенности в ненападении со стороны войск ДВР. Решение интервентов, отметим, имело и несколько иную, предохранительную составляющую. Стягивание японцами войск к Чите, а не рассредоточение их вдоль ж/д линии на ставшем небезопасным (после маневра колонны Бурова) участке Хилок – Хушенга – Могзон – Сохондо – Чита, являлось оптимальной мерой с военной точки зрения. Это обеспечивало интервентам более выгодные операционные позиции на тот случай, если Эйхе все же предпримет удар по столице Семенова, не считаясь с присутствием здесь сил Японии и риском развязывания международного конфликта.

Имевшие место опасения командования интервентов в Сибири не были безосновательными. От развертывания более или менее масштабных столкновений с ними Эйхе удерживали тогда только директивы Москвы. На ментальном уровне он, как руководитель армии ДВР, уже был готов к военному сценарию разрешения японского вопроса, при условии отдачи ему на сей счет определенных указаний. В необходимости проведения жесткой линии по отношению к интервентам Главкома поддерживали начальник 1-й Иркутской дивизии Буров[990], члены Военного совета НРА Гончаров и Ширямов и едва ли не все партизанские лидеры Забайкалья. Вынужденный, однако, подчиниться военной и партийной дисциплине[991], благоразумный Эйхе направил Бурову 9 апреля 1920 г., за день до начала 1-й Читинской операции, весьма умеренные инструкции об отношении к японцам. «Перед атакой г. Читы, – обращал он внимание начдива Иркутской, – … стремиться избегать столкновений с японцами, предупреждая их о нашей задаче, предъявить им категорические и определенные требования о соблюдении нейтралитета, невмешательстве в наши действия против семеновцев…»[992].

Тем не менее избежать решительного вмешательства японцев в ход наступления НРА на Читу и совладать с ним, когда оно стало очевидным, Главкому все же не удалось. В результате 1-я Читинская операция, открытая мастерским фланговым маневром Эйхе, казалось бы, подтвердившим факт выхода интервентов из реальной борьбы за восток Забайкалья, потерпела неудачу. Не в послед-

[990] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 420. Л. 292.

[991] Несколько позднее Эйхе был ознакомлен Гончаровым с телеграммой Наркомата иностранных дел РСФСР от 16 апреля 1920 г. В ней Москва требовала соблюдать «…крайнюю осторожность в отношении японцев и не оставлять попыток компромисса…» (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 10. Л. 18 об.).

[992] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 390. Л. 91.

нюю очередь ее причиной явилась недооценка Главкомом реального боевого потенциала сил императорской армии Японии под Читой и их взаимной, как выяснилось уже в ходе операции, готовности к столкновениям с армией «буфера». Это был, вероятно, первый крупный просчет военачальника в процессе работы в ДВР. Необходимо отметить, что по оценкам компетентных лиц из его личного Штаба, в сосредоточенной в Забайкалье 5-й японской пехотной дивизии (командующий – генерал Сороку Судзуки[993]) на 26 марта 1920 г. насчитывалось 2.700-3.000 человек, разбросанных мелкими партиями, в том числе в районе Читы – не более 2.200[994]. На этой почве Эйхе, очевидно, счел японские войска не самой значимой боевой величиной в регионе, что вылилось в явно пренебрежительное отношение к ним перед 1-й Читинской операцией. Это мнение военачальника было по-своему верным. При соблюдении японцами нейтралитета, на что рассчитывал военспец Эйхе, памятуя о верхнеудинском сценарии[995], соотношение боеспособной пехоты и кавалерии в полосе удара на Читу приходилось в пользу 1-й Иркутской дивизии НРА и поддерживавших ее партизанских отрядов: ≈ 12.936-14.436 против 10.820 бойцов атамана Семенова (перевес в 1,19-1,33:1)[996]. В этой связи даже выступление на стороне семеновцев 2.200 японских солдат, которыми, по странному мнению Штаба Главкома, исчерпывался контингент интервентов под Читой (в чем Эйхе на этапе планирования операции был убежден), не могло коренным образом изменить это сугубо математическое соотношение. Но именно здесь, в этом исходном параметре операции, от которого отталкивались последующие оперативные решения, военачальник допустил фатальную ошибку. В реальности, на начало апреля 1920 г. только в пределах Читы и западнее города, по внушающим доверие данным историка Б.М. Шерешевско-

---

[993] *Судзуки Сороку* (1865-1940). На военной службе с 1886 г. Участник Японо-китайской войны 1894-1895 гг. (капитан), Русско-японской войны 1904-1905 гг. (майор). Генерал-лейтенант (1918 г.). Командующий 5-й пехотной дивизией (18 марта 1919 г. – 15 июня 1921 г.). В ноябре 1920 г., после эвакуации дивизии из Забайкалья, был награжден орденом Золотого коршуна II степени (всего ее был удостоен 201 человек). Начальник Генерального штаба Японии (1926-1930 гг.). С 1930 г. – в отставке.

[994] См. соответствующие подсчеты: Из истории гражданской войны в СССР: Сб. док. и мат. / Ред. кол.: *Г.А. Белов* и др. Т. 3 (февраль 1920 г. – октябрь 1922 г.). М., 1961. С. 714.

[995] В процессе освобождения Верхнеудинска в начале марта 1920 г. войска Семенова были выбиты из города при полном невмешательстве размещенного в его пределах японского гарнизона.

[996] Силы НРА на 28 марта 1920 г.: 1-я Иркутская дивизия (8.836 штыков и сабель) + повстанческие формирования (4.100-4.600 бойцов) (Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.): Сб. док. Т. 4. С. 235). Силы атамана Семенова на читинском направлении к 3 апреля 1920 г. (по данным армейской разведки НРА): 7.300 штыков, 2.520 сабель (РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 390. Л. 69).

го, японцы сосредоточили не менее 6.000 штыков и сабель кадровых сил[997].

Оставаясь, таким образом, в неведении относительно реальной численности интервентов у Читы, Главком начинал 1-ю Читинскую операцию в хорошем расположении духа, рассчитывая на ее успех, тем более что уверенность Эйхе в боевых качествах НРА была безусловной, в чем, стоит отметить, крылся еще один его просчет. При этом перспективу широкого участия японской армии в обороне столицы Семенова Эйхе по определению не счел заслуживающей пристального внимания[998]. Только в ходе операции начдив-1 Буров не без труда все же убедил Главкома в необходимости считаться с прессингом японцев в боях у Читы[999].

Мерой этой чрезмерной и даже безосновательной, по нашему убеждению, уверенности Эйхе в успехе 1-й Читинской операции служит следующий симптоматичный факт. Личный резерв Главкома[1000], который он по плану операции рассчитывал при необходимости ввести в сражение («…в полной готовности выступить по первому приказанию»[1001]), был развернут им в районе Верхнеудинск – ж/д ст. Петровский завод, то есть на удалении более 350 км от поля боя. Этот трудно поддающийся объяснению, иррациональный шаг Эйхе лишил его в дальнейшем возможности усилить 1-ю Иркутскую дивизию, вступившую под Читой в жестокие бои, как с семеновцами, так и с многочисленными японскими войсками. Последние выступили в поддержку Семенова вопреки оптимистичному прогнозу Эйхе с первых же дней 1-й Читинской операции. Властное вторжение интервентов в сражение за Читу 10-13 апреля 1920 г. свело на нет исходное численное превосходство НРА. Восстановить его и, следовательно, создать условия для перелома неблагоприятной для Главкома оперативной обстановки могло лишь прибытие резерва, причем не позднее 11-12 апреля. Стоит ли говорить, что нереальность его переброски к Чите, по крайней мере, до 20-25 апреля была

---

[997] *Шерешевский Б.М.* Разгром семеновщины (апрель-ноябрь 1920 г.). Новосибирск, 1966. С. 96.

[998] Подобная беспечность Эйхе заслуживает тем большего осуждения, что в сообщении от 4 апреля 1920 г. на имя Ленина и Троцкого он более чем реалистично оценил численность 5-й пехотной дивизии Японии у Читы, упомянув показатель в 8.000-10.000 человек (ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 42. Л. 17). Однако мер по нейтрализации ее потенциальной активности в читинском районе он так и не принял.

[999] *Аносов П.* «Читинская пробка» // Таежные походы: Сб. эпизодов из истории гражданской войны на Дальнем Востоке / Под ред. *М. Горького* и др. М., 1935. С. 485.

[1000] Резерв Главкома в операции включал формируемые Верхнеудинскую бригаду (9 батальонов) Забайкальской стрелковой дивизии и Забайкальскую кавалерийскую бригаду (9 эскадронов). По нашей оценке, суммарно они насчитывали на 10 апреля 1920 г. не менее 4.000 штыков и 700 сабель.

[1001] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 390. Л. 87.

заложена Эйхе в самом характере дислокации данной резервной группировки.

Ввиду указанного субъективного просчета Главкома 1-я Иркутская дивизия НРА, добившаяся на начальной стадии наступления определенных успехов и уже вступившая в пригороды Читы, так и не дождалась подкреплений, необходимых для закрепления и расширения оперативного результата. К 13 апреля 1920 г. войска дивизии были отброшены превосходящими силами японцев и семеновцев к перевалам Яблонового хребта, что ознаменовало завершение операции.

Вмешательство интервентов в ход 1-й Читинской операции Эйхе, как правило, оценивается исследователями в качестве главной причины ее краха[1002]. Коренной фактор успеха или неудачи наступления на Читу между тем заключался не только в поздно обозначившемся численном превосходстве японских и семеновских войск, но и в низкой боеспособности самой молодой армии ДВР. Силы ее в это время представляли не что иное, как пешее (кавалерия в НРА тогда почти отсутствовала) крестьянское ополчение, с ходу брошенное Главкомом Эйхе, условно говоря, в сражение с профессиональным «рыцарством». Без сомнения, вести столкновения на равных с кадровыми частями армии Японии[1003], отлично подготовленными японскими инструкторами войсками Семенова и вошедшими в его подчинение в феврале 1920 г. каппелевцами – ветеранами «Великого Сибирского Ледяного похода», «народоармейцы» еще не были в состоянии. Ошибочность в оценке реального боевого потенциала НРА явилась вторым крупным просчетом Эйхе в ходе реализации удара на Читу. Важно также иметь ввиду, что от 27,6 до 30,9 % контингента НРА в операции приходилось на партизанские отряды, не прошедшие подготовки к «правильному» бою с регулярными войсками, но включенные тем не менее приказом Главкома от 4 апреля 1920 г. в состав армии, без предварительного их переобучения[1004]. Ответственный работник НРА А.Г. Нестеров, направленный по инициативе Эйхе в район Читы для изучения состояния армии после ее поражения, вспоминал: «Боевая ценность этих

[1002] См., например: Героические годы борьбы и побед. Дальний Восток в огне гражданской войны / Отв. ред. *Ф.Н. Петров.* М., 1968. С. 206; *Рейхберг Г.Е.* Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.). М., 1940. С. 147.

[1003] Говоря об этом, нельзя забывать, что 5-я пехотная дивизия Японии, оборонявшая в 1920 г. совместно с силами Семенова Читу, имела славные боевые традиции. Будучи одним из старейших соединений, она приняла участие в Японо-китайской войне 1894-1895 гг., подавлении «Боксерского» восстания 1898-1901 гг., Русско-японской войне 1904-1905 гг. (битвы у Ляояна, на р. Шахэ, у Мукдена).

[1004] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 2. Л. 13.

соединений была … недостаточно высокой, что и подтвердилось при столкновении с таким опытным в военных делах противником, как каппелевцы. В бою под Читой отряд Н.А. Бурлова … бросил свои позиции, в панике бежал…»[1005].

Принимая во внимание чрезвычайную слабость кадрового состава армии ДВР в марте-апреле 1920 г., расчет Эйхе на сколько-нибудь возможный успех 1-й Читинской операции необходимо признать иллюзорным, а саму операцию – недостаточно продуманной и несвоевременной с точки зрения реального качества военнослужащих НРА и их технического обеспечения. Таким образом, апрельское наступление Эйхе на читинском направлении при весьма добротном, нетривиальном оперативном замысле явилось фактически ударом «наудачу» и повлекло колоссальные потери среди сил «народоармейцев», на что обоснованно указывал в сводках боевых действий член Военного совета НРА Ширямов[1006].

Несколько слов необходимо сказать о позднейшей интерпретации Эйхе истоков поражения вверенных ему войск в 1-й Читинской операции. Как видно из воспоминаний военачальника, датированных серединой 1960-х гг., он попытался оправдать неудачу наступления фактом наличия у него, как Главкома, некоторых ложных ожиданий, трагических иллюзий и заблуждений: 1. Ожидания, что удар 1-й Иркутской дивизии Бурова на Читу будет непредсказуемым для белых, соответствующим идее тактической внезапности. Но, как отмечал военачальник, поражение «…отряда Бурлова раскрыло врагам наш план. И в этом было самое большое наше поражение – поражение … в отношении потери внезапности»[1007]; 2. Ожидания поддержки удара НРА на читинском операционном направлении со стороны войск союзного ДВР Восточно-Забайкальского партизанского фронта (командующий – Д.С. Шилов[1008]), развернутого в районе ж/д ст. Оловянная, Нерчинск, Сретенск. «Наши расчеты, – указывал по этому поводу Эйхе, – … оказа-

---

[1005] Цит. по: *Новиков П.А.* Вооруженная борьба в Иркутской губернии и Забайкальской области (декабрь 1917 г. – август 1921 г.). Дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2002. С. 216.

[1006] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 21. Л. 4, 111. В одной только ударной 1-й бригаде 1-й Иркутской дивизии НРА потери с начала операции по 16 апреля 1920 г., по сведениям Ширямова, составили «…263 чел[овека] убитыми и в двое больше число раненых» (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 340. Л. 34).

[1007] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 166.

[1008] *Шилов Дмитрий Самойлович* (1893-1952). Командующий партизанским Восточно-Забайкальским фронтом с 19 марта 1920 г. В соответствии с директивами Эйхе с 22 апреля по 20 августа 1920 г. возглавлял Амурский фронт НРА. Председатель Учредительного собрания ДВР (12 февраля – 22 апреля 1921 г.). Заместитель Председателя Совета министров ДВР (27 апреля 1921 г. – 15 ноября 1922 г.). В 1920-1921 гг. был одним из активных противников деятельности Главкома Эйхе на Дальнем Востоке.

лись построенными на песке»[1009]; 3. Ожидания вооруженного выступления рабочих в Чите, которые намеревались ударить в тыл семеновцам, как уверял Эйхе в этом местный партизанский «вождь» П.П. Морозов[1010]. Выступление на деле не состоялось. Резюмируя, биографируемый в русле устоявшейся в советской историографии трактовки событий сетовал на вмешательство интервентов: «Ведь в дни наступления НРА на Читу случилось как раз то, чего не должно было быть допущено, а именно открыто велись военные действия с японцами…»[1011]. Подойти к анализу операции с позиций здоровой самокритики и раскрытия собственных ошибок Эйхе в воспоминаниях, смеем заметить, все же не удалось.

Более важным, однако, представляется отсутствие в мемуарах Эйхе упоминания о непреложном факторе, по сути, определявшем линию его поведения в течение всего времени подготовки и проведения Читинских операций (апрель-октябрь 1920 г.). Данный фактор мы будет именовать императивами политического свойства. Речь идет об имевшем место перманентном давлении на Эйхе одновременно со стороны центральных органов власти Советской России (Москва), Сибревкома (Омск) и, отчасти, Дальбюро ЦК РКП(б) в связи с необходимостью предельно скорого объединения Забайкалья под флагом ВЗВП – ДВР и ликвидации режима атамана Семенова в Чите (устранение «читинской пробки»). В рамках разработки 1-й Читинской операции упомянутые императивы почти не вызывали беспокойства Главкома, поскольку ему была свойственна полная уверенность в НРА, в правильности оперативного замысла, наконец, в собственных силах. Ситуация изменилась в период подготовки им 2-й Читинской операции.

План повторного удара на Читу, известного как 2-я Читинская операция (25 апреля – 5 мая 1920 г.), был введен Главкомом спустя всего 12 суток после неудачи первого наступления. Оперативность, с которой он принимал данное решение, ни в коем случае не отражала степень действительной готовности к нему войск НРА, но являлась на деле поспешностью, вызванной влиянием все тех же политических императивов. Не случайно этому решению Эйхе, реализованному

[1009] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 166 об.

[1010] В сообщении Морозова к Эйхе от 28 марта 1920 г., действительно, идет речь о подготовке выступления неким подпольным центром: «Представители Читы настоятельно требуют наступления на Читу… Чита готова к выступлению и ждут только нашего наступления, дабы единовременно было…» (РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 390. Л. 26). Резолюция Главкома свидетельствует о его ознакомлении с документом в этот же день. Ранее он вел переговоры со связным Кабановым, прибывшим от Морозова.

[1011] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 167.

им, к слову, едва ли не против своей воли, сопутствовала, по имеющимся сведениям, ситуация наличия у него острого внутриличностного кризиса. На конфликтную подоплеку отдачи Главкомом распоряжения о наступлении указывает, например, содержание телеграммы Военного совета НРА Дальневосточной республики, адресованной 23 апреля 1920 г. Председателю Сибревкома Смирнову. Здесь в весьма откровенной форме дается картина неприглядного состояния армии накануне 2-й Читинской операции. «Предпринимаем на 26 апреля, – говорилось в телеграмме, – … наступление на Читу. <…> Народно-революционная армия еще не имеет удачного боевого опыта, бывшие партизаны не приобрели навыка держать определенный фронт, присоединяется боязнь японцев как стойких крупных регулярных частей. Семеновцы знают это и используют, одеваясь в японскую форму»[1012]. В успех предстоящего удара на Читу Военный совет НРА не верил, завершая сообщение словами трагической обреченности: «Уверенности, что возьмем Читу, мало. Если не возьмем сразу, то, не имея резервов, должны будем отходить. <…> Угроза разгрома наших сил вполне реальна»[1013].

Несмотря на то, что, собственно, виза Эйхе под документом отсутствует, мы можем с уверенностью утверждать, что приведенное мнение было консенсусным для руководящей тройки НРА (Эйхе, Гончаров, Ширямов). Только откровенное давление Москвы и Омска вынуждало Главкома в подобной ситуации отдать приказ о начале заведомо сомнительной операции, подготовка которой требовала не менее 1-2 месяцев. «Вынужденность» нового удара на Читу при полном осознании неготовности к нему армии ДВР, еще не оправившейся даже от первой неудачи, и лежала в центре ментального внутреннего конфликта Эйхе. Неизменно заботившийся о сохранении жизней вверенных ему военнослужащих, военачальник понимал, что операция приведет лишь к крупным потерям.

Отсутствие веры в благополучный исход операции и осознание всей глубины кризиса НРА не сломило волю Главкома, не отразилось на его личных деловых качествах. Негативные психологические изменения в этом смысле мы обнаружим только к 11 июня 1920 г., когда Эйхе в отчаянии будет просить Шорина и Смирнова об отставке[1014]. Однако за 1,5 месяца до этого, начиная подготовку 2-й Читинской операции, он, подобно другим членам Военного совета НРА, был

[1012] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 657. Л. 23.
[1013] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 657. Л. 23-24.
[1014] ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2а. Д. 9. Л. 197 об.

готов закрыть глаза на факт неготовности армии в намерении скорейшим образом выполнить требование о силовом расширении власти ДВР на восток Забайкалья, на чем по определению настаивали Москва и Сибревком. Здесь мы сталкиваемся с тем нередким для Гражданской войны случаем, когда военная целесообразность осознанно приносилась в жертву политической необходимости.

Несколько позднее «правильная» (с точки зрения Москвы и Омска) линия поведения будет поставлена Эйхе в вину и обернется против него с легкой руки Дальбюро ЦК РКП(б). Инициируя его смещение с поста Главкома ДВР, Дальбюро в апреле 1921 г. обвинит военспеца, помимо прочего, в ряде «…неудач под Читой, т.к. операции производились без подготовки и без учета реальных факторов боя»[1015]. Предвзятость этого положения очевидна, так как членам Дальбюро было доподлинно известно о сильнейшем давлении Москвы, Омска и того же Дальбюро на Эйхе в связи с необходимостью скорейшего развития ударов на читинском направлении в апреле-мае 1920 г., взятия Читы и ликвидации «читинской пробки». Указанное внешнее обстоятельство, собственно говоря, и повлекло за собой ограниченную, неполную подготовку войск для реализации ударов. При этом, если в 1-й Читинской операции Главком Эйхе не испытывал влияния дефицита времени, ошибочно считая наступление хорошо подготовленным, то в процессе вынужденного развертывания 2-й Читинской операции ему уже не были присущи какие-либо иллюзии. Проблема нехватки времени для приведения сил НРА в должное боевое состояние встала перед ним тогда в полный рост.

По мере сил и возможностей Эйхе удалось в границах 12-суточной паузы между 1-й и 2-й Читинскими операциями, а также на ранней стадии последней, провести в жизнь ряд коренных преобразований, направленных на повышение устойчивости армии «буферного» государства и улучшение функционального состояния военнослужащих. Обратим внимание на наиболее важные из них.

Безусловным является наметившееся у Эйхе в данный период стремление наделить дальневосточные повстанческие формирования качеством реального союзника регулярной армии ДВР в рамках проведения боевых операций. Так, «для упорядочения и координации разрозненных партизанских отрядов…» военачальник 22 апреля 1920 г. подписывает приказ об объединении повстанцев Забайкалья и Дальнего Востока под его руководством с развертыванием трех пар-

[1015] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1170. Л. 3.

тизанских фронтов[1016]: Амурского в Восточном Забайкалье (командующий – Д.С. Шилов), Охотского в Приамурье (командующий – Я.И. Тряпицын), Приморского в районе Владивосток, Никольск-Уссурийский[1017] (командующий – С.Г. Лазо). Вписать в замысел 2-й Читинской операции Главком ввиду географических особенностей мог лишь силы Амурского фронта. Сообразно с этим Эйхе 25 апреля 1920 г. направляет комфронта Шилову специальную директиву с указаниями «для содействия … фронту *(НРА. – Р.Б.)* по овладению районом г. Читы»[1018]. Приводимая в документе оценка войск «амурцев» в 12.000-15.000 штыков и 7.000-8.000 сабель при 7 орудиях и 100 пулеметах, очевидно, не оставляла у Эйхе сомнений, что Амурский фронт НРА в состоянии выполнить поставленные перед ним задачи. Кроме того, Главком развернул работу по ликвидации анархистского уклона у подчиненных НРА повстанцев Прибайкалья, особенно в среде контингента отряда Морозова и отряда Бурлова. Последний, как утративший доверие Эйхе, в скором времени был расформирован.

В русле подготовки второго наступления Эйхе подверг кардинальному реформированию и организационную структуру регулярных соединений армии. В последние дни апреля 1920 г. он инициировал создание 2-й Иркутской стрелковой дивизии (начальник – К.А. Нейман, старый приятель Эйхе по 5-й армии) на базе 3-й бригады 1-й Иркутской дивизии и личного состава упраздненной Забайкальской дивизии[1019]. Таким образом, две главные боевые единицы НРА приобретали более компактный и управляемый вид (по две бригады в дивизии).

Развертывание 2-й Иркутской дивизии и планы Эйхе по дальнейшему укрупнению армии «буфера» актуализировали вопрос о стабильных источниках пополнения воинских формирований. В силу этого с конца апреля 1920 г. перестройку претерпевают принципы комплектования вооруженных сил ДВР. По представлению Главкома и Военного совета НРА 18 апреля 1920 г., впервые за все время существования ДВР, объявлялась мобилизация населения Прибайкалья, причем одновременно четырнадцати возрастов[1020], 28 апреля – четырех дополнительных возрастов. Иными словами, Эйхе, если следовать периодизации

[1016] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 390. Л. 146.
[1017] Ныне – г. Уссурийск, Приморский край.
[1018] См.: РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 390. Л. 172.
[1019] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 737. Л. 67.
[1020] Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.): Сб. док. С. 53.

историка Г.С. Гончарова, подвел черту под добровольческой эпохой истории армии ДВР[1021]. Отныне потребности ее в личном составе удовлетворялись по смешанной системе: всеобщая воинская обязанность + институт добровольчества. Результатом этой весьма своевременной реформы в виде готовых пополнений для НРА Эйхе между тем мог воспользоваться не ранее 1-1,5 месяцев, поскольку аппарат Забайкальского областного воинского управления, ведавшего призывом граждан, находился еще, строго говоря, в фазе зарождения. Показательно, что организация его Петровско-Заводского уездного воинского управления (одного из основных) совпала с первым днем мобилизации – 18 апреля 1920 г.[1022]

Особого внимания заслуживают действия Главкома по нейтрализации продовольственного вопроса. Знаковую роль в этом смысле сыграло санкционированное приказом Эйхе № 38 от 30 апреля 1920 г. право интендантских служб «в случае неудовлетворения продуктами … производить заготовки продуктов и фуража собственным попечением по ценам выше предельных…»[1023]. Таким образом, войсковые органы снабжения в сложившейся кризисной ситуации, угрожавшей армии голодом, освобождались военачальником от посредничества неповоротливого Министерства продовольствия ДВР, уже в марте не выполнявшего своих обязательств по закупке товаров для армии. Бесспорно, инициатива Эйхе привела к росту расходов полевых казначейств, так как в прифронтовой полосе цены на товары зачастую превышали предельно установленные. Однако задача частичного насыщения войск провиантом и, как следствие, повышения их морально-психологической устойчивости, все же была решена. Возможные денежные издержки в данном случае отходили для Эйхе на второй план. Небезынтересно, что уже в начале мая 1920 г. волевое решение Главкома вызвало резкий протест врид Министра продовольствия ДВР Л.А. Булычева[1024], хотя именно на него возлагалось обеспечение продовольственной безопасности армии, с чем, следует признать, вверенная ему структура тогда совсем не справлялась.

Наряду с разработкой и реализацией перечисленных мероприятий значительная доля бюджета личного времени Главкома во второй половине апреля

[1021] *Гончаров Г.С.* Народно-Революционная армия Дальневосточной республики (1920-1922 гг.). Автореферат дис. … канд. ист. наук. Л., 1970. С. 10.
[1022] ГАЗК. Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 6. Л. 113.
[1023] ГАЗК. Ф. Р-2111. Оп. 1. Д. 3. Л. 102.
[1024] ГАЗК. Ф. Р-2111. Оп. 1. Д. 3. Л. 101.

1920 г. отводилась собственно творческой работе по созданию плана второго наступления на Читу, его обсуждению в оперативном управлении и Военном совете НРА. Работоспособность военспеца положительно удивляла его подопечных.

Стандартный рабочий день Эйхе во время службы в ДВР подходил к завершению далеко за полночь, после чего он, как правило, возвращался на казенную дачу под Верхнеудинском, служившую ему местом проживания. В период разработки 2-й Читинской операции Главком ужесточил личный режим. Он отказался от продолжительных поездок на дачу (рабочий кабинет фактически стал его домом) и увеличил протяженность своего активного дня за счет полноценной ночной работы, которую он называл «поздними штабными "бдениями"»[1025]. Проявляя исключительную требовательность к себе, Эйхе вместе с тем с сочувствием и пониманием относился к сотрудникам собственного Штаба, не задействованным в непосредственной работе оперативного управления и разведывательного отдела. Своих личных адъютантов и иных службистов он без проволочек отпускал домой после окончания их нормированного служебного дня.

Напряженная работа в режиме «день – за два», которая может показаться удивительной, если вспомнить о сильнейшем ментальном конфликте Главкома, его изначальном неверии в успех «вынужденной» операции, принесла свои плоды. Спустя всего неделю после неудачи первого наступления на Читу, в 2.30 ч. 20 апреля 1920 г. Эйхе уже вводит в действие директиву № 76/оп о занятии войсками исходных рубежей для начала 2-й Читинской операции[1026]. Еще через трое суток, к 1.25 ч. 23 апреля им был подготовлен окончательный вариант решения на операцию, оформленный приказом Главкома № 3/оп, и дополненный 24 апреля приказом № 4/оп. Учитывая колоссальную загруженность военачальника текущими делами организационного характера, столь короткий срок подготовки им и его коллегами проекта новой масштабной операции можно по праву назвать выдающимся. Готовый замысел при этом не воспринимался Эйхе как нечто статичное, раз и навсегда устоявшееся. Например, обнаружение разведкой НРА под с. Верхний Нарым[1027] (51 км южнее Читы) отряда белых в 500 штыков и 90 сабель при 1 орудии, ставившего под угрозу удара правое крыло читинской группировки, позволило Главкому 24 апреля 1920 г. внести в план опера-

[1025] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 138 об.
[1026] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 390. Л. 124.
[1027] Ошибочно именуется в приказе Главкома НРА № 4/оп от 24 апреля 1920 г. как Нижний Нарым.

ции ряд немаловажных корректив и уточнений[1028].

В соответствии с замыслом Главкома Эйхе повторное наступление на читинском направлении предполагалось реализовать силами 12.116 штыков и сабель при крупном усилении в виде 18 орудий, 92 пулеметов, бронепоезда «Коммунар» и авиационного взвода (2 самолета)[1029]. Как видно, боевой состав ударной группировки ДВР по сравнению с первой операцией несколько уменьшился, но этот недостаток Эйхе в значительной мере рассчитывал компенсировать, бесспорно, более выгодной конфигурацией наступления. В ее основание он положил идею трехстороннего концентрического удара усилиями трех колонн, по сходящимся направлениям: Правой (4.500 штыков, 1.000 сабель, 42 пулемета, 6 орудий, 2 самолета) из района ж/д ст. Лесная, с. Старая Кука; Средней (2.500 штыков, 13 пулеметов, 3 орудия) из района оз. Шакшинское, оз. Иван; Левой (4.116 штыков, 37 пулеметов, 9 орудий) из района оз. Монгой, с. Телемба. Таким образом, наступление на Читу предпринималось одновременно с юга, запада и севера соответственно. При должном взаимодействии колонн это лишало силы японцев и Семенова возможности осуществлять маневрирование резервами по внутренним операционным линиям, что послужило одной из частных причин поражения НРА в 1-й Читинской операции. Целесообразным, в отличие от историка А.Т. Якимова[1030], мы считаем также произведенное Эйхе распределение сил и средств внутри группировок, позволившее создать приемлемую для наступательных действий операционную плотность порядков, из расчета на 1 км фронта: около 220 штыков и сабель для Правой колонны (25 км), 113,6 штыков – для Средней (22 км), 171,5 штыков – для Левой (24 км). От каждой из ударных групп Главком в соответствии с директивами № 3/оп и 4/оп требовал выполнения конкретных боевых задач дня, твердо привязанных к временным и территориальным показателям[1031]. Этому принципу строгого вождения войск на уровне объединения Эйхе начал неукоснительно следовать еще в бытность командующим 5-й армией РККА. Последовательное и пунктуальное осуществление силами НРА задач дня на 24, 25 и 26 апреля позволяло, по мысли военачальника, реализовать

[1028] См.: РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 390. Л. 158.

[1029] Подсчитано по: РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 390. Л. 132-133.

[1030] *Якимов А.Т.* Дальний Восток в огне борьбы с интервентами и белогвардейцами (1920-1922 гг.). М., 1979. С. 45.

[1031] *Шишкин С.Н.* Борьба за освобождение Дальнего Востока (1918-1922 гг.). М., 1941. С. 56.

практически захват Читы – конечного географического ориентира операции.

В интересах блокирования вероятного отступления разбитых сил противника от Читы на восток и юго-восток (в Маньчжурию) Эйхе рассчитывал задействовать, как нами указывалось ранее, формирования партизан Амурского фронта. Следуя собственному видению тактики повстанческих сил, выработанному во времена командования 5-й армией, Эйхе призывал Шилова главным образом воздействовать на железнодорожные сообщения в тыловой полосе семеновцев, не вступая при этом в масштабные столкновения с ними. В директиве Главкома № 78/оп от 22 апреля 1920 г., адресованной руководству фронта, пространно перечислялись принципы организации партизанской борьбы. Применительно к эскизу 2-й Читинской операции военачальник в этом же документе ставил партизанам задачу занятия ж/д ст. Карымская и ж/д ст. Оловянная, а также разрушения полотна Забайкальской железной дороги на участке ст. Борзя – ст. Даурия[1032]. Удары по транспортным артериям противника Эйхе, как и на рубеже 1919/1920 гг., рассматривал в качестве основной миссии повстанцев: «Не освобождать какой-нибудь там [пункт] … а преградить путь, прекратить всякое движение на восток белых…»[1033]. В тех условиях это было наиболее целесообразно.

В целом замысел 2-й Читинской операции представляет пример взвешенного и тщательно продуманного боевого решения, хотя Эйхе, одному из его ведущих разработчиков, и был свойственен, как уже отмечалось, скептический взгляд на перспективы его воплощения. Но, подобно наступлению 10-13 апреля 1920 г., новая операция также не увенчалась успехом вверенных Эйхе частей.

По истечении 10-дневных столкновений с оккупационными войсками Японии и Дальневосточной армией Семенова, выявивших невозможность практического выполнения оперативного плана наличными силами НРА, Главком в 1.45 ч. 5 мая 1920 г. вынужден был подписать директиву № 86/оп о глубоком отводе расстроенных ударных группировок от Читы: за рубеж р. Конда (1-я Иркутская дивизия) и в район ж/д ст. Гонгота (2-я Иркутская дивизия)[1034]. Данная мера, отмечал Эйхе 10 мая 1920 г. в специальном докладе Правительству ДВР по итогам операции, предпринималась «для сохранения боеспособности армии…»[1035].

[1032] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 390. Л. 152.
[1033] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 136 об.
[1034] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 390. Л. 200.
[1035] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 424. Л. 3.

Обозначенный военачальником на страницах доклада мотив свертывания удара на Читу не был фигуральным оборотом речи. Деморализация «народоармейцев» на исходе операции (5-9 мая 1920 г.) действительно достигла исключительного масштаба. В финальной части документа Эйхе откровенно заявлял в этой связи: «Введение в бой противником бронепоездов, … участие в бою японцев, с превосходством артиллерии … содействовало деморализации частей, благодаря чему отход частей сопровождался паникой, особенно 2 Иркутская стрелковая дивизия была сильно охвачена паникой, ликвидированной силою оружия. Деморализация частей выразилась в дезертирстве с фронта, которое в настоящее время ликвидируется … заградительными отрядами»[1036]. Очевидное разложение задействованных во 2-й Читинской операции войск ДВР, свидетельством чего служит приведенный фрагмент доклада, более не позволяло Эйхе ставить перед ними какие-либо активные, наступательные задачи. Поэтому в сложившихся условиях инициированное военачальником отступление «для сохранения боеспособности армии» было едва ли не единственным верным решением.

Один из наиболее примечательных моментов, раскрытых Эйхе в докладе Правительству ДВР, состоял в трактовке им проблемы военной неудачи 2-й Читинской операции сквозь призму японского фактора. «Удержание белогвардейцами Читы, – убеждал Главком Правительство, – всецело обязано японцам…»[1037].

Точка зрения Главкома не была свободна от известной доли «лукавства». Изначально скептически относившийся к идее, строго говоря, навязанной ему Москвой и Омском 2-й Читинской операции, он понимал, что интервенты и войска Семенова оказались сильны в ней постольку, поскольку ослабленным и недостаточно боеспособным был контингент НРА, представлявший, о чем уже говорилось, в массе своей крестьянское ополчение. Талантливый, но чрезвычайно маневренный, динамичный оперативный план Эйхе (идея трехстороннего концентрического удара на Читу) был заведомо трудновыполнимым предприятием, если в ведении полководца состояли воинские массы подобного рода. То, что с успехом могло быть реализовано ветеранами «родной» для Эйхе 5-й армии, ста-

[1036] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 424. Л. 4. Тезисы доклада Эйхе находят подтверждение в многочисленных свидетельствах участников событий. Так, командир 2-й бригады 2-й Иркутской стрелковой дивизии П.А. Аносов не без сожаления вспоминал впоследствии, что по итогам второго наступления на Читу «…фронт рассыпался. Разбитые части разбрелись, кто куда» (*Аносов П.* «Читинская пробка». С. 496).
[1037] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 424. Л. 4.

ло непреодолимым препятствием на пути сырых формирований «народоармейцев». Здесь будет уместно провести аналогию с отчасти рассмотренной в Главе 2 Челябинской операцией Западной армии. Крах ее нетривиального, поучительного замысла «канн», как известно, не в последнюю очередь был вызван введением белыми в бой севернее Челябинска столь же сырых сибирских дивизий (на правах ударных), не способных еще по причине недостаточной боевой выучки к выполнению сложных маневров по предложенной командованием схеме.

Схожая ситуация имела место во 2-й Читинской операции, когда ограниченно подготовленные войска «буфера» с первых же суток сорвали обозначенные Эйхе в директивах № 3/оп и 4/оп целевые показатели наступления (задачи дня), показав редкую неспособность к взаимодействию ударных колонн. Совершенно справедливой в этом плане является критика НРА авторами одной из профильных монографий: «Вместо одновременных массированных ударов по врагу с севера и юга, как намечалось планом операции, наступление … вылилось в ряд разрозненных, несогласованных между собой действий войск»[1038]. В результате вооруженные силы ДВР вновь постигла «неудача преждевременного недостаточно обдуманного наступления на Читу…», о чем 5 мая 1920 г. по согласованию с Главкомом телеграфировал Ленину[1039] Председатель Правительства ДВР А.М. Краснощеков[1040], ведущий покровитель и товарищ Эйхе в ДВР.

Военная неудача первых Читинских операций Эйхе иногда дает основание исследователям не признавать за ними позитивного значения в контексте военно-политической борьбы ДВР за Восточное Забайкалье. Подобная оценка далека от истины, поскольку в этом случае упускается из вида факт очевидного, сильнейшего отрицательного воздействия операций на третью сторону конфликта – союзные Семенову войска Японии в Сибири. Вопреки директивам Ленина, ЦК РКП(б), и ожиданиям самих японцев, армия ДВР от столкновений с ними, как правило, не уклонялась и навязывала серьезную борьбу. По этой причине действия императорских сил под Читой весной 1920 г. обернулись для них вполне ощутимыми потерями. Так, в своих воспоминаниях Эйхе соглашается с оценкой

[1038] Героические годы борьбы и побед. Дальний Восток в огне гражданской войны. С. 207.
[1039] ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2а. Д. 9. Л. 293; ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 593. Л. 94.
[1040] *Краснощеков Александр Михайлович* (1880-1937). Член РСДРП с 1896 г. Член Дальневосточного бюро ЦК РКП(б) (март-август 1920 г.). В аппарате «буферного» государства возглавлял Правительство ДВР (6 апреля 1920 г. – 15 сентября 1921 г.). Наряду с Председателем Сибревкома Смирновым был в 1920-1921 гг. ключевым покровителем Эйхе в масштабе ДВР.

потерь японской армии в 1-й и 2-й Читинских операциях НРА на уровне 700 военнослужащих убитыми и ранеными[1041]. Развернувшиеся под Читой упорные бои, по утверждению ответственного военного работника ДВР П.С. Парфенова, «…совершенно обескуражили японское командование в Чите, и оно требовало или эвакуировать их, или пополнить еще новой дивизией»[1042].

Далеко не бескровный характер участия японцев в обороне Читы был предопределен неформально проводимым Эйхе с конца марта 1920 г. курсом на силовое изживание интервенции. Не скрывавший, как известно, своих антияпонских настроений, Главком, официально отдавая умеренные указания на случай столкновений НРА с японским войсками, негласно поощрял вооруженное воздействие на них в локальных масштабах и не препятствовал вольной трактовке подчиненными отданных им на сей счет инструкций[1043]. В телеграмме от 15 мая 1920 г. на имя Тряпицына, командующего Охотским фронтом НРА, Эйхе приводил логичное обоснование разработанной им системы взаимоотношений с интервентами. «Наша конечная цель, – указывал он, – ликвидация семеновщины. Хотя японцы … нам войны не объявляли, тем не менее принимают широкое участие в поддержке Семенова неофициальным образом. Поскольку японцы участвуют совместно с семеновскими войсками в вооруженных столкновениях с нами, постольку мы ведем с ними борьбу как с частями, входящими в состав армии Семенова»[1044]. За счет взятой Эйхе на вооружение политической линии войскам ДВР в весенних операциях удавалось не только обходить veto Москвы на бои с японцами, но периодически наносить им поражения и брать пленных[1045].

Основательное расшатывание устойчивости развернутой в Забайкалье 5-й японской пехотной дивизии, дважды принявшей на себя в апреле-мае 1920 г. удары войск ДВР на читинском направлении, а в остальное время находившейся под прессингом «булавочных уколов» НРА и партизан, не осталось незамеченным императорским правительством. Рост боевых потерь в районе Читы вкупе с разочарованием правящих кругов Японии в перспективе объединения Дальнего Востока под администрацией атамана Семенова привели к обнародованию 3 ию-

[1041] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 167.
[1042] *Парфенов П.С.* Борьба за Дальний Восток: 1920-1922. С. 211.
[1043] См., например: *Калманович И.П.* Из воспоминаний военкома // Гражданская война на Дальнем Востоке (1918-1922): Воспоминания ветеранов / Сост. *А.Т. Якимов.* М., 1973. С. 259-260.
[1044] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 391. Л. 6.
[1045] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 21. Л. 111.

ля 1920 г. правительственной Декларации о начале полной эвакуации забайкальской группировки японских войск[1046]. Данное событие представляло, вероятно, первое весомое достижение Эйхе в бытность Главкомом ДВР, доказавшее целесообразность проводившегося им ответственного курса на силовое вытеснение интервентов, о сущности и содержании которого было сказано немало. Именно вывод оккупационных сил Японии из районов, подконтрольных правительству семеновской «Российской восточной окраины», рассматривается нами как главный итог первых Читинских операций Эйхе в военно-политическом измерении.

Согласование Декларации японского правительства об отзыве войск с властями ДВР состоялось на двусторонних переговорах, прошедших на ст. Гонгота. Их следствием стало подписание 15 июля 1920 г. дипломатического соглашения о прекращении военных действий между НРА и силами Японии и Семенова в Забайкалье, поэтапном выводе контингента интервентов из региона и образовании нейтральной зоны, отграничившей воинские формирования сторон[1047].

Заключенным в Гонготе соглашением Главком Эйхе, на первый взгляд, остался доволен. Об этом свидетельствует текст его выступления на чрезвычайном заседании Правительства ДВР 16 июля 1920 г.[1048] В этот же день Главкомом был подписан приказ № 291, обязавший НРА принять положения договора в качестве неукоснительного руководства к действию[1049]. Стоит также упомянуть, что в дополнительной директиве войскам № 305 от 22 июля 1920 г. военачальник совершенно четко расценил Гонготское соглашение как «…знаменательный акт истории строящейся молодой Д.В.Р., хотя и разрозненной территориально, но объединенной … одной и той же великой целью к общему миру»[1050].

Глубоко оборонительная «философия», на которой зиждился договор от 15 июля, входила, однако, в противоречие с общим вектором работы военного руководителя ДВР и задачами, которые ставились перед ним и армией «буфера». Прежде всего, речь идет о прежней и еще не утратившей значения миссии установления контроля НРА над востоком Забайкалья и ликвидации администрации Семенова. «Решать эту задачу, – вспоминал Эйхе в 1960-е гг., – предстояло не

[1046] *Сидоров А.Ю.* Внешняя политика Советской России на Дальнем Востоке (1917-1922 гг.). С. 43.
[1047] См.: Документы внешней политики СССР. Т. 3. 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. / Ред. кол.: *Г.А. Белов* и др. М., 1959. С. 44-47.
[1048] Дальневосточная республика (Верхнеудинск). 1920. 20 июля.
[1049] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 737. Л. 282.
[1050] ГАЗК. Ф. Р-796. Оп. 1. Д. 3. Л. 45.

пассивной обороной на рубеже Байкала, а активными наступательными действиями … вооруженных сил ДВР»[1051]. Ввиду этого публичные заявления Главкома имели мало общего с его профессиональной оценкой Гонготского соглашения, так как последняя исходила из сугубо военной необходимости развертывания очередного, третьего наступления на Читу. Напомним, что данный политический императив по-прежнему довлел над биографируемым, будучи чрезвычайно актуальным для московских и сибирских властных кругов. С этой точки зрения договор от 15 июля создавал для Эйхе ряд почти неразрешимых сложностей. Предусмотренная им нейтральная зона (от ст. Гонгота до ст. Сохондо), которую военспец «для вида» очень высоко оценил на заседании Правительства ДВР, на деле лишила его права в обозримом будущем организовать требуемый новый удар на Читу с западного и северо-западного направлений. Стремясь свести на нет подобную перспективу и спасти режим Семенова от угрозы военного поражения, японская делегация в Гонготе предусмотрительно согласовала пункт договора[1052], исходя из которого «войска … не должны заходить за … демаркационную линию и не должны производить никаких военных действий…»[1053].

Таким образом, добытое армией ДВР в Читинских операциях весной 1920 г. выгодное стратегическое расположение, строго говоря, обесценивалось, подобно приобретенному личным составом 1-й и 2-й Иркутских дивизий внушительному боевому опыту, который теперь фактически не мог быть использован против вооруженных сил Семенова. Договор от 15 июля 1920 г. ввиду сказанного выше по определению был крайне невыгоден для Эйхе. Истинную, но непубличную оценку Гонготскому соглашению в этой связи дал немного позднее, 18 ноября 1920 г., Председатель Правительства ДВР Краснощеков, состоявший с Эйхе в дружеских отношениях и, безусловно, разделявший его взгляды на необходимость ликвидации семеновского режима вооруженным путем[1054]. Договор, указывал Краснощеков на одном из совещаний, только укрепил Семенова и «…связал руки к проведению политики объединения Даль[него] Востока…»[1055].

[1051] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 201.

[1052] *Серышев С.* Вооруженная борьба за власть Советов на Дальнем Востоке // Революция на Дальнем Востоке: Сб. ст. и мат. Вып. 1. М.-Пг., 1923. С. 117.

[1053] Цит. по: Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 45.

[1054] См.: Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией (февраль 1920 г. – ноябрь 1922 г.). Док. и мат. / Отв. ред. *Б.И. Мухачев*. Ч. 1. Февраль-ноябрь 1920 г. Владивосток, 1993. С. 299.

[1055] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 43. Л. 5.

Принципиальное изменение военно-политической обстановки в Забайкалье в июле 1920 г. подвигло Эйхе на поиск иного оперативного решения, призванного обеспечить овладение районом Читы в обход Гонготского соглашения. Представления Главкома в этом ключе характеризовались исключительно солдатской, экспансионистской спецификой. «…Дипломатия дипломатией и политика политикой, – подчеркивал впоследствии военачальник, – я же никогда не забывал, что послан я на Д[альний] В[осток] не для разговоров, а для руководства военными действиями, для уничтожения Семенова…»[1056].

На первых порах после ратификации договора, ввиду начавшегося 25 июля 1920 г. вывода японских войск из Забайкалья, Эйхе считал необходимым придерживаться прямолинейной, хотя и рискованной модели поведения. Перед коллективом Дальбюро ЦК РКП(б) он обозначил намерение осуществить поэтапное выдвижение сил НРА на восток, к Чите, след в след за отступающими контингентами японцев, игнорируя, по сути, пункт соглашения о демаркационной линии и нейтральной зоне. Руководящий центр ДВР справедливо наложил veto на это, чреватое конфликтом с японцами, предложение. В телеграмме Смирнову от 1 августа 1920 г., Дальбюро резонно обратило внимание, что «…проявление … [Эйхе] максимализма может заставить японцев сделать легкую демонстрацию, от которой нам не поздоровится»[1057]. Окончательный отказ Главкома от столь бесхитростного плана был связан с прошедшими 7 августа 1920 г. переговорами военных миссий ДВР и Японии, на которых поставленный военачальником (через начдива 2-й Иркутской С.Д. Павлова[1058]) вопрос о выдвижении НРА в покинутые японцами районы Забайкалья был решен последними в ожидаемо негативном для Эйхе ключе: «…Вам не следует продвигать вперед военные силы»[1059].

Под влиянием рассмотренных обстоятельств у Эйхе не оставалось иного пути, как неохотно переместить центр тяжести будущего наступления на Читу: из выгодного участка к западу и северо-западу от города (1-я и 2-я Иркутские дивизии) – на восток Забайкалья (партизанский Амурский фронт НРА), отделен-

[1056] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 164.

[1057] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 43. Л. 57.

[1058] *Павлов Сергей Дмитриевич* (1897-1946). Начальник 2-й Иркутской стрелковой дивизии НРА (8 мая – 8 ноября 1920 г.). Инспектор пехоты НРА (8 ноября 1920 г. – 22 февраля 1921 г.). Командующий 2-й Амурской армией (22 февраля – 11 июня 1921 г.). В течение месяца (27 января – 21 февраля 1921 г.) ввиду болезни Эйхе состоял врид Главкома армии ДВР. Протеже и личный друг Эйхе.

[1059] Дальневосточная республика (Верхнеудинск). 1920. 12 августа.

ный от Верхнеудинска нейтральной зоной. От непосредственного открытия новой операции он пока благоразумно воздержался, следуя указаниям Дальбюро о сохранении status quo «…до изменения положения в связи с эвакуацией японских войск из Читинского района…»[1060], до завершения их вывода из региона.

Решение возложить на Амурский фронт функцию главной ударной силы в рамках предстоящего наступления, вошедшего в историю как 3-я Читинская операция (1-31 октября 1920 г.), далось Эйхе не без сомнений. Опыт весенних операций убедительно свидетельствовал о неспособности повстанцев – «шиловцев» к эффективной организации вооруженной борьбы. Посильные, необходимо признать, решения Главкома в ходе 1-й и 2-й Читинских операций либо осуществлялись войсками фронта с серьезными искажениями, задержками, либо не исполнялись совсем. Показательно, что в весьма пространном историческом очерке действий «амурцев» в 1920 г. Шилов ни разу не упоминает о какой-либо координации своих решений со Штабом Главкома и его указаниях[1061]. «Я поневоле, – отмечал Эйхе со своей стороны в воспоминаниях, – вспомнил мой опыт с партизанами Мамонтова, они тоже не любили выполнять приказы, которые им ставились сверху, исходя из общих оперативных соображений»[1062]. Иными словами, подготавливая третье по счету наступление на Читу, военспец располагал теперь еще более сырыми формированиями, чем упоминавшиеся выше соединения бывшей Восточно-Сибирской советской армии, на которые он опирался в боях за Читу в апреле-мае 1920 г. Плохо вооруженные и почти не прошедшие специальной военной подготовки массы повстанцев востока Забайкалья и Амурской области ДВР Эйхе в этом плане еще только предстояло привести в боеспособное состояние, направить на путь регулярного строительства.

Отдавая себе отчет, что иного, более качественного контингента войск для реализации 3-й Читинской операции, кроме «амурцев» в его распоряжении, очевидно, не будет, Эйхе организовал летом 1920 г. комплекс мероприятий по масштабной реорганизации Амурского фронта и укреплению его боевого потенциала. Руководство процессом военспец вынужден был на первых порах сконцентрировать в ведении Штаба Главкома, поскольку, как ему удалось уже убедиться

[1060] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 23. Л. 119.

[1061] См.: *Шилов Д.* Красные партизаны Амура и Восточного Забайкалья на фронте в 1920 году (Отрывки из воспоминаний) // Год двадцатый. Альманах одиннадцатый. М., 1937. С. 156-173.

[1062] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 166 об.

из личного опыта, «…сами амурцы, к глубочайшему сожалению, не в состоянии ни реорганизоваться, ни начать действовать так, как того требует обстановка»[1063].

Вместе с тем важно изначально учитывать, что начало реорганизационным процессам в среде повстанцев Восточного Забайкалья и Амурской области было положено Эйхе еще до подписания Гонготского соглашения. Непреходящее значение в этой связи имел приказ Главкома № 85/оп от 22 мая 1920 г. Заложивший исходную основу для переформирования Амурского фронта НРА на регулярных началах, документ обязывал командующего фронтом Шилова развернуть в течение месяца из отдельных, разношерстных «…повстанческих и партизанских отрядов, действующих по Амурской области в читинском и хабаровском направлениях…» регулярные 1-ю и 2-ю Амурские стрелковые дивизии, Забайкальскую кавалерийскую дивизию и Амурскую кавалерийскую бригаду[1064]. Практически одновременно Главком направил Шилову директиву о прекращении действий против японских войск, полагая, что оперативная пауза поспособствует усилению перестроечной активности «амурцев», исходя из задач приказа № 85/оп[1065].

В то же время Эйхе проявляет разумную предусмотрительность. Понимая, что письменной директивы для инертных, тяжелых на подъем «амурцев» будет недостаточно, он распорядился (по согласованию с Омском) направить к Шилову в конце второй декады мая 1920 г. группу инструкторов и организаторов. Она включала военспецов, контролеров Управления госконтроля ДВР, политработников и ряд иных квалифицированных кадров[1066]. Возглавил экспедицию знакомый Эйхе по 5-й армии РККА, бывший «мамонтовец» Я.П. Жигалин[1067], ставший позднее, о чем уже говорилось, непримиримым антагонистом полководца.

Предусмотрительность Эйхе не оказалась напрасной. Как он и предвидел, вплоть до появления экспедиции Жигалина на Амурском фронте работа по реализации здесь его директивы № 85/оп осуществлялась исключительно медленно и без должной целеустремленности. Достаточно упомянуть, что формирование 2-й Амурской дивизии (основного соединения фронта) началось с двухмесячной задержкой, 20 июля 1920 г., и лишь после назначения начдивом члена

[1063] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 192.
[1064] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 390. Л. 272.
[1065] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 23. Л. 124а.
[1066] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 30а. Л. 67, 136.
[1067] Ранее он занимал в апреле-мае 1920 г. пост военного комиссара 2-й Иркутской дивизии НРА.

экспедиции, военспеца В.А. Попова[1068]. Схожая ситуация сложилась с Забайкальской кавалерийской дивизией, развернутой только 19 июля[1069], и 1-й Амурской дивизией, формировавшейся с 12 июля. В этой связи едва ли может вызывать удивление полученное Эйхе 6 июля 1920 г. сообщение эмиссара ДВР в Амурской области М.А. Трилиссера[1070], который указал, что прибытие на фронт группы Жигалина («расшевелившей» местное командование) «…произвело прекрасное ободряющее впечатление на войска фронта»[1071]. В том же месяце, отметим, члены командированной Эйхе экспедиции заняли основные посты в системе управления Амурского фронта: члена Военного совета, начальника штаба, инспекторов артиллерии и кавалерии, начальников служб снабжения и военных сообщений и др. Именно эти лица, как агенты влияния Эйхе, выступили фундаментом для претворения в жизнь в июле-сентябре 1920 г. программы Главкома по реорганизации фронта и его подготовке к 3-й Читинской операции.

Наряду с откомандированием инструкторов и профильным методическим сопровождением реорганизационных процессов, деятельность Эйхе по подготовке Амурского фронта к наступлению на Читу включала в себя лоббирование военных нужд «амурцев» перед Сибревкомом и Дальбюро. Помимо прочего, ему удалось убедить Смирнова выделить войскам Шилова 1.000.000 единиц боеприпасов к оружию, которые были вывезены из Омска уже 26 мая 1920 г.[1072]

К началу сентября 1920 г. программа реорганизации и укомплектования Амурского фронта НРА была признана Эйхе в общем и целом состоявшейся[1073], что позволило ему приступить к непосредственной разработке плана 3-й Читинской операции (1-31 октября 1920 г.). Соответствующему решению благоприят-

---

[1068] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 35. Л. 76-79.

[1069] За власть Советов: Сб. док. о борьбе трудящихся Забайкалья в 1917-1922 гг. / Сост. *И.М. Давидович* и др. Чита, 1957. С. 343.

[1070] *Трилиссер Меер Абрамович* (1883-1940). Член РСДРП с 1901 г. Эмиссар ДВР в Амурской области в мае-августе 1920 г. Член Дальневосточного бюро ЦК РКП(б) в ноябре 1920 г. – феврале 1921 г., член Коллегии Госполитохраны ДВР (октябрь 1920 г. – август 1921 г.). Критик деятельности Эйхе.

[1071] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 35. Л. 37.

[1072] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 155. Л. 28.

[1073] Post factum, в 1960-е гг., Эйхе тем не менее не признавал за Амурским фронтом по состоянию на июль-октябрь 1920 г. атрибутов регулярной армии, считая его партизанским (ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 192 об). Суждение это мы находим во многом предвзятым. Очевидно, более близок к истине тезис, выраженный в докладе Политотдела НРА Политуправлению РВС РСФСР от 1 августа 1920 г., в соответствии с которым фронт переживал переход «…от партизанского типа к регулярной армии…» (Цит. по: *Авдеева Н.А.* Создание Народно-Революционной армии Дальневосточной республики (1920 г.) // Ученые записки Хабаровского пед. института. Серия историческая. 1968. Т. 16. С. 15).

ствовал ряд внешних факторов. Во-первых, значительное снижение концентрации войск Семенова в читинском районе в связи с их рассредоточением вдоль ж/д линии Чита – ст. Карымская – ст. Оловянная – ст. Даурия – ст. Маньчжурия и переносом ставки атамана на ст. Даурия[1074]. Ввиду этого оборона Читы оставалась на попечении одного 3-го стрелкового корпуса (командир – генерал В.М. Молчанов), силы которого не превышали 4.965 штыков и 2.150 сабель при 17 орудиях и 9 бронепоездах[1075]. Во-вторых, наметившееся завершение эвакуации из региона основной группировки японских войск, благодаря чему покинутые ими стратегические районы Сретенска и Нерчинска перешли в руки вновь созданного Народно-революционного комитета (НРК) Восточного Забайкалья, подконтрольного Амурскому фронту НРА и ведомого негласно руководством ДВР.

Последнее обстоятельство, по-видимому, было особенно отрадно для Эйхе. В контексте планирования 3-й Читинской операции он придавал указанной чрезвычайной административной единице поистине фундаментальное значение. Строго говоря, именно НРК, de jure независимый от Верхнеудинска, должен был, по мысли Главкома, выступить фиктивным, подставным инициатором новой операции, взяв на себя всю ответственность за открытие военных действий по ликвидации «читинской пробки» в нарушение объявленного в регионе перемирия. Под прикрытием и от имени НРК, как образованной к востоку от Читы формальной власти «восставшего местного населения» и партизан, войскам Амурского фронта и предстояло развернуть боевую активность против сил Семенова, следуя задачам 3-й Читинской операции. В интересах сохранения соответствующей легенды части «амурцев» перед наступлением на Читу были номинально переименованы Эйхе в партизанские отряды, а сам фронт стал именоваться «повстанческой армией»[1076]. «…Войсковым частям, – инструктировал Главком в этой связи начальника Забайкальской кавалерийской дивизии «амурцев» Я.Н. Коротаева, – должно внушить, что они являются партизанами от восставшего населения против семеновщины … не принадлежат к Народно-революционной армии, признают Нерчинский наррevком *(НРК Восточного Забайкалья. – Р.Б.)*»[1077].

[1074] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 13. Л. 4 об.

[1075] *Новиков П.А.* Гражданская война в Восточной Сибири. С. 229

[1076] *Шиндялов Н.А.* Ликвидация «Читинской пробки» // Россия и АТР. 2011. № 1. С. 17.

[1077] Цит. по: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.): Сб. док. / Сост. *Т.Ф. Каряева* и др. Т. 3. Апрель 1920 г. – 1922 г. М., 1971. С. 607.

Оригинальный «конспирологический» ход Эйхе с НРК способствовал, таким образом, созданию иллюзии неучастия вооруженных сил «буфера» в новой операции на читинском направлении. Исходя из этого, сводились к минимуму шансы японского командования обвинить Главкома НРА и Правительство ДВР в эскалации конфликта в регионе и призвать их к ответу, поскольку ответственности за «самочинные» действия НРК Восточного Забайкалья и «партизан» они формально нести не могли. Как верно указал историк Б.И. Мухачев, это «…была рассчитанная политическая игра, как и все буферное строительство»[1078].

Необходимость Эйхе следовать столь специфической стратегии непрямого воздействия была жизненно необходимой для сохранения политической устойчивости ДВР. Вскрытие японской Военной миссией в Чите факта участия регулярных войск НРА в развертываемой 3-й Читинской операции с большой долей вероятности грозило повлечь прекращение вывода контингента императорской армии из Забайкалья, что обрекало «буфер» на очередной виток бессмысленного, изматывающего конфликта с Японией. Только этими соображениями объясняется введение Главкомом в действие рассмотренного «конспирологического» плана, по которому овладение Читой части Амурского фронта должны были осуществить под видом неподчинявшихся Эйхе повстанцев и отрядов самообороны независимого от властей ДВР НРК Восточного Забайкалья.

Рассмотренная выше хитроумная оперативная комбинация впервые нашла выражение в директиве Эйхе № 613/гл от 16 сентября 1920 г., адресованной новому командующему Амурским фронтом С.М. Серышеву[1079] (сменил Шилова 20 августа[1080]). Санкционируя этим документом начало боевой подготовки 3-й Читинской операции, военспец обязывал Серышева приступить в ближайшее время «…к *активным партизанским (курсив наш. – Р.Б.)* действиям с целью занятия Читы и очищения читинского района…». С учетом сказанного Главком ДВР поставил войска Амурского фронта перед необходимостью развернуть, выступая формально под флагом НРК Восточного Забайкалья, энергичное наступление

[1078] *Мухачев Б.И.* Александр Краснощеков: ист.-биогр. очерк. Владивосток, 1999. С. 132.

[1079] *Серышев Степан Михайлович* (1889-1928). В структуре армии ДВР – командующий Хабаровским повстанческим фронтом с 22 апреля 1920 г., начальник 1-й Амурской стрелковой дивизии Амурского фронта НРА с 12 июля 1920 г., командующий Амурским фронтом НРА (20 августа – 8 ноября 1920 г.). После переформирования фронта – командующий 2-й Амурской армией (8 ноября 1920 г. – 6 марта 1921 г., 11 июня – 6 июля 1921 г.). Критик деятельности Эйхе.

[1080] ГАЗК. Ф. Р-796. Оп. 1. Д. 3. Л. 102-102 об., 106.

«…вдоль железной дороги к ст. Карымская…»[1081], из района которой он и рассчитывал нанести главный удар по административному центру атамана Семенова. Положения своего своеобразного «конспирологического» плана Эйхе подтвердил также в последующем приказе № 117 от 21 сентября 1920 г., рекомендовав Серышеву произвести сосредоточение сил для наступления на ст. Карымская «…скрытно под видом милиции, местной охраны и восставшего населения»[1082].

Помимо развертывания атаки Амурского фронта на главном направлении Нерчинск – ст. Карымская – Чита общее оперативное решение Эйхе в рамках 3-й Читинской операции предусматривало организацию отвлекающих, ложных ударов на Читу – с севера через с. Бургень (45 км от Читы) и юга через с. Александровка (30 км от Читы). С этой целью расположенные западнее города 1-я и 2-я Иркутские дивизии НРА по инициативе военачальника выделили специальные войсковые отряды. Тайно переброшенные через нейтральную зону (в нарушение Гонготского соглашения), они под видом партизан заняли в конце сентября 1920 г. ближние подходы к Чите[1083]. В контексте оперативного решения спецотрядам (Эйхе называет их «отрядами войсковых партизан»[1084]) предстояло реализовать ответственную миссию – сковывания боем семеновцев на северных и южных подступах к Чите[1085] и отвлечения внимания противника на раннем фазисе операции, 1-15 октября 1920 г., от подготовительных мероприятий в полосе Амурского фронта, который должен был развить главный удар на Читу в середине октября. Как и контингентам «амурцев», спецотрядам надлежало сохранять свое инкогнито, имитируя принадлежность к повстанцам НРК Восточного Забайкалья. Проведенная Эйхе в жизнь весьма примечательная идея создания отрядов «войсковых партизан» явилась итоговым творческим штрихом в контексте подготовки им общего оперативного замысла 3-й Читинской операции, завершение работы над которым пришлось на конец второй декады сентября 1920 г.

Вместе с тем, говоря о реализации Главкомом функций планирования ок-

---

[1081] Цит. по: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.): Сб. док. Т. 3. С. 601.
[1082] Цит. по: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.): Сб. док. Т. 3. С. 602.
[1083] *Шерешевский Б.М.* Разгром семеновщины (апрель-ноябрь 1920 г.). С. 211.
[1084] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 192, 198.
[1085] По подсчетам историка Шишкина, на момент начала операции севернее Читы был сосредоточен отряд белых в 845 штыков и 300 сабель при 4 орудиях и 15 пулеметах, северо-западнее – конные отряды в 250-300 сабель, юго-западнее – отряд в 300 штыков и 300 сабель при 5 орудиях, 6 пулеметах и 1 бронепоезде (*Шишкин С.Н.* Борьба за освобождение Дальнего Востока (1918-1922 гг.). С. 63).

тябрьского удара на Читу и управления развитием операции, необходимо обратить внимание на наличие здесь ряда нюансов. Отсутствие прямой технической связи Штаба Главкома с Амурским фронтом и его соединениями, отграниченными от Верхнеудинска нейтральной зоной и удаленными на расстояние до 500-600 км, по определению лишало Эйхе возможности осуществлять в отношении них эффективное руководство[1086]. Этот фактор предопределил решение Главкома НРА о децентрализации своей военно-управленческой прерогативы в пользу Серышева и штаба Амурского фронта. Фактически это произошло еще на стадии планирования операции. Таким образом, если на долю Эйхе и его личного Штаба приходилось составление ранее раскрытого нами общего, принципиального базисного решения 3-й Читинской операции (расстановка войск, оперативные задачи, направление ударов, меры по маскировке участия НРА и т.д.), которое он выразил в директивах Серышеву № 613/гл и № 117, то в штабе «амурцев» на их основании был разработан уже прикладной замысел предстоящей операции, который и лег в основу боевой активности во второй половине октября 1920 г. восточно-забайкальской группировки Серышева. В этом смысле операция, следует признать, была вынужденно отдана Эйхе «на откуп» командованию Амурского фронта[1087], в чем состояло коренное отличие ее от 1-й и 2-й Читинских операций, непосредственно спланированных военачальником и проводившихся под его прямым, хотя и не безошибочным, руководством.

В ситуации же с третьим наступлением вооруженных сил ДВР на Читу реальное управление военными действиями в руках Главкома ограничивалось, по сути, только скромными масштабами пассивной западно-забайкальской группировки НРА[1088], активной компонентой которой выступали лишь спецотряды «войсковых партизан». Влияние Эйхе на военно-управленческую составляющую работы Амурского фронта в то же время не было значительным и исчерпывалось направлением Серышеву и ряду начдивов приказов общего характера. Исключая первые две вводные директивы, они касались главным образом одного вопроса, крайне волновавшего Эйхе – задачи разрушения полотна ж/д магист-

[1086] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 198.

[1087] В своих воспоминаниях это косвенно подтвердил также сам командующий Амурским фронтом Серышев (*Серышев С.* Вооруженная борьба за власть Советов на Дальнем Востоке. С. 118).

[1088] Западно-забайкальская группировка НРА, включая 1-ю и 2-ю Иркутские дивизии, была приведена Эйхе в полную боевую готовность 16 сентября 1920 г. (РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 390. Л. 399).

рали на участке ст. Карымская – ст. Маньчжурия[1089] и блокирования, таким образом, путей отступления читинской группировки противника[1090]. Приведенные соображения не умаляют значения деятельности Эйхе в контексте операции, однако, позволяют нам более точно расставить акценты относительно природы реализации Главкомом полномочий в период ее подготовки и проведения.

Несмотря на недостаточную, в силу перечисленных объективных причин, глубину вовлеченности Эйхе в руководство проведением 3-й Читинской операции (1-31 октября 1920 г.), ее результат увенчался долгожданным успехом войск ДВР. Благодаря предпринятому НРА октябрьскому наступлению многомесячная борьба за владение Читой и прилегающими к ней землями Восточного Забайкалья решилась в пользу ДВР. Предпосылки столь весомого военного достижения «буфера» не в последнюю очередь были обусловлены хитроумным базовым решением на операцию, разработанным Главкомом и его коллегами в Верхнеудинске, а также мастерским выполнением своей вспомогательной миссии спецотрядами «войсковых партизан», состоявшими собственно в ведение Эйхе. В течение первой половины октября 1920 г. им не только удалось сковать оперативную свободу семеновцев севернее и южнее Читы и дезориентировать противника касательно наступательных намерений Амурского фронта, но и вынудить командира оборонявшего читинский район 3-го корпуса белых генерала Молчанова, известного Главкому со времен боев под Уфой в 1919 г., израсходовать свыше 50 % сил и средств личного резерва[1091]. Благоприятная для «амурцев» обстановка у Читы, созданная изначальными усилиями ведомых Эйхе спецотрядов[1092], позволила комфронта Серышеву в ночь на 19 октября 1920 г. осуществить возложенную на него функцию развития главного удара по столице Семенова из района ст. Карымская. Этот удар привел к взятию города уже 22 октября личным составом 8-го Амурского кавалерийского полка НРА, в интересах маскировки названного партизанским отрядом «Старика» (А.Н. Бутрина). Сам атаман Семенов, поверженный читинский vis-à-vis Эйхе, накануне сдачи Читы спешно эва-

[1089] Ст. Маньчжурия – первый крупный ж/д пункт на территории Китая.

[1090] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.): Сб. док. Т. 3. С. 606-607, 609.

[1091] *Шишкин С.Н.* Гражданская война на Дальнем Востоке. 1918-1922 гг. С. 170.

[1092] Идея создания отрядов «войсковых партизан» и спустя десятилетия оставалась для Эйхе предметом гордости. По оценке бывшего Главкома, их действия в районе Читы в 1920 г. являли собой «первый опыт на Востоке войскового партизанства» в период Гражданской войны, в чем и заключалась, как он полагал, поучительность 3-й Читинской операции (ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 192, 198).

куировался на едва исправном аэроплане в свою новую ставку, расположенную, как уже отмечалось, на ст. Даурия, у границы с китайской Маньчжурией[1093].

Успех 3-й Читинской операции вооруженных сил ДВР, завершившейся к 31 октября 1920 г., не позволял, однако, Главкому Эйхе снизить интенсивность индивидуальной работы и усилий личного Штаба. Овладение Читой и ликвидация режима семеновской «Российской восточной окраины», совпавшие по времени с завершением эвакуации из Забайкалья японских сил, объективно усиливали позиции «буфера», но достижение это носило пока что неполный характер. Крупные войсковые группировки Семенова, покинув читинский район, закрепились в южных округах Забайкалья и в любой момент могли развернуть контрнаступление с задачей возвращения Читы. Угрозу соответствующего развития событий Эйхе воспринимал в конце октября 1920 г. очень остро и эмоционально. «В случае, если бы Семенов начал наступление, – телеграфировал Главком на исходе 23 октября 1920 г. Серышеву, – и Чите угрожала [бы] опасность, вы должны принять все меры, чтобы окончательно разгромить семеновцев, выделяя для этой цели под видом партизан и частей Нерчинского нарревкома еще отряды из своей армии *(Амурского фронта. – Р.Б.)*, но ни в коем случае он *(противник. – Р.Б.)* не может быть допущен обратно в Читу, если бы даже и для этого вам пришлось пустить в дело свои главные силы под видом партизан»[1094].

Угроза потенциального нанесения семеновцами контрудара на Читу ставила перед Эйхе на повестку дня ряд сложных военных, организационных и дипломатических проблем. Значение главной из них в глазах военачальника приобрел вопрос об оказании прямой военной поддержки восточно-забайкальской группировке НРА (силы Амурского фронта). Последняя в конце октября – начале ноября 1920 г., действуя, как и прежде, от имени НРК Восточного Забайкалья, продолжала распространение власти ДВР к югу и юго-востоку от Читы, ведя столкновения с войсками Семенова, которые медленно отходили к китайской и монгольской границам. В сложившейся обстановке наиболее эффективной мерой помощи «амурцам», силы которых уже начали сдавать, Главком считал непосредственный ввод свежих соединений западно-забайкальской группировки НРА в освобождаемые районы Забайкалья. Расчет Эйхе не был чужд ра-

[1093] *Семенов Г.М.* О себе. Воспоминания, мысли и выводы. 1904-1921. М., 2007. С. 194.

[1094] Цит. по: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.): Сб. док. Т. 3. С. 609-610.

циональному началу. Руководимые им силы западной части армии ДВР (1-я и 2-я Иркутские дивизии и др.) в данном случае решали две важнейшие задачи: содействия «амурцам» посредством ведения с ними совместных боевых действий, направленных на окончательное изгнание семеновских войск из пределов Забайкалья; укрепления тыловой полосы Амурского фронта Серышева, наведения здесь должного порядка, в частности, в формате устройства временных военных администраций и несения гарнизонной службы в населенных пунктах.

Вместе с тем рассматриваемое мероприятие военачальника, подобно организованной им ранее и завершившейся 3-й Читинской операции, таило в себе угрозу вступления ДВР в конфликт с Японией. Пересечение войсками западнозабайкальской группировки НРА нейтральной зоны, что было неизбежно при их вводе на земли востока Забайкалья, означало нарушение Гонготского соглашения, контроль за исполнением которого осуществляло японское командование на Дальнем Востоке. Санкции последнего к властям «буфера» ввиду этого могли быть самыми жесткими, не исключая повторного введения императорской армии в Забайкалье. Об этом ранее предупреждал глава Военной миссии Японии полковник Исоме[1095]. К осторожности в отношениях с интервентами призывал Эйхе и его непосредственный начальник, Помощник Главкома вооруженных сил РСФСР по Сибири Шорин. Еще в начале октября 1920 г. он ознакомил Эйхе с директивой Главкома С.С. Каменева, предписывавшей «…воздержаться от каких бы то ни было действий, могущих вызвать конфликт с Японией…»[1096].

Таким образом, самой логикой развития событий военачальник Эйхе вновь принужден был обратиться к разработке очередной «конспирологической» комбинации, долженствовавшей обеспечить его непреклонному решению о вводе НРА на восток Забайкалья сравнительную легитимность и оправданность, нивелировав перспективу конфликта с командованием экспедиционных сил Японии.

Новый «конспирологический» ход военачальник по аналогии с замыслом удара на Читу построил на принципе внешнего дистанцирования от войск Амурского фронта НРА. 3 ноября 1920 г. Эйхе был издан обращенный в равной мере к войскам Семенова и «партизанам» НРК Восточного Забайкалья (то есть «амурцам») совершенно формальный, демонстративный приказ с требованием прекра-

[1095] *Голионко В.П.* В огне борьбы (Из истории гражданской войны 1918-1922 гг. на Дальнем Востоке). М., 1958. С. 216.
[1096] Из истории гражданской войны в СССР: Сб. док. и мат. Т. 3. С. 734.

тить в срок до 10 ноября военные действия на территории региона. Директива эта по определению не могла быть исполнена, так как подлинные указания Эйхе командованию Амурского фронта предполагали как раз обратное – энергичное продолжение борьбы с семеновцами, что делало, соответственно, невозможным и сложение оружия последними. Данную, искусственным образом порожденную коллизию Главком и намеревался использовать как предлог для ввода сил западной части НРА в прилегающие к Чите районы. Иными словами, акт ввода формально должен был приобрести свойство не своевольного вторжения сил «буфера» на восток региона с нарушением нейтральной зоны, но качество во многом вынужденной «миротворческой» миссии войск ДВР, призванной пресечь сугубо внутренний, региональный конфликт между подчиненными Семенову формированиями и вольными «партизанами» НРК Восточного Забайкалья.

Разумеется, выполнявшие директиву Главкома о завершении военного разгрома армии Семенова[1097] части Амурского фронта НРА, выступавшие под легендой «партизан» НРК, в установленный срок борьбу не прекратили. Исходя из этого, изначально предсказуемого итога, Эйхе под лозунгом установления спокойствия и мира в регионе и провозгласил 11 ноября 1920 г. введение на территорию востока Забайкалья, в «…районы, охваченные пламенем междоусобной борьбы…», регулярной армии ДВР. Данное мероприятие в трактовке Главкома преследовало одну только цель «…прекращения братоубийственной бойни» между формированиями, выступавшими на стороне НРК и семеновцами[1098].

Командование сил императорской армии Японии в регионе в лице своего уполномоченного полковника Исоме первоначально всецело поверило в благие намерения Главкома. «Сегодня, – отмечал Исоме в письме на имя Эйхе, датированном периодом с 11 по 15 ноября 1920 г., – получил сведения о выступлении части вверенных Вам … верхнеудинских регулярных войск, из которых большая часть направлена к востоку. Уверенный в Ваших искренних стремлениях и зная железную дисциплину вверенных Вам войск, уверен, что *Вы сумеете заставить партизан и менее дисциплинированных амурцев прекратить их бесполезные и безобразные активные действия (курсив наш. – Р.Б.)* и тем утвердить такие отношения, при которых будет возможно приступить к переговорам для

[1097] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.): Сб. док. Т. 3. С. 609-610.
[1098] Дальневосточная правда (Верхнеудинск). 1920. 14 ноября.

устроения мирной жизни. В этом смысле я желаю Вам … успеха»[1099].

В результате перешедшая через нейтральную зону (при полном непротивлении японцев) с формально мирными целями 2-я Верхнеудинская стрелковая дивизия[1100] западно-забайкальской группировки НРА уже к 13 ноября миновала Читу и вышла в район ст. Оловянная. В течение последующей недели ее войска совместно с частями Амурского фронта НРА приняли деятельное участие в окончательном изгнании армии Семенова из пределов Забайкалья в Маньчжурию и Монголию, достигнув района ст. Даурия[1101]. За счет ставшего, таким образом, возможным объединения сил западно-забайкальской и восточно-забайкальской группировок армии ДВР вся территория Восточного Забайкалья к 20 ноября 1920 г. полностью перешла под контроль «буфера»[1102]. Угроза Чите и прилегающим к ней землям с этого времени была всецело нивелирована. Непосредственно связанная с данным достижением «миротворческая» миссия Эйхе завершилась при этом на фоне совершенного невмешательства японцев, вынужденных, очевидно, смириться как с крахом режима атамана Семенова, так и с «конспирологическим» дезавуированием Главкомом НРА Гонготского соглашения в части, касавшейся разграничительной нейтральной зоны[1103]. Так подошла к своему концу, по выражению историка Шерешевского, «героическая эпопея борьбы за окончательный разгром семеновщины и ликвидацию "читинской пробки"»[1104]. Войска руководимых Эйхе вооруженных сил ДВР уничтожили последний на тот момент очаг сопротивления белых в восточной половине территории России.

Предпринятое нами детальное исследование деятельности Главкома Эйхе в контексте организованных им 1-й, 2-й и 3-й Читинских операций и борьбы за

[1099] ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 608. Л. 127.

[1100] Бывшая 2-я Иркутская стрелковая дивизия. Переименована на основании приказа Эйхе № 4/сек от 8 ноября 1920 г. (РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 737. Л. 408; РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 2. Д. 2. Л. 6-6 об.).

[1101] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 437. Л. 161.

[1102] В стремлении закрепить это крупное оперативное достижение Главком Эйхе 24 ноября 1920 г. подписывает директиву № 127/оп, которая санкционировала занятие частями западно-забайкальской группировки НРА (не только из 2-й Верхнеудинской дивизии) ключевых районов востока Забайкалья: ж/д ст. Борзя – ст. Оловянная, ст. Ага – ст. Карымская и др. (РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 393. Л. 58).

[1103] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 43. Л. 6. Стоит заметить, что позднее полковник Исоме все же убедился в «двойной игре» Эйхе касательно «миротворческой миссии» и «партизан». В период между 15 и 18 ноября 1920 г. он адресовал ему сообщение: «До сих пор я считал войска … зажегшие пламя братской войны, за отдельные группы партизан, … которые действовали вопреки Вашим мирным стремлениям и которых просил взять в руки. <…> Теперь для меня очевидно участие регулярных войск. Этот факт поколебал мое доверие к Вашей искренности» (ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 608. Л. 128).

[1104] *Шерешевский Б.М.* Разгром семеновщины (апрель-ноябрь 1920 г.). С. 233.

восток Забайкалья в апреле-ноябре 1920 г. осталось бы неполным без упоминания о персональной оценке военачальником указанного комплекса событий. Его убеждения в этой связи были вполне однозначными и скорее ожидаемыми, учитывая стойкую личную предрасположенность Эйхе к возвеличиванию своих заслуг в годы Гражданской войны. «…Разгром Семенова, – писал в воспоминаниях Эйхе, – должен быть причислен к самым крупным сражениям гражданской войны…»[1105]. Обосновывая выдвинутый тезис, бывший Главком предпринял небезынтересный сопоставительный анализ реализованных им операций по ликвидации «читинской пробки» с приблизительно совпавшим по времени разгромом режима генерала П.Н. Врангеля на юге России. Благодаря использованию компаративистских вычислений Эйхе пришел к заключению, что оба военных мероприятия обладают, по сути, равновеликим крупнейшим значением для истории Гражданской войны на ее заключительном этапе. Но, сетовал военачальник, если о разгроме Врангеля «…написано много и еще появляются новые работы…», то «о разгроме же Семенова говорится лишь мимоходом и довольно поверхностно. Верно ли такое отношение к двум этим событиям? <…> И я думаю, что чисто военная сторона разгрома Семенова еще далеко не освещена и выводы из его опыта не сделаны»[1106]. В другом мемуарном фрагменте Эйхе озвучил не менее смелое по меркам советской историографии заявление, подчеркнув, что «…такие прославленные дела как Волочаевка и Спасск (в 1922 г.) не могут идти ни в какое сравнение с боями за Читу», поскольку «…ни под Волочаевкой, ни под Спасском не было ни одного японского солдата, между тем как Читу "защищало" 10 тысяч их *(здесь – явное преувеличение. – Р.Б.)*». Помимо этого, доказывал ветеран, «…и под Волочаевкой, и под Спасском перевес сил и притом значительный был на нашей стороне. Здесь же наоборот»[1107].

Свое «особое мнение» на сей счет Эйхе отчасти изложил в 25-страничной рукописи своей научной статьи «Руководство В.И. Лениным борьбой за освобождение Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев»[1108]. Однако к неудовольствию военачальника, она, будучи направленной им не позднее июня 1966 г. для публикации в «Военно-историческом журнале», редакционным требова-

[1105] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 198.
[1106] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 193 об.
[1107] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 167.
[1108] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 164. Л. 3-28.

ниям не удовлетворила[1109]. На этом неудачном эпизоде попытка бывшего Главкома ДВР во всеуслышание заявить о присущем ему видении роли развернувшейся в 1920 г. борьбы за Читу и земли Забайкалья была, вероятно, исчерпана.

В части, касающейся исторического значения организованного Эйхе противоборства армии ДВР в 1920 г. с войсками Семенова и японцев, с приведенной оценкой военачальника сложно не согласиться. Ценность данного комплекса военных мероприятий не исчерпывалась одним только объединением территории Забайкалья под единой администрацией ДВР. Экспансионистская боевая активность НРА, в основе которой лежали ответственные, нетривиальные мероприятия и решения Эйхе, явилась, в сущности, военно-политическим движением за консолидацию в рамках единого «буферного» пространства всей территории Забайкалья и Дальнего Востока. Взятие Читы представляло высшую точку данного процесса. Не случайно уже 28 октября 1920 г. на созванной в освобожденной Чите объединительной конференции Дальнего Востока состоялось юридическое оформление единства ДВР «от Байкала до Тихого океана» (прежде власть «буфера» ограничивалась фактически только землями Прибайкалья) и одобрение подчинения Эйхе всех вооруженных сил «…страны и отдельных областей…»[1110]. Исходя из решения конференции, биографируемый 1 ноября 1920 г. принял новый пост Главнокомандующего всеми вооруженными силами ДВР, «…находящимися на территории областей: Западно-Забайкальской, Восточно-Забайкальской, Амурской, Приморской, Сахалина и Камчатки»[1111]. Чита, ставшая с этого времени местом пребывания Штаба Эйхе (прибыл в Читу в начале ноября 1920 г.[1112]), Правительства ДВР и Дальбюро ЦК РКП(б), выступила новым центром политической консолидации востока России под администрацией ДВР.

Содержание 15-месячной деятельности Эйхе на посту Главкома армии ДВР зачастую ограничивается его биографами упоминанием одного лишь разгрома «читинской пробки»[1113]. Данный подход породил возникновение очевидных «лакун» в служебной биографии «красного латыша». В ряду подобных белых пятен особенно выделяется по своему оперативному потенциалу и значению несосто-

[1109] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 164. Л. 31-34.
[1110] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 32. Л. 60-61; Там же. Ф. 372. Оп. 2. Д. 2. Л. 1. О характере борьбы за объединение Дальнего Востока см. записки Краснощекова (ГА РФ. Ф. Р-9577. Оп. 1. Д. 372. Л. 2-19).
[1111] ГАХК. Ф. Р-1317. Оп. 2. Д. 3. Л. 133.
[1112] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 60. Л. 33.
[1113] См.: *Čehlovs A.* Armijas komandiera liktenis. Lp. 20; *Тарасов Е.П.* Красном Генрих Эйхе. С. 125-132.

явшаяся ликвидация Эйхе так называемой «гродековской пробки», образованной в Приморской области ДВР, за 1.600 км от Читы, под руководством все того же атамана Семенова и при посредничестве японского командования. Замысел указанной военной операции Главком тщетно пытался провести в жизнь в первые месяцы 1921 г., незадолго до своего ухода из ДВР. Завершить исследование полководческой деятельности Эйхе в ходе службы в армии республики мы находим правильным обзором именно этого, ныне почти неизвестного мероприятия.

Атаман Семенов, неудачливый преемник адмирала Колчака, испытавший в период борьбы на востоке Забайкалья широкий спектр политических манипуляций, вплоть до направления на имя Председателя РВС РСФСР Троцкого невероятного предложения вступить в ряды РККА, «…если ему простят все его грехи…»[1114], после изгнания его войск в Маньчжурию решил все же возобновить противостояние с режимом ДВР. Благодаря протекции японского командования потерпевшие поражение в 3-й Читинской операции силы семеновской Дальневосточной армии (три корпуса) были оперативно переброшены в ноябре-декабре 1920 г. через территорию Китая в Приморскую область. «…Гостеприимные уссурийцы, – отмечал Семенов по этому поводу в приказе войскам от 23 ноября 1920 г., – приглашают армии на Уссури. По прибытии армий в Приморье я вновь призову офицеров и солдат … чтобы в нужный момент при поддержке наших друзей *(японцев. – Р.Б.)* мы могли продолжить борьбу…»[1115]. В результате Главком Эйхе уже в декабре 1920 г. был поставлен перед фактом сосредоточения в районе ж/д ст. Гродеково, с. Раздольное[1116], Никольск-Уссурийский крупной войсковой группировки белых, которая и образовала проблему «гродековской пробки». Как и в ситуации с «читинской пробкой», она отделила часть территории ДВР, в данном случае – Приморье с центром во Владивостоке, от связей с «буфером».

Частичный переход Приморской области под контроль войск Семенова и каппелевцев[1117] стал для Эйхе неприятной неожиданностью. Вплоть до конца ноября 1920 г. он был убежден, что по итогам 3-й Читинской операции «…белые разбиты совершенно, никакой опасности собою больше не представляют и раз-

[1114] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 47. Л. 26. См. также ответ Троцкого: ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 17. Л. 22.
[1115] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 2. Д. 2. Л. 7.
[1116] Ныне – пос. Раздольное, Надеждинский р-н Приморского края.
[1117] На тот момент в войсках бывшей Дальневосточной армии уже произошел раскол на войска, оставшиеся верными Семенову (1-й Забайкальский корпус) и каппелевцев (2-й и 3-й стрелковые корпуса), которые отмежевались от него и вошли в подчинение каппелевца, генерала Г.А. Вержбицкого.

говаривать о них всерьез больше не приходится»[1118]. Лишь в начале декабря 1920 г. Эйхе при участии своего уполномоченного П.С. Парфенова[1119] удалось, наконец, войти в курс ситуации, сложившейся в Приморье. Впоследствии Парфенов вспоминал, как он в первых числах декабря «…вызвал к проводу в Чите главкома Эйхе и доложил ему о положении дел». «Он был удивлен, – иронично отметил Парфенов,– что белых еще "так много": Эйхе все еще был уверен, что они разбиты окончательно. Пришлось его разочаровать, хотя он и донес уже Троцкому, что "белой армии больше не существует" и получил за это орден»[1120].

Ознакомившись с информацией Парфенова, Эйхе в приказе войскам НРА № 483/оп от 6 декабря 1920 г. уже мог позволить себе продемонстрировать явную осведомленность касательно обстановки в регионе и ближайших планов противника: «По агентурным данным, разбитые нами в Восточном Забайкалье и отошедшие за границу остатки армии Семенова при помощи японцев перебрасываются в район Никольск-Уссурийский – Гродеково. Из захваченных документов противника выясняется, что он намерен при поддержке японцев вести дальнейшую борьбу с нами…»[1121]. В связи с этим Главком предусмотрел реализацию основательных мер, призванных защитить стратегическую Уссурийскую железную дорогу от потенциального захвата белыми. Одновременно военспец вместе с Краснощековым не позднее 11 декабря 1920 г. подписал декларацию о даровании амнистии всем «…солдатам и офицерам бывших армий Семенова и Каппеля…», желающим вернуться в Россию[1122]. Предпринять более решительные действия Эйхе на тот момент не мог из-за наличия в поименованных пунктах частей армии Японии. Обеспечивая прикрытие «гродековцам», интервенты, таким образом, проецировали в условиях Приморья оперативно-тактическую обстановку, имевшую ранее место в период организации Эйхе 1-й и 2-й Читинских операций. Вместе с тем отказаться совсем от противодействия противнику Главком не считал для себя возможным. «Как возглавлявший все военное дело буфера, –

[1118] *Парфенов П.С.* Борьба за Дальний Восток: 1920-1922. С. 266.

[1119] *Парфенов Петр Семенович* (1894-1937 или 1943). Уполномоченный Правительства ДВР по эвакуации белых из Приморья (декабрь 1920 г. – январь 1921 г.), координировал работу «Комиссии по передвижению, реэвакуации и демобилизации бывших семеновских и каппелевских войск», выступал в этот период доверенным лицом и информатором Главкома Эйхе.

[1120] *Парфенов П.С.* На соглашательских фронтах. 2-е изд. М., 1932. С. 74. Упоминание Парфеновым о получении Эйхе ордена, по-видимому, было основано на слухах или ожиданиях самого Главкома.

[1121] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 393. Л. 88.

[1122] *Парфенов П.С.* На соглашательских фронтах. С. 76.

вспоминал он в 1960-е гг., – я и видел свою задачу в том, чтобы … покончить со всякого рода остатками вооруженных группировок оказавшихся в Приморье дабы предотвратить всякую возможность повторения военных авантюр»[1123].

Впервые заострить внимание функционеров ДВР на «гродековской проблеме» Главком счел необходимым в особом докладе, представленном на заседании Дальбюро ЦК РКП(б) 14 января 1921 г. По его итогам Эйхе внес на рассмотрение план военной ликвидации группировки «гродековцев», опиравшийся на очередную «конспирологическую» комбинацию военачальника. В соответствии с планом 2-й Амурской армии НРА, образованной в результате реформы Эйхе еще 8 ноября 1920 г. и объединившей вооруженные силы Приморской и Амурской областей ДВР[1124], предстояло консолидировать, возглавить в районах концентрации прибывших семеновцев и каппелевцев широкое повстанческое движение. Фактически вопрос ставился о негласном открытии партизанского «второго фронта» 2-й Амурской армии, который, не аффилируя себя с ДВР, действуя под видом восставшего населения, и должен был, по мысли Эйхе, осуществить разгром «гродековской пробки». Инициатива нашла поддержку в Дальбюро, которое обязало Эйхе «…принять срочно меры путем партизанских частей к ликвидации Гродековской пробки, избежав столкновения с японскими частями…»[1125]. 18 января 1921 г. с замыслом операции ознакомился также Председатель Сибревкома Смирнов, покровитель Эйхе, указавший Дальбюро в телеграмме № 8/7, что прежде о решении «…необходимо немедленно сообщить в Москву»[1126].

Не дожидаясь, однако, санкции центра на новое военное мероприятие и, видимо, считая дело решенным, Эйхе уже 15 января 1921 г. направляет командующему 2-й Амурской армией Серышеву вводную директиву № 1/ос. Содержание директивы, если опустить частные тезисы этого пространного документа, можно ограничить следующими моментами. Ключевая задача, возложенная Эйхе в соответствии с приказом на командование армией, заключалась в создании на пространстве Приморья «…действительной скрытой силы в виде парт[изанских] отрядов…»[1127] (партизанский «второй фронт» армии). В качестве организацион-

[1123] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 216 об.
[1124] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 737. Л. 408 об.; РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 2. Д. 2. Л. 6 об.
[1125] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 13. Л. 73.
[1126] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 118. Л. 15.
[1127] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 13. Л. 107.

ного ядра «фронта» Главком предлагал Серышеву рассматривать уже развернутые на тот момент приморские «...партизанские отряды, местное население…» и добровольцев «…из Вашей армии (под флагом восставшего населения)»[1128]. По мере выполнения данной миссии Серышеву предстояло возглавить действия образованного повстанческого «фронта» и развернуть энергичное наступление в район ст. Гродеково, ст. Хорватово[1129] «…с задачей уничтожить главные гнезда семено-савельевских банд», избегая при этом «…столкновений с япон[скими] частями, чтобы не дать повода к выступлению Японии»[1130]. Для осуществления перечисленного комплекса военно-организационных мероприятий Главком отпустил руководству 2-й Амурской армии НРА три полные недели.

Содержание директивы № 1/ос и иной документации Штаба Главкома ДВР позволяет установить, что Эйхе должным образом учел изолированное положение семеновских войск (бывший 1-й Забайкальский корпус). Сосредоточенные в районе ст. Гродеково, они были удалены от более многочисленных группировок оппозиционных Семенову каппелевцев (бывшие 2-й и 3-й стрелковые корпуса), силы которых концентрировались близ Раздольного и Никольск-Уссурийского. Обозначившейся уязвимостью противника во многом объясняется личное решение Главкома развернуть главный удар на ст. Гродеково, ст. Хорватово, в центр оперативного построения семеновцев, что открывало возможность ликвидировать сначала их отколовшуюся, меньшую группировку в 4.000 военнослужащих[1131] во главе с семеновским генералом Н.А. Савельевым, в дальнейшем – расположенные южнее группировки каппелевцев[1132], ведомые генералом Г.А.

[1128] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 13. Л. 107 об.

[1129] Ныне – ж/д ст. Пржевальская, Пограничный р-н Приморского края.

[1130] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 13. Л. 107 об. Эйхе делает отсылку к имени генерала Н.А. Савельева, командовавшего «гродековцами» в отсутствие Семенова, пребывавшего тогда в Порт-Артуре.

[1131] *Левкин Г.Г.* Волочаевка без легенд. Хабаровск, 1999. С. 151; ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 217.

[1132] Точная численность каппелевцев в Приморье пока не установлена. Исходя из личной оценки Эйхе, приводимой в докладе на имя Ленина и Шорина № 22/главк от 13 января 1921 г., силы белых в Приморье в совокупности насчитывали не менее 16.000 человек (ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 81. Л. 7 об.). Если принять за основу данный показатель, то каппелевцы должны были включать не менее 10.000 человек (вероятно, с учетом беженцев и членов семей). Сравнительно близки к оценке Главкома сведения историка Г.Г. Левкина, по которым каппелевцы в феврале 1921 г. насчитывали 5.804 офицера, 10.354 штыков и сабель, 7.000 беженцев (*Левкин Г.Г.* Волочаевка без легенд. С. 151). Однако ценность этих данных снижается отсутствием соответствующей ссылки на источник. В то же время нельзя не признать явно заниженной оценку (также приводимую вне ссылки на источник) историка Шишкина, по которой общая численность белых в Приморье на тот момент ограничивалась показателем в 4.200 штыков и 1.770 сабель (*Шишкин С.Н.* Гражданская война на Дальнем Востоке. 1918-1922 гг. С. 189).

Вержбицким. Не поняв в этом смысле замысел Эйхе, военно-технический отдел Приморского областного комитета РКП(б) 22 января 1921 г. простодушно обратил внимание Дальбюро ЦК РКП(б) на «непродуманность» операции, «…так как главные силы семеновцев-каппелевцев расположены не [в] Гродеково, куда направляется удар наш, а [в] Раздольное, Никольск-Уссурийск…»[1133].

Наибольшие надежды на успех предстоящего наступления Эйхе связывал с активностью партизанского отряда анархиста И.Е. Гурко (оперировал с февраля 1920 г. в Иманском уезде). По первичным сведениям Серышева, он объединял 2.000 бойцов пехоты и кавалерии с некоторым количеством артиллерии[1134]. Более того, из заверений самого Гурко, отмечал Эйхе в воспоминаниях, следовало, что под его контролем в Приморье якобы «…существует широко разветвленная подпольная организация, охватывающая свыше 80 деревень и сел района от Имана до Спасска … и в случае нужды здесь может быть выставлено ок[оло] 2,5 тысяч бойцов при 23 пулеметах и даже нескольких орудиях»[1135].

Таким образом, на факторе участия отряда Гурко и координируемой им «организации» во многом покоился потенциал операции, поскольку, как показал дальнейший ход событий, местные жители остались равнодушны к идее организации партизанского движения ввиду их лояльного отношения к семеновцам и неприязненного – к повстанцам Гурко, прославившегося реквизициями, связями с бандами хунхузов и самочинными мобилизациями[1136]. В то же время приток добровольцев из 2-й Амурской армии в создаваемый партизанский «второй фронт» был столь ограниченным, что Серышеву удалось свести их к 21 января 1921 г. только в один отряд в 500-600 военнослужащих с пулеметами[1137].

Однако расчеты Эйхе на повстанцев Гурко изначально оказались ложными. Только в процессе реальной подготовки операции против «гродековцев» в полной мере дала о себе знать вопиющая ошибочность оценки, выдвинутой относительно сил Гурко командармом-2. В беседе с Главкомом (Чита) 19 января 1921 г. Серышев (Хабаровск) принужден был признаться, что ранее сообщенная им Эйхе «…цифра дутая. Гурко хвастался. Парт[изанский] отряд оказался негод-

[1133] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 13. Л. 95.
[1134] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 13. Л. 115 об.
[1135] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 197 об.
[1136] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 13. Л. 138, 141; Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 60. Л. 142.
[1137] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 13. Л. 102.

ным к действию. Имеется 600 штыков и немного сабель. Орудия попорчены»[1138]. Стоит ли говорить, каким ударом явилась для военачальника данная информация, свидетельствующая о том, что задуманное им наступление уже в исходном параметре соотношения сил сторон становилось невыгодным для войск ДВР.

В связи со сказанным выше безусловную эволюцию претерпело личное отношение Эйхе к командующему 2-й Амурской армией Серышеву[1139]. Недовольство им со стороны Главкома, ставшее фактом в январе 1921 г., опиралось, конечно, не только на данную им ложную оценку численности основной повстанческой группировки Приморья, но лежало также в плоскости предпринятых командармом оперативных решений. Последние отличались непоследовательностью и поверхностностью[1140]. Развившийся на этой почве конфликт между двумя военачальниками был вскоре перенесен Эйхе в Дальбюро ЦК РКП(б). 21 января 1921 г. он направил его коллективу рапорт № 43/главк, подкрепленный пакетом оперативных документов на 13 листах, который свидетельствовал, что Серышев и его штаб «…до сего времени еще не усвоил … сущность предстоящей операции и не имеет ясного представления о том что он должен сделать, несмотря на исчерпывающие указания…»[1141]. По справедливому убеждению Главкома, это грозило окончательно сорвать выполнение замысла операции по разрушению «гродековской пробки». Исход инцидента был, конечно, предсказуем. Не будучи удовлетворенным ходом текущей подготовки удара, Эйхе «…после тщательного взвешивания всех "про" и "контра"…»[1142] своей волей отзывает Серышева в Читу, под предлогом его делегирования в Учредительное собрание ДВР (дабы избежать предания конфликта огласке). На ставший вакантным пост

[1138] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 13. Л. 115 об.

[1139] Истоки охлаждения Эйхе к Серышеву восходят к финальной фазе 3-й Читинской операции. В своих воспоминаниях военачальник отмечал: «Но особо подчеркнуть я должен … ошибку Серышева, которая помогла белым спастись, сохранить значительную часть своих кадров *(речь шла о прорыве корпуса генерала Молчанова из района Читы на юг. – Р.Б.)*. <…> В дни, когда Чита уже была взята, когда … ст. Карымская тоже пала, Серышев вдруг отдал приказ своим войскам приостановить на двое суток … наступление... Оправданием он мне потом выставлял мотив: в эти дни была сильная пурга и … морозы. Распоряжение это граничило с преступлением» (ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 198 об.).

[1140] Подробнее об этом см.: РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 13. Л. 105-117 об.

[1141] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 13. Л. 105. Отрицательную характеристику в рапорте Эйхе дает также способностям Серышева: «…"Шатание и колебание" Командарма … в своих решениях … отражается на успехе подготовки и хода операции, являясь с одной стороны следствием его неподготовленности к занимаемой должности, с другой стороны результатом его игнорирования указаний моего штаба».

[1142] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 194.

командарма-2 Эйхе с санкции Дальбюро ЦК РКП(б) и одобрения Председателя Сибревкома Смирнова[1143] назначает 22 февраля 1921 г. свою креатуру – бывшего начальника 2-й Верхнеудинской дивизии Павлова[1144], хорошо проявившего себя в ранге уполномоченного Главкома на переговорах на ст. Гонгота и в ходе «миротворческой» миссии дивизии в ноябре 1920 г. Стоит отметить, что с Павловым Эйхе познакомился еще на службе в 5-й армии РККА, в начале 1919 г.

Делегирование Главкомом ДВР полномочий на ликвидацию группировки «гродековцев» Павлову вместе с тем совпало по времени с кардинальным изменением позиции коллектива Дальбюро по данному вопросу. В феврале-апреле 1921 г. он отверг военный сценарий разрешения гродековской проблемы и склонился к формату мирного привлечения каппелевцев на сторону ДВР путем переговоров с их представителями и обещаний амнистировать «в торжественной форме» перебежчиков[1145]. Оказать противодействие сомнительной акции Дальбюро, которая, как покажет время, особого успеха иметь не будет, но даст «гродековцам» передышку для новой агрессии, Эйхе не смог по вполне тривиальной причине. С 27 января по 21 февраля 1921 г. он тяжело болел, временно сдав пост Главкома своему протеже Павлову, который состоял тогда Инспектором пехоты армии ДВР[1146]. Таким образом, намеченная Эйхе в начале января операция против «гродековцев» была, по его выражению, «…отодвинута на задний план»[1147].

Вернуться к реализации операции и завершить столь значимое для будущности ДВР мероприятие Главкому уже не довелось, хотя убежденность в необходимости разгрома белых в Приморье не покидала Эйхе до последних дней его пребывания в ранге военного руководителя «буфера». Именно с целью подготовки удара по «гродековцам» Эйхе предпринял единственную за все время службы в ДВР продолжительную рабочую поездку (с 20 марта по 11 апреля 1921 г.) в расположение войск[1148]. Отбыв из Читы на поезде, он посетил в ходе поездки Хабаровск, Благовещенск и ряд иных пунктов, провел переговоры с представителями военной миссии Японии, консульства Китая, но, прежде всего, ознакомился с состоянием 2-й Амурской армии и реалиями повстанческого движения

[1143] ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 77. Л. 29.
[1144] ГАХК. Ф. Р-1317. Оп. 2. Д. 6. Л. 10. Дела в должности командарма Павлов принял 6 марта 1921 г.
[1145] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 61. Л. 2.
[1146] ГАХК. Ф. Р-1317. Оп. 2. Д. 5. Л. 6 об.; Там же. Ф. Р-1317. Оп. 2. Д. 6. Л. 3.
[1147] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 217.
[1148] ГАХК. Ф. Р-1317. Оп. 2. Д. 6. Л. 42, 69 об.

в Амурской и Приморской областях ДВР. Поездка укрепила Эйхе в правильности избранного им военного подхода к «гродековской проблеме». В подготовленном по просьбе Председателя Совета министров ДВР П.М. Никифорова[1149] проекте постановления Дальбюро о докладе Главкома от 18 апреля 1921 г. Эйхе выступил с требованием: «Признать необходимым принять все меры по рассасыванию и распылению скопления Каппелевцев и Семеновцев в Приморье. Для осуществления … мер … немедленно открыть кредит валютой Ком[андующему] войсками Приморья т. Лепехину»[1150]. Однако к этому времени любые предложения Эйхе, ввиду наметившегося решения руководства ДВР о его отставке, были уже легковесными, и значения не имели. На состоявшемся 21 апреля 1921 г. заседании Дальбюро ЦК РКП(б) он был отстранен от занимаемой должности.

Небезынтересно, что весь объем ответственности за несостоявшийся разгром белых в Приморье Дальбюро при этом парадоксальным образом возложило на персону самого Эйхе. «В ликвидации каппелевцев и Гродековской пробки, – указывалось в п. 11 мотивировочной части постановления Дальбюро о его отставке, – Главком … не способен был учесть обстановки, что привело к их закреплению в Приморье…»[1151]. Обозначенная позиция Дальбюро едва ли поддается объяснению, учитывая, что не кто иной, как военспец Эйхе был и оставался самым последовательным сторонником плана военного разгрома «гродековцев». Только увольнение, собственно, помешало ему воплотить данный план в жизнь.

Неудавшаяся Гродековская операция Эйхе повлекла далеко идущие негативные последствия в контексте борьбы ДВР за объединение востока России. Спустя всего месяц после его отставки, 26 мая 1921 г., в Приморье при деятельном участии «гродековцев» был осуществлен военный переворот, увенчавшийся свержением подконтрольного ДВР режима Приморской областной земской управы и переходом власти в регионе к антибольшевистскому Временному Приамурскому правительству[1152]. Как следствие, территория Приморской области по итогам переворота была отторгнута от ДВР и выступила в 1921-1922 гг. в роли нового плацдарма для агрессии против «буфера» коалиции белых и японцев, обер-

[1149] *Никифоров Петр Михайлович* (1882-1974). Член РСДРП с 1904 г. Член Дальневосточного бюро ЦК РКП(б) (3 марта 1920 г. – 1922 г.), по совместительству – Председатель Совета министров ДВР (май-июль 1920 г., апрель 1921 г. – октябрь 1922 г.). Лидер антиэйхевской оппозиции в ДВР.

[1150] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1170. Л. 9.

[1151] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1170. Л. 3.

[1152] О роли «гродековцев» см.: ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2а. Д. 24. Л. 209; Там же. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 77. Л. 148.

нувшись позднее возникновением проблемы Волочаевки и Спасска. Справедливым в этом смысле стоит признать мнение Эйхе, выразившего в мемуарах важную мысль о том, что жестокого штурма «Волочаевки могло и не быть», если бы осуществился план разгрома «гродековцев»[1153]. Именно в сокрушительном поражении ДВР в Приморье в мае 1921 г. и заключается исторический урок несостоявшейся Гродековской операции, последнего проекта Эйхе на службе в ДВР.

Смещение Эйхе с поста Главнокомандующего всеми вооруженными силами ДВР, пришедшееся на заседание Дальбюро 21 апреля 1921 г., было, необходимо признать, событием предсказуемым и, вероятно, неотвратимым для военачальника. Тучи над его головой начали сгущаться еще в январе-феврале 1921 г., когда Эйхе находился в отпуске по болезни. Воспользовавшись моментом, группа деятелей Дальбюро и ДВР предприняла в это время кампанию по лоббированию отставки Главкома. Данная группа отличалась сравнительной многочисленностью, что свидетельствует о наличии масштабной оппозиции деятельности Эйхе уже в начале 1921 г. На тот момент в число антагонистов Главкома по различным причинам вошли Председатель Совета министров ДВР Никифоров, члены Дальбюро ЦК РКП(б) Трилиссер (член Коллегии Государственной политической охраны ДВР) и С.Я. Гроссман (Министр торговли ДВР)[1154], активное крыло «вождей» сибирского и дальневосточного повстанческого движения – Политический эмиссар вооруженных сил ДВР Жигалин, Председатель Учредительного собрания ДВР Шилов и лидер коммунистической фракции Учредительного собрания ДВР Серышев. Со временем оппозиция Эйхе расширялась, и к дате его смещения ряды ее пополнили Военный министр Н.М. Матвеев[1155], член Дальбюро М.И. Губельман[1156], новый Политический эмиссар вооруженных сил ДВР А.И. Сноскарев[1157]. Наиболее крупная роль в данной «партии» и кампании по

[1153] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 215.

[1154] *Гроссман Семен Яковлевич* (? – не ранее 1936). Член Дальневосточного бюро ЦК РКП(б) с 17 ноября 1920 г., одновременно – Министр торговли ДВР (1920-1921 гг.). Критик деятельности Эйхе.

[1155] *Матвеев Николай Михайлович* (1876-1951). Член РСДРП(б) с 1917 г. Член Дальневосточного бюро ЦК РКП(б). Военный министр ДВР (декабрь 1920 г. – май 1921 г.). Заместитель Председателя, Председатель Правительства ДВР (сентябрь 1921 г. – октябрь 1922 г.). Критик деятельности Эйхе.

[1156] *Губельман Моисей Израилевич* (1884-1968). Член РСДРП с 1902 г. Член Дальневосточного бюро ЦК РКП(б) в 1921-1922 гг. Лидер антиэйхевской оппозиции в ДВР.

[1157] *Сноскарев Андрей Лукич* (1893 – не ранее 1925). Член РКП(б) с 1918 г. Военный комиссар 1-й Иркутской стрелковой дивизии (с марта 1920 г.). Член Коллегии и начальник организационной части Военно-политического управления НРА (4 декабря 1920 г. – 24 апреля 1921 г.), позднее – Политический эмиссар всех вооруженных сил ДВР (24 апреля – 3 июля 1921 г.). Критик деятельности Эйхе.

смещению Эйхе, как выяснилось, принадлежала Никифорову и Губельману.

Неприязнь поименованных лиц к Эйхе вырастала постепенно и покоилась на целой совокупности объективных и субъективных факторов, обращенных к деятельности Главкома в 1920-1921 гг. Проведенное исследование позволило заключить, что особое раздражение антиэйхевской «партии» вызывали следующие из них: курс Эйхе на консолидацию военной власти в ДВР в своих руках и Штабе Главкома; особенности проводимой им кадровой политики, ставка в которой была сделана на привлечение военспецов из когорты белого офицерства; ошибки и просчеты доверенных лиц и протеже Эйхе; недовольство бывших партизанских лидеров НРА проведением жесткой линии на реорганизацию отрядов на регулярных началах; конфликты Эйхе с партийно-политическим аппаратом армии; недовольство властных элит ДВР увеличением численности НРА (и ростом денежных расходов на ее питание и содержание) в результате реформ Эйхе; слухи о злоупотреблениях Главкома и т.д. Некоторые из перечисленных факторов, наряду с обвинениями Эйхе в неудачах в ходе Читинских операций и ликвидации «гродековцев», на что мы обращали внимание при рассмотрении этих мероприятий, нашли отражение в пространной (в 13-ти пунктах) мотивировочной части решения Дальбюро ЦК РКП(б) от 21 апреля 1921 г. об отставке Эйхе[1158]. В ходе последующего изложения мы предпримем попытку оценить данные факторы и их обоснованность в контексте увольнения военачальника из ДВР.

Прежде всего, обратимся к рассмотрению феномена тяги Эйхе к расширению личной военной власти, столь волновавшего элиты ДВР. Подобная склонность у него действительно имела место уже во время подготовки 2-й Читинской операции НРА, однако, полагать ее направленной на придание своей персоне экстраординарных полномочий в системе «буфера» (подобие военной диктатуры) у нас нет оснований. Данная модель поведения биографируемого во многом базировалась на соображениях целесообразности и практичности. В частности, формат Военного совета НРА (тройка Эйхе, Гончаров, Ширямов), который на первых порах существования ВЗВП – ДВР выступал коллегиальным органом управления армией, был чужд Главкому не ввиду личной прихоти, но как несовместимый с ведущим принципом вождения войск – единоначалием управленческой воли полководца. Еще с Первой мировой войны вынесший убеждение о

[1158] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1170. Л. 3.

важности единоначалия в управлении войсками, Эйхе вынужден был в данной ситуации отойти от него, поскольку после разработки им каждого оперативного решения последнее требовалось вносить, предваряя реализацию, на рассмотрение Военного совета, что порождало все новые обсуждения и прения. Сообразно с этим возникала ситуация нервирования военачальника (и без того находившего тогда под давлением политических императивов Москвы и Омска).

В осознании пагубности сложившегося положения Эйхе не был одинок. Аналогичного мнения придерживался член Военного совета НРА Гончаров, товарищ Главкома по 26-й стрелковой дивизии. В адресованной Смирнову телеграмме № 732 от 21 апреля 1920 г. он честно, не дорожа высоким постом, предлагал упразднить совет и «…объявить Эйхе единоличным» во «…избежание прений [на] почве обсуждения приказов Эйхе…»[1159]. Ему вторил член Дальбюро И.Л. Дзевалтовский, направивший в ЦК РКП(б) 23 апреля 1920 г. телеграммой № 139/у свое мнение: «Военный Совет, как таковой, в котором, как это выяснилось в заседании Дальбюро, [существуют] вредные для дела трения, разногласия и различное непонимание, расформировать»[1160]. Москва и Омск обращениям Верхнеудинска вняли и к 13 мая 1920 г., после поражения НРА во 2-й Читинской операции, санкционировали ликвидацию совета, наделив Эйхе исключительным в реалиях Гражданской войны мандатом доверия – правом единолично возглавить весь объем военно-управленческой работы в республике[1161].

Таким образом, подозрения «партии» Никифорова относительно стремления Главкома к непомерному усилению собственной власти в ДВР едва ли уместны. Начало процессу его наделения полномочиями единственного руководителя вооруженных сил ДВР положили старые большевики Гончаров и Дзевалтовский, официальное закрепление единоличного мандата Эйхе было реализовано Москвой и Омском. При этом каких-либо свидетельств о выдвижении самим Эйхе предложений упразднить коллегиальный формат управления армией, о чем уверенно заявляли некоторые исследователи[1162], нами обнаружено не было.

[1159] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 42. Л. 9.

[1160] ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 17. Л. 71.

[1161] *Шерешевский Б.М.* Разгром семеновщины (апрель-ноябрь 1920 г.). С. 126.

[1162] См., например: *Василевский В.И.* и др. Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье. Иркутск, 1967. С. 228; *Лукашук Н.И.* Народно-революционная армия Дальневосточной республики – один из боевых отрядов Красной Армии // Научные труды Новосибирского университета. Серия историческая. 1972. Вып. 5. С. 11.

Соображениями целесообразности диктовалось и выдвижение Эйхе позднее, в феврале-марте 1921 г., инициативы поглощения Штабом Главкома чрезвычайно раздутого, забюрократизированного Военного министерства ДВР. Разумеется, уже настроенные к этому времени против Эйхе деятели Дальбюро ЦК РКП(б) и ДВР истолковали данную реформу как попытку лишить их последней формально не подчиненной Главкому военной структуры «буферного» государства, хотя, по воспоминаниям самого биографируемого, министерство это изначально выступало лишь «…фактически отделением штаба Главкома и никаких претензий на участие в военных делах буфера … не предъявляло»[1163].

Реформу Эйхе горячо поддержал Председатель Сибревкома Смирнов. Основываясь на оценках Главкома, он телеграфировал 11 февраля 1921 г. (сообщение № 54/б) заместителю Председателя РВС РСФСР Э.М. Склянскому, ближайшему соратнику Троцкого: «Считаю … обязанностью поставить … вопрос о … ДВР, там существует штаб Главкома и военное министерство, которое охватывает … одну Забайкальскую область служащих в министерстве около 10 тысяч человек, обслуживающих одну губернию. <…> …В ДВР можно и нужно осуществить объединение министерства со Штабом Главкома, отчего освободится много сил и аппарат выиграет»[1164]. После обсуждения вопроса с Москвой Смирнов 22 марта 1921 г. официально позволил Эйхе ввести в действие план слияния названных структур[1165]. Довести реформу до завершения, несмотря на поддержку начинания центром и Омском, Главком все же не успел, однако, можно не сомневаться, что «посягательство» на Военное министерство ДВР способствовало усилению убежденности группы Никифорова – Губельмана в желании Эйхе захватить всю полноту военной власти в «буфере», что ускорило его отставку.

К сожалению, в своих опубликованных в 1963 г. воспоминаниях Никифоров счел за благо ограничить упоминание истории со смещением Главкома ДВР несколькими абзацами, сведя суть претензий к нему, многочисленных и обширных, в плоскость одной проводимой им кадровой политики. Бывший Председатель Совета министров ДВР сделал акцент на том, что Эйхе «…начал … заменять

[1163] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 150 об. Суждение Эйхе соответствует действительности. В телеграмме № 57/175/ш от 25 января 1921 г. Сибирское бюро ЦК РКП(б) указывало, что Военное министерство функционально должно являться органом, «…обслуживающим потребности армии…» ДВР, то есть скорее административно-хозяйственной структурой (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 13. Л. 96).
[1164] ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2а. Д. 24. Л. 32-32 об.
[1165] Цит. по: Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.): Сб. док. С. 219.

проверенный партийный командный состав послушными ему людьми»[1166].

В противовес обвинению, выдвигаемому против Эйхе Никифоровым, стоит подчеркнуть, что как такового «партийного командного состава» в вооруженных силах «буфера» практически не существовало. Уже на ранней фазе создания НРА прерогатива управления в ключевых звеньях полк – бригада – дивизия, не говоря о высших уровнях иерархии (Штаб Главкома и его органы), закрепилась за стратой беспартийных военспецов – «послушных людей» Эйхе, если следовать выражению Никифорова. В массе своей это были бывшие колчаковские офицеры, зачастую лично отобранные Главкомом в Иркутске по спискам ЧК и табелям фильтрационных лагерей. На март 1920 г. они замещали 66,8 % командных должностей НРА (635 из 950)[1167]. По мере дальнейшего строительства армии присутствие представителей белого офицерства только расширялось, поскольку Главком не без основания считал трудоустройство «бывших» ведущим инструментом усиления эффективности функционирования военного аппарата ДВР. Выдвижение бывших колчаковских и семеновских специалистов на должности в НРА представляло также значимый элемент агитационного характера. Как указывал в 1960-е гг. Эйхе, «это нужно было и для того, чтобы остающиеся еще в белой армии офицеры – сверстники и товарищи перешедших к нам убедились, что большевики совсем не … кровожадные звери…»[1168].

В целом вектор кадровой политики Главкома в 1920-1921 гг., о котором нелестно отзывался Никифоров, явился продолжением взятого им в бытность командующим 5-й армией курса на внедрение военспецов в систему военного управления и доверительное сотрудничество с бывшими представителями офицерского корпуса белых. Сложно сказать, был ли в данный период на пространстве Сибири и Дальнего Востока, в обстановке, с одной стороны, почти полного отсутствия подготовленных командных кадров, с другой – присутствия многотысячных, не обученных, не спаянных дисциплиной, падких на анархические

[1166] *Никифоров П.М.* Записки премьера ДВР. Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке (1917-1922 гг.). М., 1963. С. 265. Но и столь краткое, не до конца искреннее свидетельство Никифорова представляет большую ценность, поскольку во втором издании мемуаров, подготовленном им за считанные месяцы до своей кончины, «казус» Эйхе не был им удостоен упоминания совсем (*Никифоров П.М.* Записки премьера ДВР. Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке (1917-1922 гг.). Изд. 2-е, перераб. М., 1974. С. 174-175).

[1167] *Гончаров Г.С.* Народно-Революционная армия Дальневосточной республики (1920-1922 гг.). Автореферат дис. … канд. ист. наук. С. 11.

[1168] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 141.

лозунги, повстанческих масс, другой путь строительства армии ДВР. «Не брать военспеца, – вспоминал впоследствии знакомый Эйхе, военный комиссар 1-й бригады 1-й Иркутской дивизии И.П. Калманович, – значит не изжить партизанщину и кустарщину, не создать регулярной армии»[1169]. Еще прежде, чем очевидность данного факта стала признаваться в войсках (вплоть до комиссаров), необходимость ставки на привлечение военспецов была осознана самим Эйхе. Именно за избрание этого пути он критиковался ответственными работниками ВЗВП – ДВР с первых же недель его работы в ранге Главкома. «Военспецы, – отмечалось в резолюции I Дальневосточной краевой партийной конференции РКП(б) (ноябрь 1920 г.), – получили большое влияние в армии, благодаря чему совершенно парализуется не только контроль, но и влияние Партии. Высшие руководители *(речь шла об Эйхе. – Р.Б.)* … упорно не желают считаться не только с мнением отдельных ответственных работников, но даже с конференцией. <…> Конференция считает, что такое положение далее не может быть терпимо, так как Партия рискует потерять всякое влияние в армии…»[1170]. Сквозь призму искусственно раздуваемого партийно-политическими работниками НРА тезиса о пагубности курса Главкома на внедрение военспецов и сопутствовавшей ему атмосферы недоверия и враждебности к последним, свидетельством чего служит данный фрагмент, и необходимо оценивать высказывание Никифорова о «послушных людях» Эйхе (под ними он и подразумевал военспецов), якобы заменивших по его воле «проверенный партийный командный состав» НРА.

В результате сознательно проводимой Эйхе политики сотрудничества с военспецами даже на 1 декабря 1921 г., уже после его отставки, численность офицеров в командном корпусе армии ДВР составляла внушительные 1.755 человек (в том числе – 85 % бывших белых)[1171]. Собственно численность краскомов местного выпуска (именно они, очевидно, только и могут быть отнесены к страте «проверенного партийного командного состава»[1172]) на 1 декабря 1921 г. ограничивалась всего 186 лицами[1173]. При этом число членов РКП(б) среди них было минимальным. Исходя из этого математического соотношения представ-

[1169] *Калманович И.П.* Из воспоминаний военкома. С. 255.
[1170] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 9. Л. 16.
[1171] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 426. Л. 168 об.
[1172] Не считая еще менее многочисленной страты полноценных краскомов, откомандированных в распоряжение Главкома Эйхе из состава РККА (штабист Пеленкин, начдив Нейман и др.).
[1173] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 426. Л. 168 об.

ленности страт в корпусе командиров НРА, нельзя не признать обоснованность суждения Эйхе, подчеркивавшего в воспоминаниях, что «…колчаковских и семеновских офицеров, которые служили в НРА … заменить было некем»[1174].

Вместе с тем упрекнуть Главкома ДВР Эйхе в односторонности проводимой им кадровой политики, излишней лояльности к военспецам и неверии в потенциал рабоче-крестьянских кадров, за что его критиковали, в том числе функционеры группы Никифорова, все же нельзя. Во многом благодаря попечению военачальника в 1920 г. в Верхнеудинске, Чите, Благовещенске была образована сеть общеармейских учебных центров, призванных осуществлять подготовку командиров ДВР новой, большевистской формации и политработников. Главными из них стали Военно-политическая школа НРА, пехотная и артиллерийская инструкторские школы НРА. В двух последних уже накануне активной фазы 3-й Читинской операции состоялся первый выпуск. По этому случаю Эйхе подготовил приказ № 471 от 23 сентября 1920 г., содержание которого свидетельствует о наличии у Главкома весомых надежд на молодых краскомов. «Сегодня, – отмечал Эйхе в документе, – Народно-революционная армия торжествует еще одну славную победу. Сегодня ее первый выпуск молодых красных офицеров, крайне необходимых для нашей молодой, но уже закаленной в тяжелых боях армии. <…> Вы, окончившие курс красные офицеры, гордость и основа нашей … армии, своим бодрым духом, стойкостью, выдержкою, разумною революционною железной дисциплиной завершите окончательную победу над врагами народа»[1175]. В дальнейшем, подчеркнем это особо, Эйхе принял решение консолидировать усилия по подготовке кадров и развернуть с 1 октября 1920 г. создание единой Армейской военной школы, «придавая первостепенное значение школе как рассаднику для подготовки красных командиров…»[1176]. Каким бы высоким, однако, ни было качество подготовки в школах комсостава НРА, оно все же не могло идти в сравнение с опытом управления подразделениями во фронтовых условиях, который естественным образом наличествовал тогда, прежде всего, у военспецов. В этом смысле фразу Главкома Эйхе о «красных офицерах» как основе НРА следует назвать скорее оборотом торжественного обращения, нежели констатацией реального положения дел в вооруженных силах ДВР.

[1174] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 138.
[1175] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 737. Л. 382.
[1176] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 737. Л. 394 об.

Лояльное отношение к страте военных специалистов НРА совмещалось у Эйхе с исключительной требовательностью к ним, поскольку, как он полагал, уровень мастерства бывших офицеров должен был служить примером юным выпускникам местных инструкторских школ. Руководствуясь данными соображениями, Главком инициировал внедрение в систему боевой подготовки армии практики командирских занятий, которые Эйхе, о чем мы упоминали, деятельно практиковал в бытность свою командиром 1-го полка Облискомзапа, бригады и начальником 26-й стрелковой дивизии 5-й армии. В директиве военачальника № 439 от 8 сентября 1920 г. этот организационный момент стал одним из основных. «Для однообразного ведения занятий в дивизиях, – подчеркивал Эйхе, – как с младшим, так и со старшим комсоставом приказываю вести таковые под непосредственным руководством комполков и наблюдением комбригов. На занятия с комсоставом уделять не меньше 2 час[ов] в сутки. <…> По окончании тактических занятий и учений производить разбор с указанием на ошибки, которые были допущены тем или другим начальником или частью»[1177]. Отношение Эйхе к военспецам как к носителям капитала знаний и умений, перспективным наставникам молодежи не в последнюю очередь лежало в основе курса Главкома на масштабное внедрение представителей «бывших» в аппарат НРА.

Так или иначе, активная протекция, оказываемая страте военспецов, в том числе своим бывшим противникам, обернулась для Эйхе крайне неприятными последствиями. На момент отставки он расценивался в среде политических элит ДВР не иначе, как «ставленник военспецов». Бесспорно, авторитет его как члена РКП(б) в этой связи был существенно подорван. Не случайно даже демократически настроенный Председатель Правительства ДВР Краснощеков, покровитель и доброжелатель Главкома, резюмировал в телеграмме ЦК РКП(б) № 513 от 4 октября 1920 г., что «Эйхе совершенно подпал под влияние спецов…», хотя одновременно с этим признавал, что «наши колчаковцы безопасны…»[1178].

Сам Эйхе, судя по всему, на протяжении всей жизни сохранил убежденность в правильности проводимой им политики сотрудничества с «бывшими», несмотря на критику группы Никифорова – Губельмана и прямое влияние данной политики на его увольнение из ДВР. В период пребывания в заключении и

[1177] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 737. Л. 358.

[1178] Цит. по: Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией (февраль 1920 – ноябрь 1922 г.). Док. и мат. Ч. 1. С. 301.

ссылках в 1938-1954 гг. бывший Главком периодически сталкивался с теми военспецами, которые его усилиями были в 1920-1921 гг. извлечены из фильтрационных лагерей и ЧК, и которым он дал шанс вернуться к службе. «…За 17 лет, проведенных мною в тюрьмах и лагерях, – вспоминал Эйхе в 1960-е гг., – … мне не раз приходилось вдруг услышать от совершенно незнакомого мне человека: "А я вас тов[арищ] Эйхе помню. И сердечное Вам спасибо – Вы тогда спасли мне жизнь, помогли вернуться на правильный путь…"»[1179]. Без сомнения, подобные встречи были отрадны для Эйхе и должны были post factum усилить его уверенность в правильности избранных им в свое время кадровых ориентиров.

Масштабное внедрение военспецов в органы военного командования было наиболее неприемлемо для партизанских масс НРА, стремившихся следовать старому принципу «избрания» командиров. Недовольство практикой централизованного назначения руководства из Верхнеудинска и Читы, вполне ожидаемое на этапе переформирования повстанческих контингентов ДВР в регулярные вооруженные силы, со временем могло постепенно сойти на нет. Но глухое недовольство бывших партизан, особенно 2-й Амурской армии, было использовано представителями партизанского крыла антиэйхевской оппозиции (Жигалин, Шилов, Серышев), обвинившими Главкома в жесткой ломке партизанских устоев. «Замена партизанских командиров, – подчеркивал в воспоминаниях Жигалин, – часто вызывала сопротивление рядовых партизан. <…> Я видел допущенные командованием ошибки и обращал на них внимание Главкома Эйхе, говорил ему о нечутком подходе к партизанам со стороны … новых командиров из бывших офицеров. Но Главком обычно брал под свою защиту таких командиров и говорил мне, что партизанщину надо выкорчевывать твердой рукой… <…> После этого наши отношения с Эйхе окончательно испортились»[1180].

Итог противостояния лидеров повстанцев и Главкома оказался крайне болезненным для последнего. Одной только отставкой в данном случае конфликт исчерпан не был. Как откровенно указал сам Эйхе в автобиографии от 7 июня 1936 г., «проводившаяся мною жесткая линия при ликвидации на Дальнем Востоке партизанщины и реорганизации партизанских отрядов в регулярную красную армию создала массу недовольных в среде местных "вождей" партизан, в

[1179] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 138 об.
[1180] *Жигалин Я.П.* Партизанские отряды занимали города… С. 162-163.

результате происков которых местная контрольная комиссия исключила меня в апреле 1921 г. из Р.К.П./б/…»[1181]. Таким образом, лишь добившись устранения своего оппонента не только из ДВР, но также из партии[1182], Жигалин, Шилов и Серышев, вероятно, посчитали личные счеты с ним окончательно сведенными.

Далеко не последнюю роль в отставке Эйхе сыграло его непосредственное окружение, круг доверенных лиц и товарищей. Традиционно принимавший деятельное участие в деле служебного продвижения своих креатур, что становится заметным уже в период командования 26-й стрелковой дивизией и 5-й армией, военачальник сильно страдал от близости к ним, когда протеже допускали проступки или оказывались в центре конфликтных ситуаций. На службе в ДВР Эйхе довелось не единожды испытывать столь неприятные коллизии. «Эйхе окружает себя, – указывалось в п. 8 мотивировочной части постановления Дальбюро о его отставке, – или сомнительным или явно белогвардейским элементом, элементом дискредитирующим и партию и штаб Главкома и самого Главкома, работа этого элемента в армии разрушительна…»[1183]. Конкретные персоны «сомнительного» свойства из окружения Главкома приводились здесь же, причем все – с грубыми искажениями фамилий, что характеризует степень пренебрежения к ним Дальбюро. В их ряду были поименованы военспецы П.Я. Пеленкин и А.Х. Андерсон[1184], занимавшие в разное время должность начальника Штаба Главкома, «генштабист» Е.Д. Филаретов[1185], незадолго до ухода Эйхе назначенный им начальником оперативного управления Штаба Главкома, один из друзей Главкома Н.И. Бурсак[1186], командующий Троицкосавской группой войск.

Причины антипатии критиков Главкома к первым трем лицам (Пеленкин,

---

[1181] РГАЭ. Ф. 870. Оп. 266. Д. 130. Л. 29 об.

[1182] Утверждение предварительного решения армейской перерегистрационной комиссии об исключении Эйхе из числа членов РКП(б) «…без права вступления вновь…» было официально оформлено в его отсутствие постановлением Дальневосточной контрольной комиссии РКП(б) № 22 от 15 мая 1921 г. (РГАСПИ Ф. 372. Оп. 1. Д. 118. Л. 144-144 об., 150). Более детальное выяснение формулировок, сопутствовавших данному решению, еще предстоит сделать.

[1183] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1170. Л. 3.

[1184] *Андерсон Александр Христофорович* (1888-1938). Начальник Штаба Главкома вооруженных сил ДВР (22 февраля – 25 июня 1921 г.).

[1185] *Филаретов Евгений Дмитриевич* (1874-1938). Председатель Комиссии по разработке проектов законоположений при Штабе Главкома вооруженных сил ДВР (1 февраля – 13 апреля 1921 г.). Начальник оперативного управления Штаба Главкома (с 17 апреля 1921 г.).

[1186] *Бурсак Иван Николаевич* (1895 – не ранее 1969). Член РСДРП(б) с 1917 г. В армии ДВР: врид Инспектора кавалерии (21 марта – 2 июля 1920 г.), врид Инспектора кавалерии 2-й Амурской армии с 8 ноября 1920 г., командующий Троицкосавской группой войск с конца 1920 г. по 26 января 1921 г.

Андерсон, Филаретов) ныне сложно объяснить. Каждый из них представлял по своему психологическому складу тип скромного и осторожного «штабиста», не питавшего ни особой любви, ни какого-либо явной вражды к большевистской власти и администрации ДВР. Изначальное возражение встретило только назначение Филаретова, арестовывавшегося в 1919 г. органами ЧК Ярославля и почти год пребывавшего в заключении. Врид военного комиссара Штаба Главкома Арбузов в рапорте Дальбюро ЦК РКП(б) № 100 от 23 апреля 1920 г. выразил протест против этой кадровой инициативы Эйхе, «…так как Филаретов политически не благонадежен»[1187]. «…Если Филаретов, – продолжал Арбузов, – взятый под поручительство из контрреволюционного лагеря *(речь идет о Ярославском политизоляторе, где был заключен военспец. – Р.Б.)*, будет назначен, я … снимаю с себя ответственность за могущее быть разглашение военных секретов. <…> Поэтому … подписывать предписание я не буду»[1188]. Вопреки всему Эйхе своей волей все же закрепляет Филаретова на высоком штабном посту, вновь вызывая острое недовольство партийно-политического аппарата армии республики.

Как бы то ни было, значимых просчетов либо контрреволюционных настроений за группой приближенных к Эйхе «штабистов» (к ним относятся также бывшие колчаковцы генерал фон Нотбек и полковник Дьячков), по сути, не значилось. Таким образом, обвинения, выдвинутые Дальбюро в отношении Эйхе и перечисленных военспецов, будет правильно назвать необоснованными.

Действительно сомнительные, а также не способные обеспечить устойчивость войск специалисты из окружения Эйхе достаточно скоро удалялись им же из круга доверенных лиц или подвергались аресту Госполитохраной ДВР. Среди креатур военачальника, в разное время пользовавшихся кредитом его доверия, но уличенных в злоупотреблениях и/или неспособности к осуществлению своих полномочий, стоит отделить сегмент персон, подвергнутых служебному наказанию Главкома, от сегмента лиц, попавших в поле зрения силовых структур.

В числе первых нами были выявлены: старый товарищ Эйхе, начальник 2-й Иркутской дивизии Нейман, уволенный им из НРА в начале мая 1920 г. после разгрома дивизии во 2-й Читинской операции; бывший уполномоченный Главкома по переговорам с японцами Кузнецов, преданный Эйхе 16 октября 1920 г.

[1187] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 13. Л. 148.
[1188] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 13. Л. 148-148 об.

суду за преступление, допущенное в статусе командира 1-го Амурского запасного полка[1189]; партизанский «вождь» Бурлов, отстраненный от работы в НРА в апреле 1920 г. после бегства руководимых им войск в ходе 1-й Читинской операции. Особняком в данной группе стоит «генштабист» С.Н. Голубев, ранее служивший под началом Эйхе в 5-й армии РККА, и особо сблизившийся с военачальником, находясь с 23 мая по начало декабря 1920 г. в ранге состоящего при Главкоме для особых поручений. Как один из наиболее доверенных помощников Эйхе, Голубев долгое время пользовался его расположением, получил право визирования директив НРА за Пеленкина. Покровительство, оказанное 37-летнему специалисту, однако, обернулось для Главкома неутешительным итогом. Со временем Голубев стал проявлять непозволительную «разговорчивость» во враждебных Эйхе кругах. В результате Главком отправил его под конвоем в пределы РСФСР с характеристикой «…вредного интригана»[1190]. Из сказанного выше видно, что борьба с отрицательно проявлявшими себя личностями в своем окружении велась Эйхе интенсивно. Ошибок своим креатурам он не прощал.

Исключением является история с командующим Троицкосавской группой войск Бурсаком, который стал личным другом Эйхе в 1920-1921 гг. Именно особенности взаимоотношений, по-видимому, могут объяснить тот факт, что Главком длительное время закрывал глаза на откровенное вырождение в конце 1920 г. руководимых Бурсаком частей «народоармейцев» в районе Троицкосавска[1191], игнорируя протесты на сей счет. В этой связи необходимо признать справедливым содержание п. 6 мотивировочной части постановления Дальбюро об увольнении Эйхе. «Ряд бестактностей и преступлений, – отмечается здесь, – высших чинов армии *(речь идет о Бурсаке. – Р.Б.)* прикрытых и поощряемых Главкомом, вызвали разложение Троицкосавской бригады и вооружены против власти и коммунистов население Троицкосавского и Акшинского районов…»[1192].

Сложно судить на каком базисе произошло установление дружеских связей между благоразумным военспецом Эйхе и его подчиненным Бурсаком – человеком крайне неустойчивого поведения, что подтвердится позднее его арестами в 1923 г., 1926 г., 1941 г. по делам о хозяйственных преступлениях. Тем не

[1189] ГАХК. Ф. Р-1317. Оп. 3. Д. 2. Л. 16.
[1190] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 60. Л. 33.
[1191] Ныне – г. Кяхта, Кяхтинский р-н Республики Бурятия.
[1192] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1170. Л. 3.

менее лишь появление зафиксированных Военно-политическим управлением НРА ДВР в декабре 1920 г. слухов о том, что и сам Главком пользуется выгодой от сомнительности Бурсака («…из Троицкосавска получены Главкомом подарки и т.п.»[1193]), наконец, подтолкнуло Эйхе к давно уже назревавшему решению. 26 января 1921 г. дискредитировавшая себя Троицкосавская группа Бурсака была расформирована, а сам он вызывался к Главкому с докладом о сложившейся в войсках ситуации. Шаг этот, заметим, был запоздалым. На тот момент информация об имевшем место со стороны Эйхе покрывательстве персоны Бурсака уже успела ощутимо подорвать позиции военачальника применительно к процессу его взаимодействия с политическими элитами ДВР и партийными кругами.

Репутация Главкома ДВР серьезным образом страдала также от близости к представителям сегмента тех его креатур, которые попадали в поле зрения и в оперативную разработку Госполитохраны ДВР. Так, менее трех недель проработал в качестве начальника снабжения вооруженных сил Временной Земской власти Прибайкалья бывший колчаковский полковник И.И. Сторожев[1194], арестованный органами не позже 27 марта 1920 г.[1195] Потеря опытного, но еще молодого и работоспособного «генштабиста», специально извлеченного Эйхе из Иркутска с намерением назначить в перспективе «…чуть ли не заместителем на[чальника] штаба»[1196], больно отразилась на кадровых планах Главкома. Другим близким сотрудником Эйхе, подвергнутым в 1920 г. аресту Госполитохраной ДВР, стал его бывший Уполномоченный по военно-административному управлению городами С.Л. Марголин[1197]. Состоя в ранге Председателя Комиссии по борьбе с дезертирством при Штабе Главкома, Марголин был уличен в преступлении (взяточничество), «…предан партийному суду и удален из партии с отчислением от должности»[1198]. Подобные скандальные эпизоды и эксцессы

[1193] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 443. Л. 3.

[1194] *Сторожев Илья Иванович* (1882 – не ранее 1920). В распоряжении Эйхе с марта 1920 г. Начальник снабжения всех вооруженных сил ВЗВП (5-27 марта 1920 г.).

[1195] ГАХК. Ф. Р-1317. Оп. 2. Д. 4. Л. 3 об.

[1196] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 142.

[1197] *Марголин Семен Леонидович* (? – не ранее 1921). Член РКП(б). Уполномоченный Главкома вооруженных сил ВЗВП– ДВР по военно-административному управлению городами (назначен не позже 25 марта 1920 г.). Председатель Комиссии по борьбе с дезертирством при Штабе Главкома (на середину 1920 г.). Уполномоченный Главкома по руководству пограничными районами в ноябре-декабре 1920 г. Совершил попытку самоубийства, после чего 18 декабря 1920 г. освобожден от должности.

[1198] ГА РФ. Ф. Р-9427. Оп. 1. Д. 283. Л. 2.

бросали очевидную тень на реноме Эйхе и, вне всякого сомнения, выступили одним из основных факторов его отставки.

В контексте проблематики смещения Эйхе с должности Главкома вооруженных сил ДВР наиболее сложным является вопрос об имевших место в 1920-1921 гг. личных злоупотреблениях специалиста. Слухи и пересуды по этому поводу, стоит признать, были распространены в среде властных элит республики, особенно в кругах антиэйхевской «партии» Никифорова – Губельмана. Есть ли основания считать данные оценки небеспочвенными? Документация ряда органов и учреждений ДВР сохранила свидетельства, что Главком в последние месяцы службы стал демонстрировать все большее расположение к потребительскому, «роскошному» образу жизни. Аскетичность и суровость нравов, составлявшие неотъемлемые характеристики Эйхе еще в декабре 1919 г., когда он, несмотря на морозы, отвергал мысль о присвоении теплого, но трофейного тулупа, судя по всему, отошли в прошлое. «…Из Благовещенска в адрес Главкома, – сообщалось, например, в отчете Военно-политического управления НРА за декабрь 1920 г., – получены два вагона разных прелестей, разгрузка которых происходила ночью, ночью же была устроена "проба" полученных вин…»[1199]. В этой связи управлением, которое, к слову, возглавлял на тот момент небезызвестный антагонист Главкома Жигалин, ставился вопрос «…об этике партийных товарищей ... среди которых все больше и больше развиваются отрицательного свойства тенденции, обнаруживающие … мелкобуржуазную психологию…»[1200].

Неприглядное пристрастие к дефицитным предметам и редким в условиях всеобщего обнищания продуктам питания Эйхе, как показало исследование, проявил и в ходе служебной поездки в Амурскую область в марте-апреле 1921 г., в рамках подготовки операции по разгрому «гродековской пробки». Только в период с 24 марта по 4 апреля 1921 г. действующие от имени Эйхе Шпаковский, личный секретарь Главкома, и П.П. Бурин, состоящий для особых поручений при Главкоме, направили не менее 20 заявок различным ответственным работникам – от руководителя Северных путей до начальника снабжения 2-й Амурской армии. В них содержались просьбы о выделении Эйхе следующих товаров: замшевой кожи для обивки его личного автомобиля «Packard», сапожного мате-

[1199] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 443. Л. 3.
[1200] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 443. Л. 3.

риала «…для постройки сапог Главкому…», 30 ведер спирта для электростанции литерного поезда Эйхе, а также продуктов питания, среди которых – «водочные и винные изделия», шоколад, мед (не менее 7,1 пуда), кофе, какао, сахар (не менее 2,1 пуда), икра, мясные и рыбные консервы и т.д.[1201] Позднее выяснилось также, что «…при проезде бывшего Главкома Эйхе [в] Хабаровск [по] его распоряжению было взято [со] склада северных путей [в] поселке Ларинском…»[1202] без предъявления расписок большое количество пушнины – шкурок белки (3.560 шт.), шкур лисы, росомахи, волка, хорьков, «диких кошек», бобра, а также масса продуктов питания, в том числе монпансье, шоколад, сахар и др. Узнав об этом, член Дальбюро Губельман направил 22 июня 1921 г. секретарю ЦК РКП(б) В.М. Молотову запрос № 696/с с просьбой «…сообщить … на какие надобности требовалось лично Эйхе такое количество предметов … на каком основании взята была Эйхе пушнина, распоряжаться коей он не имел права…»[1203]. Намек одного из главных инициаторов увольнения Главкома НРА на его «нечистоплотность» виден в этом сообщении невооруженным глазом.

Вместе с тем считать действия Эйхе противоправными у нас, в сущности, нет оснований. В приведенных выше эпизодах речь, строго говоря, идет либо о получении им дефицитных (по меркам этого времени) предметов[1204] по официально фиксировавшимся заявкам либо, по всей видимости, о негласных «подарках» Главкому местных работников. Весьма вероятно, что пушнина, как и «два вагона разных прелестей» из Благовещенска, относилась именно к разряду «подарков», выдача которых не могла фиксироваться. Изначально стоит снять с Эйхе подозрения в намерении «нажиться» за счет перепродажи пушнины, поскольку, с одной стороны, упомянутые объемы не могли представлять интереса для насыщенного черного рынка Забайкалья, с другой стороны, внушительный уровень оклада военачальника в период службы в ДВР, совершенно очевидно, лишал его нужды и смысла ввязываться в сомнительные операции. О степени вероятного заработка военспеца можно судить по тому факту, что его постоянный преемник в ранге Главкома В.К. Блюхер получал с июля 1921 г. 120 золотых

[1201] Подсчитано по: РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1170. Л. 6-8.

[1202] Ныне – с. Невер, Сковородинский р-н Амурской области.

[1203] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 118. Л. 174 об.

[1204] Понятие дефицитных товаров в то время было весьма условным. Так, в середине ноября 1920 г. к их разряду в Забайкалье по факту была отнесена даже бумага (РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 339. Л. 12).

рублей в месяц[1205], хотя почти в это же время средняя заработная плата по экономике в ДВР составляла 8 золотых рублей в месяц[1206]. Некоторые из перечисленных ранее предметов Эйхе, несмотря на запутанность таможенных процедур[1207], предположительно, отправлял частным порядком в Москву, родным и близким, за которых он в годы Гражданской войны серьезно переживал, стремясь из самых лучших побуждений поддержать, в том числе материально.

Рассмотренные нами обстоятельства, однако, все же не позволяют сделать вывод в пользу Эйхе. Выявленные факты, так или иначе, свидетельствуют, что нахождение на номенклатурной должности в аппарате ДВР изменило не в лучшую сторону личность фронтового, закаленного многими сражениями полководца. Отказавшись от следования принципам воздержанности и скромности, он перешел к пагубной для столь высокопоставленного красного командира и большевика потребительской модели поведения. В этом отношении недовольство коллектива Дальбюро ЦК РКП(б) и оппозиции Эйхе наметившейся деформацией его личностных черт необходимо признать совершенно правильным.

В рамках рассмотрения проблемы увольнения Эйхе из армии ДВР некоторое внимание необходимо уделить критике обвинений «партии» Никифорова, Губельмана и др. в якобы имевшем место со стороны Главкома пренебрежении партийно-политическим аппаратом НРА. В массиве источников, относящихся к периоду служебной деятельности военспеца в ДВР (1920-1921 гг.), нам не удалось выявить документов, подтверждающих истинность подобных обвинений. Тем более, нет свидетельств, позволяющих уверенно говорить о ведении военачальником-большевиком, убежденным сторонником РКП(б) еще с 1917 г., какой-либо целенаправленной травли института военкомов как проводника большевистской идеологии в армии ДВР, что иногда подразумевается отдельными авторами. Нельзя не признать ошибочным, например, суждение историка Г.Г. Левкина, отмечавшего, что Эйхе как будто «…боролся против засилья в армии комиссаров»[1208]. По этому поводу бывший Главком в своих воспоминаниях высказался в диаметрально противоположном ключе, отдавая должное деятельности

[1205] *Левкин Г.Г.* Командиры и политработники Народно-Революционной армии Дальневосточной республики. Краткий справочник. Хабаровск, 2002. С. 10.
[1206] *Никифоров П.М.* Записки премьера ДВР. Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке (1917-1922 гг.). Изд. 2-е, перераб. С. 177.
[1207] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 86. Л. 107.
[1208] *Левкин Г.Г.* Волочаевка без легенд. С. 191.

политработников НРА. «Пестрый в классовом … отношении состав, – писал Эйхе, – требовал уделени[я] максимум сил и внимания парт[ийно]-полит[ической] работе. <…> Такая … работа предопределялась самой жизнью – необходимостью создать из вчерашних колчаковских солдат-крестьян, из вчерашних … партизан и мобилизованных сознательных бойцов»[1209]. Из общего же контекста «дальневосточных» глав записок военачальника можно извлечь вывод, что он скорее приветствовал широкое внедрение комиссаров в вооруженные силы ДВР. Не случайно еще 29 сентября 1920 г. Эйхе своим приказом № 84 (по политической части) вводит обязательную должность политического руководителя «для повседневного и планомерного ведения занятий с народоармейцами по политическим вопросам в каждой роте, батарее, эскадроне и в каждой отдельной команде, а также в каждом военно-лечебном заведении и в санпоездах…»[1210].

Правильно будет в данном случае отделять личную неприязнь Эйхе к ряду высших политработников НРА (Жигалин, Сноскарев, В.Г. Бисярин[1211], Л.Я. Колос и др.) от провозглашенной последними и не имевшей места в действительности «борьбы» Главкома с «комиссарским составом» армии. В этом смысле едва ли может считаться совпадением тот факт, что в период, когда политический сегмент работы в армии возглавлялся доброжелательно расположенными к Эйхе лицами – его старым товарищем по 26-й стрелковой дивизии Гончаровым, членом Военного совета ДВР, позднее – помощником Главкома по политической части с 23 мая по 4 июля 1920 г., либо А.Я. Семашко[1212], Политическим эмиссаром вооруженных сил ДВР с 17 февраля по 24 апреля 1921 г. – жалоб на Эйхе, претензий к нему и обвинений в отношении него не наблюдалось.

Совершенно по-иному обстояло дело, когда бразды правления переходили в руки антагонистов и критиков Главкома. В частности, Политический эмиссар вооруженных сил ДВР Жигалин, в противодействие с которым на «партизанской» почве Эйхе вступил не позднее декабря 1920 г., сетовал в третьем лице, что «…Главком игнорирует представителя политической власти – эмиссара…

[1209] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 137 об.

[1210] Бюллетень приказов и распоряжений (Приложение к газете «Боец») (Верхнеудинск). 1920. № 116. 3 октября.

[1211] *Бисярин Василий Григорьевич* (1893-1949). Член РСДРП с 1914 г. Помощник Главкома вооруженных сил ДВР по политической части (4 июля – 30 сентября 1920 г.). Критик деятельности Эйхе.

[1212] *Семашко Адам Яковлевич* (1889-1937). Член РСДРП с 1907 г. Политический эмиссар всех вооруженных сил ДВР (февраль – 24 апреля 1921 г.). Протеже Наркома по военным делам Троцкого.

Главком держал, медлил и не подписывал *(очевидно, речь идет о Положении о Военно-политическом управлении ДВР*[1213]*. – Р.Б.)*, пока не были сделаны кое-какие уступки со стороны эмиссара…»[1214]. Слово в слово мысль об игнорировании «…главкомом представителя политической власти – эмиссара…» повторяет в своем докладе от 1 марта 1922 г. другой недоброжелатель Эйхе – Сноскарев, преемник Семашко на посту Политического эмиссара вооруженных сил ДВР с 24 апреля по 3 июля 1921 г.[1215] Основываясь на этом, Жигалин, Сноскарев и другие политработники НРА из антиэйхевской «партии» экстраполировали (возможно, намеренно) эту сугубо личную неприязнь Эйхе к ним, конкретным персонам, в целом на партийно-политический аппарат армии. Следствием этого, собственно, и явилось рождение группой Никифорова тезиса о «травле» военспецом комиссаров. Стоит ли говорить, однако, что данная конфликтная ситуация была отражением скорее непростых личных взаимоотношений Эйхе и Жигалина, Сноскарева и др., чем свидетельством неприязни Главкома к военно-политической работе в НРА и институту военных комиссаров как таковому.

Резюмируя, однако, стоит признать, что репутация Эйхе как члена РКП(б) в результате его конфликтов с руководителями партийно-политической работы в армии была сильно подпорчена. Усугубили эту данность демарши, предпринятые 30 сентября 1920 г. и 24 февраля 1921 г. соответственно Бисяриным[1216] и Жигалиным, которые сложили с себя полномочия, протестуя против вектора деятельности Главкома Эйхе. В рапорте Жигалина на имя Дальбюро ЦК РКП(б) № 200/с, помимо прочего, говорилось: «…В связи с приездом Главкома Эйхе и той политикой, которую он проводит в Армии … условия для … работы создались абсолютно невозможные. …Не могу брать на себя ответственность за сознательный или бессознательный развал Армии»[1217]. Окончательно доверие военно-политических кругов ДВР к Эйхе было утрачено после выдвинутых им в январе 1921 г. обвинений в «саботаже и провокации» в отношении одного из крупных политработников Колоса[1218], которые так и не нашли подтверждения. Именно трения и конфликты Эйхе с высшим политическим составом НРА, по

[1213] См.: ГАХК. Ф. Р-1317. Оп. 2. Д. 5. Л. 1-1 об.
[1214] ГАХК. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 427. Л. 15.
[1215] РГВА. Ф. 221. Оп. 1. Д. 230. Л. 31.
[1216] ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 42. Л. 21.
[1217] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 60. Л. 208.
[1218] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 60. Л. 53.

мнению авторов одной из профильных монографий, выступили основной причиной отстранения военачальника от командования армией ДВР[1219].

Таким образом, подвергнув детальному исследованию ключевые факторы, лежавшие в основе решения Дальбюро ЦК РКП(б) от 21 апреля 1921 г. о смещении военспеца Эйхе с должности Главнокомандующего всеми вооруженными силами ДВР, мы приходим к следующим выводам. На протяжении 1920 г. – первой половины 1921 г. ориентиры организационной и оперативной составляющих военно-управленческой работы военного руководителя ДВР, его личностный и моральный облик, индивидуальное поведение и ближнее окружение вызывали все нарастающее разочарование большевистских административных и партийных элит Восточной Сибири и Дальнего Востока (исключая коллектив Сибревкома как высшего органа власти РСФСР в Сибири, в котором тон задавал Смирнов, покровитель и хороший товарищ Эйхе). Предпосылки возникновения соответствующих настроений, на наш взгляд, строились с одной стороны, на непонимании элитами всей сложности и многогранности процесса строительства и боевого применения вооруженных сил республики (в этом, к слову, Эйхе серьезно преуспел), с другой – на особенностях личности самого Главкома, который не уклонялся от конфликтных взаимодействий с функционерами ДВР и НРА, но при этом вел себя на бытовом уровне неосмотрительно (потребительский образ жизни, неразборчивость в общении и т.д.). Все это в сочетании с фактом присутствия в ближайшем окружении Главкома в разное время крайне сомнительных, скандальных персон, со временем сделало личность Эйхе далекой от образа надежного, испытанного, дисциплинированного красного полководца, каким он был в глазах большевиков востока России на заре создания ДВР.

Наличие объективных и нередко обоснованных претензий к поведению и решениям военачальника в этом смысле неизбежно должно были рано или поздно превысить предел терпения коллектива Дальбюро ЦК РКП(б), деятелей аппарата ДВР и партийно-политических кругов НРА, изначально лояльно настроенных к Эйхе. Начатая в январе-феврале 1921 г. кампания антиэйхевской «партии» Никифорова – Губельмана по лоббированию отставки Главкома ДВР, безусловно, ускорила этот деструктивный для служебной карьеры Эйхе процесс.

Как указывалось нами ранее, кампания совпала по времени с тяжелой бо-

[1219] История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. С. 429.

лезнью Эйхе, по причине которой он вынужден был временно, на период с 27 января по 21 февраля 1921 г., сдать дела в должности Главкома своему протеже Павлову, бывшему в то время Инспектором пехоты НРА, и уехать на лечение в Омск. Используя выгоды текущего момента, антагонисты военспеца в Дальбюро ЦК РКП(б) на заседании 11 февраля 1921 г. провели принятие следующей радикальной инициативы: «Поручить тов[арищу] Краснощекову от имени Д.В.Р. переговорить с Омском *(Сибревкомом. – Р.Б.)* о невозможности возвращения тов[арища] Эйхе на пост Главкома ДВР»[1220]. Стоит обратить внимание, что Председатель Правительства ДВР Краснощеков, хотя и пользовался реноме «близкого друга и покровителя Эйхе»[1221], поддерживая с ним весьма доверительные отношения, защищать свою креатуру в упомянутом случае все же не решился и выполнил поручение Дальбюро незамедлительно. Естественным образом другой, более авторитетный у сибирских большевиков и последовательный доброжелатель Эйхе, Председатель Сибревкома Смирнов, спонтанную кадровую импровизацию Дальбюро ЦК РКП(б) воспринял с исключительным раздражением. В адресованной Краснощекову ответной телеграмме из Омска № 56/б от 14 февраля 1921 г. Смирнов подчеркивал, что «…Эйхе как испытанный командарм и преданный коммунист заслуживает полного доверия… Заменить кем-либо Эйхе невозможно. Мнение Ваше об Эйхе а также и свое мнение о создавшемся у Вас положении передаю сейчас в Цека для того чтобы он своим авторитетным решением положил конец невозможным отношениям…»[1222].

Пережив первичное столкновение с противодействием Смирнова, властно контролировавшего работу Дальбюро ЦК РКП(б), оппозиция Эйхе, судя по всему, решилась на проведение акта отстранения Главкома в одностороннем порядке. После оглашения Эйхе доклада о состоянии армии ДВР на заседании Дальбюро 18 апреля 1921 г. группа Никифорова – Губельмана уже на следующем заседании, состоявшемся 21 апреля, выдвинула еще более радикальное (по сравнению с февралем 1921 г.) предложение: «…Немедленно отстранить тов[арища] Эйхе от Глав[но]командования Нар[одно]-Рев[олюционной] Армией» и «просить Ц.К.Р.К.П. в срочном порядке санкционировать это постановление»[1223]. Не

[1220] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 61. Л. 2.
[1221] *Жигалин Я.П.* Партизанские отряды занимали города… С. 163.
[1222] ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 77. Л. 29.
[1223] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1170. Л. 2.

позднее 28 апреля 1921 г. соответствующее решение, исходя из сообщения Смирнова на имя заместителя Председателя РВС РСФСР Склянского № 223/б, было подтверждено руководящими элитами Советской России, вероятно, уставшими от жалоб дальневосточников. «В моем присутствии [в] Москве, – подчеркивал Смирнов в телеграмме, – Политбюро ставился вопрос о Д.В.Р., было решено Эйхе сместить, заменить его Блюхером. <…> Однако Эйхе надо дать почетный выход»[1224]. Как видно из приведенного фрагмента, старому большевику Смирнову, вынужденному смириться с указаниям Политбюро ЦК РКП(б), очевидно, удалось в то же время добиться определенного смягчения условий отставки для своего протеже Эйхе, добиться придания ей достойного, почетного свойства, полностью соответствовавшего его личным заслугам в 1920-1921 гг.

Тем не менее антиэйхевское большинство Дальбюро ЦК РКП(б), получив по неофициальным каналам связи сведения о подтверждении Москвой выдвинутой им инициативы касательно Главкома, уже не намеревалось соблюдать нормы приличия и организационный регламент о назначении/увольнении персоны высшего военного руководителя ДВР. В результате Эйхе в субботу, 30 апреля 1921 г., совершенно неожиданно получает предписание Дальбюро о немедленной сдаче должности Главкома Военному министру Бурову на основании постановления руководящего центра ДВР от 21 апреля 1921 г. Почти одновременно с этим военачальник был вызван на экстренное заседание Правительства ДВР, на котором ему повторно предъявлялось требование о передаче дел Бурову. В ответ Эйхе совершенно обоснованно обратил внимание своих антагонистов на то, что «…должность сдать не имею права до получения приказания Омска или Москвы для чего вызываю к проводу тов[арища] Шорина»[1225].

Дальнейший ход событий мы имеем возможность реконструировать на основании содержания телеграммы Эйхе № 86/глав от 5 мая 1921 г., отправленной им «окольными» путями, через узел связи Министерства иностранных дел ДВР Председателю РВС РСФСР Троцкому. Из сообщения видно, что после сделанного Главкомом заявления Правительство вынесло совершенно неправомерное постановление об отстранении военного специалиста от должности путем принуждения, помещении его под домашний арест и недопуске к прямому проводу

[1224] ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2а. Д. 24. Л. 161.
[1225] ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 77. Л. 73.

с Омском и Москвой. «При этом, – подчеркивал Эйхе в телеграмме Троцкому, – член правительства Шилов заявил, что даже [в] случае приказания Москвы они таковому не подчиняются и к должности меня не допустят. <…> Партизанско-интриганское течение, о котором я неоднократно докладывал Смирнову, Шорину особенно ярко проявилось в этом случае. Четырнадцатимесячная работа по реорганизации партизанских отрядов … встречала самое резкое сопротивление и недовольство в верхах партизанского командования, которые теперь решились на настоящий переворот в армии»[1226]. Выступить в защиту опального полководца в Правительстве ДВР тогда было некому, поскольку его единственный влиятельный покровитель в аппарате республики, Председатель Правительства Краснощеков, находился на излечении в связи с обострением легочной болезни[1227].

В рассматриваемом эпизоде превышение полномочий со стороны Дальбюро ЦК РКП(б), которое имело право только на привлечение персоны Главкома ДВР к ответственности (наложение порицания, взыскания) но отнюдь не на его отстранение, увольнение, направление под арест, и Правительства «буфера», по определению не уполномоченного Москвой и Омском вмешиваться в деятельность Эйхе, очевидно. Следовательно, у нас есть все основания признать правоту историка И.Е. Молокова, писавшего в одной из работ о «…незаконных, самочинных действиях правительства ДВР по отстранению Г.Х. Эйхе…»[1228].

О фактическом смещении и аресте военачальника Никифоров и Губельман совершенно откровенно сообщили в тот же день, 30 апреля 1921 г., Председателю Сибревкома Смирнову. «Благодаря бездейственности Эйхе, – отмечали они в послании, – армия разлагается моральный авторитет благодаря невоздержанному поведению его окончательно упал. Допущенные внедрения во Штабах семеновцев и каппелевцев парализует доверие военных масс [к] командованию Штаба требование очистки армии от опасных элементов встречает грубое препятствие. В силу указанного … Дальбюро постановило Эйхе сместить и временно передать командование Воен[ному] мин[истр]у Бурову…»[1229].

[1226] ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 77. Л. 73 об.

[1227] *Мухачев Б.И.* Председатель Правительства ДВР А.М. Краснощеков как политический и государственный деятель // Из истории Дальневосточной республики: Сб. науч. трудов / Ред. кол.: *Э.В. Ермакова* и др. Владивосток, 1992. С. 81.

[1228] *Молоков И.Е.* Военно-экономическая помощь Сибири Дальневосточной республике // Научные труды Омской высшей школы милиции. 1971. Вып. 8. С. 99.

[1229] ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 5. Д. 717. Л. 21-21 об.

Соответствующая телеграмма Никифорова и Губельмана № 2687 вызвала законное негодование Смирнова. 30 апреля 1921 г. он вынужден был вывести развернувшийся вокруг Главкома конфликт на уровень центральных политических кругов. «Напоминаю, – сообщал Председатель Сибревкома в личной записке Ленину и Троцкому № 228/б, – что в военном отношении армия ДВР подчинена Помглавкому Шорину и смещение Эйхе помимо Шорина без предварительных переговоров с ним является такой партизанщиной о которой мы уже забыли. <…> Эйхе коммунист имеет большие заслуги [в] Красной Армии коммунисты в Чите сейчас разделились и Дальбюро подвергло Эйхе … аресту словом втянули армию в скверную борьбу и склоку о которой я докладывал Оргбюро и Политбюро. <…> Прошу срочно обсудить этот вопрос… Повторяю положение созданное Никифоровым и Губельманом считаю чрезвычайно тяжелым»[1230].

Известие о возникновении острого противостояния между Читой и Омском ускорило официальное оформление Москвой уже намеченного к 28 апреля 1921 г. решения о замене Эйхе «героем Перекопа» Блюхером. 2 мая 1921 г. ЦК РКП(б) своим постановлением № 2024 обязало Эйхе «…сдать все дела Главнокомандования…» своему другу и протеже по 5-й армии и НРА А.Я. Лапину, начальнику Управления войск обороны и охраны железных дорог ДВР. В соответствии с этим же постановлением ЦК РКП(б) предлагал Эйхе «…немедленно выехать в Москву в распоряжение Реввоенсовета Республики»[1231]. Именно 2 мая 1921 г. явилось последним днем пребывания Эйхе в ранге Главнокомандующего всеми вооруженными силами Дальневосточной республики[1232].

Дальневосточный период своей служебной деятельности, несмотря на драматичный финальный инцидент с увольнением, военачальник Эйхе считал наиболее значительной, выдающейся вехой личного участия в Гражданской войне, наряду с периодом руководства 5-й армией РККА. В позднейшей из выявленных нами автобиографий полководца, датированной 23 июня 1964 г., он не без гордости подчеркивал, что в бытность его Главкомом ДВР «…была создана Народно-революционная армия названной республики, уничтожена армия наследника Колчака – атамана Семенова в Забайкалье, японские интервенты оттеснены в Южное Приморье и все области Советского Дальнего Востока объединены в од-

[1230] ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2а. Д. 24. Л. 167-167 об.; ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 5. Д. 717. Л. 21 об.-23.
[1231] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 14. Л. 35.
[1232] РГВА. Ф. 37976. П/с № 340-422. Л. 3.

ну республику в центром в г. Чите»[1233]. Отмеченная крупными, масштабными успехами и достижениями, соответствующая работа военачальника так и не нашла ни признания, ни благодарности политического и военного руководства Советской России, не говоря уже об элитах самой Дальневосточной республики.

Изначальная недооценка значения проведенной Эйхе в 1920-1921 гг. 15-месячной масштабной работы по руководству организационным строительством и оперативным применением вооруженных сил Дальневосточной республики заложила основания для постепенного предания забвению имени военачальника в контексте событий Гражданской войны на Дальнем Востоке. Весьма вероятно, что память о личной роли Эйхе в военном строительстве ДВР могла с течением времени стать более устойчивой, если бы он не пал в конце 1930-х гг. жертвой эпохи «большого террора». Как показало исследование, уже в 1936-1937 гг. Центральный архив Октябрьской революции в Москве в сотрудничестве с Дальневосточной комиссией по истории Октябрьской революции и РКП(б) планировал издание капитального сборника материалов в 25-30 печатных листов, затрагивающего важнейшие эпизоды Гражданской войны в регионе. При их рассмотрении, отметим, акцент намеревалось сделать на освещении личной «героической деятельности тт. Блюхера … Эйхе и других»[1234]. Однако репрессии в отношении названных лиц и иных ключевых участников событий 1920-1921 гг. сделали издание упомянутого сборника невозможным. Так потерпела досадную неудачу, по-видимому, первая попытка придать деяниям руководителя армии ДВР Эйхе качество достояния отечественной научной общественности.

***

Деятельность в качестве руководителя регулярных сухопутных оперативных объединений РККА в Сибири и на российском Дальнем Востоке (ноябрь 1919 г. – май 1921 г) является заключительной, наиболее выдающейся и масштабной вехой развития военно-управленческой карьеры Эйхе, благодаря которой имя биографируемого стало неотъемлемым достоянием истории Гражданской войны. С точки зрения неустанной борьбы Эйхе за рост собственного со-

[1233] НГКМ. Ед. хр. № НВ-14924/124. Л. 1-2.

[1234] Цит. по: *Сливко С.В.* Деятельность Дальистпарта по изучению интервенции и Гражданской войны на Дальнем Востоке в 1930-е гг. // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.): Сб. науч. ст. Вып. 6 / Ред. кол.: *Н.И. Рубан* и др. Хабаровск, 2013. С. 230-231.

циального статуса, указанный период зафиксировал, если следовать концепции французского социолога П. Бурдье, обретение военачальником легитимизированной символической власти – власти «конструировать реальность», «…утверждать или изменять видение мира и, тем самым, воздействие на мир…»[1235], что отразилось в объективном стратегическом влиянии мероприятий Эйхе на ход Гражданской войны в заявленных нами территориальных и временных границах. Направляемые волей полководца войска 5-й армии РККА в рамках зимней кампании 1919/1920 гг. реализовали историческую по своему общему значению миссию: окончательно ликвидировали антибольшевистский режим Российского правительства во главе с адмиралом Колчаком, территориально распространили власть РСФСР до рубежа р. Енисей, разгромили и пленили основную массу колчаковских вооруженных сил. В основу соответствующих результатов легли осуществленные «пятоармейцами» Новониколаевская и Красноярская наступательные операции, которые в то же время выступили важнейшими компонентами военно-практического наследия «красного латыша» Эйхе. Позднее, в течение 1920 г., следуя решениям и мероприятиям Эйхе, войска вновь созданного на пространстве Восточной Сибири «буферного» государства (Временной Земской власти Прибайкалья – Дальневосточной республики) не менее успешно распространили пробольшевистский режим от границ Прибайкалья до южной части Приморья, оттеснили оккупационные контингенты императорской армии Японии в Уссурийский край и осуществили демонтаж и военный разгром созданного в Забайкалье режима «Российской восточной окраины» непосредственного преемника адмирала Колчака, атамана Г.М. Семенова. С этой целью ведомые Эйхе формирования последовательно реализовали 1-ю, 2-ю и 3-ю Читинские операции. Таким образом, к началу 1921 г. очагов активного вооруженного сопротивления белых в восточной половине страны более не существовало, хотя, подчеркнем, после отъезда Эйхе с Дальнего Востока они появились в регионе вновь и чрезвычайно усилились, что обернулось уже в 1922 г. возникновением широко известной стратегической проблемы Волочаевки и Спасска.

[1235] *Бурдье П.* Социология социального пространства. М., 2007. С. 89, 95.

Заключение

«Красный латыш» Генрих Христофорович Эйхе, будучи одним из наиболее выдающихся большевистских полководцев периода Гражданской войны на востоке России, своей судьбой и незаурядной военно-управленческой деятельностью в 1918-1921 гг. олицетворял образ представителя новой властной элиты страны – номенклатуры созданного на революционном изломе 1917 г. режима Советской России. Как деятель военного крыла большевистской администрации, Эйхе вместе с тем коренным образом отличался от своих коллег из когорты политических функционеров, как правило, вступивших на тропу антисистемного противостояния задолго до Октябрьского переворота и сделавших данный путь смыслом жизни. Судьба Эйхе была иной. В его лице нашла свое непредсказуемое преломление эпоха «великих потрясений» первой четверти XX в., которая властно вторглась в жизнь вчерашнего мелкого торгового служащего, перевернула его жизненные приоритеты и личностные целеустановки (во многом против воли Эйхе) и привела молодого латыша за шесть лет общественно-политических пертурбаций и войн к рангу командующего 100-тысячной революционной армией и роли вершителя судеб отечества на пространстве восточной половины страны (преимущественно Сибири и Дальнего Востока). Именно по этой причине настоящее исследование способно в репрезентативной форме открыть (сквозь призму превратностей и изломов биографии Эйхе) транзитное «окно» в область реконструкции исторических процессов макроуровня, связанных с хитросплетениями политической и военной истории России, прежде всего, в контексте нарастания внутреннего национального революционного движения и его последующего институционального оформления и закрепления с 1917 г. в виде большевистской диктатуры и государственности РСФСР.

Подобная перспектива представляется реальной благодаря весьма точному и последовательному соответствию противоречивой судьбы Эйхе представлению об исторически формируемой природе жизненного пути социальных акторов и сильнейшему, почти вербальному взаимопроникновению и взаимовлиянию биографируемой персоны и современной ей эпохи. Говоря о природе этого взаимопроникновения и взаимовлияния, будет правильно упомянуть суждение исследователя Ю.В. Дунаевой, указавшей, что «в годы смут, войн и революций трагически ярко проявляется и роль личности в истории и безжалостное могу-

щество исторических процессов», формирующих практики и смыслы личности, в свою очередь[1236]. Лучшую оценку феномена индивидуального пути военачальника Эйхе, выступавшего одновременно как творцом, так и ведомым своей переломной эпохи в этом отношении едва ли возможно представить.

В настоящей работе мы предприняли попытку реконструировать соответствующие жизненные перипетии (по выражению культуролога Э.Ю. Соловьева, «драму, участником которой был герой биографии»[1237]) судьбы Эйхе, обратив основное исследовательское внимание на феномен военно-управленческой деятельности военачальника в 1918-1921 гг. в смысловых рамках вооруженного противоборства на востоке России (Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток).

Логика решения стоявшей перед нами проблемы в то же время диктовала необходимость первичного исследования обстоятельств раннего фазиса жизнедеятельности Эйхе в 1893-1918 гг. (детские и юношеские годы, участие в Первой мировой войне 1914-1918 гг. и т.д.) как системы факторов и явлений, обусловивших становление молодого латыша в новом для себя качестве военного специалиста и последующее его вступление в событийный дискурс Гражданской войны в восточной части страны на стороне режима РСФСР. По итогам рассмотрения соответствующего временного отрезка необходимо констатировать прохождение личностью Эйхе к 1918 г. ряда важнейших ментальных процессов, с одной стороны, предопределивших собственно возможность успешного развития служебной карьеры биографируемого в РККА, с другой стороны, составивших специфику его формирования как войскового командира – профессионала:

1. Выработка комплекса специфических лидерских свойств, основанных на таких категориях, как амбициозность, здоровый «карьеризм», честолюбивые устремления, деятельное начало. Сочетание этих характеристик рельефно проявилось у Эйхе еще в детстве (планы отъезда из Риги) и выступило целенаправленной стратегией поведения ко времени начала его трудовой деятельности в компании «Helmsing & Grimm». Именно тогда, в 1912 г., следуя теории социолога Пьера Бурдье (Франция), юноша вступает в бескомпромиссную борьбу за усиление социального статуса и объема личного капитала, прежде всего, символи-

[1236] *Дунаева Ю.В.* Историческая биография: упадок или возрождение? (Аналитический обзор) // Историческая биография: современные подходы и методы исследования. Сб. обзоров и рефератов / Под ред. *Ю.В. Дунаевой.* М., 2011. С. 24.

[1237] *Соловьев Э.Ю.* Прошлое толкует нас: Очерки по истории философии и культуры. М., 1991. С. 52.

ческого и экономического. Путь к одновременному укреплению ресурса культурного капитала лежал для будущего революционного военачальника в эстетической сфере и выразился в неподдельном юношеском увлечении изящными искусствами. Но, учитывая деятельный характер поведенческих моделей Эйхе, упомянутый путь закономерно пережил всю ту же «карьерную» эволюцию: от простого обывательского интереса к музыкальному творчеству – к смелой мысли (мера ее серьезности, повторимся, однозначно неизвестна) о начале профессиональной деятельности в роли композитора. Обучение биографируемого на протяжении двух неполных курсов (1913-1914 гг.) в Берлинской консерватории подтверждает, сколь большое значение должна была сыграть творческая составляющая в судьбе Эйхе, если бы не его мобилизация в октябре 1914 г. в Русскую императорскую армию. Строго говоря, трудовой деятельности в конторе компании «Helmsing & Grimm», с которой Эйхе связывал свою карьерную линию, и обучению в области изящных искусств биографируемый посвящал наибольшую долю бюджета личного времени накануне начала Первой мировой войны.

2. Формирование первичных представлений касательно политической линии РСДРП в 1905-1914 гг., в дальнейшем – активное восприятие большевистских идеологических установок и их проведение в жизнь на практике (с октября 1917 г.). Рассматривая содержание данного процесса, отметим, что целостную парадигму воззрений российских социал-демократов раскрыли перед биографируемым в общих чертах его двоюродные братья, прежде всего, Р.И. Эйхе. Контакты их с юношей поддерживались в период с 1905 г. по 1914 г., пока они не были привлечены к уголовной ответственности за революционную деятельность на территории Лифляндской губернии. Положительную роль сыграло также знакомство Эйхе в период учебы в торговой школе с носителем большевистской идеологии А.П. Спундэ. В свою очередь, именно этот уникальный личностный опыт (детский и юношеский опыт ознакомления с основаниями политической платформы РСДРП), как нам видится, сыграл, наряду с иными факторами, важнейшую роль в деле постепенного смещения мировосприятия Эйхе (с марта по октябрь 1917 г.) в сторону леворадикальных, большевистских взглядов. Стоит отметить, однако, что присущее молодому человеку благоразумие не позволяло ему открыто идентифицировать себя сторонником РСДРП(б) вплоть до падения Временного правительства. Маркером завершения процесса «большевизации»

обер-офицера Эйхе следует рассматривать его избрание солдатскими массами на волне Октябрьского переворота председателем полкового ВРК 245-го Бердянского пехотного полка, членом ВРК 62-й пехотной дивизии, членом ВРК/Президиума армейского Совета 10-й армии Западного фронта. В значительной степени именно с этого времени последующая служебная деятельность биографируемого впредь приобрела качество сознательной, деятельной военно-управленческой и политической работы в интересах партии большевиков и провозглашенного ими режима Советской России. После октября 1917 г. Эйхе в идеологическом смысле становится практически недосягаем для влияния сил и агентов антибольшевистского политического спектра. В символическом выражении обретение военачальником столь значимого в новой обстановке ресурса «партийного» капитала было закреплено наделением Эйхе в декабре 1917 г. правами члена РСДРП(б), а также побочной должностью секретаря высшего партийного центра 10-й армии – бюро фракции РСДРП(б) при армейском комитете.

3. Трансформация социальных и профессиональных целеустановок в пользу карьеры офицера (с мая 1915 г.), позднее – военного специалиста на службе в РККА (с марта 1918 г.). Первичной исходной точкой в данном процессе служит октябрь 1914 г., момент мобилизации Эйхе в Русскую императорскую армию. Явление это отличалось известными сложностями, связанными с фундаментальным преобразованием жизненных ориентиров биографируемого, окончательным и бесповоротным отречением от всего, что составляло основу существования Эйхе в ранние годы. Главным образом речь идет о трудовой деятельности в «Helmsing & Grimm» и учебе в Берлине (в связи с началом войны Эйхе прервал обучение в консерватории на втором курсе). Крах уклада, сложившегося в мирное время, и вступление в микросреду армейского коллектива с качественно иным форматом взаимоотношений тем не менее достаточно скоро обернулись адаптацией молодого человека к суровым реалиям военных будней. Более того, на дату окончания курса 3-й Петергофской школы прапорщиков (август 1915 г.) личность Эйхе уже можно было с уверенностью считать достаточно подготовленной к офицерской службе, причем не только по уровню соответствующих знаний и умений, но и по степени его индивидуальной заинтересованности в предстоящей военно-управленческой работе. Неизменно стремившийся к достижению высокого социального статуса в мирное время, Эйхе, очевидно,

находит возможным экстраполировать свои усилия на военно-служебное поприще – «область неизведанного», которая сулила ему крупные карьерные перспективы. Последующие 2,5 года пребывания Эйхе на фронте Первой мировой войны оправдали подобные ожидания. В парадигме весьма консервативной сословно-иерархической общественной структуры времен монархического и республиканского (Временное правительство) режимов вчерашний торговый служащий и будущий революционный военачальник впервые обретает реальную властную, управленческую прерогативу. Так, в разное время под его командованием в боевой обстановке находилось от 60 до 800 нижних чинов. В статусном измерении молодой латыш становится носителем привилегии личного дворянства, чина IX класса (штабс-капитан армейской пехоты) и кавалером пяти орденов, до ордена Св. Анны II ст. с мечами. Иными словами, служебная карьера Эйхе к осени 1917 г. во многом выходит к пределу «перспективно размеченных возможностей», являвшихся, по определению социолога В.Б. Голофаста, атрибутом стабильного символического пространства[1238] (таковым и представляется иерархическая структура власти в России до октября 1917 г.). Более того, введение в армии России в 1917 г. экстраординарных войсковых органов (комитетов и ВРК) позволило Эйхе дополнительно расширить спектр личных военно-управленческих практик, благодаря специфической работе на выборных постах товарища председателя комитета полка, председателя полкового ВРК, члена дивизионного ВРК и, наконец, члена ВРК/Президиума армейского Совета 10-й армии Западного фронта. Таким образом, в 1914-1917 гг. Эйхе достиг небывалого для себя социального статуса и во многом за счет личного служебного усердия, честолюбия и нейтрального (либо положительного) отношения к действующим режимам приобрел колоссальный объем символического капитала, о котором в предвоенное время, безусловно, не мог помышлять. Учитывая накопленный им весьма разнообразный и нетривиальный опыт управления в военной сфере, Эйхе на момент завершения революционного 1917 г., очевидно, всерьез задумывается о продолжении столь благоприятно складывавшейся военной карьеры.

Судьбоносной для Эйхе с точки зрения дальнейшего смещения личностных целеустановок в сторону карьеры военного специалиста (уже на службе в

[1238] См.: *Голофаст В.* Концепции индивида и пространство биографий // Право на имя. Биографика XX века: чтения памяти В. Иофе. Избранное. 2003-2012 / Отв. ред. *Т.Б. Притыкина*. СПб., 2013. С. 406.

РККА) выступила его кратковременная поездка в феврале 1918 г. в Москву, где проживала семья биографируемого. Крайняя бедность родных обусловила принятие Эйхе окончательного решения о продолжении службы в рядах формируемых вооруженных сил РСФСР. Соответствующему решению благоприятствовали ранее установившиеся дружественные взаимоотношения Эйхе с рядом авторитетных большевиков, входивших на рубеже 1917/1918 гг. в органы управления 10-й армии и Западного фронта (А.Ф. Мясников, А.М. Ханов, В.И. Яркин и др.). Именно их протекция, а также факт наличия у военачальника на тот момент формального членства в РКП(б) (результат активной пробольшевистской работы в войсках после Октябрьского переворота), обусловила характер первого назначения Эйхе в структуре вооруженных сил РСФСР, а именно, выдвижения в марте 1918 г. на высокий пост командира формируемого 1-го революционного пехотного полка имени Облискомзапа (полурегулярная часть в системе Завесы). Только к этому времени, как показало исследование, следует относить возникновение у молодого латыша подлинного, искреннего желания на глубоком, профессиональном уровне освоить тонкости военного дела, понять специфические особенности формирования и вождения воинских частей и подразделений. Подчеркнем, что в бытность Эйхе обер-офицером подобного стремления к самосовершенствованию в военном отношении у него, в сущности, не наблюдалось, будучи оттесненным на второй план соображениями сугубо карьерного плана. Не случайно система кадровых перемещений командира 245-го Бердянского пехотного полка полковника А.С. Воробьева, сыгравшая исключительно значимую роль в формировании Эйхе как военного специалиста широкого профиля, воспринималась юношей как нечто ошибочное и неприемлемое.

Пробудившаяся у Эйхе после вступления в РККА глубокая заинтересованность в военно-управленческой деятельности выступила залогом успешной реализации им исходных практик формирования и боевого применения первых полурегулярных формирований вооруженных сил РСФСР, оказавшихся в его подчинении – 1-го полка Облискомзапа, Шихранского (3-го) отряда Восточного фронта. В свою очередь, претворение в жизнь указанных первичных практик, в том числе уже в обстановке Гражданской войны на востоке России (июль-ноябрь 1918 г.), ознаменовало завершение многогранного процесса становления Эйхе как армейского командира, военного специалиста – профессионала.

Один из важнейших приоритетов исследования заключался в непосредственном выделении основных этапов развития военно-управленческой карьеры военачальника Эйхе в процессе его деятельности на территории восточной части России в 1918-1921 гг., установлении их содержания и особенностей. Служебный путь «красного латыша» в этом отношении целесообразно разделить на три последовательных этапа, каждый из которых ознаменовал собой особую стадию формирования его индивидуальных управленческих практик:

– Опыт руководства рядом полурегулярных, импровизированных формирований РККА (пехотный полк, смешанная группа войск), организационно входивших в систему Восточного фронта РСФСР (август-ноябрь 1918 г.);

– Практика управления регулярными тактическими соединениями бригадного и дивизионного уровня в структуре 5-й армии Восточного фронта РСФСР (ноябрь 1918 г. – ноябрь 1919 г.);

– Опыт Эйхе в области боевого применения и строительства войск в масштабе регулярных сухопутных оперативных объединений РСФСР и Дальневосточной республики (ноябрь 1919 г. – май 1921 г.).

Соответствующее деление диктуется динамикой эволюции личного служебного статуса военачальника в РККА и сообразным видоизменением содержания его полководческой и военно-организаторской работы на каждом этапе.

На первом этапе под управлением Эйхе находились 1-й полк Облискомзапа (последние 7-10 дней на посту командира полка) и Шихранский (позднее – 3-й) отряд Восточного фронта РСФСР. Данный этап первоначально характеризовался реализацией военным специалистом задач пассивного свойства – обеспечения оперативного стыка 1-й и 5-й армий РККА и организации обороны тыловых коммуникаций фронта. Только в третьей декаде сентября 1919 г. Эйхе довелось впервые в обстановке Гражданской войны на востоке России реализовать свой управленческий функционал красного командира в контексте реальной локальной операции (десантирование на восточный берег р. Волги и развертывание удара на ж/д ст. Чердаклы). Примечательным эпизодом рассматриваемого этапа является также организация военным специалистом в октябре 1919 г. наступательного марш-маневра на Бугульму (250-270 км). В ходе него, отметим, молодой Эйхе проявляет столь характерную для его управленческой методики практику поиска оптимальных принципов функциональной подготовки и вож-

дения войск в специфических условиях гражданского противостояния. С точки зрения развития интеракций Эйхе особое значение приобретает вовлечение его персоны в круг положительных заочных знакомств Председателя РВС РСФСР и Наркома по военных делам Л.Д. Троцкого, что впоследствии, очевидно, сыграет известную роль в успехе дальнейшего кадрового продвижения военачальника.

Второй этап (период руководства Эйхе 3-й бригадой 26-й стрелковой дивизии, 26-й стрелковой дивизией 5-й армии РККА) отличается наибольших количеством тактически примечательных, драматичных и ярких эпизодов военно-управленческой деятельности военачальника в годы Гражданской войны в восточных регионах страны. Реализованные им, в частности, решительные, зрелые и, как следствие, в общем и целом крайне эффективные оперативные решения, например, в рамках локальных столкновений с войсками Сводного корпуса белых зимой 1918 г., сражения южнее Уфы весной 1919 г., наступления в участке Бугуруслан, Сергиевск, Бугульма, форсирования р. Белой, Юрюзанского рейда, Челябинской и Петропавловской операций закономерно расширили спектр успешных полководческих практик Эйхе. Деятельность «красного латыша» в этот временной отрезок способствовала накоплению у него военно-управленческого опыта в самой разнообразной оперативной обстановке, позволила Эйхе усилить личный ресурс символического капитала такими ключевыми компонентами, как устойчивое реноме талантливого военачальника и признание солдатских масс и представителей командного корпуса в масштабе 5-й армии Восточного фронта. Широкую известность персона Эйхе приобретает и в среде военнослужащих белых на востоке России, причем иногда с положительными коннотациями[1239].

Общий успех развития военно-управленческого мастерства Эйхе во время службы в 26-й стрелковой дивизии 5-й армии РККА не в последнюю очередь обусловливался набором приобретенных им на раннем этапе ментальных черт, прежде всего, способностью к адаптации. Указанное качество помогло молодому краскому весьма быстро перестроиться на работу в специфических условиях внутреннего конфликта, что зачастую было затруднительно для кадровых военспецов, опиравшихся на опыт Первой мировой войны. Так, в рамках большинства рассмотренных нами в исследовании фронтовых эпизодов ноября 1918 г. – ноября 1919 г. военачальнику Эйхе довелось возглавлять оперативные едини-

[1239] См., например: *Чуйков В.И.* От Сталинграда до Берлина. М., 1985. С. 229.

цы, которым действовали сравнительно самостоятельно, нередко изолированно от иных соединений 5-й армии, зачастую в отсутствии обеспеченных флангов и нормативной протяженности линии обороны. Подобная особенность вождения войск РККА была распространена в обстановке вооруженного противостояния на обширных пространствах востока страны и, по справедливому выражению военного теоретика А.М. Вольпе, близкого соратника Эйхе в период его руководства 26-й стрелковой дивизией, создала «…особый тип начальника в гражданской войне – самостоятельного, надеющегося только на себя и свои войска, полного инициативы для принятия быстрого решения. Частные начальники находили правильные пути при самых трудных обстоятельствах, зная, что им ждать помощи неоткуда. Но в тех случаях, когда сосед оказывался близко, взаимная выручка … широко применялась»[1240]. Обоснованность приведенного суждения всецело подтверждается рассмотрением практик полководческой активности Эйхе, работа которого на упомянутом этапе, представляя череду решения сложнейших оперативных и организационных задач, выступала в этом смысле одновременно в роли типичного явления, производного от обобщенного образа службы командира бригадного и дивизионного звена РККА на востоке России. Этим обстоятельством, по-видимому, исчерпывается общая «типичность» пути Эйхе как большевистского военачальника в контексте войны на востоке страны.

Высокая культура служебной адаптации (в корреляции с достаточностью уровня обретенного символического капитала[1241]) нивелировала и неизбежные сложности последующего перехода Эйхе в конце ноября 1919 г. на более масштабную и ответственную работу в качестве руководителя регулярных сухопутных оперативных объединений РККА в Сибири и на российском Дальнем Востоке. Речь идет о заключительном, наиболее выдающемся и масштабном этапе развития его военно-управленческой деятельности (период нахождения на посту командующего 5-й армией РККА, Главнокомандующего вооруженными силами Дальневосточной республики), благодаря которому имя биографируемого стало неотъемлемым достоянием истории Гражданской войны. С точки зрения

[1240] *Вольпе А.М.* Петропавловская операция // Сборник трудов Военно-научного общества при Военной академии. 1922. Кн. 3. С. 102.

[1241] Следуя представлениям Бурдье, «…агенты удерживают власть, *пропорциональную (курсив наш. – Р.Б.)* своему символическому капиталу, который представляет признание, получаемое ими от группы *(в данном случае – от большевистской военной номенклатуры. – Р.Б.)*» (*Bourdieu P.* Espace social et genèse des «classes» // Actes de la recherche en sciences sociales. 1984. Vol. 52-53. P. 7).

неустанной борьбы Эйхе за рост собственного социального статуса, указанный период зафиксировал, если следовать концепции Бурдье, обретение военачальником легитимизированной символической власти – власти «конструировать реальность», «…утверждать или изменять видение мира и, тем самым, воздействие на мир…»[1242], что отразилось в объективном стратегическом влиянии решений Эйхе на ход Гражданской войны в заявленных нами границах. Направляемые волей полководца войска в рамках зимней кампании 1919/1920 гг. реализовали историческую по своему значению миссию: окончательно ликвидировали антибольшевистский режим Российского правительства во главе с адмиралом Колчаком, территориально распространили власть РСФСР до линии р. Енисей, разгромили и пленили основную массу колчаковских вооруженных сил. В основу соответствующих результатов легли осуществленные «пятоармейцами» Новониколаевская и Красноярская наступательные операции, которые в то же время выступили важнейшими компонентами военно-практического наследия полководца Эйхе. Позднее, в течение 1920 г., следуя замыслам и мероприятиям Эйхе, войска вновь образованного «буферного» государства (Временной Земской власти Прибайкалья – Дальневосточной республики) не менее успешно распространили пробольшевистское администрирование от Прибайкалья до южной части Приморья, оттеснили оккупационные контингенты императорской армии Японии до границ Уссурийского края и осуществили демонтаж и военный разгром созданного в Забайкалье режима «Российской восточной окраины» непосредственного преемника адмирала Колчака (в масштабах восточной части России), атамана Г.М. Семенова. С этой целью ведомые Эйхе войсковые формирования последовательно реализовали 1-ю, 2-ю и 3-ю Читинские операции. Таким образом, к началу 1921 г. очагов активного вооруженного сопротивления белых в восточной половине страны более не существовало, хотя, важно подчеркнуть, после увольнения и отъезда Эйхе с Дальнего Востока они появились в регионе вновь и чрезвычайно усилились, что обернулось уже в 1922 г. возникновением широко известной стратегической проблемы Волочаевки и Спасска.

Рассмотренные выше три последовательных этапа развития военно-управленческой деятельности Эйхе составляют квинтэссенцию служебной карьеры биографируемого в ходе Гражданской войны на востоке России (1918-1921 гг.).

[1242] *Бурдье П.* Социология социального пространства. М., 2007. С. 89, 95.

В то же время стоит акцентировать внимание на динамике общего развития его профессионального военного статуса или «карьерной линии», концепт которой был введен социологом Сеймуром Шпилерманом (США)[1243]. Карьерная линия военачальника на востоке России в 1918-1921 гг. представляла собой поэтапное, планомерное продвижение по служебной иерархии РККА, вне резких взлетов и каких-либо падений. Должность командира полурегулярного полка последовательно сменилась для Эйхе постом руководителя смешанной группы войск, а последний, в свою очередь, рангом командира бригады, впоследствии – статусом начальника стрелковой дивизии, командующего 5-й армией, Главнокомандующего вооруженными силами Дальневосточной республики. Благодаря подобной траектории развития индивидуальной военно-управленческой деятельности Эйхе, «красному латышу» удалось приобрести достаточно полный опыт практически на всех существовавших в то время в большевистских вооруженных силах основных единоличных командных должностях. Данное обстоятельство не могло не способствовать интеллектуальному росту военного специалиста, совершенствованию у него практики боевого применения и организационного строительства революционных войсковых масс. Последовательная эволюция карьеры биографируемой личности представляла в условиях Гражданской войны на востоке России в 1918-1921 гг. явление уникальное, поскольку значительная часть представителей командного корпуса РККА в звене начальник дивизии – командующий армией, как показало исследование, с одной стороны, переживала коллизии территориальной мобильности (перемещения на различные театры военных действия, в тыловые военные округа и т.д.), с другой стороны, испытывала неоднородность развертывания кадровых позиций (понижение в должности, отчисление в резерв и вывод из него, повышения через несколько служебных категорий, трансформация рода войск и сферы деятельности и т.д.).

Система персональных военно-управленческих практик и методик Эйхе в контексте боевого применения и организационного строительства частей, соединений и оперативных объединений РККА в своеобразной обстановке Гражданской войны на востоке России в 1918-1921 гг. отличалась многогранностью и разнообразием. Их широкий спектр был обусловлен присущим военачальнику

[1243] См.: *Spilerman S.* Careers, Labor Market Structure, and Socioeconomic Achievement // American Journal of Sociology. 1977. Vol. 83. No. 3. P. 551.

стремлением к поиску наиболее эффективных, оптимальных подходов к решению задач управления войсками и прагматичным желанием обеспечить наилучшие условия для оперативных действий вверенных ему сил и средств.

Полководческая составляющая военно-управленческого мастерства Эйхе характеризуется следующими ключевыми и в то же время наиболее типичными для него практиками и методиками:

– стремление нанести поражение группировке противника главным образом за счет применения флангового удара, как правило, в сочетании с вспомогательным фронтальным наступлением (принцип комбинированных ударов);

– ставка на изначальное достижение максимально высокой оперативной плотности личного состава и плотности насыщения огневыми средствами на решающем направлении наступления для обеспечения массированных, сокрушительных первоначальных ударов;

– следование специфической модели организации боевых столкновений в зимних условиях, основанной на делении войск на малые ударные отряды и отказе от наступательных действий широко развернутыми пехотными цепями;

– активное использование средств огневого поражения – преимущественно в интересах текущих задач локального оперирования пехотных подразделений и частей в качестве артиллерийской поддержки;

– разработка и успешная апробация оригинального тактического приема развития наступательных действий «перекатами», который Эйхе иногда сочетал с практикой организации преследования посредством «ездящей пехоты»;

– ориентация на длительное и неотступное преследование отступающих и/или разгромленных группировок противника с целью окончательной деморализации его подразделений и частей (в том числе эффективное сочетание формата фронтального и параллельного преследования, а также «перекатами»);

– умение организовывать эффективное форсирование естественных водных преград (в сочетании с действиями десантно-штурмового характера);

– реализация в оперативных целях внезапных сокрушительных ударов по группировкам белых за счет мастерского использования преимуществ, обусловленных темным временем суток;

– способность умело организовывать форсированные марш-маневры и усиленные марш-броски на значительные расстояния;

– склонность к применению практики обманных действий, а также «конспирологических» ходов, главным образом в контексте операций форсирования водных артерий, а также в рамках силового давления на войска интервентов;

– скрупулезная подготовка и разведка направления главного удара в интересах вскрытия наиболее уязвимых мест в обороне противника, прежде всего, оперативных стыков между его частями и соединениями;

– деление оперативного построения/боевого порядка на два-три эшелона как способ развития успеха операции и нивелирования возможных угроз (эшелонирование как способ выделения общего резерва);

– умение организовывать и осуществлять рейдовые операции и скрытые силовые налеты в тыловую полосу противника;

– успешное применение тактики подвижной, маневренной обороны в условиях давления превосходящих сил противника;

– нацеленность на поддержку соседних частей, соединений и обеспечение их боевой работы (наиболее ярким примером служит эпизод с передачей Эйхе части своих войск соседней дивизии в ходе сражения под Челябинском);

– сравнительная неспособность к эффективному использованию в боевой обстановке оперативно подчиненных сил легкой кавалерии (до отдельной кавалерийской бригады включительно).

Организационная составляющая системы индивидуальных практик и методик красного полководца в основном отличается следующими важнейшими и наиболее характерными для нее компонентами:

– стремление концентрировать решение вопросов военного характера в собственных руках, неприятие вмешательства партийно-политических и административных функционеров в его исключительную командную прерогативу;

– предъявление к войскам требований выполнения конкретных боевых задач дня, твердо привязанных к временным и территориальным показателям;

– склонность к принятию чрезвычайных мер в напряженной и кризисной оперативной обстановке (вплоть до формирования «заградительных отрядов»);

– способность к разработке нетривиальных, решительных и инициативных оперативных и организационных решений;

– привлечение повстанческих формирований пробольшевистской ориентации к реализации боевых задач, диктовавшихся особенностями операционной

активности руководимых Эйхе войсковых масс, главным образом сил 5-й армии РККА и вооруженных сил Дальневосточной республики;

– склонность к формированию круга доверенных лиц (в том числе из этнических латышей и представителей иных балтийских народностей), активная поддержка служебной карьеры своих креатур;

– сравнительная гибкость по отношению к военнослужащим противника, деятельное использование военных специалистов Белого движения в интересах кадрового обеспечения РККА[1244];

– внедрение и деятельное использование в системе учебной подготовки войск практики командирских занятий, которые сам Эйхе интенсивно практиковал в качестве командира полка, отряда, бригады и начальника дивизии;

– слабый контроль над организацией несения службы сторожевого охранения войск во фронтовой обстановке (по меньшей мере, в период командования 3-й бригадой 26-й стрелковой дивизии).

Комплекс выработанных Эйхе практик и методик выступил важнейшим фактором обеспечения его деятельности в качестве представителя военного командования РСФСР в восточной части России в 1918-1921 гг.

Влияние личной деятельности Эйхе, его мероприятий и инициатив на общее течение и стратегические результаты операций вооруженных сил РСФСР в ходе гражданского конфликта на востоке страны в 1918-1921 гг. представляется весьма значительным. На первом и втором этапах участия Эйхе в войне (период его командования смешанной группой войск, 3-й бригадой, 26-й стрелковой дивизией в 1918-1919 гг.) это объяснялось двумя обстоятельствами: фактом развертывания вверенных ему войск на ключевых, важнейших и решающих операционных направлениях (что не является простой случайностью и наглядно характеризует степень доверия вышестоящего командования к Эйхе); стремлением военачальника властно влиять на ход военных мероприятий, вплоть до пересмотра адресованных ему указаний вышестоящего командования и выдвижения

[1244] Соответствующей линии Эйхе придерживался не только ввиду отсутствия неприязни к белым военспецам, но и вследствие присущего ему прагматизма. В общем и целом он следовал, по-видимому, установкам Наркома по военным делам РСФСР Л.Д. Троцкого. Последний в одном из выступлений в 1920 г. заявлял следующее: «Как и в мертвые машины, так и в этих … вчерашних белых офицеров, в них вложен известный наш народный национальный капитал, который мы обязаны эксплуатировать, использовать…» (Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Девятый съезд РКП(б). Март-апрель 1920 г. / Под ред. *Н.Л. Мещерякова*. М., 1934. С. 115).

собственных инициатив. Соответствующее положение применимо, в частности, к содержанию и итогам осенне-зимней кампании 1918/1919 г., Весеннего наступления армии адмирала Колчака, контрнаступления Южной группы армий Восточного фронта РСФСР, Златоустовской, Челябинской и Петропавловской операций. Перечисленные мероприятия наиболее рельефно демонстрируют справедливость выдвинутого тезиса о влиянии личности Эйхе на ход военных действий. Среди эпизодов военно-управленческой деятельности биографируемого на востоке страны в 1918-1919 гг., предшествовавших его вступлению в должность командарма-5, особенно выделяются по своему значению следующие:

– Мастерская организация Эйхе ряда локальных операций вверенных ему войск Шихранского отряда и 3-й бригады 26-й стрелковой дивизии против сил Сводного корпуса белых (сентябрь, ноябрь-декабрь 1918 г.), выступивших важнейшей предпосылкой перехода Уфы в декабре 1918 г. по контроль РККА в период осенне-зимней кампании 1918/1919 г. на Восточном фронте РСФСР;

– Выдвижение военачальником (вопреки директиве начдива-26 М.С. Матиясевича) решительной инициативы о приостановке глубокого отступательного марша 1-й и 3-й бригад 26-й стрелковой дивизии в районе к югу от Уфы, кардинально изменившей в пользу красных ход Весеннего наступления вооруженных сил адмирала Колчака (март-апрель 1919 г.). Конечный результат решения Эйхе носил двойственный характер. В первую очередь была нивелирована угроза нанесения противником удара во фланг и тыл 1-й армии Восточного фронта РСФСР за счет прикрытия тракта Уфа – Стерлитамак и оперативного стыка 5-й и 1-й армий силами прекративших отход бригад 26-й стрелковой дивизии. Во-вторых, основные силы 5-й армии РККА, большая часть которых беспорядочно, панически отступала из района Уфы, были закреплены на новой 65-км оборонительной линии – выгодной в оперативном смысле фланговой (по отношению к основным направлениям наступления отдельной Западной армии белых на Симбирск и Самару) позиции. Ввиду этого силам Западной армии, ввязавшимся в упорное 20-дневное сражение (14 марта – 2 апреля 1919 г.) на данном участке, так и не удалось выдвинуться на рубеж р. Волги до наступления распутицы и разлива рек и, как следствие, выполнить свою главную стратегическую задачу;

– Мероприятия Эйхе по организации оперирования 26-й стрелковой дивизии 5-й армии РККА в ходе контрнаступления Южной группы армий Восточ-

ного фронта РСФСР (апрель-июнь 1919 г.). На первом этапе контрнаступления решения военачальника (связанные с овладением районом Бугуруслана, преследованием противника вдоль тракта Бугуруслан – Бугульма) позволили дивизии в течение неполных десяти суток (3-13 мая 1919 г.) нанести крупное поражение бугурусланской группировке белых, представленной частями 6-й и 7-й Уральских горных стрелков дивизий, а также силам 8-й Камской стрелковой дивизии. В территориальном отношении Эйхе в этот период удалось очистить от войск противника обширные районы на севере и северо-востоке Самарской губернии и овладеть крупными городами – Бугурусланом и Бугульмой, прикрыв, таким образом, стратегические железнодорожные направления Самара – Бугуруслан и Симбирск – Бугульма. В рамках последовавшей Уфимской операции, заключительного этапа контрнаступления, благодаря инициативным решениям Эйхе (в том числе связанным с самовольной организацией форсирования р. Белой в противовес указаниями Тухачевского) соединению удалось прочно прикрыть наступление Туркестанской армии Восточного фронта на Уфу от угрозы с севера, блокировать фарватер флотилии противника на р. Белой, сковать, а в дальнейшем – разгромить и отбросить к северо-востоку группировку белых, развернутую севернее Уфы (правое крыло отдельной Западной армии противника). Комплекс этих мероприятий Эйхе предопределил успех взятия Уфы красными;

– Реализация Эйхе в чрезвычайно сложной оперативной ситуации рискованного замысла Юрюзанского похода – в высшей степени смелого рейда 1-й и 2-й бригад 26-й стрелковой дивизии в тыловую полосу отдельной Западной армии белых. Предпринятый в конце июня – начале июля 1919 г. по инициативе Тухачевского, рейд Эйхе лег в основу оригинального замысла Златоустовской операции (июнь-июль 1919 г.). Успех рейда позволил 5-й армии РККА преодолеть Уральский хребет, освободить значительную часть Южного Урала, ликвидировать оборонительный рубеж противника, прикрывавший горнозаводскую зону региона, и овладеть Златоустом – ключом к равнинам Западной Сибири;

– Опыт управления 26-й стрелковой дивизией 5-й армии в рамках стратегической Челябинской операции (июль-август 1919 г.). В процессе операции действия Эйхе и руководимых им войск приобрели значение стержневого фактора, обусловившего крах разработанного белыми плана челябинских «канн» – идеи стратегического двустороннего окружения 5-й армии РККА под Челябинском.

Именно уверенные, инициативные, прагматичные боевые решения «красного латыша» способствовали ряду поражений и фактическому «выключению» из замысла челябинских «канн» южной ударной группировки противника (Волжская группа 3-й армии), долженствовавшей осуществить глубокий фланговый охват правого крыла 5-й армии. Ввиду сказанного участие «волжан» в сражении обернулось для них тяжелым поражением, за счет чего был всецело сорван замысел генерального сражения белых у Челябинска. Не меньшим значением обладало и спланированное Эйхе взятие 4 августа 1919 г. казачьей столицы Южного Урала – Троицка, которое привело к перехвату коммуникаций Южной (казачьей) армии белых и, как следствие, масштабному территориальному расколу стратегического фронта вооруженных сил адмирала Колчака;

– Организация Эйхе в рамках второго этапа Петропавловской операции 5-й армии (август-ноябрь 1919 г.) локальной операции 26-й стрелковой дивизии по форсированию р. Тобол и прорыву укрепленного рубежа противника. Будучи спланированной по указаниям и расчетам военачальника, она в первые же сутки осуществления, 15-16 октября 1919 г., привела к глубокому 28-30-км рассечению оперативного построения сил 3-й армии белых на стыке Волжской и Уральской групп. В течение последующих неполных десяти суток наступления войска под руководством Эйхе разгромили и отбросили на восток наиболее боеспособные левофланговые соединения и части 3-й армии (Ижевская, 1-я Самарская, 7-я и 11-я Уральские дивизии, 2-я Оренбургская казачья бригада, добровольческая дружина «Святого креста» и т.д.). Именно под влиянием столь «…неожиданного колоссального отхода левого фланга 3-й армии…» военное руководство колчаковского Российского правительства 24 октября 1919 г. принимает историческое по своим последствиям решение о стратегическом отступлении сил Восточного фронта белых на рубеж р. Ишим, к Петропавловску. В реальности начавшийся сравнительно организованно отвод фронта спустя считанные дни обернется неконтролируемым бегством войск белых далее к р. Иртыш и скорой сдачей Омска – административного центра адмирала Колчака.

Дальнейшее вступление военного специалиста Эйхе в должность командующего 5-й армией РККА (основного оперативного объединения красных на пространстве востока страны на рубеже 1919/1920 гг.) позволило ему обрести, как указывалось ранее, роль носителя символической власти – «власти конст-

руировать реальность». Персональная активность полководца, соответственно, с этого времени становится уже не опосредованно, но напрямую, стратегически воздействующей на общий характер и течение Гражданской войны в восточной части России. В наибольшей степени данный тезис подтверждается следующими ключевыми вехами служебного пути Эйхе в конце 1919 г. – 1921 г.:

– Разработка и проведение в жизнь в качестве командующего 5-й армией РККА планов Новониколаевской (ноябрь-декабрь 1919 г.) и Красноярской (декабрь 1919 г. – январь 1920 г.) наступательных операций. Общее значение мероприятий военачальника в этот период заключалось в обеспечении управленческих и организационных предпосылок для полной ликвидации антибольшевистского политического режима адмирала Колчака, окончательного и бесповоротного вывода из гражданской борьбы основных сил трех деморализованных, но достаточно многочисленных колчаковских армий (1-й, 2-й, 3-й), сорвав их перебазирование на площадку Восточной Сибири. Указанные ориентиры, подчеркнем, были успешно достигнуты вверенными Эйхе воинскими контингентами в течение двух месяцев. Применительно к итогам Новониколаевской операции положительным образом сказался маневренный формат боевого применения соединений 5-й армии, который был выработан командармом Эйхе и привит войскам его директивами (отличались постановкой масштабных территориальных задач при крайне сжатых сроках их выполнения). Преодолев с момента начала операции расстояние в 600-670 км, силы 5-й армии завершили освобождение обширной территории в междуречье р. Иртыш и р. Обь. Последовавшая за этим Красноярская наступательная операция ознаменовала собой успешное завершение масштабных военных действий на Восточном фронте РСФСР. Вооруженные силы Российского правительства, с которыми военачальник Эйхе начал борьбу в декабре 1918 г. – январе 1919 г. под Уфой, в ходе операции прекратили свое существование как единое организованное целое. Благодаря разработанному Эйхе сочетанию приема преследования «перекатами» с тактикой «ездящей пехоты» силы 5-й армии достигли в ходе Красноярской операции экстраординарных результатов. Путь в 750 км в междуречье р. Обь и р. Енисей ее войска преодолели в течение всего 20 суток (свыше 35 км/сутки), что является примером выдающейся оперативной динамики в истории Гражданской войны. На пространство Восточной Сибири в обход Красноярска удалось прорваться лишь от-

дельным группам военнослужащих бывшей колчаковской армии, которые вошли в историю Гражданской войны под именем каппелевцев. Выскользнувшие из-под ударов Эйхе каппелевцы стали последним обломком вооруженных сил Российского правительства, в зените успехов насчитывавших до 400.000 человек;

– Организация в ранге Главнокомандующего вооруженными силами «буферной» Дальневосточной республики разгрома образованного в Забайкалье антибольшевистского режима «Российской восточной окраины» во главе с атаманом Семеновым, распространение власти государства до границ Уссурийского края. Намереваясь консолидировать земли Забайкалья под флагом республики, Эйхе в 1920 г. осуществляет 1-ю (10-13 апреля), 2-ю (25 апреля – 5 мая) и 3-ю (1-31 октября) Читинские операции. Для судеб РСФСР и ведомого им «буферного» образования они будут иметь исключительное значение. Их следствием явилось падение семеновского режима с центром в Чите (устранение «читинской пробки»), ликвидация интервенции Японии в Забайкалье и распространение власти «буферного» государства до южной части Приморья. Проводившиеся под непосредственным управлением Эйхе 1-я и 2-я Читинские операции, в частности, привели к основательному расшатыванию устойчивости развернутой в Забайкалье 5-й пехотной дивизии императорской армии Японии (союзной Семенову), дважды принявшей на себя в апреле-мае 1920 г. удары войск республики на читинском направлении, а в остальное время находившейся под прессингом «булавочных уколов» войск Эйхе и партизан, что не осталось незамеченным императорским правительством. Рост боевых потерь в районе Читы вкупе с разочарованием правящих кругов Японии в перспективе объединения Дальнего Востока под администрацией атамана Семенова привели к обнародованию в июле 1920 г. правительственной Декларации о начале полной эвакуации забайкальской группировки японских войск. Именно вывод оккупационных сил Японии из районов, подконтрольных правительству семеновской «Российской восточной окраины», рассматривается нами как основной итог мероприятий и инициатив Эйхе (в том числе связанных с его хитроумной тактикой силового давления на интервентов), легших в основание первых Читинских операций. Цель окончательного уничтожения режима Семенова была реализована войсками руководимых Эйхе вооруженных сил Дальневосточной республики в процессе 3-й Читинской операции. Общее значение организованных Эйхе Читинских опера-

ций и борьбы за восток Забайкалья в апреле-ноябре 1920 г., конечно, не исчерпывалась одним объединением территории Забайкалья под единой администрацией «буфера». Экспансионистская боевая активность республиканской армии, базировавшаяся на ответственных, нетривиальных решения биографируемого, явилась, в сущности, военно-политическим движением за консолидацию в рамках единого «буферного» пространства всей территории Забайкалья и Дальнего Востока. Взятие Читы в результате 3-й Читинской операции Эйхе представляло высшую точку соответствующего геополитического процесса. Не случайно уже 28 октября 1920 г. на созванной в освобожденной Чите объединительной конференции Дальнего Востока состоялось юридическое оформление единства республики в масштабе «от Байкала до Тихого океана» (ранее власть «буфера» ограничивалась фактически только территорией Прибайкалья);

– Стратегическое влияние на ход Гражданской войны на востоке страны оказывали и нереализованные военные проекты Эйхе, среди которых – подготовка в декабре 1920 г. – апреле 1921 г. Гродековской наступательной операции, призванной ликвидировать остатки вооруженных формирований атамана Семенова (эвакуировались в Приморье и образовали проблему «гродековской пробки»). Данное военное мероприятие не было реализовано ввиду возникшего противодействия властных элит Дальневосточной республики, что повлекло далеко идущие негативные последствия в контексте борьбы большевиков за подчинение востока России. Спустя всего месяц после увольнения Эйхе, 26 мая 1921 г., в Приморье при деятельном участии белых – «гродековцев» был осуществлен военный переворот, увенчавшийся свержением подконтрольного республике режима Приморской областной земской управы и переходом власти в регионе к антибольшевистскому Временному Приамурскому правительству. Как следствие, территория Приморской области по итогам переворота была отторгнута от республики и выступила в 1921-1922 гг. в качестве нового плацдарма для агрессии против «буфера» коалиции белых и японцев, обернувшись позднее возникновением проблемы Волочаевки и Спасска. Справедливым в этом смысле стоит признать мнение Эйхе, выразившего в мемуарах важную мысль о том, что жестокого штурма «Волочаевки могло и не быть», если бы осуществился выдвинутый им план разгрома «гродековцев»[1245]. Именно в сокрушитель-

[1245] ОПИ ГИМ. Ф. 602. Ед. хр. 67. Л. 215.

ном поражении республики в Приморье в мае 1921 г. и заключается исторический урок несостоявшейся Гродековской операции, последнего масштабного проекта Эйхе в период службы на пространстве восточных регионов России.

Социальное взаимодействие военачальника Эйхе с конгломератом коллег и сослуживцев, покровителей и протеже, противников и оппонентов в период Гражданской войны отличалось многообразием стратегий. Ключевое значение в судьбе Эйхе сыграло личное покровительство, оказываемое военному специалисту на различных этапах развития его военной карьеры ответственными работниками из системы РККА (В.К. Путна, выдвинувший инициативу назначения Эйхе начальником 26-й стрелковой дивизии, М.Н. Тухачевский, ключевой покровитель «красного латыша» на этапе его службы в 5-й армии и др.) и партийно-политической и административной среды (А.Ф. Мясников, обеспечивший Эйхе выгодные начальные карьерные позиции в РККА, А.М. Краснощеков и И.Н. Смирнов, оказывавшие военачальнику масштабную протекцию и защиту в конце 1919 г. – 1921 г. и др.). Отдельные назначения Эйхе (командиром Шихранского отряда, 5-й армии РККА, Главкомом вооруженных сил Дальневосточной республики), судя по всему, проводились также не без участия персоны Председателя РВС РСФСР Троцкого. Его знакомство с Эйхе носило опосредованный характер и со временем, очевидно, углублялось за счет положительных рекомендаций непосредственных доверенных лиц Троцкого – А.Я. Семашко, в также упомянутых Краснощекова и Смирнова.

Практика патрон-клиентских отношений не была чужда и самому биографируемому, который по мере должностного возвышения формировал группу личных протеже и близких товарищей (А.Я. Лапин, Я.П. Гайлит, К.А. Нейман, С.Д. Павлов и др.), пользовавшихся поддержкой и кредитом особого доверия Эйхе. В то же время военачальник достаточно скоро мог лишить своего расположения тех креатур, которые скомпрометировали либо проявили себя не лучшим образом. Показательными в этом ключе являются ситуации с И.Н. Бурсаком, С.Н. Голубевым, С.Л. Марголиным и др., произошедшие в бытность Эйхе Главнокомандующим вооруженными силами Дальневосточной республики.

Специфическим было взаимодействие биографируемого с военнослужащими Белого движения, которых он всячески стремился привлечь на сторону режима РСФСР (в том числе посредством специально организованных «брата-

ний», что имело место в ходе Петропавловской операции), использовать в качестве квалифицированных военных специалистов на службе в РККА. Так, в одном из приказов Эйхе как Главкома Дальневосточной республики, датированном 12 октября 1920 г. (время подготовки 3-й Читинской операции), военачальник обязывал своих подчиненных: «Со всеми пленными и перебежчиками, независимо от их чина, обращаться как с заблудшими братьями, не чинить над ними насилий и препровождать невредимыми в мой штаб…»[1246]. Отдельных высокопоставленных пленных офицеров Эйхе приобщал к работе в качестве своих ближайших помощников (Л.В. Дьячков, В.В. фон Нотбек, И.И. Сторожев и др.). Прагматичное и человечное отношение к поверженному противнику между тем вызвало недоверие как части командного состава 5-й армии РККА, так и партийно-политической среды дальневосточного «буфера», что подрывало личные позиции «красного латыша» в ранге представителя военной элиты РСФСР.

В бытность Эйхе командующим 5-й армией РККА и вооруженных сил Дальневосточной республики деятельность его, как удалось установить, нередко встречала противодействие ряда лиц, которых можно назвать оппонентами военачальника (М.И. Губельман, Я.П. Жигалин, И.И. Матрозов, П.М. Никифоров, С.М. Серышев и др.). Эйхе отчасти в силу специфики служебных полномочий, отчасти вследствие особенностей характера, не уклонялся от конфликтных взаимодействий с ними и всемерно отстаивал собственную точку зрения и систему взглядов на те или иные дискуссионные вопросы. Неуступчивость военачальника привела к тому, что в 1920-1921 гг. в среде властных элит Дальневосточной республики выросла массовая оппозиция деятельности Эйхе, что обернулось, следуя теории Бурдье, «эффектом символической девальвации» раннее накопленного им репутационного капитала[1247] и предопределило состоявшееся в мае 1921 г. увольнение полководца с должности высшего руководителя армии дальневосточного «буферного» государства.

Опыт военно-управленческой деятельности военачальника Эйхе в период Гражданской войны на востоке России в 1918-1921 гг. представляет собой явление неординарное, уникальное, а судьба его – необыкновенно яркой и полной

[1246] Цит. по: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.): Сб. док. / Сост. *Т.Ф. Каряева* и др. Т. 3. Апрель 1920 г. – 1922 г. М., 1971. С. 606.

[1247] *Bourdieu P.* Espace social et genèse des «classes» // Actes de la recherche en sciences sociales. 1984. Vol. 52-53. P. 8.

неожиданных исторических хитросплетений и перипетий. Если исходить из тезиса культуролога Ю.М. Лотмана, что интересным для биографики представляется человек, который «…реализует не рутинную, среднюю норму поведения, обычную для данного времени и социума, а некоторую трудную и необычную, "странную" для других и требующую от него величайших усилий»[1248], следует признать – жизнь полководца Эйхе совершенно заслуженно является и, смеем надеяться, будет являться предметом историко-биографической реконструкции. Безусловный интерес, в частности, представляют не рассмотренные в исследовании перипетии дальнейшей работы Эйхе на посту командующего войсками и члена РВС Минского района Западного фронта (18 октября 1921 г. – 4 мая 1922 г.), в должности руководителя группировки РККА в Ферганской области (4 июня – 4 октября 1922 г.), а также в новом качестве военного историка – любителя.

Важность обращения к судьбам Эйхе и других «героев Гражданской войны» обусловлена не только особенностями их уникального опыта, но и очевидной потребностью переосмысления деяний военных и политических деятелей советского периода в интересах российской научной традиции, в значительной степени отягощенной наследием тоталитарного прошлого. По мнению историка Майкла Керена (Израиль), «тоталитарные страны очевидно манипулировали мифами; как только тоталитаризм сошел на нет, открылась эра исследований, закономерно сфокусированных на [мифологизированных] персонах и контекстах, а также на самих мифах и процессах, использованных для их конструирования и распространения. Было бы полезно исследовать биографии в свете этой тенденции…»[1249]. В эклектичном сочетании и взаимопроникновении институционального и биографического (приватного) фокуса практик переосмысления в стадиально новой культурно-исторической эпохе мы видим перспективы развития новых научных проектов в русле истории Гражданской войны в России.

[1248] *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992. С. 366.

[1249] *Keren M.* Biography and historiography: The case of David Ben-Gurion // Biography. Vol. 23. No. 2. Hawaii, 2000. P. 349. Следует, однако, помнить, что предметом, на который направлено основное исследовательское усилие биографа, неизменно оказывается социальная и культурная ситуация. Только по отношению к последней, по словам культуролога Э.Ю. Соловьева, описываемая жизнь приобретает значение истории, особой смысло-временной целостности, к которой применимы такие понятия, как уникальность, событийность, развитие, самоосуществление (См.: *Соловьев Э.Ю.* Прошлое толкует нас: Очерки по истории философии и культуры. С. 46)

Список использованных источников и литературы

Источники

Архивные материалы

1. International Institute of Social History (IISH), Амстердам, Нидерланды:
International Left Opposition Archives. Lev Davidovič Trockij (collection of documents). Inv. No. 799, 800, 801, 802, 803, 803a.

2. Latvijas Valsts vēstures arhīvs (LVVA), Рига, Латвия:
F. 235 – Kurzemes, Vidzemes un Latgales ev. lut. draudžu metriku grāmatas. Apr. 6. L. 251.
F. 1615 – Rīgas-Valmieras zemesgrāmatu nodaļa. Apr. 4. L. 6764.
F. 2708 – Rīgas sv. Pāvila evaņģēliski luteriskā baznīca. Apr. 1. L. 7, 10, 16.
F. 2996 – Rīgas Prefektūras pasu lietu kolekcija. Apr. 5. L. 2877.
F. 3234 – Iekšlietu ministrijas Administratīvais departments. Apr. 21. L. 2095.

3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), Москва:
Ф. 102 – Департамент полиции Министерства внутренних дел. Оп. 150. Д. 188. ч. 8; Оп. 210. Д. 1510.
Ф. 504 – Комиссия по обеспечению нового строя при Исполнительном комитете московских общественных организаций. Оп. 1. Д. 544.
Ф. 579 – Милюков Павел Николаевич. Оп. 1. Д. 2135.
Ф. А-150 – Государственный комитет по делам строительства и архитектуры Совета Министров РСФСР. Оп. 1. Д. 1024.
Ф. А-413 – Министерство социального обеспечения РСФСР. Оп. 2. Д. 561.
Ф. А-620 – Герасимов Петр Михайлович. Оп. 1. Д. 27.
Ф. Р-130 – Совет Народных комиссаров РСФСР – Совет Министров РСФСР. Оп. 3. Д. 443, 717; Оп. 4. Д. 593, 608; Оп. 5. Д. 717.
Ф. Р-342 – Лазо Сергей Георгиевич. Оп. 1. Д. 7.
Ф. Р-1005 – Верховный суд РСФСР. Оп. 1а. Д. 595, 598.
Ф. Р-1235 – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 2. Д. 39; Оп. 6. Д. 58; Оп. 93. Д. 102, 511.
Ф. Р-5221 – Всесоюзный коммунистический сельскохозяйственный университет

им. Я.М. Свердлова. Оп. 60а. Д. 74.

Ф. Р-5446 – Совет Министров СССР. Оп. 55. Д. 665.

Ф. Р-5881 – Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов. Оп. 1. Д. 416.

Ф. Р-6978 – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Совета рабочих и солдатских депутатов I созыва. Оп. 1. Д. 539, 583.

Ф. Р-7523 – Верховный Совет СССР. Оп. 1. Д. 183; Оп. 44. Д. 202; Оп. 60. Д. 1973; Оп. 87. Д. 289.

Ф. Р-9147 – Голионко Василий Петрович. Оп. 1. Д. 49.

Ф. Р-9427 – Коллекция материалов учреждений и воинских частей белых правительств. Оп. 1. Д. 283.

Ф. *Р-9577* – Собрание отдельных поступлений документов личного происхождения. Оп. 1. Д. 372.

4. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), Москва:

Ф. 602 – Эйхе Генрих Христофорович. Ед. хр. 20, 66, 67, 68, 83, 153, 157, 164.

5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Москва:

Ф. 17 – Центральный комитет КПСС. Оп. 34. Д. 262; Оп. 65. Д. 277.

Ф. 325 – Троцкий Лев Давидович. Оп. 1. Д. 474.

Ф. 372 – Дальневосточное бюро ЦК РКП(б). Оп. 1. Д. 9, 10, 13, 14, 21, 23, 30а, 32, 35, 47, 60, 61, 86, 118, 339, 340, 341, 426, 443, 1117, 1170; Оп. 2. Д. 2.

6. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), Москва:

Ф. 870 – Коллекция документов по личному составу внешнеторговых организаций. Оп. 266. Д. 130.

7. Российский государственный военный архив (РГВА), Москва:

Ф. 3 – Высший военный совет. Оп. 1. Д. 18.

Ф. 16 – Штаб войск Сибири. Оп. 3. Д. 140.

Ф. 106 – Управление армиями Восточного фронта. Оп. 1. Д. 48; Оп. 3. Д. 13, 17, 143, 155, 157, 171, 173, 174, 175, 190, 192, 193, 224.

Ф. 185 – Штаб 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа. Оп. 1. Д. 5;

Оп. 2. Д. 317; Оп. 3. Д. 28, 29, 32, 34, 133, 135, 136, 137, 139, 140, 143, 168, 170, 174, 175, 176, 186, 193, 237, 316, 326 (ч. 1), 334, 335, 351, 351а, 639, 641, 1290, 1437, 1444.

Ф. 221 – Управление Народно-Революционной армии и флота Дальневосточной республики. Оп. 1. Д. 2, 230, 390, 391, 393, 420, 423, 424, 437, 657, 737.

Ф. 245 – Управление 1-й Конной армии. Оп. 4. Д. 201.

Ф. 767 – Штаб войск Минского военного района. Оп. 1. Д. 8, 29.

Ф. 1317 – Управление 26-й Златоустовской стрелковой дивизии. Оп. 2. Д. 2, 12, 19, 28, 34, 51, 58, 69, 97, 875.

Ф. 37976 – Коллекция послужных списков и личных дел на командный, начальствующий и политический состав РККА. П/с № 263-911, № 340-422.

Ф. 40895 – Коллекция послужных списков на командно-начальствующий и политический состав РККА. УПК № 222584, № 222586, № 222587, № 222588.

8. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Москва:

Ф. 409 – Послужные списки, аттестации и наградные листы офицеров Русской армии. Оп. 1. Д. 184844; П/с № 81/590-58.

Ф. 2144 – Штаб 10-й армии. Оп. 1. Д. 432, 434, 437; Оп. 9. Д. 2.

9. Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ), Москва:

Информационная справка ЦА ФСБ РФ № 10/А-Б-72 от 27 января 2015 г.

10. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО), Волгоград:

Ф. Р-105 – Царицынский губернский военный комиссариат. Оп. 1. Д. 112.

11. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК), Чита:

Ф. Р-571 – Петровск-Заводское уездное воинское управление. Оп. 1. Д. 6.

Ф. Р-796 – Штаб Амурского фронта. Оп. 1. Д. 1, 2, 3.

Ф. Р-2111 – Правительство ДВР. Оп. 1. Д. 3.

12. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО), Новосибирск:

Ф. П-1 – Сибирское бюро ЦК РКП(б). Оп. 1. Д. 43, 155, 300; Оп. 2. Д. 13, 42, 43, 47.

Ф. П-5 – Сибирская Комиссия по изучению истории Коммунистической партии

и истории Великой Октябрьской социалистической революции. Оп. 2. Д. 1366, 1373, 1374, 1381, 1384, 1387.
Ф. П-5а – Партийный архив Новосибирского обкома КПСС и его коллекции. Оп. 1. Д. 200, 282, 289.
Ф. Р-1 – Сибирский революционный комитет. Оп. 1. Д. 381а; Оп. 2. Д. 17, 77, 81; Оп. 2а. Д. 9, 24.

13. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), Оренбург:
Ф. Р-2900 – Десятерик Прокофий Корнеевич. Оп. 1. Д. 166.

14. Государственный архив Саратовской области (ГАСО), Саратов:
Ф. 4 – Саратовская городская управа. Оп. 1. Д. 3427, 3558.
Ф. 59 – Саратовское городское полицейское управление. Оп. 1. Д. 1835.

15. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК), Хабаровск:
Ф. П-44 – Отдел Дальневосточной краевой комиссии по собиранию и изучению материалов по истории Октябрьской революции и истории ВКП(б) при Хабаровском краевом комитете ВКП(б). Оп. 1. Д. 427.
Ф. Р-1317 – Народно-Революционная армия и флот Дальневосточной республики. Оп. 2. Д. 3, 4, 5, 6; Оп. 3. Д. 2.

16. Новосибирский государственный краеведческий музей (НГКМ), Новосибирск:
Ед. хр. № НВ-10255, НВ-12233/1, НВ-12248, НВ-14924/124, НВ-14924/127, ОФ-13895, ОФ-13896, ОФ-13942, ОФ-16199/2, ОФ-16199/3.

Опубликованные документы

1. Боевое расписание к 1-му июня 1919 г. М.: Изд. Полевого штаба РВС Республики, 1919. 71 с.
2. Боевое расписание по данным к 1-му августа 1919 г. М.: Изд. Полевого штаба РВС Республики, 1919. 71 с.
3. Боевые подвиги частей Красной Армии (1918-1922 гг.): Сб. док. / Сост. *К.И. Любавская* и др. М.: Воениздат, 1957. 239 с.
4. В боях рожденная. Боевой путь 5-й армии (1918-1920): Сб. док. / Сост. *С.Д. Гусаревич* и др. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. 416 с.

5. Ведомость справок о судимости, издаваемая Министерством юстиции, за 1915 год. Книга первая. Пг.: Сенатская типография, 1915. 571 с.
6. Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г.: Сб. док. / Сост. *С.Н. Базанов* и др. М.: Наука, 1982. 608 с.
7. Временные правила о порядке привлечения в 1914 году в войска, на основании статьи 61^{6} Устава о Воинской Повинности, по продолжению 1912 года, потребного числа молодых людей, пользующихся отсрочками для окончания курса высших учебных заведений // Русский инвалид. 1914. № 253. 7 ноября.
8. Выдержки из донесений Военному министру генерал-майора Адамовича об осмотре школ подготовки прапорщиков пехоты. Казань: Умидъ, 1917. 93 с.
9. Гражданская война на Южном Урале. 1918-1919: Сб. док. и мат. / Ред. кол.: *П.С.Лучевников* и др. Челябинск: Кн. изд-во, 1962. 440 с.
10. Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.): Сб. док. Сиб. бюро ЦК РКП(б) и Сиб. революционного комитета / Сост. *М.П. Малышева* и др. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. 370 с.
11. Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией (февраль 1920 г. – ноябрь 1922 г.). Док. и мат. / Отв. ред. *Б.И. Мухачев.* В 2-х ч. Ч. 1. Февраль-ноябрь 1920 г. Владивосток: Дальнаука, 1993. 312 с.
12. Директивы Главного командования Красной Армии (1917-1920): Сб. док. / Сост. *Н.М. Вьюнова* и др. М.: Воениздат, 1969. 882 с.
13. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.): Сб. док. / Сост. *Т.Ф. Каряева* и др. В 4-х т. Т. 1. Ноябрь 1917 г. – март 1919 г. М.: Воениздат, 1971. 787 с.
14. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.): Сб. док. / Сост. *Т.Ф. Каряева* и др. В 4-х т. Т. 2. Март 1919 г. – апрель 1920 г. М.: Воениздат, 1972. 803 с.
15. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.): Сб. док. / Сост. *Т.Ф. Каряева* и др. В 4-х т. Т. 3. Апрель 1920 г. – 1922 г. М.: Воениздат, 1971. 765 с.
16. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.): Сб. док. / Сост. *Т.Ф. Каряева* и др. В 4-х т. Т. 4. Материалы, указатели. М.: Воениздат, 1978. 727 с.
17. Документы внешней политики СССР. В 27-ми т. Т. 3. 1 июля 1920 г. – 18

марта 1921 г. / Ред. кол.: *Г.А. Белов* и др. М.: Госполитиздат, 1959. 723 с.
18. Документы героической борьбы: Сб. док. мат., посвященных борьбе против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции на территории Енисейской губернии (1918-1920 гг.) / Сост. *З.К. Глусская* и др. Красноярск: Кн. изд-во, 1959. 564 с.
19. За власть Советов: Сб. док. о борьбе трудящихся Забайкалья в 1917-1922 гг. / Сост. *И.М. Давидович* и др. Чита: Кн. изд-во, 1957. 440 с.
20. Из истории гражданской войны в СССР: Сб. док. и мат. / Ред. кол.: *Г.А. Белов* и др. В 3-х т. Т. 2 (март 1919 г. – февраль 1920 г.). М.: Сов. Россия, 1961. 895 с.
21. Из истории гражданской войны в СССР: Сб. док. и мат. / Ред. кол.: *Г.А. Белов* и др. В 3-х т. Т. 3 (февраль 1920 г. – октябрь 1922 г.). М.: Сов. Россия, 1961. 875 с.
22. Красные герои. Список участников гражданской войны, награжденных орденом «Красное Знамя». Вып. 1. [Б.м.]. 36 с.
23. Красные герои. Список участников гражданской войны, награжденных орденом «Красное Знамя». Вып. 2. [Б.м.], 1920. 39 с.
24. М.В. Фрунзе на Восточном фронте: Сб. док. / Отв. сост. *Т.Ф. Каряева*. Куйбышев: Кн. изд-во, 1985. 272 с.
25. Материалы по коммерческому образованию. Вып. III. Торговые школы. СПб.: Типогр. А.В. Орлова, 1905. 298 с.
26. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. – март 1918 г.: Сб. док. / Под. ред. *Л.С. Гапоненко.* М. Наука, 1973. 455 с.
27. Основной закон (Конституция) Дальне-Восточной республики. Чита: Гос. типография № 1, 1921. 24 с.
28. Отчет об операциях Красной армии в период с 1 декабря 1919 г. по 25 ноября 1920 г. [Б.м.]. 86 с.
29. Партизанское движение в Бурятии: Сб. док. / Отв. ред. *Б.Д. Цибиков*. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1965. 456 с.
30. Партизанское движение в Западной Сибири (1918-1920 гг.): Док. и мат. / Ред. кол.: *И.В. Громов* и др. Новосибирск: Кн. изд-во, 1959. 832 с.
31. Перепись населения в г. Риге и Рижском патримониальном округе от 5 декабря 1913 г. / Под ред. *Е.Е. Штида.* Вып. 1. Рига: Типогр. Мюллера, 1914. 36 с.
32. Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXXII.

1912 г. Пг.: Гос. типография, 1915. 1790 с.
33. Последние дни колчаковщины: Сб. док. / Сост. *М.М. Константинов.* М.-Л.: Гос. изд-во, 1926. 231 с.
34. Приказы войскам Восточного фронта РСФСР. 25 мая 1919 г. – 6 мая 1920 г. [Б.м.].
35. Приказы Казанскому военному округу. 1915 г. [Б.м.], 1915.
36. Приказы по Военному ведомству. 1914 г. Пг., 1914.
37. Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Девятый съезд РКП(б). Март-апрель 1920 г. / Под ред. *Н.Л. Мещерякова*. М.: Партиздат, 1934. 612 с.
38. Симбирская губерния в годы Гражданской войны (май 1918 г. – март 1919 г.): Сб. док. / Ред. кол.: *Ф.В. Герасин* и др. В 2-х т. Т. 1. Ульяновск: Кн. изд-во, 1958. 448 с.
39. Собрание оперативных телеграмм, приказов и распоряжений главнокомандующего Восточным (чехословацким) фронтом тов. Вацетиса. 18/VII – 7/IX 1918 года. М.: Оперативный отдел Нар. комиссариата по военным делам, 1918. 270 с.
40. Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1917-1918 гг. М.: Упр. делами СНК СССР, 1942. 1483 с.
41. Список лиц, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР, от 12 сентября 1938 года. Москва – Центр. 1-я категория. Источник: АП РФ. Оп. 24. Д. 418. Л. 15 // URL: http://stalin.memo.ru/names/index.htm (дата обращения: 8.12.2016).
42. Устав о воинской повинности. М.: Типогр. п/ф «Ломоносов», 1914. 560 с.
43. Челябинская область. 1917-1945 гг.: Сб. док. и мат. / Под ред. *П.Г. Агарышева.* Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1998. 304 с.

Источники личного происхождения

1. *Азарх Р.М.* У великих истоков. М.: Воениздат, 1967. 159 с.
2. *Болдырев В.Г.* Директория. Колчак. Интервенты: Воспоминания. Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. 562 с.
3. Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи участников борьбы с учредиловской и колчаковской контрреволюцией / Под ред. *И.Н. Смирнова* и др. М.-Л.: Гос. изд-во, 1926. 388 с.

4. *Буденный С.М.* Пройденный путь. В 3-х кн. Кн. 3. М.: Воениздат, 1973. 408 с.
5. *Гайлит.* Из воспоминаний // Сборник воспоминаний к четвертой годовщине Рабоче-крестьянской Красной армии. М.: Высш. воен. ред. совет, 1922. С. 29-31.
6. *Гайлит Я.П.* Ночные действия (пример из гражданской войны) // Военная наука и революция. 1922. № 2. С. 65-71.
7. *Гайлит Я.П.* Переправа через р. Белую 1-й бригады 26 стрелковой дивизии 5/VI 1919 г. // Военный вестник. 1922. № 11. С. 38-40.
8. Гражданская война в Башкирии: Воспоминания участников / Под ред. *П.А. Кузнецова.* Уфа: Башкирское гос. изд-во, 1932. 198 с.
9. Гражданская война на Дальнем Востоке (1918-1922): Воспоминания ветеранов / Сост. *А.Т. Якимов.* М.: Наука, 1973. 351 с.
10. *Гончаров Н.К.* На разгром Колчака // Москвичи на фронтах гражданской войны. Воспоминания / Под. общ. ред. *Г.Д. Костомарова.* М., 1960. С. 246-256
11. *Гусев С.И.* Гражданская война и Красная Армия. Сб. военно-теоретических и военно-политических статей (1918-1924). М.-Л.: Гос. изд-во, 1925. 220 с.
12. *Де-Липпе-Липский Н.И.* Война и революция. Воспоминания полковника л. гв. 2-го стрелкового Царскосельского полка Н.И. Де-Липпе-Липского // Памятные дни. Из воспоминаний Гвардейских стрелков / Под ред. *Э.А. Верцинского.* Кн. 3. Таллинн: Изд. Союза Царскосельских стрелков, 1939. С. 52-116.
13. *Дмитриев Н.* От Волги до Байкала. М.: Военный вестник, 1928. 45 с.
14. *Егорьев В.Н.* Из жизни Западной Завесы (по архивным материалам и личным воспоминаниям) // Гражданская война. 1918-1921 / Под общ. ред. *А.С. Бубнова, С.С. Каменева, Р.П. Эйдемана.* В 3-х т. Т. 1. Боевая жизнь Красной Армии. М.: Военный вестник, 1928. С. 231-245.
15. *Ефимов А.Г.* Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками, 1918-1920. М.: Айрис-Пресс, 2008. 415 с.
16. *Жигалин Я.П.* Партизанские отряды занимали города… Барнаул: Алтайск. кн. изд-во, 1965. 164 с.
17. *Измайлов С.М.* Десанты под Симбирском // Симбирская губерния в 1918-1920 гг. Сб. воспоминаний / Ред. кол.: *Н.Д. Фомин* и др. Ульяновск: Кн. изд-во, 1958. С. 295-308.
18. *Каликин.* Судьба одного из офицеров // Каппель и каппелевцы. 3-е изд., испр. и доп. / Сост. *Р.Г. Гагкуев.* М.: Русский путь, 2010. С. 521-543.

19. *Камбалин А.* 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк в Сибирском Ледяном походе // Сибирские огни. 2010. № 2. С. 112-161.

20. *Краснопольский Н.* В боях за освобождение Челябинска: Из воспоминаний батарейца. Челябинск: Челяб. рабочий, 1959. 22 с.

21. *Краснопольский Н.* В рядах 5-й Красной Армии // Сибирские огни. 1959. № 3. С. 162-167.

22. *Кроль Л.А.* За три года (воспоминания, впечатления, встречи). Владивосток: Тип. Т-ва изд. «Свободная Россия», 1921. 212 с.

23. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. В 55-ти т. Т. 40. Декабрь 1919 – апрель 1920. М.: Политиздат, 1970. 506 с.

24. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. В 55-ти т. Т. 42. Ноябрь 1920 – март 1921. М.: Политиздат, 1970. 606 с.

25. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. В 55-ти т. Т. 50. Письма. Октябрь 1917 – июнь 1919. М.: Политиздат, 1965. 623 с.

26. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. В 55-ти т. Т. 51. Письма. Июль 1919 – ноябрь 1920. М.: Политиздат, 1970. 573 с.

27. Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников / Сост. *Н.И. Корицкий* и др. М.: Воениздат, 1965. 248 с.

28. *Новиков С.* Конец родного полка // Военная быль. 1968. № 89. С. 17-25.

29. *Никифоров П.М.* Записки премьера ДВР. Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке (1917-1922 гг.). М.: Госполитиздат, 1963. 287 с.

30. *Никифоров П.М.* Записки премьера ДВР. Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке (1917-1922 гг.). Изд. 2-е, перераб. М.: Политиздат, 1974. 191 с.

31. *Павлов Г.* Колчак наступал // Сибирские огни. 1929. Кн. 6. Ноябрь-декабрь. С. 109-116.

32. *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых // Восточный фронт адмирала Колчака / Сост. *С.В. Волков*. М.: Центрполиграф, 2004. С. 7-60.

33. *Петров П.П.* Роковые годы. 1914-1920. Калифорния: [Б.и.], 1965. 273 с.

34. *Поболотин С.Н.* Маловишерцы на родине и на фронте в борьбе за советы (отрывки воспоминаний) // Красная летопись. 1929. № 4 (31). С. 216-229.

35. Подвиг Пятой Красной: Сб. воспоминаний / Сост. *Я.М. Кузнецов.* Новоси-

бирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1984. 159 с.

36. *Путна.* Кусочки воспоминаний // Прожектор. 1924. № 7(29). С. 24-27.

37. *Путна В.К.* Восточный фронт. Штрихи. 2-е изд. М.: Воениздат, 1959. 64 с.

38. Разгром Колчака: Воспоминания / Сост. *Л.М. Спирин*. М.: Воениздат, 1969. 295 с.

39. *Рейснер Л.* Свияжск // Пролетарская революция. 1923. № 6-7. С. 177-189.

40. *Риманов И.Ф.* Встречи с Ярославом Гашеком. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. 126 с.

41. *Рожко А.* Мухтавлă çул пуçламăшĕ // Коммунизм ялавĕ: республиканская газета Чувашской АССР. 1957. № 46. 23 февраля. С. 3.

42. *Сахаров К.В*. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918-1920 гг.). Мюнхен: [б.и.], 1923. 324 с.

43. *Семенов Г.М.* О себе. Воспоминания, мысли и выводы. 1904-1921. М.: Центрполиграф, 2007. 304 с.

44. *Серышев С.* Вооруженная борьба за власть Советов на Дальнем Востоке // Революция на Дальнем Востоке: Сб. ст. и мат. Вып. 1. М.-Пг.: Гос. изд-во, 1923. С. 67-128.

45. *Смирнов И.* Борьба Красной Армии за освобождение Сибири // Три года борьбы за диктатуру пролетариата. 1917-1920. Омск: Сиб. кн. изд-во, 1920. С. 33-39.

46. *Солский В.* 1917 год в Западной области и на Западном фронте. Мн.: Тесей, 2004. 222 с.

47. *Софронов Г.П.* Неподвластное времени. М.: Воениздат, 1976. 376 с.

48. *Сталин И.В.* Сочинения. В 13-ти т. Т. 4. 1917-1920. М.: ОГИЗ, 1947. 487 с.

49. Таежные походы: Сб. эпизодов из истории гражданской войны на Дальнем Востоке / Под ред. *М. Горького* и др. М.: История гражд. войны, 1935. 501 с.

50. *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. М.: Панорама, 1991. 621 с.

51. *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1. 1919-1927 гг. М.: Воениздат, 1964. 320 с.

52. *Фрунзе М.В.* Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1. М.: Воениздат, 1957. 472 с.

53. *Чуйков В.И.* От Сталинграда до Берлина. М.: Сов. Россия, 1985. 704 с.

54. *Шилов Д.* Красные партизаны Амура и Восточного Забайкалья на фронте в

1920 году (Отрывки из воспоминаний) // Год двадцатый. Альманах одиннадцатый. М.: Худож. лит-ра, 1937. С. 156-173.

55. *Эйхе.* 5-я армия в борьбе за Западную Сибирь // Гражданская война. 1918-1921 / Под общ. ред. *А.С. Бубнова, С.С. Каменева, Р.П. Эйдемана.* В 3-х т. Т. 1. Боевая жизнь Красной Армии. М.: Военный вестник, 1928. С. 190-204.

56. *Эйхе.* Крушение планов… (К годовщине начала мировой войны) // Война и революция. 1935. Июль-август. С. 51-59.

57. *Эйхе Г.* Победа на Востоке (К 45-летию разгрома Колчака) // Красная звезда. 1965. № 11. 15 января. С. 3.

58. *Эйхе Г.* Разгром войск Колчака // Подвиг Пятой Красной: Сб. воспоминаний / Сост. *Я.М. Кузнецов.* Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1984. С. 51-59.

59. *Эйхе Г.* Стремительность // Ленинское знамя: газета Южной группы войск. 1968. № 29. 4 февраля.

60. *Эйхе Г.* Тактические поучения Гражданской войны: исследование тактики Красной Армии в борьбе против Колчака и на Дальнем Востоке. М.: Госвоениздат, 1931. 189 с.

61. *Эйхе Г.* Фланговый марш // Военный вестник. 1968. № 1. С. 10-14.

62. *Эйхе Г.* Форсирование реки Белой частями V армии Восточного фронта в июне 1919 года. М.-Л.: Гос. изд-во, 1928. 72 с.

63. *Эйхе Г.Х.* Даешь Урал! // Урал. 1968. № 2. С. 68-84.

64. *Эйхе Г.Х.* На главном направлении // Разгром Колчака: Воспоминания / Сост. *Л.М. Спирин.* М.: Воениздат, 1969. С. 151-168.

65. *Эйхе Г.Х.* Опрокинутый тыл. М.: Воениздат, 1966. 384 с.

66. *Эйхе Г.Х.* Разгром войск Колчака (К 45-летию освобождения Новониколаевска от колчаковщины) // Сибирские огни. 1965. № 3. С. 161-167.

67. *Эйхе Г.Х.* Уфимская авантюра Колчака (Март-апрель 1919 г.). Почему Колчаку не удалось прорваться к Волге на соединение с Деникиным. М.: Воениздат, 1960. 295 с.

68. *Graves W.S.* America`s Siberian adventure. 1918-1920. N.Y.: Peter Smith, 1941. 363 p.

69. *Janin M.* Ma mission en Sibérie. 1918-1920. Paris: Payot, 1933. 307 p.

70. *Moltchanoff V.M.* The Last White General: An interview Conducted by Boris Raymond. Berkeley: University of California, Regional Oral History Office, 1972. 316 p.

Периодическая печать

1. *Бюллетень приказов и распоряжений* (Приложение к газете «Боец») (Верхнеудинск). 1920. № 116. 3 октября.
2. *Вестник X армии* (Молодечно). 1917. № 864. 3 мая; № 866. 5 мая; № 868. 7 мая; № 872. 13 мая; № 875. 17 мая; № 900. 16 июня; № 908. 25 июня.
3. *Дальневосточная правда* (Верхнеудинск). 1920. 14 ноября.
4. *Дальневосточная республика* (Верхнеудинск). 1920. 20 июля; 12 августа.
5. *Известия Временной Земской Власти Прибайкалья* (Верхнеудинск). 1920. № 3. 18 марта.
6. *Красная звезда* (Москва). 1966. № 245. 20 октября; 1968. № 177. 31 июля.
7. *Освобождение России* (Пермь). 1919. № 1. 1 января; № 74. 2 апреля; № 75. 3 апреля; № 100. 9 мая.
8. *Правда* (Москва). 1917. 12 ноября; 1918. 1 марта; 1919. 7 мая; 25 декабря.
9. *Русский инвалид* (Петроград). 1916. № 15. 16 января.
10. *Советская Латвия* (Рига). 1968. 27 июля.
11. *Утро Сибири* (Челябинск). 1919. № 18. 26 января; № 69. 1 апреля.
12. *Южное слово* (Симферополь). 1916. 23 апреля

Художественная литература

1. *Алдан-Семенов А.И.* Красные и белые: Роман. М.: Современник, 1979. 574 с.
2. *Гроссман М.С.* Да святится имя твое!: Роман. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1983. 496 с.
3. *Гроссман М.С.* Годы в огне: Роман. 2-е изд., испр. и доп. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1987. 494 с.
4. *Гуль* Р.Б. Красные маршалы: Тухачевский, Ворошилов, Блюхер, Котовский. М.: Мол. гвардия, 1990. 254 с.
5. *Лейкин М.В.* Под луной (Роман-фантазия) // URL: http://samlib.ru/m/mah_m/pod_lunoi.shtml (дата обращения: 14.03.2017).
6. *Попов В.Г.* Казачий континент: антиутопия // URL: http://debri-dv.com/article/3294 (дата обращения: 20.03. 2017).
7. *Раковский Л.И.* Михаил Тухачевский. Константин Заслонов: Повести. Л.: Сов. писатель., Ленингр. отд., 1977. 496 с.

8. *Романов Г.И.* «Психическая атака» из будущего. За Колчака и Каппеля! М.: Яуза, 2013. 733 с.
9. *Таурин Ф.Н.* Верность: Повесть о Р. Эйхе. М.: Политиздат, 1990. 282 с.
10. *Тихомиров М.И.* Генерал Лукач: Роман. М.: Мол. гвардия, 1965. 383 с.
11. *Фурманов Д.А.* Чапаев: Роман. М.: Воениздат, 1961. 280 с.
12. *Цирулис Г.* На явку придут все: Повесть о юности Роберта Эйхе. Рига: Лиесма, 1971. 203 с.
13. *Эйдеман Р.П.* Во имя долга: Рассказы. М.-Л.: Гос. изд-во, 1927. 118 с.
14. *Эйдеман Р.П.* Степной ветер: Повести и рассказы. М.: Художеств. лит-ра, 1965. 270 с.

Литература

Исследования

1. *Агалаков В.Т.* Из истории строительства Советской власти в Восточной Сибири 1919-1921 гг. Иркутск: Кн. изд-во, 1958. 184 с.
2. *Алахвердов Г.Г. и др.* Краткая история гражданской войны в СССР. М.: Госполитиздат, 1960. 432 с.
3. *Алексеев Д.Г.* Начдив Иван Грязнов. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1968. 113 с.
4. *Алексеев Д.Г.* Уральская жемчужина. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1976. 176 с.
5. *Альтов В.Г.* Бугуруслан: ист.-краев. очерк. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1990. 335 с.
6. *Анишев А.* Очерки истории гражданской войны. 1917-1920 гг. Л.: Гос. изд-во, 1925. 288 с.
7. *Артамонов М.Д.* Введенские горы. М.: Моск. рабочий, 1993. 203 с.
8. *Борисов Б.* Дальний Восток. Вена: Издание «Новой России», 1921. 62 с.
9. *Бринюк Н.Ю.* Военно-политическая деятельность Владимира Оскаровича Каппеля (1883-1920 гг.). Дис. … канд. ист. наук. СПб., 2013. 274 с.
10. *Боголюбов А.Н.* Разгром Колчака (Оперативно-стратегический очерк) / Под ред. *В.А. Меликова*. М.: Учеб. отдел Академии Ген. штаба РККА, 1939. 120 с.
11. *Болтин Е.А.* Контрнаступление Южной группы Восточного фронта и разгром Колчака (1919 г.). М.: Воениздат, 1949. 136 с.

12. *Буравченков А.А.* В ногу с революцией. Демократическое офицерство в Великой Октябрьской социалистической революции. Киев: Выща школа, 1988. 144 с.

13. *Бурдье П.* Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.

14. *Бурдье П.* Социология социального пространства. М.: Инст. эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.

15. *Варгин Н.Ф.* Освобождение Красной Армией Сибири от власти Колчака и иностранных интервентов (август 1919 – март 1920 гг.). Автореферат дис. … канд. ист. наук. Л., 1961. 19 с.

16. *Василевский В.И.* и др. Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во., 1967. 365 с.

17. *Винокуров О.* Битва на Тоболе: 1919-й год в Курганской области // URL: http://www.kurgangen.ru/local-finding/grajdanskaya/The%20battle%20on%20the%20Tobol/1.2 (дата обращения: 8.05.2017).

18. *Волков Е.В.* Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2001. 335 с.

19. *Волков Е.В.* Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М.В. Ханжина. Екатеринбург: Урал. рабочий, 1999. 199 с.

20. *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М.: Центрполиграф, 2003. 413 с.

21. *Воробьев В.Ф.* Тобольско-Петропавловская операция. М.: Воениздат, 1939. 88 с.

22. *Гаглов И.И., Палант М.И.* Кавалер пяти орденов: рассказ о двадцатидвухлетнем командарме. М.: Моск. рабочий, 1964. 112 с.

23. *Гай Г.Д.* Первый удар по Колчаку: воен.-ист. очерк. Л.: Воен. тип. Упр. делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1926. 98 с.

24. *Ганин А.В.* Атаман А.И. Дутов. М.: Центрполиграф, 2006. 623 с.

25. *Ганин А.В.* Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России. Дис. ... доктора ист. наук. М., 2013. 693 с.

26. *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917-1922 гг.: справ. мат. М.: Русский путь, 2009. 894 с.

27. *Ганин А.В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: статьи и документы. М.: Русский путь, 2013. 878 с.

28. Героические годы борьбы и побед. Дальний Восток в огне гражданской вой-

ны / Отв. ред. *Ф.Н. Петров.* М.: Наука, 1968. 391 с.
29. *Гинзбург К.* Сыр и черви: картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М.: РОССПЭН, 2000. 209 с.
30. *Голионко В.П.* В огне борьбы (Из истории гражданской войны 1918-1922 гг. на Дальнем Востоке). М.: Госполитиздат, 1958. 196 с.
31. *Гончаров Г.С.* Народно-Революционная армия Дальневосточной республики (1920-1922 гг.). Автореферат дис. … канд. ист. наук. Л., 1970. 20 с.
32. Гражданская война. 1918-1921 / Под общ. ред. *А.С. Бубнова, С.С. Каменева, М.Н. Тухачевского, Р.П. Эйдемана.* В 3-х т. Т. 3. Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной Армии. М.-Л.: Гос. изд-во, 1930. 560 с.
33. Гражданская война в СССР / Под общ. ред. *Н.Н. Азовцева.* В 2-х т. Т. 1. М.: Воениздат, 1980. 368 с.
34. *Гудошников М.А.* Очерки по истории гражданской войны в Сибири. Иркутск: Кн. изд-во, 1959. 206 с.
35. *Дайнес В.О.* Чапаев: биографический очерк. М.: Вече, 2010. 473 с.
36. *Дайнес В.О.* Чапаев: мастер наступления и обороны. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2012. 397 с.
37. *Дубинин Д.В.* Военно-политическая деятельность И.В. Сталина в годы гражданской войны (1918-1920 гг.). Дис. … канд. ист. наук. М., 2010. 192 с.
38. *Егоров Н.Д.* Создание и деятельность войск Завесы обороны в 1918 году. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 24 с.
39. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 год: материалы симпозиума / Ред. кол.: *В.К. Яцунский* и др. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1966. 787 с.
40. *Заболотный М.Б.* 5-я Краснознаменная Красная армия в годы Гражданской войны (1918-1920 гг.). Автореферат дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 1971. 31 с.
41. *Звягин С.П.* В.Н. Пепеляев: судьба либерала из Сибири в начале XX века: монография. Томск: Изд-во Томск. политех. ун-та, 2012. 341 с.
42. *Ивашин В.Г.* Большевики Белоруссии и Западного фронта в борьбе за осуществление ленинского Декрета о мире. Мн.: Изд-во БГУ, 1972. 416 с.
43. *Иоффе Э.Г.* Советские военачальники на белорусской земле: Путеводитель по местам жизни и деятельности. Мн.: Полымя, 1988. 237 с.

44. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): краткий курс / Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М.: Госполитиздат, 1945. 352 с.
45. История гражданской войны в СССР. 1917-1922. В 5-ти т. Т. 4 (Март 1919 г. – февраль 1920 г.) / Ред. комис.: *С.Ф. Найда* и др. М., 1959. 443 с.
46. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны / Отв. ред. *Б.И. Мухачев.* Владивосток: Дальнаука, 2003. 632 с.
47. Исторический очерк 27 Омской стрелковой дивизии РККА. М.-Пг.: Гос. изд-во, 1923. 287 с.
48. *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917-1920 гг. М.: Наука, 1988. 276 с.
49. *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. В 2-х т. Т. 1. М.-Л.: Гос. изд-во, 1925. 269 с.
50. *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. В 2-х т. Т. 1. М.-Л.: Гос. изд-во, 1926. 428 с.
51. *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. 2-е изд., уточн. В 2-х т. Т. 1. М.: Политиздат, 1990. 271 с.
52. *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. 2-е изд., уточн. В 2-х т. Т. 2. М.: Политиздат, 1990. 431 с.
53. *Каминский В.В.* Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб.: Алетейя, 2011. 734 с.
54. *Коэн С.* Переосмысливая советский опыт (Политика и история с 1917 г.). Benson: Chalidze, 1986. 217 с.
55. Краткий исторический очерк 26-й Златоустовской стрелковой дивизии. Красноярск: Полит. отдел 26-й стр. див.; Енисейский губком РКП(б), 1925. 72 с.
56. *Кретинин А.Е.* Новониколаевск – Новосибирск: одна судьба на двоих. Новосибирск: Сов. Сибирь, 2010. 530 с.
57. *Крушанов А.И.* Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1920 гг.). В 5-ти кн. Кн. 2. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1984. 224 с.
58. *Ластунов И.И.* Европейский Северо-Восток России в годы гражданской войны: 1917-1921 гг. Дис. … канд. ист. наук. Сыктывкар, 2000. 271 с.
59. *Левкин Г.Г.* Волочаевка без легенд. Хабаровск: Приамурск. географ. общ-во, 1999. 286 с.

60. *Лигута В.Н.* У Сморгони, под знаком Святого Георгия. Мн.: Изд-во В. Хурсика, 2010. 249 с.

61. *Липкина А.Г.* 1919 год в Сибири (Борьба с колчаковщиной). М.: Воениздат, 1962. 235 с.

62. *Лобов В.Н.* Военная хитрость в истории войн. М.: Воениздат, 1988. 192 с.

63. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. В 3-х т. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. С. 366.

64. *Соловьев Э.Ю.* Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М.: Политиздат, 1991. 479 с.

65. *Лучевников П.С.* Гражданская война на Южном Урале (1918-1919 гг.). Челябинск: Кн. изд-во, 1958. 194 с.

66. *Мармышев А.В., Елисеенко А.Г.* Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск: Версо, 2008. 416 с.

67. *Михалев Л.А.* Революционное движение солдат 10-й армии Западного фронта в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции (март-октябрь 1917 года). Автореферат дис. … канд. ист. наук. Мн., 1987. 17 с.

68. *Михеев С.П.* Военно-исторические примеры. М.-Л.: Гос. изд-во. Отд. воен. литературы, 1928. 196 с.

69. *Мухарямов М.К.* Гражданская война в Татарии (1918-1919 гг.). Казань: Татгиздат, 1969. 300 с.

70. *Мухачев Б.И.* Александр Краснощеков: ист.-биогр. очерк. Владивосток: ДВО РАН, 1999. 283 с.

71. *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 632 с.

72. *Нарский И.В.* Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство. Челябинск: Энциклопедия, 2008. 516 с.

73. *Ненароков А.П.* Восточный фронт. 1918. М.: Наука, 1969. 280 с.

74. *Новиков П.А.* Вооруженная борьба в Иркутской губернии и Забайкальской области (декабрь 1917 г. – август 1921 г.). Дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2002. 390 с.

75. *Новиков П.А.* Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005. 415 с.

76. *Новоселов Ю.Д.* Латыши. Очерки по этнографии и современной культуре

латышей. Рига: А.И. Кузнецов, 1911. 64 с.

77. *Огородников Ф.Е.* Удар по Колчаку весной 1919 г. М.: Воениздат, 1938. 316 с.

78. *Ожиганов А.Л.* Отечественная историография колчаковского режима (ноябрь 1918 – январь 1920 гг.). Дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003. 317 с.

79. *Папин Л.М.* Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. 224 с.

80. *Парфенов П.С.* Борьба за Дальний Восток: 1920-1922. 2-е изд., испр. М.: Моск. тов. писателей, 1931. 358 с.

81. *Парфенов П.С.* На соглашательских фронтах. 2-е изд. М.: Федерация, 1932. 228 с.

82. *Петри П.И.* Взаимодействие немецкой и русской хоровой традиции в контексте культуры России XVII – XIX веков. Автореферат дис. … канд. искусствоведения. Нижний Новгород, 2005. 27 с.

83. *Петров С.П.* Упущенные возможности. Гражданская война в восточно-европейской части России и в Сибири, 1918-1920 гг. М.: АИРО-XX, 2006. 368 с.

84. *Рейхберг Г.Е.* Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.). М.: Соцэкгиз, 1940. 212 с.

85. *Рублев М.Р., Егоров О.Е.* Сергей Павлов – герой Октября и гражданской войны / Под общ. ред. *Г.Х. Эйхе.* Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1963. 215 с.

86. *Румянцев М.В.* Участие трудящихся Чувашии в разгроме империалистической интервенции и внутренней контрреволюции в годы гражданской войны. Чебоксары: [Б.и.], 1963. 132 с.

87. *Серебренников С.В.* Партийная и государственная деятельность Р.И. Эйхе: 1905-1940 гг. Дис. … канд. ист. наук. СПб., 1994. 286 с.

88. *Сидоров А.Ю.* Внешняя политика Советской России на Дальнем Востоке (1917-1922 гг.). М.: Изд-во МГИМО, 1997. 173 с.

89. *Соколов Б.В.* Тухачевский. М.: Мол. гвардия, 2008. 447 с.

90. *Соловьев Э.Ю.* Прошлое толкует нас: Очерки по истории философии и культуры. М.: Политиздат, 1991. 430 с.

91. *Сонин В.В.* Становление Дальневосточной республики. 1920-1922. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1990. 347 с.

92. *Спирин Л.М.* Разгром армии Колчака. М.: Госполитиздат, 1957. 296 с.

93. *Спреслис А.И.* Латышские стрелки на страже завоеваний Октября. 1917-1918

гг. Рига: Зинатне, 1967. 243 с.
94. *Тодорский А.М.* Маршал Тухачевский. М.: Политиздат, 1964. 95 с.
95. *Томан Б.А.* За свободную Россию, за свободную Латвию. Латышские стрелки и красногвардейцы в первый год Советской власти. М.: Политиздат, 1975. 295 с.
96. *Черушев Н.С.* Вацетис – Главком Республики. М.: Вече, 2016. 381 с.
97. *Шерешевский Б.М.* Разгром семеновщины (апрель-ноябрь 1920 г.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1966. 240 с.
98. *Шишкин С.Н.* Борьба за освобождение Дальнего Востока (1918-1922 гг.). М.: ВАФ, 1941. 128 с.
99. *Шишкин С.Н.* Гражданская война на Дальнем Востоке. 1918-1922 гг. М.: Воениздат, 1957. 268 с.
100. *Шувалов А.А.* Командный состав Красной Армии и Белого движения в годы Гражданской войны: октябрь 1917 – конец 1920 года. Дис. … канд. ист. наук. Брянск, 2007. 320 с.
101. *Якимов А.Т.* Дальний Восток в огне борьбы с интервентами и белогвардейцами (1920-1922). М.: Наука, 1979. 120 с.
102. 50 лет вооруженных сил СССР. М.: Воениздат, 1968. 583 с.
103. Latviešu strēlnieku vēsture (1915-1920). Rīga: Zinātne, 1970. 699 lp.
104. *Bradley J.F.N.* Civil War in Russia 1917-1920. London & Sidney: B.T. Batsford Ltd, 1975. 197 p.
105. *Carley M.J.* Revolution and Intervention: The French Government and the Russian Civil War, 1917-1919. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1983. 265 p.
106. *MacLaren R.* Canadians in Russia. 1918-1919. Toronto: Maclean Hunter Press, 1976. 301 p.
107. *Pereira N.G.O.* White Siberia. The Politics of Civil War. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 1996. 261 p.
108. *Petroff S.* Remembering a Forgotten War: Civil War in Eastern European Russia and Siberia. 1918-1920. N.Y.: Columbia University Press, 2000. 260 p.
109. *Pipes R.* The Russian revolution, 1899-1919. London: Fontana press, 1992. 944 c.
110. *Smele J.D.* Civil war in Siberia. The anti-Bolshevik government of Admiral Kolchak. 1918-1920. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 759 p.
111. *Steward G.* The White Armies of Russia: a chronicle of counter-revolution and Allied intervention. N.Y.: Macmillan company, 1933. 469 p.

112. *White J.A.* The Siberian Intervention. Princeton: Princeton University Press, 1950. 471 p.

Статьи и тезисы

1. *Авдеева Н.А.* Создание Народно-Революционной армии Дальневосточной республики (1920 г.) // Ученые записки Хабаровского педагогического института. Серия историческая. 1968. Т. 16. С. 5-23.

2. [Б.а.]. Балтийский торговый флот в 1906 году // Русское судоходство. 1907. № 4. С. 26-41.

3. *Беленкин Б.* О некоторых особенностях жизнеописания (второй половины 1950-х – середины 1980-х) советских государственных и партийных деятелей – жертв политических репрессий // Право на имя. Биографика XX века: чтения памяти В. Иофе. Избранное. 2003-2012 / Отв. ред. *Т.Б. Притыкина*. СПб.: Норма, 2013. С. 582-595.

4. *Белицкий С.* Златоустовская операция (Стратегический очерк) // Сборник трудов Военно-научного общества при Военной академии. 1923. Кн. 4. С. 5-35.

5. *Белицкий С.М.* Стратегические резервы в современной войне // Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917-1940 гг.). М., 1965. С. 346-361.

6. *Бердникова Е.В.* Гражданская война и интервенты в Сибири // Освобождение Сибири от Колчака. Новосибирск: Обл. гос. изд-во, 1939. С. 3-53.

7. *Бессонов Б.* Явление биографики в науке и в практике (литературоведческая специфика): тезисы доклада // Право на имя. Биографии XX века: чтения памяти В. Иофе (18-19 апреля 2003 г., г. Санкт-Петербург) / Под ред. *В.М. Воронкова* и др. СПб.: Мемориал, 2004. С. 37-39.

8. *Билевич О.И.* Героические и трагические страницы обороны Сморгони // Вестник Брестского государственного технического университета. Гуманитарные науки. 2014. № 6(90). С. 3-5.

9. *Болтин Е.* В.И. Чапаев // Военно-исторический журнал. 1940. № 1. С. 95-104.

10. *Бринюк Н.Ю.* Июль 1919 года в жизни генерала Каппеля // URL: http://rusk.ru/st.php?idar=67015.htm (дата обращения: 30.03.2016).

11. *Бурдье П.* Биографическая иллюзия // Интер. 2002. № 1. С. 75-84.

12. *Бурдье П.* Социальное пространство и символическая власть // THESIS. 1993.

Вып. 2. С. 137-150.

13. *Буторов.* Герои 5-й армии // Красная армия на Востоке: печатный орган РВС 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа (Иркутск). 1922. № 7. С. 16-17.

14. *Варгин Н.* От Омска до Новониколаевска // Военно-исторический журнал. 1961. № 7. С. 114-121.

15. *Варгин Н.Ф.* Из истории борьбы с Колчаком // Вестник Ленинградского университета. Серия: История, язык, литература. 1960. № 20. Вып. 4. С. 40-53.

16. *Васильев Г.А.* Кемчуг-Красноярская операция Красной Армии против колчаковских и интервенционистских войск // Труды Сибирского лесотехнического института. 1958. Сб. XXVIII. Вып. VI. С. 77-92.

17. *Васьковский О.А.* Проблематика истории гражданской войны на Урале в современной исторической литературе // Ученые записки Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Серия историческая. 1967. № 78. Вып. 11 (Вопросы историографии Гражданской войны на Урале). С. 3-165.

18. *Вахрушев В.П.* Значение Восточного фронта для победы пролетарской революции (1918-1920 гг.) // Труды Московского нефтяного института им. И.М. Губкина. 1957. Т. 21. С. 21-36.

19. *Ветринский Ч.* Народное образование и общественная жизнь у латышей (из очерка) // Наша страна. Картины природы и быта народов России / Сост. *Д. Тимковский.* М.: Типогр. Т-ва И.Д. Сытина, 1910. С. 118-129.

20. *Вольпе А.М.* Петропавловская операция // Сборник трудов Военно-научного общества при Военной академии. 1922. Кн. 3. С. 77-107.

21. *Воронков В.* Разгром Колчака // Война и революция. 1934. Кн. 2. С. 58-64.

22. *Ганеев Р.Г.* Контрнаступление войск Южной группы Восточного фронта и освобождение Уфы от колчаковцев // Вопросы истории Башкирии. Вып. 2 (Советский период) / Под ред. *Г.Х. Ахмадиева.* Уфа: [Б.и.], 1972. С. 14-25.

23. *Ганин А.В.* Враздробь, или почему Колчак не дошел до Волги? // Родина. 2008. № 3. С. 63-74.

24. *Голофаст В.* Концепции индивида и пространство биографий // Право на имя. Биографика XX века: чтения памяти В. Иофе. Избранное. 2003-2012 / Отв. ред. *Т.Б. Притыкина*. СПб., 2013. С. 399-412.

25. *Голубев А.* Г. Эйхе. Форсирование реки Белой частями V армии Восточного

фронта в июне 1919 года // Военный вестник. 1928. № 19. С. 61-62.
26. *Горелик Я.* О полководческой и военно-научной деятельности Маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского // Военно-исторический журнал. 1961. № 7. С. 45-55.
27. *Горелик Я., Солоницын Г.* Достижение внезапности в Златоустовской операции (1919 г.) // Военно-исторический журнал. 1977. № 5. С. 80-85.
28. *Данилов С.* Уничтоженная родина // Начало века (Томск). 2010. № 2. С. 185-196.
29. *Дашков С.* О командарме Пятой // Сибирские огни. 1974. № 2. С. 151-158.
30. *Дунаева Ю.В.* Историческая биография: упадок или возрождение? (Аналитический обзор) // Историческая биография: современные подходы и методы исследования. Сб. обзоров и рефератов / Под ред. *Ю.В. Дунаевой.* М.: ИНИОН РАН, 2011. С. 8-34.
31. *Екабсонс Э.* Этнические латыши в командном составе русской армии. 1907-1914 гг. // Россия и Латвия в потоке истории. 2-я пол. XIX – 1-я пол. XX в. / Отв. ред. *Е.Л. Назарова.* М.: ИВИ РАН, 2015. С. 61-122.
32. *Жигалин Я.П.* О книге Г.Х. Эйхе «Опрокинутый тыл» // Сибирские огни. 1968. № 1. С. 183-187.
33. *Заболотный М.Б.* Первый Главком ДВР // Блокнот агитатора. Журнал отдела пропаганды и агитации Приморского крайкома КПСС. 1971. № 2. С. 22-24.
34. *Заболотный М.Б.* Пятая армия в борьбе за Южный Урал // Из истории Южного Урала и Зауралья. Вып. V / Отв. ред. *В.Е. Четин.* Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1971. С. 110-125.
35. *Заец А.* К 90-летию Златоустовской операции // Военный историк (Екатеринбург). 2009. № 3(3). С. 3-4.
36. *Зайончковский А.* Восточный фронт. Контрманевр Южной группы. Апрель-май 1919 года // Сборник трудов Военной академии. 1926. Кн. 1. С. 3-29.
37. *Зельвенский Д.А.* О роли 5-й армии в освобождении Сибири от колчаковцев // К 50-летию освобождения Сибири от колчаковщины: Мат. науч. конференции / Под ред. *И.М. Разгона.* Вып. 1. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1970. С. 23-27.
38. *Зелюкина Т.С.* Участие латышских художников в культурной жизни России (1900-1910-е гг.) // Россия и Балтия. Народы и страны. Вторая пол. XIX – 30-е гг. XX в. / Отв. ред. *А.О. Чубарьян.* М.: ИВИ РАН, 2000. С. 66-78.

39. *Кравченко И.* Характерные черты наступательных операций Красной Армии в гражданской войне // Военно-исторический журнал. 1976. № 3. С. 96-102.
40. *Крушанов А.И.* Задачи научно-исследовательской работы по истории социалистического и коммунистического строительства на Дальнем Востоке в свете решений XXII Съезда КПСС // Вопросы истории советского Дальнего Востока. Кн. 1 / Отв. ред. *А.И. Крушанов.* Владивосток: СО РАН, 1963. С. 5-23.
41. *Кузнецов И.И.* Освобождение Красной Армией Восточной Сибири // Труды Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова. Серия Историческая. 1961. Т. XXIX. Вып. 2. С. 44-72.
42. *Кузьмин Н., Найда С., Петров Ю., Шишкин С.* О некоторых вопросах истории гражданской войны // Коммунист. 1956. № 12. С. 54-71.
43. *Купцов И.В.* Челябинск. Июль-август 1919 года // Челябинск неизвестный: краевед. сб. Вып. 3 / Сост. *В.С. Боже.* Челябинск: ЦИКНЧ, 2002. С. 241-333.
44. *Ларьков Н.С.* В.И. Ленин о партизанщине в годы гражданской войны // Классы и партии в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции: Сб. статей / Отв. ред. *И.М. Разгон.* Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1977. С. 127-136.
45. *Лукашук Н.И.* Народно-революционная армия Дальневосточной республики – один из боевых отрядов Красной Армии // Научные труды Новосибирского университета. Серия историческая. 1972. Вып. 5. С. 3-15.
46. *Марыняк А.В.* «Последний резерв Империи»: призыв воспитанников высших учебных заведений в годы Первой мировой войны // Военная история России XIX-XX вв. Материалы IV Международной военно-исторической конференции / Под ред. *А.В. Арановича.* СПб.: СПбГУТД, 2011. С. 228-252.
47. *Молоков И.Е.* Военно-экономическая помощь Сибири Дальневосточной республике // Научные труды Омской высшей школы милиции. 1971. Вып. 8. С. 91-107.
48. *Молоков И.Е.* Роль Сибревкома в освобождении Сибири // Научные труды Омской высшей школы милиции. 1971. Вып. 8. С. 108-129.
49. *Молоков И.Е.* Г.Х. Эйхе (1893-1968) // Герои огненных лет: очерки / Сост. *И.Е. Молоков.* Омск: Кн. изд-во, 1989. С. 99-108.
50. МосВОКУ. Выпуск 1918 г. // URL: http://mosvoku.narod.ru/18/1918.htm (дата обращения: 8.11.2015).

51. *Мухачев Б.И.* Председатель Правительства ДВР А.М. Краснощеков как политический и государственный деятель // Из истории Дальневосточной республики: Сб. науч. трудов / Ред. кол.: *Э.В. Ермакова* и др. Владивосток: ДВО РАН, 1992. С. 54-86.

52. *Н.Г.* Оперативная история 5-й армии (историческая справка) // Красная армия на Востоке: печатный орган РВС 5-й армии и Восточно-Сибирского военного округа (Иркутск). 1922. № 7. С. 12-15.

53. *Н.Л.* Г. Эйхе. Форсирование реки Белой частями V армии Восточного фронта в июне 1919 года // Война и революция. 1928. Кн. 6. С. 158-159.

54. *Назарова Е.Л.* Латышские педагоги в России // Интеллигенция в многонациональной империи: русские, латыши, немцы. XIX – начало XX в. / Ред. кол.: *А.В. Гаврилин* и др. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 128-220.

55. *Назыров П.Ф.* Челябинск в 1918-1919 гг (Из истории города периода гражданской войны) // Челябинск неизвестный: краевед. сб. Вып. 1 / Сост. *В.С. Боже.* Челябинск: ЦИКНЧ, 1996. С. 90-103.

56. *Новицкий Ф.* Контрудар по Колчаку (1919 г.) // Военно-исторический журнал. 1940. № 10. 29-55.

57. *Пеленберг Де.* Боевая подготовка войск // Военный сборник. 1911. № 10. С. 1-8.

58. *Плешаков И.Н.* Тыловые гарнизоны Первой мировой войны (на примере Саратовской губернии) // Доклады Академии военных наук. 2006. № 5(23). С. 90-101.

59. *Плотников И.Ф.* Челябинск: разработка стратегического плана наступления Русской армии А.В. Колчака, успехи в его осуществлении и последующий провал (февраль-май 1919 г.) // Урал в событиях 1917-1921 гг.: актуальные проблемы изучения. Материалы регионального научного семинара 24-25 апреля 1999 г., г. Челябинск / Под ред. *И.В. Нарского.* Челябинск, 1999. С. 73-97.

60. *Поляк А.* Действия 5-й Красной армии от р. Тобол до озера Байкал (Краткий стратегический очерк) // Сборник трудов военно-научного общества. 1922. Кн. 2. С. 70-105.

61. *Посадский А.В.* Большинство населения было готово на жертвы. Коллективный портрет добровольцев Саратовской губернии // Военно-исторический журнал. 2001. № 9. С. 65-67.

62. *Попова Т.Н.* Историография в человеческом измерении // Історіографічні дослідження в Україні. 2012. № 22. С. 265-292.

63. *Репина Л.П.* От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: Историческая биография сегодня. 2-е изд. / Под ред. *Л.П. Репиной.* М.: Квадрига, 2010. С. 55-74.

64. *Розенберг П., Малышев Н.* Описание операций 5-й армии в районе Западной Сибири 1 октября – 16 ноября 1919 г. // Военная наука и революция. 1921. № 1. С. 127-183.

65. *Рыбин Д.* Уфимская операция 1919 г. // Сборник трудов военно-научного общества при Военной академии. 1923. Кн. 4. С. 36-62.

66. *Санина И.И.* Роберт Индрикович Эйхе (к 75-летию со дня рождения) // Вопросы истории КПСС. 1965. № 7. С. 92-97.

67. *Санчук П.* Челябинская операция летом 1919 г. // Война и революция. 1930. № 11. С. 63-83.

68. *Симонов Д.Г.* К истории формирования 1-го Волжского армейского корпуса генерала В.О. Каппеля // Власть и общество в Сибири в XX веке: Сб. науч. ст. Вып. 6 / Отв. ред. *В.И. Шишкин.* Новосибирск: Параллель, 2015. С. 68-82.

69. *Сливко С.В.* Деятельность Дальистпарта по изучению интервенции и Гражданской войны на Дальнем Востоке в 1930-е гг. // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918-1922 гг.): Сб. науч. ст. Вып. 6 / Ред. кол.: *Н.И. Рубан* и др. Хабаровск: Краев. музей им. Н.И. Гродекова, 2013. С. 216-236.

70. *Смирнов А.* Златоустовская операция (Оперативно-тактический очерк) // Война и революция. 1933. Ноябрь-декабрь. С. 63-74.

71. *Смоленцев-Соболь Н.Н.* Ижевское восстание // Верность (Миннеаполис, США). 2010. № 152. URL: http://www.metanthonymemorial.org/VernostNo152.html (дата обращения: 29.07.2016).

72. *Сологуб К.Н.* Профессиональный статус вольноопределяющихся и охотников Русской императорской армии и флота (1874-1917 гг.) // Генеалогия. 2010. № 13. С. 94-130.

73. *Стромов П.А.* Рейд 26-й стрелковой дивизии 5-й армии «красных» по руслу реки Юрюзань в 1919 году // URL: http://рвио74.рф/2016/09/06/рейд-26-й-стрелковой-дивизии-5-й-армии-к (дата обращения: 16.04.2017).

74. *Тимошков С.* Разгром южной армии Колчака (август-сентябрь 1919 г.) // Во-

енно-исторический журнал. 1940. № 3. С. 33-56.

75. *Чернавин В.В.* К вопросу об офицерском составе Старой Русской армии к концу ее существования // Военный сборник. Кн. 5. Белград: [Б.и.], 1924. С. 213-230.

76. *Шведов И.С.* Разгром 5-й армии // Сборник трудов военно-научного общества. 1922. Кн. 3. С. 40-58.

77. *Шерешевский Б.* Как создавалась Народно-революционная армия Дальневосточной республики // Военно-исторический журнал. 1966. № 5. С. 104-108.

78. *Шиндялов Н.А.* Ликвидация «Читинской пробки» // Россия и АТР. 2011. № 1. С. 5-18.

79. *Шкурин Я.* Г. Эйхе. Тактические поучения гражданской войны // Война и революция. 1931. Кн. 6. С. 93-95.

80. *Шувалов А.А.* Причины выбора представителями Русского офицерского корпуса противоборствующей стороны в конце 1917 – начале 1918 г. // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2 (2). С. 103-105.

81. *Шуклецов В.Т.* Из истории объединения партизан Западной Сибири с войсками 5-й армии // Ученые записки Новосибирского педагогического института. 1972. Вып. 73. С. 48-65.

82. *Bourdieu P.* Espace social et genèse des «classes» // Actes de la recherche en sciences sociales. 1984. Vol. 52-53. P. 3-14.

83. *Bourdieu P.* Espaço físico, espaço social e espaço físico apropriado // Estudos avançados. 2013. Vol. 27. No. 79. P. 133-144.

84. *Čehlovs A.* Armijas komandiera liktenis // Horizonts. 1988. № 2. Lp. 17-20.

85. *Keren M.* Biography and historiography: The case of David Ben-Gurion // Biography. Vol. 23. No. 2. Hawaii: University of Hawai`i press, 2000. P. 332-351.

86. *Levi G.* Les usages de la biographie // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 1989. 44 Année. No. 6. P. 1325-1336.

87. *Painter N.I.* Ut Pictura Poesis, or, Sisterhood of the Verbal and Visual Arts // Writing Biography. Historians and their Craft / Edited by *Lloyd E. Ambrosius*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2004. P. 103-131.

88. *Riall L.* The shallow end of history? The substance and future of political biography // Journal of Interdisciplinary History. 2010. Vol. 40. No. 3. P. 375-397.

89. *Smith G.* Canada and Siberian intervention, 1918-1919 // The American History

Review. 1959. Vol. 64. No. 4. P. 866-877.
90. *Spilerman S.* Careers, Labor Market Structure, and Socioeconomic Achievement // American Journal of Sociology. 1977. Vol. 83. No. 3. P. 551-593.
91. *Walker D.A.* Biography and the study of the history of economic thought // Research in the History of Economic Thought and Methodology. 1983. Vol. 1. P. 41-59.

Справочные издания

1. Адрес-справочник г. Москвы. 1897 г. / Под ред. *С.К. Архангельского.* М.: Тов. скоропечатни А.А. Левенсон, 1896. 1311 с.
2. *Александров К.М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова. 1944-1945. СПб.: Блиц, 2001. 359 с.
3. База данных «Участники Белого движения в России». Буква «Д». С. 22 // URL: http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_05-D.pdf (дата обращения: 7.12.2016).
4. *Баранов С.М. и др*. Уральский меридиан. Тематические маршруты: путеводитель-справочник. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1986. 223 с.
5. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. / Гл. ред. *А.М. Прохоров.* Т. 29. М.: Сов. энциклопедия, 1978. 639 с.
6. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь / *Под ред. К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского.* Т. XXV. СПб.: Типолитография И.А. Ефрона, 1898. 478 с.
7. *Василевский Н.А.* Руководство для штаб-офицеров и капитанов, подвергающихся испытанию при зачислении в кандидаты на должности уездных воинских начальников и справочная книга для уездных воинских начальников. 7-е изд. М.: Изд. В.А. Березовского, 1910. 1262 с.
8. Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия / Гл. ред. *С.С. Хромов.* М.: Сов. энциклопедия, 1983. 703 с.
9. *Жуковская В.* Робертс Эйдеманис: биобиблиограф. указ. Рига: Гос. б-ка Латв. ССР, 1979. 102 с.
10. *Левкин Г.Г.* Командиры и политработники Народно-Революционной армии Дальневосточной республики. Краткий справочник. Хабаровск: Хабар. краев. краевед. музей им. Н.И. Гродекова, 2002. 141 с.
11. Новейшая военная энциклопедия / Ред. кол.: *А.П. Горкин* и др. М.: РИПОЛ

классик, 2007. 1664 с.
12. По Риге и ее окрестностям. Иллюстрированный путеводитель. Составлен по немецкому изданию К. Меттига. 5-е изд., испр. Рига: Ионк и Полиевский, 1912. 112 с.
13. *Плотников И.Ф.* Гражданская война на Урале (1917-1922 гг.). Энциклопедия и библиография. В 3-х т. Т. 2. Екатеринбург: Банк культур. информации, 2007. 208 с.
14. Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и Почетным революционным оружием. М.: Гос. воен. изд-во, 1926. 303 с.
15. Советская военная энциклопедия / Гл. ред. комис.: *Н.В. Огарков* и др. Т. 8. М.: Воениздат, 1980. 687 с.
16. Советская историческая энциклопедия / Гл. ред. *Е.М. Жуков.* Т. 16. М.: Сов. энциклопедия, 1976. 1002 с.
17. Статистический ежегодник России. 1914 г. (одиннадцатый год издания). Пг.: Изд. ЦСУ МВД, 1915. 705 с.
18. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М.: Аквилон, 2014. 575 с.
19. Челябинск: энциклопедия / Сост. *В.С. Боже, В.А. Черноземцев*. Изд. испр. и доп. Челябинск: Каменный пояс, 2001. 1112 с.
20. Челябинская область: энциклопедия / Гл. ред. *К.Н. Бочкарев.* Т. 7. Челябинск: Каменный пояс, 2006. 736 с.
21. *Черушев Н.С., Черушев Ю.Н.* Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937-1941. Биограф. словарь. М.: Кучково поле; Мегаполис, 2012. 496 с.
22. Энциклопедия города Омска / Под ред. *И.А. Кольца* и др. Т. 3. Омск в лицах. Кн. 2. Омск: ООО «Издатель-Полиграфист», 2011. 692 с.

Приложение

Фотографические материалы

1. Г.Х. Эйхе – выпускник III Петергофской школы ускоренной подготовки офицеров. 1915 г.
Публикуется впервые.
Источник: Новосибирский государственный краеведческий музей (НГКМ). Ед. хр. № ОФ-13896

2. Г.Х. Эйхе. 1919-1920 гг.
Источник: Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-2190. Оп. 1. Д. 150

3. Работники полевого управления 26-й стрелковой дивизии 5-й армии РККА. Во втором ряду (слева направо): третий – начальник штаба дивизии Ф.В. Егоров, четвертый – начальник дивизии Г.Х. Эйхе, пятый – военный комиссар дивизии Н.К. Гончаров, шестой – помощник начальника штаба дивизии С.М. Белицкий. Не позднее августа 1919 г.
Источник: Разгром Колчака: Воспоминания / Сост. *Л.М. Спирин.* М., 1969

4. Г.Х. Эйхе за работой в личном поезде. 1920 г.
Публикуется впервые.
Источник: Новосибирский государственный краеведческий музей (НГКМ). Ед. хр. № ОФ-11395

5. Г.Х. Эйхе (первый слева) в личном поезде с группой работников армии. 1920 г. Публикуется впервые.
Источник: Новосибирский государственный краеведческий музей (НГКМ). Ед. хр. № НВ-12248

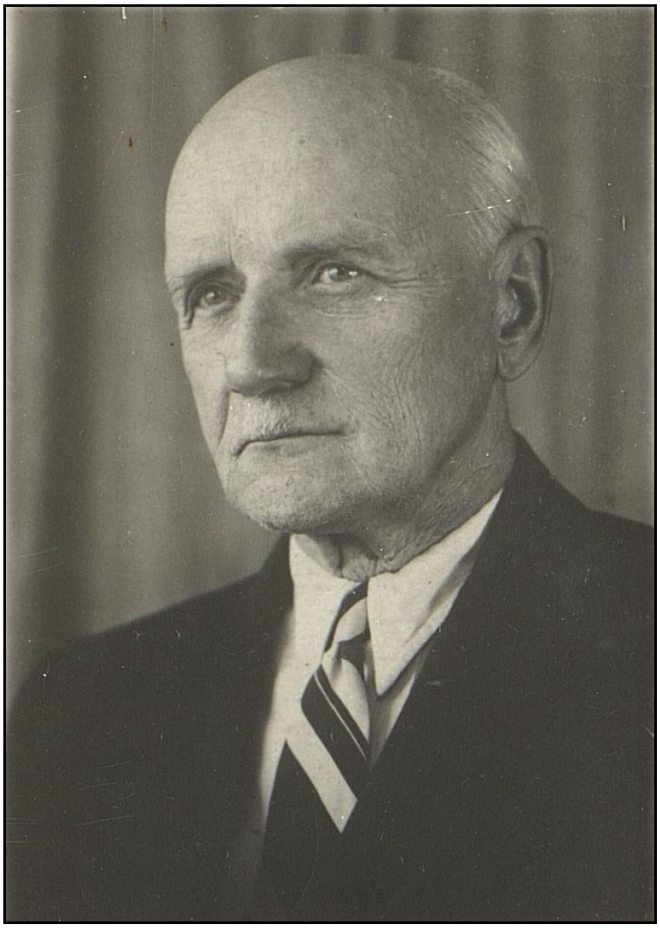
6. Главнокомандующий всеми вооруженными силами Дальневосточной республики Г.Х. Эйхе принимает парад войск. 1921 г.
Источник: *Тарасов Е.П.* Красном Генрих Эйхе. М., 1975

7. Главнокомандующий всеми вооруженными силами Дальневосточной республики Г.Х. Эйхе (третий слева) в кругу руководящих работников армии. 1921 г.
Источник: *Тарасов Е.П.* Красном Генрих Эйхе. М., 1975

8. Г.Х. Эйхе – ответственный работник структур Министерства внешней торговли СССР.
Середина 1930-х гг.
Публикуется впервые.
Источник: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 870. Оп. 266. Д. 190

9. Г.Х. Эйхе – Персональный пенсионер союзного значения СССР.
Середина 1960-х гг.
Публикуется впервые.
Источник: Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-11969. Оп. 2. Д. 79

10. М.А. Эйхе (урожденная Иванова) – супруга Г.Х. Эйхе.
Приблизительно 1943-1946 гг.
Публикуется впервые.
Источник: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-150. Оп. 1. Д. 1024. Л. 2

11. Открытие памятника Г.Х. Эйхе на Введенском кладбище г. Москвы.
30 марта 1975 г.
Публикуется впервые.
Источник: Новосибирский государственный краеведческий музей (НГКМ). Ед. хр. № ОФ-16199/2

12. Открытие памятника Г.Х. Эйхе на Введенском кладбище г. Москвы, в первом ряду: четвертая – П.В. Гевлич, шестая – Н.Г. Эйхе. 30 марта 1975 г.
Публикуется впервые.
Источник: Новосибирский государственный краеведческий музей (НГКМ). Ед. хр. № ОФ-16199/3